СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 6.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ

ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

XVIII—XXIV.

Академика А. Н. Веселовскаго.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, іюнь 1891 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

XVIII.

Вѣщаніе Вёльвы (Vǫluspá) и новѣйшая экзегеза.

Только что вышелъ въ переводѣ Бреннера третій выпускъ Bugge, Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensagen, въ которомъ нѣкоторые *образы* Vǫluspá были разъяснены при свѣтѣ христіанскихъ источниковъ, какъ за нимъ послѣдовала книга Elard Hugo Meyer'a, Völuspa (Berlin 1889), идущая по тѣмъ-же стезямъ, пытающаяся истолковать, по возможности, *весь* составъ сѣверной поэмы, и обличающая крайностью своихъ выводовъ увлеченія — новообращеннаго. Проф. Мейеръ извѣстенъ былъ дотолѣ, какъ авторъ Indogermanische Mythen и издатель Гриммовой миѳологіи; въ области миѳологіи онъ исповѣдуетъ спасительность *сравнительнаго* метода: еслибы Гриммы и другіе «Baumeister» глубже оцѣнили значеніе этого метода, они не поставили бы въ основу своего построенія такія поздніе и ненародныя преданія, какъ космогоническія басни Эдды (стр. 293), говоритъ Мейеръ. Самъ онъ разувѣрился въ ихъ древности и миѳологической пригодности, но и мы не вѣримъ, чтобы къ такому взгляду онъ приведенъ былъ лишь болѣе широкой практикой сравненія. Его предыдущіе труды не оправдываютъ и не приготовляютъ такого *историческаго* взгляда; къ нему послѣдовательно приводили труды другаго характера: вначалѣ указанія и сомнѣнія, гипотезы и постановка параллелей — наконецъ болѣе откровенное признаніе и соотвѣтствующая разработка частностей, особливо въ работахъ Бугге. Его *научный* починъ надо было подчеркнуть яснѣе, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ

въ своей вводной главѣ (стр. 1 слѣд.); только работы Бугге вызвали въ нѣмецкомъ и скандинавскомъ ученомъ мірѣ расколъ миѳологовъ и страстную полемику, крайнее отрицаніе и вѣру угольщика [1]), тогда какъ предыдущія попытки того-же рода не выходили изъ сферы чаяній и недоказанностей; не вызывали протеста и не создали школы.

О воззрѣніяхъ и методѣ Бугге мнѣ не разъ приходилось говорить (сл. Разысканія гл. VII, стр. 264, 353; сл. Дополненія и поправки къ 5-му выпуску Разысканій, стр. 351 слѣд.); воззрѣнія и методъ Мейера выяснятся изъ послѣдующаго. Одно общее замѣченіе будетъ умѣстно здѣсь-же. Какъ у всякаго миѳолога «сравнительнаго направленія», у Мейера находится въ распоряженіи нѣсколько обобщеній, нѣсколько растяжимыхъ формулъ, которыми онъ привыкъ орудовать. Онъ вѣритъ напр. что Геймдаллъ богъ радуги (стр. 16), что валькиріи, норны—облачныя дѣвы (стр. 180), въ которыхъ воплотились свѣтовыя явленія грозы, причемъ валькиріи не что иное, какъ норны, поставленныя на военную ногу (стр. 135) [2]); что великанъ Eggþér, сидящій на холмѣ и бряцающій на арфѣ, сторожъ исполинши—демонъ вѣтра, преимущественно утренняго (стр. 175—6) и т. п. Съ другой стороны передъ авторомъ раскрылось богатство христіанской символики и иносказанія, текучее до безформенности, не знающее точныхъ границъ: библейскія сказанія являлись прообразомъ евангельскихъ, не только въ общемъ, но и въ мелочахъ; все въ природѣ и человѣкѣ вѣщало о Богѣ, могло быть истолковано какъ аллегорія таинствъ искупленія, Троицы; Физіологи давали матеріалъ для самыхъ неожиданныхъ, часто противорѣчивыхъ отождествленій; въ числѣ «семидесяти именъ Богу» стоитъ и трапеза и камень, домъ и глава, женихъ, солнце, левъ, источникъ, дверь. Если въ завѣдомо христіанскомъ текстѣ встрѣчаются нѣкоторые изъ этихъ аллегорическо-символическихъ

---

[1]) Сл. между прочимъ относящіяся сюда замѣтки въ Am Ur-Quell, №№ 5 и 7.

[2]) О валькиріяхъ въ связи съ славянскими вилами сл. Разысканія, вып. V, гл. XV; о вилахъ въ Славоніи—матеріалъ въ Ausland 1889, № 48 (Krauss).

образовъ, мы вправѣ подсказать имъ ихъ «толкъ»; въ статьѣ, христіанство которой еще искомо, надо умѣть остеречься и не во всякомъ источникѣ искать прообразованія Бога. Критеріемъ точнаго (относительно) толкованія должно служить въ такихъ случаяхъ не только цѣльность и связность получаемой аллегоріи, но и разборчивость въ средствахъ, которыми то и другое достигается; интерпретація частностей и ихъ сочетаній должна держаться въ границахъ мыслимыхъ и практикуемыхъ въ христіанской символикѣ и избѣгать противорѣчій. Разумѣется, этотъ критерій одностороненъ—по отношенію къ памятнику, въ которомъ христіанскіе моменты причудливо смѣшаны съ языческими, приноровлены къ нимъ. Здѣсь возможны два случая: язычникъ, который усваиваетъ образы и символы христіанскаго вѣроученія, переводя ихъ на свой языкъ, пріурочивая чужое съ своему, исходитъ изъ своего, языческаго міросозерцанія, которое и станетъ для насъ критеріемъ; при помощи его мы постараемся выдѣлить въ его трудѣ внѣшніе сюжеты христіанства. Мейеръ предполагаетъ другой случай: авторъ Vǫluspá, т. е. ея древняго текста, былъ не только христіанинъ, но и человѣкъ ученый по своему времени, прошедшій богословскую школу, вмѣстѣ съ тѣмъ стоявшій среди богатаго, литературно развитаго языческаго преданія, миѳа, поэтическаго стиля. Всѣмъ этимъ онъ пользуется для выраженія христіанскихъ, отвлеченныхъ идей, какъ средневѣковые аллегористы не гнушались классическими миѳами, чтобы вложить въ нихъ иносказательный смыслъ, какъ христіанскій авторъ Слова о Полку говоритъ о внукѣ Дажь-бога. Такой предполагаемый авторъ подлежитъ другой оцѣнкѣ, и къ нему мы можемъ обратить требованіе, которое предъявили и его изслѣдователю: онъ будетъ стоять на почвѣ христіанской символики; подыскивая къ ней соотвѣтствующіе образы сѣвернаго миѳа, постарается быть точнымъ, чтобы быть понятнымъ. По мнѣнію г. Мейера онъ поступалъ наоборотъ: игралъ кое-когда въ прятки (Versteckenspiel, стр. 230), можетъ быть, одни лишь его друзья и ученики и были посвящены въ тайный смыслъ того

«стилистическаго упражненія высокообразованнаго богослова», которое зовется — Vǫluspá (стр. 267)! Полагаю, что и ученики и друзья многаго не поняли-бы въ этомъ упражненіи безъ руководства учителя, какъ и мы—безъ комментарія его толкователя.

Я не отрицаю, что въ этомъ комментаріи есть въ цѣломъ и частностяхъ много подкупающаго; но мы помнимъ, что средства не искупаются цѣлью, и потому остаемся въ сомнѣніи.

Начну съ частнаго факта, разборъ котораго поведетъ и къ обобщенію [1]).

Въ строфахъ 16—18 вѣщая жена говоритъ: «Я знаю, что рогъ Геймдалла сокрытъ подъ славнымъ, святымъ древомъ; вижу рѣку изливающуюся свѣтлымъ (? сл. стр. 87) потокомъ изъ залога Одина. — Одна сидѣла она, когда пришелъ старикъ, страшный изъ Азовъ (Одинъ) и глянулъ ей въ глаза. «О чемъ спрашиваешь, о чемъ пытаешь меня? Все знаю я, Одинъ, знаю, куда ты спряталъ глазъ.—Она знаетъ, что глазъ Одина спрятанъ въ славномъ родникѣ Мимира; каждое утро пьетъ Мимиръ изъ залога Одина».

Обычное объясненіе этихъ строфъ, съ точки зрѣнія наличнаго сѣвернаго миѳа, такое: подъ міровымъ деревомъ, Иггдразиломъ, скрытъ рогъ Геймдалла, въ который она затрубитъ въ послѣдніе дни; подъ Иггдразиломъ (подъ однимъ изъ его корней) находится и родникъ Мимира, досвѣтнаго, премудраго великана. Чтобы причаститься къ этой мудрости, отвѣдать воды изъ родника, Одинъ далъ когда-то въ залогъ Мимиру свой глазъ: онъ и спрятанъ въ родникѣ, на который распространенъ символъ (kenning) глаза: «залогъ Одина»; отъ залога Одина, т. е. изъ родника, каждое утро вкушаетъ Мимира.

Уже давно указано было на сходство представленій объ Иггдразилѣ съ крестнымъ древомъ христіанской легенды и средневѣковыхъ представленій; новыя изслѣдованія болѣе и болѣе склонны замѣнить идею сходства — идеей тождества, не исключающаго, а предполагающаго существованіе народныхъ обра-

[1]) Мы цитуемъ далѣе по тексту автора, слѣдуя его номераціи строфъ.

зовъ и вѣрованій, пошедшихъ на встрѣчу чужимъ и приготовившихъ ихъ усвоеніе. Мейеръ не разъ указываетъ для Vǫluspá элементы языческаго миѳа, не только въ интерполяціяхъ, но и въ составѣ древняго текста; но его слѣдовало допустить и въ большемъ количествѣ, какъ общій усвояющій субстратъ, надо было напр. серьознѣе остановиться на вопросѣ о Ванахъ, прежде чѣмъ объявить ихъ миѳы поздними, дѣланными (стр. 102), истолковать борьбу Азовъ съ Ванами въ Vǫluspá — пересказомъ легенды о борьбѣ, подъятой Богомъ противъ отпадшихъ ангеловъ (стр. 100) и т. п.

Обратимся къ анализу приведенныхъ выше строфъ и къ толкованію ихъ Мейеромъ.

Святое, славное древо — это Иггдразилъ, крестное древо. Но что означаетъ скрытый подъ нимъ рогъ Геймдалла? Собственно не рогъ, а hljóð: звукъ, слухъ и т. д. Мейеръ (стр. 119) нашелъ у средневѣковыхъ богословъ-толкователей выраженіе для четырехъ оконечностей креста: *cornua;* у бл. Августина (Sermo I in Vigilia Pentecostes № 181) толкованіе: crux habet et profundum, hoc est quod in terra figitur et non videtur;... profundum autem, quod terrae infixum est, *secretum sacramenti* praefigurat;... attende profundum. *Gratia Dei* est in occulto voluntatis ejus. У Одилона изъ Clugny нижняя часть креста означаетъ «*inscrutabilia judicia Dei*», у Гонорія изъ Autun: *occulta Dei misericordia* (стр. 117). Итакъ нижній, спускающійся въ землю отростокъ, cornu креста символизуетъ божію милость и милосердіе (стр. 120); ученый богословъ, составитель Vǫluspá, безсознательно или нѣтъ смѣшалъ cornu: рогъ, отростокъ—и cornu: рогъ, труба—и получился образъ рога, спрятаннаго подъ деревомъ, тогда какъ дѣло идетъ о нижней оконечности крестнаго древа, какъ-бы находящейся подъ нимъ, въ землѣ. Я поставилъ нерѣшеннымъ вопросъ о сознательности, ибо его не ставитъ и авторъ; судя по стр. 198 составитель Vǫluspá способенъ былъ и на большее; у Беды въ числѣ знаменій страшнаго суда стоитъ и слѣдующее: «quarta die pisces maris et omnium fluminum

elevant se super aquam et pugnant inter se cum magno sonitu et interficient se, et sic *aqua portabit eos mortuos*». Это aqua принято было за aquila; такъ явился въ строфѣ 50 образъ орла, терзающаго мертвецовъ!—Такъ въ Vafþrúðnismál 18 названіе поля, гдѣ будетъ происходить битва Сурта съ богами: Vígriðr объясняется изъ апокалипсическаго (Апок. XVI, 16) Армагеддонъ, причемъ начальное arma было понято, какъ лат. arma и переведено метонимически словомъ víg — бой (стр. 209).

Разумѣется при объясненіи рога = cornu: распятія Геймдаллъ можетъ означать только *Христа* (стр. 21); милосердіе Христово—это и есть profundum cornu crucis (стр. 122). Это не мѣшаетъ тому-же Геймдаллу явиться въ 32-й строфѣ — *ангеломъ*, трубящимъ въ рогъ, horn; страннымъ представляется, почему, желая выразить понятіе cornu crucis, составитель употребилъ въ строфѣ 16 такое слово, которое въ рогѣ подчеркиваетъ значеніе именно *звука*. Еще страннѣе, что въ строфѣ 32-й Gjallarhorn означаетъ распятіе, крестъ, на которомъ объявится *Спаситель*, и тутъ-же говорится о *Геймдаллѣ* — трубящемъ. Оказывается, что Gjallarhorn = т. е. звучный рогъ (ср. выше hljoð) — рогъ Геймдалла (Gylfag. § 27, 56) употреблено здѣсь въ извѣстномъ намъ значеніи — cornu crucis, обобщенномъ въ цѣльное представленіе креста, — и въ то-же время Геймдаллъ отдѣленъ отъ этого представленія, ибо онъ трубитъ (190). Судя по строфѣ 16 образъ трубящаго Геймдалла выработался непосредственно изъ другого, народнаго: радуги; если такъ, то Геймдаллъ = ангелъ принадлежитъ болѣе древнему отождествленію, чѣмъ Геймдаллъ = Христосъ. Что Геймдаллъ = радуга означаетъ въ томъ-же памятникѣ и Христа и ангела, этимъ толкователь не смущается; подобныя накопленія значеній встрѣтятся намъ тотчасъ-же.

Рѣка, изливающаяся изъ залога Одина — это кровь и вода, истекающая изъ крестной раны Христа, ибо Христосъ—«pignus certissimum redemtionis» (бл. Августинъ; ср. стр. 120); Одинъ, въ этой связи, означаетъ, стало быть, первое лицо св. Троицы.

Вещества воды и крови, выражая идеи искупленія и очищенія, соединялись съ представленіемъ эвхаристіи и таинства Троицы (121); послѣднее и выражено въ нашихъ строфахъ: Одинъ — Богъ Отецъ, Геймдаллъ — Христосъ, Мимиру предоставлено, какъ увидимъ (стр. 127), замѣнить Святаго Духа. Къ этому толкованію насъ приводятъ такимъ путемъ: родникъ подъ крестнымъ древомъ въ одно и то-же время источникъ спасенія: ex latere (Christi) *fons salutis* nostrae emanat (стр. 122)—и источникъ всего̀ сущаго=Богъ Отецъ (стр. 127). Въ этомъ источникѣ и покоится его залогъ: глазъ Одина, Бога Отца. Мейеръ нашелъ у Григорія Назіанзина такія сопоставленія: Богъ Отецъ—око, Богъ сынъ — источникъ, Святой Духъ — истекающая изъ него вода; у Григорія Великаго другія: Христосъ, какъ невидимый Богъ,—скрытый источникъ, какъ Сынъ Человѣческій — откровенный, видимый источникъ, какъ Св. Духъ — двуцвѣтная радуга, питающая избранныхъ водой крещенія и жгущая ихъ пламенемъ любви. Я не понимаю отчетливо, какимъ образомъ Мейеръ, соединяя обѣ интерпретаціи, вмѣняетъ Григорію Великому представленіе Бога Отца источникомъ, Христа — окомъ (стр. 126). Это представленіе онъ и усвояетъ Vǫluspá: глазъ, залогъ Одина = Христосъ покоится въ источникѣ всего сущаго= Богѣ Отцѣ; отъ этого залога изливается съ древа (крестнаго, райскаго) вода жизни. Нельзя не признаться, что составитель Vǫluspá нещадно путалъ образы и символы: съ одной стороны говорится, что вода (рѣка) истекаетъ *отъ залога* Одина — на крестѣ, древѣ: fons salutis, съ другой этотъ залогъ—глазъ *покоится* въ родникѣ подъ деревомъ, источникѣ всего сущаго. Изъ этого родника и пьетъ Мимиръ, принадлежащій древнему языческому миѳу, но здѣсь возведенный къ значенію (zum Amt, стр. 128) Святаго Духа. Въ основѣ Mimir то-же, что Ymir, Brimir, Fornjótr (стр. 53, 54): *демонъ вѣтра, хранитель источниковъ;* въ другомъ мѣстѣ онъ понятъ какъ родъ *лѣснаго духа* (стр. 187); хранителю источниковъ естественно было очутиться у родника съ залогомъ Одина; онъ пьетъ изъ него каждое утро,

ибо Св. Духъ каждое утро приготовляетъ и освящаетъ для таинства эвхаристіи воду и вино, символы воды и крови, истекшихъ изъ раны Спасителя (стр. 128). На сколько этотъ актъ удачно выраженъ — питьемъ, о томъ я предоставляю судить другимъ; замѣчу, мимоходомъ, что Brimir (= Mímir) является въ 23-й строфѣ властителемъ поршественной палаты = рая, какъ толкуетъ Мейеръ (стр. 167). — Попытку автора Vǫluspá: представить Mímir'a — Святымъ Духомъ — онъ называетъ смѣлой, но удачной; смѣлой потому, что въ значеніи Св. Духа уже являлось въ поэмѣ, по мнѣнію толкователя, другое лицо; объ удачѣ спорить трудно. Когда въ 33-й строфѣ, въ описаніи послѣднихъ дней, сыны Мимира представляются взыгравшими, Мейеръ высказываетъ предположеніе, что разумѣются ангелы (стр. 189); указаніе на то, что ангелы относятся къ creatura spiritualis, обитаютъ въ spirituale coelum — ничего не доказываетъ; правда у Гонорія изъ Autun, Spec. 959, ангелы получаютъ свою жизнь отъ Святаго Духа, но это также обще, какъ названіе Христа: царемъ или создателемъ ангеловъ (стр. 210), какъ въ нашихъ Вопросахъ и Отвѣтахъ ангелы сотворены «отъ духа Господня и отъ свѣта Господня». — Еще разъ Мейеръ пытается удержать уравненіе: Мимиръ = Святой Духъ; дѣло касается той-же строфы, гдѣ взыграли сыны Мимира, а Одинъ бесѣдуетъ съ его — главой. Что такое эта глава — Мейеръ отказывается объяснить, но знакомое намъ отождествленіе удерживаетъ на основаніи того-же Гонорія: Filius judicium facit pro vindicta, quamvis Pater et Spiritus Sanctus (Одинъ и Mimir) ei cooperentur»!

Мы уже знакомы съ рядами отождествленій: Геймдалла съ радугой, Христомъ, ангеломъ; Mímir'a съ великанами и Св. Духомъ. Въ разсказѣ о созданіи (или скорѣе оживленіи) первыхъ людей мы встрѣчаемъ другое выраженіе для третьяго лица Троицы. Снорrова Эдда называетъ по этому поводу трехъ боговъ: Одина, Vili (воля) = Христа и Vé (святое, святыня) = Святой Духъ (сл. стр. 82); въ Vǫluspá, строфа 8: вмѣсто Vili — Hœnir, вмѣсто Vé — Lóþorr, т. е. первоначально Vlóþorr (стр. 85, 229) = жаръ,

теплота. Но какъ соединить это толкованіе съ слѣдующимъ: старый міръ погибъ, погибъ и Одинъ; въ новомъ лучшемъ мірѣ Бальдръ и Hǫrr водворятся въ палатахъ владыки, Hœnir станетъ кидать жребій: hlautvip kjósa (строфа 48). Въ выпавшемъ за тѣмъ стихѣ этой строфы стояло, по предположенію Мейера (стр. 221 слѣд.), и имя Lóðor'a, что и вѣроятно, судя по ихъ совмѣстному упоминанію выше; но на этотъ разъ и Lóþorr и Hœnir являются въ иномъ значеніи: въ эпизодѣ созданія людей они отвѣчаютъ второму и третьему лицамъ св. Троицы, здѣсь они — Энохъ и Илья (стр. 228 слѣд.), имѣющіе явиться, по христіанскому повѣрью, въ послѣдніе дни, пасть въ борьбѣ съ Антихристомъ и воскреснуть съ другими людьми (стр. 222); самое имя Hœnir'a не что иное, какъ передѣлка имени Henoch'a. Библейскія и позднѣйшія легендарныя преданія объ Энохѣ и Ильѣ могли, по мнѣнію автора, повести и къ той необычной роли, въ которой они выступаютъ въ строфѣ 8: Энохъ ходилъ съ Господомъ, былъ восхищенъ въ рай— мѣсто, гдѣ произошло созданіе людей; отсюда могли заключить, что и онъ участвовалъ въ немъ, онъ и явился показателемъ второго лица Троицы, какъ Lóþorr = Ильи вмѣсто Св. Духа: уже у Луки 1, 17 говорится о spiritus Eliae; «Св. Духъ—творчески живительное пламя, а Илья по преимуществу, огненный духъ» (стр. 229), замѣчаетъ авторъ, но это общее мѣсто миѳологической экзегезы не прикрываетъ ея слабыхъ сторонъ. Страннымъ кажется, что христіанскій авторъ Vǫluspá, умѣвшій до тонкости играть символами, введшій при ихъ помощи Илью и Эноха въ составъ сѣверной Троицы, допустилъ одно изъ ея лицъ, Одина= Бога Отца пасть въ послѣдней міровой битвѣ.—Вмѣстѣ съ нимъ палъ и Þórr, т. е. архангелъ Михаилъ (стр. 205), что не мѣшаетъ послѣднему пережить пораженіе, объявившись въ обновленномъ мірѣ подъ новымъ именемъ: Hǫrr (стр. 220), именемъ, обозначающемъ въ строфѣ 20 (въ интерполяціи; ed. Sijmons 33) нечаяннаго убійцу Бальдра-Христа, т. е. сотника Лонгина, пронзившаго распятаго Спасителя, какъ толкуютъ Бугге и Мейеръ (стр. 156). Ибо Бальдръ—Христосъ, Христа выразилъ въ началѣ Vǫluspá

и Геймдаллъ, въ строфѣ 40 Христомъ является и Víþarr, сражающій волка, въ бою съ которымъ палъ его отецъ Одинъ. Víþarr— это *возвращающійся* Бальдръ=Христосъ; онъ понадобился лишь на этотъ случай (als Vaterrächer frei geschaffen, говоритъ авторъ, (стр. 203), для новаго міра сохраняется лишь Бальдръ. Но именно въ новомъ мірѣ мы и ожидаемъ Видара (стр. 230—1), тогда какъ его появленіе въ качествѣ мстителя за отца приводитъ въ смущеніе и самаго толкователя (стр. 204, 230—1), отождествляющаго Видара съ Христомъ и на томъ еще основаніи, что по Gylfag. 29 у перваго толстый башмакъ, а Беда, толкуя слова Евангелія, что Іоаннъ Предтеча недостоенъ развязать ремни у сапога Спасителя, рѣшился на такое иносказаніе: Quis enim nesciat, quod calceamenta ex mortuis animalibus fiant? Incarnatus vero Dominus veniens quasi *calceatus* apparuit, qui in divinitate sua morticina corruptionis nostrae assumpit»! При такой свободѣ сближеній можно быть увѣреннымъ, что и другой эпитетъ Видара: молчаливый (hinn þögli Ass, l. c.) объяснился бы христіанской аллегоріей, еслибы авторъ обратилъ на него вниманіе.

Разборъ немногихъ строфъ Vǫluspá далъ намъ поводъ познакомиться съ пріемами Мейеровской экзегезы, обращающей Vǫluspá въ еще бо̀льшую загадку, чѣмъ какою она являлась прежде. Трудно представить себѣ міросозерцаніе, литературныя понятія и вкусы той среды, какъ-бы она ни была исключительна, которая находила бы поученіе въ странномъ калейдоскопѣ чередующихся именъ и противорѣчивыхъ пріуроченій. Я допускаю, что авторъ, желавшій передать на языческій, конкретный манеръ отвлеченное ученіе и символику христіанства, могъ создать напр. такое нарицательное, какъ Viðar (: снова), для выраженія представленія о *возвращающемся* Христѣ; это какъ будто эпитетъ Бальдра — Христа, который можно было и забыть, когда нѣтъ болѣе нужды въ его опредѣленности. Я понялъ бы неограниченно свободное орудованіе такими именами, какъ Hœrr, Mímir, Heimdallr, еслибъ они еще ощущались, какъ нарицательныя, не отложившіяся въ прочныхъ образахъ и соотвѣт-

ствующихъ имъ миѳахъ; еслибы другими словами въ пору вторженія христіанскихъ идей сѣверная миѳологія была чѣмъ-то текучимъ и слагающимся, безъ центра и Олимпа и отвѣчающаго ему культа: Lóþorr напр. былъ бы просто «жаркій» и т. п. Крѣпкія и точныя формы вѣрованія, миѳа обязываютъ: Hǫðr—Лонгинъ и Hǫþr = арх. Михаилъ рядомъ не мыслимы; или надо допустить, что и Heimdallr = освѣщающій міръ и Baldr = Господь, повелитель (стр. 137) такой же формаціи, какъ Viþarr = возвращающійся: эпитеты Христа, за которыми нечего искать болѣе древняго миѳическаго содержанія. Но при такомъ, предполагаемомъ состояніи религіознаго сознанія пересказъ христіанскихъ легендъ и усвоеніе символовъ, оставаясь конкретнымъ и реалистическимъ, былъ-бы менѣе дѣланнымъ и прилаженнымъ, т. е. былъ бы не тѣмъ, чѣмъ представляется Vǫluspá.

Въ этомъ смыслѣ я поставилъ выше вопросъ о качествахъ усвояющей языческой среды. Для Мейера онъ не существенъ, ибо Vǫluspá для него — стилистическое упражненіе, доступное разумѣнію немногихъ посвященныхъ.

Я могъ-бы предложить, для провѣрки моихъ заключеній, еще нѣсколько эпизодическихъ анализовъ, вродѣ приведеннаго, но не разсчитываю на — читателя. Дѣло въ томъ, что слѣдить за построеніями и толкованіями Мейера возможно лишь подъ условіемъ, что передъ вами лежитъ текстъ Vǫluspá. Такъ какъ ея нѣтъ въ русскомъ переложеніи съ подлинника, а этотъ памятникъ часто обращалъ на себя вниманіе русскихъ миѳологовъ, я сообщу здѣсь свой переводъ, а за нимъ изложу и скрытое христіанское содержаніе поэмы съ точки зрѣнія Мейеровскаго толка. Résumé автора на стр. 244—6 отличается излишней общностью, не дающей понятія о фактахъ и домыслахъ, на которыхъ это общее основано.

Слѣдующій переводъ, основанный на текстѣ Мейера, удерживаетъ его дѣленія съ указаніями источниковъ, которыми предположительно пользовался авторъ Vǫluspá; №№ строфъ, поставленные въ скобки, указываютъ на текстъ Симонса.

1. Введеніе.

(Источники: Oracula sibyllina, Honorius Augustodunensis).

1 (1). Вниманія прошу я у всѣхъ святыхъ родовъ, старшихъ и младшихъ сыновей Геймдалла! Хочешь ли ты, Valfaper (Одинъ), чтобъ я повѣдала о древнихъ преданіяхъ людей, какія напередъ я помню?

2 (2). Я помню йотуновъ (великановъ) древнерожденныхъ, что меня древле вскормили; помню девять міровъ, девять ívídjur [1]), славное древо созданія подъ землею.

2. Міросданіе.

(Источники: кн. Бытія и комментаріи къ ней св. Амвросія, Исидора и Гонорія; кн. Іова и Екклезіастъ).

3 (3) Было время, когда жилъ Имиръ, не было ни песку, ни моря, ни холодныхъ волнъ, ни земли, ни высокаго неба,—а была зіяющая бездна, и травы не было нигдѣ,

4 (4) пока сыны Бора [2]) не подняли небесныхъ круговъ [3]), они, что создали славный Мидгардъ (вселенную). Солнце засіяло съ юга на камни (мірового) покоя и земля произросла зеленой травою.

5 (5) Солнце, спутникъ мѣсяца простерло съ юга десницу къ окраинѣ небесъ; [4]) солнце не знало, гдѣ его палата, мѣсяцъ не вѣдалъ, гдѣ ему мѣсто, звѣзды не знали, гдѣ имъ пребываніе.

---

[1]) ívipjur — вар. ivípi; первое переводятъ: исполинки, второе: Räume im Weltbaume (Müllenhoff); я склоненъ передать это слово: вѣтви (поколѣнія), связывая его съ представленіемъ мірового дерева (Сл. Разысканія, вып. V, стр. 354 слѣд.). Мейеръ читаетъ: ívister: области.

[2]) Одинъ, Vili и Vé по Снорровой Эддѣ; въ троицѣ Voluspá послѣдніе два имени замѣнены другими: Hœnir и Lóþorr.

[3]) bjóþom yrþo. Такъ переводитъ Мейеръ; по Bugge bjoþ = ирландское bidh, bith: свѣтъ, міръ. Стало быть: подняли свѣтъ, землю — изъ воды? Въ концѣ Voluspá новая земля выходитъ изъ воды. При такомъ пониманіи bjoþ и Miþgarþr были-бы не тавтологіей: по отношенію къ первому второе—устроенная земля, вселенная. Сл. Разысканія l. c. стр. 355.

[4]) Поставленное въ скобки [ ] принадлежитъ по мнѣнію Мейера, позднѣйшему интерполитору.

(6). Тогда пошли всѣ предержащіе къ судебнымъ сѣдалищамъ, высокосвященные боги, и о томъ держали совѣтъ]; они (т. е. боги) дали имена ночи и новолуніямъ, утру [и полдню и времени по полудни] и вечеру—дабы считать годы.

6 (7) Сошлись Азы на Идавеллѣ, они, что возвели алтарь и дворъ: очаги сложили, казну ковали, клещи дѣлали и изготовляли орудія.

7 (8) Въ кости играли въ оградѣ, веселы были, не было у нихъ недостатка въ вещахъ изъ золота [пока не пришли три дѣвы турсовъ (великановъ) ненавистныя, изъ Іотунгейма] [1]), (17) пока не пришли трое изъ того сонма (т. е. боговъ), сильные и милостивые азы къ (міровой) обители.

8. Нашли на землѣ (у берега?) Аска и Эмблу немощныхъ, безъдольныхъ [; (18) не было у нихъ ни дыханія, ни (разумнаго) духа, ни силы, ни движенія, ни хорошаго образа, вида?]. Дыханіе далъ Одинъ, духъ далъ Гёниръ, а Лодуръ силу и хорошій образъ.

3. Грѣхопаденіе людей и его слѣдствія.

(Источники: Кн. Бытія, Амвросій и Гонорій).

9 (19) Я знаю, стоитъ ясень, зовется Иггдразилъ, высокое дерево, орошенное прозрачной влагой. Оттуда приходятъ росы, что падаютъ въ долины. Стоитъ оно вѣчно зеленое надъ родникомъ Урды [(20). Оттуда приходятъ дѣвы, три изъ того покоя, что стоитъ подъ деревомъ: Урдой звали одну, Verpande другую — онѣ вырѣзали на доскѣ (вѣщія руны); третью Скульдой. Онѣ клали законы, выбирали долю сынамъ человѣческимъ, сказывая судьбу].

10 (21). Я помню первую войну на свѣтѣ, когда Гулльвейгу кололи копьями и въ покоѣ Великаго трижды жгли трижды рожденную [, часто, нерѣдко, хотя она еще въ живыхъ].

---

[1]) Слѣдуютъ въ текстѣ 8 строфъ (Sijmons, строфы 9—16), издавна считающихся интерполированными: дѣло идетъ о созданіи богами дверговъ, имена которыхъ подробно перечисляются. Мейеръ опустилъ эти строфы въ своемъ изданіи.

11 (22). Язычницей звали её, куда она заходила въ дома, вѣщей вёльвой; чары она творила, чаровала гдѣ могла, чары обманныя(?); всегда была утѣхой злыхъ женъ.

12 (23) Тогда пошли всѣ предержащіе къ судебнымъ сѣдалищамъ, высоко-священные боги, и о томъ совѣтъ держали: слѣдуетъ-ли азамъ понести ущербъ или всѣмъ богамъ пользоваться почтеніемъ?

13 (24). Метнулъ Одинъ (копьемъ), стрѣлялъ въ народъ: то была еще первая людская война въ свѣтѣ; сломана была ограда вокругъ замка Азовъ, а Ваны могли попирать поляны, открытыя битвѣ.

14 (25). Тогда пошли всѣ предержащіе къ судебнымъ сѣдалищамъ, высокосвященные боги, и о томъ рядили: кто замутилъ воздухъ зломъ и дѣву Ода отдалъ отродью йотуновъ?

15 (26). Одинъ Торъ размахнулся, исполненный гнѣва: онъ рѣдко усидитъ, когда узнаетъ что такое. Нарушены были клятвы, слова, обѣты, всѣ торжественные договоры, какіе передъ тѣмъ были.

4. Спасеніе грѣшной души распятымъ Спасителемъ.

(Источники: Гонорій и другіе церковные писатели. Апокалипсисъ).

16 (27). Она знаетъ, что рогъ Геймдалла скрытъ подъ славнымъ, священнымъ деревомъ; вижу рѣку, изливающуюся свѣтлымъ потокомъ изъ залога Одина. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

17 (28). Одна сидѣла она, когда пришелъ старикъ, страшный изъ Азовъ (Одинъ) и глянулъ ей въ глаза. О чемъ спрашиваешь, о чемъ пытаешь меня? Все знаю я, Одинъ, знаю, куда ты спряталъ твой глазъ.

18 (29). Она знаетъ, что глазъ Одина спрятанъ [1]) въ славномъ родникѣ Мимира; каждое утро пьетъ Мимиръ изъ залога Одина.

---

[1]) Стихъ, возстановленный Бугге.

19 (30). Далъ ей Герфёдръ кольца и ожерелья, даръ мудрыхъ рѣчей и вѣщихъ прорицаній... Далеко и далеко обозрѣвала она всѣ міры [(31). Она видѣла валькирій изъ далека прибывшихъ, готовыхъ помчаться къ народу готовъ. Скульда держала щитъ, другая была Skǫgol; Gupr, Hildr, Gǫndol и Geirskǫgol: вотъ и перечислены дѣвы Herjan'a (Одина), валькиріи, готовыя помчаться на землю].

20 (32). Я видѣла Бальдра, окровавленнаго бога, сына Одина, скрытую судьбу [Стояла, возвышаясь надъ долинами, тонкая, прекрасная омела. (33) Отъ этой вѣтви, казавшейся тонкой, вышло горестное, опасное орудіе удара, — которымъ метнулъ Гёдръ. Едва родился братъ Бальдра, сталъ воевать, однонощный сынъ Одина.—(34). Онъ никогда не мылъ рукъ ни головы не чесалъ, пока не возложилъ на костеръ противника Бальдра], а Фригга плакала въ Фенсалахъ о горѣ Валгаллы. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

21 (35). Она видѣла связаннымъ, лежащимъ въ Hveralund'ѣ образъ коварнаго Локи, ненавистнаго. Тамъ сидитъ Сигинъ, но не радостная, у своего мужа. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

5. Адъ и Рай.

(Источники: Литература видѣній. Іезекіиль).

22 (36). Рѣка падаетъ съ востока по ядовитымъ долинамъ, полная ножей и мечей. Слидромъ она зовется....

23 (37). Къ сѣверу въ Nipavellir стояла палата изъ золота, Синдріева рода, а другая стояла въ Ókolne, пиршественный покой йотуна, что зовется Бримиромъ.

24 (38). Она видѣла покой, далеко отстоящій отъ солнца, на берегу мертвыхъ: двери обращены къ сѣверу. Ядовитыя капли падали внутрь въ окно; покой тотъ сплетенъ изъ змѣиныхъ хребтовъ.

25 (39). Она видѣла тамъ людей, бредущихъ въ тяжелыхъ волнахъ, клятвопреступниковъ и убійцъ (и того, что совратилъ жену другаго). Тамъ Niphǫggr сосалъ трупы умершихъ, волкъ терзалъ мужей. Понимаете ли вы это или нѣтъ?

6. Природныя знаменія страшнаго суда.

(Источники: Христіанско-языческое преданіе).

26 (40). На востокѣ сидѣла старуха въ Íarnvíþ'ѣ и питала тамъ отродье Фенрира; изъ нихъ изо всѣхъ будетъ нѣкто единственный, похититель мѣсяца, въ образѣ чудовища.

27 (41). Нажирается мясомъ обреченныхъ на смерть людей, краситъ сѣдалище боговъ красной кровью. Померкнутъ лучи солнца во слѣдующія лѣта, времена настанутъ вредоносныя. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

28 (42). Сидѣлъ тамъ на холмѣ и бряцалъ на арфѣ пастырь исполинши, веселый Eggþér. Пѣлъ около него въ Gaglviþ'ѣ красивый, красный пѣтухъ, что зовется Fjalarr.

29 (43). Пѣлъ у Азовъ Gollinkambe; онъ будитъ мужей у Герьяфадера (= Одина); а другой поетъ подъ землею, темнокрасный пѣтухъ, въ палатахъ Гелы.

30 (44). Сильно лаетъ Гармъ передъ Gnipahellir; пута порвется и Freke (= волкъ) помчится. Много знаю я памятей, далеко усматриваю впередъ страшный судный день побѣдныхъ боговъ.

7. Знаменія страшнаго суда на землѣ и на небѣ.

(Источники: Евангеліе и пророки).

31 (45). Братья будутъ ратиться и станутъ другъ другу убійцами, родичи нарушатъ родственный союзъ. Тяжко на свѣтѣ, великій блудъ (вѣкъ топора и ножа, щиты разщеплены; вѣкъ вѣтра и волка — прежде, чѣмъ рушится міръ). Человѣкъ не будетъ щадить другого.

32 (46). Взыграли сыны Мимира и создатель объявился (при звукѣ) древняго рога (Gjallarhorn); громко трубитъ Геймдаллъ, рогъ поднятъ, а Одинъ бесѣдуетъ съ головой Мимира.

33 (47). Содрагается, стоя, древо Иггдразила, стонетъ древнее древо, а йотунъ вырывается на свободу. Страшатся всѣ на путяхъ Гелы, прежде чѣмъ родичъ Сурта помчится.

34 (48). Что творится у Азовъ, что у альфовъ? Весь йотунгеймъ содрагается, Азы собрались на совѣтъ; стонутъ дверги передъ вратами утесовъ, вѣдающіе горныя обители. Понимаете ли вы это или нѣтъ?

35 (49) = 30.

8. Начало страшнаго суда. Нападеніе и борьба демоновъ съ Божествомъ. Горѣніе міра.

(Источники: Апокалипсисъ и пророки).

36 (50). Гримъ движется съ востока, держитъ передъ собою щитъ; великое чудовище вьется въ исполинскомъ гнѣвѣ, змѣй бьетъ волны, орелъ клехчетъ, трупы терзаетъ блѣдноклювый; Naglfar вырвался на свободу.

37 (51). Корабль несется съ сѣвера, челядь Гелы придетъ черезъ море и Локи правитъ у кормы. Ѣдутъ всѣ чудища, съ ними Freke (волкъ), имъ сопутствуетъ братъ Билейста (Локи).

38 (52). Суртъ идетъ съ юга съ пламенемъ, точно солнце блещетъ мечъ смертоносныхъ боговъ; рушатся каменныя горы, исполинши низвергаются, мужи вступаютъ на путь Гелы и небо треснуло.

39 (53). Тогда придетъ второе горе Глинѣ (= Фриггѣ), когда Одинъ пойдетъ биться съ волкомъ, а убійца Бели (=Фрей) съ Суртомъ. Падетъ тогда радость Фригги.

40 (54). Тогда пойдетъ великій сынъ Сигфадера (Одина), Видаръ, биться съ смертоноснымъ звѣремъ, сыну великана онъ вонзитъ остріе въ сердце. Такъ отмщено будетъ за отца.

41 (55). Тогда придетъ сильный сынъ Нióруп'ы (Торъ), зіяетъ надъ воздухомъ земной поясъ (=міровой змѣй, окружающій землю).... Идетъ сынъ Одина биться съ змѣемъ.

42 (56). Гнѣвно разитъ защитникъ Мидгарда (=Торъ). Всѣ люди покинутъ жилища; девять шаговъ отступитъ сынъ Fjǫrgyn'ы (=Торъ) отъ змѣя, не боящагося посрамленія.

43 (57) Солнце меркнетъ, земля погружается въ море, па-

дают̀ съ неба свѣтлыя звѣзды, паръ и огонь свирѣпствуют̀, высокое пламя взыграло до самаго неба.

44 (58) = 35, 30.

9. Новый міръ и пришествіе Христа на страшный судъ.

(Источники: Апокалипсисъ и пророки).

45 (59). Она видитъ во второй разъ землю, восходящую изъ воды, вѣчно-зеленую; падаютъ водопады, орелъ носится надъ ними, что на горѣ охотится за рыбами.

46 (60). Сошлись азы на Идавеллѣ, бесѣдуютъ о міровомъ древѣ, поминаютъ великія дѣла и древнія руны Fimbolty̋r'a (Одина) [(61). Тогда снова найдутся въ травѣ чудесныя золотыя кости, которыми они—т. е. боги—владѣли встарь...].

47 (62). Поля произростутъ незасѣянныя, всякое зло исправится, придетъ Бальдръ; Hǫpr и Бальдръ поселятся въ побѣдныхъ палатахъ Hrópt'a (Одина), жилищѣ сраженныхъ боговъ.

48 (63). Тогда Hønir дастъ жребій...., а сыны двухъ братьевъ заселятъ обширный Виндгеймъ (землю). Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

49 (64). Она видитъ; стоитъ покой, краше солнца, крытый золотомъ, въ Gimlee; тамъ будутъ жить добродѣтельные люди и во вѣки наслаждаться блаженствомъ.

50 (65). Тогда придетъ свыше на судъ могучій, сильный, кто всѣмъ правитъ....

51 (66). Тогда полетитъ мрачный змѣй, блестящій, снизу изъ Nipafjallir; Niphǫggr понесетъ, летя надъ долиной, трупы мертвыхъ — и тутъ провалится.

II.

Точный переводъ Vǫluspá невозможенъ, пока та или другая подробность *текста* вызываетъ разногласныя объясненія, между которыми приходится выбирать. Предупредивъ объ этомъ, перехожу къ новому толкованію *содержанія* поэмы, предложенному Мейеромъ.

1. *(Введеніе).* Говоритъ прорицательница, вѣщая германская жена, vǫlva, съ чертами Сивиллы извѣстныхъ оракуловъ; говоритъ по велѣнію Одина, имъ вдохновенная: подробность, неизвѣстная сѣверному язычеству (стр. 14), но традиціонная и при Сивиллѣ: κέλεται με λέγειν θεός (стр. 13). Какъ послѣдняя названа снохой Ноя, который отнесенъ къ числу титановъ, такъ въ строфѣ 2-й вѣщая жена заявляетъ, что её вскормили великаны (стр. 14). Святые роды, къ которымъ она обращается, — люди, сыны Геймдалла, т. е., какъ мы видѣли выше, Христа. Мейеръ (стр. 15—39) опираетъ это толкованіе главнымъ образомъ на анализѣ такъ-называемой Малой Vǫluspá (стр. 21 слѣд.); этого анализа я здѣсь не касаюсь, ибо онъ завелъ-бы насъ слишкомъ далеко; ограничусь указаніемъ на раскрытыя выше противорѣчія, которыя это толкованіе вызываетъ въ границахъ разбираемаго мною памятника. Обычное объясненіе Геймдалловыхъ сыновей= людей опиралось на разсказъ Rigspula, гдѣ Геймдаллъ является родоначальникомъ трехъ людскихъ сословій.

Готовясь начать свой разсказъ издалека, vǫlva опредѣляетъ напередъ, такъ сказать, графическія границы своего знанія: она знаетъ девять міровъ, девять ívíþe или ívíþjur, славное древо созданія подъ землею. Мейеръ (стр. 39—40) переводитъ, въ противорѣчіи съ сѣвернымъ словоупотребленіемъ, fyr neþan = *bis* unter die Erde, разумѣя дерево, корни котораго доходятъ *до* преисподней. Съ другой стороны онъ нашелъ у Гонорія изъ Autun въ его нижнемъ аду «*novem* species poenae» (стр. 44) и указаніе на *девять* небесныхъ сферъ (стр. 45—46); это даетъ ему поводъ измѣнить во 2-й строфѣ загадочное ívíþjur въ ívister: жилища. Heimar и ívister нерѣдко сопоставляются и совпадаютъ по значенію, говоритъ Мейеръ (стр. 47), тѣмъ не менѣе heim представляется ему болѣе благороднымъ и объемлющимъ и онъ даетъ ему во 2-й строфѣ значеніе неба, хотя въ Vafþrúðnismál 43 и Sn. Edda I, 106 heimar означаютъ именно подземныя селенія. Въ противоположность къ девяти heimar, небесамъ, ívister отвѣчаютъ девяти областямъ подъ землею: «Девять небесъ помню

я, девять (подземныхъ) селеній». Но девяти небесамъ отвѣчаютъ девять ангельскихъ ликовъ (стр. 44); согласно съ этимъ въ другомъ мѣстѣ изслѣдованія (стр. 252) Мейеръ разумѣетъ подъ níu heima девять ангельскихъ ликовъ, оставшихся вѣрными Господу—и это до разсказа о мірозданіи! Но при такомъ толкованіи параллелизмъ между heimar и ívister становится сомнительнымъ.

Славное дерево, спускающееся (корнями) подъ землю: крестное древо, о которомъ см. у Гонорія: pars (crucis) coelum spectat, pars terram penetrat, pars etiam tartara penetrat (стр. 49). Вмѣсто эпитета: древо созданія, употребленнаго въ нашемъ переводѣ, Мейеръ предлагаетъ, согласно съ Мюлленгофомъ, другой: mjǫtvir выражаетъ идею всеобъемлющаго, *всемѣрнаго* древа (Maasbaum), параллельно къ христіанскимъ представленіямъ креста, четыремъ отросткамъ котораго отвѣчаютъ четыре климата, устройство человѣческаго тѣла и т. п.; въ крестѣ дана «totius christianae religionis *norma*».

Съ общимъ толкованіемъ первыхъ двухъ строфъ Vǫluspá можно согласиться; я только иначе понимаю значеніе ívirjur и древо представляется мнѣ стоящимъ дѣйствительно подъ землею [1]).

2. *(Мірозданіе)*. Въ объясненіе слѣдующихъ строфъ, иногда намекающихъ на миѳы, не разсказывающихъ ихъ, надо напомнить нѣкоторыя подробности. По Снорровой Эддѣ и другимъ памятникамъ въ началѣ міра была лишь бездна, Ginnungagap, съ сѣверной стороны которой находилась холодная область Niflheim'a, съ южной огненный Muspelheimr. Глыбы льда, нанесенныя въ бездну рѣками изъ Niflheim'a, растаявъ подъ вліяніемъ искръ, долетавшихъ съ юга, образовали досвѣтнаго великана Ymir'a и корову Auðumbla, молокомъ которой онъ питался. Безъ помощи жены Ymir становится родоначальникомъ исполиновъ: изъ подъ его лѣвой мышки вышли мужъ и жена, одна его нога произвела съ другою сына; Auðumbla вылизала изъ ледяной

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 355 слѣд

глыбы сына, Buri; отъ него родился Bor, женившійся на исполиншѣ Bestla'ѣ и имѣвшій отъ нея трехъ сыновей: Одина, Вили и Ве, отвѣчающихъ Одину, Hønir'у и Lóþor'у въ Vǫluspá. Убивъ Имира, они изъ членовъ его тѣла создаютъ свѣтъ: изъ крови море и воду, изъ тѣла землю, изъ костей горы, изъ зубовъ камни, изъ мозга облака, изъ черепа небесный сводъ, а его бровями обгородили землю, чтобы имѣть защиту отъ великановъ: это и есть Miþgarþr: вселенная; изъ его волосъ произошли деревья, отъ плоти—дверги (Gylfag. 8, 14).

Обратимся къ 3-й строфѣ Vǫluspá. Мы знаемъ уже, что Имиръ—древне-языческій образъ, но здѣсь онъ употребленъ для выраженія библейскаго представленія, или лучше, его христіанскаго средневѣковаго толкованія (стр. 55 слѣд.). «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Земля-же была безводна и пуста и тьма надъ *бездною*, и Духъ Божій носился надъ водою» (Бытія I, 1). Созданіе неба и земли въ первый день творенія надо было согласовать съ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ кн. Бытія о созданіи неба во второй, суши въ третій день. Выходъ указанъ былъ греческимъ понятіемъ хаоса: вначалѣ созданы безформенная матерія неба и земли, которую греки и зовутъ хаосомъ. Этотъ хаосъ или бездна выражена словомъ Ginnungagap — и одновременно образомъ Ymir'а, подъ вліяніемъ иконографическихъ изображеній библейскаго abyssus, бездны (стр. 57 — 8). Такъ могли соединяться два представленія: *жилъ Имиръ*—и *ничего не было*, кромѣ зіяющей бездны.

Такое толкованіе, вѣроятное въ общемъ, устанавливаетъ соотвѣтствіе между 1-й строфой Vǫluspá и библейскимъ разсказомъ о первомъ днѣ творенія; что поэтъ могъ опустить, какъ несущественное, отдѣленіе свѣта отъ тьмы, въ этомъ можно согласиться съ Мейеромъ (стр. 58), предлагающимъ далѣе комментарій къ тѣмъ подробностямъ миѳа объ Имирѣ, которыя мы передали выше по прозаической Эддѣ. Имѣя въ виду толкованіе одной Vǫluspá, мы коснемся лишь нѣкоторыхъ сторонъ этого комментарія. Имиръ — хаосъ является вмѣстѣ и перво-

зданнымъ человѣкомъ: какъ у него изъ подъ мышки выходитъ мужчина и женщина, такъ отъ ребра Адама создана была Евва; Адамъ въ представленіи средневѣковой философіи—микрокосмъ, соединяющій въ себѣ элементы земли, воздуха и т. д.; разсказъ о созданіи свѣта отъ частей Ymir'a — Адама представляетъ обратную разработку того-же существеннаго тождества: части микрокосма служатъ къ творчеству микрокосма.

На параллелизмъ сказанія объ Имирѣ съ статьей «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ» давно было указано, но не слѣдуетъ увлекаться этимъ согласіемъ, забывая другія, выясняющія миѳъ объ Имирѣ, какъ древній антропо- и теогоническій. Въ дошедшемъ до насъ составѣ сѣверной миѳологіи этотъ смыслъ затемненъ по требованіямъ дифференціаціи: рядомъ съ миѳомъ объ Имирѣ ходилъ другой, равнозначущій съ нимъ: о Buri, первозданномъ человѣкѣ, вылизанномъ изъ ледяной глыбы космической коровой. Позднѣе оба сказанія пріурочились отдѣльно: говорили, что отъ Имира пошли Гримтурсы, отъ Buri — боги; они-то теперь и убиваютъ Имира. Первоначально миѳъ объ Имирѣ могъ имѣть самостоятельное значеніе: миѳъ о досвѣтномъ великанѣ-андрогинѣ, покоящемся въ безднѣ, производящемъ изъ себя первыхъ людей и въ самомъ себѣ дающемъ матеріалъ для космическаго творчества. Такъ въ финскомъ преданіи дѣва воздуха, спустившись на море, производитъ близнецовъ-деміурговъ; такъ въ сѣвероамериканскихъ повѣрьяхъ божественная жена падаетъ съ неба на воды и производитъ двухъ враждебныхъ другъ другу братьевъ-творцевъ, тогда какъ изъ членовъ ея тѣла произрастаютъ потребныя человѣку злаки [1]).

4—5 строфы Vǫluspá продолжаютъ передавать разсказъ книги Бытія о твореніи второго, третьяго и четвертаго дня:

---

[1]) Миѳы о созданіи видимаго міра изъ членовъ космическаго существа см. у Lang'a, l. c. I, стр. 188, 192, 235, 242—3, 245, 246—7. Подробнѣе о дуализмѣ въ американскихъ космогоническихъ легендахъ сл. далѣе въ главѣ XX-й.

созданы были твердь, суша и свѣтила. Та-же послѣдовательность въ поэмѣ — по толкованію Мейера: боги, сыны Бора, подняли небесные круги, orbes, circuli (стр. 65), выражающіе понятіе тверди, firmamentum; создали Мидгардъ — землю; далѣе говорится о солнцѣ и лунѣ въ интересномъ соотвѣтствіи съ Быт. I, 14: «да будутъ свѣтила на тверди небесной для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменія, и временъ, и дней, и годовъ». Сл. строфу 5-ю: «дабы считать годы».—При иномъ толкованіи bjǫrom: не circuli, orbes, а земля, земная поверхность[1]), соотвѣтствіе нарушается, ибо параллель къ тверди отсутствуетъ: боги «подняли землю, сушу, они, что создали славный Мидгардъ». Miþgarþr, понятая какъ οἰκουμένη, предполагающая существованіе суши, bjǫrom; когда въ той-же строфѣ говорится о (міровомъ) покоѣ, разумѣется Miþgarþr. Суша поднята—вѣроятно, изъ воды: въ строфѣ 45-й обновленная земля *во второй разъ* выходитъ изъ моря.

Сынами Бора окажутся впослѣдствіи: Одинъ, Hœnir и Lóðurr, въ соотвѣтствіи съ средневѣковымъ представленіемъ объ участіи трехъ лицъ св. Троицы въ міросданіи (стр. 66). При этой, уже знакомой намъ параллели, Bor и Buri, собственно родитель и рожденный (отъ bera), оказываются генеалогическими измышленіями, во всякомъ случаѣ подозрительными.

Библейскій разсказъ о созданіи звѣрей не нашелъ выраженія въ космогоніи Vǫluspá; вмѣсто того въ ней разсказывается, строфы 6—7, о богахъ, кующихъ въ Идавеллѣ; всё у нихъ изъ золота; они пребываютъ въ веселіи: «пока не пришли три дѣвы турсовъ, ненавистныя, изъ Іотунгейма». Мейеръ опускаетъ и эти стихи (у насъ въ скобкахъ) и слѣдующія за тѣмъ 8-мъ строфъ, описывающихъ созданіе богами дверговъ. Явленіе исполинскихъ дѣвъ дѣйствительно загадочно, и можно согласиться съ толкованіемъ, что только Снорри попытался осмыслить его: будто онѣ пришли, чтобы разрушить золотой вѣкъ боговъ. Слѣдуетъ быть можетъ, устранить это объясненіе, удержавъ самый образъ и

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 355.

бережнѣе орудуя атетезами въ томъ, что за тѣмъ слѣдуетъ. Распорядокъ текста такой: боги куютъ въ Идавеллѣ; *явленіе трехъ женъ изъ Іотунгейма* и *эпизодъ о дверіахъ;* мы переводимъ двѣ первыя изъ опущенныхъ строфъ (9 и 10):

9 Пошли всѣ предержащіе къ судебнымъ сѣдалищамъ и о томъ совѣтъ держали: кому создать сонмъ дверговъ изъ крови Brimir'a (волнующагося), изъ костей Blaen'a (т. е. Имира).

10 Тогда созданъ былъ славнѣйшій изъ дверговъ, Mótsognir, и второй (по немъ) Durenn. Отъ этого матеріала (крови и костей) сотворены были многіе человѣкоподобные земные дверги, которымъ названіе далъ Durenn [1]).

Слѣдующія 11—16 строфы содержатъ перечень именъ дверговъ, который можно устранить; въ 17-й строфѣ=8-й Мейера *являются три бога* и разсказъ переходитъ къ созданію (9: skǫpudu) и *оживленію первыхъ людей.* Отмѣтимъ параллелизмъ, указывающій на предѣлъ возможныхъ исключеній: *явленіе трехъ женъ—и созданіе дверіовъ; пришествіе трехъ боговъ—и антропогоническій мивъ.* Это, разумѣется, не выясняетъ намъ значенія тѣхъ женъ; можетъ быть норнъ-рожаницъ, «hinar III (nornir) dverga aettar» (Gylf. 15)? Тѣмъ не менѣе параллелизмъ обязываетъ удержать ихъ—или исключить за одно и явленіе боговъ и созданіе людей, какъ то сдѣлалъ Hoffory — на томъ основаніи, что этотъ эпизодъ, заимствованный изъ какой-нибудь посторонней космогонической статьи, стоитъ въ Vǫluspá внѣ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. По моему мнѣнію связь съ предыдущимъ дана въ—кованьи боговъ.—За вычетомъ указаннаго, къ богамъ, веселящимся въ Идавеллѣ, примыкаетъ непосредственно строфа 8-я: разсказъ о созданіи и оживленіи первыхъ людей.

Какую идею соединялъ авторъ поэмы съ этимъ образомъ, Мейеръ не разъясняетъ (см. впрочемъ стр. 75—8). Кованье

---

[1]) Я слѣдую тексту Vǫluspá въ Gylfag. 14: þar mannlikun morg af gerðuz—dvergar í jǫrðu sem Durenn kenðe (ср. Wilken, Untersuchungen zur Snorra-Edda, стр. 48).

понято здѣсь во всякомъ случаѣ, какъ актъ творчества, между прочимъ и космогоническаго: мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ отрывочныхъ представленій, которыя потеряли свой исконный смыслъ, очутившись эпизодомъ Vǫluspá. Какъ въ финскомъ эпосѣ небо сдѣлано изъ верхней части яйца — и въ то-же время сковано Ильмариненомъ, такъ могли существовать сѣверные миѳы напр. о созданіи свѣта изъ членовъ великана — и путемъ творческаго кованья. Прозаическая Эдда (ed. Jónsson стр. 22: Gylfag. 14) развиваетъ 6-ую главу Vǫluspá, заставляя боговъ ковать и землю, и камни и деревья, а объ Одинѣ сказано въ другомъ мѣстѣ (l. c. Gylfag. 3), что онъ сковалъ небо и землю и всё въ нихъ сущее (ok alla eigu þeirra), и это показаніе не примирено съ слѣдующимъ, уже знакомымъ намъ: о созданіи міра изъ тѣла Имира. Замѣтимъ, что именно за разсказомъ Vǫluspá о *кованьѣ* боговъ слѣдуетъ (въ опущенныхъ Мейеромъ строфахъ) *созданіе дверговъ* — и созданіе и *оживленіе* первой людской пары — въ Идавеллѣ, т. е. въ раю, причемъ Мейеръ (75) напоминаетъ Mag *Itha* = поле Itha, мѣсто собранія ирскихъ боговъ — и догадку Бугге, что ipa(vǫllr) — перегласовка *Эдема*. Правда, по Библіи одна Евва сотворена была въ раю, но авторъ могъ соединить этотъ актъ съ предшествовавшимъ созданіемъ Адама (стр. 75). Важнѣе другое: дѣло въ сущности идетъ о созданіи людей изъ деревьевъ, объ оживленіи бездольныхъ Ask'а и Embla'ы, напоминающихъ (стр. 82) имена Адама и Еввы, и вмѣстѣ, широко распространенное повѣрье о происхожденіи людей изъ растеній. Именно этотъ мотивъ—существенный, и на него надо было обратить вниманіе по связи Ask'а (ясень) съ непосредственнымъ (строфа 9) упоминаніемъ Иггдразила — ясеня (сл. строфа 33) и представленіемъ, которое можно возстановить изъ Fjǫlsvinnsmál 16 (ed. Sijmons) и Vafþrúðnismál 45: что изъ міроваго древа, древа Мимира вышли первые люди[1]). Кромѣ созвучія: Askr=Адамъ, Embla=Евва, легенда объ оживленіи не имѣетъ

[1]) Сл. Разысканія, вып V, стр. 358.

ничего общаго съ библейскою, которая, кстати, уже предвосхищена отождествленіемъ Ymir'a съ Адамомъ, первой пары людей, вышедшихъ у него изъ подъ мышки — съ Еввой, какъ толкуетъ г. Мейеръ. Кстати: азы находятъ бездушныхъ Аска и Эмблу at húse (строфа 7): въ дому. Мейеръ (стр. 83) принимаетъ толкованіе Бугге, что разумѣется пролептически домъ, въ которомъ *будутъ* жить первые люди; приводитъ и толкованіе св. Амвросія (De Paradiso c. 50) къ Бытію 3,22 (aedificavit Deus costam, quam sumpsit de Adam, in mulierem). «Bene, quia in viro et muliere *domus* videtur quaedem plena esse perfectio. Qui sine uxore est, quasi sine domo sit, sic habetur». Это толкованіе исключается нашимъ, имѣющимъ въ виду salr строфы 4-й: міровой покой = Мидгардъ; боги приходятъ (изъ Идавелля) въ міровую обитель at húse, т. е. въ Мидгардъ, и здѣсь творятъ людей. Что этотъ актъ происходитъ въ Идавеллѣ — Эдемѣ, какъ предполагаетъ Мейеръ, не доказано: созданіе совершается, по Gylfag. 9 у морскаго берега (Vǫl. á lande?), а Iravǫllr лежитъ въ центрѣ Ásgard'a (Gylfag. l. c. 14), стоящаго въ свою очередь въ центрѣ Miðgard'a.

Мы уже знаемъ, что три бога, оживляющіе первыхъ людей, отвѣчаютъ тремъ лицамъ св. Троицы, какъ и въ средневѣковомъ христіанскомъ представленіи въ смыслѣ св. Троицы поняты были слова Бытія I, 26: *Сотворенъ* человѣкъ по образу *Нашему* (сл. стр. 74—5, 78). Наши сомнѣнія относительно частнаго отождествленіе Одина = Бога Отца и т. д. были высказаны выше. Въ троичности творящихъ богомъ и я признаю христіанское вліяніе, съ тою разницею, что, по моему мнѣнію, она прикрыла болѣе древнія, языческія отношенія.

Третій эпизодъ, выдѣленный Мейеромъ изъ содержанія Vǫluspá, начинается (строфа 9) съ описанія міроваго дерева, стоящаго надъ источникомъ Урды и орошающаго своей росой долины. Прежде чѣмъ перейдти въ общей характеристикѣ этого отдѣла у Мейера, остановимся на анализѣ 9-й строфы. Мюлленгофъ (Deutsche Alterthumskunde V, 1, см. текстъ стр. 75 и слѣд.

и комментарій) исключилъ изъ своего текста какъ ее, такъ и части предыдущихъ: удержавъ въ нашей седьмой строфѣ двустишіе о трехъ дѣвахъ турсовъ, онъ опускаетъ остальное, стало быть, и эпизодъ объ оживленіи людей: всё это признано интерполяціей. Дерево надъ источникомъ Урды также возбудило его сомнѣніе, по той причинѣ, что далѣе (строфа 16 слѣд.) то-же міровое древо оказывается стоящимъ надъ источникомъ Мимира; источникъ Урды включенъ въ текстѣ Vǫluspá изъ посторонней, хотя и древней статьи (стр. 103), говоритъ онъ. Ходъ его аргументаціи слѣдующій: въ Гримнисмалѣ 31 отъ Иггдразила спускаются три корня: подъ однимъ живетъ Гела, подъ другимъ гримтурсы, подъ третьимъ люди; по Gylfaginning XV: одинъ корень у азовъ, у него источникъ Урды; второй у гримтурсовъ, тамъ, гдѣ прежде была бездна, ginnungagap, подъ нимъ источникъ Мимира; третій надъ Нифльгеймомъ съ источникомъ Hvergelmir. Я согласенъ съ Мюлленгофомъ, что представленіе Gilfaginning о положеніи міроваго дерева неясны, ибо не графичны, widersinnig und wertlos (стр. 103); ея авторъ слѣдовалъ «традиціонному, но совершенно ложному представленію» (какому ? !), которое соединилъ съ показаніемъ Grimnismál'я и Vǫluspá; изъ послѣдней онъ взялъ источникъ Мимира и перенесъ его къ одному изъ корней своего мірового дерева, къ гримтурсамъ, къ которымъ логически (vernünftiger Weise) Mímir никогда не принадлежалъ, хотя и могъ представляться великаномъ. Если и согласиться съ этимъ заключеніемъ, то лишь для того, чтобы указать на логическій circulus vitiosus: Gilfaginning въ разсказѣ о міровомъ древѣ представляетъ компиляцію, неумѣло черпавшую изъ Vǫluspá, и вмѣстѣ съ тѣмъ дающую критерій для выключенія изъ послѣдней — подробности объ источникѣ Урды. Умозаключеніе было очевидно такое, что источникъ Урды и Мимира не одно и тоже, ибо въ Gylfaginning они раздѣлены, у разныхъ корней дерева, а Vǫluspá не знаетъ этихъ корней, и источникъ является одинъ. Ничто однако не мѣшаетъ предположить, что источникъ Урды лишь другое названіе для родника Мимира, находящагося подъ

его деревомъ, древомъ созданія: Urþ, рядомъ съ названіями Verþandе и Skuld (три норны подъ міровымъ деревомъ въ строфѣ, выключенной толкователемъ), означаетъ то, что было, совершенное *бытіе*. Замѣтимъ кстати, что какъ съ древа надъ источникомъ Урды падаютъ росы, такъ въ Vafþrúðnismál 45 люди, спасшіеся въ древѣ *Мимира*, питаются росою. Гдѣ представлялъ его себѣ авторъ Vǫluspá? Вѣщательница знала его стоящимъ подъ землею, Снорри помѣщаетъ одинъ изъ его корней, съ источникомъ Мимира, въ области гримтурсовъ, гдѣ прежде была бездна. Образы совпадаютъ. Если Мимиръ и не гримтурсъ, въ обычномъ значеніи этого типа, то все-же великанъ, исполненный таинственной, досвѣтной мудрости, сокрытой въ его родникѣ; отъ нея заимствуется у него Одинъ; я попытался недавно [1]) объяснить миоъ о глазѣ Одина, солнцѣ, скрытомъ въ родникѣ Мимира, въ томъ смыслѣ, что и солнце представлялось первоначально его созданіемъ, какъ происхожденіе людей связано съ образомъ мірового древа, обозначеннаго его именемъ. Между нимъ и Одиномъ противоположность стараго и новаго творчества, двухъ поколѣній деміурговъ; вліяніе христіанскихъ идей и образовъ предполагаетъ эту древнюю двойственность: міровое древо, древо созданія вылилось въ формы крестнаго — райскаго и, быть можетъ, легендарныя представленія о послѣднемъ помогутъ намъ освѣтить соотвѣтствующее въ Vǫluspá: въ западныхъ Вопросахъ и Отвѣтахъ [2]) древо, стоящее въ основѣ міра, есть райское, корни котораго спускались до страданія І. Христа въ присподнюю. Если мы перенесемъ это представленіе въ нашу поэму, то получимъ міровое древо, стоящее въ области Азовъ и спускающееся туда, гдѣ прежде была бездна, къ роднику Мимира. Оно то и содрагается и стонетъ въ послѣдніе дни, когда Геймдаллъ затрубитъ въ рогъ, спрятанный въ его корняхъ, взыграли сыны Мимира, а Одинъ бесѣдуетъ съ его

---

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 85 и предыд.

[2]) l. c., стр. 45.

головой (Gilfaginning ed. Jonsson, § 56: съ Мимиромъ); о немъ рядятъ боги, когда міръ погибъ и новая земля снова выходитъ изъ нѣдръ моря.

Роль Геймдалла при міровомъ древѣ обращаетъ на себя вниманіе, и звукъ его рога, очевидно, сторожевой: онъ стражъ боговъ (см. Gylfag. l. c. § 27), сидитъ на окраинѣ небесъ, охраняя мостъ-радугу отъ нашествія исполиновъ; онъ спитъ менѣе, чѣмъ птица, видитъ днемъ и ночью на разстояніи ста поприщъ, слышитъ, какъ растетъ трава на землѣ, шерсть на овцѣ, и звукъ его рога слышится во всѣхъ мірахъ. Его называютъ бѣлымъ, свѣтлымъ Азомъ (l. c.) и — простодушнѣйшимъ, невиннѣйшимъ изъ Азовъ (Fornald. Sǫg. I, 373). Съ точки зрѣнія христіанскихъ элементовъ Vǫluspá эти черты ведутъ къ представленію Heimdall'я ангеломъ, и не только трубящимъ, какъ въ комментаріи Мейера (см. выше стр. 6); по Снорровой Эддѣ Heimdallr сражается съ Локи (l. c. § 56), какъ въ христіанскихъ эсхатологическихъ легендахъ Михаилъ поражаетъ Антихриста-Сатану [1]); его роль при міровомъ-крестномъ-райскомъ деревѣ напоминаетъ Быт. II, 24: и поставилъ (Господь) на востокѣ у сада Едемскаго Херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь ко дереву жизни.—При такомъ пониманіи Мимиръ съ его древомъ созданія очутился бы въ положеніи Сатанаила — деміурга дуалистическаго повѣрья, насадившаго эдемское дерево и изгнаннаго изъ рая [2]).

Но это только одна сторона дѣла, ибо въ Геймдаллѣ есть и другія черты, по видимому, не стоящія въ связи съ предыдущими. По Rigspula онъ является родоначальникомъ людскихъ сословій; можетъ быть, людей вообще? Вѣдь и въ индійской легендѣ о происхожденіи кастъ отъ устъ, рукъ, бедръ и ногъ Пуруши понятіе кастъ замѣнило болѣе древнее и простое, антропогоническое. О Геймдаллѣ говорилось, что его родили де-

---

[1]) См. Разысканія, VIII, стр. 345—7.
[2]) l. c. XI, 45.

вять матерей, девять сестеръ великаншъ на окраинѣ земли, вскормили его, силой земли, студеной водою и жертвенной кровью, sónardreyra (Hyndlúljoð ed. Sijmons 37—39; Heimdallar galdr, ib. p. 215; Gylfag. § 27). Этихъ сестеръ - матерей отождествляли съ девятью ívipjur 2-й строфы Vǫluspá (= исполинши, dryades), въ которыхъ я усмотрѣлъ [1]) вѣтви, отростки міроваго дерева, древа созданія. Можетъ быть, оба толкованія соединимы: самъ Геймдаллъ могъ представляться рожденнымъ отъ дерева, отъ его девяти вѣтвей - сестеръ, и его миѳъ параллеленъ къ миѳу объ Аскѣ; еслибы возможно было удержать этимологію: (Heim) ðallr: þǫllr род. þallar = pinus, то Heimdallr отвѣчалъ бы кеннингу Иггдразила въ Vǫl. 46: moldþinurr: земное дерево, сосна; Heimðallr: міровое дерево. Онъ перворожденный; отъ него пошли люди.

Миоъ о Геймдаллѣ даетъ мнѣ поводъ выставить подобную-же гипотезу объ Одинѣ, раскрывъ въ позднѣйшемъ накопленіи миѳовъ, его окружившихъ, элементы одного, забытаго и на-ново освѣщеннаго въ новой обстановкѣ. Одинъ—сынъ Bǫr'a и Bestla'ы; но этотъ разсказъ о его происхожденіи могъ быть однимъ изъ многихъ, утраченныхъ впослѣдствіи, либо иначе пріуроченныхъ. Въ Grimnismál 54 Одинъ говоритъ о себѣ: зовусь я теперь Одиномъ, Yggr'омъ звали меня прежде, предъ тѣмъ имя мнѣ было Þundr и т. д. Въ Hávamál 138 слѣд. онъ разсказываетъ, что девять ночей висѣлъ на обвѣянномъ вѣтромъ деревѣ, раненый копьемъ, отданный (принесенный въ жертву) Одину, самъ-самому себѣ, безъ пищи и питья. Онъ глянулъ внизъ, воспринялъ, плача, руны—и спалъ съ дерева; девять сильныхъ заговоровъ (fimbolljóþ) воспринялъ онъ отъ именитаго сына Bǫlþorn'a, отца Bestla'ы, отвѣдалъ драгоцѣннаго меда изъ Oþrerir'a — и съ тѣхъ поръ сталъ расти и мудрѣть.

Кауфманъ [2]) отрицаетъ толкованіе этого миѳа, предложен-

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 354 слѣд.

[2]) Kauffmann, Oðinn am Galgen въ Paul und Braunes Beiträgen zur Geschichte der deutschen Sprache XV Band. стр. 195 слѣд.

ное Бугге: будто висящій Одинъ—языческая парафраза распятаго Христа; дѣйствительно, разсказъ объ Одинѣ на деревѣ относится, повидимому, къ его дѣтству. Не рѣшаясь проникнуть въ тайный смыслъ этого эпизода, Кауфманъ ограничивается нѣкоторыми указаніями: Одинъ могъ представляться закинутымъ ребенкомъ; подобные акты часто совершались въ лѣсу, подъ деревомъ; но ребенокъ не подвергся смерти, ибо по древнему обычаю новорожденный, хотя и закинутый, избавлялся отъ нея, если случайно отвѣдалъ меда (или молока). Меду отвѣчаетъ въ нашемъ случаѣ напитокъ изъ Oprerir'a, который и даетъ Одину сынъ Bǫlporn'a, т. е. Мимиръ, какъ полагаетъ, вслѣдъ за Bugge и Rydberg'омъ, и Кауфманъ.

Одинъ виситъ на древѣ Мимира, иначе Иггдразилѣ, т. е. конѣ (несущемъ) Yggr'a; сознаніе тождества послѣдняго съ Одиномъ вызвало пониманіе всего акта, какъ жертвеннаго: Одинъ принесенъ былъ въ жертву самому себѣ; съ этимъ въ связи стоитъ позднѣйшій обычай посвящать Одину повѣшенныхъ.

Я представляю себѣ всѣ эти отношенія въ иномъ свѣтѣ: Yggr виситъ на древѣ Мимира, спадаетъ съ него, благодаря его заговорамъ, точно плодъ, какъ въ сказкѣ трансильванскихъ цыганъ съ міроваго дерева спадаютъ куски мяса, изъ листьевъ — люди [1]); отвѣдавъ заповѣднаго меда, Yggr сталъ расти и мудрѣть. Это—миѳъ о рожденіи изъ дерева; отмѣтимъ въ разсказѣ число *девять:* девять ночей, девять заговоровъ – и въ Fjǫlsvinsm. 22 (Sijmons 16) разрѣшающую родильницъ силу плода отъ Mimameiðr'a. Обычай посвящать Одину-Yggr'у повѣшенныхъ восходитъ къ воспоминанію не мистической жертвы, а опредѣленнаго антропогоническаго миѳа.

Я попытался раскрыть предполагаемое мною содержаніе миѳовъ о Мимирѣ и Геймдаллѣ, о Мимирѣ и Одинѣ-Yggr'ѣ и древѣ созданія, но не рѣшаюсь выразить гипотезы: въ какомъ взаимномъ отношеніи они находились и какъ распредѣлялись роли дѣй-

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 357.

ствующихъ лицъ — прежде чѣмъ христіанскіе мотивы наложили на нихъ свой отпечатокъ, сблизивъ космогоническое дерево народныхъ преданій съ райскимъ древомъ Библіи (Быт. II, 9, 10) и Апокалипсиса (XXII, 1, 2). Мейеръ (стр. 85 слѣд.) отмѣчаетъ въ Иггдразилѣ разобранной нами 9-й строфы сліяніе этихъ двухъ элементовъ; только дерево народныхъ повѣрій представляется ему «облачнымъ» (стр. 88, 89)[1]); источникъ Урды онъ удержалъ безъ оговорокъ съ подстрочнымъ указаніемъ на Бугге, видѣвшемъ въ ея имени—перегласовку Іордана; строфа о трехъ норнахъ также находитъ у него толкованіе, но съ сомнѣніемъ, что она—интерполирована (стр. 91, 93). Я вижу въ нихъ тѣхъ-же дѣвъ изъ Іотунгейма, о которыхъ была рѣчь передъ созданіемъ дверговъ. Норнъ-рожаницъ, дающихъ долю, естественно было представить себѣ при древѣ созданія, антропогоническомъ.

Мы можемъ обратиться теперь къ разбору третьяго отдѣла у Мейера, озаглавленнаго:

3 *(Грѣхопаденіе людей и его слѣдствіе).*

Древо Урды=райское древо является у слагателя Vǫlusp'ы символическимъ показателемъ цѣлаго акта: грѣхопаденія прародителей. — Собственно ни о грѣхопаденіи, ни объ изгнаніи не говорится ни слова; что слѣдуетъ далѣе, съ 10-й строфы, сразу переноситъ насъ въ сферу христіанской аллегоріи, символическихъ прообразованій — и фантастическихъ построеній. Но послѣдуемъ за Мейеромъ (стр. 93, 94).

По упрочившемуся въ церковной литературѣ представленію главной виновницей грѣхопаденія была Евва; Амвросій медіоланскій говоритъ, что её поразили три «infectae sagittae diaboli (=стр.

---

[1]) Schwartz (Noch einmal der himmlische Licht- oder Sonnenbaum, eine prähistorische Weltanschauung, въ Zeitschrift f. Völkerpsychologie XX, 1-es Heft, стр. 89 слѣд.), вводящій въ сравненіе съ Иггдразилемъ «всесѣмянное» древо парсійскихъ повѣрій (ср. Разысканія, вып. V, стр. 356), считаетъ Иггдразилъ свѣтовымъ, солнечнымъ, солнечно-облачнымъ деревомъ (стр. 115), на которомъ иногда покоится вѣтеръ: Одинъ. Таково объясненіе разобраннаго выше мѣста въ Hávamál. Иначе (стр. 117—118) висящій Одинъ приравнивается къ покоящимся въ (облачной) горѣ героямъ народныхъ преданій.

94); тотъ же Амвросій, говоря аллегорически о злой и доброй супругѣ одного и того-же человѣка, характеризуетъ первую въ чертахъ блудницы Соломоновыхъ Притчъ гл. 7 и вавилонской блудницы Апокалипсиса 17, 4 съ золотымъ кубкомъ въ рукѣ. Слагатель Vǫluspá'ы соединилъ образы Еввы, пораженной тремя стрѣлами, и вавилонской блудницы въ одинъ; это Gollveig 10-й строфы, которую колютъ копьями и имя которой=Золотой кубокъ навѣянъ Іереміей 51,7: Вавилонъ былъ золотою чашею въ рукѣ Господа, опьянявшею всю землю; народы пили изъ нея вино и безумствовали. Такъ и о Gollveig'ѣ говорится, что она чаровала обманно; названіе heiþe указываетъ на пониманіе ея, какъ чаровницы. О Вавилонѣ=золотомъ кубкѣ Іереміи сказано въ Апокал. 17, 16, что онъ будетъ сожженъ; такъ жгутъ и Gollveig'у; вавилонская блудница — mater fornicationum et abominationum terrae (Apoc. 16, 5); Гулльвейга—«утѣха злыхъ женъ».

Но Евва = вавилонская блудница обобщается еще въ представленіи сунамитянки Пѣсни Пѣсней, въ ея символическомъ пониманіи грѣшной души, черной, но красивой (l. c. I, 4), взысканной женихомъ-Спасителемъ. Гонорій изъ Autun развилъ этотъ символизмъ въ своемъ Толкованіи на Пѣснь Пѣсней и въ Speculum; здѣсь, по мнѣнію Мейера, мы найдемъ объясненіе и первой войны на землѣ, о которой говорится, въ связи съ Гулльвейгой, въ строфѣ 10-й; безъ Гонорія соотвѣтствующіе эпизоды Vǫluspá — не мыслимы (стр. 98). Вотъ что находимъ во 2-мъ прологѣ къ Expositio in Canticum Canticorum: Imperator supernae reipublicae volens habere heredem, genuit sibi Filium coaequalem... Qui ut filios posset habere regni coheredes, desponsavit ei Pater reginam et concubinam, i. e. angelicam et humanam naturam. Interea quidam princeps tyrannidem arripuit et similis altissimo esse voluit (Migne Patrol. lat. CLXXII, стр. 353). Этотъ князь—Lucifer, возмущеніе его и его сообщниковъ названо: *primum bellum... in aula (sc. coeli)* (l. c. 452), civile bellum (Specul. Eccles., l. c. 1093). Пораженный архангеломъ Михаиломъ и сверженный съ неба, онъ продолжаетъ злоумышлять и совращаетъ человѣка,

котораго Господь устроилъ въ раю. Такъ какъ regina angelica отдалась насильнику, она принуждена раздѣлить его изгнаніе, тогда какъ natura humana призвана къ вѣнцу; но прежде чѣмъ вѣнецъ изготовленъ, первая обманно похищаетъ у второй ея украшеніе: послушаніе Божьей заповѣди, и natura humana въ свою очередь изгнана изъ рая, скитается на землѣ, и исполины вовлекаютъ её все болѣе и болѣе въ пороки, пока женихъ, сжалившись надъ нею, не истребилъ потопомъ ея враговъ и не отдалъ ея на воспитаніе—Ною (Expos. l. c. 353—4; Spec. l. c. 1034).

Это Гулльвейга: Евва и вавилонская блудница, сунамитянка и natura humana, изгнанная и скитающаяся послѣ первой народной войны на землѣ: primum bellum civile; какъ объ Одинѣ въ 13-й строфѣ говорится, что онъ метнулъ копье, такъ и о царѣ Славы, который cum tyranno hujus mundi principe propria manu congreditur (Spec. l. c. 1095). Замѣтимъ кстати, что у Гонорія это говорится—не о первой войнѣ на землѣ, а о Спасителѣ, низвергшемъ въ преисподнюю князя міра сего.

Указанное объясненіе приготовляетъ и слѣдующее: война Азовъ съ Ванами, разрушившими ограду вокругъ замка Азовъ (строфа 13)—не что иное, какъ борьба падшихъ ангеловъ противъ Господа, притязавшихъ на одинаковую власть и почтеніе (строфа 12; сл. стр. 101). Ваны, въ сущности, альфы, идеализованные въ боговъ, но эта идеализація поздняя, общее имъ названіе Вановъ принадлежитъ изобрѣтенію позднѣйшихъ ученыхъ скальдовъ — что вовсе не доказано; ихъ борьба съ Азами сложилась по типу христіанскихъ представленій о возмущеніи ангеловъ, понятомъ, какъ ихъ война противъ Бога, хотя въ основѣ могли лежать какія-нибудь языческія преданія о распряхъ Вановъ именно съ Азами (сл. стр. 102—108). Этихъ преданій мы не знаемъ; допуская ихъ существованіе, Мейеръ открываетъ вопросъ: на сколько ихъ содержаніе предуставило вліяніе созвучнаго, христіанскаго. Такое взаимодѣйстіе онъ допускаетъ (стр. 110 слѣд.) для слѣдующаго эпизода Vǫluspá, строфы 14—15: намѣченныя въ нихъ событія принадлежатъ старому

индогерманскому мотиву, который въ прозаической Эддѣ разсказывается такимъ образомъ: боги договорились съ исполиномъ, что онъ построитъ для нихъ крѣпкій замокъ, а они отдадутъ ему за то Фрею, солнце и мѣсяцъ; по совѣту Локи они разрѣшили строителю пользоваться при этомъ помощью его жеребца Svaðilfari. Уже постройка подходитъ къ концу — и боги задумались: кто это имъ посовѣтовалъ отдать великанамъ Фрею (дѣву Ода, Vǫl. 14), замутить воздухъ? Локи чувствуетъ вину за собой: обратившись въ кобылу, онъ увлекъ за собою исполинова жеребца, такъ что тотъ не былъ въ помощь своему хозяину, а боги, презрѣвъ клятвы, призвали Тора, который ударомъ молота отправилъ великана въ Niflheim. — Къ такому или подобному мифу о созданіи замка присоединилось символическое толкованіе разсказа о вавилонскомъ столпотвореніи (стр. 108 слѣд.). Въ Быт. XI башню строятъ люди; Іосифъ Флавій (Ant. Jud. I, c. 5) ввелъ вмѣсто нихъ представленіе объ исполинахъ — и о Немвродѣ, въ которомъ Исидоръ Севильскій видѣлъ символъ дьявола. Но главнымъ показателемъ и здѣсь является Гонорій: у него (Summa Gloria, c. 2, l. c. стр. 1261) является «gigas, qui turrim Babel construxit contra Deum, in qua primus in mundo tyrannidem arripuit»; въ другомъ мѣстѣ (Spec. l. c. 1095) говорится о Спасителѣ, что онъ «Babyloniam publice rebellem cum rege suo omnique populo in stagnum ignis et sulphuris praecepitabit, sponsam suam hic diu peregrinam, imo captivam, gloria et honore coronans sibi copulabit».—Дѣло идетъ о невѣстѣ-церкви; Мейеръ (стр. 110), очевидно, предполагаетъ символизмъ плѣненной грѣхомъ души, captiva anima, ибо такимъ образомъ получается связь съ ея появленіемъ въ предыдущихъ строфахъ Vǫluspá: это знакомый намъ образъ natura humana, изгнанной въ пору первой борьбы на свѣтѣ изъ рая на землю, увлеченной въ грѣхъ гигантами, находящейся въ вавилонскомъ плѣненіи и подъ конецъ освобожденной; это Gollveig'a, иначе дѣва Ода, въ которой Мейеръ (стр. 112) открываетъ einen überwiegend christlichen Character, хотя именно она и не была въ плѣну какъ невѣста Христа: её только обѣ-

щали отдать въ *награду* за построеніе замка=вавилонской башни, воздвигнутой *противъ воли* Божества, пославшаго на строителей смѣшеніе языковъ. Мейеръ усматриваетъ отраженіе и этой черты въ строфѣ 15-й: «нарушены были клятвы, обѣты, слова, договоры» и т. д. Это объясняется въ миѳѣ появленіемъ Тора; но при чемъ тутъ смѣшеніе языковъ?

Едва-ли во всѣхъ этихъ параллеляхъ отличія не перевѣшиваютъ соотвѣтствій: послѣднія держатся и кажутся вразумительными лишь на столько, на сколько они приготовлены предыдущими толкованіями Гулльвейги, которое авторъ сводитъ (стр. 114) къ слѣдующимъ общимъ чертамъ, отвѣчающимъ содержанію строфъ 10—15: невѣста Христова = человѣческая душа поддается грѣху и изгнана изъ рая въ пору первой міровой войны: возмущенія ангеловъ противъ Господа. Мѣсто плѣненія ея—въ Вавилонѣ, гдѣ она еще болѣе погрязаетъ въ грѣховности, а великаны — кощунствуютъ, возводя свою грозную постройку, пока Господь не вступился снова, смѣшавъ языки, низвергнувъ исполиновъ въ адъ, а невѣсту воспринявъ въ небесныя селенія къ возлюбленному, съ которымъ она такъ долго была разлучена.

Если и допустить это толкованіе, то оно вызоветъ тотчасъ же вопросъ—о композиціи Vǫluspá, о яркой противоположности строфъ 3—8 къ тѣмъ (стр. 10—15), которыя открываются появленіемъ Гулльвейги. Содержаніе первыхъ эпическое и, по толкованію Мейера, библейское: разсказъ идетъ о созданіи свѣта и людей. Строфы о Гульвейгѣ продолжаютъ этотъ разсказъ: связь съ предыдущимъ — въ фактѣ грѣхопаденія, за которымъ должно послѣдовать изгнаніе прародителей, вавилонское столпотвореніе и т. д., но всё это является въ *символическомъ* обобщеніи, не считающемся съ послѣдовательностью фактовъ и смѣло соединяющемъ ихъ внѣ времени по идеѣ прообразованія. Изложеніе является не только пролептическимъ, захватывающимъ впередъ, что̀ нерѣдко въ поэзіи Эдды, но предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ событіями, едва намѣченными въ текстѣ: не зная миѳа объ исполинѣ и Фреѣ, нельзя понять ал-

люзій на него въ 14—15 строфахъ; не зная библейскихъ сказаній и не будучи посвященнымъ въ капризныя тайны средневѣковой символики, никто не понялъ-бы Гулльвейги, въ одно и то-же время Еввы и грѣшной души и caliх aurea Вавилона — если всё это въ ней подразумѣвается. Публика, къ которой обращался христіанинъ, авторъ Vǫluspá, если она обходилась безъ его толкованія, была очевидно посвящена въ эти тайны и раздѣляла его вкусы къ причудливой маркетеріи изъ обрывковъ народнаго миѳа и библіи и христіанскихъ иносказаній.

Какъ видно, мы снова возвращаемся къ сомнѣнію, выраженному уже разъ: о психологической мыслимости такого автора и такой публики. Мы скорѣе представимъ себѣ перваго на такой стадіи двоевѣрія, въ которой языческій матеріалъ еще преобладаетъ, но уже открылся безсознательному вліянію христіанскихъ образовъ и вѣроученія. Подъ руками такого автора народный космогоническій миѳъ сблизится съ библейскимъ, міровое древо приметъ формы райскаго—крестнаго, война Азовъ съ Ванами явится, быть можетъ, отраженіемъ легенды объ отпадшихъ ангелахъ и т. д. Съ этой точки зрѣнія мы поняли бы, что и Гулльвейгу могли сблизить съ Еввой и т. д.; я плохо вѣрю въ это толкованіе, но полагаю вѣроятнымъ, что Гулльвейга, трижды заколотая, трижды сожженная, принадлежала какому-нибудь, неизвѣстному намъ языческому миѳу, прежде чѣмъ стать — caliх aurea Вавилона. Я, впрочемъ, не вижу особой нужды настаивать на значеніи veig = caliх именно въ данномъ случаѣ, когда veig встрѣчается въ окончаніи и другихъ собственныхъ женскихъ именъ: Þórveig, Sólveig, Almveig.

4 *(Спасеніе грѣшной души распятымъ Спасителемъ)*. До сихъ поръ вѣщательница говорила отъ себя въ первомъ лицѣ: я знаю; въ строфѣ 16-й она снова заявляетъ о себѣ, но въ третьемъ: Она знаетъ. Такое чередованіе, повторяющееся и далѣе (сл. строфы 20 и 21), объясняется особенностями пророческаго стиля (стр. 115). Новыя видѣнія, наполняющія 16—18 строфы, переносятъ насъ, между воспоминаніями прошлаго и откровеніями о гряду-

щемъ, къ центральному таинству христіанства: таинству креста и эвхаристіи. Выше (стр. 4 слѣд.) мы сообщили содержанія этихъ видѣній и нашъ взглядъ на экзегетическіе пріемы г. Мейера Затрудненіе представляетъ слѣдующее: на стр. 115 Мейеръ говоритъ, что въ 16-й строфѣ выступаетъ vǫlva, на стр. 130—1 оказывается, что въ 16—19 строфахъ является не она—а та-же Евва, невѣста Христова, душа или Vita, Церковь: она то и созерцаетъ распятіе и воду, истекающую отъ ребра Спасителя; она-то въ строфѣ 17-й сидитъ одиноко, когда старый, грозный Азъ пришелъ и посмотрѣлъ ей въ глаза. Мейеръ сравниваетъ Гонорія Expos. in Cant. Cant. l. c. стр. 360, 361, 379: Fidelis anima, sponsa Christi, cogitans ubi fuerit, ubi erit, ubi sit, ubi non sit, scilicet, quod in originali et actuali peccato fuerit, quod in tremendo judicio Dei erit, gemens et tremens dicit.... Ille qui in mea carne in dextera Patris sedet, meus advocatus, justus judex me de peccatis dolentem, de judicio suo trementem, visitando osculetur.... Christus in carne adveniens dicit sponsae.... O anima mea, cui omnia secreta mea nota feci.... quia oculi tui sunt simplices ut oculi columbarum, scilicet ut prophetae et apostoli. — Такъ сидитъ, въ указанныхъ строфахъ, и sponsa Vǫluspá'ы, когда къ ней приходитъ старый Азъ: ветхій деньми Даніила 7, 15, какъ полагаетъ (стр. 132) толкователь, указывающій, что уже въ Апокалипсисѣ I, 13 (—14) этотъ эпитетъ приложенъ къ Христу, что̀, однако, не оправдывается текстомъ. Дальнѣйшія подробности о сѣверной «sponsa» также возводятся къ Пѣснѣ Пѣсней и комментарію Гонорія: «Сыновья матери моей разгнѣвались на меня, поставили меня стеречь виноградники» (I, 5), говоритъ невѣста Пѣсни Пѣсней; оттого одиночество и жалобы сѣверной sponsa, объясняетъ Мейеръ (стр. 132), находя знаменательнымъ вопросъ, съ которымъ въ 17-й строфѣ поэмы она обращается ко *многимъ:* О чемъ спрашиваете, о чемъ пытаете меня? — Мейеръ, очевидно, имѣетъ въ виду «сыновей матери»; но если въ Пѣсни Пѣсней вопросъ обращенъ къ нимъ, то въ Vǫluspá онъ не только не знаменателенъ, а и непоня-

тенъ. — Ближе къ Пѣснѣ Пѣсней и ея комментаріямъ черта, что (въ строфѣ 19) Одинъ даетъ «невѣстѣ» кольца и ожерелья и даръ мудрыхъ рѣчей и вѣщихъ прорицаній. Сл. Пѣсн. Пѣсн. I, 9: шея твоя въ ожерельяхъ; 10: золотыя подвѣски мы сдѣлаемъ тебѣ съ серебряными блестками. Гонорій l. c. стр. 376, 375 толкуетъ: ожерелье — «interior sensus, variis sententiis et pretiosis lapidibus insignitus, inauris ejus est obedientia, auro sapientiae et argento scientiae decorata». Всё это иносказаніе очутилось въ сѣверной переработкѣ—мудрыми рѣчами и вѣщими прорицаніями: онѣ то даютъ невѣстѣ возможность далеко видѣть въ будущемъ—которое и раскрывается намъ далѣе, до конца поэмы, въ рядѣ широко-очерченныхъ видѣній: отъ «кровавой» жертвы Спасителя до обновленія земли по кончинѣ міра. И этотъ планъ предвосхищенъ Гоноріемъ (l. c. стр. 376) въ другомъ мѣстѣ его толкованій на Пѣсню Пѣсней I, 10: Aurum, id est faciem meam in praesenti vita non poteris videre, sed *similitudinem coelestis claritatis* per illuminationem Scripturarum *videbis* per speculum *in aenigmate*, donec omnibus appareat, quod nunc latet in divinitate. Если редакторъ Vǫluspá воспользовался этимъ указаніемъ, то сознательно или нѣтъ, понялъ его по своему: въ этой жизни ты не узришь лица моего, говорится въ комментаріи, а лишь подобіе небеснаго свѣта въ *иносказаніяхъ* священнаго писанія. Но вмѣсто нихъ передъ нами развертывается рядъ—*видѣній*. Кому онѣ представляются — вотъ вопросъ, созданный толкованіемъ Мейера: если въ строфахъ 16—19 образъ vǫlva'ы уступилъ мѣсто душѣ, невѣстѣ Христовой, и ей именно дается даръ пророчества и видѣній, то и слѣдующія должны принадлежать ей, а не vǫlva'ѣ. Оказывается однако (стр. 133), что мы ошиблись: пророчица 19-й строфы всё та-же вѣщая жена, и мы не можемъ не пожалѣть, что авторъ не объяснилъ намъ подробнѣе свой взглядъ на это загадочное чередованіе или, быть можетъ (?), смѣшеніе двухъ представленій въ одномъ образѣ.

Въ томъ, что пророчитъ на первыхъ порахъ vǫlva, Мейеръ дѣлаетъ нѣсколько значительныхъ выключеній, вмѣняя ихъ поз-

дн҃йшей интерполирующей переработкѣ. На сколько эти выключенія мотивируются соображеніями стиха и стиля — мы ихъ не касаемся, ибо это вопросъ обоюдоострый, допускающій широкій, личный произволъ. Такъ напр. устраняется строфа, открывающая рядъ видѣній: о валькиріяхъ, несущихся издалека на землю, устраняется, какъ шестистрочная (что, можетъ быть, и поправимо) и сознательно миѳологизирующая, что не въ стилѣ составителя Vǫluspá, хотя, замѣчаетъ Мейеръ (стр. 134), явленіе валькирій и шло-бы, какъ зловѣщее знаменіе, къ раскрывающейся затѣмъ катастрофѣ: роковой долѣ Бальдра-Христа и наказанію Локи-Сатаны. Но вотъ что представляется необъяснимымъ — въ объясненіяхъ Мейера, если также не забѣжать къ концу его книги и не ознакомиться съ воззрѣніями автора на личность интерполятора Vǫluspá: судьба Бальдра и Локи внушена Апокалипсисомъ гл. 19, 11—20, 3; въ 14-й главѣ являются одинъ за другимъ 6 ангеловъ, вѣщающихъ грядущій судъ, въ 16-й — семь ангеловъ, изливающихъ на землю чаши Божія гнѣва. Мейеръ считаетъ возможнымъ, что именно эти апокалипсическіе ангелы и внушили интерполятору образъ его валькирій (стр. 136), что, стало-быть ему былъ извѣстенъ источникъ, которымъ пользовался для даннаго эпизода авторъ Vǫluspá'ы, и онъ обратился къ нему-же, чтобы пополнить картину, но заимствованіе замаскировалъ — образомъ воинственныхъ дѣвъ сѣвернаго миѳа. Это возможно, но обусловлено рядомъ такихъ искусственныхъ комбинацій, что граничатъ — съ немыслимостью.

За вычетомъ валькирій, vǫlva'ѣ видится тайная судьба сына Одинова, Бальдра, «*кровью обагреннаго* бога»; такъ понимаются слова: blóþugr tivorr (стр. 137—8). Сл. Апок. 19, 13: Онъ былъ облеченъ въ одежду, *обагренную кровью*.— *Baldr* въ сложныхъ словахъ (folk-, her-baldr) означаетъ: *господинъ*, князь; сл. Апок. 19, 16: царь надъ царями и *Господь надъ господами*. Къ этому сводится всё, что о Бальдрѣ=Христѣ заимствовалъ изъ Апокалипсиса авторъ Vǫluspá, ибо для критики послѣдней не имѣютъ

значенія сопоставленія (стр. 138—9) другихъ подробностей Апокалипсиса о Христѣ—съ чертами, которыми въ сѣверномъ миѳѣ изображался Бальдръ.

Интерполяторъ Vǫluspá не могъ удовлетвориться сдержаннымъ, краткимъ указаніемъ автора (сл. стр. 156: nach seiner discreten, knappen Weise) на «тайную судьбу сына Одинова, Бальдра, кровью обагреннаго бога»—и развилъ его изъ другихъ, очевидно, общеизвѣстныхъ миѳовъ, ибо ихъ содержаніе онъ лишь намѣчаетъ. Разсказывали, что желая отвратить отъ Бальдра смертную долю, его мать, Фригга, взяла клятву со всего на землѣ, звѣрей и растеній и камней, съ огня и воды, болѣзней и ядовъ—что они не станутъ вредить Бальдру; забыта была одна лишь омела. Боги радуются и въ шутку начинаютъ метать въ Бальдра чѣмъ попало, а Локи направилъ руку слѣпаго Hǫrg'a, брата Бальдрова, вооруживъ его вѣткой омелы: она попала въ цѣль, и Бальдръ палъ мертвый.—Мейеръ (стр. 156 слѣд.) принимаетъ толкованіе этого миѳа, предложенное Бугге: Hǫrg — это слѣпой Лонгинъ поздней христіанской легенды, копьемъ прободшій, по наущенію дьявола, распятаго Спасителя; Апокалипсисъ I, 7 говоритъ о многихъ, *пронзившихъ его;* съ этимъ слилась память о многихъ, истязавшихъ Христа въ преторіи (?). Все это отложилось въ сѣверномъ миѳѣ образами Бальдра = Христа, Hǫrg'a = Лонгина, Локи = дьявола и стрѣляющихъ въ запуски боговъ. Еврейское Toledoth Jeshu, полемическое сочиненіе противъ христіанства, составившееся, быть можетъ, уже въ IV—V вѣкахъ, дало новыя черты: по сообщаемой здѣсь легендѣ Іешу = Іисусъ беретъ клятву со всѣхъ деревьевъ, почему, когда его хотятъ повѣсить, предварительно убивъ его камнями, ни одно не держитъ его, ибо раскалывается въ щепы; тогда Іегуда (Іуда) приноситъ изъ своего сада заблаговременно приготовленное имъ особое дерево (кочерышку капусты), на которомъ и вѣшаютъ Христа. Эта кочерышка очутилась на сѣверѣ—вѣткой омелы.

Слѣдующая за тѣмъ подробность, также внесенная, по мнѣнію Мейера. интерполяторомъ (стр. 159—161), остается загадоч-

ной, и самъ Мейеръ отчаявается въ ея объясненіи. Кто этотъ одноногій сынъ Одина, убивающій противника, врага Бальдра? И кого разумѣть подъ врагомъ? Мейеръ разбираетъ этотъ вопросъ въ связи съ разночтеніемъ, принятымъ Мюлленгофомъ; вмѣсто двухъ первыхъ стиховъ (нашей) 21-й строфы, Мюлленгофъ читаетъ:

þá knáVala vígbond snúa,
heldr vǫro harþgǫr hǫpt ór þormôm.

Если вѣрна конъектура Бугге къ Baldrsdraumr 11, то Vali или Váli и есть тотъ таинственный сынъ Одина. Въ такомъ случаѣ онъ, очевидно, убиваетъ не Лонгина = Hǫrr'a, и подъ врагомъ Бальдра разумѣется Локи = Сатана. Мейеръ предполагаетъ, вмѣстѣ съ Виборгомъ и другими, что Vali = избранный сложился по образу Михаила = dux electorum, къ чему могли быть пріобщены и нѣкоторые черты, служащія къ характеристикѣ Христа. Михаилъ дѣйствительно представлялся противникомъ дьявола κατ' ἐξοχήν; но представлялся-ли онъ братомъ Христа, какъ Сатанаилъ богумильскаго вѣрованія? Къ строфѣ 21-й мы еще вернемся, а пока не можемъ не посѣтовать на Мейера, что онъ ни однимъ словомъ не объяснилъ намъ поводовъ, заставившихъ его признать интерполированными строфы, содержаніе которыхъ мы только что разобрали. Причины такого пониманія и выключенія я не вижу — и убогимъ представляется намъ измышленіе составителя Vǫluspá, ограничившаго свои заимствованія изъ Апокалипсиса двумя эпитетами и сведшаго свои вѣщанія о крестной смерти Спасителя къ такой непоэтической строфѣ: «Я знаю Бальдра, обагреннаго кровью бога, сына Одина, тайную судьбу. Фригга плакала въ Фенсалахъ о горѣ Валгаллы». Фригга здѣсь, очевидно, Богородица, говоритъ Мейеръ; въ основѣ облачная богиня=мать, представлявшаяся во время дождя плачущей въ своихъ облачныхъ палатахъ, Fensalir? (стр. 153).

Изъ того, что слѣдующая 21-я строфа снова возвращаетъ насъ, по мнѣнію Мейера, къ Апокалипсису, мы вправѣ, быть

можетъ, заключить, что поводомъ къ указаннымъ выше атетезамъ было — единство предполагаемаго источника, связывающаго образъ обагреннаго бога — съ образомъ его связаннаго противника; отсюда — заключеніе, что все разсказанное посрединѣ, какъ слѣдующее другимъ преданіямъ, не принадлежитъ тому-же автору.

21-я строфа открывается двустишіемъ:

Hapt sá liggja und hvera lunde
aégjarnlíke, Loka óþekkjan.

«Она видѣла связаннымъ, лежащимъ въ *лѣсу горячихъ ключей*, образъ коварнаго, ненавистнаго Локи». Такъ понимаютъ hvera lundr: лѣсъ, мѣстность съ горючими ключами, Мюлленгофъ и Бугге, имѣя въ виду извѣстныя явленія исландской природы. Такъ какъ это указаніе на Исландію отнесло-бы составленіе Vǫluspá ко времени послѣ 1000-го года, что не согласно съ воззрѣніями Мюлленгофа, то онъ и предпочелъ внести въ свой текстъ указанное выше разночтеніе. Если принять въ немъ Vali за названіе Одинова сына и читать въ первомъ стихѣ snúask вмѣсто snúa, мы получимъ такой смыслъ: «Тогда сновались бранныя путы Вали, очень крѣпко были сдѣланы цѣпи изъ кишекъ». Сл. къ этому Gylfag. § 54, гдѣ, впрочемъ, Vali является сыномъ Локи. Если не считаться съ этимъ толкованіемъ, какъ позднимъ и фантастическимъ (сл. Мейеръ 161), то изъ обоихъ варьянтовъ-двустишій получится такой смыслъ: «Локи лежалъ, связанный крѣпкими путами Вали». Мейеръ (139) указываетъ на Апокалипсисъ 20, 1—3: «И увидѣлъ я ангела, сходящаго съ неба, который имѣлъ ключь отъ бездны и большую цѣпь въ рукѣ своей.—Онъ взялъ дракона, змія древняго, который есть діаволъ и сатана, и сковалъ его на тысячу лѣтъ. — И низвергъ его въ бездну и заперъ его и приложилъ печать». Напомнимъ, что въ Апок. 12, 7 сказано: «И сдѣлалась на небѣ война. *Михаилъ* и ангелы его воевали противъ *дракона*, и драконъ и ангелы его воевали. — 9 И низверженъ большой драконъ, древній змій, который называется діаволъ и сатана.... на землю».

Мейеръ, относящій составленіе Vǫluspá къ значительно

болѣе позднему времени, не пугается «лѣса горючихъ ключей»; но и не удовлетворяется и заключающимся въ нихъ указаніемъ на исландскія отношенія. Hverа lundr напоминаетъ ему евр. Dudael = котловина Божія отреченной книги Эноха (стр. 141), ибо hverr означаетъ не только горячій ключь, но и котелъ. Книга Эноха служитъ автору точкой отправленія для объясненія не только связаннаго Локи, но и его миѳическаго отродья: волка Фенри, мірового змѣя и Гелы. Комментируя эти образы, Мейеръ по необходимости переходитъ за предѣлы того, что о нихъ сообщаетъ текстъ Vǫluspá; тѣмъ не менѣе его соображенія интересны, хотя получены они нерѣдко путемъ натяжекъ. Въ результатѣ ихъ Локи оказывается — падшимъ ангеломъ Азазіэлемъ, что, какъ увидимъ, не много прибавляетъ къ предположенному Бугге отождествленію: Локи = Луцифера; міровой змѣй = Левіаѳаномъ, что также высказано было и другими, хотя и не такъ полно мотивировано.

Отрывки, приводимые авторомъ изъ книги Эноха, у него разбросаны. Я сообщу ихъ въ связи [1]).

Когда размножились сыны человѣческіе и у нихъ родились красивыя дочери, сыны неба, ангелы прельстились ими и родили отъ нихъ дѣтей — исполиновъ. Главнымъ начальникомъ и вождемъ падшихъ ангеловъ является Самъйяза. Исполины пожирали все, что производили труды людей, бросаясь и на нихъ и на звѣрей, чтобы пожирать ихъ, такъ что земля возстала на нечестивыхъ. А отъ падшихъ ангеловъ распространилось развращеніе по всей землѣ: Азазелъ научилъ людей дѣлать мечи, ножи, щиты, брони, зеркала, запястья и разныя украшенія; научилъ расписывать брови, употреблять драгоцѣнныя камни и всякаго рода украшенія; Амезаракъ научилъ волшебству и очарованіямъ и т. д. Тогда Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ и Уріилъ, увидѣвъ на землѣ

---

[1]) Сл. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 201 слѣд.; Смирновъ, Книга Эноха (Казань, 1888), стр. 270 слѣд.

потоки крови и всякія злодѣянія, возвѣстили Всевышнему о томъ, что сдѣлали падшіе ангелы. Тогда Всевышній послалъ Арсъйялайюра къ сыну Ламеха: Возвѣсти ему отъ моего имени объ угрожающемъ великомъ разрушеніи — ибо вся земля погибнетъ; воды потопа разольются по всей землѣ, и все, что на ней, погибнетъ. Но ты укажи ему, какъ онъ можетъ спастись.— Потомъ Господь сказалъ Рафаилу: Свяжи Азазела [1]) и положи его во мракъ; сдѣлай отверстіе въ пустынѣ, которая находится въ Дудаелѣ, и опусти его туда. И положи на него грубый и острый камень и покрой его мракомъ, чтобъ онъ оставался тамъ навсегда, и закрой ему лицо, чтобы онъ не смотрѣлъ на свѣтъ. И въ великій день суда онъ будетъ брошенъ въ жаръ (въ геенну). — Подобное порученіе дано Гавріилу — и Михаилу, который долженъ возвѣстить Самъйязѣ о наказаніи, ожидающемъ его и его сообщниковъ въ преступленіи: «свяжи ихъ подъ холмами земли на 70 родовъ до дня суда надъ ними и до окончанія родовъ.

Въ 54-й главѣ Энохъ видитъ долину, горящую пламенемъ; тамъ были орудія, цѣпи желѣзныя безмѣрнаго вѣса: они приготовлены для воинства Азазела, когда ангелы бросятъ ихъ въ горящую печь, въ наказаніе за ихъ преступленія. Въ день суда надъ нечестивыми выйдутъ пожирать ихъ два чудовища, одно мужскаго, другое женскаго пола. Чудовище женскаго пола называется Левіаѳаномъ, оно обитаетъ во внутренностяхъ моря, надъ источниками водъ; чудовище мужскаго пола называется Бегемотомъ; оно живетъ въ необитаемой пустынѣ Дендаинъ.

Откровенія Ноя, наполняющія 65—69-ую главы книги Эноха, повторяютъ съ отличіями кое-что изъ разсказаннаго выше: перечисляются имена падшихъ ангеловъ, но въ перечнѣ есть отличія и колебанія; первымъ обозначенъ Самъйяза. Въ 85-й

---

[1]) Въ книгѣ Левитъ по еврейскому тексту 16, 8 именемъ Азазель называется козелъ отпущенія. У магометанъ Азазель—имя высшаго ангела, который послѣ паденія названъ сатаною. Порфирьевъ, l. c. 202, прим. 1; Смирновъ, l. c., стр. 277 прим. къ 8-й главѣ.

и слѣд. главахъ, въ иносказательномъ видѣніи, представляющемъ, въ подражаніе книгѣ Даніила, всѣхъ людей подъ образомъ животныхъ, вновь пересказывается легенда о смѣшеніи падшихъ ангеловъ съ дщерями человѣческими — и ихъ наказаніи. Энохъ видитъ вышедшаго изъ земли бѣлаго тельца = Адама, телицу = Евву, чернаго и краснаго тельцовъ = Каина и Авеля и т. п.; тельцами являются и потомки Каина и Сиѳа, черные и бѣлые. Нѣсколько звѣздъ упало съ неба,. стали пастись среди воловъ и съ телицами, зачавшими отъ нихъ слоновъ, верблюдовъ иословъ. Эноху представляется въ сновидѣніи Божій судъ надъ неправедными: четыре бѣлыхъ мужа сходятъ съ неба, схватываютъ звѣзды, ниспадшія съ неба, и бросаютъ ихъ въ пропасть земли.—Далѣе то-же иносказаніе продолжается: бѣлымъ тельцомъ является и Авраамъ; отъ него родились онагръ и бѣлый волъ: Измаилъ и Исаакъ; отъ бѣлаго вола родились черный вепрь и бѣлая овца: Исавъ и Іаковъ и т. д.

Обратимся къ попыткѣ Мейера: истолковать видѣніями Эноха миѳъ о наказаніи Локи и вообще миѳы о немъ. Онъ видитъ въ немъ отраженіе Азазела, котораго возводитъ въ главы падшихъ ангеловъ (стр. 140—141), что не оправдывается текстомъ Видѣній. Азазелъ научаетъ людей дѣлать мечи, ножи, зеркала и т. д.: Локи заставляетъ дверговъ изготовлять подобныя-же поделки—но для боговъ, замѣчаетъ Мейеръ (стр. 142), что далеко не то-же, какъ и наказаніе Азазела далеко не отвѣчаетъ карѣ, постигающей Локи въ Vǫluspá и Снорровой Эддѣ (стр. 140); соблазнительнымъ, въ смыслѣ сближенія, является лишь этимологія Dudael: hvera lundr. И далѣе Мейеръ выдѣляетъ Азазела изъ сонма падшихъ ангеловъ, ибо лишь при такой постановкѣ мыслимъ его параллелизмъ къ Локи. Порожденіями Локи является конь Одина, Sleipnir[1]), чудовища: волкъ Фенри и міро-

[1]) Мейеръ, стр. 142, указываетъ еще на миѳъ, по которому Локи пребывалъ подъ землею въ видѣ телящейся коровы. Разумѣется, вѣроятно, Lokasenna 23, гдѣ Одинъ говоритъ Локи: восемь зимъ былъ ты подъ землею «kýr

вой змѣй — и Гела-смерть; ангелы, падшіеся съ смертными женами (Мейеръ, стр. 148, выдѣляетъ и здѣсь, но безъ видимаго права, Азазела), порождаютъ исполиновъ, по Синкеллу: гигантовъ, «гиганты же родили Нафилимовъ, а у Нафилимовъ родились Еліуды» (стр. 141); о Бегемотѣ и Левіаѳанѣ нѣтъ рѣчи. Между тѣмъ Мейеръ (стр. 149) выражаетъ гипотезу, что Бегемотъ и Левіаѳанъ лишь другое выраженіе для гигантовъ и ихъ отродья, и получаетъ соотвѣтствіе: Бегемотъ, Левіаѳанъ и Eliud= Фенри, міровой змѣй и Гела, покой которой и зовется въ Gylf. 34: Eljuðnir: Eliud (стр. 150). Ясны поводы къ такому сближенію, видимо держащемуся на заманчивомъ созвучіи: Eljuðnir=Eliud: Мейеръ припомнилъ слоновъ, верблюдовъ и онагровъ, порождаемыхъ падшими ангелами — и Азазеломъ; такимъ-же звѣринымъ типомъ отличается и отродье Локи. Но не надо забывать, что въ книгѣ Эноха эти образы не заключаютъ въ себѣ ничего отрицательнаго, чудовищнаго: дѣло — въ иносказаніи, простирающемся и на Адама — вола и на овцу — Іакова, что не даетъ повода ни къ какимъ заключеніямъ — въ смыслѣ Мейера. Если намъ отвѣтятъ, что виноватъ въ такомъ пониманіи не Мейеръ, а авторъ Vǫluspá'ы, то это прибавитъ лишь новую загадочную черту къ его литературной личности, какъ представляетъ её себѣ Мейеръ. Чѣмъ она исключительнѣе, тѣмъ менѣе вмѣняема; за то не вмѣняема — и критикѣ.

Со всѣмъ тѣмъ мы не отрицаемъ вліянія библейско-христіанскихъ Бегемота и Левіаѳана на какія-нибудь народныя зооморфическія представленія, давшія въ результатѣ образы Фенри и міроваго змѣя. Я только говорю, что эти сближенія, уже давно сдѣланныя, получены были не на почвѣ — книги Эноха. Въ какомъ видѣ стала она извѣстна автору Vǫluspá — Мейеръ не поясняетъ: знакомая писателямъ первыхъ вѣковъ христіанства,

---

molkandi ok kona», что можно перевести: доящимъ коровъ и женою (т. е. въ образѣ доящей жены), либо: дойной коровой и женою. Мыслимо единственно первое, хотя относящагося сюда мѣста мы и не знаемъ.

она извѣстна была впослѣдствіи, до открытія ея эѳіопскаго текста въ 1773 году, лишь по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ хроникѣ Георгія Синкелла.

Послѣ долгаго экскурса, вызваннаго таковымъ-же у Мейера, вернемся къ 21-й строфѣ Vǫluspá: Локи лежитъ, связанный, у него сидитъ, нерадостная, жена его Сигинъ. Сноррова Эдда (сл. стр. 154 слѣд.) досказываетъ: надъ Локи повѣшена змѣя, ея ядъ капаетъ на узника, но Сигинъ не даетъ каплямъ дойти до него, собирая ихъ въ подставленную чашу. Мейеръ полагаетъ (стр. 155), что авторъ книги Эноха, создавая своего Азазела, погрязшаго подъ камнями, имѣлъ въ виду—Атласа, наказаннаго тѣмъ, что онъ обреченъ выносить тяжесть неба, и что авторъ Vǫluspá, преобразивъ Азазела въ Локи, обратился къ тѣмъ подробностямъ античнаго миѳа, которые обойдены были книгой Эноха — и создалъ образъ Сигины, собирающей капли яда, изъ легенды о дочеряхъ Атласа, которыя усыпляютъ змѣю, обвивавшую древо Гесперидъ, напаяя её изъ чаши соннымъ зельемъ. Самое имя Сигины не что иное, какъ искаженіе Гезіоны, жены Атласа. Далѣе (стр. 298) Мейеръ отказался отъ этого отождествленія—не отъ уравненія: Атласъ: Азазель: Локи, относительно котораго мы повторимъ сомнѣніе, уже выраженное при другомъ случаѣ: мыслимо-ли, чтобы перескащикъ или подражатель (въ данномъ случаѣ авторъ Vǫluspá) могъ такъ вѣрно угадать источникъ (миѳъ объ Атласѣ) своего оригинала (книга Эноха), не смотря на покровъ парафразы, что въ состояніи былъ обратиться къ нему самостоятельно съ цѣлію новаго заимствованія? Даже Мейеръ не можетъ воздержаться отъ выраженія своего удивленія (Ueberraschung стр. 155) къ такой проницательности.

5 *(Адъ и Рай)*. Пророческія видѣнія «невѣсты», «души», въ предъидущемъ отдѣлѣ свелись къ немногому: видѣнію обагреннаго кровью Бога, о которомъ плачетъ Фригга-Марія, и связаннаго Локи-Азазела, у котораго сидитъ жена его Сигина. Непосредственно за тѣмъ мы переносимся въ строфахъ 22—25 къ

образамъ рая и ада и раздѣляющей ихъ рѣки — какъ и въ христіанскихъ легендахъ объ области представляются сосѣдящими другъ съ другомъ и также отдѣленными другъ отъ друга стѣной либо рѣкой (стр. 162). Страннымъ кажется, что имѣя въ виду такой распорядокъ, авторъ Vǫluspá началъ съ образа именно рѣки (строфа 22), страшной (Slíðr; сл. стр. 165), влачащей ножи и мечи: подробность, напоминающая Мейеру (стр. 163) сходный образъ въ видѣніи Годескалька — и Виргиліевъ (Aen. 6, 540, 199) Флегетонъ, влекущій sonantia saxa: онъ почти готовъ предположить (стр. 165), что *sǫxom* (ножами) сѣвернаго текста могло быть подсказано созвучнымъ *saxa* Энеиды!

И такъ рѣка, адская, течетъ съ востока; такъ въ 22-й строфѣ, второй половины которой не достаетъ — и это затрудняетъ отвѣтъ на вопросъ: относительно рѣки или чего другого опредѣляется положеніе палатъ, описанныхъ въ слѣдующей, 23-й строфѣ. Одна изъ нихъ, золотая, стоитъ въ Niðavellir *къ сѣверу*, другая въ Ókolni. Müllenhoff (Deutsche Alterthumskunde V, I, стр. 118) говоритъ, что выраженіе «къ сѣверу» имѣетъ въ виду вѣщающую vǫlva'у: къ сѣверу отъ нея. Мейеръ не касается этого вопроса, представляющагося, именно съ его точки зрѣнія, существеннымъ: если рѣка и дворцы и все слѣдующее въ этомъ отдѣлѣ принадлежитъ христіанскому представленію, то обязательно было сосчитаться съ его топографіей. Я не помню, чтобы она помѣщала жилища блаженныхъ — на сѣверѣ, а, по мнѣнію автора, дворцы 23-й строфы являются именно таковыми: золотая палата и пиршественный, ближе: пивной покой, покой, гдѣ пьютъ. Синдри и Бримиръ—языческія арабески на постройкѣ христіанскаго характера: Синдри — показатель рода дверговъ, ковачей, извѣстныхъ своими подѣлками изъ золота; его имя и явилось въ связи съ золотой палатой, точно также какъ имя Бримира, старосѣвернаго великана, владѣтеля пивнаго котла, связалось естественно съ образомъ пиршественнаго покоя. Въ сущности золотая палата и покой, гдѣ пьютъ, принадлежатъ Видѣнію апостола Павла: онъ видитъ *городъ* блаженныхъ съ *зо-*

лотыми вратами, страну чистыхъ сердцемъ, блестѣвшую паче золота и серебра, наконецъ *градъ* Божій съ рѣками *меда*, *млека*, *елея и вина*, уготованными для праведныхъ. Городъ съ золотыми вратами очутился золотой палатой, рѣки вина и т. д. дали сюжетъ для палаты Бримира. Остается вопросомъ: почему эти покои стоятъ на сѣверѣ и именно въ Niðavellir, т. е. въ *темныхъ долинахъ*: zu Finsterfelden, какъ переводитъ Müllenhoff (l. c. стр. 118)? Названіе пиршественнаго покоя Ókolnir: «не холодный» вызываетъ у Müllenhoff'a (l. c. стр. 120) идею никогда не замерзающаго океана, у Мейера (l. c. стр. 167) ничѣмъ не мотивированную параллель изъ книги Эноха 14, 9: образъ небесной палаты, окруженной пламенемъ и вмѣстѣ холодной, какъ ледъ, и изъ Беды: представленіе адскаго огненнаго и вмѣстѣ студенаго вѣтра (стр. 168).

Христіанскіе мотивы подсказывались всякому, читавшему строфу 23-ю и слѣд.; одно время мнѣ казалось вѣроятнымъ, что аллитерація: norþan — Nipavǫllum явилась по ошибкѣ вмѣсто другой: austan—Ipavǫllum; Ipavellir—знакомое намъ изъ Vǫluspá выраженіе для рая — Эдема, который представляли себѣ на Востокѣ. Я ставлю это, какъ гипотезу, имѣя въ виду и другое рѣшеніе вопроса, о чемъ далѣе; темныя долины и «не-холодная» палата *на сѣверъ* во всякомъ случаѣ не идутъ къ представленію обители блаженныхъ, тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ Мейеръ (стр. 169), на сѣверѣ представляли себѣ именно адскія селенья. Онѣ описаны въ строфѣ 24-й: если о нихъ говорится, что ихъ двери обращены къ сѣверу, тогда какъ имъ естественнѣе открываться къ югу—для приходящихъ, то Мейеръ (стр. 169—170) усматриваетъ въ этомъ отраженіе книги Іезекіиля — съ толкованіями блаженнаго Іеронима, которымъ, какъ оказывается, нерѣдко пользовался составитель Vǫluspá. Именно толкованія Іеронима могли дать поводъ перенести на тотъ свѣтъ видѣніе пророка, имѣвшее въ виду — иносказательное изображеніе дѣйствительности, Іерусалима и Іерусалимскаго храма. Огненный мужъ поднялъ Іезекіиля «между землею и небомъ и принесъ меня

въ видѣніяхъ Божіихъ въ Іерусалимъ ко входу внутреннихъ вратъ, обращенныхъ къ сѣверу» (VIII, 3); онъ велитъ ему войти и посмотрѣть на мерзости, какія тамъ дѣлаются: «И вошелъ я и вижу, и вотъ всякія изображенія пресмыкающихся и нечистыхъ животныхъ, и всякіе идолы дома Израилева, написанные по стѣнамъ кругомъ» (VIII, 10): имъ поклоняются старѣйшины израильскіе. — Изъ главы XLVII 1—2 оказывается, что храмъ стоитъ лицомъ на востокъ, изъ подъ его праваго бока, по южную сторону жертвенника, течетъ вода также на востокъ; въ ту-же сторону ведетъ Іезекіиля и таинственный мужъ, выведя его изъ храма сѣверными воротами. «Когда тотъ мужъ пошелъ на востокъ, то въ рукѣ держалъ шнуръ и отмѣрилъ тысячу локтей и повелъ меня по водѣ; воды было по лодыжку» (16, 3), на слѣдующую тысячу локтей ея было по колѣно, далѣе по поясницу, а далѣе нельзя было и идти. Эта вода сойдетъ въ равнину и войдетъ въ море, говоритъ мужъ, и воды его сдѣлаются здоровыми, и куда ни войдетъ этотъ потокъ, всё будетъ живо; по берегамъ его будутъ рости всякія дерева, листья ихъ не будутъ увядать, плоды не будутъ истощаться, и каждый мѣсяцъ созрѣвать новые. — Чтобы покончить съ Іезекіелемъ, замѣтимъ, что «мерзости», о которыхъ говорится въ главѣ VIII, слѣдуетъ связать, по мнѣнію Мейера, съ указаніями гл. XXXIII 25—6: «вы ядите съ кровію и поднимаете глаза ваши къ идоламъ вашимъ и проливаете кровь... Вы опираетесь на мечъ вашъ, дѣлаете мерзости, оскверняете одинъ жену другого, и хотите владѣть землею». — Толкуя эти видѣнія, бл. Іеронимъ усматривалъ въ потокѣ, текущемъ на востокъ, — воду жизни и церковнаго ученія, *поминая*, по этому поводу «aquae turbidae, coenosae, amarae», назначенныя для haereticі, versipelles и fraudulenti.

У насъ въ рукахъ главные матерьялы, изъ которыхъ сложились образы 24—5 строфы: изъ покоя въ храмѣ со стѣнами, расписанными изображеніями звѣрей и идоловъ, сдѣлался адскій покой, сплетенный изъ змѣиныхъ хребтовъ; потокъ, текущій

на востокъ сближается (стр. 169—70) съ рѣкой строфы 22-й, текущей *съ востока* и также непроходимой. Мученія грѣшниковъ именно въ адской рѣкѣ или рѣкахъ извѣстны изъ Видѣнія Павла (стр. 165) и средневѣковой легендарной литературы, но Мейеръ не дѣлаетъ заключеній, которыя естественно подсказываются при его сопоставленіи Slidr'a съ потокомъ Іезекіиля: какъ въ послѣднемъ пророкъ погрязаемъ по лодыжку, колѣна и т. д., такъ и въ видѣніи Павла, грѣшники караются неравномѣрнымъ погруженіемъ въ рѣку (Apocal. Pauli, ed. Tischendorf, Apoc. apocr. стр. 57). Дѣло въ томъ, что о Слидрѣ говорится въ 22-й строфѣ, о грѣшникахъ-же, бредущихъ въ тяжелыхъ волнахъ, въ 25-й, послѣ описанія адской палаты—и Мейеръ представляетъ себѣ, что эти волны находятся въ какомъ-то покоѣ, какъ у Heinricus Salteriensis, Purgatorium Patricii (стр. 167). Но къ такому пониманію образа ничего не обязываетъ.

Въ заключеніе этого обзора отмѣтимъ одно наше недоумѣніе: грѣшники 25-й строфы сближаются съ таковыми-же у Іезекіиля XXXIII, 25—26, гдѣ говорится и о человѣкѣ, оскверняющемъ жену другого. Тоже и въ 25-й строфѣ Vǫluspá—но въ стихѣ, признаннымъ за интерполированный, между прочимъ, и Мейеромъ. Г. Мейеръ (стр. 170) пораженъ не только этимъ совпаденіемъ вообще, но и тѣмъ, что и тамъ и здѣсь говорится въ единственномъ числѣ—о совратившемъ. Мы опять приходимъ къ вопросу о чудесной прозорливости интерполятора, и здѣсь съ точностью угадавшаго источникъ, изъ котораго черпалъ авторъ сѣверной поэмы въ этомъ эпизодѣ.

Къ мученіямъ грѣшниковъ въ христіанскомъ аду относится и ихъ терзаніе, напр. змѣемъ. Въ 25-й строфѣ Vǫluspá роль терзающихъ звѣрей предоставлена волку и змѣю Níðhǫggr. Въ волкѣ Мейеръ склоненъ признать германскій элементъ (стр. 169), но онъ не устоялъ противъ сближенія волка и Níðhǫggr'a съ Fenrir'омъ и міровымъ змѣемъ, т. е., по его толкованію съ Бегемотомъ и Левіаѳаномъ библейскаго преданія. О послѣднихъ говорится, что на страшномъ судѣ они пожрутъ людей; но во

1-хъ въ 25-й строфѣ Vǫluspá дѣло идетъ не о страшномъ судѣ, а о наказаніи въ аду; во 2-хъ, по Gylfaginning не только Фенриръ, но и міровой змѣй падутъ въ послѣдней битвѣ боговъ, и если 42-я строфа Vǫluspá ничего не говоритъ о гибели послѣдняго, то не потому, чтобы она ее игнорировала, а потому, что могла обойдти, какъ извѣстное, какъ и другіе миѳы являются въ поэмѣ болѣе намѣченными, чѣмъ разсказанными. Въ такомъ случаѣ міровой змѣй не можетъ быть тождественъ съ Niþǫgr'омъ 51-й, и прибавимъ, и 25-й строфы. Это сближеніе, во всякомъ случаѣ, должно быть оставлено, какъ ненужное.

6. Отдѣлъ (стр. 26—30), обособленный толкователемъ подъ заглавіемъ: *природныя знаменія страшнаго суда*, принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ — и въ текстѣ и въ комментаріи. Загадочная старуха, питающая на востокѣ отродье Фенрира (строфа 26), оказывается Вавилономъ Исайина пророчества и средневѣковыхъ представленій [1]): запустѣлымъ городомъ, обиталищемъ демоновъ и чудовищъ, откуда выйдетъ Антихристъ. Такъ сидитъ и старуха, питая отродье Фенрира, которое должно объявиться въ концѣ дней: одинъ изъ этого отродья похититъ мѣсяцъ, будетъ пожирать людей и — обагритъ (ихъ) кровью сѣдалище боговъ. Послѣдній образъ—чисто реторическій, и нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ немъ указаніе на атмосферическое явленіе побочныхъ солнцевъ, которыя въ Исландіи называли solvarg или solulv (солнечный волкъ) и считали дурнымъ знаменіемъ (стр. 174). Какъ въ этомъ я несогласенъ съ Müllenhoff'омъ, такъ и въ слѣдующемъ толкованіи, также принятомъ Мейеромъ: что «единственный» похититель мѣсяца — именно Фенриръ. Едва ли можно представить себѣ, чтобы кто нибудь выразился такъ нелѣпо: старуха питаетъ отродье Фенрира, изъ него будетъ одинъ—Фенриръ! Нечего и говорить, что пожираніе имъ людей снова вызываетъ параллель — Бегемота!

---

[1]) Сл. стр. 172—3 и къ библіографіи мотива о пустынномъ Вавилонѣ мои Разысканія, гл. XI, стр. 89 прил. 1.

Помраченіе солнца и наступленіе вредоносныхъ временъ (строфа 27) являются и въ христіанскихъ легендахъ знаменіемъ грядущаго суда. Но это и все, что могло быть навѣяно библейско-христіанскими образами, ибо старуха = Вавилонъ принадлежитъ къ числу сближеній, ничѣмъ не обоснованныхъ.

Она-же разумѣется подъ видомъ исполинши въ строфѣ 28-й, приводящей насъ, послѣ долгихъ блужденій въ области христіанской легенды и символики, на почву сѣвернаго миѳа—ибо Эгтеръ, пастырь или стражъ исполинши, принадлежитъ ему, и мы выше (стр. 2) указали на значеніе, какое съ нимъ соединяетъ (Мюлленгофъ) и Мейеръ. Это демонъ вѣтра въ образѣ стража; какъ его немѣцкій собратъ, близкій ему по имени, Eckewart или Eckehart, онъ сторожитъ область, полную блаженства и веселія—и предостерегаетъ отъ граничащей съ нею области смерти: онъ весело бряцаетъ на арфѣ въ лѣсу, полномъ «птичьяго клика» (Gaglvipr), и вмѣстѣ — онъ стражъ исполинши, т. е. предостерегаетъ отъ нея, отъ грядущихъ бѣдствій, какъ игривый вѣтеръ возвѣщаетъ страшныя грозы (стр. 177), Eckewart—приближеніе дикой охоты.

Это даетъ автору поводъ къ экскурсу объ этомъ повѣрьѣ (стр. 179 слѣд.), который долженъ объяснить намъ не только содержаніе 28—30-й строфъ, но, неожиданно для насъ, и вставную строфу о норнахъ, о которой говорено было выше. И здѣсь интерполяторъ пошелъ на встрѣчу автору, хотя и не догадливо, ибо если его норны принадлежатъ миѳу о Дикой охотѣ, имъ не слѣдовало являться раньше и внѣ связи съ нею (ср. стр. 178—9). Объясненія Мейера сводятся къ слѣдующему: въ нѣмецкихъ, особливо южныхъ повѣрьяхъ Дикая охота является въ связи съ тремя «дикими женами» или Heilräthinnen, отвѣчающими сѣвернымъ норнамъ, съ пѣтушьимъ кликомъ и появленіемъ собаки — призрака; впереди идетъ Eckehardt, предупреждая о дикомъ охотникѣ, который также толкуется, какъ вѣтеръ (стр. 180). Значеніе такое: передъ началомъ бури показываются облачныя жены (норны), Heilräthinnen, вѣтеръ заводитъ веселыя пѣсни (Ecke-

hardt), а затѣмъ уже разражается гроза съ ея различными шумами и молніей (Дикая охота, пѣтухи и собака). Древніе германцы читали будущее въ явленіяхъ природы, въ данномъ случаѣ въ явленіи грозы; авторъ Vǫluspá приложилъ этотъ народный мотивъ къ вѣщанію о конечныхъ судьбахъ міра: его Eggþér = Eckehardt, исполинша отвѣчаетъ Дикому охотнику, три пѣтуха (строфы 28 и 29) распредѣлились по тремъ мірамъ; также лаетъ песъ, но это песъ—адскій; Мейеръ принялъ гипотезу Bugge, сближавшаго Garmr'a 30-й строфы съ Кербероmъ Энеиды, 6,417:

> Cerberus haec ingens latratu regna trifauci
> personat, adverso recubans immanis in antro.

Adversum antrum = Gnipahellir (стр. 181). — Всё это вѣщаетъ конечную грозу, имѣющую разразиться надъ міромъ: страшный *судный день* побѣдныхъ боговъ — какъ мы перевели Ragnarǫk, рядомъ съ которымъ существуетъ и другое выраженіе для тогоже понятія: ragna røkkr: мракъ, сумерки боговъ, какъ и въ христіанскихъ представленіяхъ dies judicii представлялся какъ vespera mundi (стр. 182).

Если устранить параллель съ Кербероmъ, ненужнымъ образомъ усложняющую вопросъ объ источникахъ этого эпизода Vǫluspá, то получится довольно цѣльный образъ, въ которомъ недостаетъ одного момента доказательности: нѣтъ движенія, котораго мы ожидаемъ въ явленіи грозы = Дикой охоты, перенесенной авторомъ къ знаменіямъ послѣдняго дня. Этгеръ сидитъ и бряцаетъ, сидитъ исполинша и поютъ пѣтухи; между тѣмъ ничто не мѣшало автору Vǫluspá удержать здѣсь мотивъ грозоваго движенія, если онъ ощущалъ его какъ таковой. Автору— или интерполятору? Мейеръ ставитъ именно такой вопросъ на стр. 181, хотя въ своемъ текстѣ Vǫluspá онъ не колеблясь приписывалъ первому весь эпизодъ о «Дикой Охотѣ».

Я не ищу въ немъ христіанскихъ элементовъ, но могу привести соотвѣтствующія параллели къ вѣщему пѣнію птицы — передъ воскресеніемъ мертвыхъ· Сл. въ отреченномъ откровеніи

ап. Іоанна: когда затрубятъ ангелы ἀπὸ τῆς φωνῆς ἐκείνης τῆς σάλπιγγος σαλευθήσεται πᾶσα ἡ γὴ, καθῶς προεῖπεν ὁ προφήτης, καὶ ἀπὸ τὴν φωνὴν τοῦ στρουθίου ἀναστήσεται πᾶσα βοτάνη, τουτέστιν ὑπὸ τὴν φωνὴν ἀγγέλου ἀνάστησεται πᾶσα φύσις ἀνθρωπίνη. Въ Вопросахъ и Отвѣтахъ: «Іванъ рече: Рябъ пищитъ, ихже зоветъ, а не родилъ есть. Григории рече: Аггелъ вострубитъ и мертвые возстанутъ»; въ одномъ разнорѣчіи стиха о Голубиной книгѣ съ «послѣднимъ временемъ» приводится въ связь движеніе страфила:

Страфилъ птица востренёхнетца,
Всё синё море восколыхнетца,
Тады будя время опослѣднее,

тогда какъ въ мусульманскихъ преданіяхъ, наоборотъ, гигантскій бѣлый пѣтухъ перестанетъ пѣть, когда настанетъ день воскресенія [1]).

Замѣтимъ, что строфа 30-я Vǫluspá: о лаѣ Garmr'a повторяется, какъ припѣвъ, и далѣе, въ строфахъ 35 и 44. Авторъ могъ обобщить эту подробность, но самый фактъ повторенія позволяетъ поставить вопросъ: имѣемъ-ли мы право тѣсно связывать образъ лающаго пса именно съ исполиншей и Эгтеромъ и пѣтухами, т. е., какъ думаетъ толкователь, съ повѣрьемъ о Дикой Охотѣ?

7 *(Знаменіе страшнаго суда на землѣ и на небѣ).* Содержаніе 31-й строфы невольно подсказываетъ христіанскія параллели, и Мейеръ (стр. 182 слѣд.) указываетъ на нихъ, не забывая и замѣтку Мюлленгофа: что конецъ міра всюду долженъ былъ вызывать представленіе о разложеніи нравственныхъ устоевъ общества—и сходныя, по выраженію, знаменія. Вѣроятность христіанскаго вліянія на этотъ родъ представленій Vǫluspá стоитъ въ прямой зависимости отъ вѣроятности, что и внѣ этого вліянія германскій міръ могъ дойти до идеи «суднаго дня».

---

[1]) Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 216 прим.; Tischendorf, Apoc. apocrypbae стр. 77; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 389.

Авторъ Vǫluspá пользовался для своей 31-й строфы между прочимъ Евангеліемъ отъ св. Марка 13, 12 и 8; интерполяторъ этой строфы тѣмъ же источникомъ 13, 4, 7 (сл. стр. 184).

Интересенъ экскурсъ Мейера (стр. 185 слѣд.), выводящій насъ за предѣлы Vǫluspá: о Líf'ѣ и Lífþraser'ѣ, притаившихся, въ пору страшнаго суда, въ древѣ Hoddmimir'a, гдѣ ихъ питаютъ росы. Мейеръ указываетъ на Лактанція (Instit. div. 7, 17), по которому не всѣ люди погибнутъ въ послѣдніе дни, одна треть спасется въ пустыни; сл. его-же Epitome c. 72: descendit a Deo pluvia benedictionis matutina et vespertina.... omnibus Deus copiosum atque innocentem victum ministrabit. Лактанцій могъ имѣть въ виду Іезекіиля XXXIV, 25: безопасно будутъ жить въ степи и спать въ лѣсахъ; 26: дождь буду ниспосылать въ свое время; это будутъ дожди благословенія; 27: и полевое древо будетъ давать плодъ свой.... и будутъ они безопасны на землѣ своей. — Бл. Іеронимъ толкуетъ это древо, какъ lignum vitae.

Содержанія 33-й строфы мы уже коснулись въ началѣ этого отчета (стр. 7—8), выразивъ сомнѣніе относительно отождествленія Мимира съ св. Духомъ, его сыновъ съ ангелами, Gjallarhorn'a съ распятіемъ—крестомъ. Мейеръ толкуетъ эту строфу въ связи съ еванг. отъ Матѳ. 24, 29: силы небесныя поколеблются; 30: тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси; и тогда восплачутся всѣ племена земныя и узрятъ сына человѣческаго грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою; 31: и пошлетъ ангеловъ своихъ съ громкимъ трубнымъ гласомъ.—Согласно съ этимъ въ нашей строфѣ: силы небесныя поколеблются = взыграютъ ангелы (сыны Мимира); явится знаменіе Сына человѣческаго: объявится на древнемъ рогѣ=крестѣ Спаситель; ангелы трубятъ, какъ трубитъ Геймдаллъ. — Спаситель на крестѣ полученъ изъ толкованія выраженія 32-й строфы: mjǫtǫrr kyndesk—at eno gamla Gjallarhorne, причемъ mjǫtǫrr= Спаситель, какъ часто въ англосаксонскомъ: meotod (стр. 189). Чтеніе Petersen'a: miǫtvirr=древо созданія не поддержано варь-

нятами, но съ точки зрѣнія христіанской символики Иггдразила даетъ хорошій смыслъ: объявляется древо созданія = крестъ при звукѣ Геймдаллова рога (спрятаннаго подъ нимъ); бесѣда Одина съ головой Мимира, необъясненная Мейеромъ, непонятная и мнѣ, все-же переноситъ насъ къ древу Мимира, его источнику, находившемуся подъ деревомъ; въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Gylfag. с. 51 Одинъ ѣдетъ къ источнику Мимира и держитъ съ послѣднимъ совѣтъ. Чтобы представить себѣ эту картину надо, быть можетъ, забыть о положеніи Иггдразила подъ землею, вспомнить его отождествленіе съ крестнымъ древомъ: оно и явится знаменіемъ грядущаго суда. Въ Вопросахъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской (Тихонравовъ, Памятники II, 177) по воскресеніи мертвыхъ Господь пошлетъ ангеловъ по лицу всей земли, «и возмутъ отъ нея все славное и честное, и сватыя книги и славныи и честныи кресты и сѣсоуды цр҃ковныя и всё на облацѣхъ вознесется, и *великій честный крестъ, на нем-же роуцѣ свои простертъ*». Та-же подробность, снесеніе креста, знакома и другимъ эсхатологическимъ статьямъ и видѣніямъ (Слово Палладія мниха, Видѣніе Григорія въ Житіи Василія Новаго и др.). Привлекая эти тексты, я имѣю въ виду не указаніе источника, а лишь параллель къ образу: объявившагося (изъ подъ земли?) мірового, крестнаго древа, содрагающагося — въ виду надвигающейся на міръ кары, ибо йотунъ освободился, сорвался и всѣ страшатся вступить на смертный путь, á helvegum — прежде чѣмъ помчится родичъ Сурта, т. е. тотъ-же йотунъ. Страхъ людей вступить на смертный путь не только развивается въ частностяхъ въ строфѣ 34-й, но повторяется сознательно и далѣе: строфа 38-й: мужи вступаютъ на путь Гелы, смертный; 42-я: всѣ люди покинутъ жилища. — «Йотунъ сорвался» — «родичъ Сурта помчится» явятся въ такомъ случаѣ тавтологіей, параллельными формулами, обычными въ стилѣ сѣверной поэзіи; такая тавтологія получается съ замѣной въ строфѣ 33-й hleyrir вм. gleyrir, которую Sijmons принялъ въ свой текстъ, слѣдуя указанію Мюлленгофа, предполагающаго въ томъ йотунѣ —

Фенрира. Мейеръ держится чтенія рукописей и переводитъ: прежде чѣмъ родичъ Сурта его, т. е. міровое дерево, поглотитъ. Кто этотъ родичъ Сурта? Мейеръ (стр. 192—3) отвѣчаетъ: Суртъ — демонъ пламени, его родичъ — огонь, который и пожретъ, поглотитъ міровое древо. Извѣстна карающая, все-истребляющая роль огня въ христіанской эсхатологіи (стр. 193), и на этой параллели можно было успокоиться, но прибѣгая для объясненія содрагающагося, стонущаго Иггдразила къ предположенію новыхъ источниковъ. Мейеръ (181—2) исходитъ изъ Еванг. отъ Матѳ. 24, 32; послѣ знаменій 29—31, цитованныхъ выше, приводится примѣръ смоковницы: «когда вѣтви ея уже становятся мягки и пускаютъ листья, то знаемъ, что близко лѣто», т. е. судный день «близко при дверяхъ» (l. c. 33). Эту смоковницу средневѣковые толкователи сблизили съ неплодной смоковницей, проклятой Господомъ (Матѳ. 21, 19 слѣд.), а авторъ Vǫluspá — съ древомъ Ассура у Іезекіиля XXXI и его комментатора Іеронима. «Вотъ Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ»; слѣдуетъ грандіозное описаніе дерева, дѣйствительно напоминающаго міровое: Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ, воды ростили его, бездна поднимала его, рѣки ея окружали питомникъ его; оттого высота его перевышала всѣ дерева полевые, ни одно не равнялось съ нимъ красотою; на сучкахъ его вили гнѣзда всякія птицы небесныя, подъ вѣтвями его выводили дѣтей всякіе звѣри полевые, подъ тѣнію его жили многочисленные народы. Господь такъ украсилъ его — а сердце его возгордилось величіемъ, и Господь отвергъ его, отдалъ его въ руки властителя народовъ»; его срубили чужеземцы и повергли на горы и т. д.; «шумомъ паденія его я привелъ въ трепетъ народы, когда низвелъ его въ преисподнюю, къ отшедшимъ въ могилу» (стихъ 18).

Древо Ассура, враждебное Господу (сл. стр. 191), имъ сверженное — это и есть Иггдразиллъ нашего эпизода; Суртъ напоминаетъ Мейеру (стр. 193) «властителя народовъ», котораго Іеронимъ объяснилъ, какъ Сатану; выраженія Vǫluspá, что древо стонетъ, а люди страшатся на путяхъ Гелы — сближается съ

«трепетомъ народовъ» и людьми, отошедшими въ могилу (infernum у Іеронима) того-же Іезекіиля въ приведенномъ выше стихѣ, который впрочемъ такъ продолжается: «и *обрадовались* въ преисподней странѣ всѣ дерева Едема» и т. д. — Мейеръ обходитъ это окончаніе, оно дѣйствительно не идетъ—къ стону дерева. Но вопросъ въ томъ, что Иггдразилъ не враждебенъ, не непріязненъ богамъ, какъ древо Ассура, и не боги обрекаютъ его на гибель—если придержаться чтенія и толкованія Мейера; древо стонетъ и плачутся азы въ виду приближающейся гибели. Можно допустить, что въ строфѣ 34 (смятеніе азовъ, альфовъ и т. д.) отразились мотивы Апокалипсиса 6, 12 слѣд. (сл. стр. 193—4), но древо Ассура тутъ не при чемъ — тѣмъ болѣе, что по увѣренію Мейера (стр. 193), его образъ нигдѣ и не встрѣчается въ числѣ знаменій страшнаго суда, о которыхъ разсказывала христіанская легенда. Да и о гибели Иггдразила, огнемъ или другимъ путемъ, сѣверные миѳы нигдѣ не разсказываютъ.

Съ точки зрѣнія христіанской экзегезы проще было предержаться уже знакомой намъ параллели, усвоенной и Мейеромъ: креста, какъ знаменія, крестнаго дерева, которое какъ таковое, естественно представилось и стонущимъ и содрагающимся.

8 *(Начало страшнаго суда. Нападеніе и борьба демоновъ съ Божествомъ. Горѣніе міра).* И вотъ, въ строфахъ 36—38 являются на сцену вражія силы — съ востока, сѣвера и юга. Съ востока является Hrimr; по Gylfag. § 55 онъ правитъ кораблемъ Naglfar, о которомъ и сказано, что онъ вырывается на свободу. Naglfar (Gylfaginning, l. c.) сдѣланъ изъ ногтей мертвецовъ; потому, будто-бы, и было въ обычаѣ обрѣзать ихъ, чтобы не дать матеріала для постройки корабля, которую и боги и люди желали-бы замедлить. Обычай обрѣзать и хоронить ногти былъ распространенъ у пранцевъ и германцевъ (стр. 195), но онъ не объясняетъ образа корабля, говоритъ Мейеръ. Прежде чѣмъ привести его толкованіе, предложимъ и свое, гипотетическое [1]):

[1]) Слѣдующія строки были написаны и этимологія предположительно уста-

Naglfar, въ сущности, корабль *навовъ*, мертвецовъ, въ nagl сохранилась подъ народной этимологической перегласовкой та-же тема, что въ греч. νέκυς, готск. naus, род. nawi-s (мертвый), сѣв. nár (*navir?): прагерм. *nazuis, индоевр. *nok̂uís; если тацитовскіе nahanarvali означаютъ въ самомъ дѣлѣ: Todtenbedränger, Todtenkämpfer, то они также относятся сюда. Латышская и славянскія формы либо восходятъ, не смотря на созвучіе и тождество значеній, къ другому корню, либо заимствованы изъ германск. нарѣчій: латышск. nāwe: смерть (сл. древнепрусск. nowis: Rumpf), церковно-слав. навь—νεκρός, старорусск. навы: мертвецы; русск. навій день, навьи проводы = Радуница; словинск. navje = рай; малор. мавки (навки) = души некрещенныхъ младенцевъ; у болгаръ мальчики мертворожденные либо умершіе до крещенія становятся «навяками», дѣвочки самодивами, какъ и у сербовъ души невѣстъ, скончавшихся до помолвки, обращаются въ вилъ [1]). На значеніе вилы-маны я указалъ при другомъ случаѣ [2]); отношеніе маны къ идеѣ рожаницы [3]) снова приводитъ насъ къ болгарскому повѣрью о «навяхъ»: злыхъ духахъ женскаго пола, мучащихъ родильницъ; ихъ зовутъ, избѣгая настоящаго имени, и майками (сл. малор. мавки) [4]).

Предположивъ, что nagl- въ Naglfari, въ первичномъ значеніи «мертвеца», было созвучно съ nagl = ноготь, можно допустить, что *nazu дало съ суффиксомъ=lo-, несомнѣнно еще живомъ въ прагерманскомъ языкѣ, форму: *nazulo-s, откуда сѣв. *Nagl*-fari. Въ такомъ случаѣ значеніе nagl = ногти подсказано было впослѣдствіи по созвучію и совмѣстности идей и въ связи съ широко

новлена въ согласіи съ Θ. А. Брауномъ, когда я узналъ изъ замѣтки T. Detter'a (Nahanarvali, въ Zs. für deutsches Alterthum, XXXI, стр. 208), что сходное мнѣніе выражено было ему проф. Гейнцелемъ. — Относительно церковнослав. навь ел. Krek, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2-e Auflage, стр. 419—420, прим. 3

[1]) Аѳанасьевъ, Поэт. Воззр. III, 239.

[2]) Разысканія, вып. V, стр. 287 слѣд.

[3]) l. c., стр. 280 слѣд.

[4]) Соболевскій, Русск. Филологич. Вѣстникъ, 1890 г., I, стр. 79.

распространеннымъ культомъ именно ногтей. По *древне-парсійскимъ* представленіямъ не слѣдовало бросать обрѣзки ногтей, иначе они станутъ орудіемъ дьявола. Тотъ-же запретъ у *евреевъ:* несоблюденіе его навлечетъ бѣдствія на людей; у покойниковъ обрѣзаютъ ногти и кладутъ въ мѣшечкѣ въ гробъ у изголовья, не то, отростя у мертвеца, они войдутъ въ его тѣло, и это принесетъ несчастіе семьѣ. Ногти, отрѣзанные у живыхъ, надо сжигать или хоронить, иначе, если они сохранятся по смерти человѣка, которому принадлежали, его душа станетъ блуждать вокругъ нихъ до ихъ разложенія. — *Мусульмане* вѣрятъ, что ногти — мѣстопребываніе злыхъ духовъ; въ *Норвегіи*, что если не сжечь или не схоронить отрѣзанныя ногти, то колдуны или эльфы сдѣлаютъ изъ нихъ пули, которыми стрѣляютъ въ скотъ. Въ *Обонежьѣ* кладутъ въ гробъ стриженные ногти въ томъ убѣжденіи, что на томъ свѣтѣ придется лѣзть на стеклянную или крутую гору. Въ особенности это убѣжденіе крѣпко у раскольниковъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ для храненія ногтей особые мѣшечки, либо кладутъ стриженые ногти за пазуху и не жалѣютъ объ ихъ потерѣ: «на томъ свѣтѣ найдутся, клай только въ запазуху». — Въ *Малороссіи* также кладутъ за пазуху обрѣзанные ногти, чтобы чертъ не сшилъ изъ нихъ шапки-невидимки; либо они понадобятся, чтобъ взобраться на стеклянную гору; иначе говорятъ, что когда на страшномъ судѣ ангелъ будетъ переводить души умершихъ чрезъ мостикъ тонкій, какъ соломинка, и спроситъ: гдѣ ногти? а ихъ не окажется, то человѣку придется искать ихъ, пока всѣхъ не соберетъ. — Сходныя преданія (ногти слѣдуетъ сжигать, либо прятать, носить съ собою въ мѣшечкѣ, иначе надо будетъ сбирать ихъ по смерти) извѣстны и въ *Польшѣ*. — На *Литвѣ* ногти не бросаютъ на земь, чтобы чертъ не сдѣлалъ изъ нихъ шляпы; когда Богъ потребуетъ ихъ на страшномъ судѣ, изъ за пазухи ихъ легко будетъ достать, а у черта ихъ никто не отберетъ. Шапки изъ ногтей, nagiņeņ kepuren отвѣчаетъ латышское nagu-cepure; По Трейланду чертова шапка, похищенная мужиками, обратилась въ кучу ногтей

и копытъ свиныхъ, коровьихъ, овечьихъ. *Эсты* говорятъ, что отрѣзанные ногти слѣдуетъ класть за пазуху и если бросить на земь, то перекрестивъ: не то человѣкъ отвѣтитъ на страшномъ судѣ, ибо дьяволъ подбираетъ обрѣзки, чтобы сдѣлать изъ нихъ козырекъ для своего кортуза; какъ сдѣлаетъ, будетъ властенъ вредить людямъ. — На *Жмуди* дьяволъ устраиваетъ себѣ изъ такихъ обрѣзковъ шляпу, у *Басковъ* — чашу изъ ногтей, въ *Исландіи* башмаки или корабли и лодки; надо обрѣзать ногти на трое, иначе дьяволъ сдѣлаетъ изъ нихъ бортъ для *корабля* мертвыхъ или гвозди для своего судна. Такое судно видѣли, и всѣ, сѣвшіе на него, принявъ за свое, погибли [1]).

Корабль мертвыхъ, корабль изъ ногтей исландской легенды, близко отвѣчаетъ Naglfar'y Gylfaginning; едва-ли къ этому кругу идей подходитъ запретъ у Петронія: не стричь волосъ и ногтей на кораблѣ, развѣ во время бури, когда то и другое бросалось въ *жертву* морю.

Указанныя повѣрья достаточно объясняютъ синкретическій образъ Naglfar'a: корабль, построенный изъ ногтей, былъ, въ основѣ, кораблемъ мертвецовъ, перенесеннымъ въ область эсхатологіи изъ какого-нибудь повѣрья въ родѣ слѣдующаго русскаго: что скорлупу отъ выѣденнаго яйца не слѣдуетъ бросать въ воду, не раздавивъ напередъ, не то русалки-маны построятъ изъ него корабликъ и будутъ на немъ плавать [2]).

Слѣдуетъ, быть можетъ, при объясненіи *Naglfar'a*, не упу-

---

[1]) Сл. Mélusine, I, стр. 549; II, стр. 360, 482, 481, 485, 491; III, стр. 333.— Куликовскій, О похоронныхъ обрядахъ Обонежья (Этнографическое обозрѣніе 1890 г. кн. I). — Шейковскій, Бытъ подолянъ I, вып. 2, стр. 24; Nowosielski, Lud, II, стр. 152—3; Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II, 288—9; Народные звычаи и обряды зъ околицъ надъ Збручемъ, опис. Игн. Галькомъ, ч. II, стр. 41. — Zbiór wiadomosci do antropologii kraj. II, 127, № 4; X, 93, № 156; XI, 31, № 10; Wasilewski, Jagodne (Biblioteka «Wisły» t. IV), стр. 95.—Ludwik Z Pokiewia (Юцевичъ), Litva, 1864, стр. 141=2; Mittheilungen der Lithauischen litter. Gesellschaft, Heft II, стр. 349—350; Трейландъ, Латышскія нар. сказки, Москва 1887, стр. 95, прим. Указаніями на библіографію повѣрья я обязанъ любезности И. А. Карловича, Э. А. Вольтера и В. В. Каллаша.

[2]) Разысканія вып. V, стр. 269.

скать изъ виду Gylfaginning § 10, не забывая аналогическія идеи греческой космогоніи: у Ночи было три мужа, *Naglfar*, Annarr и Dellingr; ея сынъ отъ перваго брака Uðr = волна, отъ втораго—Iǫrð, земля, отъ третьяго: Dagr, день. Имя Annarr, второй, очевидно изобрѣтенное, какъ и Dellingr (Deglingr? по связи съ Dagr); Naglfari отвѣтилъ бы Эребу, супругу Ночи (Nótt), отъ которыхъ произошли Эоиръ и День (Dagr). Сл. Hes. Theog. v. 123 слѣд.

Мое объясненіе Naglfar'a кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ слѣдующее у Мейера, снова вспомнившаго—о Гоноріи изъ Autun (стр. 197): учитель разсказалъ ученику о трубѣ страшнаго суда и о воскресеніи мертвыхъ и вызываетъ такой вопросъ: Si capilli et ungues praecisi in locum suum recedent, nonne deformes sunt? Отвѣтъ: Non est intelligendum quod sint reducendi in priorem locum; sed sicut figulus, si vas noviter factum frangat et de eodem luto aliud faciat, non attendens, quid prius ansa vel fundus fuerit, ita format Deus de eadem materia aliud corpus huic valde dissimile cui omnis deformitas et infirmitas absit. Это общее мѣсто и внушило будто-бы идею — корабля изъ *ногтей* мертвыхъ, тогда какъ образъ *корабля* подсказанъ былъ представленіемъ адскаго перевозчика Харона = Hrymr'a (вм. Hrym-r), въ которомъ заодно отразилась и «Смерть» Апокалипсиса XX, 14 (стр. 199). Имѣется въ виду особливо Aen. 6302: Ipse (Charon) ratem *conto* subigit, при чемъ lind 36-й строфы объясняется не въ обычномъ значеніи щита, а какъ contus. Вблизи Харона Эней (Aen. 6, 287) видитъ разныхъ чудовищъ, между прочимъ, bellua Lernae horrendum stridens; это—чудовище нашей строфы, вьющееся въ исполинскомъ гнѣвѣ. Кромѣ того авторъ Vǫluspá имѣлъ въ виду нѣсколько образовъ изъ знаменій страшнаго Суда Беды и Iезекіиля 32, 2 (стр. 197—8). Въ послѣднемъ онъ вычиталъ: «сынъ человѣческій! подними плачъ о фараонѣ, царѣ Египетскомъ, и скажи ему: Ты какъ молодой левъ между народами и какъ чудовище въ моряхъ кидаешься въ рѣкахъ твоихъ и мутишь ногами твоими воды и попираешь потоки ихъ». Въ латинскомъ

переводѣ «кидаться въ рѣкахъ» передано: conculcare flumina, что приравнивается къ Vǫluspá: (змѣй) бьетъ волны. — Интереснѣе заимствованіе изъ Беды, если мыслима та ошибка въ чтеніи текста, которую, по слѣдамъ Мейера, мы оговорили ранѣе (стр. 5—6) и въ результатѣ которой явился въ нашей строфѣ—образъ орла. У Беды читается: quarta die pisces maris et omnium fluminum elevant se super aquam et pugnant inter se cum magno sonitu et interficient se et *sic aqua portabit eos mortuos*. Вмѣсто aqua прочтено было — aquila (стр. 198).

Едва-ли всѣ эти источники были необходимы, чтобы объяснить и змѣя въ волнахъ и орла. Какъ-бы мы не истолковали Грима, но явленіе корабля мертвыхъ было предвѣстіемъ роковой развязки: оттого бьется міровой змѣй, jǫrmongandr, который и явится въ ней дѣйствующимъ лицомъ; а образъ орла подсказанъ любимымъ оборотомъ сѣверной поэзіи: предстоитъ бой, битва, и онъ радостно клехчетъ—и даже терзаетъ трупы: общее мѣсто, не оправданное положеніемъ, но увязавшіеся за представленіемъ орла, ждущаго добычи.

Мейеръ не обратилъ вниманіе на направленіе, въ которомъ движется Гримъ: онъ является на кораблѣ *съ востока*, откуда, по 22-й строфѣ, течетъ и рѣка Слидръ; очевидно, не со стороны царства Гелы = ада, представлявшагося на сѣверѣ. (сл. выше стр. 45 и слѣд.; наши соображенія относительно золотой палаты Синдри, строфа 23). Въ этомъ смыслѣ понятно исправленіе, предложенное Бугге въ 37 строфѣ: norðan вмѣсто austan, принятое въ тексты Мюлленгофа, Sijmons'a и Мейера: корабль мертвецовъ долженъ былъ явиться со стороны ада. Но такъ-ли это? Имѣемъ-ли мы право не довѣрять Gylfag. 51, гдѣ Hrymr является кормчимъ Naglfar'a? Въ такомъ случаѣ и послѣдній надо представить себѣ надвигающимся съ востока. Моремъ или рѣкою приходитъ Гримъ — остается неизвѣстнымъ; въ слѣдующихъ за тѣмъ битвахъ боговъ съ вражьей силой онъ не участвуетъ на сторонѣ послѣднихъ. Чѣмъ мотивируется его появленіе? Какъ понять весь эпизодъ Naglfar'a? Въ Словѣ Палладія «о второмъ

пришествіи Христовѣ, о страшномъ судѣ и будущей жизни» Господь, желая придти судить людей, пошлетъ ангеловъ съ трубами страшными, отъ звука которыхъ море возмутится, земля потрескается и *возстанутъ мертвые;* тогда *съ востока* потечетъ рѣка *огненная;* она уничтожитъ все на землѣ, но грѣшниковъ лишь опалитъ, ибо имъ уготована другая мука. Затѣмъ, по Божію повелѣнію рѣка прекратится: явится новая земля и новое небо, Господь сотворитъ на востокѣ рай, а на западной странѣ потечетъ рѣка огненная на мученіе грѣшникамъ [1]).

Эта огненная рѣка съ востока, рѣка Сіонъ русскаго духовнаго стиха, ясно отдѣлена отъ другой, имѣющей потечь съ запада, гдѣ средневѣковыя повѣрья обыкновенно локализовали адъ [2]). При гипотезѣ христіанскихъ воздѣйствій на загробныя и эсхатологическія представленія Vǫluspá я не прочь отъ толкованія, которое указываетъ на грань, гдѣ христіанство сошлось съ язычествомъ, и разъясняетъ эпизодъ Naglfar'a. Къ древнимъ погребальнымъ обычаямъ, засвидѣтельствованнымъ и для германцевъ, принадлежалъ и тотъ, что мертвеца клали въ ладью и пускали въ море; усопшіе представлялись удалившимися за воды, въ страну блаженныхъ и т. [3]). Язычнику, такъ понимавшему жизнь за гробомъ, христіанскій мотивъ *воскресенія* долженъ былъ представиться въ аналогическихъ образахъ: мертвые *снова объявятся*, ладья мертвыхъ Naglfar покажется съ востока; ею правитъ Гримъ. Hrymr, собственно: дряхлый, слабый, какъ изъ рахмановъ=навовъ русскаго повѣрья развилось понятіе рахманный: вялый, разслабленный [4]). Это идетъ къ Гриму, кормчему мертвыхъ; онъ и не упомянутъ въ дальнѣйшей катастрофѣ: онъ

---

[1]) Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 154—5. Сл. ib. 150. Извлеченія изъ текста Палладія приведены въ слѣдующей главѣ.

[2]) Сл. Разысканія VI, 21.

[3]) Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 172 слѣд.

[4]) Аѳанасьевъ, II. В., III, 278—9.

являлся предвѣстникомъ, не участникомъ, послѣдней міровой битвы.

Но всё это полно сомнѣній; ясно, что языческіе элементы чередуются здѣсь съ христіанскими, заслоняясь взаимно. Языческому представленію принадлежитъ во всякомъ случаѣ царство Гелы на сѣверѣ (строфа 37) и огненная область Сурта на югѣ (строфа 38): то и другое могло идти на встрѣчу христіанскимъ образамъ ада и «морознаго» тартара [1]). Съ юга и сѣвера надвигаются враги: съ сѣвера челядь Гелы съ волкомъ и Локи=братомъ Билейста (Мейеръ 198 упоминаетъ по этому поводу мнѣніе Бугге, видѣвшаго въ Býleipt, Býleist = Beelzebub'a) [2]), съ юга Суртъ съ пламеннымъ мечемъ.

Для строфы 38-й и слѣдующихъ главнымъ источникомъ является, по Мейеру, Апокалипсисъ (стр. 199 и слѣд.). Сл. Апок. XVI, 13: «И видѣлъ я изъ устъ дракона и изъ устъ звѣря и изъ устъ лжепророка (выходящихъ) трехъ духовъ нечистыхъ, подобныхъ жабамъ». Это бѣсовскіе духи, которые исходятъ къ царямъ всея вселенныя, чтобы собрать ихъ на брань въ великій день Бога Вседержителя (стихъ 14). Въ главѣ XIX, 20 и XX, 2 (Мейеръ цитуетъ лишь XX, 9 слѣд.) звѣрь и лжепророкъ схвачены и брошены въ озеро огненное, древній змій низверженъ въ бездну и скованъ; въ XX, 14 «смерть и адъ» повержены въ озеро огненное. Смерть — это Hrymr = Charon; при этомъ случаѣ Мейеръ (стр. 199—200) пополняетъ свое толкованіе Naglfar'a

---

[1]) Сл. Разысканія XII, стр. 134—5. Въ одной бретонской пѣснѣ адъ является холоднымъ: ann ifern ien.

[2]) Къ Вельзевулу относитъ проф. Соболевскій (l. c. стр. 79—80), какъ прежде и Пыпинъ, Верзіула въ извѣстномъ выраженіи о попѣ Іереміи: «былъ въ навѣхъ на Верзіулову колу», т. е. былъ среди злыхъ духовъ на Вельзевуловомъ *собраніи*. Колу дается послѣднее значеніе, Верзіулъ предпочитается чтенію: «на Верзиловомъ колу», врзино коло современнаго сербскаго повѣрья. Именно Верзилъ и коло = rota и дали ак. Ягичу поводъ къ его извѣстнымъ соображеніямъ о Верзилѣ = Виргиліи. Если ни въ латинскомъ, ни въ романскихъ, ни въ нѣмецкомъ языкахъ не найти имени Виргилія въ формѣ, объясняющей Верзіула, то и Вельзевулъ далекъ отъ Верзила. Слѣдуетъ, быть можетъ, допустить взаимодѣйствіе двухъ представленій и именъ.

/казаніемъ на Апок. XX, 13: «тогда отдало море мертвыхъ, бывшихъ въ немъ, и смерть и адъ отдали мертвецовъ, которые были въ нихъ, и судимъ былъ каждый по дѣламъ своимъ». Я привожу безъ оговорки толкованіе Мейера, предоставляя другимъ судить о его вразумительности: «Смерть и Адъ *на морѣ* (!) въ день судный, окруженные трупами людей, ожидающихъ суда, — легко признать, не смотря на ухищренія (т. е. автора Vǫluspá), въ спѣшащихъ *по морю* Гримѣ и Локи — и въ Naglfar'ѣ, окруженномъ трупами людей, понесшихъ кару» (стр. 200; сл. стр. 206 подобное толкованіе моря). Локи въ этомъ толкованіи — Адъ, часто отождествлявшійся съ Смертью въ средневѣковыхъ поэтическихъ и художественныхъ изображеніяхъ.

Мейеръ даетъ особое значеніе тому, что какъ въ Апокалипсисѣ, такъ и въ Vǫluspá Смерть = Hrymr и Адъ = Локи не играютъ никакой роли въ слѣдующей далѣе борьбѣ; если въ Снорровой Эддѣ Локи выведенъ въ борьбѣ съ Геймдалломъ, то онъ либо слѣдовалъ народному преданію (?) либо ввелъ этотъ эпизодъ для округленія (стр. 200).

Дѣйствующими лицами являются далѣе: Jǫrmungandr или ormr = змѣй, Freki = волкъ и Суртъ. Первый отвѣчаетъ апокалипсическому змѣю, второй звѣрю, третій лжепророку—Антихристу. Эти сопоставленія разъясняются анализами 39—42 строфы: Одинъ бьется съ волкомъ, падаетъ въ битвѣ, и его сынъ Viþarr является мстителемъ за него; Фрей выходитъ на бой съ Суртомъ, Торъ съ міровымъ змѣемъ — и погибаетъ, сразивъ противника.

Битва Одина съ волкомъ могла быть, въ сущности, миѳическимъ представленіемъ о боѣ—вѣтровъ (стр. 201); ея перенесеніе въ эсхатологію состоялось подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, причемъ апокалипсическія образы могли быть слиты съ аналогическими народными. Мейеръ указываетъ на черты апокалипсическаго звѣря, перешедшія на волка (стр. 202), хотя первый изображается вовсе не волкомъ и выходитъ *изъ моря*, тогда какъ Freki является *по морю* и т. п. На другихъ подробностяхъ сбли-

женія я не останавливаюсь. Важнѣе слѣдующее: Одинъ сраженъ волкомъ; если въ предыдущихъ строфахъ поэмы Одинъ являлся замѣстителемъ Бога-Отца, то его гибель выводитъ насъ всецѣло за границы христіанскихъ представленій. Оказывается, по мнѣнію Мейера (стр. 203), какъ разъ на оборотъ: именно христіанская идея Vǫluspá требовала, чтобы *языческій Богъ* погибъ. Другими словами: въ началѣ поэмы Одинъ—Богъ-отецъ, въ нашемъ эпизодѣ онъ удержался въ своей древней роли. Идея гибели боговъ могла быть навѣяна выраженіемъ Лактанція: non colentur ulterius dii manu facti и Апокалипсисомъ XI, 3 слѣд.: о двухъ свидѣтеляхъ Божіихъ, съ которыми сразится, которыхъ убьетъ звѣрь, послѣ чего они снова воскреснутъ. Въ этихъ свидѣтеляхъ видѣли Илію и Эноха, которыхъ, какъ мы уже знаемъ, Мейеръ отождествилъ съ Lóþor'омъ и Hønir'омъ, являющимися въ концѣ Vǫluspá въ эпизодѣ объ обновленіи земли и міра. Если авторъ поэмы имѣлъ ихъ въ виду въ разсказѣ о гибели Одина, то почему не назвалъ онъ, вмѣсто него, Hønir'а либо Lóþor'а? Этотъ вопросъ кажется мнѣ на столько-же естественнымъ, на сколько искусственны дальнѣйшія комбинаціи Мейера (стр. 202 слѣд.): въ Апокалипсисѣ XIX звѣрь схваченъ и низверженъ послѣ того, какъ явился Сынъ человѣческій; 15: «Изъ устъ же его исходитъ острый мечъ, дабы имъ поразить народы... Онъ топчетъ точило вина ярости и гнѣва Вседержителя». Мейеръ комментируетъ параллелями изъ св. Писанія образы и значеніе: точила и топтанія и приходитъ къ толкованію Viþar'а котораго мы уже коснулись выше (стр. 10), выразивъ по этому поводу нѣсколько сомнѣній. Къ нимъ присоединимъ и слѣдующее: Viþarr (строфа 40, исключенная въ изданіи Мюлленгофа), поражаетъ волка, вонзая ему мечь въ сердце:

laétr megi hveðrungs mund of standa
hjǫr til hjarta.

Mund означаетъ: рука; Vigfusson, Dictionary a. v., mund, читаетъ вм. mund of: mundum: вонзилъ *руками*; въ Corpus. poet. boreale онъ, очевидно, отождествляетъ mundr съ munnr: *ротъ*,

пасть: he shall thrust his sword down the monster's *jaws* right to the heart (I, 200); иначе ib. II, 627: he shall thrust the sword with his hand into the heart. Мейеръ принимаетъ толкованіе: mund: рука, но переводитъ такъ (стр. 203): Видаръ всунулъ свою руку, mund, причемъ авторъ Vǫluspá могъ имѣть въ виду созвучное munnr: ротъ—и апокалипсическое: изъ *устъ* его исходитъ мечъ! Я предпочелъ бы этому крайне запутанному толкованію болѣе простое: munnr, muðr означаетъ стальную оправу топора или молота, остріе; mund (остріе) и hjǫr (мечъ)—обычная тавтологія, не вызывающая представленія руки: вонзилъ остріе — вонзилъ мечъ въ сердце. — Отмѣтимъ еще одну параллель: въ Gylfaginning Видаръ разрываетъ пасть чудовища, наступивъ ему на нижнюю челюсть; это — отраженіе апокалипсическаго: топтать точило!

Торъ 41-й и 42-й строфы бьется съ міровымъ змѣемъ. Мы знаемъ уже, что Мейеръ приравниваетъ послѣдняго къ Níðhǫggr'у 25-й и 51-й строфъ; это отождествленіе, заподозрѣнное нами, удерживается и здѣсь въ связи съ змѣемъ Апокалипсиса. Въ строфѣ 24—25 говорится о Níðhǫggr'ѣ, что онъ сосетъ трупы на берегу мертвыхъ: сл. Апок. XII, 17 «и разсвирѣпѣлъ *драконъ* на жену и пошелъ, чтобы вступить въ войну съ прочими отъ сѣмени ея»; гл. XIII, 1: «Я сталъ *на пескѣ морскомъ* и увидѣлъ выходящаго изъ моря *звѣря* съ седмью головами« и т. д. *Змѣй* и *звѣрь* Апокалипсиса не тождественны, самъ Мейеръ нашелъ соотвѣтствіе тому и другому, и мы уже знаемъ, что звѣрь очутился на сѣверѣ Фенриромъ. Въ данномъ случаѣ Мейеръ забываетъ это отличіе, относя оба стиха Апокалипсиса — къ *змѣю:* война съ людьми отъ сѣмени жены отвѣчаетъ идеѣ пожиранія ихъ на берегу мертвыхъ, т. е. на пескѣ морскомъ.—Разумѣется и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, мы обязаны многое вмѣнить вольному и невольному синкретизму автору Vǫluspá, многое,—и это важнѣе,—объяснить обязывавшими его языческими образами и представленіями. Мейеръ напр. (стр. 205) напоминаетъ Апок. XX, 2, 3, гдѣ о змѣѣ, низверженномъ въ бездну,

говорится, что по прошествіи тысячи лѣтъ онъ освободится, а затѣмъ снова будетъ сверженъ на вѣки въ озеро огненное. Мейеръ приравниваетъ къ этому послѣднюю строфу нашей поэмы (51), гдѣ Niphǫggr летитъ изъ Nípafjǫllum, нагруженный трупами — и проваливается.

Мейеръ сравниваетъ бой Тора съ міровымъ змѣемъ съ Апок. XII, 7 слѣд., гдѣ Михаилъ и ангелы его воюютъ съ дракономъ, послѣ чего онъ сверженъ на землю. Торъ, стало быть, Михаилъ; смерть перваго объясняется изъ германскихъ миѳовъ о гибели громовника (стр. 275). Я видѣлъ[1]) въ Торѣ—Илью: оба громовника — змѣеборцы и объ Ильѣ дѣйствительно повѣствовалось, что онъ погибъ въ борьбѣ съ Антихристомъ, котораго и представляли себѣ въ образѣ змія. Я предпочитаю это объясненіе потому, что оно представляетъ и большее число сходныхъ чертъ и оставляетъ открытой параллель для Геймдалла — Михаила, борющагося съ Локи—Луциферомъ. Я не думаю, чтобы составитель Gylfaginning прибавилъ этотъ эпизодъ, незнакомый Vǫluspá'ѣ, только для округленія.

Остается еще одно единоборство: Фрея съ Суртомъ. Суртъ, можетъ быть, въ основѣ, южный вѣтеръ (der schwarze Südwind, стр. 209) съ чертами — Антихриста. Въ параллель къ Сурту и его огненной природѣ Мейеръ сбираетъ параллели о—«пламенномъ явленіи Антихриста» (стр. 207), но онѣ мало доказательны, въ родѣ огня, низводимаго послѣднимъ съ неба; у Лактанція говорится еще: cadet repente gladius de coelo... et antecedet eum flamma inextinguibilis: это образъ Сурта въ Gylfaginning (стр. 208), съ пламеннымъ мечемъ имѣющаго явиться въ концѣ дней, чтобы побѣдить боговъ и выжечь свѣтъ. Мы ожидаемъ, что Мейеръ распространитъ сравненіе и на 36-ю строфу Vǫluspá: Суртъ идетъ съ пламенемъ, точно солнце блеститъ мечъ смертоносныхъ боговъ, боговъ битвы, — или бога (valtiva какъ род. ед.), т. е. Сурта; иначе valtiva род. мн. можно представить

[1]) Разысканія VIII, стр. 335 слѣд.; 344—347.

себѣ сказаннымъ о сонмѣ, челяди Сурта. Мейеръ понимаетъ (стр. 210—211) иначе, переводя váltivar какъ: боги избранные, electi, т. е. ангелы, являющіеся съ Христомъ на брань противъ Антихриста-Сурта въ Апок. XIX, 14: И воинства небесныя слѣдовали за Нимъ на коняхъ бѣлыхъ, облеченныя въ виссонъ бѣлый и чистый.—Но если удержать сравненіе: gladius de coelo Лактанція съ пламеннымъ мечемъ Сурта въ Гильфагиннингѣ, то нѣтъ нужды отдѣлять отъ послѣдняго мечъ нашей строфы.

Если для объясненія огненнаго Сурта-Антихриста Мейеръ обращался не только къ Апокалипсису, но и къ Іезекіилю, въ которомъ авторъ Vǫluspá могъ почерпнуть образы пламеннаго гнѣва Господня (стр. 209—210), то тѣ-же источники предполагаются и для второй половины 36-й строфы: «рушатся каменныя горы, исполинши падаютъ, мужи вступаютъ на путь Гелы и небо треснуло». Такъ какъ дѣло идетъ объ общихъ мѣстахъ, соединенныхъ съ идеей гибели и разрушенія, я и не касаюсь частныхъ сближеній, открываемыхъ Мейеромъ (стр. 211). Я только не понимаю, почему на стр. 211 онъ отдаетъ предпочтеніе rata вмѣсто hrata (исполинши «низвергаются»), тогда какъ въ своемъ текстѣ Vǫluspá удерживаетъ послѣднее.

Противникомъ Сурту-Антихристу является Фрей; толкуя его (стр. 212) Мейеръ исходитъ изъ нарицательнаго значенія его имени: dominus и приходитъ къ его отождествленію съ «царемъ надъ царями» Апокалипсиса XIX, 16, у котораго (ib. 15) выходитъ изъ устъ «острый мечъ». Фрей. стало быть, отвѣчаетъ Христу, и, вмѣстѣ, является дублетомъ къ Vipar'у: вѣдь острый мечъ исходящій изъ устъ уже былъ истолкованъ въ его пользу (стр. 202). Этотъ double emploi заставляетъ отнестись съ сомнѣніемъ къ отождествленію Vipar'а и Фрея; значеніе dominus не доказательно для послѣдняго; знакомый намъ взглядъ Мейера на обособленіе понятія вановъ подъ вліяніемъ христіанскаго ученія объ ангелахъ (стр. 104) велъ повидимому къ другимъ параллелямъ—и другому отождествленію.

Апокалипсическіе и вообще христіанско-эсхатологическіе об-

разы, соотвѣтствующіе содержанію 43-й строфы, не трудно было отмѣтить. Сл. стр. 212—213 и Разысканіи VIII, стр. 337 слѣд.

9 *(Новый міръ и пришествіе Христа на страшный судъ).*

Снова выходитъ изъ моря земля: эту идею картинно развиваетъ 45-я строфа. Мейеръ указываетъ по этому поводу на новое небо и новую землю Апокалипсиса XXI, 1 (стр. 214—215), но это не объясняетъ образа: земля снова, во второй разъ выходящей изъ воды. На этомъ разногласіи слѣдовало остановиться, тогда какъ христіанскія параллели къ водопадамъ и орлу (стр. 216—217) получаютъ въ нашихъ глазахъ значеніе куріоза, особливо въ виду предположенія, что говоря объ орлѣ, охотящемся за рыбами, авторъ поэмы имѣлъ въ виду—символъ орла, какъ возвращающагося Христа. Едва-ли кто-либо увидитъ въ этихъ подробностяхъ что-нибудь, кромѣ удачныхъ штриховъ пейзажиста.

Въ передачѣ 46-й строфы я расхожусь съ Мейеромъ, видящимъ въ moldpinur — міроваго змѣя. Я перевожу это слово: земное = міровое дерево [1]). Азы сошлись á Ipavelli, въ Эдемѣ, разсуждаютъ о могучемъ міровомъ древѣ и поминаютъ о роковыхъ судьбахъ и древнихъ рунахъ, ученіяхъ Одина. Роковыя судьбы миновались, Одинъ погибъ, но могучее древо осталось—можетъ быть, по связи съ новымъ появленіемъ изъ воды обновленной земли. Вспомнимъ что объ Иггдразилѣ, міровомъ древѣ говорилось во 2-й строфѣ, что оно стоитъ fyr mold neþan, т. е. подъ землею (сл. выше стр. 20).

Образъ Азовъ, снова очутившихся въ Идавеллѣ, вызвалъ память объ старыхъ временахъ, когда они были тамъ веселы и всё у нихъ было изъ золота (строфы 6 и 7): эти подѣлки изъ золота и очутились теперь золотыми костями, очевидно, игральными. Мейеръ считаетъ (стр. 217—218) эту подробность — интерполяціей.

Такъ или иначе, но строфа 46—7 говоритъ намъ объ обно-

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 355.

вленномъ Эдемѣ, земномъ раѣ, 48 обращается къ обновленной землѣ, 49 и 50—если намѣтить напередъ возможныя къ нимъ христіанскія параллели — о горномъ Іерусалимѣ и жилищѣ праведныхъ и явленіи Всемогущаго на судъ; 51-я объ окончательномъ сверженіи змѣя и грѣшниковъ.—Явленіе Всемогущаго въ концѣ поэмы безспорно принадлежитъ христіанскому представленію, а это указываетъ и на значеніе азовъ въ Эдемѣ: между ними и лицами христіанской Троицы нельзя искать соотвѣтствія, подсказывавшагося въ предыдущихъ эпизодахъ Vǫluspá; Всемогущій, очевидно, не Бальдръ=Христосъ, упоминаемый въ 62 строфѣ, какъ возвратившійся, тогда какъ Всемогущій является въ 65—съ высоты. Христіанскія и, можетъ быть, языческія представленія, затѣйливо смѣшались, либо и христіанскія явились въ дублетѣ. На мой взглядъ послѣдній отдѣлъ Vǫluspá принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ въ отношеніи къ вопросу объ его источникахъ.

Обратимся къ толкованію Мейера.

Iþavǫllr 46-й строфы, гдѣ собрались азы—это новый Іерусалимъ=рай, спускающійся съ неба въ видѣніяхъ Апокалипсиса XXI, 3 слѣд. (стр. 215); бесѣдующіе азы относятъ насъ ко второму посланію ап. Петра 3, 10—12: небеса съ трескомъ прейдутъ, стихіи, раскалившись растаютъ, земля сгоритъ; «если же все такимъ образомъ разрушится, то какими должно быть вамъ въ святомъ житіи и благочестіи — въ ожиданіи скораго пришествія дня Божія и т. д.?» Здѣсь благочестивые размышляютъ о будущемъ, азы о *прошломъ;* Мейеръ (стр. 215—216) сравниваетъ Исайю LXV, 17—19, гдѣ также говорится о воспоминаніяхъ, но за тѣмъ, чтобы устранить ихъ: «Ибо вамъ, я творю новое небо и новую землю, и *прежнія уже не будутъ воспоминаемы и не прійдутъ на сердце;* 18: А вы будете веселиться и радоваться о томъ, что Я творю: ибо вотъ, Я творю Іерусалимъ веселіемъ и народъ его радостью» и т. д. Тѣмъ не менѣе азы *поминаютъ* о старомъ, о древнихъ рунахъ Одина, снова возвращающихъ насъ къ Апокалипсису XXI 5, 6: «И ска-

залъ сидящій на престолѣ: ... напиши, ибо слова сіи истинны и вѣрны. — И сказалъ мнѣ: Совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конецъ». Странно, что авторъ Vǫluspá примѣнилъ эти слова — къ древнимъ, скажемъ, отмѣненнымъ рунамъ Одина, павшаго бога.

Я стою за иное значеніе Iravǫll'я въ этой строфѣ: не горній Іерусалимъ, а Эдемъ. Въ основѣ лежитъ синкретическое, полуязыческое, полухристіанское воззрѣніе, общій смыслъ котораго дается конечнымъ явленіемъ — Судіи. Передъ нимъ азы спускаются къ роли обновленныхъ, на ряду съ людьми: первые по прежнему въ Идавеллѣ, играютъ въ кости; строфа 46-я продолжаетъ туже картину: поля производятъ жатву незасѣянныя, всякое зло исправится, Hǫrr и Бальдръ снова вселяются въ палатахъ Нгóрт'а=Одина, жилищѣ сраженныхъ боговъ.—Мейеръ (стр. 218, 219) продолжаетъ и для этой строфы параллель новаго Іерусалима Іезекіиля 34, 24 (гдѣ о Іерусалимѣ нѣтъ рѣчи) и Гонорія, Specul. Eccles. l. c. 1095: Hierusalem haec (sc. coelestis) de vivis lapidibus scilicet universis electis ut civitas aedificetur; Elucidarium l. c. 1113: Deus constituit sibi praeclarum palatium, quod dicitur regnum caelorum. Ad quod palatium praedestinavit certum numerum *electorum* militum и т. д. Electi эти—angeli и homines — отвѣчаютъ понятію valtivar, какъ въ строфѣ 38; въ Hǫrr'ѣ и Baldr'ѣ, мы уже знаемъ (сл. выше стр. 9), Мейеръ усматриваетъ арх. Михаила и Христа; относительно перваго, уже отвѣтившаго въ Vǫluspá образу Лонгина, Мейеръ колеблется (стр. 266) не вмѣнить-ли это *разногласіе* значеній — интерполятору 33-й строфы (Hǫrr=Лонгинъ). Такъ или иначе, но Baldr и Hǫðr, т. е. Христосъ и Михаилъ, поселятся въ палатахъ Нгóрт'а, вѣщаго, въ жилищѣ ангеловъ. Выраженіе болѣе чѣмъ странное, если и допустить, что нарицательное значеніе Нгóрт'а могло заслонить въ своей общности личность языческаго бога. Но затрудненіе не въ этомъ, а въ необходимости соединить водвореніе Бальдра=Христа съ могучимъ и сильнымъ, приходящимъ свыше на судъ въ строфѣ 50-й. Остается предположить, либо что онъ

тождественъ съ Бальдромъ, что невѣроятно уже по самой послѣдовательности разсказа, либо что Бальдръ и Hǫrr въ данномъ эпизодѣ не отвѣчаютъ Христу и арх. Михаилу, не христіанизованы (стр. 220). Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, даже съ точки зрѣнія автора Vǫluspá, какимъ представляетъ его себѣ Мейеръ, азовъ, играющихъ въ кости, и valtivar = ангеловъ, тѣхъ и другихъ — въ новомъ Іерусалимѣ: regnum coelorum. Естественнѣе была такая идея: обновилась, выйдя изъ водъ, земля—и все на ней: въ Iðavǫll'ѣ по прежнему блаженствуютъ боги, въ Мидгардѣ = вселенной, выраженной въ строфѣ 48-й словомъ Vindheim, поселяются люди, и Hœnir, одинъ изъ деміурговъ стараго миѳа, даетъ жребій, очевидно, людямъ, какъ прежде даровалъ имъ духъ: жребій жизни.

Мы уже знаемъ, что для Meyer'a Hœnir въ указанной строфѣ — Энохъ библейско-христіанской эсхатологіи, какъ Lóðurr = Илья, тоже являвшійся во второмъ утраченномъ стихѣ той-же строфы. И здѣсь, по мнѣнію толкователя, мѣсто дѣйствія то-же: Iðavǫllr; Ильѣ и Эноху также подобаетъ быть въ раю, какъ Христу и арх. Михаилу: Христосъ и Михаилъ уготовляютъ небесныя палаты для христіанъ (стр. 223, 224), Энохъ, распредѣлявшій по библейско-талмудическимъ воззрѣніямъ мѣста на небѣ,—для евреевъ. Это подтверждается извѣстнымъ видѣніемъ Іезекіиля XLVII, часто толковавшагося иносказательно, какъ эсхатологическое. Вниманіе Мейера особливо обратили на себя стихи 16: «Ты же, сынъ человѣческій, возьми себѣ одинъ жезлъ и напиши на немъ: Іудѣ и сынамъ Израилевымъ, союзнымъ; и еще возьми жезлъ и напиши на немъ: Іосифу; это жезлъ Ефрема и всего дома Израилева, союзнаго съ нимъ. И сложи ихъ у себя одинъ съ другимъ въ одинъ жезлъ, чтобы они въ рукѣ твоей были одно». Это толкуется далѣе въ томъ смыслѣ, что Господь возьметъ сыновъ Израилевыхъ изъ среды народовъ, соберетъ ихъ отовсюду и водворитъ въ ихъ землю, гдѣ они будутъ однимъ народомъ, съ однимъ царемъ.—Жезлъ Іезекіиля Мейеръ объясняетъ какъ sors (стр. 225)=hlautvið въ Vǫluspá: въ послѣдней

жребій назначаетъ Hønir = Энохъ сынамъ двухъ братьевъ, т. е. Іуды и Израиля. Такъ понимаетъ Мейеръ: *burir .... brøþra tveggja*. Мюлленгофъ (l. c. стр. 84 и 156) переводитъ: Тогда Гёниръ (и Лодуръ) изберутъ жребій (какимъ прежде владѣли, т. е. станутъ пользоваться прежними почестями) и сыновья Твегги (Tveggja) заселятъ виндгеймъ». Что такое Tveggi? Судя по тому, что Мюлленгофъ считаетъ (предположительно) Lóþor'a — братомъ Hønir'a, Твегги — ихъ отецъ? Heusler [1]) толкуетъ: сыны Одиновыхъ братьевъ, т. е. Hønir'a и Lóþor'a, являвшихся, быть можетъ, въ братскихъ отношеніяхъ къ Одину, какъ позднѣе Vili и Vé. Vigfusson [2]) колеблется: the sons of the Twin-brethren или the sons of the two brothers (Hoth and Balder); стало быть дѣти братьевъ Гёдра и Бальдра. Я считаю это толкованіе наиболѣе подходящимъ къ послѣднимъ эпизодамъ Vǫluspá, спустившимъ понятіе азовъ, снова объявляющихся въ Iþavǫll'ѣ (строфа 46), почти къ значенію людей—ибо Всемогущій въ концѣ поэмы могъ исключить идею всякой другой божественности. Передъ концемъ свѣта одинъ братъ былъ невольной причиной убійства другого, Гёдръ Бальдра; братья будутъ ратиться; въ новомъ мірѣ Бальдръ мирно водворяется вмѣстѣ съ Гёдромъ — и Гёниръ, по старой памяти, назначаетъ жизненный жребій ихъ потомкамъ. Іюда и Израиль могли быть здѣсь не причемъ — да и трудно представить себѣ, съ точки зрѣнія христіанскихъ представленій о страшномъ судѣ, эпизодъ, подобный предложенному Мейеромъ: объ Энохѣ, удѣляющимъ евреямъ жребій на небесахъ, какъ Христосъ удѣлялъ таковой-же — «христіанскимъ душамъ». Въ христіанской эсхатологіи такое воззрѣніе было-бы, ссли не аномаліей, то unicum.

Съ 46-й по 48-ю строфу Мейеръ удерживаетъ, какъ мы видѣли, одну и ту-же сцену дѣйствія, Iþavǫllr, смѣшивая, въ толкованіи его, понятія Эдема-рая и горняго Іерусалима. От-

---

[1]) Heusler, Vǫluspá, Die Weissagung der Seherin. Berlin 1887, p. 59 u 31.
[2]) Corpus poet. boreale I, 201 и II, 628.

того у него нѣтъ движенія впередъ, ибо Gimlee 49-й строфы, крытый золотомъ, краше солнца, опять является горнимъ Іерусалимомъ Апокалипсиса и Исайи (стр. 231—2): Gimlee или Gimhlé (gim=gemma)—это и есть gemmata et aurea Jerusalem Іеронима. Съ этимъ толкованіемъ, намѣченнымъ уже другими изслѣдователями, надо согласиться; вѣрные, добродѣтельные люди, вѣчно блаженствующіе въ Gimlee—отвѣчаютъ такимъ же христіанскимъ представленіямъ, какъ образъ могучаго, сильнаго, свыше приходящаго на страшный судъ (at regindómi). Слѣдствіемъ его будетъ окончательная кара надъ грѣшниками: змѣй Níþǫggr унесетъ ихъ въ преисподнюю.

Этимъ противоположеніемъ вѣчнаго блаженства и вѣчнаго мученія кончается поэма; но Níþǫggr, прилетающій съ Nipafjǫllum, отъ мрачныхъ горъ, даетъ намъ поводъ еще разъ вернуться къ строфамъ 22—24-й. Въ 23-й строфѣ золотая палата Синдри стоитъ въ Nipavellir, вмѣсто чего варьянтъ читаетъ á Nipafjǫllum, что поддерживаетъ и Гильфагиннингъ с. 52. Такъ или иначе, но, вѣроятно, что разумѣется одна и та-же мѣстность, къ которой пріуроченъ и Níþǫggr. Это ведетъ къ вопросу: вправѣ-ли мы видѣть въ строфѣ 23-й описаніе жилищъ блаженныхъ (покой Синдри и Ókolni), въ 24—5-й—грѣшниковъ (палата на берегу мертвыхъ)? Gylfaginning с. 52, говоритъ, что много есть хорошихъ и много худыхъ (загробныхъ) обитателей: всего лучше быть въ Гимлэ̀, очень хорошо въ Ókolni, хорошо еще въ палатѣ Синдри, худо на берегу мертвыхъ. За вычетомъ Гимлэ̀, мѣста вѣчно-блаженнаго пребыванія,—всё остальное представляетъ, быть можетъ, лишь градацію посмертнаго существованія — внѣ идеи блаженства. Этимъ объяснилось бы и положеніе палаты Синдри на сѣверѣ, на темныхъ долинахъ или горахъ, откуда въ концѣ дней прилетаетъ Níþǫggr. Если такъ, то пятый отдѣлъ Мейера скорѣе было-бы надписать: Адъ, а не: Адъ и Рай. Къ изображенію перваго авторъ увлекся эпизодически—отъ изображенія связаннаго, мучимаго Локи въ строфѣ 21-й; надъ нимъ виситъ змѣя—и это сразу переносило его къ палатамъ на Nástrand'ѣ, сплетен-

нымъ изъ змѣиныхъ хребтовъ. Это худшая изъ загробныхъ обителей, и здѣсь можно было себѣ представить себѣ Локи; передъ тѣмъ авторъ описалъ другія, въ которыхъ степень наказанія меньше. Gylfaginning считаетъ отъ Гимлэ, идя отъ понятій: лучше къ очень хорошо, хорошо, худо; восходя отъ Nástrand'a мы сказали бы, что въ палатѣ Синдри и Бримира лучше, еще лучше.—Эпизоду о карѣ Локи и неестественно было вызвать изображеніе — блаженства.

III.

Свой комментарій къ Vǫluspá'ѣ Мейеръ обобщаетъ (стр. 244—6) въ краткомъ résumé ея предполагаемаго христіанско-аллегорическаго смысла. «Никто не станетъ отрицать, говоритъ онъ по поводу своего résumé (стр. 246), что весь этотъ цѣльный комплексъ глубокихъ, величественныхъ идей получился изъ пристальнаго изученія каждой строфы поэмы съ точки зрѣнія ея содержанія, причемъ я охотно признаюсь, что кое-гдѣ вмѣсто строгихъ доказательствъ являлись предположенія, и даже предположенія дерзкаго свойства. Кто не въ состояніи перенестись въ среду средневѣковыхъ догматическихъ ощущеній, усмотрѣть въ ней непрестанно дѣятельную, часто смѣлую метаморфозу мотивовъ, тотъ естественно усомнится и удивится странности и необычной темнотѣ отдѣльныхъ выраженій и даже цѣлыхъ серій строфъ, какъ и странному, по виду, замыслу: выразить чисто христіанскій сюжетъ въ чисто языческихъ формахъ, и выразить вѣрно — до иллюзіи (täuschend)». Авторъ надѣется, что эти сомнѣвающіеся обратятся на путь пониманія, какъ обратился и онъ, когда послѣ анализа частностей онъ поднялся на высоту, съ которой ему сталъ ясенъ внутренній планъ Vǫluspá. Подтвержденіе своего взгляда на неё онъ находитъ въ аналогическихъ памятникахъ болѣе древней христіанской литературы, разбору которыхъ и посвящаетъ слѣдующія (246—261) страницы.

Что этотъ разборъ не полонъ, въ этомъ сознается и самъ

авторъ (стр. 258): еще предстоитъ напр. опредѣлить отношенія Vǫluspá къ литературѣ апокрифовъ; Мейеръ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду книгу Эноха; я не думаю, чтобы именно этому памятнику слѣдовало придавать, въ вопросѣ объ экзегезѣ Vǫluspá, какое-то особое значеніе, но въ общемъ недочетъ усмотрѣнъ вѣрно: именно апокрифы питали народную и средневѣковую поэзію своею картинностью, и ихъ нельзя было обойдти хотя-бы съ точки зрѣнія метода.

Но меня удивила неполнота другого рода: недостаточность и отрывочность анализа тѣхъ памятниковъ, которые Мейеръ привлекъ къ сравненію, какъ доказательные для его цѣли. Именно этому отдѣлу надлежало дать серьезное развитіе: онъ явился-бы оправданіемъ толкованія Vǫluspá, если не его фундаментомъ, то тѣми устоями, которые поддерживаютъ готическій соборъ, безмѣрно стремящійся ввысь, къ горнему Іерусалиму, какъ-бы забывая свое каменное тѣло.

Vǫluspá представляетъ, на взглядъ Мейера, краткій перечень библейско-евангельскихъ событій, отъ міросданія до страшнаго суда. Такіе христіанскіе перечни, развивающіе планъ Символы вѣры, извѣстны, и Мейеръ (стр. 246 слѣд.) обращаетъ на нихъ вниманіе. Что въ такихъ перечняхъ, при соблюденіи общей послѣдовательности, иные факты библейской или христіанской исторіи могли быть опущены, либо одни замѣнены другими,—въ этомъ нѣтъ ничего необычнаго, что-бы устранило Vǫluspá отъ сравненія.

Но сѣверная поэма представляетъ не только историческій, а историко-аллегорическій обзоръ указанныхъ фактовъ. Это вводитъ Vǫluspá въ широкое теченіе средневѣковаго аллегоризма и выразившей его литературы. Иносказательное толкованіе священнаго писанія, начавшееся въ Александріи (Филонъ), создало на западѣ не только особое направленіе богословской экзегезы, но и теченіе мысли: библейскій или евангельскій разсказъ являлся не самъ по себѣ, а показателемъ чего-то другого, въ немъ скрытаго, символически утаеннаго, какъ совершеніе или прообразованіе; вся

исторія человѣчества—постепеннымъ откровеніемъ, въ которомъ каждая стадія пророчески-образно приготовляетъ слѣдующую за ней. Эта идея вносила въ послѣдовательность событій генетическую связь, но ободряла и къ искапію мелкихъ параллелей, содержательныхъ, чаще внѣшнихъ: убійство Авеля явилось прообразованіемъ жертвы на Голгофѣ; Вавилонъ, вавилонская блудница, столпотвореніе и т. п. получали иносказательное значеніе; невѣста Пѣсни Пѣсней была то Церковью, то душей — и въ позднюю пору среднихъ вѣковъ образъ души, сочетающейся съ Богомъ (Пѣснь П. 3, 11), принадлежитъ къ однимъ изъ любимыхъ. Мейеръ (стр. 455—6) отмѣчаетъ недостаточно, по его мнѣнію, замѣченное доселѣ: что нигдѣ послѣдній мотивъ не получилъ такого своеобразнаго, чувственно-миоологическаго выраженія, какъ именно у Гонорія, умѣвшаго къ тому-же соединить въ общей картинѣ *исторію спасенія человѣчества* вообще, отъ изгнанія изъ рая до свѣтопреставленія, съ исторіей искупленія *души индувидуальной* (=Невѣста Пѣсни Пѣсней). Сл. стр. 256.

Это положеніе Мейера приближаетъ насъ къ выводу, къ которому отчасти приготовилъ насъ и его комментарій: именно Vǫluspá представляется ему такой-же исторіей искупленія человѣчества, съ вплетенной въ неё иносказательной повѣстью о душѣ: Gollveig'ѣ = Heiþr (строфы 10—11) и vǫlva'ѣ (строфы 17 слѣд.). Авторъ Vǫluspá могъ заимствовать этотъ эпизодъ только у Гонорія, ибо *едва-ли* (schwerlich) удастся доказать существованіе подобнаго эпизода ранѣе Гонорія, охотно называющаго при другихъ случаяхъ свои источники, но горделиво указывающаго на свою самостоятельность именно въ толкованіи Пѣсни Пѣсней: Honorius Cantica Canticorum exposuit, ita ut prius expositа non videantur (стр. 457 и 98). Къ чему относится ita— вотъ вопросъ, который Мейеръ предрѣшилъ въ свою пользу, увѣренный, что дѣло касается именно аллегорическаго пониманія невѣсты = души и что его толкованіе Gollveig'и не вызоветъ сомнѣній. Наши сомнѣнія мы выразили въ своемъ мѣстѣ; въ виду ихъ я и не даю особаго значенія требованію, которое не-

вольно вызывается гипотетическимъ заявленіемъ Мейера — о первенствѣ Гонорія. «Едва-ли»—не рѣшеніе, а вызовъ къ дальнѣйшимъ поискамъ, потому важнымъ, что ими рѣшается хронологія Vǫluspá. Двойственность пониманія «невѣсты» какъ церкви и вмѣстѣ индувидуальной души восходитъ къ самымъ началамъ христіанско-аллегорическаго толкованія Пѣсни Пѣсней, усвоенному отъ Синагоги. Такъ уже у о Оригена, объясняющаго невѣсту Церковью, но главнымъ образомъ сводящаго Пѣсню Пѣсней къ изображенію отношеній Бога или божественной любви къ отдѣльной человѣческой душѣ. Понятіе церкви вводило въ толкованіе историческій элементъ: если бл. Августину Пѣсня Пѣсней представилась изображеніемъ исторіи Евреевъ, то его послѣдователи включили въ ея рамки и исторію новозавѣтную. Это точка зрѣнія Апонія (VII вѣка) [1]): Sapientissimo Salomoni, quicquid ab initio mundi usque in finem in mysteriis egit acturusve erit Dei sermo erga *Ecclesiam*, in figura et in aenigmatibus est demonstratum. In quo Cantico omnia quae narrantur tecta mysteriis in Verbi incarnatione revelata et completa docentur. Ubi allisa erigitur *humana progenies*, compedita absolvitur, corrupta ad virginitatis integritatem reformatur, expulsa Paradiso redditur, ex captiva libera, ex peregrina civis, ex ancilla domina, ex vilissima regina et sponsa Creatoris sui verbi Dei Christi benignitate effecta ostenditur, quae digna sit ejus suscipere oscula et una cum eo effecta spiritu, in caelestibus sublimata regnare... Quae immensa potentia, quae bonitatis dulcedo, quae miserationis superlativa omnium operum flagrantia paternae virtutis admirata ab angelis omniumque sanctorum choris praecelsis vocibus perpetuisque laudibus efferretur, nisi ut dominus ancillam vere pauperculam, ut aeternus mortalem per assumptionem carnis, *Rex Dominus Iesus Christus Ecclesiam* (id est: *Dei Sermo animam)* sibi sub conjugis titulo copularet.— Соединеніе ecclesia, humana

---

[1]) Commentariorum Aponii in Cantica Canticorum lib. I, Maxima Bibl. veterum patrum, Lugduni 1677, t. XIV, стр. 99[b]—100[a].

progenis и anima — это и есть исторія спасенія человѣчества вообще въ связи съ исторіей искупленія души индувидуальной; не самостоятельное измышленіе Гонорія, на которомъ дозволено было-бы построить какіе нибудь выводы, исторію его вліяній. Между тѣмъ Мейеръ продолжаетъ тяготѣть къ нему: съ Гонеріемъ, какъ источникомъ Vǫluspá, мы остаемся въ XII-мъ вѣкѣ, къ которому, по мнѣнію изслѣдователя, относитъ поэму и многое другое: только къ началу этого столѣтія эпизодъ отпаденія (борьбы) ангеловъ и символика креста получили то развитіе, какое предполагается ея содержаніемъ (стр. 236); только въ эту пору европейская поэзія на столько освоилась съ антикомъ, что могла шире и смѣлѣе пользоваться матеріаломъ языческаго миѳа для выраженія христіанскихъ идей (стр. 267): если въ одномъ латинскомъ гимнѣ IX вѣка являются гиганты и Ѳетида (стр. 250), то въ миніатюрахъ къ энциклопедіи Herrad'ы von Landsberg въ разсказѣ о мірозданіи мы видимъ Sol-Аполлона, Нептуна, Эола и т. д., а въ Anticlaudianus Алана ab Insulis въ борьбѣ души, поддерживаемой добродѣтелями, съ пороками фигурируютъ римскія божества, въ эпизодъ созданія новой души— Творецъ, Jupiter или Tonans, и парки (стр. 254).

По нашему мнѣнію Мейеръ радикально ошибается, выводя изъ этихъ фактовъ такое заключеніе (стр. 257): если Геррада и Аланъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ произведеній пытались воскресить къ поэтической жизни миѳическія божества *другого народа, давно забытыя или заброшенныя*, то автору Vǫluspá боги и демоны, введенные имъ въ исторію христіанскаго искупленія, хотя и представляются погибшими или побѣжденными, отверженными, тѣмъ не менѣе это — боги и демоны его родины и предковъ, въ которыхъ вѣрили еще недавно, отчасти и его современники, и онъ чаетъ въ нихъ на столько свѣжей поэтической силы, что сдѣлалъ ихъ главными носителями—христіанской исторіи искупленія».

Тутъ перепутано многое, что надо бережно отдѣлить, чтобы дойти — до нерва Vǫluspá. Ѳетида и гиганты въ гимнѣ IX вѣка

и аналогическіе образы у Геррады стоятъ въ одномъ теченіи, восходящемъ къ синкретическому, въ смыслѣ религіознаго міросозерцанія, искусству катакомбъ, гдѣ Христосъ изображался въ образѣ Орфея, Психея символизовала душу и т. п. Эти образы-синонимы установились — и повторялись безсознательно, по традиціи; изображая море античнымъ морскимъ божествомъ — божество собственно забывали, помнили гіероглифъ, отъ божества открестились-бы, либо обратили-бы его въ демона. Но это лишь одна сторона вопроса; другая въ слѣдующемъ: когда Аланъ вызываетъ на сцену языческихъ боговъ, называетъ творца—Юпитеромъ, какъ позднѣе Боккаччьо будетъ играть такой-же номенклатурой, они цѣликомъ стоятъ на точкѣ зрѣнія — гіероглифа: пишутъ по латыни, подражая классикамъ, знакомые съ ихъ Олимпомъ, который для нихъ обобщился до значенія поэтической cheville, общаго мѣста; тутъ вопросъ стиля, не религіознаго синкретизма; чѣмъ глубже эти люди стоятъ въ преданіи христіанства, тѣмъ свободнѣе ихъ отношенія къ классическому язычеству. Оно отъ нихъ далеко, да и не свое.

Авторъ Vǫluspá былъ въ другомъ положеніи; по словамъ Мейера боги и демоны, которыхъ онъ ввелъ въ поэму, были *его богами;* еще встрѣчались современники, приносившіе имъ жертвы, и онъ раздѣлялъ съ ними вѣру въ ихъ, хотя-бы только поэтическую живучесть. Эта точка зрѣнія, исключая сравненія съ гимномъ IX вѣка, Аланомъ и Геррадой, относитъ насъ къ параллелямъ катакомбъ, къ тому полувѣрному синкретизму, который наивно изображалъ Спасителя—Орфеемъ. Мы настаиваемъ на выраженіи: полувѣріе; чѣмъ яснѣе выразится въ сознаніи сущность христіанства, тѣмъ невозможнѣе станетъ смѣшеніе понятій и образовъ, и надо допустить значительное хронологическое удаленіе отъ язычества, чтобы средневѣковой богословъ или поэтъ могъ счесть его безопаснымъ, поэтически-отвлеченнымъ матеріаломъ. Если-бы авторъ Vǫluspá вывелъ на сцену Ѳетиду и гигантовъ, мы сказали-бы, не обинуясь, что онъ подражаетъ напр. Алану; но онъ орудуетъ богами, такъ сказать,

еще живыми, заставляя ихъ служить выраженіемъ христіанскихъ идей. Такъ, въ его положеніи, могъ поступить лишь человѣкъ полувѣрный или двоевѣрный, не ученый богословъ, увлекшійся Гоноріемъ и его аллегорическимъ «романомъ о Психеи». Если такъ, то уровень литературы, которой пользовался авторъ Vǫluspá, долженъ быть пониженъ: у него по прежнему могли быть въ рукахъ христіанскія источники, но не комментарію Іеронима, не Лактанцій, Гонорій и т. п. (сл. стр. 259), а болѣе низменныя, образныя легенды, апокрифическіе разсказы; онъ могъ и не читать ихъ, а наслышаться о нихъ.

Изъ поставленной мною дилеммы я не въ состояніи выйти: или авторъ Vǫluspá былъ ученый богословъ, въ такомъ случаѣ логически и психологически непонятно его отношеніе къ не вымершимъ еще богамъ и роль, которую онъ имъ создалъ: представителей христіанскаго откровенія. Мейеръ называетъ этотъ замыселъ смѣлымъ (стр. 265); я считаю его невозможнымъ. Или составитель поэмы былъ полу-христіанинъ, полу-язычникъ и поэтъ, излюбившій болѣе простой и народный, чѣмъ вычурный стиль скальдовъ своего времени (стр. 262), но подобно имъ зараженный односторонней, безвкусной тенденціей: выражать всѣ понятія миѳологически (стр. 265). Этого вполнѣ достаточно, чтобъ объяснить себѣ, почему тѣ крохи христіанской легенды или и иносказанія, какія могли попасть къ нему, уложились въ ту-же миѳологизирующую рамку, отвѣчая тѣмъ-же вкусамъ.

Мейеръ, очевидно, не имѣлъ въ виду всѣхъ этихъ сообра-женій, увлеченный Психеей Гонорія, Гулльвейгой Vǫluspá'ы. Такъ какъ вторая представляется ему въ несомнѣнной зависимости отъ первой, то онъ и строитъ такую хронологическую схему (стр. 272—273): сочиненія Гонорія написаны между 1100 и 1125-мъ годами: въ 1150 году Einar Skulason обнаруживаетъ уже знакомство съ Vǫluspá; стало быть, между 1125 и 1150 годомъ не только произведенія Гонорія стали извѣстны въ Исландіи, но и составилась навѣянная ихъ идеями Vǫluspá. Противъ такого пріуроченія ничего не говорятъ показанія ея языка,

хотя ничего не говорятъ и за него (стр. 271); а въ первой половинѣ XIII вѣка Vǫluspá считалась уже древней поэмой. Мы можемъ, впрочемъ, еще ближе опредѣлить время ея написанія, если примемъ гипотезу Мейера, что ея авторомъ былъ никто иной, какъ Сэмундъ Сигфуссонъ: онъ умеръ въ 1133 году (стр. 276), Vǫluspá, стало быть, могла быть написана не позже 30-хъ годовъ XII вѣка. Могла-ли такая поэма считаться въ половинѣ слѣдующаго столѣтія древней — этого вопроса я не касаюсь; но почему она осталась безъименной?

Мейеръ отвѣчаетъ на это мимоходомъ въ послѣдней части своего изслѣдованія, результаты котораго я передамъ въ краткихъ чертахъ.

Сэмундъ (род. въ 1154 или 1056 г.) былъ изъ числа тѣхъ родовитыхъ юношей, которыхъ скальгольтскій епископъ Gizurr призвалъ къ пастырскому служенію и научнымъ занятіямъ. Онъ долго жилъ за границей, неизвѣстно гдѣ: во Франціи, Германіи или Италіи, и въ 1076 или 1078 годахъ вернулся въ Исландію (стр. 276—7), гдѣ въ то время грамматика, поэтика, музыка, богословіе и мистическая легенда изучались въ школахъ Скальгольта, Haukadalr, Holar и Oddi, и еще стояла въ цвѣту поэзія скальдовъ (стр. 273—274). Сэмундъ воротился назадъ богословомъ, лучшимъ «клерикомъ Исландіи» (стр. 277); легенды, еще до сихъ поръ ходящія на островѣ, объ искусѣ, пройденномъ имъ въ школѣ магіи, могутъ быть дѣйствительно истолкованы какъ народная иллюстрація тайновѣдѣнія иного рода: обладая обширною начитанностью, Сэмундъ любилъ отдаленные, не всѣмъ доступные источники знанія, и у него была склонность углубляться въ «темныя стороны мудрости» (стр. 278). Это идетъ къ автору Vǫluspá; правда, о Сэмундѣ неизвѣстно, былъ-ли онъ поэтомъ — но это вѣроятно, полагаетъ Мейеръ (l. c.); старое преданіе, восходящее къ XVII-му вѣку и, можетъ быть, ранѣе, о принадлежности Сэмунду всей стихотворной Эдды (стр. 275) онъ разъясняетъ (стр. 290) въ томъ смыслѣ, что Семундъ является вѣроятнымъ авторомъ Vǫluspá'ы, большая же часть

пѣсенъ Эдды, такъ называемыя Одиническія пѣсни, Hyndloliop, Rigspula и Nafnapulur вышли изъ школы въ Oddi, главой которой былъ Семундъ. Школу Oddi Мейеръ представляетъ себѣ хранительницей его традиціи, его рукописей, съ его помѣтками на поляхъ (стр. 281), указывавшими на его источники. Ими воспользовался Einar Skulason (стр. 282 слѣд.), одинъ изъ лучшихъ скальдовъ XII вѣка, обладавшій даромъ стиха и поэтической формы, любившій красоваться своимъ знаніемъ народнаго миѳа. Интерполяціи въ Сэмундовой поэмѣ принадлежатъ ему: онѣ отличаются миѳологическимъ характеромъ, но иныя изъ нихъ показываютъ, что помѣтки Сэмунда не прошли для него даромъ и что, интерполируя его поэму, онъ почерпалъ изъ-же его источниковъ. Примѣры такого рода дополнительной работы, поразившіе насъ своею странностью, объясняются косностью школьнаго преданья, на стези котораго находится и Снорри: его Gylfaginning въ прямой отъ него зависимости, онъ также пользовался наслѣдіемъ Сэмунда (стр. 280—1), его библіотекой и Vǫluspá'ой, но уже съ интерполиціями Einar'a Skulason'a (стр. 283). Замѣчательна при этомъ послѣдовательность, съ которой Снорри умалчиваетъ имя человѣка, его вдохновившаго, учителя; у послѣдняго были поводы скрыть свое имя; на нихъ указываетъ Мейеръ (стр. 279): языческій колоритъ Vǫluspá могъ вызвать кривые толки, а они были не желательны въ ту пору, когда пріятель Сэмунда, епископъ Jon Ögmundarson, доводилъ свое рвеніе до запрета—обозначать среду и четвергъ именами Одина и Тора. Сага объ епископѣ Іонѣ, говоря о совмѣстной дѣятельности обоихъ друзей на пользу церковнаго устроенія и назиданія, называетъ ихъ столпами церкви, а Семунда ея великимъ радѣтелемъ (стр. 277). Оказывается, что одинъ изъ радѣтелей счелъ нужнымъ скрыть свое имя при поэмѣ христіанскаго содержанія, но внѣшняго языческаго аппарата, а его ученики продолжали утаивать ея автора, вѣроятно, по тѣмъ-же, какъ и онъ, побужденіямъ; другихъ мы не можемъ себѣ представить. Если такъ, то и въ ихъ пору были ревнители по вѣрѣ, для которыхъ синкретизмъ Vǫluspá'ы

показался-бы зазорнымъ — и религіозное міросозерцаніе ея автора и его послѣдователей по прежнему представляется психологической загадкой. Не всѣхъ удовлетворитъ объясненіе Мейера (стр. 267—8): что Vǫluspá—ученое стилистическое упражненіе высоко-образованнаго богослова, котораго забавляла задача: выразить величественное содержаніе чуждой религіи, священнѣйшій изъ христіанскихъ сюжетовъ, языкомъ народнаго пророчества, полнымъ загадочныхъ оборотомъ и миѳическихъ аллюзій. Къ этимъ словамъ Мейеръ присоединяетъ еще слѣдующія: «на сколько при этомъ *въ душѣ поэта было серьезной вѣры въ мистическую прообразовательность языческихъ божествъ по отношенію къ христіанской повѣсти искупленія — на этотъ вопросъ едва ли возможенъ точный отвѣтъ*». Мы уже сказали, что въ этомъ вопросѣ — всё дѣло, а его надо было поставить, прежде чѣмъ признать Vǫluspá твореніемъ высокообразованнаго богослова XII вѣка.

Если, цитуя Vǫluspá, Снорри не называетъ имени ея автора, то всего проще предположить, что онъ и не зналъ его. Къ Сэмунду Мейеръ пришелъ очевидно двумя путями: изъ легенды, приписывавшей ему авторство стихотворной Эдды, и изъ комментарія Гонорія, въ которомъ онъ думалъ найти объясненіе нѣкоторыхъ темныхъ эпизодовъ Vǫluspá. Гонорій привелъ его хронологически къ Сэмунду мудрому, учившемуся въ западныхъ школахъ — когда, добавимъ, Гонорій еще не выступалъ на поприще литературной дѣятельности, если она относится къ 1100 – 1125 годамъ, тогда какъ Сэмундъ вернулся на родину въ 70-хъ годахъ XI-го в. Онъ, впрочемъ, могъ познакомиться съ трудами Гонорія и позже уже въ Исландіи.

Но дѣло не въ этихъ мелочахъ, а во всей методической постановкѣ вопроса. Нашъ взглядъ на него выяснился изъ предыдущаго разбора, въ которомъ, надѣюсь, не обойдено ничего, что въ изслѣдованіи Мейера является существеннымъ. Мы должны быть благодарны ему за попытку приложить ко всему составу Vǫluspá критерія христіанскихъ источниковъ, давшаго нѣ-

сколько убѣдительныхъ результатовъ при анализѣ подробностей и отдѣльныхъ эпизодовъ поэмы. Кое-гдѣ изслѣдованіе Мейера повело эту частичную работу далѣе и не безъ успѣха; объяснить цѣлаго, по тѣмъ-же пріемамъ, ему, на нашъ взглядъ, не удалось, но полезно было попытаться сдѣлать это, хотя бы подъ опасеніемъ оставить въ читателяхъ впечатлѣніе отрицательнаго свойства: non liquet! Эта точка зрѣнія опредѣлила и свойства моего разбора, не задавшагося цѣлью поставить новое цѣлое вмѣсто предположеннаго Мейеромъ, а имѣвшаго въ виду лишь указать на невозможность, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, такой реконструкціи вообще.

XIX.

Эпизоды о раѣ и адѣ въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія.

I.

Посланіе Новгородскаго архіепископа Василія «о земномъ раѣ» [1]) важно не только какъ памятникъ церковно-религіознаго развитія русскаго общества въ половинѣ XIV вѣка, но и какъ памятникъ литературный. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важны его указанія на легенды [2]) и апокрифическія статьи, слѣды которыхъ до сихъ поръ еще живы въ русскомъ народномъ суевѣріи. Изучать его «осязаемые» источники тѣмъ необходимѣе, чѣмъ чаще прежняя экзегеза ограничивалась указаніемъ на доисторическое сродство повѣрій, на прирожденные народу миѳи-

---

[1]) Первая глава этой замѣтки воспроизводитъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, мою статью: Историко-литературныя замѣтки I: Параллели къ сказанію о «Новгородскомъ раѣ», Филологическія записки 1875, III, стр. 1—7.

[2]) Укажу здѣсь лишь на легенду о вратахъ: «Самовидѣцъ есмь сему, брате: егда Христосъ, идый въ Іерусалимъ на страсть волную, затвори своима рукама врата градная, и до сего дня не отворими [суть]». Сл. Новгородскія лѣтописи, изд. Археогр. коммиссіи (1879), стр. 227 и указанія на Хожденія митрополита эфесскаго Даніила и архим. Гревенія въ моей замѣткѣ: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXXIX, отд. 2, стр. 170.

ческіе типы и т. п. Я остановлюсь на первыхъ порахъ на преданіи о «новгородскомъ раѣ», являющемся въ пересказѣ Василія съ особенно подчеркнутымъ мѣстнымъ колоритомъ. Точное опредѣленіе его источниковъ невозможно; къ гипотетическому насъ приведутъ слѣдующія параллели. Вотъ содержаніе разсказа.

«А то мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Іаковъ, и всѣхъ ихъ было три юмы, и едина отъ нихъ погибла много блудивъ, а двѣ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло ихъ к высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ дѣисусъ лазоремъ чюднымъ и велми издивленъ паче мѣры, яко не человѣчьскима рукама сотворенъ, но Божіею милостію; и свѣтъ бысть в мѣстѣ томъ [само]сіяненъ, яко не моци человѣку исповѣдати, и пребыша ту [долго] время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша ту, но свѣтъ бѣ многочастный, свѣтлуяся паче солнца; а на горахъ тѣхъ ликованія многая слышаху и веселія гласы воспѣвающа. И повелѣша единому отъ нихъ взыти на гору ту, и видѣти свѣтъ и ликованія и глаголы, и яко взыде на гору ту, и абіе восплеснувъ руками и возрадовася, и побѣже отъ нихъ к сущему гласу тамо. Они же велми удивишася, и послаша другаго, да скажетъ имъ яже тамо видитъ, что есть бывшее на горѣ; той такожде сотвори, съ великою радостію побѣже отъ нихъ. Они же, видѣвше сіе, страха наполнишася, и начаша размышляти к себѣ, глаголюще: аще ли и смерть случится, но видѣли быхомъ свѣтлость мѣста сего — и послаша третіяго на гору ону, [привязавъ ужищемъ за ногу его]; такоже и той хотѣ створити, восплескавъ руками радостно, и побѣже, в радости той забывъ ужище на нозѣ своей, они же протягнуша его ужищемъ, и в томъ часѣ обрѣтеся мертвъ. Они же возвратишася вспять, понеже не дано имъ есть видѣти тоя свѣтлости неизреченныя и ликованія тамо слышащаго; и нынѣ брате, тѣхъ мужей дѣти и внучата добры здоровы»[1]).

---

[1]) Новгородскія лѣтописи, изд. археограф. коммиссіи (1879 г.), стр. 228; текстъ Софійскаго Временника у Буслаева, Истор. Христом., стр. 964—6.

Эта легенда, разсказанная новгородскимъ архіепископомъ Василіемъ въ его посланіи къ владыкѣ Тверскому Ѳеодору II [1]), интересна своимъ пріуроченіемъ. Мѣсто земнаго рая находятъ новгородцы Моиславъ и Яковъ; ихъ путешествіе описано съ чертами реальности; у нихъ было три юмы, одна изъ нихъ погибла, двѣ другія принесло вѣтромъ къ высокимъ горамъ; дѣти и внуки тѣхъ людей еще живы, говоритъ архіепископъ Василій (1331—1352), побуждая насъ отнести странствованіе Моислава съ сыномъ по крайней мѣрѣ ко второй половинѣ XIII вѣка. Если пословица въ сборникѣ Янькова: «новгородскій рай нашелъ» стоитъ въ связи съ нашимъ разсказомъ, то мы получимъ и свидѣтельство популярности, которымъ онъ пользовался въ Новгородѣ. Тѣмъ не менѣе возможенъ вопросъ: имѣемъ-ли мы право отнести его къ дѣйствительно «народнымъ преданіямъ» о раѣ? Легко предположить, что эта легенда не русскаго происхожденія, а только занесена въ Новгородъ и разсказывалась о новгородцахъ.

Въ концѣ XIII вѣка Heinrich von der Neuenstadt обработалъ въ нѣмецкихъ стихахъ извѣстный и въ нашей литературѣ романъ объ Аполоніи Тирскомъ [2]). Слѣдуя въ цѣломъ латинскому подлиннику, онъ позволялъ себѣ украшать его эпизодами своего собственнаго изобрѣтенія, либо заимствованными имъ изъ другихъ источниковъ: онъ не разъ ссылается въ такихъ случаяхъ на какую-то древнюю книгу. Самая пространная вставка включена непосредственно вслѣдъ за разсказомъ о томъ, какъ Аполоній прибылъ въ Тарсъ и передалъ свою дочь на попеченіе Странгвиліона. Отсюда начинается цѣлый рядъ приключеній Аполлонія, въ стилѣ romans d'aventures: тѣ же битвы и далекія

---

[1]) Сл. Библіографическіе матеріалы А. Н. Попова, Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и древностей 1889 г., кн. III, стр. 39.

[2]) Schröder, Griseldis. Apollonius von Tyrus. Aus Handschriften herausgegeben въ Mittheilungen der deutschen Gesellschaft zur Erforschung vaterländischer Sprache und Alterthümer in Leipzig, V B. 2 H., стр. XIV—LXXI (извлеченіе и пересказъ поэмы Генриха von der Neuenstadt); Strobl, Heinrich von Neustadt, Apollonius. Von Gotes Zuokunft (Wien, 1875). Я цитую по этому изданію.

странствованія, цѣлый міръ чудесъ и невѣроятная географія. Съ возвращеніемъ Аполлонія въ Тарсъ мы снова входимъ въ рамки стараго греческаго романа. Непосредственно передъ тѣмъ, въ самомъ концѣ вставки, помѣщенъ эпизодъ о «земномъ раѣ». Аполлоній держитъ моремъ путь къ Галатіи, видитъ по дорогѣ стѣну, высоты трехъ копьищъ; какъ ни объѣзжали ее путники, входа не нашли; тогда

einer steic ouf den maspoum,
er wolte rehte tuon goum,
daz er sagte maere
waz in der purc waere.
dô er ouf den maspoum kam
und der stat gesiht vernam,
erlachte er als er waere frô:
hende und füeze liez er dô
und viel in die stat nider.
si warttent, wanne er kaeme wider:
des was im lützel gedâht.
ein ander wart dar prâht,
der sluoc zesamen füeze und haut
und sprang ouf die schoenen want,
dar nâch viel er ze tal
hinab in den wîzen sal.
sust sprungen zehen dâ hin.
daz nie keiner under in
her wider ouz wolte komen,
daz man die wârheit hiet vernomen,
waz in der moure waere.
dô sprach ein marnaere:
«pintt umb mich ein starkez seil:
ob ich ouch wurde sô geil
daz ich wolte springen nider,
sô ziehet mich mit kraft her wider,
sô sage ich eu die wârheit
von der stat gelegenheit».
sie punden in gar vaste.
do er kam zuo dem maste,
dô wolte er ouch gesprungen hân

als dâ vor was getân:
dô habten sie in vaste
oben auf dem maste.
er schrê mit lauter stymme,
sîn clage deu was grymme.
doch zukten sie in vaste wider
hintz daz er kam zuo in hernider.
dô was er als ein stumbe.
sie kêrten in umbe,
daz er wort nie gesprach
und mit den ougen niht ensach.
er lac an der stat tôt.
sie sprachen: «waz ist dise nôt?
wir suln schier von hinnen varn
und unser leben paz pewarn».
er huop sich von dannen
mit allen sînen mannen.
sie sprâchen: in allen wîs
dâ mac wol sîn ein paradîs» (l. c. p. 80—1).

Разсказъ, какъ видно, совершенно сходный съ новгородской легендой, только образъ райской горы замѣненъ представленіемъ райской стѣны. Въ слѣдующихъ нѣмецкихъ сказаніяхъ, записанныхъ въ Германіи, мы встрѣтимъ такое же чередованіе горы и стѣны; только изчезъ образъ моря, приморская сказка утратила свой колоритъ въ средненѣмецкихъ пересказахъ. По одному изъ нихъ рыцарь vom Ueberlingersee доходитъ въ своемъ семилѣтнемъ странствованіи до конца свѣта; въ пустынѣ передъ нимъ поднимается высокая стѣна; желая узнать, что лежитъ за нею, онъ поочередно помогаетъ двумъ своимъ служителямъ взобраться на нее, но они тотчасъ же спускаются на другую сторону и не возвращаются болѣе, потому что попали въ земной рай; самъ же рыцарь не въ состояніи одинъ взобраться на стѣну [1]). По другому разсказу рыцарь названъ графомъ Стадіономъ; онъ заблу-

[1]) Meyer, Volksmärchen aus Schwaben, № 61. Das Nebelmännle. Сл. Germania IV, 74.

дился въ дремучемъ лѣсу и тамъ набрелъ на стѣну рая, за которую также спускаются безвозвратно два его служителя [1]).

Сообщу въ заключеніи еще одну редакцію той же легенды, напечатанную Бирлингеромъ [2]).

Однажды трое отправились путешествовать. Странствовали они по всякимъ чужимъ землямъ и прибыли наконецъ къ одной очень высокой горѣ. Тамошніе жители не могли сказать имъ, что за земля находится на другой сторонѣ. Странники удивились этому; имъ представилось, что тамъ именно находится рай, и они дали обѣтъ во что бы то ни стало взойти на гору. Двое изъ нихъ остались внизу и помогли третьему взобраться. Когда онъ уже былъ наверху и его спросили, что онъ тамъ видитъ, онъ только улыбнулся и пошелъ за гору. Тогда послали на гору второго путника, взявъ съ него слово сказать, что онъ увидитъ по ту сторону въ раю. Но и этотъ поступилъ точно также, какъ и первый. Тогда стоявшій кругомъ народъ помогъ и третьему взлѣзть наверхъ, но привязалъ ему веревку за ногу, чтобы тотчасъ же стащить его, когда онъ покусится уйти безъ объясненія, какъ то сдѣлали другіе. Только что онъ взобрался, какъ началъ улыбаться и уже хотѣлъ перейти въ рай, какъ народъ быстро стащилъ его и осыпалъ вопросами. Бѣдный парень пытался что-то сказать, но вдругъ сдѣлался нѣмъ. Такъ любопытный народъ не узналъ ровно ничего о раѣ и по сей день знаетъ не болѣе.

Преданіе о новгородскомъ раѣ принадлежитъ, повидимому, къ тѣмъ баснословнымъ разсказамъ о странахъ незнаемыхъ, которые распространились въ Европѣ съ литературою путешествій. Въ торговыхъ приморскихъ городахъ эта литература должна была пользоваться особою популярностью — что и объясняетъ мѣстное пріуроченіе новгородской повѣсти. Приведу въ подтвержденіе легенду о раѣ на востокѣ, занесенную въ путе-

---

[1]) Сообщено A. Birlinger'омъ Uhland'y. См. Uhland's Schriften VII, 428.
[2]) Aus Schwaben II, стр. 369.

шествіе Мандевилля [1]): онъ лежитъ на горѣ, столь высокой, что, говорятъ, она упирается въ небо, въ кругъ луны. Рай обнесенъ стѣнами, расположенными крестообразно, обросшими плющемъ и мохомъ. Къ нему одинъ лишь путь, по которому, безъ помощи Божіей, не можетъ пройти ни одинъ смертный, потому что ему угрожаетъ тамъ пламя, великая тьма и дикіе звѣри. Говорятъ, что многіе удальцы отваживались на это странствіе и не могли совершить его: иные оглохли, другіе ослѣпли или потеряли разсудокъ, либо вовсе не вернулись, погибнувъ на пути. «Оттого я и не могу обо всемъ этомъ сказать что-либо положительное, кромѣ того только, что райскую гору можно видѣть издали». — Сходный разсказъ встрѣчаемъ въ итинераріи Iohannes de Hese [2]): Ulterius navigando per duodecim dietas venimus ad montem qui vocatur Edum, qui est nimis altus ad modum turris, ita quod non potest esse accessus ad illum. Super illum montem dicitur esse paradysus terrestris. Circa horam vesperarum, cum sol descendit versus illum montem, tunc videtur murus paradysi in magna claritate et pulcritudine ad modum stellae.— Въ хожденіи св. Брандана [3]) представленіе горы усвоено аду, но нѣкоторыя подробности напоминаютъ новгородскую легенду о раѣ, тогда какъ другія дадутъ намъ поводъ поставить новыя параллели — въ объясненіе смежнаго эпизода Посланія Василія: объ адѣ на морѣ.

II.

На своемъ пути Бранданъ съ товарищами видятъ островъ; Бранданъ поясняетъ: Tres populi sunt in illa insula: unus puero-

---

[1]) Reysen und Wanderschaften des hocherfarnen und weitberumpten Herrn Doctors und gebornen Ritters Iohannis de Montevilla etc. (въ нѣмецк. перев. Оттона von Demeringen), Cöln, 1600, стр. 243—246.

[2]) Oppert, Presbyter Iohannes, 1-е изд., стр. 191.

[3]) Sanct Brandan, ein lateinischer und drei deutsche Texte hrsg. von Dr. Carl Schroeder. Erlangen, 1871, стр. 23—4 и 29.

rum, alius juvenum, tercius vero seniorum. *Porro unus ex fratribus nostris illic peregrinabitur.* На вопросъ спутниковъ, онъ указываетъ имъ на одного изъ трехъ монаховъ, послѣдовавшихъ за нимъ изъ обители: iste est ille frater qui permansurus est ibi... Erat illa insula mire planiciei in tantum, ut illis videretur equalis mari, sine arboribus aut aliquo quod moveretur a vento. Valde enim erat spatiosa, tamen cooperta scaltis albis et purpureis, ibique viderunt tres turmas sicut vir Dei predixerat: nam inter turmam et turmam spacium erat quasi jactus lapidis de funda, et semper huc atque illuc ibant et una turma cantabat stando in uno loco dicens: Ibunt sancti de virtite in virtutem et videbunt Deum Deorum in Syon (Psalm. 84 = Vulg. 83, v. 8). Когда одинъ сонмъ кончалъ стихъ, другой повторялъ его, и такъ дѣлали безпрерывно; одинъ сонмъ былъ одѣтъ въ бѣлыя одежды, второй въ одежды цвѣта гіацинта, третьи въ пурпурныя ризы (dalmaticis). Тогда былъ четвертый часъ; въ 6-мъ и 9-мъ и въ вечерню (ad vesperas) повторилось то-же антифонное пѣніе, но псалмы были другіе; свѣтлое облако (mire claritatis) осѣнило островъ, оно помѣшало путникамъ видѣть его, но голоса были слышны. Объ утренѣ псалмы снова смѣнились; на разсвѣтѣ островъ очистился отъ облака, и раздалось новое пѣніе. Послѣ того таинственныя turmae совершили закланіе непорочнаго агнца и причастились его: itaque finita immolatione, duo ex turma juvenes portabant cophinum plenum de scaltis purpureis et miserunt in navem dicentes: «Sumite de fructu insulae virorum fortium et reddite nobis fratrem nostrum et proficiscimini in pace». Tunc sanctus Brandanus vocavit praedictum fratrem ad se et ait: Osculare fratres tuos et vade quia te invitant. Bona hora suscepit te mater tua, quia meruisti habitare cum tali congregatione. Osculatisque omnibus et sancto fatre, ait ille sanctus pater: Fili, recordare, quanta beneficia proposuit tibi Deus in hoc seculo. Vade, ora pro nobis. И онъ послѣдовалъ за юношами.

Слѣдующій далѣе эпизодъ является какъ бы обратной стороной сообщеннаго: путникамъ представляется на подсѣверной

сторонѣ гора, воздымавшаяся изъ океана, съ сильно дымившейся вершиной. Вѣтеръ понесъ ихъ прямо къ острову. Erat namque ripa illius magne altitudinis, ita ut summitatem vix potuissent videre, et coloris carbonis et mire rectitudinis sicut murus. Unus quidem qui remansit ex tribus fratribus qui secuti sunt sanctum Brandanum de suo monasterio, exiliit foras de navi et cepit ambulare usque ad fundamentum, qui cepit clamare dicens: «Ve michi, frater! Predor a vobis et non habeo potestatem venire ad vos». Fratres confestim navim retro ducebant a terra et clamabant ad Dominum dicentes: Miserere nobis, Domine, miserere nobis. At vero venerabilis pater cum suis sociis aspiciebat, quomodo ducebatur ille infelix a multitudine demonum ad tormenta et quomodo incendebatur inter illos. Atque dicebat: «Ve tibi, fili, quia recepisti in vita talem finem».

Въ русской легендѣ рай на *высокой горѣ*, какъ адъ въ путешествіи Брандана; *самосіянный свѣтъ* напоминаетъ *облако mire claritatis*, осѣнившее жилище блаженныхъ; оба спутника Брандана *предызбраны* для того или другого пребыванія, ихъ увлекаютъ; въ разсказѣ у Василія три человѣка *посланы* одинъ за другимъ на гору, какъ развѣдчики, двое изъ нихъ остаются тамъ, третій, къ ногѣ котораго привязали веревку, стащенъ внизъ мертвымъ.

Ирландская легенда (VIII—IX вв.), изъ рода imrama (разсказы о морскихъ хожденіяхъ), недавно разобранная Циммеромъ [1]), представляетъ ту-же двойственность эпизодовъ, что и Бранданъ, но въ разсказѣ есть описанія, сближающія ее тѣснѣе съ источникомъ русскаго сказанія. Предызбранности нѣтъ, идутъ развѣдчики: въ первомъ, адскомъ эпизодѣ ихъ нѣсколько, отправляющихся другъ за другомъ; во второмъ—идетъ одинъ и не возвращается болѣе изъ страны блаженныхъ.

Вотъ содержаніе соотвѣтствующихъ эпизодовъ Imram Cu-

---

[1]) Zimmer, Keltische Beiträge II: Brendans Meerfahrt въ Zeitschrift f. deutsches Alterthum XXXIII, 2 Heft, стр. 159—60, § 15, и стр. 171, § 31.

raig Maelduin: путники видятъ большой островъ, а на немъ толпу черныхъ людей, въ черныхъ одеждахъ, съ покрытыми головами. Они плакали и стонали. На второго изъ названныхъ братьевъ Maelduin'a палъ жребій пойти на островъ. Когда онъ подошелъ къ сѣтовавшимъ, сталъ тотчасъ-же чернымъ и принялся голосить вмѣстѣ съ другими. Съ корабля послали двоихъ, чтобы привести его, но они не признали его въ толпѣ и также начали сѣтовать. Тогда Maelduin велѣлъ четверымъ вооружиться и силой привести тѣхъ людей: не смотрите ни вверхъ, ни внизъ (ни въ землю, ни въ воздухъ), сказалъ онъ имъ, закройте платьемъ носъ и ротъ, не дышите воздухомъ острова, а глаза устремите на своихъ товарищей. Такъ посланные и сдѣлали и привели ушедшихъ; когда ихъ спросили, что они видѣли на островѣ, онѣ отвѣтили: мы ничего не знаемъ, кромѣ одного: мы дѣлали, что видѣли (?). — Непосредственно за этимъ слѣдуетъ разсказъ о другомъ островѣ, раздѣленномъ на четыре участка стѣнами изъ золота, серебра, мѣди и кристалла. Въ первомъ участкѣ находились короли, во второмъ королевы, въ третьемъ юноши, въ четвертомъ дѣвушки. Здѣсь имъ подали пищи, которая всякому показалась такого именно вкуса, какого онъ желалъ, а отъ напитка, которымъ ихъ угостили, они проспали три дня и три ночи; очнувшись, они увидѣли себя на морѣ въ своемъ суднѣ, а острова какъ не бывало. Нѣкоторое время спустя путники пристали къ другому острову, съ ровной поляной, на которой была толпа народа, забавлявшагося и смѣявшагося. Бросили жребій, кому пойти провѣдать островъ: жребій палъ на третьяго названнаго брата Maelduin'a. Какъ только онъ вступилъ на берегъ, началъ забавляться и смѣяться съ другими, какъ будто онъ давно былъ ихнимъ. Долго дожидались его товарищи, но онъ не возвращался; такъ они его тамъ и оставили.

Другое ирландское хожденіе за море, Imram Curaig Ua Corra, которое Zimmer относитъ къ XII вѣку или позднѣе, соединяетъ въ одинъ разсказъ два послѣднихъ эпизода предыдущаго текста, въ соотвѣтствіи съ параллельнымъ отдѣломъ Navigatio: на островѣ

четыре части, въ нихъ четыре сонма людей: сѣдовласые старцы, князья, именитые люди и слуги. Всѣ они были прекрасны и проводили время въ забавахъ. Одинъ изъ товарищей O' Corras'овъ идетъ къ нимъ и кажется чернымъ въ сравненіи съ ними. Онъ тотчасъ же начинаетъ забавляться и смѣяться, становится, какъ они, веселымъ и прекраснымъ, и остается на островѣ [1]).

Нѣмецкія сказанія, приведенныя выше, стоятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ближе къ новгородской легендѣ, чѣмъ версіи Брандана и Imram Curaig Maelduin; но послѣднія важны мнѣ, какъ образчики тѣхъ баснословныхъ хожденій за море, популярность которыхъ могла дойти и до Новгорода. Изъ такого хожденія, или разсказа о немъ, почерпнута, по нашему мнѣнію, и легенда о «новгородскомъ раѣ» — а, можетъ быть, и предшествующій ему разсказъ объ «адѣ на западѣ».

«Тоже, брате, не речено Богомъ видѣ[ти] святаго рая человѣкомъ», пишетъ Василій, «а муки [и] нынѣ суть на западѣ; много дѣтей моихъ новгородцовъ видаки тому: на дышущемъ море червь неусыпающій и скрежетъ зубный и *рѣка огненная* (Соф. Врем.: *молненая Морѣ*), *что вода входитъ в преисподняя и паки исходитъ трижды днемъ*».

Какъ представить себѣ рѣку *на морѣ*, входящую и исходящую вновь и притомъ огненную—это разъясняетъ отчасти ирландское Хожденіе. Объ адѣ при этомъ нѣтъ рѣчи; было-ли такъ въ подлинникѣ Василія? Я ищу лишь параллели къ необычному образу.

Снова островъ на морѣ; большая рѣка поднималась у берега въ высоту, перегибалась, какъ радуга, черезъ островъ и спускалась на другую его сторону. Путники прошли подъ ней, не замочившись, убили надъ собою много лососей, которые и попадали къ нимъ.... Отъ вечера (vespertina) субботы до antetertia понедѣльника рѣка не двигалась, а покоилась въ морѣ, окружавшемъ островъ [2]). — То-же, съ измѣненіями, въ Imram curaig

---

[1]) Zimmer, l. c. стр. 189; сл. стр. 198.

[2]) Zimmer, l. c. стр. 165, § 25.

Ua Corra [1]): чудесная рѣка поднимается радугой до неба, не роняя ни капли, и снова опускается въ море; ея журчаніе и шумъ пріятны для слуха; она не поднимаетъ головы отъ субботы пополудни до третьяго часа въ понедѣльникъ; ея вода отзывается медомъ.

Такъ можно представить себѣ и рѣку въ посланіи Василія: она огненная, либо молнійная (Соф. Врем.), но къ характеристикѣ адскаго пламени относится и представленіе огня съ оттѣнкомъ мрака. Сл. въ Видѣніи ап. Павла: «видѣхъ, братиѥ, *рѣку чрньну оганну* и беху въ неи чрви, коиждо пожираху чловѣкы» [2]); Skirnismál 8: um... *myrkvan... vafrloga:* мрачное пламя. Старосѣверн. myrkr. датск. шведск. mörk: темный, мрачный; не оттуда-ли загадочное *Моргъ?* Или моргъ — средненижненѣм. murc: morsch, faul, *morastig*, morsches, brüchiches Land, Erde?

Что Моргъ *трижды* днемъ исходитъ изъ моря, снова входя въ него, можетъ быть не что иное, какъ искаженіе болѣе древней черты: что рѣка покоится отъ вечера до субботы до *третьяго* часа въ понедѣльникъ. Таково, какъ извѣстно, представленіе о рѣкѣ *Сабатіонъ*, текущей, по еврейскимъ повѣрьямъ, на границѣ рая и ада, *Сыботѣ* духовнаго стиха, представляющей ее именно адской рѣкой (сл. Безсоновъ, Калѣки № 488):

А туды жь ишла рѣка Сыбота,
Рѣка Сыбота, вода огняна:
Да по той-же рѣцѣ змерлыя души идуть,
А по правой же руцѣ цистовыя души,
А по лѣвой же руцѣ прозгрѣшныя души;

первыя по верху воды, вторыя по шею въ ней; первыя поспѣли къ райскимъ вратамъ, которыя затворились за ними; вторыя опоздали и попадаютъ въ пекельныя врата.

Рѣка то поднимающаяся и падающая радугой, то покоящаяся, какъ Саббатіонъ ирландскихъ сказаній, огненная, адская

---

[1]) l. c. стр. 189.
[2]) Polívka, Opisi i izvodi, изъ Starine XII, стр. 38.

рѣка Субота духовнаго стиха: таково было сводное представленіе, легшее въ основу Морга въ посланіи Василія. Источникомъ его разсказовъ объ адѣ и раѣ я предположилъ мотивы какого-нибудь хожденія, въ родѣ тѣхъ, которыя дошли до насъ въ отраженіяхъ ирландскаго текста. Къ такому воздѣйствію западныхъ сказаній и легендъ на новгородскія мы отчасти приготовлены: укажу на нѣмецкій подлинникъ Прѣнія Живота со Смертію [1]); загадочныя отношенія нашей былины о Садкѣ къ эпизоду о Садокѣ въ Tristan le Léonois [2]) лежатъ въ томъ-же направленіи вліяній. Западнымъ разсказомъ о раѣ и адѣ легко было усвоиться на почвѣ, гдѣ подобныя преставленія давно пустили корни. Говоря о раѣ на востокѣ арх. Василій поминаетъ о четырехъ, истекающихъ изъ него рѣкахъ; одна изъ нихъ, Нилъ, течетъ «с высокихъ горъ, иже суть отъ земли и до небеси, а мѣсто непроходимое есть человѣкомъ, а верху его Рахмане живутъ»: Рахмане—Рехавиты Зосимова хожденія [3]).—Образъ ада на западномъ морѣ могъ быть приготовленъ популярнымъ у насъ словомъ «Палладія мниха о о второмъ пришествіи и о страшномъ судѣ и о будущей мукѣ и о умиленіи души» [4]): огненная рѣка съ востока пожжетъ землю и небо, будетъ небо новое и земля новая, «тогда^{ж} на запа^{д}ны^{х} страна^{х} иде^{ж} нн҃ы слн҃це захо^{д} имѣеть, ту буде^{т} *рѣка ѿгнена ревущи и҆ гремѧщи шумом^{м} страшны^{м} и҆с҆ скровищь землѧ преисподнѧа̀*. Ту же су^{т} в тѣ^{х} мѣстѣ^{х} и҆ и҆ны мукы различныа̀ на муку грѣшнико^{м} буду^{т}, ѿво оу҆бо су^{т} смола горѧщїа, и҆ное^{ж} *чер҆вь* ꙗ҆довитыи и҆ не҆ оу҆сыпаѧ̀ ни оу҆мираѧ̀ николи^{ж}. Та^{ж} суть скрежьтанїе зубо^{м} и҆ тма кромѣшнѧ̀а̀ и҆ пла^{ч} неоутѣшимый, и҆ и҆но оу҆бо мѣсто студень и҆ мра^{з} трѧсущїйсѧ и҆ ледъ зѣло лю^{т} и студенъ, и҆но оу҆бо

---

[1]) Ждановъ, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 13—14 прим.

[2]) Сл. мою замѣтку: Былина о Садкѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXLVIII, отд. 2, стр. 280 слѣд.

[3]) Сл. Изъ Исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 281 и слѣд.

[4]) Я пользовался этимъ памятникомъ по сборнику XVI вѣка СПБ. Духовной Академіи, Кир. Бѣл. № $\frac{18}{1095}$.

мѣсто смра^{д} золъ и лю^{т} и҆ трепе^{т} непостоꙗнѐнъ и҆ стра^{х} не и҆счетенъ и҆ оу҆жасъ неи҆сповѣди^{м} и҆ и҆на мѣста прочаѧ̀ мукы страшныà» (л. 418 л. об.). Когда грѣшники будутъ ввержены въ рѣку, «а҆бїе въз'греми^{т} рѣка ѡ҆гненаѧ̂ шумо^{м} великы^{м}, ꙗко^{ж} и самѣ^{м} агг҃ело^{м} бж҃їи^{м} оужаснутисѧ гл҃са рѣкы тоѧ̀, и҆ и҆ныà муки бездныà възгремѧ^{т}, ꙗкоже оу҆же прїа́ша грѣшникы в себе. И҆ *тогда въз'врати^{т} пламень свои рѣка по і҃ню повелѣнїю и҆ снидеть въ а҆дъ преи҆сподн҃їи* съ и҆нѣми муками лютыми, и҆ ѡ҆быде^{т} и҆ вниде^{т} посре^{д} е҆го, и҆дѣ^{ж} сѣди^{т} самъ сатана свѧзанъ, с бѣсы своими, и҆ начне^{т} палити дїавола и҆ а҆гг҃лъ е҆го и҆ всѧ грѣшникы и҆же суть въ а҆дъ сведенїи» (л. 436 л. об.).

Рѣка страшнаго суда, имѣющая выйти на западѣ изъ нѣдръ земли и снова въ нихъ спуститься на мученіе грѣшникамъ — явилась въ сказаніи Василія постоянно локализованной на западѣ, на морѣ, изъ которой ежедневно выходитъ, чтобы снова снизойти въ преисподнюю.

XX.

Еще къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ.

I.

Когда недавно (Разысканія, вып. V, гл. XI) я обратился къ изученію дуалистическихъ повѣрій о мірозданіи, распространенныхъ отъ Болгаріи и Буковины по Россіи и до Алтая, я не мало не сомнѣвался, что, явившись послѣ другихъ собирателей относящагося сюда традиціоннаго матерьяла, я буду далеко не послѣднимъ. Уже послѣ отпечатанія соотвѣтствующей главы моихъ Разысканій мнѣ стали извѣстны нѣкоторыя версіи занимавшей меня космогонической легенды, которыя могли быть помѣщены лишь въ дополненіяхъ къ моей работѣ. Здѣсь я сообщу нѣсколько другихъ [1]).

Бѣлорусская легенда, напечатанная г. Романовымъ (Бѣлорусскій сборникъ, вып. IV, стр. 1—5) отвѣчаетъ своимъ началомъ бѣлорусской-же легендѣ о сотвореніи болотъ, сообщенной г. Шейномъ (Разысканія, l. c., стр. 65), но какъ и другія версіи той-же темы, доводитъ разсказъ до сошествія Христа въ адъ и освобожденія душъ, которыя Адамъ заклялъ дьяволу.

---

[1]) О нѣкоторыхъ мелкихъ мотивахъ, входящихъ въ космогоническую легенду либо соприкасающихся съ нею, см. въ Дополненіяхъ въ концѣ этого выпуска.

Искаженіемъ въ эпизодѣ о мірозданіи является, что пузырь, въ которомъ обрѣтается чертъ, виситъ въ воздухѣ, и Господь его раздираетъ; въ версіи Шейна дѣло идетъ о *водяномъ* пузырѣ. Чертъ ныряетъ, слѣдуетъ твореніе суши·— и горъ и болота изъ земли, выплеванной чертомъ. Ты первый у меня, говоритъ ему Господь, а что ты это дѣлаешь, окаянный! Со страху чертъ говоритъ: «Дѣлать буду тое, што й ты, Господи!— Узыйшовъ вышай Бога и строя сабѣ житялству». Богъ посылаетъ Михаила изгнать его, но тотъ устрашился и въ первый и во второй разъ, когда Господь сдѣлалъ его архангеломъ, и осилилъ дьвола лишь по третьему разу, когда Господь сказалъ ему: «вастрастилъ (архистратигъ) будь, а яго трэба спихнуть!». — Сверженный чертъ приходитъ къ Богу, покоряется, проситъ не оставить; что же это ты, дьяволъ, задумалъ сдѣлать? спрашиваетъ его Господь; при словѣ: дьяволъ у черта означились рога и хвостъ. Богъ велѣлъ ему поглядѣть, что Онъ будетъ дѣлать: сотворилъ изъ красной земли человѣка; когда Господь отвернулся, «дяволъ разгарнувъ яго да плюнувъ у яго». Затѣмъ Господь творитъ изъ земли корову; что-же ты, лукавый, только смотришь, а самъ ничего не сдѣлаешь? спрашиваетъ его Богъ. Съ Божьяго позволенія онъ создалъ себѣ козочку, но не могъ её оживить, пока Господь не дунулъ на нее. — Слѣдуетъ разсказъ о созданіи Евы, грѣхопаденіи, рукописаніи, данномъ Адамомъ дьяволу и т. д. — Отмѣтимъ къ легендѣ о Сатанаилѣ еще слѣдующее преданіе (l. c. стр. 6): говорятъ, черти взялись «зъ мора, съ пѣны морьскія. Ето, кажуть, бывъ у Бога Поплешникъ (поплечникъ, сидящій рядомъ, плечомъ къ плечу). Дакъ ёнъ устраивавъ небу шкляную, хотѣвъ Бога спихнуть зъ неба. Тогды Богъ пе́рунъ пустивъ, ажъ земля заколотилась. Ну яны не ўпужались. Тогды Богъ ихъ жажломъ! Дакъ яны три дни зъ небы сыпались, якъ дожжъ—якъ день якъ ночь летѣли три дни. Дакъ который куды ўпавъ, тамъ и сядить. Хто ў воду—у водѣ; у болото—ў болоти; у землю—ў землѣ; на воболокахъ застрали—тамъ и ждуть востращаного суду».

Въ *польской* легендѣ о созданіи горъ [1]) интересенъ мотивъ птицы, очевидно на-ново пріуроченный, судя по многочисленнымъ варьянтамъ сказанія о творчествѣ на морѣ, при чемъ самъ Сатанаилъ является въ образѣ птицы. Pierwotnie ziemia, która leży wśród morza na dwóch wielkich rybach, miała być równa i jednaka wszędzie, ale djabeł się wmieszal i popsuł porządek. Bo gdy Bog zajęty był wielkem dziełem swojim koło stworzenia świata, djabeł namówił kaczkę żeby ukradła trochę ziemi. Pan Bóg sprostrzegłszy to, posłał za uciekającą jartrzębia, który ją dogonił i zaczał dusić, kaczka krzyknąwszy otworzyła dziób, wypusciła skradzioną ziemię, i wtedi z tego powstały góry.

Алтайскія преданія о міросданіи (сл. Разысканія, вып. V, стр. 17 и слѣд.) кратко пересказаны были въ книгѣ неизвѣстнаго автора: Алтайская церковная миссія (СПБ. 1865, стр. 24—36). Въ сочиненіи Вербицкаго, Алтайцы (Томскъ 1870, оттискъ изъ томскихъ губ. вѣдомостей за 1869 и 1870 гг.) напечатана была, съ разными дополнительными свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, статья о. Стефана Ландышева († 1882) о «Космогоніи и ѳеогоніи алтайцевъ язычниковъ», воспроизведенная въ Православномъ Собесѣдникѣ 1886 г., Мартъ, стр. 304 слѣд. Сообщая далѣе извлеченіе изъ этой работы, укажемъ и на соотвѣтствующій матеріалъ, разсѣянный въ трудѣ Вербицкаго: Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка, Казань 1884 г. [2]).

---

[1]) E. S. (Stefanija Ulanowska), Symbolika wiósenna (U Krakowie 1884), стр. 7—8. Таже легенда у Petrow'a, Lud Ziemi Dobrzyńskiej, Zbiór wiadomości do antropologii krajowej II, 1878, Dział etnologiczny, стр. 125. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 73 слѣд.

[2]) Сл. стр. 385 a. v. мӱр (Богъ и Ерликъ летаютъ передъ созданіемъ міра надъ водою въ образѣ черныхъ гусей; сл. стр. 253 a. v. пер); стр. 51 a. v. Ерлик; стр. 21 a. v. Андалма; стр. 103, a. v. Іурун-Музыкай; стр. 35, a. v. е; стр. 220—1, a. v. оп.—Къ алтайской антропогоніи сл. еще стр. 209 (a. v. Нама) и 336 (a. v. Таргын-Нама): Нама или Таргын-Нама — лице, соотвѣтствующее по легендѣ библейскому Ною (сл. l. c. стр. 304, a. v. Соозун); изъ двухъ его реберъ Ульгень создалъ ему жену, Мунту-Шайды (l. c. стр. 205, a. v.). Человѣкъ былъ сначала о шести пальцахъ, но творецъ отрубилъ шестой; изъ него произошла птичка Удӓбышъ: подорожникъ (l. c. стр. 396, a. v.).

Когда человѣкъ еще не былъ созданъ, Ульгень нашелъ на морѣ плавающую, какъ ледъ, землю, а на ней приросшій слой глины, похожій на составъ человѣка. Ульгень снялъ этотъ слой и сказавъ: пусть будетъ человѣкъ, дунулъ ему въ ухо. Онъ сталъ живымъ, Ульгень назвалъ его Эрлик (т. е. мужественный). Эрликъ сначала былъ товарищемъ и какъ-бы роднымъ братомъ Ульгеня, а потомъ сталъ съ нимъ ровняться и возвышаться мыслью предъ нимъ и помышлять самъ въ себѣ съ завистью: какъ бы мнѣ такихъ же тварей создать или даже лучше? И все болѣе и болѣе отдалялся отъ Ульгеня и наконецъ сдѣлался врагомъ его и его твари.—На его мѣсто, и съ цѣлью противостоять ему, Ульгень создалъ богатыря Манды-шіре: извлекъ изъ камня сокъ, сдѣлалъ металлъ, смѣсь съ чугуномъ и серебромъ (кулер), и создалъ изъ него кости его и все его тѣло устроилъ изъ твердыхъ матеріаловъ и крѣпче камня.

Въ слѣдующемъ разсказѣ о созданіи людей роль Ульгеня играетъ имъ-же созданный Майдере, иначе Сен-біл («Ты знай»); замѣтимъ, что въ одномъ сѣверно-бурятскомъ космогоническомъ сказаніи Сомболъ—имя самого творца (сообщеніе Г. Потанина); но въ эпизодѣ о созданіи жены и о змѣѣ къ Сенбилю припутался, вѣроятно, и Эрликъ.

Богъ сотворилъ семь человѣкъ мужскаго пола, при нихъ семь деревьевъ; кости человѣка взялъ изъ камыша, тѣло изъ глины; дунулъ имъ въ носъ и уши—и они ожили. Еще одного мужчину и одно дерево онъ сотворилъ на Алтынъ-ту; «что я сдѣлаю, худое-ли, доброе-ли, ты надъ всѣмъ властвуй», сказалъ онъ мужчинѣ; ты знай, вѣдай — *Сен-біл* — и умирающаго съ голоду, и умирающаго отъ пресыщенія, больнаго и здороваго». Черезъ семь лѣтъ на деревьяхъ выросли семь отраслей, а люди не умножались; это отъ того, что нѣтъ женщины, говоритъ Сенбилъ = Майдере недоумѣвающему Ульгеню и самъ принимается творить жену изъ камыша и глины; когда составъ у него разваливался, онъ сорвалъ траву іргын-ölön, мялъ ее въ рукахъ и, взявъ въ ладони, дунулъ въ нее, отъ чего сдѣлалась змѣя; ею

онъ обвилъ творимый составъ. — Когда Майдере пошелъ на встрѣчу Ульгеню, Эрликъ соблазнилъ (обѣщаніемъ шубы) собаку, приставленную хранить еще бездушное тѣло жены, подошелъ къ нему, вдунулъ въ носъ изъ дудки о семи ладахъ, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ о девяти язычкахъ. Дулъ онъ въ оба уха, отъ этого составъ тотъ сталъ живой, но душа была злобная, какъ змѣя, умъ всегди на семь ладовъ, на девять разногласныхъ языковъ, а тѣло смрадное.—Майдере проклялъ собаку, жену, созданную Эрликомъ, и ея отродье, самого Эрлика прогналъ впослѣдствіи въ землю между двумя морями, гдѣ не свѣтитъ ни солнце, ни луна; а Ульгень создалъ для одного изъ сотворенныхъ имъ мужчинъ, Таргын-нама, новую жену, взявъ изъ обоихъ его боковъ по двѣ косточки. Удаляясь на Алтынъ-ту, онъ сказалъ Майдере: что захочешь творить, скотъ-ли, звѣрей-ли, людей или что-иное, меня не спрашивай, самъ твори.

Вернувшись изъ своего заточенія, пройдя подъ землею, Эрликъ хотѣлъ было унести души живущихъ людей, но Ульгень схватилъ ихъ однимъ махомъ въ свою горсть и унесъ на Алтынъ-ту. Тогда Эрликъ, чтобъ излить свою злобу, сотворилъ въ морѣ чудовище—нечистаго духа, Андалма-муус, которое вытягивало языкъ изъ моря и, схватывая людей, пожирало ихъ. Одинъ изъ богатырей Ульгеня, Тюрюн-музыкай, рѣшившись убить чудовище, сошелъ съ неба и, родившись отъ дѣвы Эрькэ-шудюнь, назвался Тямаа-Тюрун. Когда онъ еще мальчикомъ бѣгалъ по морскому берегу, Андалма-муус, вытянувъ языкъ, хотѣлъ утащить его, но богатырь схватилъ его за языкъ и такъ сильно потянулъ изъ моря, что земля погрузилась. Не желая потопить ее, онъ началъ пить воду изъ моря, и столько выпилъ, что ноги Андалма-мууса стали на виду. Вытащивъ его за ноги, богатырь такъ сильно ударилъ его о камень, что кровь обагрила всѣ камни: оттого они разноцвѣтные; а остовъ Андалма-мууса онъ настрогалъ въ мелкія стружки: оттого понадѣлались разные черви, мошки, пауки, комары, саранча и другія насѣкомыя.

Вернувшись ни съ чѣмъ послѣ попытки захватить души лю-

дей и видя, что его народъ не пребываетъ и не убываетъ, Эрликъ снова пришелъ въ міръ; на каждомъ изъ его деревьевъ и растеній, имѣющихъ съѣдобные плоды, прибавилъ на половину такихъ-же своихъ плодовъ; кто ихъ будетъ ѣсть, въ того онъ войдетъ; кромѣ того онъ произрастилъ и еще одно дерево съ плодами: кто поѣстъ отъ нихъ, будетъ ему принадлежать.—Майдере прогналъ Эрликовыхъ слугъ, посаженныхъ на дерево въ видѣ плодовъ, и его самого въ его землю. — Между тѣмъ жена Таргын-намы съѣла ягоду съ дерева Эрлика; съ ягодою вошелъ въ нее кӱрюмес; явившись къ ней въ образѣ ея мужа, онъ велѣлъ ей отдать чернила изъ сосуда, храненіе котораго Майдере поручилъ змѣю — и змѣй повиновался женѣ, ибо она сослалась на приказаніе Майдере, который змѣя проклялъ, а Таргынъ-нама съ женою прогналъ въ землю знойную, гдѣ нѣтъ ни тѣни, ни деревьевъ, ни камней.

Снова пришелъ Эрликъ просить Майдере: дозволить ему устроить въ своей области свое небо и землю; Ульгеня — дозволить ему населить эту область новыми жителями. Ульгень разрѣшилъ это въ насмѣшку, ибо зналъ, что народъ Эрлика не имѣлъ возможности умножиться. А Эрликъ вернувшись къ себѣ, сдѣлалъ молотъ, наковальню, мѣхъ и клещи, раскалилъ желѣзо и сталъ ковать: при каждомъ ударѣ выскакивалъ кӧрӱмес. Такъ натворилъ онъ множество нечистыхъ духовъ, которыми и населилъ свой міръ. Въ присутствіи Манды-шіре онъ сотворилъ медвѣдя, барсука и крота. Желая воспрепятствовать созданію вредныхъ животныхъ, Манды-шіре идетъ воевать съ Эрликомъ, но опаленный имъ бросился къ Ульгеню. Напрасно ты пошелъ, не спросясь у меня и не взявъ у меня силы, говоритъ Ульгень; и махнувъ рукой сказалъ: Поди! На этотъ разъ Манды-шіре поражаетъ Эрлика и его воинство, строенія его разрушилъ, его низвергъ; съ нимъ попадали и его слуги: кто палъ въ воду и сталъ су-ээзі (водяной), кто на камень и сталъ таш-ээзі, на гору (ту-ээзі), въ лѣсъ (агаш-ээзі), на домъ (ӱй-ээзи: домовой), на скотъ, рыбъ и птицъ, на все живущее; кто куда попалъ, тому и хозяиномъ сталъ.

Ты лишилъ меня моего царства, говоритъ Ульгеню Эрликъ и проситъ дать ему на землѣ одну равнину, десятину, квадратную сажень, четверть аршина; наконецъ мѣсто, гдѣ-бы ему поставить конецъ своей палки. На это Ульгень согласился; взявъ палку, Эрликъ всю забилъ ее въ землю; когда выдернулъ ее, вывелъ изъ земли кабана, ухватившагося за палку зубами, а за хвостъ кабана уцѣпилась змѣя, за нее лягушка и множество другихъ нечистыхъ гадовъ. «Всѣ вы будете враги человѣку» сказалъ онъ; разгнѣванный Ульгень свергнулъ его въ преисподнюю, но его 43 слуги, павшіе на землю, остались хозяевами тамъ, гдѣ пали; кромѣ того Эрликъ посылаетъ еще 43 рода слугъ, јеткерей (духовъ, производящихъ напасти), которые тѣснятъ людей, ускоряютъ ихъ смерть и умершихъ доставляютъ ему.

Бурятскія сказанія [1]), на которыя было указано выше (стр. 108), недавно были напечатаны [2]). Деміургомъ является Сомболъ-бурханъ: желая сотворить землю, онъ ходитъ по водѣ, по которой въ то время плавала птица ангата (аркаликъ) съ 12 дѣтенышами; она-то и ныряетъ по приказанію бога, чтобы достать со дна черной земли и красной глины. Либо вмѣсто нея является птица ангиръ (турпанъ): нырнула въ первый разъ, но вернулась, не доставъ дна, потому что убоялась рыбы хаши-загахан (рыба — ножницы), которая грозится перерѣзать ее; лишь по второму разу, произнеся слова, заповѣданныя ей Сомболомъ, она достигла дна.—Въ другомъ сказаніи творцами являются три бурхана: Шибэгэни-бурханъ, Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ; птица ангата, при ней 12 дѣтенышей. Боги творятъ землю изъ принесенныхъ ею черной земли, красной глины и песку; затѣмъ создаютъ мужчину и женщину: тѣло изъ красной глины, кости изъ камня, кровь изъ воды. Затѣмъ они порѣшили между собою, что кто изъ нихъ оживитъ этихъ людей, будетъ имъ покровите-

---

[1]) См. Разысканія, вып. V, стр. 29.

[2]) Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями, изд. на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева (Записки восточно-сибирскаго отдѣла Имп. русскаго географ. общ. по этнографіи, т. I, вып. 1, стр. 65 слѣд.).

лемъ; легли спать, поставили передъ собою по свѣчѣ и по горшку: кто на другое утро проснется и свѣча его будетъ горѣть, а въ горшкѣ выростетъ цвѣтокъ, тому и оживить людей. То и другое совершилось у Мадари-бурхана, но Шибэгэни-бурханъ проснулся раньше его, погасилъ его свѣчу, цвѣтокъ у него выдернулъ и посадилъ въ свой горшокъ. Присудили Шибегени-бурхану оживить людей, но Мадари-бурханъ позналъ его обманъ и говоритъ: Ты укралъ у меня цвѣтокъ и огонь, вслѣдствіе этого оживленные тобою люди будутъ другъ у друга красть и ссориться [1]). — Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ поднялись на небо; Шабэгэни-бурханъ остался на землѣ, оживилъ людей и приставилъ караулить ихъ собаку. Шитхырь соблазняетъ ее обѣщаніемъ шерсти; она допустила его до людей, которыхъ онъ и оплевалъ. Шибэгэни-бурханъ проклялъ собаку, а оплеванную шерсть на людяхъ выбрилъ гладко, оставивъ ее лишь на головѣ, гдѣ она не была оплевана.

Въ слѣдующей легендѣ роль злого начала въ дѣлѣ созданія выступаетъ яснѣе. Бурханъ творилъ землю ровною и гладкою, но Шитхырь, стоявшій рядомъ съ нимъ, спряталъ подъ пятою немного земли, которую и разбросалъ; оттого сдѣлались горы и долины. Къ чему ты это сдѣлалъ? спрашиваетъ его бурханъ. Шитхырь говоритъ: Когда люди будутъ спускаться подъ гору,

---

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 28—9 и 36—8. Айно разсказываютъ: добрые и злые боги заспорили, кому править свѣтомъ; рѣшили что тому, кто на слѣдующее утро первый увидитъ солнце. Всѣ сѣли вмѣстѣ, а хитрому лисьему богу, находившемуся на сторонѣ добрыхъ боговъ, удалось первому увидѣть солнечные лучи, освѣтившіе далекія горы. Оттого добрые боги, боги свѣта, и правятъ міромъ (Veckenstedt, Zeitschrift f. Volkskunde I: Brauns, Die Religion, Sagen und Märchen der Aino, стр. 250). Сл. киргизскую легенду о томъ, почему именемъ мыши называется первый годъ каждаго двѣнадцатилѣтія: звѣри спорили, чьимъ именемъ назвать этотъ годъ, каждый выставлялъ свои заслуги, но къ соглашенію не пришли. Тогда мышь предложила назвать этотъ годъ именемъ того, кто первый увидитъ восходъ солнца при наступленіи означеннаго года. Взобравшись на спину верблюда, она первая увидѣла восходъ солнца, и начальный годъ названъ по ней. См. Этнографическое Обозрѣніе, кн. II: изъ уральскихъ войсковыхъ Вѣдомостей, 1889, № 18.

то, боясь, будутъ призывать тебя: ай, Бурханъ! А когда будутъ подыматься на гору, то будутъ упоминать меня, говоря: Шихтырова высокая гора! Такимъ образомъ обоихъ насъ постоянно будутъ поминать [1]).

Въ варьянтѣ аларскихъ бурятъ въ созданіи міра участвуютъ Бурханъ и Шолмо (злой духъ); онъ спускается въ воду, что-бы достать земли и камень, которые выноситъ, положивъ въ глаза. Бурханъ разсѣялъ то и другое по водѣ, и стала вселенная; сотворилъ изъ земли тѣло человѣка, изъ камня кости, изъ воды кровь; собака караулитъ его, еще не оживленнаго, и также поддается уговорамъ Шолмо. Позднѣе Бурханъ творитъ изъ лѣваго ложнаго ребра перваго человѣка — женщину; Шолмо проситъ условленной платы за то, что досталъ земли и камень; Бурханъ, обѣщавшій ему немного земли, не желая измѣнить своему слову, даетъ ему столько мѣста, чтобы воткнуть колышко. Шолмо воткнулъ его и снова вытащилъ, а изъ земли стали вылѣзать всякіе гады и змѣи, вредящіе человѣку (см. выше стр. 111).

Новый матерьялъ для интересующей насъ космогонической легенды представляютъ *грузинскія* и *сванетскія* сказанія, очевидно навѣянныя христіанскимъ апокрифомъ [2]).

Въ началѣ вселенная была покрыта водою. Богъ, создатель міра, въ то время находился въ Самкарской скалѣ. Однажды онъ выскочилъ изъ нея и бросился въ воду; въ водѣ ему стало холодно; онъ вздохнулъ и проронилъ двѣ слезинки изъ глазъ; слезинки эти превратились въ архангеловъ Михаила и Гавріила. Надо было уничтожить воду, въ которой Богъ тонулъ, и открыть сушу; съ этою цѣлью всѣ втроемъ стали дуть на воду и кое-какъ достигли морскаго дна. Здѣсь они замѣтили чьи-то слѣды, приведшіе ихъ къ синему камню (ср. синій камень галицкой колядки,

---

1) Ср. Разысканія, вып. V, стр. 13 (мордовская легенда) и 74 (латышская легенда).

2) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. I, стр. LXXV—LXXX; отд. II, стр. 245—251. Ср. отд. 1, стр. V.

синій камень бѣлорусской легенды, Разысканія, вып. V, стр. 2, 57); когда подняли камень, оттуда выскочилъ Самоэль, который схватилъ Бога за горло и хотѣлъ его задушить. Помощь ангеловъ была безсильна и самъ Богъ начиналъ просить Самоэля: Отпусти только и проси чего хочешь? — Больше ничего не хочу, только побратаемся! — Богъ согласился; Самоэль освободилъ его и пошелъ своей дорогой.—Богъ и ангелы принялись отдѣлять землю отъ воды, но это имъ не удается, пока Самоэль не научилъ Михаила, какъ это сдѣлать (Богъ пусть закричитъ громко, на сколько позволяетъ силы). — Слѣдуетъ созданіе богомъ (въ теченіе семи дней) животныхъ и людей; Адамъ и Ева въ началѣ были слѣпые, они прозрѣли, когда Самоэль, явившись въ образѣ козла, надоумилъ Еву сорвать запретное яблоко.— Послѣ этого Самоэль пошелъ опять къ Богу и въ качествѣ брата просилъ отмежевать ему его долю. Богъ отказалъ.—Такъ зачѣмъ-же ты призналъ меня братомъ? Если другого ничего не дашь, по крайней мѣрѣ дай мнѣ «сапицари». Богъ далъ «сапицари» Самоэлю, который проглотилъ его и пошелъ въ адъ. Когда родился Христосъ, Онъ также сошелъ въ адъ, взялъ съ собою все, что было живого на свѣтѣ, начиная съ человѣка и кончая пресмыкающимися; схвативъ за горло Самоэля, онъ заставилъ его изрыгнуть «сапицари» [1]).—Что слѣдуетъ далѣе принадлежитъ мотивамъ Александріи [2]), своеобразно вплетеннымъ въ апокрифическую легенду. Въ отместку Самоэль такъ затемнилъ адъ, что Христосъ и его проводники два мѣсяца искали выхода изъ него. Нашелъ его человѣкъ, привязавшій у входа въ адъ своего осла, отвѣчавшаго на зовъ хозяина;

---

[1]) Переводчикъ объясняетъ: «сапицари» было нѣчто такое, въ силу котораго все, что ни жертвовалъ человѣкъ Богу и что ни приносилъ онъ для угощенія при поминаніи усопшаго, принадлежало хозяину «сапицари». Въ нашей легендѣ сапицари, очевидно, отвѣчаетъ рукописанію Адама, внесенному и въ мордовскую, болгарскую и полѣсскую космогоническія легенды (Разысканія, вып. V, стр. 12, 32, 80 и 82).

[2]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 222, 228, 289 прим. 2, стр. 278.— Интересныя грузинскія легенды объ Александрѣ см. въ томъ же Сборникѣ, вып. X, отд. III, стр. 37—44.

Христосъ обѣщаетъ тому человѣку дать ему столько золота, сколько онъ самъ вѣситъ, но тотъ вынулъ изъ-за пазухи человѣческое сердце: онъ удовлетворится, если сердце покроютъ золотомъ. Золота набросали несмѣтное количество, а сердца не покрыли, потому что оно всякій разъ подскакивало вверхъ. Наконецъ кто-то бросилъ на него горсть земли; оно остановилось; съ тѣхъ поръ люди стали умирать.

Варьянтъ этой легенды представляетъ нѣсколько отличій: въ началѣ все было подъ водою, изъ которой поднималась высокая скала, въ серединѣ которой былъ Богъ. Когда ему наскучало быть одному, онъ вышелъ изъ скалы, осушилъ воду, а смѣсь воды и земли, что была вокругъ скалы, раздѣлилъ на двое: изъ одной части сдѣлалъ небо, изъ другой землю. Живыхъ существъ еще не было; тогда отъ скуки у Бога изъ праваго глаза упала слеза и стала арх. Михаиломъ, упала изъ лѣваго—и стала арх. Гавріиломъ; затѣмъ уже произошли другія живыя существа и люди. Когда Богъ съ ангелами ходилъ по землѣ, осушая воду, повстрѣчалъ одного умнаго человѣка, по имени Георгія, котораго и взялъ въ товарищи. Онъ и привелъ Господа къ огромному бѣлому камню, къ которому ангелы не хотѣли подвести его, боясь зла и ущерба. Когда Богъ ударилъ кнутомъ о камень, изъ него вышелъ сатана и сразу схватилъ коня Бога. Богъ проситъ о помощи; тогда ангелы окружили сатану и начали распрашивать его: кто онъ или чей онъ властелинъ? Сатана сказалъ Богу: Я и Ты оба мы были въ серединѣ камня; я и Ты оба одного рода, я самъ сердце камня, какъ и Ты, потому и удѣли мнѣ что-нибудь изъ вселенной. Богъ предложилъ ангеламъ обсудить просьбу сатаны; они раздѣлили все на три части: въ одну выдѣлили всѣхъ живыхъ людей, въ другую души умершихъ, въ третью животныхъ и птицъ. Богъ выбралъ себѣ людей и животныхъ, сатана душу человѣка; при этомъ ангелы прибавили условіе, что душа человѣка будетъ въ рукахъ сатаны лишь до тѣхъ поръ, пока у Бога не родится Сынъ, который и избавитъ отъ его господства души умершихъ людей. — Слѣдуетъ своеобразный разсказъ о

воплощеніи Спасителя: Марія зачала, вкусивъ отъ яблока, въ которое Господь вдунулъ свою душу. — Концу предыдущей легенды въ нашей отвѣчаетъ слѣдующее: Христосъ проповѣдуетъ народу: Намъ предстоитъ большія тяжести песку переносить! Одинъ юноша спрашиваетъ его: Что это значитъ? Христосъ велитъ всѣмъ слѣдовать за нимъ въ адъ, который и разрушилъ, а всѣхъ умершихъ отвелъ оттуда въ рай.

Второй разсказъ о сотвореніи міра не представляетъ слѣдовъ дуализма. Отмѣтимъ въ немъ, въ параллель къ знакомой чертѣ дуалистическихъ легендъ: о сотвореніи чертей изъ брызговъ, такую-же подробность: о созданіи Богомъ ангеловъ изъ каплей дождя, который онъ заставилъ идти въ теченіи шести дней. — Еслибъ Евва не поддалась соблазну Самоэля, мать рожала-бы ребенка изъ-подъ мышки,—какъ по сѣвернымъ сказаніямъ изъ-подъ мышки Имира вышли первые мужъ и жена (сл. выше стр. 20).

Третья версія повторяетъ данныя первой: Михаилъ и Гавріилъ ходили по міру. Земная кора въ то время была до того мягка, что они вязли въ нее по колѣни, хотя ходили на лыжахъ (сл. такую-же подробность о прародителяхъ въ полѣсскомъ варьянтѣ легенды о мірозданіи)[1]. Передъ ними по землѣ постоянно шелъ круглый камень. Богъ хочетъ разбить его, ангелы противятся: Не дѣлай этого, не то мы будемъ каяться. Богъ разбилъ камень ногой, изъ него выбѣжалъ Самоэль, схватилъ Бога за горло и сталъ душить. — Отпусти только и чего хочешь проси, говоритъ Господь. — Дай мнѣ міръ видимый или невидимый, вѣчный.—Богъ уступилъ ему вѣчный міръ. Самоэль ушелъ, но ангелы спохватились и, нагнавъ его, сказали, что когда у Бога родится Сынъ, Самоэлю придется уступить ему вѣчный міръ.—Конецъ легенды говоритъ кратко о чудесномъ воплощеніи Спасителя, его преданіи и смерти на крестѣ. Для этого заказали кузнецу гвозди; послѣдній приготовилъ два лишнихъ гвоздя, и

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 82.

потому всѣ кузнецы грѣшны[1]). По смерти Христосъ сошелъ въ адъ къ Самоэлю и вывелъ оттуда души всѣхъ людей, кромѣ души «Маки»[2]).

II.

Сванетская космогоническая легенда не выводитъ насъ за границы ея предположеннаго нами[3]) географическаго распространенія въ Европѣ; ея христіанскіе мотивы не приносятъ ничего новаго къ рѣшенію вопроса: какое этническо-религіозное вѣрованіе легло въ основу сказанія о братьяхъ-творцахъ, Богѣ — и Сатанаилѣ. Я предположилъ его[4]) не арійскимъ, а тюркско-финскимъ; упрочить это воззрѣніе могли-бы финскіе (въ широкомъ смыслѣ) и тюркскіе варьянты космогонической легенды, не обличающіе еще христіанскаго (богомильскаго) воздѣйствія. Такихъ варьянтовъ я не знаю; моя попытка — раскрыть дуалистическія теченія въ космогоніи Калевалы внушена была убѣжденіемъ, что дуализмъ знакомыхъ намъ легендъ о мірозданіи не слѣдуетъ исключительно объяснять изъ иранскихъ представленій, объявившихся въ историческихъ формахъ богомильства.

Косвенную поддержку этому мнѣнію я нахожу въ представленіи сѣверо-американскихъ гуроновъ-ирокезцевъ и алгонкинцевъ: о двухъ братьяхъ-деміургахъ, представителяхъ добраго и злого

---

[1]) Сл. объ этомъ мотивѣ мою замѣтку: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXXIX, отд. 2, стр. 181 — и въ связи съ Разысканіями, вып. V, стр. 96 прим. 2 и стр. 368 прим. къ стр. 154 — Этнографическое обозрѣніе кн. III, стр. 193 (изъ тамбовскихъ губернскихъ Вѣдом. 1889 г. № 67): цыгану не грѣхъ божиться: когда распинали Христа, цыганъ утаилъ изъ жалости пятый гвоздь, предназначенный для груди Спасителя, и сталъ божиться, что гвоздь уже вбитъ; за таковой воины приняли муху, случайно сѣвшую на грудь Христа.

[2]) Примѣчаніе переводчика: когда кто-нибудь изъ общества моментально изчезаетъ, укрывается гдѣ-нибудь, или когда о комъ-нибудь долгое время не получается никакихъ извѣстій, тогда сванеты говорятъ про него: «пропалъ, какъ душа Маки».

[3]) Разысканія, вып. V, стр. 33.

[4]) l. c., стр. 4—5, 32, 115—116.

начала. Относящіяся сюда легенды, извѣстныя изъ іезуитскихъ реляцій и путешествій XVII-го вѣка, обратили на себя вниманіе Brinton'a (American Hero-myths. 1882, стр. 37 слѣд.), De Charancey (Une légende cosmogonique, Havre, 1884), сближавшаго ихъ съ вогульской и болгарской космогонической сказкой, и Lang'a (Myth, ritual and religion I, 1887, стр. 181—4). Недавно Hale напечаталъ in-extenso (The Journal of American Folk-lore I, № 3, стр. 177 слѣд.) ирокезское преданіе, которое мы приведемъ далѣе въ извлеченіи, кое-гдѣ добавляя подробности по Brinton'y и Lang'y.

Въ началѣ была одна лишь вода, въ которой и на которой жили разныя животныя. Однажды съ вышняго міра упала божественная жена: упала въ разщелину неба, на охотѣ за медвѣдемъ; либо подсѣкая дерево; или она была столкнута за то, что согрѣшила съ какимъ-то пришельцемъ отъ нижняго міра. Два нырка (loon: colymbus glacialis), летѣвшіе надъ водою, поддержали ее при паденіи, позвали на помощь и другихъ животныхъ; черепаха, сильный звѣрь, согласилась помочь, и птицы возложили жену на ея спину. Тогда черепаха позвала на совѣтъ другихъ звѣрей: что сдѣлать, чтобы поддержать жизнь той жены? Рѣшили, что для этого нужно достать земли, на которой она могла бы лежать. Черепаха велѣла всѣмъ нырять въ море; ныряютъ бобръ, выхухоль, нырокъ и другіе, но безуспѣшно; иные такъ долго оставались подъ водою, что всплывали мертвые, но черепаха напрасно ищетъ у нихъ во рту хоть крошки земли. Удалось это дѣло лишь жабѣ-лягушкѣ (либо бобру и т. д.); землю, найденную у нея во рту, черепаха передала женѣ, которая тщательно уложила ее вдоль краевъ черепашьяго щита. Такъ положено было начало сушѣ; она стала расширяться во всѣ стороны и сдѣлалась пространной, годной для растительности. Ее и теперь поддерживаетъ черепаха.

Упавшая съ неба жена была беременна и родила двойней (либо: родила дочь, которая и производитъ двойней): двухъ братьевъ съ противоположными наклонностями, одинъ къ добру, другой

ко злу. Еще до рожденія мать слышала, какъ они пререкались въ ея утробѣ: одинъ готовъ былъ выйти на свѣтъ обычнымъ путемъ, другой злостно заявилъ свое несогласіе и, выйдя сквозь ребра матери, былъ причиной ея смерти. Её похоронили, и изъ ея тѣла выросли разные, потребные человѣку злаки: изъ головы тыква, изъ груди кукуруза, изъ другихъ членовъ бобы и т. д.

Между тѣмъ братья близнецы выросли, во всемъ обнаруживая противоположность характеровъ; добраго звали Tijuskeha (нѣчто въ родѣ: спаситель, добрый человѣкъ), злого Tawiskarong: кремневой, изъ кремня. Видя, что имъ не ужиться, они раздѣлились, и каждый взялъ свою часть земли. Ихъ первымъ актомъ творчества было созданіе животныхъ: добрый братъ творилъ полезныхъ звѣрей, злой — свирѣпыхъ и чудовищныхъ, змѣй, пантеръ, волковъ, медвѣдей, москитовъ, величиной съ индѣйскаго пѣтуха. Что добрый ни предприметъ на пользу людямъ, тому злой перечитъ; первый хотѣлъ устроить такъ, чтобы въ рѣкахъ было два теченія, одно вверхъ, другое внизъ. Пусть люди хоть въ одну сторону да потрудятся, сказалъ злой братъ и не только не далъ брату сдѣлать по своему, но натворилъ еще пороговъ и быстринъ. Ему же принадлежитъ созданіе исполинской жабы, задерживавшей всѣ прѣсныя воды на землѣ; Tijuskeha пробрался въ область брата, бьется съ змѣями, дикими звѣрями, имъ созданными, разсѣкъ жабу, и воды потекли. Вредныхъ звѣрей онъ не уничтожилъ, а лишь уменьшилъ ихъ ростъ, дабы человѣкъ могъ совладѣть съ ними.

Духъ матери предупреждаетъ добраго брата, что его соперникъ будетъ стараться убить его. Они встрѣтились и вступаютъ въ бой, напередъ объявивъ другъ другу, какое орудіе для каждаго смертельно. Добрый братъ сраженъ, но оправился и въ свою очередь поражаетъ злого, который бѣжитъ по направленію къ западу; во время бѣгства каждая капля крови, падая на землю, обращалась въ кремень. Явившись брату въ сновидѣніи, Tawiskarong говоритъ ему, что онъ удалился на далекій западъ, куда будутъ переселяться по смерти всѣ людскіе роды.

Вернувшись, Tijuskeha занялся заселеніемъ земли: выпустилъ изъ пещеры всякихъ звѣрей, наполнившихъ лѣса и поля, и всякаго поранилъ въ ногу, чтобы людямъ легче было ихъ ловить. Одинъ лишь волкъ увернулся отъ удара, оттого его такъ трудно поймать. Затѣмъ Tijuskeha создалъ и оживилъ людей, научилъ ихъ добывать огонь и разводить маисъ.

Изъ сходныхъ алгонскинскихъ миѳовъ одни представляютъ въ началѣ дней Michabo, который носится на плоту по безбрежнымъ водамъ и создаетъ сушь изъ горсти земли, принесенной мускусной мышью, послѣ того, какъ попытка бобра не удалась. Иногда Michabo является однимъ изъ трехъ братьевъ, въ другихъ версіяхъ у него злой братъ-близнецъ, съ которымъ онъ враждуетъ и борется, пока не сразилъ его, разбивъ въ куски; они разбросаны по землѣ, отъ нихъ уродились хорошія лозы. Въ варіантѣ у Lafitau изъ костей и внутренностей злого брата произошли растенія и животныя. — О самомъ Michabo разсказывается, что его мать оплодотворена была вѣтромъ и скончалась, родивъ ребенка.

Все это дополняетъ ирокезское сказаніе, основныя черты котораго тѣ-же, что и въ дуалистической легендѣ финско-тюркскаго и славянскаго типа: тѣ-же братья-деміурги, враждебные другъ-другу, та же противоположность творчества и космогоническій актъ, начинающійся на безбрежномъ морѣ. Разница въ томъ, что у насъ этотъ актъ отнесенъ къ братьямъ-близнецамъ, у гуроновъ—до ихъ появленія: ихъ мать, упавшая съ неба, покоится на черепахѣ среди водъ, и для нея то лягушка достаетъ земли съ морскаго дна. Такъ въ Sathapatha-Brahmana Праджапати покоится на водахъ въ видѣ черепахи и порождаетъ боговъ отъ устъ своихъ; такъ въ алтайскомъ сказаніи Очурманы и Чаганъ-Шукуты спустились на воду, первый садится на лягушку, второй достаетъ земли изъ подъ воды; землю посыпали на лягушку, которую не стало видно: видна была земля, которая потомъ и разростается, и теперь покоясь на лягушкѣ (Разысканія, вып. V, стр. 26—7).

Важнѣе для моего объясненія космогоническаго миѳа Калевалы параллель ея Ильматаръ къ божественной женѣ гуронскаго преданія. Та спускается съ воздуха, эта падаетъ съ неба — въ воду; мать Michabo заберемѣнѣла отъ вѣтра, какъ и объ Ильматаръ поется (руна 1-я):

Вѣтромъ дѣву закачало,
Било волнами дѣвицу,
Закачало въ синемъ морѣ,
На волнахъ съ вершины бѣлой,
Вѣтеръ плодъ надулъ дѣвицѣ,
Полноту дало ей море.

Обѣ производятъ двойней; въ гуронской легендѣ это—враждебные другъ другу братья-деміурги; для пѣсенныхъ основъ Калевалы я счелъ возможнымъ допустить (l. c. стр. 106—8) такую-же забытую впослѣдствіи противоположность Вейнемейнена и — его брата близнеца. Не безынтересно отмѣтить и еще одну сходную черту, не забывая и отличіе пріуроченій: въ гуронскомъ сказаніи злой братъ выбивается насильно изъ чрева матери; въ Калевалѣ Вейнемейнену стало тяжко жить въ ея утробѣ (руна 1-я):

Стало жить ему тамъ тяжко,
Стала жизнь ему противна.
Тронулъ крѣпости ворота,
Ломитъ пальцемъ безымяннымъ,
Костяной замокъ ломаетъ
Онъ ногою лѣвой, пальцемъ;
На рукахъ ползетъ къ порогу,
На колѣняхъ черезъ сѣни.

Но именно эта черта—насильнаго рожденія, снова переноситъ насъ къ иранскимъ параллелямъ. Когда не было ни неба, ни земли, существовалъ нѣкій Зеруанъ; тысячу лѣтъ онъ молился, дабы изъ нѣдръ его родился сынъ Ормистъ, творецъ неба и земли и всего сущаго. Зеруанъ зачалъ двухъ сыновей, Ормиста и Архмена, и сказалъ себѣ, что кто изъ нихъ первый предстанетъ передъ нимъ, того онъ поставитъ властителемъ. Ормистъ, познавшій мысль отца, сообщилъ о томъ брату, который и поспѣшилъ выйти на

свѣтъ, прободя утробу родителя. Ормистъ творитъ все доброе и прямое, Архменъ все злое и кривое [1]).

Всюду мы восходимъ къ представленію матеріи, какъ андрогина, жены, саморождающей будущихъ устроителей міра и вмѣстѣ дающей имъ въ самой себѣ матеріалъ для творчества — по категоріямъ вреднаго или полезнаго человѣку, обобщеннымъ впослѣдствіи въ идеи добра и зла.

Выше мы попытались (стр. 22) освѣтить съ данныхъ точекъ зрѣнія миѳъ объ Имирѣ; другіе слѣды дуализма въ древнихъ повѣрьяхъ скандинавскаго сѣвера отмѣчены были мною по другому поводу и указано предположительно на одно изъ теченій сѣверной миѳологіи, принадлежащее не спеціально-германской, а чуждой этнической основѣ [2]). Недавно Finnur Jónsson высказалъ подобный же взглядъ, защищая относительную древность представленія о Валгаллѣ: по его мнѣнію оно отразило собой не воинственную пору викинговъ, а болѣе древнюю, пору борьбы скандинавскихъ народностей между собою и съ сосѣдними, не-германскими племенами, йотунами востока, куда направлены походы Тора [3]).

Смѣшаніе народностей и культуръ ведетъ и къ смѣшенію миѳовъ; по крайней мѣрѣ — къ гипотезѣ, что такое смѣшеніе могло имѣть мѣсто. Отсутствіе этого необходимаго предположенія характеризуетъ попытку Veckenstedt'a (Zeitschrift für Volkskunde II, стр. 11 слѣд.; стр. 16) затушевать дуализмъ славянскихъ космогоническихъ сказокъ, искуственно подогнавъ ихъ подъ схему арійскихъ космогоній, не только иранской, но и греческой. Наша легенда знакома ему по Аѳанасьеву и Ходзько; ея элементами представляются ему: 1) свѣтъ, 2) вода, 3) вѣтеръ, 4) дубъ, 5) песокъ и камни, 6) голуби (голуби и дубъ извѣстной

[1]) Langlois, Collection des historiens anciens et modernes de l'Armenie, t. II: Eznig de Goghp, Réfutation des sectes. Extrait du chapitre II. Réfutation de la réligion des Perses, стр. 375.

[2]) Разысканія, вып. V, стр. 86—7, 111, 115.

[3]) Finnur Jónsson, Vingolf, въ Arkiv for nordisk filologi, VI Б., 3 Н., стр. 281.

галицкой колядки). Не разбирая всей схемы, объясню недоумѣвающимъ, что знакомая имъ двойственность творцевъ скрывается подъ рубрикой—свѣта: богъ—это свѣтъ, какъ разсвѣтъ, Morgenlicht; дьяволъ—то-же свѣтъ, но потенцированный, das volle Licht! Впрочемъ Veckenstedt пріурочилъ насъ и не къ такимъ обобщеніямъ.

Мое объясненіе славянскаго, финско-тюркскаго и американскаго дуалистическаго миѳа не разъ наводило и меня на мысль, высказанную моимъ благосклоннымъ ко мнѣ рецензентомъ Русской Мысли (1890, Іюль, стр. 314—315): что мы, быть можетъ, имѣемъ здѣсь дѣло съ самостоятельнымъ зарожденіемъ одного и того-же представленія въ разныхъ этническихъ сферахъ, не соприкасавшихся другъ съ другомъ, и что дуализмъ могъ быть одной изъ ступеней религіознаго развитія у многихъ народовъ. Доказать это по отношенію къ разобранному нами космогоническому миѳу—дѣло будущаго изслѣдователя; пока я не рѣшился выразить этого предположенія, потому во-первыхъ, что вопросъ самозарожденія можетъ быть поставленъ лишь въ томъ случаѣ, когда отрицательно будетъ рѣшенъ другой: о невозможности ранняго, праисторическаго общенія человѣческихъ массъ, занесшаго напр. въ Мексику подѣлки изъ ненаходимаго въ Америкѣ нефрита; почему бы не осколки миѳа? Не рѣшаюсь и потому еще, что отдѣляю вопросъ о дуализмѣ, какъ міросозерцанія, отъ «вещества» миѳа, въ которомъ оно выразилось. Чѣмъ сложнѣе это вещество, тѣмъ труднѣе допустить, въ объясненіе сходныхъ легендъ, гипотезу самозарожденія; простота ее не исключаетъ. Съ этимъ положеніемъ всѣ согласятся; но его приложеніе не можетъ не быть произвольнымъ. Что такое—сложное, и что простое? Подъ какое изъ опредѣленій подойдетъ нашъ типъ легенды о двухъ творцахъ на морѣ, со всѣмъ что слѣдуетъ?[1]). Самородными или нѣтъ

[1]) Мой рецензентъ ссылается, по поводу американскихъ космогоническихъ миѳовъ, на Benjamin Danks, Marriage Customs of the New Britain Group (въ The Journal ot the Anthropological Society of Great-Britan and Ireland 1889, February, стр. 281—2). Туземцы вѣрятъ, что To Kabinana — создатель

представятся миѳы о творчествѣ, понятомъ, какъ кованье въ запуски [1]), встрѣченные нами у монголовъ, въ отраженіяхъ сѣверныхъ и французскихъ повѣрій, въ бретонской сказкѣ — и въ Légende des siècles Victor Hugo (III), гдѣ Богъ и дьяволъ творятъ, соревнуя, qui créera la chose la plus belle? Вызовъ идетъ отъ дьявола:

Voici, dit le Rebelle:
Moi, je prendrai ton oeuvre et la transformerai,
Toi, tu féconderas ce que je t'offrirai;
Et chacun de nous deux soufflera son génie
Sur la chose par l'autre apportée et fournie.

Взявъ у Бога отъ его творенія все нужное для дѣла, дьяволъ принимается за работу:

Et grondant et râlant comme un boeuf qu'on égorge,
Le démon se remit à battre dans sa forge.
Il frappait du ciseau, du pilon, du maillet,
Et toute la caverne horrible tressaillait;
Les éclairs des marteaux faisaient une tempête;
Ses yeux ardents semblaient deux braises dans sa tête;
Il rugissait; le feu lui sortait des naseaux,
Avec un bruit pareil au bruit des grandes eaux
Dans la saison livide où la cigogne émigre.

Въ результатѣ дьявольской работы вышла — саранча. Теперь очередь за Богомъ: дьяволъ подаетъ ему паука, Господь

и изобрѣтатель всего хорошаго и полезнаго въ природѣ, учрежденіяхъ и обычаяхъ (kabinana означаетъ мудрый), тогда какъ To Kovuvuru создалъ степи и горы и все неудобное и некрасивое. To Kovuvuru почитается болѣе слабымъ, чѣмъ его сверстникъ; объ ихъ братскихъ отношеніяхъ и враждѣ ничего не говорится, и я не знаю, являются-ли они въ космогоническомъ миѳѣ вродѣ прокезскаго и сходныхъ съ нимъ.

[1]) Безъ идеи совопросничества творчество, какъ кованье, встрѣчается еще въ легендѣ изъ южнаго Конго: негръ былъ скованъ какимъ-то человѣкомъ, спустившимся съ неба: построивъ печь, онъ положилъ туда статую, сдѣланную имъ изъ земли, и сталъ калить; первымъ вышелъ черный негръ; вторая статуя накалена была до желта — вышелъ праотецъ мулатовъ; третья до бѣла. Сл. Revue des trad. pop. V, Réné Basset, Légendes africaines sur l'origine de l'homme, стр. 110.

устремилъ на него свой взоръ, и онъ разросся до страшныхъ размѣровъ,

Une aube étrange erra sur cette forme vile;
L'affreux ventre devint un globe lumineux;
Et les pattes, changeant en sphères d'or leurs noeuds,
S'allongèrent dans l'ombre en grands rayons de flamme;
Iblis léva les yeux, et tout à coup l'infâme,
Ébloui, se courba sous l'abîme vermeil,
Car Dieu, de l'araignée, avait fait le soleil.

III.

Пока не выяснены отношенія этническаго и христіанскаго элементовъ въ славянской и соотвѣтствующей ей тюркско-финской космогонической сагѣ, изученіе ея возможныхъ богомильскихъ основъ будетъ по прежнему привлекать вниманіе изслѣдователя. Желательны и новыя записи [1]) и открытіе древнихъ памятниковъ въ области какъ богомильскаго, такъ и катарскаго дуализма: ихъ взаимный контроль тѣснѣе опредѣлилъ бы границы распространенія знакомой намъ космогонической схемы и далъ-бы возможность болѣе точнаго объясненія ея генезиса. Потому я съ понятнымъ любопытствомъ раскрылъ изданный Деллингеромъ сборникъ документовъ, касающихся вальденсовъ и катаровъ [2]). Многіе изъ нихъ были уже извѣстны, другіе являются впервые; они интересны своей массой, какъ рядъ показаній, согласныхъ въ главныхъ принципахъ ученія, въ своеобразномъ аллегорическомъ

---

[1]) Уже во время печатанія этихъ страницъ вышелъ Смоленскій этнографическій сборникъ г. Добровольскаго, съ новыми варьянтами занимающаго насъ сказанія. Сл. стр. 229 слѣд., № 8: Богъ и чертъ, въ образѣ лебедя, творятъ міръ. Болота созданы чертомъ — чертъ нахаркалъ ихъ; № 9: Сотвореніе человѣка. Съ какихъ поръ на собакѣ шерсть. Отчего собаку не пускаютъ въ церковь, а кошку пускаютъ. Съ какихъ поръ у человѣка кашель. Сл. еще № 10 и 11 (стр. 232—3): происхожденіе горъ и трясинъ. Горы чертъ понадѣлалъ, чтобы человѣкъ поминалъ и его и Бога (сл. выше стр. 113 и прим. 1).

[2]) Ign. v. Döllinger, Dokumente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer (München 1890), какъ вторая часть его Beiträge z. Sektengeschichte des Mittelalters.

примѣненіи къ цѣлямъ дуализма библейско-христіанской повѣсти, данныхъ физіолога и древняго суевѣрія [1]). Всюду таже проповѣдь дуализма, ученіе о двухъ мірахъ и двухъ богахъ (стр. 31);

---

[1]) Протоколы инквизиціи въ Лангедокѣ (XIV вѣка) стр. 97 слѣд. даютъ въ этомъ отношеніи нѣсколько интересныхъ обращиковъ. Сл. стр. 174—5: по ученію катаровъ никто не можетъ спастись, не пріобщившись къ ихъ ученію, а до того времени его душа переходитъ изъ одного тѣла въ другое, пока въ одной изъ этихъ метаморфозъ не станетъ хорошимъ христіаниномъ. т. е. еретикомъ. Въ подтвержденіе приводится разсказъ объ одномъ человѣкѣ, душа котораго жила когда-то въ лошади; лошадь эта увязила свою подкову въ одномъ каменистомъ мѣстѣ; впослѣдствіи его душа перешла въ тѣло еретика, который, проходя однажды по той мѣстности, разсказалъ своему товарищу, чѣмъ онъ раньше былъ; принявшись искать, они нашли потерянную подкову.— Стр. 208—9: своеобразный пересказъ апокрифическаго Видѣнія Исайи, популярнаго, какъ извѣстно, въ средѣ дуалистовъ. Дѣйствующимъ лицомъ является не Исайя (какъ въ апокрифѣ), а еретикъ, сомнѣвавшійся въ вѣрѣ, но о самомъ видѣніи сказано, quod inveniebatur in prophetia Isaie prophetae. Въ апокрифѣ ангелъ переноситъ пророка на твердь, гдѣ онъ видитъ Самаэля и его силы; тамъ царство распри и рѣзни; такъ было съ начала дней и будетъ до тѣхъ поръ, пока не явится тотъ, кого ты узришь, говоритъ Исайѣ ангелъ. Сл. Migne, Dictoinnaire des apocryphes I, стр. 661—2). Въ катарской передѣлкѣ на первомъ небѣ illi spiritus erant, qui non habebant bonum, nec malum, nec habituri essent usque ad diem judicii, et continue rogabant Patrem, ut misereretur eorum (Сл., Разысканію, вып. V, стр· 142 слѣд.). — Стр. 218—219: добрый или злой духъ (spiritus) вселяется въ человѣка, соединяясь съ его душою (anima); dictum spiritum vidit unus credens exire corpus hominis et transeuntem flumen et intrantem caput asini et postea ad hominem redeuntem. Такъ пріурочили дуалисты къ своему ученію повѣрье, котораго я касался по другому поводу (сл. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXXIV, Ноябрь, стр. 164—5: отчетъ о книгѣ Прато). — Стр. 232: басня о пеликанѣ (стергѣ, неясыти нашихъ Азбуковниковъ); сл. Lauchert, Gesch. d. Physiologus, Register a v. Pelikan) и его птенцахъ, истолкованная своеобразно: Quaedam avis est vocata pellicanus, quae est ita clara, sicut sol, et sequitur ipsum solem; quae avis habuit pullos et cum illos dimittebat in nido, et ipsa ibat alicubi solem sequendo, veniebat quaedam bestia et dismembrabat dictos pullos et amputabat eorum rustra, et quando reversus fuerat pellicanus ad suos pullos inveniens eos dismembratos et quod disperdidissent rostra, sanabat eos. Et cum hoc frequenter fieret, tandem cogitavit inter se pellicanus quod claritatem suam absconderet, qua absconsa latitaret juxta pullos, et cum dicta bestia veniret, caperet et occideret ipsam, ne de caetero ejus pullos posset dismembrare, vel rostra auferre; quod et factum fuit. Et sic fuerunt liberati pulli pellicani a dismembratione, quam faciebat eis dicta bestia, capta per pellicanum bestia ipsa. Et eodem modo, ut dixit. Deus bonus fecerat creaturas, et deus malus destruebat ipsas, quousque Christus deposuit vel abscondit claritatem suam, quando fuit incarnatus ex Maria virgine, et tunc cepit deum malum et posuit eum in tenebris inferni; et ex tunc deus malus non potuit destruere creaturas Dei boni.

одинъ—создатель невидимаго, духовнаго міра, другой видимаго, плотскаго (стр. 34, 155, 174, 190—1, 220, 282, 374 и др.); это рѣзкое разграниченіе добра и зла по категоріямъ духа и плоти ослабляется въ одномъ случаѣ до другого представленія, до сихъ поръ отражающагося въ народныхъ представленіяхъ: добрый богъ сдѣлалъ все полезное, хотя-бы и матеріальное, злой все злое: deus bonus fecit omnes bonas creaturas, sicut sunt angeli, animae humanae bonae et corpora, coelum et terram, aquas, ignem et aërem et animalia utilia hominibus vel ad comedendum vel ad portandum, laborandum, induendum, et pisces etiam, qui sunt utiles ad comedendum, ita deus malus fecit omnes daemones, et animalia nociva, sicut sunt lupi, serpentes, buffones, muscae et omnia animalia nociva et venenosa (стр. 232) [1]).

---

[1]) Къ народнымъ представленіямъ о творчествѣ Бога и дьявола, собраннымъ мною въ Разысканіяхъ, вып. V, стр. 93 слѣд., я присоединю нѣсколько новыхъ. Богъ создалъ овцу, чертъ *козу;* такъ въ повѣрьи седмиградскихъ армянъ (сл. Wlislocki y Veckenstedt, Zs. f. Volkskunde II, стр. 28), въ литовскомъ (Этнографическое Обозрѣніе, кн. VI: Э. Вольтеръ, Литовскія легенды, стр. 140) и польскомъ: когда Господь сотворилъ овцу, дьяволъ, желая показать и свое могущество, слѣпилъ звѣря съ такими-же, какъ и онъ, рогами и повелъ его къ Господу, держа за хвостъ; по дорогѣ коза урвалась, хвостъ остался въ рукахъ дьявола, а кровь окрасила сосѣднія ольхи. Оттого у козы нѣтъ хвоста, а дерево у ольхи красное. Иначе разсказывается о сотвореніи козы то же, что въ другихъ случаяхъ о волкѣ: I. Христосъ сотворилъ козу, дьяволъ хочетъ оживить ее и кричитъ изо всей мочи: Wstań o mojéj mocy! она не двинулась; во второй разъ онъ крикнулъ: Встань! и тихонько прибавилъ: o mocy Boskiej! коза вскочила, но чертъ въ сердцахъ оторвалъ у нея хвостъ (сл. Zbiór wiadomości do antropologii krajovéj VII: Siarkovski, Predania i legendy o zwiérzętach, drzewach i roślinach, №№ 6 и 7). — Дьяволъ сотворилъ *блоху* (Tordinak, Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke z Bosne, U Vukovaru 1884, стр. 53—5, № 17: въ разсказѣ, пріуроченномъ къ потопу), *волка:* волксвъ не было на землѣ до I. Христа, а произошли они такимъ образомъ: однажды пастухи лѣпили изъ земли (z młaki) какого-то звѣря; на вопросъ I. Христа они отвѣчаютъ, что это волкъ. Господь tuknął, i to ożywiało sie i poleciało do lassa (Karol Mátyaś, Świat i przyroda w wyobrażni chłopa. Przyczynek do etnograficznego studyum. We Lvowe 1888, стр. 11).—По литовской легендѣ Господь оживилъ созданнаго имъ человѣка, вдохнувъ въ него душу черезъ стержень пера; дьяволъ завладѣлъ перомъ, въ которомъ осталось немного Божьяго духа, и также оживилъ сотворенную имъ *женщину;* оттого она то добра, то зла, ибо получила свою жизненность отъ смѣшаннаго духа Бога и черта (Вольтеръ, l.c. стр. 141).—Алжирскіе

На источники знакомаго намъ космогоническаго мѳа документы, собранные Деллингеромъ для исторіи западнаго дуализма проливаютъ свѣтъ лишь немого свѣта. Нѣсколько интересныхъ подробностей встрѣчаются въ извлеченіяхъ изъ актовъ инквизиціи въ Каркассонѣ. Дьяволъ—названный братъ Богу: Quadem die, dum praedicaret Dominus in coelo gentibus suis, venit ei nuncius de terra dicens ei, quod istum mundum amiserat nisi statim mitteret illuc, et statim misit Dominus Lucibel iu hunc mundum et *recepit eum pro fratre*, et postea voluit Lucibel habere partem haereditatis de inferioribus et de superioribus, et Dominus noluit, et propter hoc diu fuit guerra et hodie est inter ipsos et propter aliam superbiam (стр. 33). Типъ болгарскихъ «басенъ» напоминаетъ слѣдующая о созданіи человѣка: diabolus fecit hominem de terra argila, et dixit Deo, quod mitteret animam in hominem, et Deus dixit diabolo: fortior erit me et te, si de argila fiat, sed fac eum de limo maris, et fecit diabolus hominem de limo maris, et Deus dixit: Iste est bonus, non est enim nimis fortis nec nimis debilis, et misit Deus animam in hominem (l. c.). Diabolus fecit corpus hominis et posuit in eo animam,

---

арабы разсказываютъ. что когда Господь готовился сотворить женщину, дьяволъ, дабы помѣшать тому, сотворилъ *обезьяну*, которая, по его приказанію, и похитила ребро, вынутое Господомъ у Адама. Господь послалъ въ погоню за нею архангела Гавріила, но она взобралась на дерево, не выпуская добычи, и лишь одинъ ея хвостъ остался въ рукахъ архангела. Изъ него-то Господь и создалъ женщину: оттуда ея хитрость, желаніе вредить и склонность ко лжи (Rev. des trad. pop. IV, № 7: Réné Basset, Pourquoi la femme est malicieuse).— Король Менеликъ, властитель Шоа, такъ разсказываетъ о происхожденіи *негра:* во время сотворенія міра и перваго человѣка, злой духъ выпросилъ у Бога позволенія также сотворить человѣка изъ комка земли. Такъ какъ все, до чего ни дотрогивался дьяволъ, становилось чернымъ, то и человѣкъ вышелъ у него чернымъ. Вздумалъ сатана вымыть его и бросилъ въ Іорданъ, но воды разступились и только ладони и подошвы намокли немного, отчего и сдѣлались свѣтлѣе. Разгнѣванный неудачей сатана ударилъ человѣка по носу и приплюснулъ его, но тотъ сталъ просить о пощадѣ, и сатана, понявъ свою несправедливость, въ видѣ ласки повелъ рукою по головѣ своего созданія; отъ раскаленной руки волосы негра стали курчавыми (С.-Петербургскія Вѣдомости 1890, № 257).

qua posita in corpore hominis homo dedit unum saltum et dixit diabolo: ego non sum tuus (стр. 36).

Космогоническая легенда итальянскихъ катаровъ Concorreggio и Bagnolo переноситъ насъ въ сферу богомильскихъ вліяній. Конкоррезцы слѣдовали ученію умѣренныхъ болгарскихъ дуалистовъ, баньольскій толкъ представляется результатомъ примиренія либо смѣшенія этого умѣреннаго дуализма съ крайнимъ, котораго держались другурскіе или албанскіе катары [1]); въ средѣ тѣхъ и другихъ ходила одна и та-же космогоническая сказка [2]), не встрѣтившаяся мнѣ въ этомъ видѣ ни въ одномъ южно-славянскомъ пересказѣ. Dicunt, quod quidam spiritus habens quatuor facies, unam hominis, aliam volucris, tertiam piscis, quartam animalis, fuit sine principio et manebat in hoc chaos nullam habens potestatem creandi, et Lucifer adhuc bonus descendit et videns speciem hujus spiritus admiratus est et collusione et suggestione illius spiritus maligni seductus est et revertens in coelum seduxit alios, et projecti sunt de coelo, et dona naturalia non perdiderunt; et dicunt, quod Lucifer et ille spiritus nequam volebant distinguere elementa et non poterant, sed Lucifer impetravit a Deo bonum angelum coadjutorem et ita concessione et adjutorio boni angeli et virtute et sapientia sua distinxerunt elementa.

Какъ въ этой легендѣ Люциферъ, adhuc bonus, спускается въ хаосъ, гдѣ встрѣчаетъ зооморфическое существо, очевидно символизирующее еще нераздѣльныя, не способныя къ творчеству стихійныя начала, такъ въ болгарской, по происхожденію, Liber Joannis, занесенной къ канкорезскимъ катарамъ, сатана до своего паденія спускается съ небесъ до преисподней, и осмотрѣвъ все сущее, исполняется гордыней. Въ предыдущемъ из-

---

[1]) Сл. v. Döllinger, l. c. I, стр. 117—119.

[2]) l. c. II, стр. 60—1 (De credenciis Concorriciorum), 612—613 (Aufzählung der Sätze der Albigenser, der Secte de Concoreggio, qui habent haeresim suam de Sclavonia. Inc. Quidam alii de Bulgaria credunt). Я цитую послѣдній текстъ, какъ болѣе подробный.

слѣдованіи [1]) я не разъ обращался къ этому памятнику; новый текстъ, изданный Деллингеромъ [2]) по рукописи XIV вѣка, даетъ кое-какіе варьянты къ тексту Тило. Остановлюсь на болѣе существенныхъ. Спускаясь съ высоты сатана invenit totam terram coopertam de aquis et ambulans per subter invenit duos pisces jacentes super aquas et erant quidem vincti substinentes totam terram per praeceptum Paris invisibilis, et descendens desubtus invenit magnas nubes tenentes pelagum maris, et descendit subtus et *invenit suum infernum quod est geenna ignis*. Въ текстѣ Тило послѣднее мѣсто читается такъ: *invenit suum ossop, quod est genus ignis*. Глосса [3]) на поляхъ Деллингерова текста такъ поясняетъ слово *geenna: Vallis Iosaphat* idem sunt, scilicet *oseph* et *atto* et *infernus* et *tartarus* et *generatio* ignis, sed secundum diversas linguas nominantur, non est spiritus neque aliquid vitale, sed locus est, sicut est Bossina et Lombardia et Tuscia.

Іосафатова долина—долина суда, т. е. страшнаго (у пророка Іоиля и въ средневѣковомъ повѣрьѣ), объединена здѣсь съ понятіемъ осужденія въ аду, съ адомъ: infernus, tartarus, generatio ignis, что такъ же отвѣчаетъ геенне, какъ и слав. родъ огньный. Oseph (ossop у Тило), очевидно, этимологическое, непонятное мнѣ объясненіе Josaphat («Jahve» судитъ), которую глоссаторъ представляетъ себѣ такою-же мѣстностью, какъ Боснія и Ломбардія. Упоминаніе послѣднихъ—центровъ дуалистической ереси—

---

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 37 слѣд., 46, 84.

[2]) l. c. II, стр. 85 слѣд.: Ioanni et apostoli et evangelistae Interrogalio in coena sancta regni coelorum de ordinatione mundi et de Principe et de Adam.

[3]) Изъ другихъ глоссъ отмѣтимъ слѣдующія: diabolus, cum dormiret, cecidit de bava ejus, ex illa creatus est ille serpens (стр. 88, прим. 9). Христосъ говоритъ о сатанѣ: misit angelum suum et accepit de tribus arboribus et dedit Moysi ad crucifigendum me, quae ligna mihi custodiuntur usque nunc. Къ этому мѣсту такая глосса (стр. 89, прим. 10): etiam fuerunt ligna illa, cum quibus divisit mare Moyses, cum autem venerunt filii Israel ad aquas amaras quas qui gustabant moriebantur, erat tunc angelus Moysi dicens: Tolle ligna et iunge insimul et planta ea juxta aquam dicens: ista ligna erunt salus mundi et defensio mundi, remissio peccatorum mundi. Сл. мой отчетъ о книгѣ проф. Соколова, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLVIII, отд. 2, стр. 465.

показываетъ, что толкователь стоялъ въ кругу ихъ интересовъ или былъ къ нимъ близокъ; на столько-ли, чтобы дозволить намъ предположить въ atto слав. адъ—этого я не рѣшусь утверждать.

Въ разсказѣ о созданіи видимаго міра дьяволомъ текстъ Деллингера полнѣе; мое объясненіе слова medietas и поправка: lumen solis вм. stellarum (Разысканія, вып. V, стр. 84), сдѣланная къ тексту Тило, остается въ силѣ по отношенію къ нему, выводы не отмѣняются и Деллингеровымъ. Вотъ чтеніе послѣдняго: сатана взмолился ко Господу, который далъ ему покой usque ad diem septimum, et tunc sedit super firmamentum praecepitque angelo qui erat super aërem, et illi, qui erat super aquas. Et elevaverunt duas partes aquarum sursum in aërem et de tertia parte fecerunt L maria et fuit divisio aquarum per praeceptum Patris invisibilis. Et praecepit item angelo, qui erat super aquas: sta super duos pisces, et elevavit capite suo tertiam, et apparuit arida et fuit; quum (tum?) accepit coronam ab angelo, qui erat super aërem, media fecit tronum suum et medium lumen solis; accipiensque coronam ab angelo, qui erat super aquas, medietatem fecit lumen lunae et medietatem lumen dici. Et de lapidibus fecit ignem et de igne fecit omnem militiam et stellas et de illis fecit angelos spiritus, ministros suos secundum formam ordinatoris altissimi.

IV.

Въ связи съ дуалистической космогоніей Liber Johannis и Свитка божественныхъ книгъ я поставилъ[1]) группу космогоническихъ вопросовъ, уже обратившихъ вниманіе ак. Ягича и Р. Кёлера. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ изъ такъ-называемой бесѣды трехъ святителей.

«Сказанїѥ ѡ прѣмудрости Грїгорїѥ, Василїа, Іѡанна Бого-

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 42 слѣд. Цитату на стр. 44 изъ Слова о небеси и земли сл. теперь у Polívka, Opisi i izvodi (изъ Starine XXI, стр. 27).

слова» по рукописи бывшей Шафарика [1]) предлагаетъ, послѣ первыхъ двухъ или трехъ (если: «кои ли ѥсть послѣдняя душа?» представляетъ вопросъ съ выпавшимъ на него отвѣтомъ) вопросовъ, слѣдующій: «Григорїѥ рече: Кто прьво Бога нарече? Василїѥ рече: Сатанаиль прьвїи аггель, сьврьженъ сь небесь, прѣжде сьзданія Адамова .д. дни, а за грьдость нарече се име ѥму Сатанаиль.—Василїѥ рече: Что ѥст глъбина мѡрска и высота небесна и широта земльна?» Отвѣтъ выпалъ; но его подсказываетъ текстъ Бесѣды, изданный въ Памятникахъ старинной русской литературы III, стр. 160: онъ и начинается съ вопроса Григорія: «Кто первый наречеся на землѣ?», а на второй отвѣчаетъ: «Отецъ, Сынъ и Св. Духъ». — Тѣми-же двумя вопросами открывается и текстъ Новаковича [2]). Въ двухъ соловецкихъ спискахъ №№ 1137 [3]) и 942 [4]) эти вопросы стоятъ не первыми, но въ той-же послѣдовательноми; за ними третій: о ризахъ и сударѣ, стоящій въ томъ-же порядкѣ въ Шафар. и Прим., стало быть, лишь опущенный въ редакціи Памятниковъ; въ текстѣ Цвѣтника [5]) онъ слѣдуетъ за вопросомъ о высотѣ, широтѣ и глубинѣ.—Приводимъ вопросъ о ризахъ и сударѣ въ параллельныхъ чтеніяхъ:

Шафар.	Солов. № 1138.
Василїѥ рече: что ѥст ѥдинь притекь и видѣ ризы ѥдини лежещее, и соударь иже бе на главе ѥго, не сь ризами лѣжещь,	Іваннъ рече: (что есть?) Петръ приникъ і видѣ ризы едины лежащии и сударь, еже бѣ не съ ризами, но особь свитъ на еди-

[1]) Polivka, l. c., стр. 21 слѣд.

[2]) Новаковић, Примери књижевности и језика старога и српско-словенскога (у Београду 1877), стр. 446.

[3]) Порфирьевъ, Апокриф. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 384 слѣд.

[4]) Архангельскій, Творенія отцевъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій, I—II, Казань, 1889, стр. 113—114.

[5]) Тихонравовъ, Пам. Отр. русск. лит. II, стр. 436.

нь ѡсобь свыть и на ином мѣсте лѣже? Грїгорїѥ рече: соударь ѡсу плѫтна слоужьбнаго на блюде, а дари ѥго врьховно небо до прѣисподны бездны, а тоу ѥст бездна ѩко риза, а стихарь ѥст стльпїѥ желѣзноѥ ѡко великаго мора, на нѥмже земля пливаѥть. петрахиль ѥст вьхѡд и исхѡд, а сеѥ под поясомъ землѥ тои тльстота ей, елико ѡт вьстока до запада. и повелѣ Господь сьгнати пену мѡрскую и сьтвори землю на четирѣхъ китѣх великыихъ, на .г. девети малих [1]) ѡт коньць залежит (?), а душе в ныихъ трѣтіа честь раискыхъ воня, иде риба на ту воню [2]). Гльбина же того мѡра вѣлика, елика ѥст ѡт вьстока слнца до запада, и дно ѥст того мѡра притищетьсе къ желѣзномоу стльпу. Тльстота ѥсть того мѡра, ѩко мѡре въ гльбине ѥст, тогоже дно ѥст стоить на седмих стльпѣх, и ту ѥсть адово жилище, и тоу Антихристь лежить свѣзан и амнь. а аггель по отврьждаѥть ѥго. а тожде стльпїѥ стоить на ѡгны негасимемь, и по том небо и дьница

номъ мѣстѣ? Григорий рече: сударь бѣ два плата служебная на блюдѣ, а ризы его—верхнее небо, въ преисподней бездне стоитъ яко риза. стихарь —.з̄. небесъ, а поясъ—желѣзное столпіе около великаго моря, на немъ же земля плаваетъ, а патрахиль входъ і исходъ, а поясомъ (?) земля, толстота ея яко от востока и до запада. Повелѣ Гдь согнати пѣну морскую и сотворити землю на трехъ китехъ великихъ и на тридесяти малыхъ китехъ. залягутъ тридесяти морскихъ оконецъ, а души ихъ третьяя часть райская воня, і идутъ на ту воню и те рабы въ сѣти увязнутъ. Глубина того моря великаго в трое того толстота, какъ земля толста, дно подъ тѣмъ моремъ великимъ равное желѣзному столпию, того же моря дно стоитъ на .з̄. столпѣхъ. Туже есть адово жилище, туже будетъ і Антихристъ связанъ, а Михаилъ архангел утверждаетъ его. Тоже столпіе стоитъ возвышено яко то море, то столпие стоитъ на огне неугасимомъ. Подъ темъ огнемъ есть Дньн-

[1]) На этомъ кончается отвѣтъ въ текстѣ Цвѣтника.

[2]) Конецъ отвѣта у Новаковича: «а иду рыбы на ту воню и тѣмъ питаюшть се.

свѣтлаа. ѡже прѣжде слнца ница, иже преже слн̃ца сотво-
сьтворенна. тоуже соуть людє, рена, и туто есть люди крилати
лѣтающе мыслїю, ѡко паучина, яко паучина мыслию, а см̃рти
и несть имь сьмрть ни землє, имъ нѣсть, таже иного ничего,
еже нѣсть ту и стопи; [ни] ино но все воздухъ бж̃ии держитъ.
что, бо тоу ѥст бѣздна ѡко риза. То то есть бездна ѡко риза.

Въ соловецкихъ спискахъ за сообщеннымъ вопросомъ и отвѣтомъ слѣдуетъ: «Іваннъ рече: Гдѣ первие Б̃гъ былъ, еже не бѣ свѣта? Василии рече: Суть комари три на н̃бсѣхъ, въ тѣхъ комарехъ» (Порфирьевъ, l, с.). Такъ и у Шафарика; туже послѣдовательность представлялъ, вѣроятно, и оригиналъ текста, напечатаннаго въ Памятникахъ, прежде чѣмъ выпалъ вопросъ-отвѣтъ о «ризахъ»: Шафар. «Василіє рече: Гдѣ беше прѣжде Богь, егда не беше свѣта? Іѡань рече: есть .г. камаре на небѣсѣхъ, и ту беше въ тѣх камарех агнцѣм, тоу и его соут дари, свѣту же ѥго нѣст конца»; Пам.: «Василій рече: Гдѣ Богъ первѣя жилъ, иже не бысть свѣта? Іоаннъ рече: Суть каморы три на воздусѣхъ, ту бяше Господь въ трехъ каморехъ агнцемъ, а свѣту тогда не бысть».

Г. Мочульскій пытался установить редакціи «Бесѣды», распространенной у насъ во множествѣ изводовъ и списковъ; проф. Архангельскій (l. c., стр. 90) считаетъ подобную попытку напрасной. Можетъ быть, къ вопросу, во всякомъ случаѣ любопытному, слѣдуетъ подойти другимъ, аналитическимъ путемъ, сравнивая не тексты, а въ нихъ самихъ ряды повторяющихся въ той же послѣдовательности вопросовъ и отвѣтовъ. Повторяемость такихъ серій можетъ открыть точки зрѣнія на содержаніе и распорядокъ первичнаго текста или — текстовъ. Частный случай, насъ занимающій, даетъ поводъ къ такимъ именно соображеніямъ:

	Шафар.; Солов. №№ 942, 1138; Пам.; Прим.; Цвѣтн.
Кто первый назвалъ Бога?	
Что есть глубина и т. д.?	— — — —
Ризы и стихарь?	— — — — —
Гдѣ пребывалъ прежде Богъ?	— — —

Чѣмъ на большее количество списковъ распространено будетъ подобное изученіе, тѣмъ точнѣе выяснятся серіи, и соображенія, на нихъ основанныя, будутъ прочнѣе.

Вопросъ о ризахъ и его толкованіе интересны по отношенію къ сходнымъ перечнямъ того же содержанія, о которыхъ рѣчь была выше. Земля, созданная изъ морской пѣны («отъ глины водные» въ упомянутыхъ вопросахъ и Отвѣтахъ), покоится на китахъ; подъ морскимъ дномъ («первая земля» Свитка?), стоящимъ на семи столпахъ, адово жилище и связанный Антихристъ; столпы стоятъ на неугасимомъ огнѣ. Такъ въ указанныхъ перечняхъ, гдѣ подъ первымъ огнемъ, отвѣчающимъ аду, находится другой, горьше его, подъ нимъ дубъ, *первопосажденный, стоящій на силѣ Божіей.* Послѣднему представленію соотвѣтствуетъ въ нашемъ текстѣ небо и денница, *сотворенныя прежде солнца*, люди летающіе мыслью, «яко паучина», и не знающіе смерти; все это держится *Божьимъ воздухомъ:* это и есть бездна. «Денница свѣтлая» = Люциферъ, Сатанаилъ; крылатые люди—падшіе ангелы, надменно и безцѣльно витающіе мыслію [1]). Ихъ область отдѣлена отъ обители ада и мученій, гдѣ связанъ Антихристъ: это сверженное Господомъ небо, «рай» Сатанаила.

Интересно болгарское преданіе о немъ [2]), полное дуалистическихъ воспоминаній. Изгнанный съ неба Зерзевулъ задумалъ устроить для своей челяди свой рай на землѣ, подобный Божьему. Взяли они отъ деревьевъ и цвѣтовъ райскихъ и насадили [3]); Зерзевулъ велитъ своей челяди ѣсть и пить и свободно дѣлать все, что запретилъ Господь; «во раіот моі іаденье, пііанье, кеф те-

---

[1]) Такъ понимаю я выраженіе: летать мыслію «яко паучина». Это напоминаетъ параллели Слова о Полку Игоревѣ о Боянѣ, растекавшемся мыслью по древу, скачущемъ какъ соловей по мыслену древу. Я держусь прежняго моего толкованія этихъ образовъ (сл. Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CXCII, отд. 2, стр. 278—9), ибо едва-ли гипотеза: мысль = мысь не исключается контекстомъ слова: не по *замышленію* Бояню ... растѣкашется *мыслію.*

[2]) Сборникъ за народни умотворения, кн. I, стр. 97—8.

[3]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 45.

ранье, колку да ми сáкаат», говоритъ онъ своимъ; но у тѣхъ нѣтъ покоя: до нихъ доносится славословіе ангеловъ и причиняетъ имъ страшную муку. Зачѣмъ устроилъ ты рай такъ близко отъ Господа? говорятъ они ему, а онъ велитъ имъ построить башню до неба, хочетъ поразить Бога. Борьба неровная: башня свержена въ преисподнюю, сотворилась вѣчная мука, а на мѣстѣ Зерзевулова ада очутилось терніе, боярышникъ и безплодныя камни. — Разсказъ о столпотвореніи, перенесенный здѣсь на дьявола = Немврода (сл. выше стр. 35) явился на мѣсто древняго: о сотвореніи дьяволомъ своего неба.

Сходные мотивы встрѣчаются въ показаніяхъ южно-французскихъ дуалистовъ [1]). Забравшись на небо «Lucifer, qui tunc vocabatur Lucibel, dixit hominibus, ibi existentibus: si vultis me sequi inferius ad terram, ego dabo vobis uxores, safronadas et febres et pastiones et tinetas et rascias»; но онъ не исполнилъ всего, что обѣщалъ, и соблазненные имъ, раскаявшись, inceperunt cantare cantica de canticis Sion, quando erant cum Patre coelesti. Quod audiens Sathanas dixit eis: Et estis adhuc memores de canticis Sion? Et ipsi responderunt, quod sic; et tunc Sathanas dixit eis: Ego ponam vos in terram oblivionis, in qua obliviscemini illa quae dicebatis et habebatis in Sion. Et tunc fecit eis tunicas, id est corpora de terra oblivionis. Ада нѣтъ, ибо адъ — это весь видимый плотскій міръ, въ которомъ постепенно очищаются, переходя изъ тѣла въ тѣло, созданныя Богомъ души, пока всѣ не вернутся къ нему и не обрѣтутъ спасенія [2]).

---

[1]) Döllinger, l. c. II, стр. 32, 201—202, 213—214.
[2]) l. c. стр. 152.

XXI.

Къ видѣнію Амфилога.

Въ V-мъ выпускѣ Разысканій, гл. XVII-я, я старался разобрать, по отношенію къ его составнымъ частямъ и кое-какимъ параллелямъ, славянское сказаніе объ Амфилогѣ, сарацинскомъ царѣ, обращенномъ въ христіанство видѣніемъ, въ таинствѣ эвхаристіи, Христа въ образѣ мальчика, котораго закалаетъ и отъ тѣла и крови котораго причащаетъ пресвитеръ.

Самое «Сказаніе Ан'филога царѧ ѡ сватѣй лутоур'гіи» представляетъ еще много неясностей по вопросу о его генезисѣ.

Я объяснилъ его себѣ такимъ образомъ, что къ какому-нибудь разсказу объ обращеніи *поганина* (въ данномъ случаѣ сарацина) пристала легенда о вразумленіи, путемъ чуда, недоумѣвающаго *христіанина*, вродѣ разсказанной аввой Арсеніемъ о нѣкоемъ старцѣ (у меня стр. 336—7) и сходной съ нею, извѣстной Вильгельму Мальмеберійскому: о пресвитерѣ Plegus'ѣ или Plecgils'ѣ [1]). Но есть, въ параллель къ разсказу объ Амфилогѣ, и другіе, гдѣ дѣло идетъ, какъ и тамъ, объ обращеніи поганина, на этотъ разъ евреина. Укажу, между прочимъ, на широкораспространенную легенду о мальчикѣ жидовинѣ, который увлекся,

[1]) Migne, Patro log. lat., t. 73, col. 991—2 (примѣчаніе Росвейда).

слѣдомъ за своими товарищами христіанами, въ церковь, гдѣ вмѣстѣ съ другими и пріобщился св. таинъ; когда онъ разсказалъ о томъ отцу, тотъ бросилъ его въ раскаленную печь, гдѣ мальчикъ остается невредимымъ: мотивъ, напоминающій намъ духовный стихъ о Милосердой или Аллилуевой женѣ [1]). Мѣсто дѣйствія чуда — то Константинополь, то Арменія; то Египетъ или Буржъ во Франціи; въ нѣкоторыхъ текстахъ [2]) мальчикъ жидовинъ видитъ въ таинствѣ эвхаристіи младенца Христа и причащается ему образно: missa celebrata cum sacerdos populo communionem distribueret, videbatur Judaeo puerulo quod illi picto (на образѣ) similem populo divideret. Qui sum aliis accedens crudam carnem a sacerdote accepit, quam patri domum detulit (Honorius Augustodunensis).

Не о мальчикѣ, но также о жидовинѣ и его обращеніи говорится въ житіи Василія Великаго, приписанномъ Амфилохію Иконійскому. Святой молитъ Господа сподобить его, ut suis ipse verbis incruentum Deo sacrificium offerret; на седьмой день Господь предсталъ ему въ видѣніи со своими апостолами, pane et vino in sacro altari propositis Basilium excitavit dicens: Secundum petitionem tuam repleatur os tuum laude, ut tuis ipse verbis incruentum Sacrificium offeras. Приступивъ къ алтарю, св. Василій произноситъ и записываетъ слова своей литургіи. Eubulus autem et Cleri princeps, simul stantes pro foribus templi, videbant in templo lumen spirituale, virosque gloriosos amictu candido ac vocem populi glorificantis Dominum, nec non astantem altari Basilium. Далѣе разсказывается слѣдующее: какой-то еврей вмѣшался въ толпу христіанъ, желая увидѣть чинъ службы и литургіи; видитъ св. Василія, раздѣлившаго на части младенца,

---

[1]) Сл. Wolter, Der Judenknabe (Halle, 1879); Mussafia въ Zeitschr. f. rom. Philol. IX B., стр. 138, 412—413; Mélusine, IV, стр. 39—41. О духовномъ стихѣ сл. теперь въ статьѣ Драгоманова: Славянскитѣ сказания за пожертвуване собственно дѣте, въ Сборникѣ за народни умотворения и т. д. I, стр. 68 слѣд. Сл. варьянтъ у Добровольскаго, Смоленскій этнографическій Сборникъ, стр. 243—244.

[2]) Wolter, l. c., стр. 43, 94, 111; Mussafia, l. c. стр. 412.

и самъ причащается отъ дѣйствительнаго тѣла и крови. Сохранивъ частицы того и другого, онъ дома показываетъ ихъ женѣ, въ знаменіе видѣннаго имъ, и на другой день идетъ къ св. Василію креститься.

Гдѣ сложился разсказъ о чудѣ? Болландисты (Acta SS. Junii III, 425—6) замѣчаютъ по поводу чуда Василія и аналогическаго съ стратигомъ Ἰουλᾶς (Разысканія, вып. V, стр. 342—3), что въ греческой церкви народъ не видитъ пресвитера во время приношенія имъ жертвы, а безъ этого не мыслимо и видѣніе жидовина и Іула, и, прибавимъ отъ себя, легенда, разсказанная со словъ аввы Арсенія въ Apophthegmata Patrum (Разысканія, l. c. стр. 336—7). Послѣдняя исключаетъ, по видимому, гипотезу, что чудо могло первоначально сложиться въ римской церкви; съ другой стороны древнее устройство алтарной преграды лишаетъ моментъ, указанный болландистами, значенія, которое они склонны были придать ему.

Существовалъ-ли подобный разсказъ съ именемъ Григорія? Укажу прежде всего на одинъ памятникъ, распространенный въ нашихъ рукописяхъ подъ заглавіемъ: «Святаго Григорія Богослова откровеніе о святѣй службѣ, еже есть литургія», либо: «Святаго Григорія Богослова о святѣй службѣ, еже есть литургія». Статья эта относится къ литературѣ «толковой службы», обозрѣнію которой у насъ на Руси посвящена небольшая работа Н. Красносельцева [1]). Указавъ на сочиненія, изъ которыхъ наши предки могли получать понятіе о смыслѣ богослужебныхъ обрядовъ, каковы творенія св. Кирилла Іерусалимскаго и Діонисія Ареопагита, Максима Исповѣдника и Германа патріарха Іерусалимскаго, авторъ переходитъ и къ тѣмъ толкованіямъ, въ которыхъ апокрифическій элементъ игралъ наиболѣе видную роль. Къ нимъ относится и «Откровеніе св.

---

[1]) Сл. Н. Красносельцевъ, Толковая служба и другія сочиненія, относящіяся къ объясненію богослуженія въ древней Руси до XIII вѣка. Православный Собес. 1878, Май, стр. 3 слѣд. Сл. ib. стр. 11—19: текстъ Откровенія.

Григорія», которое я и сравниваю далѣе съ легендою объ Амфилогѣ. Я имѣю въ виду лишь объясненіе литургическихъ актовъ, ибо эпическая канва легенды отсутствуетъ въ Откровеніи, начинающемся такимъ образомъ:

Собрашася святіи отци къ великомоу Григорію богословцю глаголюще емоу: Отче преподобныи, ꙗже сѫть слоуженіа святаа и бескровнаꙗ наоучи ны, отче. Отвѣща святыи Григоріи, глаголя: Послушаите, братіе моꙗ. Иереи надъ предположеными даръми глаголетъ: Господу помолимся. И слышахъ глаголь глаголюща с небесе: Прежде положеніа сердце свое положите начатокъ церкви.

Откровеніе Григорія.

Егда речеть попъ: Благослови, владыко! слетить ангелъ съ небесе и станетъ предъ притворными дверми.... И егда рекуть: Господь воцарися, и речеть ангелъ: Веселися и радуися христіанскыи родъ...

...И егда внидетъ іерей взяти ѥвангеліе и свѣща да внидеть на выходъ, егда рекуть: Придѣте поклонимся и припадемъ, видѣхъ ангела, какъ слетѣ крилома своима надъ попа и ведетъ и въ олтарь и положи ѥвангеліе на святѣи трапезѣ, и ослабивъ крилѣ и поставі а и рече ему: Блюди како предстоиши страшнѣмъ престолѣ. И ꙗко внидетъ на столъ, и речеть Михаилъ: Премудрость, Гавріилъ: Вонмѣмъ... И егда чтется

Сказаніе объ Амфилогѣ.

Егда рече попъ: Благослови, владыко! въ тъй часъ ста пръковь ледѧна, а ѡл'тарь ѡг'нень. А егда рече попъ: Пресвѧтуѫ, чистуѫ, въ тъй часъ пристоупиша множество аггель, подемше рѫцѣ за весь мирь христїанскый, молѧщесѧ Богоу. Егда же їерей начнеть глаголати: Богъ Свѧтый на свѧтыхъ почиваѧ, тогда множьство аггель поднимоуть апостолъ, и речеть Михаиль: Вън'мѣмъ! а Гавріил речеть: Миръ въсѣмъ! И начнеть чъсти попъ еѵаггеліе, и въ то время трисътъ аггель възимають съ похвалоѫ слова та, несѫть на небо... Егда попъ начнеть глаголати: Ѡглашенїи изыйдѣте — тогда аггели, събрав'ше грѣш'никы, ведоуть

святое евангеліе, видѣхъ покровъ церковныи отверстъ, и небо бяше видѣти, и коеждо слово еуангельское аки огнь всхождааше до небесе. И егда речеть иереи: Елико непричастніи изыдѣте, и видѣхъ человѣка стояща въ дверехъ церковныхъ, имоуща въ зубѣхъ своихъ ѩко стрѣлу остру, и очи его поострене лютѣ на стоящаа люди въ церкви, ѩко да изжденетъ когождо исъ церкве. И егда речеть попъ: Да никтожъ отъ оглашенныхъ, изыдѣте, но елико вѣрныхъ — и видѣхъ ангела, како слетѣ крилома своима и отгнавъ злаго исъ церкви и веде и въ кромѣшніи огнь. . . И егда поють: Иже Хероувимъ, видѣхъ како слетѣста ангела крилома своима и осѣниста іереа и несоста святаа къ жертвенику... И егда речеть іереи: Побѣдноую пѣснь поюща възопіюща, видѣхъ тогда покровъ церковныи отверстъ и небо являющеся и огнь плamененъ грядоущь, и по пламени множества ангелъ... и огньніи ангели сташа окрестъ святыа трапезы и отроча посредѣ ихъ, и огньныи пламень нападе на иереа.

вонь ис цркве, а праведникы ѡставлѣѫть. Егда же речеть попъ: Ꙗко подъ дръжавою твоеѫ — тогда исънѣйдоуть аггели божіи, свѣтліи, дръжаще въ рѫкахъ ѡрѫжіа ѡгньнаа, а дроузіи тъмніи аггели, обьмѣтающе їереа сѣтми, хотаще прѣльстиши его. И не възмогоша дойти дверій ѡльтара, срѣтають бо ихъ божіи аггели, имаще ѡрѫжіа пламен'наа, и ѡтженоут тъмныа аггелы прочь. Тогда възнесоутса множество аггель, поѫще: Сватъ, сватъ, сватъ Господь, и въземше прѣсватаа, ставать на сватѣй трапезѣ. . . И речеть попъ: Вън'мѣмъ сватое възношеніе. Тогда възметса агнець божій, станѣть на въздоусѣхъ, и сънѣйдета два хероувими и станета окресть трапезы. И речеть попъ: Побѣдноуѫ пѣснь поѫще — възмоутса хероувими закрываѫща лица своа ѡтъ неприкосновен'ныа славы и поѫще: Сватъ, сватъ, сватъ Господь. Тогда ѡткрыетса .з. небесь, и прїйдеть самъ Господь съ высоты.

Легенда непосредственно переходитъ къ образному толкова-

нію словъ литургисающаго: «Примите и ядите», и «Пійте отъ нея», при чемъ имѣется въ виду видѣніе Амфилога, о которомъ говорила въ самомъ началѣ: Господь показалъ поганому вмѣсто просфоры — «дѣтищь образь», который священникъ и заклалъ. Въ «Откровеніи св. Григорія» этому видѣнію отвѣчаетъ другое: «и егда речеть иереи Свѣтаа святымъ, тогда видѣхъ ангела имоуща ножь и отроча на руку, и закласта и источиста кровь его въ святоую чашу, а тѣло его рѣжоуща кладяста горѣ на хлѣбъ, и бысть хлѣбъ тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа, и сшедшеся достоиніи людіе ядяхоу и піяхоу пріемлюще святое тѣло и кровь во истину, на очищеніе грѣхомъ».

Въ одной статьѣ Шафариковой рукописи, описанной г. Поливкой (Opisi i izvodi I, стр. 5: сербская ркп. № 19 собранія, XVII в.) встрѣчается особое толкованіе литургіи съ именемъ Григорія, но вставленное, какъ и въ легендѣ объ Амфилогѣ, въ рамку видѣнія: чудо видитъ нѣкій сарацинъ. Онъ безъ имени, и другія подробности легенды отсутствуютъ; важно сходство схемъ. Въ виду интереса этой статьи для генеалогическихъ отношеній изучаемаго нами текста приводимъ его по списку, любезно представленному намъ г. Поливкой.

(л. 261 об.) Тако́ванїѥ ѻ бж҃тав'ней лѵ҃р'гїй ст҃о Гри́горїа ѥ҆ видѣ некой стра́цинь.:.

Прикл8чи же҃ некоем8 стра́цин8 хр҃товьї та́ины видети и҆ вьни́де вь све́тилищѐ Бж҃їе и҆ ви҃дѣ ерѣа при́шад'ша на бж҃тав'н8ю̀ сл8жб8, и҆ спа҃о́шѐ сь него̀ ви҃ гре́сы ѥго̀ за ст҃8ю трапез8. Є҆г҃а ѻ҆бле́че сѐ вь ст҃ы сты́харь, тог҃а прост҃ы сѐ ꙗ҆ко̀ зара, ꙗ҆в'лꙗ́ющїа дн҃ь. Є҆г҃а ваз'ло́жїй на сѐ ст҃ы петрахїль и҆ прѣпоꙗ́са сѐ ст҃ы поꙗ́со, тог҃а 8по́ви сѐ стра́сты̀ са́мо̀ твор'ца. Є҆г҃а вьз'ло́жи на сѐ ст҃ы фело́нь, тог҃а покри́ше҃ ва́си грѣсѝ ѥго̀ и҆ бы҃ вь҃ све́таль ѿ но́г8 да́же и҆ до́ главы̀ ѥго̀. Є҆г҃а вазе́ть ст҃8ю про́сфор8, тог҃а прос'фора ꙗ҆вие҃ (л. 262) вь р8ка҃ ѥго̀ вь ѻ҆бра́зь само̀ сн҃а бж҃їа, и҆ сьнидѣ а҆гг҃ль .ѯ҃. и҆ ста́ше ѻ҆кр҃ьсть ѥго̀, дрьжеще вь р8ка҃ скѵ҃п'тры и҆ ко́пїѐ, и҆ вьза҃ дети́ща и҆ прѣкр҃ьты ѥго̀ ѻ҆кр҃ть ꙗ҆ко̀ вь четворо̀, гл҃е: ꙗ҆ко̀

овчѐ на заколѥніѐ вѣнь бж҃ѵ, и въ то врѣмѣ закла детища и изѣть ѿ нѐ прьсы и положы на стемь дискосе. Егда рѣ: закалаѥтсѐ жрѣтьсѐ аганаць бж҃їй вьземлѥй грѣхы всего мира, тогда вьзет се облакь тамнїй и найде облакь светаль. Егда рѣ: копїе проводень бы вь рѣбра, и ȣдари копїемь детище, и ȣзыде крьвь и вода, и ȣдики се нечатикы. Егда понесоше чл҃цы просфоры ст҃ые, тогда ѩвлѥно бы ѥмȣ, ѩко вѣ хȣ ты окны невѣȣще вь рȣка и. (л. 262 об.) Тогда попь начеть резаты главы иь, аггль же гнь вьзимаше и и полагаше и ового на влȣ ѣ, ового на землю гнȣснїе (на землю) меташе, тогда же страцинь истинно мнеше, ѩко детище закла и неразȣмеше ѩкѡ хь тайны ѥмȣ ѩвлаше. Егда попь вьзеть стȣю каналицȣ и прїидѣ вь стомȣ жрьтавникȣ и начеть глаты мл҃твȣ: Бе, бе нашь, тогда сьнидѣ сть на ст҃іе дары и тогда сташе два аггла вь ст҃ы дарѣ а иныи окрьть дрьжеть невидимо. Егда їерей начеть кланати се и глаты: црȣ нбнїй .г. и вьслониєсе и рѣ: влкы влко, тогда вьзетсе врь црькови и бы црьковь лѣпна а олтарь огнань. (л. 263) Егда бы врѣмѣ їерею излѣсты на вьходь сь ст҃ымь їеѵглїе, тогда михаиль вѣдше ѥго за рȣкȣ десноую, а гаврилъ за левȣю и вьведота ѥго вь ст҃ы олтарь, и михаиль вынимаше, а гавриль мирь даваше. Егда начеть їерей глати мл҃твȣ прѣ тристое, тогда ѿврьзе се .з. нбь. Егда начеть чатиты ст҃ое еѵглїе, тогда исхожаше изь ȣсть ѥго глъ огнань, и вьсхитахȣ аггли словеса та и станяхȣ прѣ саме престоло величїа. Егда начеть попь глати ст҃ȣю ехтенїю, и же попь поменȣ, аггль гнь пришаль помазаше и, и гь сь висоти ѩвлаше и благѣть и тѣ стоѥщїи сь страхо и трѣпетомь на ст҃и тайнах. Егда вьзглашаше о оглашенїи, тогда (л. 263 об.) и мрьтви коти подвигнȣт се, ины же коти аггли метахȣ вань из гробь грѣшнїи и кльнехȣ такови лежеще вь црквы. Егда вьзгласы попь: ѩко да подржавою твоѥю и начеть глати мл҃твȣ: никто же дотонь ѥ, тогда просїа се ѩко же и моисїй на горе ѥгда видѣ га. Егда вьзеть ст҃іе дари и прѣнесе вь оветь гнь, и множатво аггль сь ни невидимо дрьжахȣ и ношахȣ дарїи. Егда положише ст҃ые дари на ст҃ȣю трапезȣ, тогда сьниде дхь ст҃ы зракомь ѩко голȣбь и падѣ на главȣ їерѣю и на

ст҃їе дарѝ прѣ҃лежещиє. Є҆г҃а възгласи їерѣй: възлю́бꙑ́ дрꙋ́гь дрꙋ́га, тог҃а сьниде сⷯ҇ хⷭ҇ь и҆ да҇ть мирь слꙋжещїи҇ вь храме єго̀. Є҆г҃а рⷮ҇еⷮ҇ їерѣй: ста́неⷨ҇ до́брѣ (ста́нѣⷨ҇), тог҃а (л. 264) оу҆ма́ры҇ детищь о҆живе и҆ ста крьхꙋ дискоса. Є҆г҃а рⷮ҇еть: стане҇ са стра́хоⷨ҇, тог҃а сьни́дꙋть сь не҃бь .д҃. херꙋвимь҇ и҆ ста́нꙋть о҆крьсть ст҃їе трапезы и҆ о҆крилишѐ че́тирьмѝ крили ст҃їе дарѝ. Є҆г҃а їере́й проказ̀гласи: вьнмеⷨ҇ ст҃ое възно́шенїѐ приносите, тог҃а възетсѐ детищь ѿ ст҃їе трапезы҇ и҆ ста на воздꙋсѐ неподрьжимь ничи҇. Є҆г҃а възгласи їере́й: победнꙋю пⷭ҇ѣ поюща, то́г҃а херꙋвимы҇ всхитише детище и҆ ле́техꙋ поюще и҆ трепещꙋще крилами до .з҃. не҃бы и҆ до прѣстола̀ величїа поющѐ и҆ г҃лающѐ: ст҃ь ст҃ь ст҃ь г҃ь савао́дь. Є҆г҃а възгласить їере́й: прїиме́тѣ и҆ ядите, тог҃а сьниде самь хⷭ҇ь сь ѡ҆вемана́десетѐ а҆пⷭ҇толы҇ и҆ възеⷨ҇ тѣло̀ своѐ и҆ по́каза (л. 264 об.) всеⷨ҇ стоещїимь: сѐ єⷭ҇ тѣло моѐ, такожⷣ҇е и҆ ча́шꙋ вьспрїемь и҆ възгласить: сѐ єⷭ҇ крьвь мою, а҆щѐ кто҇ вькꙋсить ѿ ча́ши сїѐ, живот и҆ма́ть вечни҇й. Є҆г҃а їере́й възгласить: твоѧ ѿ҆ть҃ твои҆, тог҃ажѐ рꙋ́ко̀писанїѐ грѣховь всѣⷨ҇ възетсѐ, и҆ рⷮ҇е хⷭ҇ь: сѐ творите вь мою памеⷮ҇ь. Є҆г҃а рⷮ҇е їере́й: бл҃ви, ва́ко̀, ст҃ы хлебь, и҆ сътвори ꙋбо̀ хлебь сьи҇ чⷭ҇тьноѐ тѣло, тог҃а ꙋбо̀ ст҃ы хлебь прѣложи сѐ вь пльть самоⷢ҇ сн҃а бж҃їа, а҆ є́же вь ча́ши чⷭ҇тьнꙋю кро́вь, тог҃а ꙋбо̀ ча́ша прело́жи сѐ вь крьвь само́го сн҃а бж҃їа, и҆ тог҃а сьни́де ст҃ы дх҃ь и҆ ста крьхꙋ їереѧ и҆ на прѣлежещїи҇ дарѣⷯ҇ и҆ на́ васѐ любѣхь стоєщїи҇ са стра́хоⷨ҇. Є҆г҃а же рⷮ҇е їерѣй: є҆щѐ прино́симъ ти ст҃ꙋю слꙋ́жбꙋ, (л. 265) то́г҃а а҆да҇ и҆ є҆ва и҆ прочи бившїи сь нимь вь а҆дѣ възвеселише҇. Є҆г҃а възгласи їере́й: и҆зредно̀ о҆ прѣст҃ей чⷭ҇тїѐ и҆ прѣбл҃веней, тог҃а не҃ба сь земльнимь҇ съвкꙋпльют сѐ, да а҆щѐ кто̀ вь та̀ ча҇ не поклонит сѐ, то҇ дотонь є҆ пожещи о҆ганни҇ пламенⷹ҇ свеза́нь, а҆ а҆ще кто҇ вь ты҇ чь поклонит сѐ, а҆ще и҆ грѣшань є҆, то҇ за́ то҇ вь дн҃ь сꙋдни҇ покрїеть є҆го̀ бц҃а крилоⷨ҇ свои҇. Є҆г҃а възгласить їерей: даждь на҇ є҆динемꙋ҇ ꙋсты҇, и҆ тог҃а а҆щѐ кто̀ стоить мислей вь ср҃ци свое҇ зла҇ и҆ли кто҇ вьнидеть вь цр҃ковь а҆ и҆мей злобꙋ на дрꙋ́га а҆ не простивсѐ, тог҃а а҆гг҃ль ѿстꙋпить ѿ него̀ и҆ дїаволь свеже́ть є҆го̀ и҆ ве҇ть є҆го̀ вьнь (л. 265 об.) и҆з црькве. Є҆г҃а възгласи їерей: и҆ спо҃би ми в҃ко, и҆ вьспоють о҆ч҃е нашь и҆же є҆си на не҃бихь, тог҃а възгласить ѿц҃ь

нб҃ны: прїидéте бл҃венїи ѻ҆ц҃а моѥгò, наследꙋ́итѐ ꙋгóтованноѐ вам̑ цр҃тьво нб҃ноѐ. Е҆г҃а рѣ́ч҃ть ї҆ерей: глáви нáшеи гв҃и прѣклóнимь, вь ты̀ ч҃ь а҆щѐ ктѡ̀ гл҃еть ꙋсты̀ своими, тóм бы сѐ бóлѣ, билò да сѐ нї ѐ роди́ль, а҆щéли ктѡ̀ стои́ть сь стрáхѡ̑ до ванмѐ ст҃а ст҃и, тѡ̀ мл҃тва ї҆ерéѡва и҆ мл҃ть самóго творца на нѥ̑ ѥ҃. Е҆г҃а вьзглáсить ї҆ерей: вьнимемь ст҃аа ст҃и, тѡ̀ вь тѝ ч҃ь сни́дꙋть сь нб҃ь .з҃. тисꙋщь а҆гг҃ль и҆ вьзѐше и҆ носи́ше ст҃їѐ дáрѝ до самóгò прѣ́стола и҆ сьнидѣ̀ х҃ь и҆ начéть давáти (л. 266) сáмь своѥ́ю рꙋкóю разламаѐ телò, тог҃а ї҆ерéй ꙋпо҃би сѐ херꙋви́мꙋ дáвшомꙋ ї҆сáїй ꙋгáль ѿ сéрафима. Е҆г҃а́ же ї҆ерей вьспрїѐть чашꙋ, тог҃а прїѐть крьвь и҆з рꙋкы̀, крьвь самóго б҃а. О҆ гóрѣ тѡ̑ ї҆ерѣю̀ кои́жо и҆дéть тéлò гн҃е и҆ пїеть крьвь гн҃ю, а҆ прѣстꙋпаѐть заповеди гн҃е, по҃бáнь ѥ҃ ї҆ю̀ы̀ прѣдáтелю̀. Е҆г҃а рѣ́ч҃ть ї҆ерей: вьзнеси́сѐ на нб҃а б҃е, тог҃а вьзеш҃е дáри вáси и҆ вьзнесóш҃е кь немꙋ на нб҃а. б҃ꙋ нáшемꙋ сл҃а ва вѣ̑ы а҆мїнь.:.

Я не касаюсь вопроса объ авторѣ Василіева житія, ходящаго подъ именемъ Амфилохія. Списатель житія былъ, такъ или иначе, отождествленъ съ Амфилохіемъ Иконійскимъ, младшимъ современникомъ и другомъ Василія Великаго и Григорія Назіанзина. Одно и то-же чудесное видѣніе, отвѣтившее, быть можетъ, интересу къ спорамъ о догматѣ пресуществленія, могло пристать къ имени каждаго изъ трехъ каппадокійцевъ — если позволено мнѣ, въ виду неясности вопроса, присоединить новую гипотезу къ прежней, сблизивъ Амфилога легенды съ—Амфилохіемъ. Легендѣ оставалось-бы, въ такомъ случаѣ, только сблизить чудо съ какимъ-нибудь инымъ мотивомъ обращенія, типа «поганина»; такъ вмѣсто евреина могъ явиться сарацинскій царевичъ — Амфилогъ.

Первая замѣтка, посвященная легендѣ объ Амфилогѣ (Разысканія, вып. V, гл. XVII), имѣла въ въ виду указать въ ней параллель къ эпизоду объ Evalach'ѣ въ романахъ о св. Гралѣ и снова поставить вопросъ о христіанскихъ источникахъ послѣдняго

представленія, которое Nutt хотѣлъ объяснить изъ спеціально кельтскихъ вѣрованій. Я уже выразилъ мой взглядъ на работу Nutt'а; тѣмъ пріятнѣе было мнѣ встрѣтить косвенное подтвержденіе моего мнѣнія въ статьѣ извѣстнаго кельтолога Циммера, посвященной разбору той-же книги [1]). Отмѣчу лишь два его положенія: что фантазія ирландскаго народа насыщена была въ періодъ отъ XII-го до XV-го вѣка захожими сюжетами и идеями, и что параллели изъ Финновой саги, приводимыя Nutt'омъ къ романамъ объ Артурѣ и св. Гралѣ, не имѣютъ доказательности въ его смыслѣ, если тексты первой не древнѣе XV-го вѣка, ибо они свидѣтельствуютъ не за пракельтское существованіе тѣхъ или другихъ мотивовъ, а за возможность ихъ проникновенія въ кельтскій обиходъ изъ классическаго или сѣверно-германскаго преданія, еслибы они тамъ оказались.

[1]) Сл. Gött. Gelehrte Anzeigen 1890, № 12, стр. 488 слѣд.; см. стр. 498 и 506. Сл. еще отчетъ Foerster'a о G. Paris, La littérature française au moyen âge въ Literaturblatt f. germ. u. rom. Philologie 1890, № 7, стр. 265 слѣд.

XXII.

Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ.

Кромѣ малаго стиха о чудѣ Егорія съ змѣемъ (см. Разысканія II, стр. 125), русская поэзія знаетъ еще большой стихъ о немъ (l. с. стр. 136 и слѣд.), пересказывающій его апокрифическое мученіе и представляющій во второй своей половинѣ своеобразно разработанные элементы того же чуда. Источникомъ этого стиха я призналъ (l. с. стр. 139) такую редакцію легенды о св. Георгіѣ, гдѣ чудо съ змѣемъ помѣщалось послѣ мученія [1]), съ тою разницею, что послѣднее кончалось не смертью угодника, а однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ обмираній и успеній, которыя въ апокрифѣ являются какъ родъ настоящихъ смертей, перемежающихся дѣйствительными воскресеніями. Такимъ образомъ чудо притянуто было въ житіе и составило съ нимъ нѣчто цѣлое.

---

[1]) Подобное сочетаніе мученія и чуда представляетъ бѣлорусскій Сборникъ Чудова монастыря № $\frac{62}{281}$, XVI вѣка. Сл. Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древностей, 1889 г., III: Библіографическіе матеріалы, собранные А. Н. Поповымъ, стр. 49 слѣд. Мученіе кончается на л. 620 об.: Аз же Посикрат.... вослѣдоваx своег гсна страданию. і ѿ всѣх извѣстно на паметь хрістолюбівым стртопололожникам вчиних. — Л. 621 лиц.: чюд стго Егорьгіа ѿ змиі. Inc.: Како изрекѫ страшнѫю и преславнѫю сию тайнѫ.—«Это непосредственный источникъ русскаго духовнаго стиха о Георгіи» (рукописная замѣтка А. Н. Попова, l. с. стр. 55).

Не измѣняя этому воззрѣнію, я попытаюсь пойдти далѣе, поставивъ вопросъ: по какой схемѣ развитъ былъ въ большомъ стихѣ моментъ чуда, не имѣющій ничего общаго съ постановкой этого момента въ маломъ стихѣ о Егоріи и Елисаветѣ?

Напомнимъ содержаніе большаго стиха. Разсказывается о мученіяхъ Егорія; Демьянище заключаетъ его въ погреба, засыпаетъ песками рудожелтыми. Чудомъ развѣваются пески, Егорій выходитъ на Божій свѣтъ—и ѣдетъ отплатить прежнюю дружбу своему мучителю, полонившему и его сестеръ. Слѣдуетъ та часть стиха, которая насъ особливо интересуетъ: на пути къ Демьянищу Егорій встрѣчаетъ рядъ заставъ; горы толкучія, лѣса и рѣки; сестры Егорія, пасущія стадо звѣриное или змѣиное; *змѣй или змѣи, съ которыми Егорій бьется;* чудесная птица *Нага* (Нага; птицы ногайщины; Черногонъ, Черногаръ; Нага Астрахтиръ, Острафилъ, Стратимъ), сидящая на херсонскихъ, іерусалимскихъ, сибирскихъ и т. д. вратахъ, либо на вратахъ, на крыльцѣ у Демьяница (Безсоновъ, Калѣки I, № 101, стр. 419, № 111, стр. 492): она унесетъ пріѣзжаго «во чисто поле — малымъ дѣтямъ на съѣденіе» (l. c. стр. 473 въ примѣчаніи).—Уже затѣмъ слѣдуетъ встрѣча Егорія съ Демьянищемъ, котораго онъ и убиваетъ, освободивъ сестеръ.

Но и самого Демьяница стихъ представляетъ змѣемъ: онъ шипитъ по змѣиному, какъ змѣй летаетъ; онъ даже названъ однажды Горынычемъ: это «глубокій змѣй» апокрифа. Если такъ, то змѣй, съ которымъ раньше бился Егорій, и Демьянище явятся дублетами — и ясно, что приращеніе явилось со стороны змѣя: до встрѣчи съ нимъ всѣ заставы обходились Егорію мирно: горы и лѣса расходились, разступались; бой съ змѣемъ прерываетъ эту послѣдовательность, предвосхищая окончательную борьбу съ змѣемъ-Демьянищемъ. Первоначально порядокъ могъ быть такой: заставы, *птица—и змѣй Демьянище*. Такъ и въ эпизодѣ заставъ въ нѣкоторыхъ былинахъ Дюкѣ: *птицы клевучія — и змѣище Горынчище* (Южно-русскія былины, вып. II, стр. 534). Названіе птицы: Нага могло быть внесено изъ стиха о Голубиной книгѣ, но

имя птицы, можетъ быть, осмыслило ея тѣсную связь съ насильникомъ Демьянищемъ, путь къ которому она стережетъ. Напомню по этому поводу румынское преданіе: когда татары-*нагаи* нагрянули на Молдавію, жители попрятались по болотамъ, въ камышахъ, но татары открывали ихъ при помощи пиголицъ, которыхъ выпускали въ большомъ количествѣ и которыя, завидѣвъ бѣглецовъ, наводили на нихъ татаръ своимъ чириканьемъ. Пиголица и зовется поэтому татарской собакой—и *Nagâţâ*, *Nogâţă* [1]).

Предположенный нами древній планъ большаго стиха о Егоріи въ эпизодѣ чуда (чудовищная птица — насильникъ-змѣй) я попытаюсь объяснить въ связи съ русскими сказками объ Ильѣ и Змѣѣ.

Мнѣ извѣстны четыре сказки объ Ильѣ-змѣеборцѣ.

1) Одна изъ нихъ, сообщенная Кирѣевскимъ (Пѣсни I, Приложенія, стр. I—IV), напечатана у Аѳанасьева, Народныя русскія сказки, № 175. Схема такая: *Илья сидень* (эпизодъ о дѣтствѣ); ѣдетъ биться съ змѣемъ; по дорогѣ встрѣчи: баба яга, ея сестра и b) *Соловей;* c) *Илья бьется съ змѣемъ* и освобождаетъ *царевну*, которую миловалъ змѣй: онъ ее извелъ, изсосалъ.

2) Варіантъ у Драгоманова (Малороссійскія народныя преданія и разсказы, стр. 248—9) ограничивается боемъ съ змѣемъ: царь отдалъ дочь на пожраніе змѣю, но она ему понравилась, и онъ *живетъ съ нею.* Узнавъ отъ него, что его можетъ осилить Илья швецъ, она шлетъ съ двумя голубями письмо къ отцу съ просьбою прислать Илью, который и убиваетъ змѣя.

3) Сказка у Руликовскаго (Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy, Krakow 1879, стр. 6—8) начинается также съ a) эпизода объ *Ильѣ сидянѣ.* Старикъ, давшій ему силу, говоритъ ему: пусть попроситъ отца—купить ему у попа паршиваго жеребенка, изготовить желѣзную булаву въ четыре пуда, оловянную шапку въ два пуда. Когда жеребенокъ выростетъ съ

---

[1]) Новыя книги по народной словесности, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXLIV, отд. 2, стр. 213—214.

коня, ты поѣдешь на немъ и убьешь змѣя въ Кіевѣ. b) Илья ѣдетъ; встрѣча съ *Соловьемъ;* c) въ Кіевѣ всѣ опечалены: змѣй поѣлъ всѣхъ дѣвушекъ, дошла очередь и до княжны: придется отдать ее. Змѣй живетъ въ хижинѣ надъ Днѣпромъ; Илья *убилъ змѣя* своей шляпой и женится на княжнѣ.

4) Недавно г. Эварницкій (Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. Спб. 1889, стр. 166—172) сообщилъ еще малорусскую сказку того же содержанія: a) *Илья сидень* и b) выѣздъ и *бой съ змѣемъ*, залегавшимъ воду, пока ему не дадутъ утромъ и вечеромъ одну душу на «пожраніе». Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ *царевну*, которая надѣваетъ ему на палецъ кольцо. На обратномъ пути онъ засыпаетъ, положа голову («а голова словно бочка») на колѣна царевны; коли надо будетъ, пусть разбудитъ его, уколовъ иглой въ пятку. Пока онъ спалъ, пріѣхалъ бондарь и говоритъ дѣвушкѣ: брось ты Илью, поди лучше за меня замужъ, а отцу скажи, что я отвелъ тебя отъ смерти. Дѣвушка бросилась будить Илью, качала, качала ему голову, не добудилась, а про иглу и забыла. Бондарь отрубилъ Ильѣ голову, а дѣвушку привезъ къ ея отцу, которому она говоритъ, что тотъ человѣкъ избавилъ ее отъ смерти, и она должна пойти за него замужъ. Въ это время проходилъ Господь съ св. Петромъ, видитъ убитаго Илью, дохнулъ на него, и онъ ожилъ. Ну долго же я спалъ! говоритъ Илья. — Спалъ бы еще дольше, цѣлый бы вѣкъ, еслибъ не мы.—Илья идетъ на свадьбу: царевна сидитъ, надрывается, увидѣла на порогѣ человѣка, у него на среднемъ пальцѣ кольцо горитъ огнемъ. Признала Илью и прыгъ къ нему черезъ столъ: Вотъ, говоритъ, кто меня отъ смерти спасъ, а не поганый бондарь! Бондаря схватили, а царевну за Илью отдали.

Всюду Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ дѣвушку; либо она обречена ему на пожраніе, либо онъ насилуетъ ее своею любовью. Какой изъ двухъ мотивовъ древнѣе— этотъ вопросъ разрѣшится для насъ вмѣстѣ съ другимъ, болѣе общимъ: въ какихъ отношеніяхъ стоятъ сказки объ Ильѣ змѣеборцѣ къ былинамъ

о немъ, не знающимъ этого сюжета? Должны ли мы предположить случайное примѣненіе сказочнаго мотива о змѣеборцѣ къ имени Ильи, или это примѣненіе не случайное, и въ былинахъ объ Ильѣ были и еще распознаваемы данныя, его объясняющія?

Я стою за послѣднее. Въ моихъ «Южнорусскихъ былинахъ», гл. X, я указалъ на чередованіе именъ Ильи и Алеши Поповича въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія: Тугаринъ обнасильничалъ Кіевъ въ былинѣ объ Алешѣ, Идолище въ пѣсняхъ объ Ильѣ; и тотъ и другой гигантски прожорливы; Идолище не даетъ воли князю съ княгинею, «у княгини держитъ руки въ пазухѣ» (Кир. IV, стр. 18 слѣд.); то же говорится о Тугаринѣ; если въ былинѣ о немъ и Алешѣ насиліе Тугарина представляется, какъ пріятное княгинѣ, то я объяснилъ это (l. c. стр. 354) подновленіемъ, въ уровень съ позднѣйшимъ типомъ падкой на любовныя шашни Апраксѣевны. Въ началѣ Тугаринъ могъ быть просто насильникомъ княгини, какъ Идолище въ былинѣ объ Ильѣ; богатыри освобождали княгиню отъ того и другого «змѣевича», ибо какъ за Тугаринымъ постоянно это прозвище, такъ и эпитетъ Идолища: Скоропитъ, Скоропѣевичъ, ни что иное, какъ тотъ же змѣевичъ (l. c.). Илья избавлялъ княгиню отъ врага «змѣевича»; такъ могла пѣть древняя былина, а сказка привязала къ этимъ отношеніямъ мотивы о змѣеборствѣ: змѣй залегаетъ воду и дѣвушка назначена ему въ жертву (№№ 3, 4); № 4 развиваетъ этотъ сюжетъ и далѣе — извѣстнымъ въ схемѣ змѣеборца мотивомъ: объ обманщикѣ, приписывающемъ себѣ честь подвига. Либо змѣй — насильный любовникъ, №№ 1 и 2; въ этомъ смыслѣ комментировалъ № 1 Аѳанасьевъ; я ограничусь указаніемъ на наши былины. Сказка № 1, наиболѣе разложившаяся, судя по стилю, сохранила въ такомъ случаѣ болѣе древнюю черту, чѣмъ №№ 3 и 4.

Я говорю пока о развитіи сказки изъ былины, не наоборотъ, въ предположеніи, что содержаніе послѣдней, въ ея древней стадіи, было менѣе фантастическимъ, идеально отразившимъ извѣстныя историческія воспоминанія. Мотивъ змѣеборца, спа-

сающаго дѣвушку, былъ на столько популяренъ въ сказкѣ и легендѣ, что сохранился бы въ былинѣ болѣе яркими чертами, еслибъ въ немъ дана была точка ея отправленія. Попробуемъ остановиться на этомъ направленіи эволюціи.

Изъ четырехъ знакомыхъ намъ варіантовъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ, три записаны на югѣ, одна (№ 3) даже локализована въ Кіевѣ, къ которому привязана легенда о другомъ змѣеборцѣ, Кирилѣ или Никитѣ Кожемякѣ, также спасающемъ царевну отъ змѣя, въ обстоятельствахъ, тожественныхъ съ Драгомановскимъ варіантомъ: царевна послана въ дань змѣю, который полюбилъ ее и взялъ себѣ въ жены; она узнаетъ отъ него, что его можетъ побѣдить только Никита или Кирила Кожемяка, и также посылаетъ письмо къ отцу съ голубкомъ (сл. Аѳанасьева, Народныя русскія сказки № 85 и примѣч.). Кожемяку народнаго преданія сближали съ *усмошвецомъ* Несторовой лѣтописи подъ 992 годомъ; Илья *швецъ* Драгомановскаго варіанта сохранилъ это обозначеніе. Если эпизодъ лѣтописи объ Усмошвецѣ, поборовшемъ печенѣжскаго богатыря, удержался въ народной памяти въ чертахъ сказки о змѣеборцѣ, то и древняя былина объ Ильѣ (или Алешѣ), спасшемъ какую то царевну или царицу отъ насильника «змѣевича», могла вызвать такое же развитіе по мотивамъ сказки о богатырѣ, спасающемъ дѣвушку отъ непрошеннаго любовника,— змѣя; развитіе, приставшее къ былинѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ (кіевскихъ) легендъ о змѣеборцахъ: Кожемякѣ, Кузьмѣ и Демьянѣ, Борисѣ и Глѣбѣ.

Илья *швецъ* напомнилъ намъ Несторова *усмошвеца;* разказывая о его силѣ отецъ говоритъ: «единою бо ми и сварящу и ономy мьнущю усние, разгнѣвавъсе на мя, преторже черви рукама». Укажу по этому поводу на богатыря *Чоботка*, котораго, по словамъ Кальнофойскаго, *народъ смѣшивалъ съ Ильей*, тогда какъ Лассота различаетъ обоихъ, какъ, вѣроятно, и русскій паломникъ первой половины XVII в., отрывокъ изъ записокъ котораго недавно напечатанъ былъ архимандритомъ Леонидомъ (Кіевская старина 1890, Февраль: Документы, извѣстія и замѣтки стр. 345):

«Да еще человѣкъ именемъ Чеботокъ въ пещерѣ вкопалъ себя по плечи и сказалъ передъ Спасомъ: До тѣхъ поръ не изыду отъ сего святаго мѣста, дондеже земля обновится ко страшному и праведному дню судному; якоже Богъ благоволитъ, тако и будетъ». — Я предположилъ (Южно-русск. былины вып. I стр. 32 прим. 2) въ названіи Ильи «чеботкомъ» отраженіе какой нибудь эпической черты, забытой въ былинахъ о немъ; нѣтъ ли связи этого *народнаго* прозвища съ *швецомъ* Драгомановскаго варьянта, съ *черевями* Несторовой легенды? Это позволило бы намъ отнести основы разказа объ Ильѣ-швецѣ-змѣеборцѣ къ XVII вѣку; былины объ Ильѣ внѣ связи съ сказочнымъ змѣемъ были бы древнѣе.

II.

Съ сказками объ Ильѣ и змѣѣ мы сопоставимъ другія: объ Ильѣ и Идолищѣ. Изъ трехъ финскихъ версій, приведенныхъ мною (см. Мелкія замѣтки къ былинамъ, Журн. Мин. Нар. Просв., Мартъ 1890 г., стр. 6 слѣд.) въ №№ 1 и 3 эпизодъ о Соловьѣ слѣдуетъ за эпизодомъ объ Идолищѣ; въ № 2: *Соловей*, *Идолище*. Такъ (отчасти) въ вотяцкой сказкѣ объ Ильѣ [1]) а) Илья сидень; его выѣздъ; какой то богатырь отсовѣтываетъ ему ѣхать по дорогѣ, на которой сидитъ Соловей разбойникъ. Илья (совершенно не мотивированно) хвалится своимъ кафтаномъ, конемъ и лукомъ: забытый эпизодъ о станишникамъ. — b) *Соловей*: Илья привезъ его въ городъ, показываетъ царю, убиваетъ за ослушаніе; царь жалуется Ильѣ, что у него въ городъ ходитъ с) *Чудовище Обжора*, съѣдающій въ день по цѣлому быку и выпивающій по сорока ведеръ пива. Илья убиваетъ его. — Слѣдуетъ, какъ въ финскихъ сказкахъ, эпизодъ о Святогорѣ; но смерть въ гробу перенесена на Илью.

---

[1]) Верещагинъ, Вотяки Сосновскаго края. С.-Пб. 1886, стр. 142 слѣд.

Интереснѣе бѣлорусская сказка объ Ильюшкѣ, гдѣ Идолищу отвѣчаетъ Прожора: a) Илья сидень; b) выѣзжаетъ бѣлый свѣтъ очищать, негоднаго *Сокола* побивать». Пріѣхалъ въ царство царя Прожора. «Енъ по дзесяць чаловѣкъ ѣвъ на дзень, а нягидный Соколъ яму доставлявъ ѣсь. Енъ, нягидный Соколъ якъ свисьня, дакъ на дванапцаць верстъ даленёй чаловѣкъ упадая—крэпко силянъ бывъ. И доставлявъ яму, цару Прожору, по дзесяць чаловѣкъ у дзень. И сядзѣвъ тэй нягидный Соколъ на дванапцати дубахъ одзинъ, и у яго дванапцаць роговъ». Илья отрубилъ ему голову и везетъ съ собою къ царю c) *Прожору*. Тотъ услышалъ, что кто то ѣдетъ: Кого это мой Соколъ допустилъ? Илья показываетъ ему его голову и на пиру ударилъ Прожора двѣнадцатипудовой шапкой, такъ что тотъ вылетѣлъ скрозь стѣну. — Все это, какъ и дальнѣйшіе подвиги, понято, какъ очищеніе бѣлаго свѣта; такъ говоритъ Илья отцу — матери, вернувшись домой. Поболѣвъ три дня, онъ преставился «и поступивъ у святъ — святый Ильюшка». «Вотъ, говора, буду громовой тучай завѣдуваць». Его схоронили въ склепѣ. «Господзь такъ давъ: нихто яго не знавъ, ня видзѣвъ,—отправився ёнъ водой у склепи у Кіявъ, у пящеры, плывъ по Сожи по рацѣ. И оявився, и получивъ сабѣ свѣтъ у пящеры» (Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I, вып. 3: Сказки, № 44. О св. Меркуріи Смоленскомъ, также приплывшемъ въ Кіевъ «во гробѣ» сл. Буслаева, Очерки II, 194).

Якутская сказка объ Ильѣ [1]) представляетъ нѣкоторыми своими частями замѣчательный примѣръ воздѣйствія народныхъ миѳическихъ представленій на захожій сюжетъ. Вотъ ея схема: a) Илья сидень; b) *Соловей;* c) «Смерть Тамаровичъ съ бумажными крыльями» = *Тугаринъ Змѣевичъ* съ обычными чертами *прожорливости;* бьется съ нимъ не Илья, а «поповскій сынь богатырь», «поповичъ», т. е. Алеша, какъ въ былинѣ о немъ. Тождество схемъ: Илья — Идолище и Алеша — Тугаринъ объясняютъ эту

[1]) Сл. Верхоянскій сборникъ: Якутскія сказки, пѣсни и т. д. зап. И. А. Худяковымъ (Иркутскъ 1890), стр. 254 слѣд.

замѣну, которая дала возможность ввести сказку въ слѣдующій за этимъ эпизодъ d): о подвигахъ Алеши и помощнаго ему Ильи; объ этомъ я скажу нѣсколько словъ далѣе; e) разъѣхавшись съ Алешей Илья ѣдетъ и встрѣчаетъ Святогора (который оказывается его дѣдомъ; смерть Святогора въ гробу).

Обратимъ вниманіе на эпизодъ d), хотя онъ и стоитъ внѣ непосредственной цѣли этого изслѣдованія. Илья присутствовалъ при боѣ Поповича съ Тамаровичемъ, послѣ чего Илья и Поповичъ разъѣзжаются, давъ себѣ слово—въ нуждѣ помогать другъ другу. Илья ложится спать; отъ его храпа поднимается вѣтеръ и такой громъ, что казалось, будто громъ гремитъ, пыль стала облакомъ и люди ждали свѣтопреставленія (Илья громовникъ?). Въ это время стрѣла угодила ему въ грудь, прямо въ крестъ, а на стрѣлѣ написано, чтобы онъ поспѣшилъ на помощь Поповичу. Илья метнулъ стрѣлу вверхъ, и когда она полетѣла на югъ, поѣхалъ въ ту-же сторону.—Такъ будитъ онъ своего крестнаго батюшку, Самсона богатыря, посылая ему вѣсточку стрѣлою (Рыбник. III, № 35): какъ въ этой былинѣ Илья выступаетъ какъ-бы въ роли младшаго богатыря, такъ въ нашей сказкѣ, по отношенію къ Ильѣ, Алеша. Оказывается, что онъ бился съ желѣзнымъ войскомъ, да съ огненнымъ; а то войско царь-дѣвицы, луны-царицы. Пока онъ коситъ желѣзныхъ людей, Илья хочетъ посмотрѣть, откуда они являются: «перелетѣлъ черезъ желѣзное войско и увидалъ, что семь дюжихъ кузнецовъ куютъ громадными молотами и пилятъ громадными пилами раскаленное желѣзо, и какъ только двинутъ пилой или ударятъ молотомъ по желѣзу, такъ оттуда пять-шесть желѣзныхъ человѣкъ выпрыгнутъ и бѣгутъ впередъ». Илья однимъ взмахомъ отрубилъ головы головы кузнецамъ, и какъ ударилъ самъ молотомъ по наковальнѣ, то точно, «онъ людей желѣзныхъ можетъ ковать».—А огненные люди съ огненными мечами высыпали изъ подъ утеса: только взмахнетъ Поповичъ мечемъ, они потухаютъ, а все-таки ходу не даютъ. Илья перелетѣлъ черезъ утесъ, видитъ, пять дюжихъ мужчинъ высѣкаютъ огонь пятифунтовыми огнивами изъ пяти-

фунтовыхъ кремней, сколько искорокъ высыпется, всѣ обращаются въ огненныхъ солдатъ. Илья срубилъ тѣмъ людямъ головы, а кремни и молоты отдалъ Поповичу, который женится на царицѣ; она хотѣла-бы пойти за Муромца, да у него законъ — не жениться, не то потеряется его сила и красота, и останется онъ калѣкой.

Нѣтъ сомнѣнія, что эпизодъ о желѣзныхъ и огненныхъ людяхъ отвѣчаетъ извѣстному по былинамъ: о чудесномъ удвоеніи вражьей силы, съ которой бьются богатыри (сл. мои Южнорусскія былины, вып. II, гл. VII): въ былинѣ о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри, нахвальщикомъ, вызывающимъ силу нездѣшнюю, является именно Алеша Поповичъ, какъ въ якутской сказкѣ онъ бьется съ постоянно наростающими численно желѣзными и огненными людѣми. Сказка могла имѣть въ виду указанный пѣсенный эпизодъ, но разработала его по даннымъ знакомаго намъ апокрифическаго и народнаго повѣрья о мірозданіи: отъ ударовъ молотомъ по камню, огнивомъ по кремню, вылетаетъ и плодится нечистая сила (сл. Разысканія, вып. V, стр. 6—7, 12—13, 14, 47—8, 68—69, 360). Напомнимъ въ особенности вогульское преданіе о богатырѣ, который, мстя за смерть отца и не смотря на уговоры родныхъ и явившагося съ неба старика-великана, начинаетъ истреблять все живое: много народу перебилъ, а его все не уменьшается, ибо Нуми распорядился, чтобы два небесныхъ кузнеца ковали желѣзную полосу, а два плотника стругали деревянную, и чтобы изъ искръ и стружекъ дѣлались люди (l. c. стр. 17, прим. 1)

Возвратимся послѣ нашего экскурса къ общей схемѣ якутской сказки: отъ эпизода съ *Соловьемъ* она переходитъ, благодаря совмѣстному появленію Алеши и Ильи, къ эпизоду Тугарина *Змѣевича;* безъ этой совмѣстности или смѣшенія мы ожидали бы встрѣчи Ильи съ Идолищемъ *Скоропѣевичемъ*, т. е. Змѣевичемъ.

Если Идолище Скоропѣевичъ—змѣй, то мы получили въ приведенныхъ сказкахъ ту же послѣдовательность, что и въ разказахъ объ Ильѣ-змѣеборцѣ №№ 1 и 2: *Соловей, Змѣй—Соловей,*

Идолище — Чудовищная птица и змѣй Демьянище духовнаго стиха о Егоріи. О послѣднемъ говорится въ стихѣ, что онъ раскрошилъ змѣя на мелкія части (Разысканія II, стр. 144); румынскія пѣсни и преданія подсказываютъ, что изъ головы змѣя, убитаго Георгіемъ, зародились черви и мухи, какъ и въ варьянтахъ нашего стиха змѣя разсыпается «на гаденыши, на червеныши» (1. с. стр. 147—8 прим. 1), а въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ пепелъ сожженнаго змѣя, развѣянный по воздуху, породилъ всякую погань: мошекъ, комаровъ и мухъ (Кулишъ, Зап. о южной Руси II стр. 30). И для этого эпизода сказки объ Ильѣ представляютъ аналогію: въ малорусской легендѣ, пересказанной Трусѣвичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 6: Народныя легенды про Кіевъ и его окрестности) соловьевъ до Ильи Муромца не водилось: они вышли изъ тѣла Соловья-разбойника, разрубленнаго Ильей на куски, не больше маковыхъ зеренъ. Такъ и въ чувашской сказкѣ, гдѣ Илья наѣзжаетъ на гигантскаго соловья: его гнѣздо на семи ветлахъ, свистъ слышенъ за семь верстъ; Илья разсѣкъ его на части, изъ кусковъ убитаго выросли большія и малыя птицы (Разысканія VIII, стр. 352—253).

Былины не знаютъ при Ильѣ змѣя и эпизодъ о Соловьѣ отдѣляютъ отъ эпизода объ Идолищѣ-змѣевичѣ; сказки могли привести оба мотива во внутреннюю связь, либо въ связь послѣдовательности.

Возможно ли предположить обратное развитіе: отъ сказки или выражавшей ее цѣльной былинѣ—къ отрывочнымъ пѣснямъ нынѣшняго состава, отъ цѣлаго—къ раздробленнымъ эпизодамъ, при совершенномъ забвеніи ихъ древняго соотношенія? Мы выставляемъ предположеніе, діаметрально противоположное тому, котораго держались до сихъ поръ. Вызвано оно тѣмъ соображеніемъ, что при гипотезѣ: Идолище=змѣй финскія, бѣлорусская, вотяцкая—и малорусскія сказки, записанныя на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, отразили ту же послѣдовательность изложенія: Соловей (Соколъ) — и Идолище или змѣй. Это указываетъ какъ бы на древнюю схему и связь эпизодовъ, которую можно вмѣ-

нить пра-былинѣ, лишь впослѣдствіи распавшейся на отдѣльные пѣсенные эпизоды. Въ этой схемѣ Идолище могъ являться насильникомъ-богатыремъ, «змѣевичемъ», богатыремъ являлся и Соловей, имя котораго лишь впослѣдствіи было понято, какъ нарицательное птицы. Такая былина могла быть выраженіемъ какихъ нибудь историческихъ памятей; фантастическій элементъ, обратившій «змѣевича» въ подлиннаго змѣя, Соловья въ чудовищную птицу, присталъ къ ней позже. Если такъ, то въ такой былинѣ, уже осложненной элементомъ баснословія, мы нашли бы источникъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ — и могли бы искать первообразъ схемы, по которой въ большомъ стихѣ о Егоріи обработана его развязка, не предусмотрѣнная его житіемъ: Демьянище-змѣй явился въ роли Идолища-змѣя, сестры Георгія, только названная въ апокрифическомъ житіи (Разысканія II, стр. 141), освобождались Георгіемъ отъ власти насильника, какъ Илья освобождалъ царевну, княгиню; наконецъ птица Нага, Черногонъ и т. д., встрѣчаемая Егоріемъ на пути ко врагу и необъяснимая изъ житія, отвѣтила бы Соловью.

III.

Мотивъ освобожденія Ильей дѣвушки отъ чудовища (змѣя?) легъ въ основаніе латышской сказки объ Иліиѣ [1]) — въ смѣшеніи съ другими: Илья сидень; идетъ смотрѣть на свѣтъ; какъ въ финскихъ побывальщинахъ у него три *встрѣчи* (Соловей, Идолище, Святогоръ), такъ могло быть и въ оригиналѣ сказки, которая разработала этотъ мотивъ по схемѣ другихъ, типически представленныхъ №№ 71—73 и 80—81 сборника Аѳанасьева [2]): три брата, либо три богатыря на поискахъ за

---

[1]) Трейландъ, Латышскія народныя сказки (Москва 1887), № 99.

[2]) Сл. Cosquin, Contes populaires de Lorraine, №№ XIX и LII и прим.; абхазскую сказку о Рустамѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VI, Приложенія стр. 20 и слѣд.) и тождественную съ нею грузинскую о Ломъ-Каци (l. c. вып. X, отд. III, стр. 54 и слѣд.: Судьба).

царевной (матерью № 71 b, c, царевнами № 80), унесенною Вихремъ (№ 71 b), Нечистымъ духомъ — Ворономъ Вороновичемъ (№ 71 c), Змѣемъ Черноморскимъ (№ 72), Змѣемъ (№ 80). Братья или товарищи спускаютъ богатыря въ подземелье, гдѣ онъ бьется съ чудовищами; типическою чертою является при томъ, что богатырь, по указанію красавицы, переставляетъ чаны съ сильной и малосильной водою и пьетъ изъ перваго, приготовленнаго для себя противникомъ. Такъ и въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ и змѣѣ, пересказанной Трусѣвичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 4).— Вытащивъ изъ подземелья красавицу, выручennую богатыремъ, его товарищи обрубили ремни, на которыхъ поднимали его самого; онъ падаетъ, но впослѣдствіи выходитъ на бѣлый свѣтъ, вынесенный чудесной птицей.

По этому типу развивается вторая половина латышской сказки: Илинъ встрѣчаетъ поочередно трехъ великановъ: одинъ вырывалъ сосновый лѣсъ съ корнями, другой грудью горы обваливалъ, третій лежитъ въ морѣ, только голова на сушѣ, а борода длиною въ шестьдесятъ саженъ. Помѣрившись съ ними силой, Илинъ ѣдетъ съ ними въ товарищахъ. Старикъ съ длинной сѣдой бородой выходитъ изъ подъ земли, съѣдаетъ обѣдъ, изготовленный однимъ изъ товарищей Илина; только ему одному удается защемить голову хищника, который однако вырвался и ушелъ. Богатыри приходятъ къ пещерѣ, куда на ремняхъ спускаютъ Илина; тамъ дѣвица-красавица, дочь того старика, съ которымъ Илинъ и бьется, обмѣнявъ мѣстами, по совѣту дѣвушки, двѣ бочки, стоявшія на дворѣ, и испивъ изъ той, вода которой придавала силу. Развязка та же, что въ приведенныхъ выше сказкахъ: товарищи Илина вытащили красавицу и, принимаясь тащить его самого, обрубили ремни. Его выноситъ бѣлый гусь; нагнавъ измѣнниковъ, онъ отбираетъ у нихъ дѣвушку, на которой и женится.

Кавказскія сказки указаннаго типа представляютъ любопытное смѣшеніе ихъ обычной схемы съ — схемой Змѣеборца, такъ что мотивъ освобожденія является въ нихъ вдвойнѣ. Рустамъ

или Ломъ-Каци (чудесно-рожденный отъ яблока, отъ котораго вкусила мать) идетъ въ товарищахъ съ силачами: одинъ надѣлъ два жернова на ноги и мелетъ муку (либо догоняетъ зайца), другой, усѣвшись въ рѣкѣ, всю ее осушаетъ и т. д. Чудовище, великанъ похищаетъ обѣдъ у товарищей богатыря, который одинъ расправляется съ противникомъ. Слѣдуетъ спускъ въ подземелье, освобожденіе красавицы (либо трехъ красавицъ), которую товарищи и извлекаютъ, оставивъ богатыря. Предвидя измѣну, дѣвушка предупреждаетъ о томъ своего освободителя; въ сосѣднемъ покоѣ онъ увидитъ двухъ коней, воронаго и сиваго (либо бѣлаго барана и чернаго козла); коли перепрыгнетъ черезъ перваго, очутится подъ землею, коли черезъ сиваго, попадетъ на бѣлый свѣтъ. Оставшись подъ землею, богатырь перепуталъ эти указанія и очутился подъ землею. Старуха у которой онъ проситъ напиться, говоритъ, что у нихъ рѣкою владѣетъ чудовище, никому не дающее воды, кто не заплатитъ человѣкомъ; либо змѣя въ родникѣ, требующая за то ежедневно какого-нибудь подарка: сегодня очередь нести ее за царской дочерью. Богатырь убиваетъ чудовище, змѣя; вода покраснѣла отъ его крови; обмакнувъ въ нее руки, царевна прикладываетъ ихъ къ спинѣ богатыря, который потому и узнанъ. Когда однажды онъ покоился подъ деревомъ, видитъ лисицу или змѣя, подкрадывавшагося къ гнѣзду, чтобы съѣсть птенцовъ; онъ убиваетъ хищника, и благодарная птица выноситъ его на своихъ крыльяхъ [1]). По дорогѣ у него не достало для нея корму, тогда онъ отрѣзываетъ часть своего бедра и отдаетъ птицѣ, которая прячетъ ее подъ языкомъ; доставивъ богатыря и замѣтивъ, что онъ хро-

---

[1]) О мотивѣ: героя, убивающаго змѣя, и благодарной птицы см. у Cosquin, l. c. I, стр. 221; II, стр. 141 слѣд.; сказку объ Иванѣ—Удовкинѣ сынѣ (Южнорусскія былины, вып. II, стр. 51); Marianü, Ornitologia, I, 137 слѣд. и Radloff, Proben IV, стр. 26 слѣд., гдѣ птица Züzölö свила гнѣздо на семи тополяхъ, выросшихъ изъ одного корня, верхушки которыхъ она стянула вмѣстѣ. См. О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 273 и далѣе болгарскую сказку о Георгіи.

маетъ, она извергла кусокъ мяса, приставила, куда слѣдуетъ, помазала перомъ,—и нога выздоровѣла.

Я считаю вѣроятнымъ, что въ сказку о трехъ товарищахъ-братьяхъ Илья попалъ уже въ качествѣ змѣеборца, какъ св. Георгій-змѣеборецъ въ такую-же схему недавно изданной болгарской легенды [1]).

Георгій овчаръ, сильный какъ левъ; у него красавица жена и два брата, которые ненавидятъ его и, желая овладѣть его женою, бросаютъ его, соннаго, въ пропасть, гдѣ онъ очутился въ черномъ царствѣ: и царь и люди и овцы, которыхъ и здѣсь принялся пасти Георгій. Слѣдуетъ эпизодъ чуда: ламія залегала воду; коли дадутъ ей на пожраніе человѣка, вода течетъ, а то нѣтъ. Очередь дошла до царевны. Георгій обѣщаетъ освободить ее и передъ боемъ засыпаетъ, прося разбудить его; она не рѣшается его потревожить, слеза, канувшая ему на лицо, будитъ его. Ламія убита; разставаясь съ Георгіемъ, царевна дѣлаетъ ему на платьѣ знакъ кровью ламіи. Георгій ложится отдохнуть подъ деревомъ, по которому взбирается змѣя, чтобы пожрать птенцовъ, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ; онъ убиваетъ змѣю, и благодарная мать птенцовъ обѣщаетъ вынести его на свѣтъ; для этого пусть запасется хлѣбомъ, мясомъ и водою. Георгій идетъ просить о томъ царя, узнанъ по примѣтѣ, положенной на него царевной. Птица несетъ его, и Георгій кормитъ ее по дорогѣ; когда пищи не хватило, онъ отрѣзалъ себѣ кусокъ изъ-подъ ноги и далъ птицѣ: оттого у людей выемка подъ ступней.—Это такая-же légende des origines [2]), какъ и слѣдующая: вернувшись, Георгій задумалъ наказать братьевъ; идетъ съ ними въ лѣсъ, раскололъ дерево, велѣлъ братьямъ всунуть руки, чтобы разнять его, и когда тѣ такъ и сдѣлали, даетъ частямъ снова сойтись. Руки защемило: оттого у людей ладони плоскія.

---

[1]) Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, кн. I (Софія, 1889), Народни умотворения, стр. 118—120.

[2]) Сл. соотвѣтствующій эпизодъ въ южно-славянскихъ легендахъ о Дуклянѣ-Сатанаилѣ, Разысканія, вып. V, стр. 78 слѣд.

Братья Георгія извѣстны были уже автору поэмы о немъ, Рейнботу von Durne (XIII в.), братъ упоминается въ прологѣ къ Huon de Bordeau и у автора второго Титуреля (Разысканія, II, стр. 122); но они не враждебны герою. Такъ и въ португальской сказкѣ [1]), гдѣ Георгій является чудесно-рожденнымъ послѣ долгой бездѣтности родителей [2]): его отецъ поймалъ рыбу, которая научаетъ его—раздѣлить ее на шесть частей, двѣ пусть съѣстъ его жена, двѣ кобылица, а двѣ пусть онъ посадитъ за воротами сада (quintal). Жена родитъ двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ Георгій (Jorge), кобылица принесла двухъ жеребятъ, а въ саду выросли два копья. Возмужавъ, Георгій съ братомъ выѣхали на подвиги; разставаясь съ братомъ, онъ даетъ ему вѣтку (ramo de manjericão): когда она завянетъ, знай, что я въ опасности. Слѣдуетъ эпизодъ о змѣѣ, котораго Георгій убиваетъ, спасая царевну. Она назначена ему въ жены; въ это время братъ его замѣчаетъ, что вѣтка завяла, ѣдетъ къ Георгію, а онъ говоритъ ему: ты знаешь, что въ силу обѣтовъ, мною данныхъ, я не могу вступить въ бракъ; возьми голову змѣя и покажи королю; онъ подумаетъ, что ты убилъ чудовище, и выдастъ за тебя дочь. Такъ и сдѣлалось; а Георгій сталъ главнымъ военачальникомъ, много подвиговъ совершилъ для родины, а по смерти былъ канонизованъ.

Возвращаясь къ схемѣ о Георгіи-змѣеборцѣ и его непріязненныхъ ему братьяхъ и развивая сказанное въ другомъ мѣстѣ (l. c., стр. 123—4 и VIII, 331), я считаю вѣроятнымъ, что эта легенда-сказка знакома была автору поэмы о Вольфдитрихѣ, змѣеборцѣ, ратующемъ за красавицу (вдову Ортнита), крестникѣ св. Георгія, гонимомъ своими братьями. Для исторіи народной легенды о Георгіѣ получился-бы такимъ образомъ не лишенный значенія хронологическій моментъ.

Для пѣсенной хронологіи Ильи я могу высказать лишь нѣсколько гипотезъ, уже намѣченныхъ въ предыдущемъ очеркѣ.

---

[1]) Coelho, Contos populares portuguezes № 49.

[2]) Сл. Разысканія, вып. II, стр. 113 слѣд.

1) Въ основѣ лежали пѣсни болѣе историческаго характера: Илья боролся съ насильниками (Соловей, Идолище), освобождалъ княгиню, дѣвушку; отдѣльные эпизоды этого эпоса сохранились, въ той-же окраскѣ, въ отдѣльныхъ дошедшихъ до насъ былинахъ; внѣшняя связь установлена между ними новымъ кіевскимъ пріуроченіемъ Ильи: Соловей залегалъ ему дорогу къ Кіеву, Идолище являлось въ Кіевѣ въ отсутствіе Ильи. Первоначальная послѣдовательность могла быть такая-же, какъ въ сказкахъ типа: Соловей — Идолище. — Гдѣ представляли себѣ это Идолище? Былины знаютъ его въ Кіевѣ, Царьградѣ и Іерусалимѣ; оно — поганое, жидовское (такъ въ буслаевскомъ спискѣ былины «о семи богатыряхъ»), хотя, быть можетъ, не въ томъ смыслѣ, какое я придавалъ былинному Жидовину-нахвальщику, съ которымъ борется Илья.

Кстати о Жидовинѣ: г. Халанскій [1]) устраняетъ поддержанное мною отождествленіе его съ хазариномъ, основываясь на сербскихъ пѣсняхъ о Джидовинѣ, Джидичѣ — исполинѣ и врагѣ, на существованіи въ Сербіи и Болгаріи такихъ-же «джидовскихъ гробищъ», какія я указалъ въ Румыніи, наконецъ на томъ обстоятельствѣ, что сербы различаютъ жидъ: judaeus и — джидъ — gigas, болгары евреина отъ жидъ: gigas [2]).

---

[1]) Русскій Филологическій вѣстникъ 1890 г., № 7-й, стр. 1 слѣд.: Былина о Жидовинѣ.

[2]) Интересно болгарское преданіе о жидахъ-гигантахъ, недавно сообщенное Гинчевымъ (Сборникъ за народни умотворения, кн. II: Народни умотворения, стр. 161): жиды—первые люди на свѣтѣ, вышедшіе изъ земли, словно грибы. Высокіе и крупные, они ходя, спотыкались, падали и не могли болѣе встать. Особливо запинались они о «кжпину» (ежевика?), почему кланялись ей и приносили жертву. Грома они не боялись: когда змѣи начинали стрѣлять съ высоты огненными стрѣлами, жиды клали себѣ на голову камень, приговаривая: Каменная у меня голова! Что ты со мной подѣлаешь? — Такъ и теперь приговариваютъ болгаре, заслышавъ первый громъ. Видя, что жиды спотыкаются и падаютъ и не въ силахъ подняться, Господь извелъ ихъ. До сихъ поръ находятъ ихъ гигантскія кости.—Любопытный матеріалъ для преданія о жидахъ-гигантахъ сообщилъ недавно Илиевъ, Българскитѣ прѣдания за исполини, нарѣчени елини. жидове и латини, въ Сборникъ за народни умотворения, кн. III, Наученъ отдѣлъ, стр. 198 слѣд.; кн. IV, Науч. отд., стр. 231

Г. Халанскій предполагаетъ въ основѣ: gigas = гигъ («гигово поле» въ Видѣніи Исайя), откуда *джигъ и, по *созвучію*, между прочимъ, съ жидъ: judaeus,—джидъ, джидовина: гигантъ, имя и образъ котораго прошли, напр. черезъ запорожскихъ и донскихъ казаковъ, изъ сербской пѣсни въ русскую, гдѣ пристали къ готовому уже мотиву сходнаго содержанія. Но я поставлю вопросъ: богатырь - жидовинъ, какъ еврей, принадлежитъ - ли русскому усвоенію (ср. «жидовскую» могилу въ подольской губерніи на берегу Днѣстра), или уже южнославянскому? Замѣтимъ, что именно въ Болгаріи, гдѣ жидъ=gigas отличенъ отъ евреина, Кралевичъ Марко бьется не съ жидомъ, а съ желтымъ Евреиномъ, великаномъ [1]), что о Житовѣ или Жидовѣ гробѣ у Трнова разсказывается, будто въ немъ похороненъ жидъ = евреинъ, предавшій городъ туркамъ [2]), а въ сербской сказкѣ у Вука (№ 35) жидъ выступаетъ въ роли великана людоѣда. Въ томъ и другомъ случаѣ уравненіе: жидовинъ-казарпнъ остается въ силѣ: какъ въ южнослав. преданіи житъ или жидъ—великанъ уступилъ мѣсто жиду — еврепну, такъ у насъ мѣстныя этническія памяти могли пойдти на встрѣчу жидовину-великану, который явился въ образѣ еврея — хазарина (впослѣдствіи, быть можетъ, половца. Ср. Южно-русскія былины, вып. 2, стр. 371). — Основное значеніе житъ: жидъ остается по прежнему открытымъ; я считаю вѣроятнымъ, что и на славянскомъ югѣ оно перешло къ значенію исполина отъ какого-нибудь древняго народнаго имени, забытаго,

---

слѣд. Въ восточной части Болгаріи употребительны формы: жидове, житове, житовци; въ западной: джидове, джидавци, джидовци (первая статья, стр. 198): преданія о нихъ, распространенныя въ сѣверной Болгаріи, неизвѣстны въ южной, равно какъ и въ Македоніи (тамъ-же, стр. 199; ср. 2-ю статью, стр. 251).

[1]) Качановскій, Пам. болг. народн. Творчества, № 162. Ср. жѫлто Еврейче у Миладиновыхъ № 164. Ср. у Ильева (2-я статья, стр. 242 слѣд.) два болгарскихъ варьянта къ пѣснѣ у Качановскаго: въ одномъ вмѣсто Евреинѣ является «жѫлта́ Чифутпна», въ другомъ «жѫлта Баспргьа́на». Къ «жѫлто Еврейче» у Миладиновыхъ есть также варьянтъ: «момче Латинче» (Ильевъ, l. c., стр. 255).

[2]) Ильевъ, l. c. стр. 200.

какъ забыто было значеніе южно-славянскихъ же аламанъ = куманъ [1]).

Г. Илиевъ [2]) склоненъ объяснить жидъ-исполинъ изъ народно-христіанскаго обобщенія: евреи первые, сазданные Богомъ люди, отъ нихъ пошли другіе народы; первозданныхъ людей представляли себя исполинами, жиды и явились таковыми — и притомъ враждебными—подъ вліяніемъ другого христіанскаго представленія: о жидахъ гонителяхъ Христа, насильникахъ. Такимъ путемъ эпическій образъ великана, богатыря-жидовина могъ одинаково сложиться у русскихъ, сербовъ и болгаръ; знакомство послѣднихъ съ испанскими евреями дало имъ возможность открыть въ представителяхъ этой расы небогатырскія черты трусливости и т. д.; съ тѣхъ поръ и пошло отличіе въ словоупотребленіи: жида — gigas отъ евреина.

Толкованіе г. Илиева представилось бы вѣроятнымъ и мнѣ, еслибъ эволюція понятія: жидъ подкрѣплена была справками въ преданіяхъ и поэзіи неславянскихъ народовъ; аналогія развитія, которую мы вправѣ ожидать, если вѣрны построенія автора, подтвердила бы его выводы, ея отсутствіе указало бы на существованіе какихъ нибудь мѣстныхъ условій развитія и снова поставило бы насъ передъ открытымъ вопросомъ.

2) Вторую ступень развитія были объ Ильѣ, представляетъ сказка-пѣсня типа: Соловей — Змѣй. Она могла сложиться въ мѣстности, гдѣ популярны были легенды о змѣеборцѣ. Если вѣроятна догадка, высказанная выше по поводу Чоботка, то легенда объ Ильѣ-швецѣ ходила уже въ XVII вѣкѣ. Но я не стою за эту гипотезу, тѣмъ болѣе, что считаю образъ Ильи-змѣеборца болѣе древнимъ.

3) Такая пѣсня сказка объ Ильѣ, съ Соловьемъ и Змѣемъ и освобожденіемъ женщины, могла въ свою очередь дать планъ,

---

[1]) Сл. мою замѣтку въ Arch. f. slav. Philologie VIII, стр. 333—4. Иначе Дювернуа, Словарь болгарскаго языка, a. v. Аламанка девойна и Илиевъ, l. c. стр. 191.

[2]) L. c., 2-я статья, стр. 241—2, 251.

по которому нашъ большой стихъ о Егоріѣ Храбромъ разработалъ мотивъ его чуда съ змѣемъ.

Изложенное мною построено на трехъ посылкахъ: 1) сказка, какъ комплексъ — продуктъ постоянныхъ искаженій и приращеній изъ другихъ мотивовъ, но ея общія схемы (схема о змѣеборцѣ) крѣпки самимъ себѣ; съ другой стороны отсутствіе мѣстнаго пріуроченія не вызывало въ нихъ тѣхъ перемѣнъ плана, какія могли произойти въ составѣ былинъ вслѣдствіе ихъ циклизаціи вокругъ Кіева и Владимира; 2) Илья въ Ортнитѣ — внѣ связи съ Владимиромъ, и въ Тидрексагѣ — въ связи съ нимъ — не обличаетъ въ своемъ типѣ ничего фантастическаго, хотя, напримѣръ, въ нѣмецкой поэмѣ рядомъ съ нимъ уже стоитъ змѣеборецъ Ортнитъ. Это побудило меня предположить точкой отправленія болѣе историческій, трезвый типъ Ильи, отъ котораго и пошло дальнѣйшее развитіе; 3) вторая часть большого стиха о Георгіи не предусмотрѣна ни его житіемъ, ни стихомъ о чудѣ съ змѣемъ и Елисаветой; ея своеобразную схему (Нага — Змѣй) легче всего объяснить изъ сходной сказки объ Ильѣ (Соловей — Змѣй), элементы которой, особенно фантастическій образъ Соловья, издавна пристали къ Ильѣ Муромцу.

XXIII.

Къ развитію народныхъ представленій о Долѣ.

I.

Новыя данныя и указанія, сообщаемыя далѣе, легко распредѣляются по тѣмъ стадіямъ развитія народной идеи о Долѣ, которыя мы попытались установить въ предыдущемъ изслѣдованіи [1]): та-же идея непререкаемости судьбы въ сказкахъ типа Василія Безсчастнаго [2]) и о женитьбѣ Святогора [3]); что бездольному не въ прокъ ни чужая помощь, ни находка — о томъ разсказывала сербская сказка и повторяетъ албанская [4]); счастливые, какъ и бѣдовики, родятся: греки зовутъ ихъ καλοπόδαροι, κακοπόδαροι, стараясь, чтобы въ день новаго года καλοπόδαρος первый вступилъ въ домъ. Я сравнилъ ихъ съ сербскими полажайниками, южно-русскими полазниками [5]); у гораловъ имъ отвѣчаютъ под-

---

[1]) Разысканія, вып. V, гл. XIII.

[2]) Сл. Этнографическое обозрѣніе, кн. VII, стр. 80—3 (Сказка о Маркѣ Богатомъ) и Разысканія, вып. V, стр. 200; Rev. d. traditions pop. V, № 12, стр. 712 слѣд. (Les trois poils du diable).

[3]) Сл. варьянтъ у Малявкина, Станица Червленая, Этнограф. обозрѣніе, кн. VIII, стр. 136—7 и тамъ-же, стр. 260—1, библіографическія указанія.

[4]) Разысканія, l. c. стр. 230—1 прим. и Zs. für Volkskunde II, стр. 266—7 (Das Glück des Narren).

[5]) Разысканія, l. c. стр. 233—4.

лазники, gości którzy zwykle po pasterce przychodzą na podłazy, t. j. z powinszowaniem świąt; обыкновенно хозяинъ знаетъ, кто явится къ нему подлазникомъ и заранѣе о томъ напоминаетъ[1]). Интереснѣе отмѣтить распространеніе самого образа κακοπόδαροι, съ тѣмъ-же при немъ значеніемъ; дѣло идетъ о шотландскомъ суевѣріи: какой-то рыбакъ женился, съ тѣхъ поръ ему въ ловлѣ не везетъ; эту неудачу приписали худой, неудачливой ногѣ, mauvais pied, его жены (= κακοπόδαρος), и онъ сталъ такъ дурно обходиться съ нею, что принудилъ ее вернуться къ себѣ въ деревню. Другія рыбачки, также обладавшія подобнымъ несчастнымъ даромъ, всегда сворачивали съ пути, завидѣвъ рыбака, направлявшагося къ морю, либо занятаго какой-нибудь работой[2]).

Идея прирожденной судьбы развилась впервые въ отношеніяхъ рода, въ связи съ культомъ предковъ: славянскіе рожаницы, опредѣляющія долю новорожденнаго[3]), въ сущности — родовые маны[4]), какъ манами же являются и русалки[5]), вилы[6]), навы[7]) и соотвѣтствующія имъ образы сѣвернаго повѣрья:

---

[1]) Сл. Stefanija Ulanowska, Boże narodzenie u Górali, zwanych Zagórzanami, Wisła III, стр. 104—5.

[2]) Rev. d. trad. pop. IV, стр. 660—1.

[3]) Болгарскій переводчикъ Амартола передаетъ γένεσις=рожденица и рожденіе, εἱμαρμένη = рожденіе: τῇ τῆς εἱμαρμένης ἀνάγκῃ = рождьствьнѣимь прилоученіемь нужѧею, что не даетъ повода рѣшить, обособилась-ли для него рожденица въ самостоятельное демоническое существо (сл. Ю. Поливка, Этнограф. Обозрѣніе, кн. VIII, стр. 253—4). Впослѣдствіи это обособленіе совершилось; къ свидѣтельствамъ, уже собраннымъ другими (Разысканія, вып. V, стр. 178—9 и прим.), присоединимъ и слѣдующее изъ книги нарицаемой «Кааѳъ, сирѣчь съборникъ». Вопросъ: «Боудуть в лоузѣ ограды овцамъ? Отвѣтъ: Лоугъ наречеться рай, а ограды мѣста райскаѧ, а овцы вѣрнии людие, иже работаютъ Богоу, а не рожаницамь». Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Бесѣды трехъ святителей вмѣсто: «а не рожаницамь» — стоитъ: «а не дьяволу». Сл. Архангельскій, Творенія отцовъ церкви и т. д. I—II, стр. 147 и 164.

[4]) Сл. Разысканія вып. V, стр. 177 слѣд.; 180.

[5]) l. c. гл. XIV.

[6]) l. c. гл. XV, сл. выше стр. 61.

[7]) Сл. выше стр. 61 (гдѣ въ прим. 3 слѣдуетъ читать 180 вм. 280). Интересная латышская сказка о чертовой невѣстѣ, nāwe (съ мотивами Alvismál'я, сказаній о построеніи Асгарда и южнославянскихъ легендъ о Траянѣ), напечатана Вольтеромъ, Этнограф. обозрѣніе, кн. VII, 241—2.

Фильгьи [1]), валькиріи [2]), норны [3]). Mogk [4]) разбираетъ ихъ въ отдѣлѣ, посвященномъ древне-германскимъ повѣрьямъ о душѣ, нѣсколько выдѣляя норнъ изъ генеалогической связи, въ которой онѣ намъ представляются; по его мнѣнію древне-сѣверныя богини судьбы, норны, лишь *соприкасаются* съ валькиріями и лебедиными дѣвами. Я уже отвѣтилъ (Разысканія, вып. V, стр. 301 слѣд.) на подобное же мнѣніе Гольтера; можетъ быть, и этимологія норны отъ *norhni = узелъ, связь (*norh къ *snerhan = связывать) [5]) сохранила память о наузѣ, амулетѣ, и, далѣе, о пуповинѣ либо родильной сорочкѣ, fylgja, естественно связывавшей новорожденнаго съ судьбой его рода (сл. Разысканія, вып. V, стр. 185—6, 208 слѣд., 259).

Подобное сочетаніе дѣвъ судьбы съ родильной сорочкой или пуповиной представляетъ слѣдующій обрядъ цыганъ въ сѣверной Венгріи [6]): отецъ новорожденнаго или новорожденной выливаетъ на ложе три капли водки изъ бутыли, съ такими пожеланіями: «Одинъ и два и три! Будь ты всегда счастливъ! Приходили три урмы, одарили тебя красотою, потому пусть каждая выпьетъ, сегодня я хозяинъ». Три Урмы, невидимо являющіяся въ ночь передъ крестинами, даютъ долю ребенку; три капли водки, символически выражаютъ требу, которую кладетъ имъ отецъ; послѣ него выступаетъ мать: положивъ три кусочка хлѣба на ложе ребенка, она приговариваетъ: «Приходили три урмы, одарили

---

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 185.

[2]) l. c. гл. XV.

[3]) l. c. стр. 194.

[4]) Сл. Paul, Grundriss d. germ. Philologie I Band, стр. 998 слѣд.; стр. 1009 слѣд.; стр. 1014 слѣд. (Валькиріи); 1017 (Фильгьи); 1023 слѣд. (Норны).

[5]) Mogk. l. c. 1021. Имя валькиріи Mogk (l. c. 1014) связываетъ съ сѣв. valr: трупы, мертвецы. Иначе Henning въ Deutsche Literaturzeitung 1891, № 228: ahd. wal, англос. wal, сѣв. valr, всегда выражающіе коллективное понятіе, сравниваются съ греч. Fάλις: scharenweis, in Menge, ἄλις: confertus, congregatus, лит. (su)valyti: ernten, fortschaffen, reinigen oder (von Gott) die Menschen (im Tode) zu sich versammeln.

[6]) Am Urquell II: Wlislocki, Zigeunertaufe in Nordungarn стр. 19 слѣд.. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 195.

тебя красотою; будь ты всегда красивъ и здоровъ, и пусть всѣ покормятся, ибо сегодня я хозяйка».—Слѣдуютъ другіе обряды: новорожденнаго кладутъ на землю, сдѣлавъ вокругъ него новой деревянной ложкой ложбину, ибо земля даетъ ему силу—какъ о матеряхъ Геймдалла говорилось, что они вскормили его силой земли [1]); въ ложбину кладутъ немного угольной пыли, то и другое съ причитаніями. Если ребенокъ въ это время спокоенъ — это хорошій знакъ; если онъ плачетъ, то это означаетъ, что духи недуга уже вселились въ него, и ихъ надо изгнать. Тогда старшая изъ присутствующихъ женщинъ подаетъ старшему изъ присутствующихъ мужчинъ руку черезъ ребенка, тогда какъ мать бросаетъ въ жаровню кусочекъ пуповины, причитая: «Спаси насъ Боже и сохрани, мы подаемъ тебѣ тяжелую цѣпь, свяжи имъ недугъ, дабы онъ удалился отсюда». Цыгане зовутъ пуповину «Божьей цѣпью или вервью», она отгоняетъ отъ ребенка злыхъ духовъ, и его окуриваютъ ею, когда онъ заболѣетъ.

Урмы, наречницы [2]), Феи являются при рожденіи ребенка; еще въ XIV вѣкѣ Richard de Wadington обличалъ древнее суевѣріе, будто въ эту пору приходятъ три сестры и нарекаютъ новорожденному хорошую или злую долю [3]). Но онѣ же обходятъ веси и въ 1-й день Мая; въ Аррасѣ старухи поджидали ихъ на лугу съ требами; Adam de la Halle воспользовался этимъ мотивомъ въ своей бойкой Jeu de la Feuillie, своеобразно пріурочивъ къ сюжету и ту легендарную черту, что изъ трехъ Фей одна обойдена въ угощеніи (ей позабыли положить ножикъ), и къ дарамъ своихъ товарокъ прибавляетъ и свой, внушенный злобой [4]).

---

[1]) Сл. выше стр. 30.

[2]) Сл. о нихъ болгарскую сказку: Свети Илиіа и наречници, въ Сборникѣ за народни умотворенія, кн. I, отд. 2-й, стр. 110—111. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 190, прим. 1.

[3]) Rev. d. d. Mondes 1890, 15 Juin: Bédier, Les commencements du théatre comique en France стр. 877. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 191 слѣд. и 372 слѣд.

[4]) Bédier l. c. стр. 882; сл. Разысканія, вып. V, стр. 192—3.

Майскіе обходы фей-судицъ едва-ли не слѣдуетъ объяснить наслѣдіемъ той стадіи развитія, когда идея судьбы еще находилась въ тѣсной связи съ культомъ родовыхъ манъ. Именно весной имъ совершались тризны и они объявлялись на землѣ, какъ русалки, какъ κῆρες: души усопшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвы судьбы; ихъ присутствіе среди людей, ихъ наитіе было вредоносно; оттого къ аѳинскимъ анѳестеріямъ примыкалъ обрядъ изгнанія керъ: «вонъ отсюда, керы, кончились анѳестеріи» [1]); наши «проводы» русалокъ имѣютъ то-же значеніе: пусть не ходятъ, не заламываютъ жита, не портятъ людей; мы отмѣтили въ другомъ мѣстѣ аналогическій, люстральный характеръ болгарскихъ русалій [2]). Въ характеристикѣ этого обряда я воздержался-бы теперь отъ отождествленій русалій съ ларвами въ окруженіи Діониса [3]); точнѣе бы отличилъ объектъ обряда отъ его исполнителей: объектъ — это души, κῆρες, larvae, русаліи = русалки въ нашемъ русскомъ пониманіи слова; исполнители — русаліи болгарскаго и сербскаго обряда, сообщаемаго далѣе, отвѣчаютъ лицамъ, совершавшимъ обрядъ изгнанія керъ: они очищаютъ тѣхъ, кто подвергся наитію манъ, ими одержанъ, кѣмъ они овладѣли.

Это прекрасно объясняется описаніемъ весенняго русальнаго обряда, отбываемаго нынѣ лишь въ окрестностяхъ Звижда, пожаревацкаго округа, въ Сербіи. На biljani petak собираются въ пещерѣ у деревни Дубока молодежь обоего пола и старухи для выбора «кралицъ», которыя въ Троицынъ день и на русальной недѣлѣ выберутъ съ своей стороны русалій. Пещера наполняется пляшущими и пирующими; всюду разложены огни и царитъ веселье. Внезапно водворяется тишина: женщины становятся по одну, мужчины по другую сторону потока, протекающаго по пещерѣ, совершаютъ въ немъ омовенія, полощатъ и собранныя

---

[1]) Разысканія, l. c. стр. 181—2, 289.
[2]) l. c. стр. 280.
[3]) l. c.

лекарственныя травы, которыя хоронятъ въ мѣшечкѣ. По окончаніи омовенія выступаютъ пять красивѣйшихъ дѣвушекъ, во главѣ ихъ прошлогодняя кралица; пляша, они приближаются къ какому-нибудь женатому мужчинѣ, дѣвушки кладутъ ему на голову вѣнокъ, кралица вручаетъ мечь, всѣ схватываютъ его за поясъ и пляшутъ вдоль рѣки вокругъ собравшейся толпы. Начинается общій плясъ и ликованье; выборъ «русаліевъ» оконченъ.— На Троицынъ день народъ собирается у рѣки Дубоки; столики уставлены ѣдой, за которую принимаются не прежде, чѣмъ придетъ освятить ее священникъ. Затѣмъ всѣ встаютъ въ ожиданіи пяти дѣвушекъ и того мужчины, котораго они избрали въ пещерѣ; кралица одѣта особенно нарядно, съ вѣнкомъ на головѣ; у мужчины поверхъ шапки вѣнокъ изъ плюща и мечъ въ рукѣ. Онъ поетъ и пляшетъ вокругъ народа, за ними идетъ, играя, волынщикъ; мужчина идетъ впереди, испуская крики и выпѣвая: hop ša! jar a ša! hajde, draga, hajde! hajde bela hajde! Kako sat tako dovek! hop ša! jar ša! При этомъ онъ постоянно машетъ мечемъ надъ кралицей. Обыкновенно они три раза обходятъ все собраніе, затѣмъ, перерѣзавъ его накрестъ, становятся по срединѣ.

Внезапно нѣкоторые изъ присутствующихъ падаютъ въ мертвенное оцѣпененіе; посылаютъ за кралицей, и та, сопровождаемая своими, пляша приближаются къ тѣмъ, кѣмъ овладѣли русаліи (zanele je rusalije); волынщикъ становится въ головахъ, въ ногахъ предводитель съ мечемъ, а кралица съ дѣвушками пляшетъ вокругъ и поетъ:

Rusalico sejo naša!
Rusalijo cveće naše!
mila seko slavo naša,
o pomozi, blagoslovi!
Oj izbavi i podigni
dragu našu čedo tvoje,
da ti i ona pesmu poje!

Наступивъ ногою на пупъ одержимой, кралица продолжаетъ плясать и пѣть:

Oj pelene! gorko cveće,
isceli nam zlato naše!
podigni mi seju Milku,
neka skoči kao jelen,
nek povede kolo vito,
Silovito, ponosito!

Въ это время родственники вливаютъ полынной настойки въ ротъ больной, тяжело дышащей, отбивающейся локтями либо лежащей безъ движенія. Тогда дѣвушки, взявъ ее за руки и ноги, несутъ ее къ рѣкѣ, предводитель впереди, сзади кралица, потомъ волынщикъ. На пути поютъ:

Posuktaše vode silne,
pomoriše pola sveta,
podaviše sve što živi;
samo osta rajska bašta
i u njojzi rusalije;
cveće beru, vence grade,
Boga mole i govore:
Bogo mili, vodu stukni,
molbe su ni dodijale,
izgubiše mlade mome
i atlije i delije.
S kim će ostat Rusalije?

Омывъ больную въ рѣкѣ и убравъ ее полынью, они снова несутъ ее на мѣсто; кралица дѣлаетъ ей мечемъ знаменіе креста на лбу. Больная приходитъ въ себя и садится со своими [1]).

Значеніе обряда представляется мнѣ прозрачнымъ: сомлѣвающія, одержимыя—это тѣ, которыми овладѣли души, русаліи; ихъ слѣдуетъ очистить: такова цѣль болгарскаго и сербскаго обрядовъ; очистители также носятъ названіе русалій. Одержимый русаліями, стало быть, то-же, что одержимый вилами — навами: србск. вилован, виловит: бѣшеный, помѣшанный; νυμφόληπτος= одержимый нимфами, изступленный, помѣшанный; новогреч.

[1]) Krauss, Rusalije, Am Urquell, I, № 9, стр. 145 слѣд.

παρμένος (ἀπὸ ταῖς Νεράϊδες): схваченный нереидами, вслѣдствіе этого искалеченный, поврежденный тѣломъ или духомъ; судя по значенію, которое получило у греческихъ албанцевъ rusalji, заимствованное ими у румынъ: безпорядочная, грязная женщина [1]), можно предположить, что оно развилось изъ подобнаго-же значенія русалій.

Какъ представляли себѣ это одержаніе душами, на это отвѣчаетъ описанный Краусомъ [2]) обрядъ, въ пестрой ткани котораго каждая черта отзывается древностью. Если кто желаетъ навести на другого помѣшательство, поступаетъ такъ: дѣлаетъ изъ поджаренныхъ обрѣзковъ своихъ ногтей и свиной крови три катышка, называетъ ихъ какими нибудь дьявольскими именами и наканунѣ воскресенья въ полнолуніе кладетъ ихъ въ открытый сосудъ съ водою, который ставитъ на могилу ребенка, умершаго до крещенія. Ночью является дьяволъ, окупается въ воду и подуетъ на тѣ катышки; кто ихъ съѣстъ, у того они разовьются въ тѣлѣ въ чертенятъ, и когда они достигнутъ величины мыши, тотъ человѣкъ долженъ помѣшаться, povilenjati, т. е. его схватятъ вилы. — Посредство дьявола во всемъ этомъ, очевидно, позднее; древнимъ представляется: суевѣрный культъ ногтей въ связи съ представленіями о загробной жизни [3]); тождество вилъ съ навами (обрядъ, совершаемый на могилѣ некрещеннаго ребенка, имѣетъ цѣлью подвергнуть человѣка вліянію вилъ); представленія души—мышью [4]): души—вилы вселяются въ человѣка въ образѣ мышей. Сл. съ греч. νυμφόληπτος средне-и новогреч. νύμφη (въ схоліяхъ къ Аристофану), νυφίτζα въ значеніи ласицы, црквнсл. невѣстъка, србск. ласица, невѣстица, рум. nevástă, ит.

---

[1]) Сл. G. Meyer, Rusalja, Am Urquell, I, № 7, стр. 115—116.

[2]) Krauss, Volksglaube und religiöser Brauch der Südslaven, 1890, стр. 137.

[3]) Сл. выше, стр. 60—1; Вольтеръ, Этнографическ. Обозрѣніе 1890, № 3, стр. 141 слѣд. (литовскія повѣрья); Journal Amer. Or. Society XIII, стр. LIX—LXI: Jackson, W., On some Avestan superstitions and their parallels elsewhere (объ обрѣзаніи ногтей и волосъ).

[4]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 221, прим. 3 и Сумцовъ, Этнографическое обозрѣніе, кн. VIII, стр. 79 слѣд.

donnola (госпожа), баварск. muëmelein, ит. comadreja (кумушка), баск. andereigerra (andrea—жена); албанцы называютъ ее: женой брата; староангл. fairy (Фея). Отмѣтимъ ея появленіе въ числѣ образовъ «встрѣчи» (уже у Θеофраста), ея отношеніе къ родамъ въ миѳѣ о родинахъ Алкмены (Anton. Liberalis 29; Ovid. Metam. 9, 306 слѣд.) и французскую поговорку: кричать comme une belette en couches. — Все это матеріалы, пока неразобранные, но, быть можетъ, не лишніе для животной символики доли-встрѣчи.

II.

Какъ состояніе одержимости представлялось дѣйствительнымъ вселеніемъ «души» въ тѣло другаго человѣка, такъ реально переходила на него и чужая доля. Это выяснится въ связи съ слѣдующей группой южно-итальянскихъ представленій о судьбѣ.

Для Сициліи онѣ собраны были Pitrè въ послѣднемъ (четвертомъ) томѣ его Usi e costumi, credenze e pregiudizi del popolo siciliano (Palermo 1889). Вопроса о соотношеніи идей фаты, доли (sorti, mira), судьбы (destinu) онъ не касался; мы пользуемся сообщенными ими данными, чтобы ввести ихъ въ установленныя нами генетическія рубрики. Говорится о нареканіяхъ и дарахъ фатъ новорожденной (стр. 180); доля (стр. 199 слѣд.), счастливая или нѣтъ, неизбѣжна; стоитъ бездольному (malassurtatu) начать шапки шить, люди станутъ рождаться безъ головы, а для счастливца будутъ рождаться и о двухъ головахъ; бездольный броситъ въ воду соломенку, она канетъ на дно, а у другого выплыветъ и кусокъ олова:

Di quantu sfurtunati su'a lu munnu
Unu di chisti mi pozzu chiamari:
Jettu la fogghia a mari e mi va'n funnu,
Ad autru viju lu chiummu navicari.

За счастливаго работаетъ его доля (Sorti, e va' curcati), онъ и въ водѣ не тонетъ (Dammi sorti e jettami a mari). Гово-

рится, что долю даетъ Богъ (La sorti la reggi Ddiu); въ сказкахъ она является самостоятельнымъ существомъ, опредѣляющимъ людскую участь. Ее стараются умилостивить; въ первый понедѣльникъ мѣсяца къ ней прибѣгаютъ съ молитвою: пусть явится во снѣ, откроетъ будущее; если она не приснится, нечего ожидать отъ нея помощи. Одна дѣвушка, обратившаяся къ ней съ такой молитвой, видѣла ее во-очію: высокая, смуглая дѣвушка грозно глядѣла на нее и сказала: Не зови меня больше! Доля и смерть всегда съ тобою, куда бы ты ни пошла:

Sorti e Morti
Duvvi vai te la porti!

Съ тѣхъ поръ той женщинѣ никогда не везло.

Въ сказкахъ красавицамъ удается умилостивить ее дарами: такъ въ сказкѣ о Розинѣ и въ разсказѣ о Бездольной, Sfurtuna, сходномъ съ приведеннымъ мною румынскимъ [1]). Sfurtuna, седьмая дочь королевы, бездольная, становится невольной причиной бѣдствій для всей своей семьи. По совѣту одной старухи мать отсылаетъ ее отъ себя. Какая-то ткачиха пріютила ее. Ночью она видитъ, что ея Доля рѣжетъ ножницами ввѣренныя ей ткани. У лавочника, къ которому она поступила, случилось то-же: ея Доля открыла краны у бочекъ, и вино пролилось. Прачка, къ которой она перешла, поручаетъ ей выстирать бѣлье царевича; довольная работой дѣвушки, за которую царевичъ ее награждаетъ, прачка посылаетъ ее къ своей долѣ съ двумя хлѣбцами. Sfurtuna идетъ къ берегу и зоветъ Долю; та принимаетъ ее дружелюбно и указываетъ, гдѣ ей найдти и свою Долю, безобразную старуху пекарку, грубо встрѣтившую ее, когда она принесла ей свои хлѣбцы. Sfurtuna идетъ домой, опечаленная; въ другой разъ,

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 258—9. Галунъ сицилiанской сказки замѣнилъ собою нить румынской. Эту нить я объяснилъ, какъ брачную, сл. l. c., стр. 208 слѣд., 248, 259 и Liebrecht, zur Volkskunde, стр. 358, § 28. Къ приведенной мною (l. c. стр. 257—8) малорусской параллели сл. варьянтъ у М. К. Васильева, Антропоморфическія вѣрованія украинскаго народа, Этнографич. Обозрѣніе, кн. IV, стр. 92, № 4.

вернувшись къ Долѣ, она приласкала ее, вымыла, вычесала и получила отъ нея въ даръ ящичекъ съ кускомъ галуна. Когда на слѣдующей недѣлѣ прачка снова понесла бѣлье царевичу, застала его въ горѣ: къ платью его невѣсты не доставало куска галуна, а подобнаго ему нигдѣ не могутъ найти; Sfurtuna даритъ прачкѣ свой кусокъ, за который царевичъ обѣщаетъ заплатить вѣсомъ золота. Сколько его не клали на чашку вѣсовъ, галунъ все перевѣшивалъ. Царевичъ теряется въ догадкахъ; Sfurtuna разсказываетъ ему о своей долѣ—и выходитъ за него замужъ.

Сицилiанская mira, mera (греч. μοῖρα)—та-же доля; Raffaele Castelli опредѣляетъ ее: домашній духъ, покровитель [1]). Любопытно одностороннее, ухудшающее значеніе миры: недоли, несчастной судьбы; оно напоминаетъ такое-же развитіе понятій Фатума, Немезиды, Эринній [2]).

Слѣдующая сказка изъ Калабріи [3]) напоминаетъ сербскую у Крауса [4]): нѣтъ только Бога, дающаго сречу. Донъ Филомено посылаетъ бѣднаго сапожника Теста: пусть пойдетъ на гору, тамъ поляна, посреди нея утесъ; пусть позоветъ la Fortuna di ndo Filomeno, вручитъ ей письмо и передастъ просьбу Филомено: не посылать ему болѣе богатствъ, ибо онъ не знаетъ, куда ихъ дѣвать. Бѣднякъ исполнилъ порученія; Fortuna ('na fimmana tutta sudata, какъ работница) явилась на его зовъ и выслушала порученіе, съ которымъ онъ пришелъ. Въ это время выпалъ такой градъ, что вся поляна побѣлѣла; скажи Филомено, говоритъ Fortuna, что я пошлю ему столько золотыхъ, сколько здѣсь крупинъ града. Бѣднякъ желаетъ видѣть и свою Долю; позови ее, говоритъ ему Доля Филомена. Явилась женщина оборванная,

---

[1]) Къ другимъ итальянскимъ отраженіямъ fatum, сл. Simioni, I fatuzzi nella credenza popolare trapanese., Archivio per lo studio delle trad. popolari VII, стр. 337 слѣд.

[2]) Разысканія, вып. V, стр. 259.

[3]) La Calabria, Rivista di letteratura popolare, dir. da L. Brozzano 1889, № 2, стр. 15—16.

[4]) Разысканія, l. c., стр. 245—6.

съ всклокоченными волосами и гнойными глазами, видно, что лѣнивая. Теста жалуется ей; она причиной тому, что онъ спитъ на соломѣ, и его одолѣли вши. — Видѣлъ ты, какой выпалъ градъ? спрашиваетъ она: столько вшей я нашлю на тебя. Бѣднякъ погнался за нею съ камнемъ въ рукѣ, но она исчезла. Когда онъ вернулся къ богачу и разсказалъ ему, какъ было дѣло, тотъ сказалъ: Fortuna посылаетъ мнѣ богатство, я-же изведу его. Онъ велитъ скупить сколько было на рынкѣ сала и наполнить имъ амбаръ; велитъ скупить всѣхъ кошекъ, какія нашлись, и пустить туда-же: пусть ѣдятъ сало; но кошки его не трогаютъ, а ѣдятъ мышей и жирѣютъ. Тогда богачъ распорядился нагрузить саломъ корабль, взять и кошекъ, и то и другое сбыть гдѣнибудь съ убыткомъ. Его люди продали сало въ одномъ городѣ, гдѣ не знали его употребленія, кошекъ —въ другомъ, гдѣ не было житья отъ мышей (мотивъ извѣстной сказки о кошкѣ Виттингтона): то и другое другое за дорогую цѣну; нагрузили корабль золотомъ и серебромъ и привезли Филомено. Пусть моя Доля шлетъ мнѣ, что угодно, говоритъ онъ, я все прійму.

Долю можно измѣнить, говорятъ въ Абруццахъ: молитвою къ Богородицѣ, либо суевѣрнымъ актомъ, напр. сліяніемъ крови; кто совершилъ этотъ искупительный актъ въ пользу бездольнаго, зовется имъ не иначе, какъ San Giovanni, т. е. кумомъ, пбо вызвалъ его къ новой жизни. Напомнимъ, что въ Италіи св. Іоаннъ покровитель кумовства, compараtico, братства названаго; что въ его ночь гадаютъ о судьбѣ, долѣ; что актъ смѣшенія крови въ абруццкомъ обычаѣ, очевидно, имѣетъ тотъ смыслъ, что вмѣстѣ съ кровью кума переходитъ къ неудачнику и его доля-удача. Эта бытовая черта, пока не встрѣчавшаяся мнѣ въ циклѣ народныхъ повѣрій о долѣ, позволяетъ точнѣе отвѣтить на вопросъ, поставленный въ предыдущемъ изслѣдованіи (Разысканія, вып. V, стр. 225 слѣд., 229 слѣд. 231—233): въ цѣлой группѣ сказокъ бездольный молодецъ выходитъ изъ недоли, женившись на удачливой дѣвушкѣ, работящей и мудрой, иногда вѣщей, располагающей сверхъестественными силами. Я спросилъ

себя: какъ понять образъ дѣвушки, приносящей счастье бездольному молодцу? Что это: просто-ли дѣвушка, одаренная долей, или въ ней есть черты олицетворенной Сречи сербскаго повѣрья? — Я полагаю, что въ основѣ сказаннаго мотива лежитъ болѣе древнее, матеріальное представленіе: *пріобщеніе* къ чужой, родовой долѣ путемъ *брачнаго союза* съ другимъ лицомъ. Такой-же матеріальный образъ предполагается и *смѣшеніемъ крови* въ аббруцкомъ обычаѣ. Я объясню его себѣ въ связи съ слѣдующимъ половецкимъ: половецъ прокалывалъ себѣ палецъ иглой и выступившую кровь давалъ сосать тому, кого избиралъ себѣ въ постоянные спутники и друзья, послѣ чего сосавшій кровь своего товарища становился для него какъ бы собственною его кровью и тѣломъ — какъ вкушеніе отъ молока женщины устанавливало родственную связь между ея родомъ и вкусившимъ. Именно послѣднее, распространенное повѣрье показываетъ, что г. Кулишеръ [1]) былъ, можетъ быть, не въ правѣ, выразиться о половецкомъ обрядѣ, что въ немъ «опущена весьма важная подробность: о взаимности сосанія». Эта взаимность (смѣшенія, вкушенія, сосанія крови) дѣйствительно характеризуетъ извѣстный актъ побратимства, но она не представляется мнѣ существенной: уже одностороннее вкушеніе, сосаніе крови достаточно выражаетъ идею кровнаго, родоваго единенія; въ аббруцкомъ обиходѣ существенна не идея смѣшенія, а то, что кровь удачливаго попадаетъ въ тѣло безсчастнаго, а съ кровью передается и его доля.

Съ кровью—или другою частью его тѣла. Мы можемъ конструировать такое вещественное представленіе доли изъ цѣлаго ряда другихъ: ѣсть сердце врага, пить его кровь, обычныя угрозы дикарей-антропофаговъ, мотивируются представленіемъ, что вкусившій сердца храбреца усвоитъ и его храбрость; съ тою-же цѣлью ѣдятъ мозгъ, кожу со лба, глазъ, что со стороны сердца;

---

[1]) М. И. Кулишеръ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, Спб. 1887, стр. 101.

женщины вкушаютъ отъ мяса мужчины, чтобы получить его силу; Ямы на Амазонской рѣкѣ высасываютъ мозгъ изъ костей своихъ покойниковъ, чтобы ихъ душа перешла въ ихъ тѣло[1]); есть цѣлый рядъ сказокъ и легендарныхъ мотивовъ, что вкушеніе той-или другой части извѣстнаго животнаго (пѣтуха, рыбы, змѣи и т. п.) сообщаетъ человѣку чудесные дары и свойства и счастье. Слѣдующая малорусская сказка[2]) соединяетъ зооморфическіе образы фильгьи — или сречи съ идеей, что чужое счастье можно — съѣсть.

Былъ себѣ человѣкъ, узнававшій съ перваго взгляда, кто счастливый, кто нѣтъ, люди или скотина; дѣти у него были счастливые, одинъ только сынъ бездольный. Задумалъ парень жениться, батька останавливаетъ его, говоритъ, что дѣвка несчастливая. Когда сынъ все-таки женился, отецъ совѣтуетъ ему съ женой жить при немъ, а по смерти при старшемъ братѣ, ибо «вы обое нещаслывы». Но они не послушались, идутъ искать своего счастья: отдѣлились отъ батьки, поѣхали. На пути подобрали заброшеннаго щенка, купили земельки, устроились, а щенокъ сталъ доброй собакой. И повалило молодымъ счастье: за что ни возьмутся, все удается, «росте якъ зъ воды йде». Выписали они отца посмотрѣть на ихъ довольство. Пріѣхалъ онъ, дивится, не знаетъ, что и подумать: не видно счастливаго! Вечеромъ пригнали овецъ, за ними и собака; «ага! ось де щастя!» говоритъ старикъ — и проситъ убить собаку: лучше будетъ! Ни хозяева, ни пастухи не рѣшаются на это; нашелся, кто не пожалѣлъ собаки и убилъ ее. А старикъ смотритъ, что будетъ: подбѣжалъ къ убитой пѣтухъ, клюнулъ ее разъ и два. Старикъ доволенъ, говоритъ невѣсткѣ, чтобы она на другой день заколола пѣтуха и изжарила ему въ дорогу, да никому не давала-бы отвѣдать, а что въ немъ негодно, то закопала-бы. Хозяйка зажарила пѣтуха, побила сы-

---

[1]) Сл. Andree. Die Anthropophagie, Eine ethnographische Studie. Lpz. 1887, стр. 8 слѣд., 101 слѣд.

[2]) Кіевская Старина 1889, Апрѣль, стр. 196—199.

нишку, пристававшаго къ ней дать ему кусочекъ, но по просьбѣ сосѣдки все-таки дала. Старикъ былъ въ церкви; когда вернулся, увидѣлъ, что дѣло сдѣлано. Сѣли обѣдать; старикъ требуетъ, чтобы подали пѣтуха. — Да вѣдь онъ вамъ на дорогу! говоритъ хозяйка. — Такъ надо было сказать, а теперь можно и ѣсть его, ибо у васъ уже есть счастливый.—И онъ объясняетъ, какъ собачье счастье перешло въ пѣтуха, а теперь въ хлопчика. Живите и Бога хвалите: все ваше при васъ будетъ!

Среча — это, въ сущности, чья-то *чужая* доля, добрая или худая, овладѣвающая человѣкомъ, пріобщающаяся къ нему, навѣянная, награянная.

Вернемся еще разъ къ итальянскимъ представленіямъ о долѣ, чтобы разъяснить элементы народной сказки въ одной притчѣ, которую Боккачьо разсказалъ въ De Casibus Virorum illustrium, со словъ своего учителя, астронома Андалоне дель Негро. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я коснулся этой притчи и указалъ на ея отношеніе къ народнымъ идеямъ о долѣ [1]); теперь мнѣ яснѣе въ ней раздѣлъ между ея школьными и народно-поэтическими мотивами. Сцена открывается перебранкой между Fortuna и Paupertas; Нищета предполагаетъ для Fortuna'ы значеніе не столько судьбы, сколько счастья и богатства. Перебранка переходитъ въ бой; побѣждаетъ Paupertas и по уговору ставитъ свои условія побѣжденной.—До сихъ поръ мы на почвѣ школьнаго пренія (Debats et Disputes), въ родѣ извѣстныхъ средневѣковыхъ преній Поста и Масляницы, Синагоги и Церкви, Души и Тѣла и т. д. Во второй части притчи объявляется нѣчто новое: Fortuna болѣе не счастье, а судьба, Усудъ извѣстной сказки; въ ея вѣдѣніи находится Fortunium и Infortunium: сербская Среча и Несреча, добрая и лихая доля. И вотъ Paupertas рѣшаетъ: пусть Fortunium свободно ходитъ, куда пошлетъ его Fortuna, а Infortunium она обязана привязать на виду у всѣхъ и приковать цѣпями къ столбу, чтобы

---

[1]) Три письма Джьованни Боккачьо къ Майнардо де' Кавальканти (Спб. 1876), стр. 7—8.

ему нельзя было ни тронуться съ мѣста, ни переступить за чей-либо порогъ, развѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ его путы. — Если я не ошибаюсь, это опять сказочный мотивъ, какъ и самые образы Fortunium и Infortunium: я имѣю ввиду сказки, въ которыхъ бѣднякъ запираетъ, зарываетъ, забиваетъ въ дупло свою недолю; ему съ тѣхъ поръ везетъ; какой-то завистникъ выпускаетъ эту недолю изъ заключенья, полагая, что она снова привяжется къ бѣдняку, а она ухватилась за него самого [1]), какъ Infortunium овладѣваетъ тѣмъ, кто отвязалъ его.

Очень вѣроятно, что въ пониманіи Боккаччьо эти реальные мотивы сказки представлялись отвлеченнѣе, въ томъ смыслѣ, что всякій самъ навязываетъ себѣ лихую долю, въ ней повиненъ. Грузинская сказка [2]), которой я заключу этотъ обзоръ, пошла и еще далѣе: что злую долю можно исправить волей, трудомъ.

Жилъ былъ богачъ; его безчисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей бродили по горамъ безъ пастуховъ и присмотра, точно ихъ оберегала какая-то невѣдомая рука. Въ той-же странѣ жилъ одинъ бѣднякъ, неимущій и лѣнивый. Богачъ предложилъ ему приходить къ нему помогать при работахъ; онъ дастъ ему за то пару воловъ. Но лѣнивцу не до того: чѣмъ работать все лѣто изъ-за какой-нибудь пары воловъ, лучше угнать часть богачева стада — оно вѣдь ходитъ безъ присмотра, — продать въ городѣ и зажить счастливо. Онъ дѣйствительно отправился къ мѣсту, гдѣ паслись стада, но едва ближе подошелъ къ нимъ, какъ пронесся свистъ и пронзительный крикъ по горамъ. Стада вдругъ зашевелились, лошади заржали, лѣнивыя коровы оживились: раздался шумъ и весь скотъ, какъ вѣтеръ, слетѣлъ въ долину. Бѣднякъ стоялъ, какъ пораженный. Прійдя къ мѣсту сбора, онъ увидѣлъ среди стада крошечнаго человѣка, лицо котораго сіяло, какъ огонь; животныя проталкивались къ нему, желая

---

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 219—220.

[2]) Сл. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. III, стр. 49 слѣд. Сл. Разысканія, l. c. стр. 217 слѣд. и малорусскій варьянтъ, напечатанный г. Васильевымъ, Этнограф. Обозр., кн. IV, стр. 92—3.

облизать его. «Я счастье хозяина этихъ стадъ», былъ его отвѣтъ на вопросъ бѣдняка, а твое счастье тамъ на холмѣ, подъ кустомъ почиваетъ. Бѣднякъ идетъ искать его; долго не находитъ, и такъ какъ ему было лѣнь идти дальше, легъ и проспалъ до вечера. Вдругъ до него долетѣлъ стонъ: въ кустахъ извивался, какъ насѣкомое, совершенно высохшій безобразный человѣкъ. «Я твое счастье!» прохрипѣлъ онъ и отвѣчалъ на укоры бѣдняка: «Ты лежишь и почиваешь, я тоже лежу и сохну; встань, встану и я, проснись— я буду бодрствовать, трудись — дамъ богатство». — Бѣднякъ одумался, началъ трудиться; проснулось и его счастье, — онъ разбогатѣлъ и зажилъ счастливо.

XXIV.

Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ.

Мѣсто, занимаемое Видѣніемъ мниха Григорія въ житіи Василія Новаго, достаточно выяснилось изъ сказаннаго нами о составѣ житія въ V-мъ выпускѣ Разысканій, стр. 76 слѣд. Печатая впервые его греческій текстъ по ркп. Московской Синодальной библіотеки № 249, мы имѣли въ виду какъ его литературное значеніе, такъ и вліяніе, имъ обнаруженное на эсхатологическія представленія древней Руси, народнаго стиха и иконографіи. Русскіе изслѣдователи уже обратили вниманіе на эту сторону дѣла (Буслаевъ, Сахаровъ, Покровскій); желательны были-бы подобныя наблюденія и для славянскаго юга. На списокъ житія XV вѣка, сербскаго письма (румянц. муз. № 39—1470, изъ собранія Севастьянова), уже было мною указано (Разысканія, l. c., Приложеніе, стр. 4, прим. 1); текстъ отвѣчаетъ типу греч. синодальной ркп. № 250 (нач. Непостижнааго ба҃ ѡ҆ чловѣ҆чсцѣмь родѣ преблагааго чл҃вколюбиꙗ и бл҃гостини прѣмоудрьно и҆ неизреч҃нно строещиꙗ и҆же кь҃ сп҃сению дш҃амь нашимь); переводъ тотъ-же, что и въ архивскомъ спискѣ XIV—XV вѣка (Разысканія, l. c., Приложенія, стр. 4, прим. 1); тому-же переводу принадлежитъ и Видѣніе Григорія, выдѣленное изъ житія, какъ

«зѣло полезная повѣсть», въ сербскомъ сборникѣ, недавно описанномъ г. Поливкой [1]).

О литературномъ значеніи Григоріева видѣнія г. Сахаровъ [2]) говоритъ, что «съ поэтической стороны картина суда Божія въ житіи вполнѣ достойна того, чтобы сравнить ее съ Дантовой поэмой». Не заходя такъ далеко, нельзя не отмѣтить въ видѣніи широко задуманнаго плана, достоинствъ архитектоники; не все здѣсь указано преданіемъ, хотя вліянія болѣе древней эсхатологической литературы (Книга Эноха, Палладій и др.) несомнѣнно. Съ другой стороны непріятно поражаетъ растянутость изложенія, обиліе повтореній и море эпитетовъ, золота и свѣта, не всегда идущихъ къ дѣлу. Можно удержать сравненіе съ Божественной комедіей, сказавъ, что видѣнія Григорія могли-бы быть благодарнымъ матерьяломъ — для новаго Данте.

Я сказалъ объ архитектоникѣ видѣнія; её преимущественно я и буду имѣть въ виду въ слѣдующемъ пересказѣ. Въ основѣ его лежитъ греческій текстъ, напечатанный нами въ Приложеніи [3]), при чемъ приняты во вниманіе и отличія славянскаго перевода, восходящаго къ другой греческой редакціи житія [4]). Только знакомство съ этой редакціей позволитъ заключить, кому принадлежатъ сокращенія — сравнительно съ изданнымъ нами греческимъ текстомъ: славянскому-ли переводчику или его подлиннику. Сокращенія касаются реторическихъ мѣстъ, эпитетовъ, рѣчей,

---

[1]) Opisi i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. Priobcio Dr. Gjuro Polivka (оттискъ изъ Starine XXI, стр. 4). Inc. «Повесть sѣло полазнаа, wбаче и вьсакого страха и ужаса исплнена w страшнем и ужасьнем и грознем дне страшьнаго божиа втораго пришастьвиа, иже будѣть всем чловѣкомь, иже родише се на земліи. Видѣниѥ и wткрвениѥ светого wца нашего Григориа новаго, иже показа ему Господь Богь аггелом своим посланнїим ка нему». Г. Поливка любезно предоставилъ въ мое пользованіе копію съ этого текста.

[2]) Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 124.

[3]) За участіе въ исправленіи текста приношу живѣйшую благодарность проф. В. К. Ернштедту и Г. С. Дестунису.

[4]) Славянскій переводъ цитуется по Севастіановскому списку (Сев.), иногда съ указаніями на отличія Шафариковскаго (Шаф.).

завѣреній Григорія въ истинѣ всего, имъ видѣннаго и повѣданнаго; въ описаніи внѣшности грѣшниковъ сглажены графическія, характерныя подробности; опущена ссылка на житіе св. Григорія Агригентскаго, одна категорія осужденныхъ въ описаніи страшнаго суда и т. д.

На Григорія напали однажды религіозныя сомнѣнія: ему представилось, что іудейская вѣра и есть правая, угодная Богу, ибо и Авраамъ и Исаакъ и Іаковъ и Моисей и пророки оказались праведными передъ лицемъ Его. И вотъ Григорій отправляется къ Василію, жившему тогда въ Аркадіанахъ [1]); тотъ провидитъ и предупреждаетъ Григорія на исповѣди, упрекаетъ его за то, что далъ себя увлечь бѣсу, владѣющему «ипоподромикмь» (л. 21 об. ст. 2: τῇ τῆς ἱπποδρομίας δαίμονι), и старается разсѣять сомнѣнія ученика, но онѣ въ немъ остались, и онъ самъ проситъ наставника помолиться, дабы Господь наставилъ его—въ видѣніи. Оно было ему въ слѣдующую ночь [2]): ему казалось, что онъ стоитъ на покрытой травою полянѣ, дивится ея красѣ и благорастворенію воздуха, когда передъ нимъ предсталъ мужъ великаго роста и страшный, одѣтый въ бѣлую столу, съ бѣлымъ хитономъ

[1]) Приводимъ для сравненія съ греческимъ текстомъ (стр. 5—6), интересномъ въ бытовомъ отношеніи, соотвѣтствующее мѣсто славянскаго перевода (л. 21 лиц. ст. 1): «Бѣше же (Василій) на мѣстѣ тогда нарицаѥмѣмь 'Аркадиана. вь тъиже днь творѣше подромонъ коньчнеѥ уристаниѥ. идеже бѣ вьсь градь (l. c. ст. 2) сьбраісе; азже ѿ многых днїи ѡставиль бѣх таково позóрище. слишах ѡ сем' грозная словеса златустагѡ. и ꙗкоже идѣх кь стомоу ѡцоу, ꙗко да оувѣмь недооумѣнная, бых близь мѣста глемаго Дипинь. абьıе вьжеже се пламень вь срдци моѥмь, поноуждаѥ ме видѣти оуще понѣ и конѥмь прьвоѥ запоущенїѥ не вьзмогоу вьздрьжатисе ѿ таковаго помисла. и побѣждень бивь. вьзидох и видѣхь прьвоѥ запоущениѥ конемь. и потомь ѡтидох и придох кь прподобьномоу ѡцоу Василию». Дипинь отвѣчаетъ Δίιπνον греческаго текста (стр. 5), что слѣдуетъ читать Διίππειον или Διίππιον, Διίππιν. О немъ сл. Du Cange Constantinopolis Christiana, стр. 74: extitit praeterea in Milio Diippium, locus ita appellatus propter binos equos marmoreos vel lapideos ad aedem S. Phocae, quae postmodum S. Ioannis Theologi dicta est, a Phoca tyranno erectos (сл. l. c. указаніе на источники).

[2]) Сев. л. 24 лиц. ст. 1: Вь тоу же нощь лежещоу ми на ѡдрѣ моѥмь. — Отсюда начинается текстъ Шафариковской ркп. (Шаф.): Вь едину ѿт нощей лежещу ми на ѡдре своѥм.

поверхъ его, вооруженный желѣзнымъ жезломъ. Онъ напоминаетъ ему о его сомнѣніяхъ, бесѣдѣ съ Василіемъ, его просьбѣ къ святому: «греди оу҆бѡ҆ сь҆ мною҆, и҆ покажоу ти ѥди́ноу по ѥдиной коюждо вѣроу҆, и҆ котораꙗ҆ вѣра каковоѥ дрьзьновениѥ имать кь҆ Бо҃у» (л. 24 лиц., ст. 2). Облако подняло ихъ въ высь, гдѣ они очутились какъ-бы въ другомъ міру; когда облако отступилось отъ нихъ, они очутились стоящими на чудномъ неизреченнаго блеска полу («на стьклꙗнѣ поли҆» ib.); «и се҆ зборыи҆ мнозы҆ ѡгньны҆ юношь҆ словосло́вещы҆ вь Троици Ба҃» (24 лиц. ст. 2—об. ст. 1). Пойдя впередъ, они пришли на нѣкое мѣсто, «и҆же бѣше ѡ҆гнѥмь҆ Бж҃имь повито» (24 об. ст. 1), но то былъ не здѣшній огонь; онъ не жегъ, а скорѣе росилъ свѣтомъ; юноши «бѣлоризцы», которыхъ лица блестѣли паче солнца, ходили въ этомъ огнѣ, почерпали отъ него въ золотые сосуды и уносились въ безвѣстную высь. Это мѣсто духовнаго, божественнаго огня, размышляетъ Григорій, а юноши — ангелы, почерпающіе отъ него и воскуряющіе ѳиміамъ на вышнемъ жертвенникѣ передъ лицемъ Господа.

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, имъ представилась высокая гора, а на ней вышка, взобравшись на которую съ трудомъ они увидѣли подъ собою простиравшуюся на востокъ долину, седмерицею покрытую чистымъ золотомъ, отъ котораго исходилъ чудесный свѣтъ, наполнявшій воздухъ. Когда свѣтъ удалился, они узрѣли къ востоку дивный градъ, который авторъ пытается описать вкратцѣ, сознавая недостаточность своихъ силъ и неизреченность видѣннаго. Описаніе развиваетъ видѣніе вышняго Іерусалима въ Апокалипсисѣ гл. 21; спутникъ Григорія толкуетъ ему, что это новый Сіонъ, небесный градъ, вышняя митрополія, градъ христіанъ, новый, небесный Іерусалимъ, успокоеніе праведныхъ; Христосъ устроилъ его, по прошествіи 40 дней по воскресеніи, своимъ ученикамъ, апостоламъ, пророкамъ и всѣмъ вѣрующимъ въ св. Троицу, какъ учили Отцы семи вселенскихъ соборовъ; тотъ-же, кто исповѣдуетъ Отца и Сына, а кощунствуетъ на Духа Свята, на вѣки осужденъ будетъ въ геенну огненную.

Такъ говоритъ спутникъ-ангелъ; а Григорію представляется новое видѣніе: посреди града высокій холмъ, пламенѣющій, какъ раскаленное желѣзо либо мѣдь; на немъ крестъ, сіяющій огнемъ, освѣщая воздухъ; большой, бѣлый, какъ снѣгъ, голубь летаетъ надъ нимъ, испуская неизреченный свѣтъ, вселяя въ сердце духовную любовь и божественную радость. Онъ опустился на крестъ; повернулся, и какъ отъ раскаленнаго желѣза разлетаются искры, такъ и отъ него, точно алыя розы и бѣлоснѣжные цвѣты разсыпались въ воздухѣ.

Вотъ, съ высоты, точно молнія, спустился на огненныхъ крыльяхъ юноша, что-то уготовляя, будто престолъ царю и войску, имѣющему явиться въ градъ. За нимъ явился другой юноша (25 об. ст. 2), «прѣстоль страш́нь и҆маѥ, ѥгоже оуготовы̑ гредоущемоу̑ цр҃евы̑. Слишахом́же гл҃ась гл҃ющь: Цр҃ь великь и страш́нь хощеть прити̑ вь градь сы̑ сь̑ славою̑ великою и м́ногою. И е҆щѐ (л. 26 лиц. ст. 1) кь̑ сима зрѐщима нама и сѐ четиры̑ юноше вьслѣдь сь̑ висотъ гредѣхоу, дрьжеще по свѣщи (ἀνὰ μίαν λαμπάδα) велицѣи̑ страшнимь ѡ҆гнѥмъ гореще. и҆же ѥдиногл҃сно вьзоупише: Вьсиꙗ̀ бл҃гть т́воꙗ, г҃и, и҆ приде сла҃в сти̑ны твоꙗ вь вишнаꙗ̑, сн҃е живаго̀ ба҃ (Шаф. придѣ слава светых твоих вишьны сыне живаго бога; ἡ δόξα τῶν ἁγίων σου). По сихже видѣховѣ, и сѐ ѥтерь юноша сьниде вь гра̑ ѡ҆ньь̑ гл҃ѥ: сѐ соуть (Шаф. судіи: κρίσις) вьскрешениѥ мрьт́вимь и вьз̑аниѥ ѿ праве́днаго соудиѥ̀ чл҃вкомь прииде. И̑ по сы̑ ви́дѣховѣ сѐ стльпь ѡ҆ѓньнь исхожда̀шѐ свише, из̑ь негоже гл҃сь стра́ннь (Шаф. страшань) слишашесе и ѡ҆ѓнь испоущаше по в́семоу̑ вьз̑оухоу, и҆ тьь̑ не ста̑ на̑ градомь ѡ҆нѣмь, нь̑ нѣкоѥю̀ пропастию̀ (ὀπῆς τινὸς ἀνοιγείσης αὐτῷ ἐπὶ τοῦ δαπέδου ἐκείνου, εἰς ὅπερ ἱστάμεθα) сниде вь мирь̑ и розлиꙗсѐ на четиры начела̑ сиꙗѥ̀, блистаѥсе (Шаф. и) прикосноусе четире̑х край̑ твари. И сѐ гл҃сь вь всѐмь мирѣ гл҃ѥ: (26 лиц. ст. 2) Сѐ сьдѣтел́наа̑ сила вишнѣго̀ прико́сноусе всѣ̑ чл҃вч́скыхь̑ кости, сьбра́нны̑ѥ кости да сьбероут́се, вса̑ка кость кь̑ кости̑ и҆ ставь кь̑ ставоу̑ и чл҃ань кь̑ чланоу своѥмоу̑. И ещѐ видѣховѣ, и сѐ инь̑ юноша бѣло̀ѡбра́знь дрьже вь роу̑цѣ сво́ѥи сви́тькь̑ ѡ҆ѓньнь и

посланиѥ гн҃ѥ послан́ноѥ къ҆ Сотонѣ. Гл҃ашеже ꙗко скончасе цр҃тво ѥго, цр҃твовав́шоу ѥмоу҆. г҃. лѣ҃т по в҃сеи҆ зем́ли (въ греч. текстѣ лишнее: юноша спустился не въ городъ, ἀλλα κατόπιν ἀφίκετο τοῦ πυρινοῦ στύλου ὡς ἐπὶ τὸν κόσμον παραγενόμενος ἔνθα ὁ δηλωθεὶς Σάταν ἐβασίλευε). И ста҆вь прѣ҃д Сотоною и прочта҆ посланиѥ ѥмоу ѿ Бг҃а и ѥмь҆ ѥго̀ сь҆ крѣпостию҆ в́лачеше нѥго изь цр҃ьскы҃х д́воровь̀ и положи ноз҃ри ѥ҆го̀ на краи земльнѣмь҆, да из́блюѥть и и҆зврьжетъ всоу҆ злобоу҆ и погибѣлъ҆ и т́лю, гнѣвь и неистовьство (Шаф. неситьство) и ꙗро҃ и҆ вь҆сь ꙗдь҆ и всакоѥ нечести҃ѥ и в́сакыѥ ѥ҆реси, ꙗко исконьчасе приближенїѥ (Шаф. приближи се скончаниѥ и) (л. 26 об. ст. 1) хощешь сьжьжень бы҃т сь всѣми воиньстви ѥго̀».

Между тѣмъ новые сонмы небесныхъ силъ на огненныхъ, крылатыхъ коняхъ, испускавшихъ пламя ноздрями, сошли по воздуху, не въ тотъ городъ, а на землю (εἰς τὸν κόσμον), откуда послышались вопль и рыданія, ибо ангелы гнали повсюду и закалали всѣхъ, прельстившихся Антихристомъ во время царствія его. И вотъ другое безчисленное благообразное воинство сошло на землю, уготовляя престолъ Господу и все нужное для пришествія его; за ними спустился съ высоты юноша «нѣкто҆ славньь҆» (ἐνδόξως), названный впослѣдствіи архистратигомъ Михаиломъ, въ царской одеждѣ, съ трубою въ рукѣ, за нимъ двѣнадцать юношей, одѣтыхъ также, какъ и онъ, и также съ золотыми трубами. Когда затрубилъ арх. Михаилъ, потряслись всѣ концы земли; затрубили другіе, и задрожала земля, разверзлись гробы и «вьзидоше жилы҆ и пльты҆ на кости лежещы҃х вь гробѣхь ѿ вѣка чл҃вкьь, дх҃ь животнь не бѣ вь ны҆хь» (л. 27 об. ст. 2).

По второму гласу архангела гробницы, распавшись, какъ ледъ отъ удара грузнымъ камнемъ, извергли тѣла цѣлыя и невредимыя; сонмы юношей, многочисленные какъ морской песокъ и персть земная, быстро спустились съ высоты къ мѣсту отвѣчнаго упокоенія человѣческихъ душъ, дабы къ каждому тѣлу привести его душу. Въ третій разъ затрубилъ архангелъ, и содроглись небо и земля, и всѣ умершіе встали, земля и море и рѣки,

лѣсъ и озеро отдали своихъ покойниковъ и всѣ, мужчины и женщины и дѣти были одного возраста и вида — и пола (Сл. τὴν τῶν θηλείων ἐναλλαγὴν πρὸς τὸν ἀνδρώδη μετασχηματισμόν). Лица однихъ сіяли, у иныхъ больше, у другихъ менѣе, «ꙗко же рече апⷭ҇лъ (27 лиц. ст. 1): звѣзда звѣзды лоучьши славою. И нѣкыих лїца сїꙗхоу ꙗко лоуна вь мрачноую нощь, дроугыхже лица ꙗко днев҇ни свѣть, иныхже ꙗко желѣзо раждженo искрїи поущаѥ, дрꙋгымже ꙗко слн҇це, нѣкымже ꙗко снѣгь, дроугымь ꙗко вльна бѣла, дроугымь бѣла й роумена ꙗко и цвѣть. ѥдиномоу комуждо ихь грамаѳ (Шаф. книжице) мльниѥѡбразна над брьвьма на челꙗ написана бѣше, ꙗвлꙗющи коѥгождо добродѣтели». На челѣ одного написано было: пророкъ Господень, у другого: апостолъ, правѣдникъ, проповѣдникъ и т. д.—Рядомъ съ этимъ сонмомъ—другой, многочисленный, ибо на тысячи и десятки тысячъ грѣшниковъ едва приходился одинъ праведникъ, и также являвшій въ своемъ образѣ показаніе дѣлъ своихъ (27 л. ст. 2): «нѣкыих бѣхоу лица, ꙗко прьсть с пепеломь землꙗ смѣшена, дроугымь ꙗко смрадьнь калъ на лицы ихь (Шаф.: на улицах: ἐπὶ τῶν πλατειῶν), инѣмьь гноꙗна и тина и скаредна зѣло, дроугыих изь гнила ꙗко мрьтвь пьсь чрьвьми кыпеще, и другымь, ꙗко каломь и мо (28 л. ст. 1) тиломь (Шаф. мотилы) помазана бѣхоу лица, ѡвѣмже ꙗко кожа желвина ѡчрьнѣла (Шаф. ѡчрпала), иже и ѡчи гнои испоущахоу ꙗко же троудовить недоугь имоуще (Шаф. трудовити и недугы имуще)[1]), нѣкымь же чрьна, ꙗко и самомоу Сотонѣ[2]), а дроугымь испо́лоу почрьнена бѣхоу, дроугымже, ꙗко кожа

---

[1]) Сл. греч. текстъ: τῶν δὲ ὑπῆρχον ἐξοστρακωμένα ὥσπερ χελώνης τὸ ἐπίλεπον ὧν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ (ὡς ἐξοιδοῦντος τραύματος) ἕλκος ἐξέχεον. (καὶ ἄλλων μὲν) οἷα τὰ τὸν ἱερὰν ἐχόντων νόσον, οὓς καὶ λωβοὺς καλεῖν οἶδεν ὁ λόγος.—Λώβα=λέπρα

[2]) Опущено: τισί μὲν ὑπῆρχον οἷα τὰ τῆς Ἀκραγαντίνων τιμωρίας ἣν ἔπαθον θεοκρίτως οἱ τὸν ἅγιον Γρηγόριον συκοφαντίσαντες. Сл. Леонтіево житіе св. Григорія Агригентскаго (у Migne, Patrol. gr. t. XCVIII, стр. 688): καὶ τὸ δὴ πέρας, μετ' ολίγον διεσχίσθη ὁ γνόφος ἐπάνωθεν αὐτῶν, καὶ ἐφάνησαν τὰ πρόσωπα αὐτῶν μεμελανωμένα, τῶν δὲ καὶ ὁλόκληρα τὰ πρόσωπα ἐμελανώθησαν. Σαβίνου δὲ καὶ Κρησκεντίνου καὶ ἑτέρων πολλῶν οὐ μόνον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἐμελανώθησαν, ἀλλὰ καὶ τὰ χείλη αὐτῶν κατηνέχθησαν, ὥστε μόλις αὐτοὺς δύνασθαι περισφίγξαι αὐτὰ εἰς τὸ λαλῆσαι.

ӑспидова̀, иным́же, ꙗко ӗхид́нова, дроўгымь, ꙗко дымена (?) зелена (Шаф. дим зелена), инѣ́мже ꙗко кожа ош́лꙗ, и̇ и̇ны̆мь гноꙗна бѣхоў смрьдеще ѿ ногоу до главы̆, иниѥ кръ̆вью мн́огою ѡ̆крьвав́лены̆ бѣхоу скареды̆и (Шаф. скареднїи), нѣци же вь ны̆ вь свинїѥ кожи ѡ̀бльчены̆, иный̆ см́рьдеще помазаны̆ бѣхоу пѣнамы̆».

Увидѣвъ себя такъ преображенными, грѣшники стыдятся, хотѣли-бы скрыться и бѣжать, но въ толпѣ имъ ни двинуться, ни повернуться, нѣтъ возможности даже посмотрѣть, кто стоитъ рядомъ и тѣснитъ — и они начинаютъ плакать: Увы намъ, бѣднымъ, ибо насталъ послѣдній день по пришествіи Христа, истиннаго Бога нашего!—Это грѣшники-христіане.—Было тамъ неизчислимое множество другого народа: слыша другихъ плачущихся и сѣтующихъ, они смущены; это язычники, не слышавшіе ни о Моисеевомъ законѣ, ни объ Евангеліи. Кто это Христосъ, котораго онѣ называютъ Богомъ, ожидая отъ него суда и кары? спрашиваютъ они. Мы никогда о немъ не слышали, служили вѣрно и преданно своимъ богамъ. Если они воззвали насъ къ жизни — намъ бояться нечего; если Христосъ воскресилъ насъ, горе намъ грѣшнымъ и несчастнымъ!

Такъ утѣшаютъ себя и евреи: если Господь отцевъ нашихъ, Авраама, Исаака, Іакова и Моисея воскресилъ насъ, великое намъ будетъ благо; если судьей явился сынъ Маріи—увы намъ! Они поминаютъ все злое, что они сдѣлали ему, но утверждаютъ свое невѣріе въ него: онъ такой-же человѣкъ, какъ и мы, и пришелъ не судить, а быть судимымъ наравнѣ со всѣми; если мы узримъ его здѣсь, мы обличимъ его, какъ лжеца и обманщика.

Видѣніе еще разъ возвращается къ язычникамъ, вѣровавшимъ «[В]аалу и Астарти и Ас[т]ароту и двема златима телцем» (Шаф.). Въ Севастьяновскомъ текстѣ здѣсь чтеніе испорчено; надписаніе этого отдѣла въ ркп. Шафарика («Іудѣи иже идолом послужише ѡ сих чати») объясняетъ, что дѣло идетъ не о язычникахъ вообще, а о іудеяхъ, совратившихся къ идолослуженію.

На челѣ всѣхъ грѣшниковъ начертано ихъ прегрѣшеніе: (28 об. ст. 2) «на нѣкыⷯ оубо ꙗвлꙗхоусе писаніꙗ, аще моуже оубиице, ащели жено оубиице, на (29 л. ст. 1) дроугыⷯ же крьвомесци и крьвωмесице, на дроугыⷯ прѣлюбодѣи и прѣлюбодѣица и блоуникь [и блоудница], на ωвѣⷯ тать и татица, и абык лъжь (Шаф. лажаць) и лъживица, на дроугыⷯ идолослоужитель и идолослоужителница, на иныⷯ вльхвь и вльхва, на инѣⷯ пꙗницць (Шаф. пиꙗнаць) и пиꙗница, и миѳарь (Шаф. митарь) и хищникь, на дроугыⷯ мужеложникъ (Шаф. мужеложникь и детогубаць и дѣтогубица, на инех скотоложнїикь, на другиих помазателык злу), на инѣⷯ злоу помитель и завистникь и гнѣвь имоущыⷯ (Шаф. гневьливь) на иныⷯ гоудьць и смьчникь (Шаф. измыслникь и свирачь) и клеветникь, на дроугыⷯ мрьтвимы вльхьвоук, на инѣⷯ соуровь и ꙗрьь, злωсрьдъ, немлтивь, на дроугыⷯ срѣбролюбць и златолюбць, на иныⷯ кретигь и арїань, дхоборць, манихей, савелїань, павликыїанїнь, ꙗковитїнь, ωргенїть (Шаф. ωрїгень), мароусаꙗнїть (Шаф. Маркиань), *бгωмилинъ*». Переводъ опустилъ здѣсь иконоборцевъ греческаго текста (появляющихся впрочемъ далѣе), но приставилъ богомиловъ. Всѣ они предавались нескончаемому плачу и били себя по челу, ибо знали святое писаніе и то, что назрѣли плоды ихъ прегрѣшеній.

Новые сонмы спускаются съ высоты, воспѣвая небесную пѣснь; среди нихъ видѣнъ крестъ, деревянный по существу, но искрившійся и испускавшій божественный свѣтъ, точно солнце днемъ. Дойдя вмѣстѣ съ тѣми сонмами до мѣста, гдѣ уготовленъ былъ Господень престолъ, онъ сталъ въ высотѣ, видимый всѣмъ воскресшимъ изъ мертвыхъ. Узрѣвъ его въ такой славѣ, евреи исполнились страха, трепета и стыда, плачутъ и сѣтуютъ. Видишь-ли, что съ ними сталось при видѣ креста! говоритъ Григорію ангелъ; что-же будетъ, когда они узрятъ самаго Распятаго?— Тѣ евреи, что родились до пришествія Христова и не знали крестнаго знаменія, недоумѣваютъ, откуда это смущеніе, спрашиваютъ другихъ и, не получая отвѣта, сами заражаются ихъ горемъ и также издаютъ вопли.

Страшный гласъ раздался съ высоты небесъ: то двинулись небесныя силы, предшествуя явленію Судіи; «чинове чиновьѣ и воиньства во́инст́вь» (29 об. ст. 2). Сначала сошелъ одинъ сонмъ, потомъ другой и третій; сошли и стали на лицѣ земли вокругъ мѣста суднаго. Не бойся, говоритъ Григорію ангелъ: Это мои сослужащіе, мои братья («дроўзы мои̇ й ќлѥврѣти соўть», l. c.)—и онъ велитъ ему быть внимательнымъ, на пользу свою и другихъ, ко всему, имѣющему совершиться. Всѣхъ предстоящихъ людей обуялъ трепетъ; настала глубокая тишина,—за нею такой громъ и молнія и крики и вопли, что земля содрогнулась и люди умерли-бы, еслибъ не обладали безсмертіемъ; лишь тѣ, что были съ свѣтлыми лицами, были веселы и радостны. Новые полки, высокіе и славные, многоочиты, сходятъ, испуская пламя отъ лица своего; отъ ихъ ненаглядной красы горитъ воздухъ, всѣ дивятся ей. Сойдя въ тишинѣ и молчаніи они стали на мѣстѣ судномъ, окруживъ предшествовавшіе имъ полки. Страшатся идолослужители и евреи, родившіеся по явленіи Христа и съ трепетомъ взирающіе на снесенное съ небесъ знаменіе креста; тѣ-же изъ евреевъ, которые родились до пришествія Христова и не покланялись идоламъ и Ваалу, радовались. Измаильтяне и агаряне (Срацинїи Изьмаильтины 30 л. ст. 1) обнаруживали, до снесенія креста, жестокодушіе и гордыню, называя Авраама отцемъ своимъ, величая бога-творца земли и неба и великаго его пророка Магомета (l. c. велика нѣкоѥго бг҃а шетающесе именовахоў), на котораго возлагали надежды спасенія. Узрѣвъ крестъ, они «гор́ко ридающе стоꙗхоў и вь оужасѣ о̆умьѣ погоубыв́ше» (l. c.), ибо познали свою гибель и что они напрасно презрѣли проповѣдь христіанства; и были лица ихъ (30 лиц. ст. 2) «скврьн́на и бан́ны смрадь (Шаф. баньныє смради) испоущахоу (ἀπὸ προσώπου αὐτῶν ἐν τῷ ἀγωνιᾶν αὐτοὺς ἀντὶ ἱδρώτων ὡς ἀπὸ καλάμου δυσώδης δυσωδία ἐξεπέμπετο). Вѣрные христіане ликуютъ при лицезрѣніи креста, на которомъ Господь пожелалъ быть распятымъ, низринувъ имъ князя Смерти. Они стыдятъ и уличаютъ іюдеевъ и агарянъ.

И вотъ свѣтлое облако, среди котораго многобразно сверкала молнія, спустилось на крестъ, скрывъ на нѣкоторое время его вершину; когда оно снова воспарило, надъ крестомъ объявился въ воздухѣ вѣнецъ драгоцѣнный, страшный, многоцвѣтный, непостижимо для человѣческаго разумѣнія сотворенный господней рукою отъ духовной любви и мысленныхъ камней (30 об. ст. 1 ты̏соущамы оупьщрѐнь мьчта̏никмь). Его видъ приводитъ въ трепетъ іюдеевъ и идолопоклонниковъ, гонителей христіанъ и агарянъ и измаильтянъ; христіане же исполнены неизреченной радости.

Громъ и молнія пуще прежнихъ, явленіе ангеловъ и архангеловъ еще болѣе славныхъ и страшныхъ, наполняютъ страхомъ не только грѣшниковъ, чающихъ пришествія праведнаго судіи, но и самихъ ангеловъ: имъ-бы радоваться и ликовать, но они соболѣзнуютъ о насъ. Прибывъ на мѣсто судное, они обступили, вмѣстѣ съ другими, ранѣе ихъ явившимися, престолъ Господень, стоявшій въ воздухѣ, на высотѣ какъ-бы сорока локтей; и сами они стоятъ на воздухѣ, ожидая явленія праведнаго судіи. — Четыре ангельскихъ сонма сходятъ съ высоты, распредѣляясь по частямъ свѣта; тотъ, что̀ сталъ на западѣ, обращенъ лицемъ на востокъ. Еще четыре сонма: одинъ бѣлый, какъ свѣтъ, другой алый, какъ роза (чрьлень ц́вѣть 31 лиц. ст. 1), третій блестящій, какъ золото, четвертый снѣжнаго блеска упещренъ всякими цвѣтами. Сойдя въ средину поднебесной, они расходятся по четыремъ краямъ земли. И была земля полна людей, воздухъ небесныхъ силъ.

Внезапно онъ наполнился въ высотѣ различныхъ цвѣтовъ, пахучихъ розъ и духовныхъ лилій, по истинѣ мысленныхъ и небесныхъ: пошли огненные полки, шестокрылатые Херувимы и многоочитые Серафимы, и было среди нихъ Слово Божіе, и были фіалы, наполненные неизреченныхъ ароматовъ и божественнаго мѵра; отъ славословія нисходящихъ ангеловъ, которому отвѣчали стоявшіе на землѣ, потряслись небо и земля; также спустившись на чело земли, огненныя колесницы, шестокрылатые Херувимы и

многоочитые Серафимы обступили божій престолъ; возрыдали, услышавъ ангельскую хвалу, іюдеи, измаильтяне, агаряне и другіе невѣрные; ужаснулись всѣ, и ангелы и земнородные при трубномъ гласѣ, громкомъ и сладостномъ, раздавшемся съ высоты: на свѣтломъ облакѣ, испускавшемъ неизреченное благовоніе, явился Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Облако вознеслось на востокъ тверди, врата котораго отверзлись предъ нимъ, и Господь возсіялъ съ востока (31 лиц. ст. 2) «и҆ абыѥ вьз҆гр҆ьмѣ гл҃сомь (31 об. ст. 1) дх҃а боу҆рна». И ангелы и люди видятъ Господа, котораго облако принесло къ престолу его славы; тѣ изъ людей, которые были свѣтообразны, взлетаютъ къ нему на огненныхъ крыльяхъ, встрѣчая его съ радостными лицами; другіе сокрушаются и скрежещутъ зубами въ сознаніи своей грѣховности. Ангелы и люди славословятъ Господа и падаютъ ницъ. Онъ возсѣлъ грозный на престолѣ славы, и всѣ возстали во страхѣ (31 об. ст. 1); «н҃бо тресѣ҆шесе ꙗ҆ко и ко́жа ѿ чл҃вкь трьзаѥма (Шаф. трѣсаѥма; ὥσπερ δορὰ ὑπὸ βιαίας πνοῆς σπαραττομένη), зем҆лꙗ колебаше҆, ꙗко и҆ дѣтыи҆ млады на колѣбци҆ (Шаф. ꙗко деты на лоньсках; ὥσπερ φύλλον δένδρου ὑπό τινος ἀνέμου χειμαζόμενον καὶ σαλευόμενον ἰσχυρῶς). Ангелы вопіютъ гласомъ великимъ, обличая іюдеевъ, измаильтянъ, агарянъ и всѣхъ невѣрныхъ. Анна и Каіафа, Арій и Мохаммедъ (31 об. ст. 2 безоумн҆ны҆ ’Аріа и҆ про́клети Махметъ҆; Шаф. Мухмедь) и другіе еретики въ смущеніи и трепетѣ. (31 об. ст. 2) «Абыѥ же҆ вьз҆зрѣ҆ Гь҃ (32 лиц. ст. 1) на н҃бо, и҆ тѡ҆ побѣже ѿ страха лица ѥго̀». Мы же остались на башнѣ, на которой стояли, говоритъ Григорій (въ мѣстѣ, котораго нѣтъ въ славянскомъ переводѣ), она одна осталась на воздусѣхъ, все-же прочее убѣжало изъ-подъ насъ; остался и градъ, о которомъ упомянуто выше, ибо Духъ Божій почилъ на немъ и сила Вышняго его держала. И потомъ Господь призрѣлъ на землю, оскверненную людскими грѣхами (l. c.) «идолослоуженїѥмь҆ и҆ вльшьбами҆ и҆ чарѡ҆деꙗнїѥмь҆ и ѡ҆трав҆лѥниѥмь҆ и҆ крьвомѣшениѥмь, оу҆бйиство́мже и҆ крьвопро́литиѥмь҆ ѡ҆ка̀а̀н҆нѣ смѣсив҆ше»—и земля убѣжала отъ лица его, «и҆ не ѡ҆б҆рѣ-

тесе на неи мѣсто̀, стоꙗ̀хоу̀ же вси̑ на вьз̑оусѣ непоколѣбимо̀. И еще̑ призрѣ̀ Гь̄ вьиспрь̀ на висотоу̀ и̑ на глоу̀биноу бездьн́ны̑ѥ̑, и се̑ ново н̄бо и̑ зем́лꙗ но́ва бли́стающисе̑ ꙗ̀ко и̑ снѣ́г,измѣнибосе ѿ т́лѥ вь нетлꙗниѥ пришь̑ши, и̑ се твр̑ь н̑бнаа (Шаф. сїꙗше) ꙗ̀ко слн̄це, (32 лиц. ст. 2) звѣ̑зы бо погы̑боше ѿ не̑ѥ, ст̄ы бо нап́льнише мѣсто и̑хьь̀. и̑ слн̄ца не бѣше на неи, понеже вьстокь вьсиꙗ̀ всѣмь, праве́дноѥ слн̄це Гь̄ Іс̄ Хь̑». — И посмотрѣлъ Господь на море, и въ немъ явилась вмѣсто воды огненная рѣка, пламя которой восходило до неба, (l. c.) «попалѣющи и̑ потап́лꙗющи и̑ покривающи все̑ коньце̑ ѿлоучен́ны̑ѥ̑» (Шаф. ѡтлучениє єи; ἐκάλυψε πάντα τὰ πληρώματα τὰ ἀφορισθέντα αὐτῷ).—И воззрѣлъ Господь на грѣшниковъ, l. c. «и се̑ чиньь̀ страшнь ѡ̑ѓньны̑хь агг̄ль ѿ запада прїиде и̑ вьз́ложише роу̀кы своѥ̑ на грѣш́никый и нечьстивиѥ» и бросили ихъ въ то огненное море. Остались лишь христіане изъ евреевъ и отъ языкъ и тѣ люди всякого рода, отъ Адама до воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, (32 об. ст. 1) «иже въ виш́ныхь промислѣ^х вѣровав́ше» не покланялись идоламъ. Они стояли передъ лицемъ праведнаго судіи, одни радостные, другіе трепетные; а отъ плача и рыданія вверженныхъ въ огонь опечалилось даже небо и ангелы.

Когда такимъ образомъ остались, въ ожиданіи суда, лишь пріявшіе законъ, (32 об. ст. 1) «призрѣ̀ Гь̄ на вьстокьь̀ и пом^а^ноу воиньствомь своимь», и тѣ полки, что на востокѣ, разсѣялись съ трубнымъ звукомъ, съ быстротою молніи, во всѣ четыре конца земли, и кого обрѣтали съ свѣтлыми лицами, отдѣливъ ихъ отъ грѣшниковъ, лобызая и обнимая, съ радостью привели одесную судіи. Тогда воззрѣлъ Господь на сѣверъ и на югъ, и другіе ангелы привели и поставили ошуюю грѣшныхъ людей; и было ихъ, что̀ песку морскаго, ибо изъ христіанъ одна лишь часть спаслась на три или четыре, отъ вѣтхаго завѣта одинъ на тысячу или десять тысячъ, а изъ жившихъ отъ Адама до Авраама — едва одинъ изъ двадцати или сорока. — Когда оба сонма стали, свѣтлый и мрачный, Господь обратился къ нимъ, призывая однихъ (33 лиц. ст. 1: «вьзьалька^х бо се и̑ дасте ми ꙗсты̑» и т. д.), дру-

гихъ отвергая; и рѣчи Господа и отвѣты праведниковъ и грѣшниковъ сильно сокращены въ славянскомъ переводѣ, какъ и слѣдущее за тѣмъ картинное описаніе новой земли, изъ котораго удержалась одна лишь черта 33 об. ст. 1: «і҃ ещѐ призрѣ Гъ҃ на все̑ коньце зем́лѥ, и̓ ꙗвише̑ на неи садо(л. 33 об. ст. 2)ве ꙗ̆ко снѣгъ҃ раз́личны» (χλόη λευκὴ ὡσεὶ χιών).—Григорій спрашиваетъ ангела: не это-ли царствіе небесное? Оно на небесахъ, отвѣчаетъ ангелъ, а это земля «кро́ткыˣ» (l. c.). И далѣе въ описаніи новой земли въ славянскомъ переводѣ кое-что опущено, иное сокращено (рѣки и птицы).—(34 лиц. ст. 1): «Потомь призрѣ Гъ҃ на нб҃са, и ѿврьзесе но́воѥ нб҃о», ангелы сносятъ среди славословій страшный и дивный Божій градъ и ставятъ его на челѣ земли, на востокѣ; (л. 34 лиц. ст. 1) «и̓ раи̓ ѥдемь посрѣ ѥгò. бѣ же гра́д (л. 34 лиц. ст. 2) бж҃ии великь вишны ˇІѥр҃лимь, ѥгоже хитрьць и̓ зи́ж҃итель Бгъ҃. окр҃ть ѥго всї силы̏и нб҃ныѥ и Гъ҃ ѡкр҃ть бо тоу̏ хотещыˣ жы҃ї лю҃и. вра҃ бо҃ блистахоусе ꙗко сл҃нце»: до этой одной подробности сокращено описаніе Едема. По знаку Господа ангелы трубятъ; отъ ихъ славословія Григорій содрогнулся, волосы стали на немъ дыбомъ. Обратившись къ тѣмъ, что ошую, Господь говоритъ имъ: Видите, проклятые, какихъ благъ вы лишались! а славословіе и пѣсни были таковы, въ своей неизреченной сладости, что разсѣлись бы жилы и кости слушающихъ, еслибы они были тлѣнны, и мои, прибавляетъ Григорій, еслибы молитвами св. Василія не охранила меня рука Всевышняго.

Возставъ съ престола Господь на крыльяхъ вѣтреныхъ принесся къ тому чудесному и страшному граду, за нимъ послѣдовали всѣ, что̀ были одесную. Онъ сталъ у западныхъ воротъ, отворившихся передъ нимъ; кругомъ него тѣ, что̀ одесную, и небесные силы; грѣшники стали поодаль. Тогда Господь обратился къ праведникамъ, приглашая ихъ вступить въ царство небесное, которое онъ обѣщалъ имъ (въ переводѣ это обращеніе сокращено въ нѣсколько строкъ). (л. 34 об. ст. 1) «Се жена ѡ҃д деснаго̀ стоꙗ́ниꙗ при́де и вънега҃же идѣше, огн҃ь ѿ ногоу ѥѥ исхож҃даше и сла҃ несьчета́ннаа (Шаф. низрѣченнаа) ѡ ней (πορφύρα

δόξης ἀσύγκριτος). Господь радостно привѣтствуетъ *Богоматерь*, «поклонивсе малѣ прѣчты врь свои сь чьстию» (Шаф. поклонивь ея мало прѣчісты свои врьх сь виею; καθυποκλίνας τὴν ἄχραντον αὐτοῦ κεφαλὴν βραχύ τι). Она вступаетъ въ градъ при славословіи ангеловъ.—Затѣмъ поочередно выдѣляются изъ того же сонма: *Іоаннъ Предтеча* (опущенъ въ переводѣ), *двѣнадцать апостоловъ, семьдесятъ учениковъ*, безчисленный сонмъ *мучениковъ*, въ одеждахъ «ѿ чрьвена багра» (35 лиц. ст. 1); за ними сонмъ меньшій числомъ, ихъ лица «ѩко свѣть» l. c. (ὡς ὁ Ἑωσφόρος; Шаф. ѩко огань): это *исповѣдники*, отвѣчаетъ ангелъ на вопросъ Григорія. Слѣдуютъ: *проповѣдники* (l. c.; Шаф. благовѣстьници), *святители* (35 лиц. ст. 2: носеще ѡмофорь на своихъ рамѣхъ; греч. οἱ χιτῶνες αὐτῶν χιονοφεγγεῖς λίαν κεκαθαρμένοι, καὶ ἐν τοῖς ὤμοις αὐτῶν φλόγα πύρινον περιέφερον), *воздержники*, *черноризцы* (Шаф. приб.: и калокры); отдѣлъ о нихъ особенно развитъ въ греческомъ текстѣ, въ переводѣ сокращенъ; видя ихъ славу, грѣшники «распихаху се ридающе себе» (35 об. ст. 1), тогда какъ въ подлинникѣ (стр. 67) здѣсь цѣлый подборъ глаголовъ. Затѣмъ выступаютъ *праведники новаго закона* (τῆς νέας διαθήκης), *патріархи* и сонмъ, превышавшій числомъ всѣ другіе, οἵτινες ἦσαν οἱ ἀρτιφώτιστοι ἄσπιλοι χριστιανοί, *сохранившіе чистоту отъ чрева матери;* рубрика соотвѣтствующаго отдѣла въ переводѣ гласитъ: *поустинѝници* (Сев.), блажены ѿ ѡстровь чисты ѿ всакоѥ скверны (Шаф.); то-же и въ концѣ отдѣла: Сѝ же бѣхоу блѭженыхь ѡстровь блѭженѝны жителыѥ» (л. 35 об. ст. 2). Воспоминаніе о блаженныхъ макарійскихъ островахъ и рахманахъ подсказалось здѣсь переводчику. — Далѣе являются: *пророки израильскіе* (за исключеніемъ Моисея и Аарона); *христіане, согрѣшившіе, но очистившіеся покаяніемъ;* въ одной группѣ: *Моисей, Ааронъ и Оръ, Іисусъ Навинъ и Елеазаръ, съ ними семьдесятъ пророковъ, судьи Израиля, царь Давидъ и вся цари іудейскіе, что̀ не послужили идоломъ, и вси сыны Израиля, жившіе до пришествія Христова и нескверно сохранившіе законъ*; въ другомъ сонмѣ: *Адамъ, Авель, Сиѳъ, Энохъ, Ной* и всѣ *до потопа и послѣ него*

угодившіе Богу. Переводъ представляетъ здѣсь своеобразныя черты, не находящіяся въ нашемъ подлинникѣ (сл. стр. 73): (36 лиц. ст. 2) «и҆ се А҆даамь и А҆велъ и Сиѳь и ІЕно́сь и ІЕнохь и҆ Нѡ́ѥ, ѥли́коже моужеска пола и҆ женьска вь родѣ ихъ добрѣ оу҆годив́ше Гв҃и, ѿ послѣдны҃ вьше҃шы҆ихь (36 об. ст. 1) вь ви́ноградѣ. повелѣ до́моу вл҃ка пристав́никоу҆ своѥмоу҆, да да҃ комоуж҃о рав́но по динароу҆. вьнидо́ше оу҆бо҃ и ты҃ сь радости́ю».

Въ особомъ убранствѣ, возбуждающемъ удивленіе всѣхъ святыхъ, являются *милостивые язычники:* (л. 36 об. ст. 1): «тыи҆ же бѣхоу иже прѣ҃же при҆ш́ствиꙗ҆ Хв҃а ѿ ѥзикьѣ закона не имоуще ѥ҆ст́вомъ же закона творещѐ, и҆доломь не поќлонишесе, цѣломоудри҆и бив́ше и҆ мл҃тивы҃ Бга чтоу҆́ще» [1]).

Слѣдуютъ *юродивые Христа ради* «прѣмоу҆драго вь злобѣ побѣдив́ше» (36 об. ст. 2; τὸν σοφιστὴν τῆς κακίας κατασοφισάμενοι); *нищіе духомъ* (ихъ лица «бѣла ꙗ҆ко ꙗ҆ри́на» 36 об. ст. 2: ὡσεὶ ἔριον), *«плакавшесе», кроткіе сердцемъ, судьи праведные* (л. 37 лиц. ст. 1: бѣхоу же ли́ца ихь медь каплюще сладо҃ радованїа: οἱονεὶ μέλι στάζοντα), которыхъ Господь отличаетъ особо (стр. 77: μετ' εὐμενείας καὶ ἱλαρότητος προσεδέξατο αὐτοὺς ὑποδεικνὺς αὐτοὺς τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ εἰσιέναι εἰς τὴν ὡραίαν πύλην, ἣν οὐδεὶς τῶν προλαβόντων ἁγίων εἰσῄει. Въ слав. текстѣ этого нѣтъ); *милостивые* (л. 37 лиц. ст. 2: исхож҃аше ѿ лица и҆ ꙗ҆ко ро́са масла мѵ҆ра бл҃говон́на: ἐξήρχετο δίκης ἱδρῶτος ἔλαιον μύρον πνέον ὀδμὴν ἀσύγκριτον καὶ ἀνεκδιήγητον ἀθανασίας καὶ ζωῆς αἰωνίου стр. 78) [2]), *соблюдавшіе чистоту души и тѣла* (греч. т. стр. 79—80: въ переводѣ опущено), *миротворцы, изгнанные правды ради, дѣвственники* и *тѣ, что̀ не осквернили супружескаго ложа.* Они вызываютъ вопросъ Григорія ангелу: «Рци ми, мл҃ю ти се, аще и в́ сеи вѣч́нѣи҆ жизныи҆ жена моужа своего̀ и моужь́ женоу свою имѣти хощеть...? Ѡнъ же ре҃ къ мнѣ: Нѣ҃ здѐ похоти соуѥтнаго̀

---

[1]) Сл. Разысканія, вып. V, стр. 142.

[2]) Вступивъ въ градъ, они «ἑῶρον . . . δόξαν ἀνεκδιήγητον» (стр. 79). Въ переводѣ это перенесено на Григорія, л. 37 лиц. ст. 2: «По сых же ви́дѣховѣ».

мира на нетлѣ́нныѥ прищьши т́вары̏, ни̏ (л. 38 лиц. ст. 1) что̀ же т́лѧ́ннаго житеискаго̀ чл҃вци не творетѣ̀, нь̏ соу̏ть ꙗ̆ко агг҃лы бж҃и».

Когда всѣ вступили въ святой градъ, при славословіи ангеловъ, честный крестъ Господень воздвигся отъ мѣста уготовленія, и несомый облакомъ, испуская молніи и лучи свѣта, сталъ надъ вратами града, въ которыхъ стоялъ Господь, призывая святыхъ вступить въ обитель вѣчной жизни, какъ пастырь призываетъ овецъ своихъ.

Остался передъ лицемъ Господа безчисленный сонмъ стоявшихъ ошуюю: были тутъ отъ всякаго времени и народа, всякой вѣры и ереси, отъ тѣхъ, что̀ полагали свое спасеніе въ нечистыхъ пресмыкающихся, звѣряхъ и камняхъ, кто покланялся идоламъ и демонамъ; тѣ, что̀ распяли Христа; христіане, грѣшившіе и не покаявшіеся. Всѣ они стояли въ ожиданіи суда, пристыженные, безобразные, темные, жалостные. Взирая на ихъ грѣховность, начертанную на челѣ каждаго изъ нихъ, Св. Духъ Господень исполнилси праведнаго гнѣва; внезапно объявился въ десницѣ Господа огненный жезлъ, который онъ бросилъ въ сыновъ беззаконія, отдѣливъ родъ отъ рода, языкъ отъ языка, народъ отъ народа: отдѣльно стали грѣшники отъ Адама до потопа, отъ Ноя до Моисея, отъ Моисея до воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, и отъ воплощенія до втораго пришествія.

И воззрѣлъ Господь въ гнѣвѣ своемъ, и огненные ангелы явились въ облакѣ, быстрые какъ молнія, и схвативъ *всѣхъ грѣшниковъ отъ Адама до Моисея*, ввергли ихъ въ огненное море. Та-же участь постигаетъ и слѣдующихъ, которыхъ Господь поочередно выдѣляетъ жезломъ изъ общаго сонма: *христіанъ, отвергшихся Христа во время гоненія; разбойниковъ и убійцъ*, лица которымъ обагрены кровью; *прелюбодѣевъ и прелюбодѣицъ*, которыхъ ангелы бьютъ огненными палицами. (39 лиц. ст. 1) «И еще кь симь ѿлоўчи Гь҃ ѿ шоуи̏, и ста̏ сьборь лоўкавь зѣло, их же̏ лица и̏ бѣхоу ꙗ̆ко самого̀ Сотоны̏, ѿ ных жѐ исхожа̑ше смра́дь гно́ꙗ нечистоты ихь̀, ꙗ̆ко ѿ гноꙗ ба́ннаго,

иже дроўгь дроўгоу мрьзѣхоў. Бѣхоу же тый йже *паче е́ства* (исправлено: чрезъ е́ство; Шаф. безъ поправки) *блоудь сътворилй*, моўжиѐ сь женамй скáредне сьдѣлáвше». Ангелы возлагаютъ на ихъ выи вериги желѣзныя и бросаютъ въ огненное море, «йдеже чрьвь не оусипаѥть, нь паче мѣрьі врить» (l. с.; сл. греч. текстъ, стр. 89—90).

У слѣдующихъ грѣшниковъ лица «ѩко зеленѣ димь (греч. τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ὡς ἡ δόρα τῆς καλουμένης σαύρας ἢ ὄφεως κεράστου), ѡколо же тѣлесъ й стрьшнй множство (Шаф. срьшены) и моўхь (σφηκῶν καὶ μυιῶν), показаниѥ нечистй помышлены их й сластеи ихь бесѣдь» (39 лиц. ст. 2; Шаф. нечистих помишленїих и ластьнїих беседь и слоужениѩ. Греч. т.: σαφὴς διάγνωσις τῆς ἐνδελεχούσης αὐτῶν αἰσχρουργίας ἐνηδόνου καὶ συνομιλίας καὶ συγκαταθέσεως αὐτοῖς). Это «*вльхвы, обавницй й роучни блоу творещѐ й чародѣицe*» (сл. греч. т. стр. 91).

Еще группа (39 лиц. ст. 2) «й же лица ѩко кожа скоти(39 об. ст. 1)ѩ притраны (Шаф. пристраны) и скаредй зѣло (ἡ δόρα τοῦ προσώπου αὐτῶν κτηνώδης καὶ πτύελοι κτηνῶν αἱματώδεις καὶ ἀφρώδεις). Это κτηνοβάται.

У *самоубійцъ* «лукавное одѣѩние» (ἔνδυμα πονηρὸν), «гвоздиѥ трьновнй вь телесѐ ихъ, ѿ лица же ихь гнои течаше, й прѣкривленй ногы й» (39 об. ст. 1).

Слѣдующій сонмъ «вьсѣ тьмнь й смраднь и растрьзаны ризы й и ногы й ѡбльченьи вь козиѥ кожи (39 об. ст. 2; гр. т. ἐρίφων). Это *тати и мздоимцы* (послѣднихъ въ греч. т. нѣтъ).

У *лжесвидѣтелей, клятвопреступниковъ и клеветниковъ* (Шаф. ротници), л. 39 об. ст. 2, «ѿ оустѣ чрьвый и смрадь йсхожа (л. 40 лиц. ст. 1) аше, змиѥже ѡколо главь ихь ѡбвивше, ризи же ихь димомь ѡчрьнены, лїца же ихъ мьглою повита». Въ греческомъ текстѣ они держатъ въ рукахъ φορβιὰς ἤτοι κοράκους (стр. 93). За описаніемъ ихъ мученій слѣдуетъ въ томъ же текстѣ общее мѣсто, недостающее въ переводѣ и прерывающее разсказъ о судѣ; стоны грѣшниковъ вызвали противоположный образъ блаженства: не было въ томъ мірѣ ночи, и бысть вечеръ,

и не было утра, но всюду неизреченный свѣтъ; не было тамъ ни сна, ни усталости, ни голода, ни жажды, ни болѣзни, но повсюду безконечное веселіе, вкушеніе вѣчныхъ благъ и славословіе Богу.

Затѣмъ выдѣленъ былъ еще сонмъ грѣшниковъ (л. 40 лиц. ст. 1), «си҆̀же бѣхоу тмо҆̀ю повити, димна҆̀ лица имоу҆ще, зоубы҆̀ скрь҆щоуще, дроу҆гъ҆ дроуга҆ коу҆сающе, е҆зикы҆̀ ꙗ҆ко пси҆и ѿ оу҆сть из҆вѣщающе. Бѣхоу же тыи҆̀ *гнѣв҆ливи, ꙗ҆ры҆и* (l. c. ст. 2), *злоу҆ памет҆ници, зави́стьници* (Шаф. прибавляетъ: клеветьници), *пороугате́лиѥ, глоу҆мишелиѥ*».

Въ слѣдующемъ сонмѣ грѣшниковъ греческій текстъ помѣщаетъ (стр. 96) тѣхъ, *οἱ ἐν κυνηγεσίοις καὶ τζουκανιστηρίοις* [1]) *καὶ ἱπποδρομίοις καὶ κώμαις καὶ μέθαις καὶ θεάτροις σατανικοῖς . . . . τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδαπανήσαντες*». Переводъ представляетъ здѣсь значительныя отличія: описаніе внѣшняго вида грѣшниковъ приблизительно тоже (40 лиц. ст. 1: бѣхоу саж҃ами почрь҆нены҆̀), но далѣе идетъ общее разсужденіе о милосердіи и оставленіи долговъ должникомъ нашимъ; въ Севастіановскомъ текстѣ, вѣроятно, вслѣдствіе пропуска въ его оригиналѣ, грѣшниками являются черноризцы, которые должны были явиться далѣе; въ Шаф. тѣ, «*иже въ обьꙗдьныи и пиꙗнстьве и въ позорищиих бесовскыих и въ грьдости и въ буистве величаниꙗ сатанина житиꙗ прѣшадьше*».

Въ Сев. опущенъ слѣдующій отдѣлъ: «бѣху же вь них *епїскупи и поповы и диꙗконы* еже и чатцїи и пѣвцїи, каждо чинь их видѣше се вь своѥм ѡбразе»; ихъ ризы «укалати гноем земльним иже течашесь врху глави их на ризе их; от руки же их исхождаше вона злосмрадьнаа юже мнеху се ѡтрести, и ѡтпадаше, ѡчи же их пенеще се и крваве, лукава же лица их и гноина, ѡт срдца же их чрвыѥ мнозїи исхождаху вь уста их, при ногах же их висеху пиꙗвице и пиꙗху крвь их и ѡт ноздрих же их смрадь исхождаше ꙗко ѡт гноꙗ смрадьнаа» (Шаф.).

---

[1]) Τζουκανιστήριον, τζυκανιστήριον: мѣсто, гдѣ играли въ мячъ.

У *черноризцевъ* (здѣсь Сев. снова попадаетъ въ контекстъ, сл. 40 об. ст. 2) «лїца ѡ҆чрънена свѣтилникы оубо дрьжеще ѡ҆мраченны, безь масла, на выѧ^х^ ихъ лѣность и небрѣженіе, ѩко птице нарицаѥмиѥ гипїи сѣдѣхоу, оуниниѥ же и нерадь (41 лиц. ст. 1) ство ѩко змиѥ видѣхоу се висеще, непокорениѥ же ѩко желѣза тежка ѿдрьжаше хрьбьть и^х^».—Ангелы ввергаютъ ихъ въ огненное море; ихъ такъ много, что море, казалось, наполнилось, прибавляетъ греческій текстъ. Отвѣчая на вопросъ Григорія, ангелъ говоритъ ему (41 лиц. ст. 2): «ѩко на сконьчанїѥ вѣкомь родь чрьньчскы вьсь ѿноудь вь погыбѣль ѿлоучитсе, свѣнь малы^х^ нѣколикыхь, вьзлюбившыхь троудь и болѣзнь и смѣрениѥ».

Слѣдуютъ особые отдѣлы осужденныхъ: *полугрѣшныхъ и полуправедныхъ*[1]), и *«без врьмен ны^х^ мл^х^нць кр̃тианьскы^х^, не приѥм шихь ст̃го кр̃щениѧ»*[2]).

Затѣмъ выступаютъ другъ за другомъ «сборы» *Арія, Македонія, Несторія»* (въ греческомъ текстѣ слѣдуетъ завѣреніе Григорія въ истинѣ бывшаго ему видѣнія; въ переводѣ соотвѣтствующій эпизодъ помѣщенъ за появленіемъ двухъ слѣдующихъ ересіарховъ); *Діоскора и Эвтихія; Оригена, Евагрія и Дидима; Кира, Пирра и Макарія* (въ переводѣ: Сев. Дїидоумь, Шаф. Дїдим); *иконоборцы,* глаголемые *Яковиты и Северіяне* (Сев. 45 лиц. ст. 1 вставляетъ здѣсь названіе богомиловъ: греч. текстъ стр. 121: ὄντως ἐματαιώθημεν = Бг̃омили . . . . гл̃юще дроугь кь дроугоу: по истинѣ ѡ҆соуѥтихомсе), *евреи:* (л. 45 лиц. ст. 2): «лица же ихь бѣхоу помазанна крьвию гноиною, и плюви (об. ст. 1) дебелы на ѡчию имоуще, по оушима ѩко смолою помазаны, вь роука^х^ ѡ҆паши коньскые (греч. текстъ стр. 127: κέρκους ἀλόγων) дрьжеще, ѥзици и^х^ висѣхоу ѩко неистовимь псомь, ногы искривленны имоуще вь ѡслѥ коже ѡбльчени). Ихъ обли-

---

1) Соотвѣтствующій эпизодъ греческаго текста уже напечатанъ былъ мною отдѣльно въ приложеніи къ V-му выпуску Разысканій, стр. 77—80; сл. l. с., стр. 144 слѣд. изслѣдованія.

2) Сл. l. с., стр. 137.

частъ Моисей (л. 46 об. ст. 1: се҆ и Мѡу҆си ѥгоже *инастоудни* ѿвѣтъ прѣдлагаѥте҆, Шаф. *настуднїи;* л. 47 лиц. ст. 1: доньдеже приидетъ ѥмоу́же *щедите,* Шаф. *щедить се,* греч. т. стр. 138: ἕως ἔλθῃ ᾧ ἀπόκειται; рожⷭ҇ствѡ ѡгньноѥ: греч. т. стр. 139 γέεννα)— (л. 47 лиц. ст. 2) «И се҆ вьнезаапоу мльнїи ѡблиста̀ и распрòстрѣсе по всеи҆ зем́ли, и҆ по си҆ѥи дроу́гаа мльниꙗ (47 об. ст. 1) ꙗ҆сноѡ҆бразна̀ (Шаф. снегоѡбразнаа: ὑπὲρ χιόνα), и҆ бѣ҆ пришьши҆ и ѡсѣны и҆ ста҆ надь соу́дїѥю ꙗ҆ко же не видѣти ѥгò намь, и҆ похвалише ѥго сь҆ ѿцемь и сь стымь дхомь все҆ силы нбныѥ».—И вотъ разверзлось свѣтлое облако, скрывавшее Господа, и на престолѣ, подобномъ престолу судному, явился почивающимъ Ветхій деньми «сь ѥди́ночедым́си сномь и словмь» (47 об. ст. 1). Евреи трепещутъ; голосъ, какъ бы гласъ трубный, обличаетъ ихъ невѣріе: не будетъ имъ части въ царствіи небесномъ; ангелы, чтò надъ муками, нападаютъ на нихъ (какъ орлы, греч. т.) и ввергаютъ въ огненное море—а престолъ Бога Отца взялся и опочилъ внутри жертвенника вышняго и страшнаго того града (л. 47 об. ст. 2: по сыхь бгь и ѿць вьзет́се).

Послѣднимъ явился (л. 47 об. ст. 2) «п́лькь лоу́ка(48 лиц. ст. 1)вь и се҆ сќверьннь паче инѣ҆, их́же ѡчи бѣста҆ тьмнѣ҆ и помрачен́нѣ, и на челѣ҆ ихь писаниѥ и҆моуще, ѥже исказаше҆ Сотона, вь҆ десних҆ же ихь роука҆ дьщица, на ны҆ же бѣше҆ писаниѥ: ѿврьжениѥ» (ἄρνησις). Это тѣ, которые *отверглись* Христа; они осуждены на «рожⷭ҇ство ѡгньноѥ» (48 лиц. 1 ст.: γέενναν; сл. 57 лиц. ст. 1); ангелы мукъ напали на нихъ внезапно (какъ быстролетные ястребы, жаждущіе добычи, говоритъ греч. текстъ) и ввергаютъ ихъ (л. 48 лиц. ст. 2) «вь потоп́ноую безноу вь тар́тарь҆» (εἰς τὸν φοβερὸν κρημνὸν ἐκεῖνον τῆς ἀβύσσου τοῦ πυρός). — Григорій отличаетъ въ общемъ сонмѣ грѣшниковъ вопли одного: *Діоклитіана* [1]); этотъ образъ и объясняетъ надписаніе всего этого отдѣла у Шаф.: Моучителие; греч. текстъ говоритъ объ отметникахъ.

---

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 134.

Судъ надъ грѣшниками кончился; слышится славословіе ангеловъ, и когда оно престало, поднялось благодарственное пѣніе праведниковъ въ святомъ градѣ. Затворивъ его врата, Господь опочилъ на престолѣ храма, бывшаго въ срединѣ того града, «й повелѣ прѣдь себе̑ принестѝ все̑ разоумние нбⷭ҇ние ωдежде̑, йже й положеньны быше все̑ прѣд нимь». Всѣ святые являются по его знаку, чтобы получить воздаяніе по дѣламъ своимъ. Первою позвана Богоматерь, которую Господь вѣнчаетъ и чествуетъ паче всѣхъ, «й постави ю гⷭ҇пожоу и вⷧ҇чцоу всѣмь нбⷭ҇нымъ силамь» (49 лиц. ст. 2); за тѣмъ Іоаннъ Предтеча (опущенъ въ переводѣ); двѣнадцать апостоловъ: ихъ престолы «камениѥмь чⷭ҇ниимь й бисрⷪ҇мь оукрашены̑» (l. с.; греч. т. ἀπό τε γὰρ λίθων τοπαζίων, σμαράγδων τε καὶ λυχνιτῶν καὶ μαργάρων), Господь нарекаетъ ихъ судьями надъ двѣнадцатью колѣнами израильскими, «сїи рⷷ҇ старѣишѝ цⷬ҇е и вⷧ҇кы̑ показа всѣмъ спⷭ҇шимсе» (49 об. ст. 1); семьдесятъ учениковъ; передъ лицемъ всѣхъ святыхъ Господь разверзъ свои духовныя сокровища.

Слѣдующее за тѣмъ видѣніе небеснаго храма сильно сокращено противъ соотвѣтствующаго описанія въ греческомъ текстѣ, не безъинтереснаго въ археологическомъ отношеніи (л. 49 об. ст. 1): «По сⷪ҇же призрѣховѣ и вид҇ѣхомь прⷷ҇ небⷭ҇ною и бжⷭ҇твьною цⷬ҇квью пресла́вное прѣдверие (προαύλιον), ѥго же помⷭ҇сть (πάτος) златомь чистомь свьтѣше̑, по немоу же хоⷤ҇дахоу юноше краснии ꙗко дньконьскы̑ имоуще ωбразь и цⷬ҇ковь оуготовлающе. Толика же мнѣше ми се быⷮ҇ широта ѥго (εὖρος καὶ μῆκος), ꙗко растоание трѝ тисоуще (49 об. ст. 2) стадѝ. Бѣше же̑ и цⷬ҇кви кⷬ҇тоωбразно имоущи ꙁание, прѣвелика зѣло, .д҃. врьхы̑ имоущи (τετράτρουλος) (Шаф. светлеишіи сѣдьморицею ωт прѣждѣ, три прѣтворы имоущіи светлеишии: τρινάρφηξ), вьноутрⷭ҇ ωлтаре .д҃.-ре, по странамь лици (Шаф. .д҃. улице по странам: ἐμβόλους τέσσαρας ἐν τοῖς πλαγίοις), зданіе роукою бжⷭ҇иѥю здано, вь а́звестѝ же мѣсто (Шаф. вара же место: ἀντὶ μὲν πηλοῦ τιτανιαίου) злато прⷭ҇то ωгнемь искоушенно (πυρεύριζον), вь каменїа же мѣсто тлѣнны̑ чⷭ҇ны̑ камены̑ оустроенны̑ блистающе̑ паче слнца. Такова

же бѣ зданиꙗ̀ и оукрашенїꙗ̀, ꙗ̀ко стоѥщимь вьнѣ ꙗ̀ко се̏ скро́зѣ ц́кло дароваше з́рѣты̏ и̑ соу̑щѥѥ вьноутрь̏ црк҃ве, вьноу̏трь̏нимь же соу̑щимь̑ такоже вьнѣш́наа видѣти̏. Помощь (Шаф. помости) же ѥѥ и̑ вьноутрь̏наа соуща ѡ̀л́тара, завѣсоу же и трапезѣ и прочеѥ кы̏ ѥзикь̀ чл҃вчь ска́зати можеть̏? ꙗко дх҃а ст҃ого̀ испльнена бѣхоу вса̏, вь (л. 50 лиц. ст.) стлъ̏пь бѡ̏ мѣсто мрамор́ныхь̀ ѡ̀бл́аци црк҃вь по̑рьжахоу̏».

Когда преджереченные юноши все уготовили, Господь объявился покоющимся на престолѣ, рядомъ съ нимъ апостолы также на престолахъ, шесть по правую, шесть по лѣвую руку. По повелѣнію Господню ангелъ трубитъ, призывая избранниковъ, и они являются, какъ быстрокрылые орлы и свѣтлыя горлицы, говоритъ греческій текстъ, дающій и ту еще подробность, что по мановенію Божію закрылось огненное море мученій, дабы вопли грѣшниковъ не тревожили слуха праведныхъ. Всѣ они собрались, принося Господу дары; (л. 50 лиц. ст. 2): «ѿ многы̏е радости не можа̑хоу вьз̑рьжатисе̏, бѣже бо̏ тоу̏ радость и весели́е пр̑носоущ́но, и̑ мирь бж҃и слаж̑ьши меда̏ и̑ любовь и̑ желаниѥ̀ несьчетан́ноѥ бж҃иѥ. Нѣци же ѿ ны̏хь не могоуще оу̏дьрь̀(50 об. ст. 1)-жатисе̏ ѿ прѣ́великыѥ̏ радосты̏, и́грающе (σκιρτόντες) вьспѣ́вахоу бл҃годарьствьниѥ пѣсный̏».

Самъ Господь совершаетъ «таин́ноую слож́боу̏» (л. 50 об. ст. 1), херувимы и серафимы и апостолы сослужатъ ему; ангелы и святые славословятъ, «оу̏диви́се оубо̏ ѡ се̏мь н҃бо и земл́ꙗ» (50 об. ст. 1; ἔφριξε); Господь причащаетъ всѣхъ отъ духовной манны божества своего, и «и̑сплънише̑ вси̏ скрьвен́ныѥ прѣмоу̑рости̏ непостиж́наго̀ оучениꙗ̀ соуд́бь ѥго̀ и ѡбж҃ишесе и прославишесе» (50 об. ст. 1).

По совершеніи жертвы Господь, а за нимъ святые идутъ въ палаты, что̀ были на востокѣ святого града Сіона; (л. 51 лиц. ст. 1) «бѣше же тоу̏ невѣст́никь (νυμφὼν) прѣди̑вьнь̑ и чрьтогь несьчетаньнь̏ (Шаф. неизрѣченыи; παστὰς ἀσύγκριτος), хероувимьскы̏ми̏ кри́льми и̑ агг҃льскыми̏ пѣсньми̏ прославлень̑»; передъ нимъ трапезы, особо для каждаго сонма святыхъ, «и се̏ Гь҃ изиде̏ ѿ

бж҃твьны҃ и невьходимы҃ храмовь (ἀπὸ τῶν θείων ἀδύτων αὐτοῦ) и прїиде вьзлещи на д҃ховнѣмъ ѡбѣдѣ сь другы своими҃» (51 лиц. ст. 2), гдѣ они ѣдятъ безсмертныя брашна, которыя не убываютъ, упиваются піянствомъ нѣкимъ божественнымъ и «измѣнениѥмь д҃ховнимь измѣнѣхоусе» (51 об. ст. 1, ἀλλοίωσιν πνευματικὴν). Возставъ отъ трапезы, Господь идетъ со святыми и всѣми небесными силами на востокъ отъ града, въ рай, что̀ насажденъ былъ въ Едемѣ и откуда изгнанъ былъ Адамъ; насладившись его лицезрѣніемъ, всѣ возвращаются въ градъ, гдѣ святые обращаются къ Господу съ молитвой: какъ въ суетномъ мірѣ они воздвигали церкви и въ нихъ собирались величать силу и славу Господню, такъ пусть явятся и здѣсь церкви «и сѐла и покоища» (52 лиц. ст. 1: σκηναὶ καὶ καταπαύσεις). По мановенію Божію (l. c. ꙗвїтесе всѣи висотѣ ст҃ыи҃ моихь: πάντες οἱ μετεωρισμοὶ τῶν ἁγίων) вся земля и весь воздухъ вокругъ нея возгорѣлась отъ конца до конца «горѣниѥмь снѣго̀видн҃имь» (52 лиц. ст. 2) и взялась на небеса, и на ней объявились «домове, по́лати, храмы҃ и чрьтозы҃, цр҃квы и црквїце҃ (ἱλαστήρια, εὐκτήρια) и҃ стран҃на и див҃на и страш҃на з҃аниꙗ прѣгра́ж҃ен҃наа же дроу҃гь ѿ дроуга различно; и се҃ вь ныхь вь вѣчны҃ ѡбитѣлы҃ ст҃ыйхъ постелѥ и ѡдрове, ложиѥ, кравати (Шаф. ложа, ѡдровѣ, полати), сто́лове, прѣстоли҃ богат҃наа и все҃ страш҃наа, и вь всѣ҃ тѣхь ѡградыи разоум҃ниѥ (κῆποι νοητοὶ) и҃ ви́нограды (ἀμπελῶνες), дво҃рци и сѣны҃ и прит҃вори҃ (περίαυλαι καὶ στοαὶ [1]) φρικταὶ) и дрѣвеса и садове бесьмрьт҃ны». Все это Господь роздалъ, «по саноу и҃ по до҃тоанию҃» (52 об. ст. 1) святымъ своимъ, у которыхъ явились какъ бы нѣкія «села и проходища҃» (l. c,; προάστια καὶ μεταβατηρία) передъ градомъ. Здѣсь они веселятся духовно; описаніе небеснаго благовременія (l. c. 52 об. ст. 1—2; греч. текста стр. 161) напоминаетъ сходное, внесенное греческимъ текстомъ (стр. 94—5; сл. выше стр. 202—3) въ описаніе мукъ. Иные изъ святыхъ выходятъ изъ города къ своимъ «селамъ» по воздуху (52 об. ст. 2: на їѥрѣ҃, Шаф. на воздусе; αἰθεροπόροι); другіе пѣшіе.

[1]) Такъ, вѣроятно, слѣдуетъ читать вм. στολαί. Сл. стр. 160 греч. текста.

Тогда вострубила великая труба единороднаго Сына, отверзлись на востокѣ великія врата неба того, стрегомыя Господствами, и Господь вознесся въ царство небесное, съ нимъ Богоматерь и безплотныя силы, и тѣ изъ святыхъ, у которыхъ были мощныя крылья, чтобы взлетать на такую высоту; другіе остались долу, на обновленной землѣ, третьи — въ великомъ градѣ Сіонѣ. Ангелъ объясняетъ Григорію соотвѣтствіе этихъ обителей заслугамъ каждаго.

Далѣе Григорію представляется, будто Господь снова сошелъ со святыми въ святой градъ и почилъ въ немъ; будто руководитель его поставилъ его передъ страшнымъ престоломъ Господнимь, а Господь, воззрѣвъ на него «кроткымь и тыхымъ ѡ҆комь» (53 об. ст. 2), позвалъ его къ себѣ. Какая-то сила схватила его, и онъ увидѣлъ себя лежащимъ у пречистыхъ ногъ Господа, который обращается къ нему (l. c.): «Се҆, Грігóриѥ, мл҃твами и мл҃ениѥмъ оугоднѝка моѥго Василиꙗ оумлѥ҆нь бивь сїи вса скáзахти (Шаф. показах) и мно́гымь инѣмь на пол́зу и на сп҃сениѥ, и҆зрѐдноѥ те бѣ прѝѥмшоу извѣщениѥ ѿ Іюдіѥхь, ꙗ҆ко добрѣ̀ твореть Іюдеи законь Моисеѡвь дрьжеще и҆ по томь живоуще, и҆ ѡ҆ сыи҆ оу҆вѣриль се ѥси довол́но ѥ҆же҆ слишаль ѥси и видѣльь и҆ ѥже҆ кь҆ нимь Моуси изь(54 лиц. ст. 1)бран́ны мои҆ гл҃аше»[1]).—Господь велитъ имъ повѣдать видѣнное Его церквамъ и всѣмъ языкомъ на свидѣтельство; блаженны тѣ, кто увѣруютъ; горе лукавствующимъ, тѣмъ, (л. 54 об. ст. 2) «и҆же соуть оутоуж҃енны҆и ѿ ложеснь жизни своѥе҆ и҆ заблоу҆ди(55 лиц. ст. 1)вьше пра҆ваго поу҆ти ѿ чрѣва мт҃ре своѥе» (οἱ δὲ ἀπηλλοτριωμένοι τῆς ζωῆς ἀπὸ μήτρας καὶ πεπλανημένοι τῆς εὐθείας τῶν προσταγμάτων μοῦ ὁδοῦ), въ нихъ живетъ (l. c.) «сѣме т҆лѣ́нноѥ» (σπέρμα φθορᾶς) человѣкоубійцы Сатаны; объ откровеніяхъ Григорія они скажутъ (l. c.) «ꙗко блѐди соу҆ть (ὡς λῆρον ἡγήσονται), ꙗко тьщет́на бре́цаниꙗ сѝꙗ вьмѣнет́се, и посмѣ҆ют́се и҆ пороугаютсе и понесоут́ни и ре-

[1]) На этомъ конч. Шаф.: «Богу нашему слава вь векы и аминь. До здѣ сему вь изводѣ семь конаць ѡбрѣтохь».

коуть: ктѡ ѥсть соуѥтны баснотворць (εἰκαιομύθης) и слосѣатели?» (σπερμολόγος)[1]. Но пусть Григорій не смущается; возвѣсти все это (л. 55 об. ст. 1) «прѣдстателемь всѣмь в црквахь моихь и прьваго степены и срѣднего и конѣчнаго» (l. c. пусть тщатся на спасеніе душъ и на возрастаніе церкви, не «на инаꙗ лихоимьства, срамныѥ прибиткы и соуѥтныѥ вещи»: ἀλλ εἰς ἑτέρας αἰσχροκερδεῖς καὶ ματαίας ἀσχολήσεις ἑαυτοὺς ἐκδόσετε, πλατύνοντες τὰ φυλακτήρια καὶ μεγαλύνοντες τὰ κράσπεδα); «соущимь вь мльчаный и вь всѣх манастирехь игоуменомь» (55 об. ст. 2), «прѣдстателемь моимь црквнимь свщенничьскаго збора и мнишскаго чина» (56 лиц. ст. 2; сл. ib. об. ст. 2: блгооутробиѥ ѿврьзенно ѥ сьзанію моѥмоу: τὰ σπλάγχνα μου ἀνεῳγμένα).

Въ греческомъ текстѣ Господь кончаетъ строгимъ обращеніемъ къ злому и блудному человѣческому роду, не соблюдающему воскреснаго дня, въ который онъ попралъ смерть и адъ и и придетъ на страшный судъ. За этимъ обращеніемъ, котораго нѣтъ въ переводѣ, оба текста сходятся въ заключеніи рѣчи (л. 57 лиц. ст. 1): «се азь Гь вь вкы живь, сь ѡцемь моимь и сь стымь Дхомь, и сыи вса рекохь и сьтвороу. Нбо и земліа прѣидеть, а словесе моꙗ (ib. ст. 2) не прѣидоуть. Амнь, глю вамь».

Когда Господь изрекъ это среди общаго славословія небесныхъ сонмовъ, Григорій поднялся съ мѣста, гдѣ лежалъ, и увидѣлъ Господа, входившаго въ тотъ великій градъ, врата котораго широко раскрылись. Самъ Григорій желаетъ проникнуть туда, но его вождь не дозволилъ того ему, еще отягченному тлѣнною плотью; и онъ принимается размышлять: какимъ церковнымъ представителемъ завѣщалъ ему Господь засвидѣтельствовать видѣнное имъ, когда міръ уже «премѣнился», ибо, говоритъ онъ, «ꙗко ꙗвѣ вѣсть, не ꙗко сьнь (ὡς ὕπαρ καὶ οὐκ ὄναρ) и при-

---

[1]) Не понятъ, кажется, греческій текстъ, въ слѣдующемъ, кромѣ того, испорченномъ мѣстѣ, л. 55 лиц. ст. 2: «тѣмже испитовати хоте Га и ремьь, и поносити ꙗко старць бговьмѣненны: ὅθεν καὶ πολυπραγμονήσουσι τὰ ῥήματα τῶν λέξεων σου καὶ διασύρουσι καὶ ὡς ὕθλους καὶ μύθους γραῶν ἡγήσονται.

видѣнїѥ мнѣхь сиѥ видѣти, нь по истинѣ чистоую истиноу бы помишлѧ вь сѣбѣ. (57 об. ст. 2).

Центромъ Григоріева Видѣнія является идея суда, согласно съ сомнѣніями автора о правотѣ іудейской вѣры: евреи осуждены, являются предпослѣдними въ лѣствицѣ грѣшниковъ. Она и не полна, и неорганична и не приведена въ соотвѣтствіе съ распредѣленіемъ грѣховъ въ эпизодѣ Василіева житія, отведенномъ Хожденію Ѳеодоры по мытарствамъ[1]). Первыми покараны всѣ грѣшники отъ Адама до Моисеева закона; язычники, жившіе при законѣ и позже, не являются вовсе. Вторыми названы христіане, отвергшіеся Христа подъ страхомъ гоненія, но и послѣдняя, самая страшная категорія осужденныхъ, представителемъ которой является Діоклетіанъ, также согрѣшила отступничествомъ; славянскій переводъ замѣнилъ здѣсь рубрику: гонители.—Слѣдуютъ безъ всякаго внутренняго, по видимому, порядка категоріи общихъ грѣховъ: убійцы, прелюбодѣи, мужеложцы, волхвы, скотоложцы, самоубійцы, тати, лжесвидѣтели и клятвопреступники, гнѣвные и злопамятливые; тѣ, что предавались охотѣ и игрѣ въ мячь, ипподрому и позорищамъ бѣсовскимъ.—За тѣмъ другая группа, внѣ связи съ предыдущей: священнослужители и черноризцы, за которыми тѣмъ менѣе ожидаешь встрѣтить категорію полуправедныхъ и некрещеныхъ дѣтей, что послѣднія ступени лѣстницы заняты еретиками, евреями и богоотметниками съ Діоклитіаномъ.

Наказаніе грѣшникамъ одно: вверженіе въ геенну; къ этому присоединяется иногда біеніе огненными палицами, наложеніе веригъ на выю. Нѣтъ даже того сравнительно-скуднаго разнообразія наказаній, къ которымъ пріучили насъ иконографическія изображенія страшнаго суда. На челѣ грѣшниковъ начертаны

---

[1]) Разысканія, вып. V, стр. 125—6. Сл. такое-же замѣчаніе у проф. Покровскаго, Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства (Труды VI археолог. съѣзда въ Одессѣ, т. III), стр. 373.

ихъ прегрѣшенія; они-же выражаются символически (см. греч. т. стр. 90: τύποι) въ нѣкоторыхъ признакахъ, являющихъ качество грѣха: у убійцъ лицо въ крови, у скотоложцевъ лица звѣрообразныя, обросшія волосами, одежда самоубійцъ исполнена терній (сл. Dant. Inf. XIII: самоубійцы обращены въ деревья, на нихъ v. 6. stecchi con tosco), лжесвидѣтели и клеветники несутъ въ рукахъ узду (намордники? φορβειάς?) либо другое орудіе пытки (χοράχους=χόραχας?); у гнѣвныхъ языки, что острые ножи, глаза горятъ огнемъ, и сами они готовы какъ-бы укусить другъ друга. Особенно описаніе черноризцевъ съ лѣностью и небреженіемъ, сидящими на пхъ выяхъ, точно «гипіи», указываетъ на символическій характеръ подобныхъ изображеній [1]), которыя могли дать наивному живописцу поводъ представить ихъ дѣйствительными муками. Эти графическія подробности и должны были по преимуществу поразить фантазію; другія болѣе тонкія, сложные эпитеты, сравненія грубѣли или сглаживались въ передачѣ. Самый сюжетъ видѣнія исключалъ большое развитіе реализма: изъ картины послѣднихъ дней выключены тѣ эпическія черты, которыя, привлекая своимъ созвучіемъ съ темами народной былевой пѣсни, заставили автора Муспилли пѣть о брани Антихриста съ Ильей: въ видѣніи ангелъ спускается съ посланіемъ Господа къ Сатанѣ, царство котораго кончилось, волочитъ его на край земли; въ концѣ временъ онъ и его воинство будутъ сожжены. Этимъ указаніемъ и ограничивается авторъ; онъ спѣшитъ къ изображенію суда, который описываетъ любовно, съ видимымъ интересомъ слѣдя, какъ спускаются и восходятъ ангелы, какъ сонмъ за сонмомъ выступаетъ на сцену и движутся свѣтлыя толпы отъ великаго града къ Эдему и отъ обновленной земли къ вратамъ неба. Это большой царскій выходъ византійскаго двора со всѣмъ его церемоніаломъ, перенесенный въ церковный обиходъ и оттуда на небо, среди сіянья и славословія и рето-

---

[1]) Сл. сходное описаніе въ Словѣ Кирилла Философа Словенскаго, Разысканія, вып. V, стр. 235.

рики. Списатель житія, очевидно, прошелъ ея школу: его ангелы летаютъ, какъ молнія, какъ орлы и быстролетные ястребы, святые, какъ свѣтлыя горлицы. Послѣднія сцены видѣнія расположены какъ-бы сознательно: Господь уже вознесся изъ града Сіона въ царство небесное — и снова спустился въ градъ; безъ этого не было-бы послѣдней картины: Господь и всѣ безплотныя силы почіютъ въ славѣ, передъ ними лежитъ въ прахѣ грѣшный Григорій. Иные образы не лишены поэзіи: ангелы черпаютъ золотыми сосудами отъ нездѣшняго огня, росящаго свѣтомъ, и несутъ его ввысь на алтарь Господа. Рядомъ съ эпитетами реальнаго характера, другіе, лишенные всякой образности: мысленные камни, разумные вертограды. Они назначены выразить невыразимое и не достигаютъ цѣли: недостаетъ той поэтической неизреченности, сотканной изъ свѣта и звуковъ и волнующихся линій, которую мы зовемъ дантовскимъ Раемъ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ

къ V-му выпуску Разысканій.

Къ стр. 19 слѣд. (сл. стр. 107 слѣд. настоящаго выпуска). Къ *алтайскимъ преданіямъ о мірозданіи* сл. Ивановскаго, Къ вопросу о дуалистическихъ повѣріяхъ о мірозданіи (Этнографическое обозрѣніе кн. VIII стр. 250—2): 1) Человѣкъ и собака; 2) Пестрыя коровы (Господь создалъ животныхъ на пользу человѣка, дьяволъ захотѣлъ подражать ему и сотворилъ овецъ, козъ и рогатый скотъ, но все одноцвѣтныхъ; они обращаются въ пестрыхъ, когда Господь коснулся ихъ свѣжею вербою); 3) Сотвореніе людей (сходно съ сообщеннымъ у насъ выше, стр. 108—111 этого выпуска); 4) Происхожденіе валуновъ (Чертъ, желая помѣшать Богу населить землю людьми и животными, наслалъ каменный дождь, а камнямъ велѣлъ расти. Господь низвергнулъ его съ неба и остановилъ ростъ камней).

Къ стр. 52—3 (*болгарскія преданія о мірозданіи*) сл. Зоря 1889 № 3, 4: Набожни казки болгарски; Сборникъ за народни умотворения кн. IV, 2 отд., стр. 129, § 2 (пчела въ легендѣ о мірозданіи).

Къ стр. 74—6 (*Algis, Artes, Żeste*). Къ Żeste-Cześte г. Veckenstedt вернулся еще разъ въ Zeitschrift f. Volkskunde II, стр. 10—11. Г. Карловичъ, подвергшій разрушительной критики литовскія штудіи г. Феккенштедта (Mélusine V, № 5: La Mytho-

logie lithuanienne et M. Veckenstedt, стр. 121 слѣд.; сл. стр. 125, 129—130, 135) сомнѣвается, чтобы имена Żeste и Artes дѣйствительно принадлежали народному вѣрованію жмудиновъ, а относительно Algis'а замѣчаетъ, что г. Феккенштедтъ, найдя имя этого божества у Ласицкаго, свободно орудовалъ имъ въ своихъ «миѳахъ», вставляя его всюду, гдѣ этотъ angelus deorum казался нужнымъ или подходящимъ. Моя оговорка (стр. 74) относительно г. Феккенштедта была, такимъ образомъ, не лишней, какъ не лишнимъ можетъ показаться вопросъ, въ самомъ-ли дѣлѣ литовскія легенды, сообщенныя г. Феккенштедту его учениками, были по большей части плодомъ ихъ измышленій (сл. Karlowicz l. c. стр. 143)? Нѣкоторыя подробности космогоническихъ сказокъ у г. Феккенштедта отвѣчаютъ таковымъ-же, извѣстнымъ намъ по другимъ народнымъ варіантамъ и незаподозрѣннымъ.

Къ стр. 77 прим. 1 Сл. Jarnik, Albanesiche Märchen u. Schwänke въ Zs. f. Volkskunde II, стр. 264 слѣд. (Der Gerechte und der Ungerechte).

Къ стр. 78 слѣд. (*Дьяволъ—похититель: творецъ солнца*) Сл. E. S. (Stefanija Ulanowska), Symbolika wiosenna (W Krakowie 1884) стр. 5: Szatan, który zawsze się Panu Bogu sprzeciwiał i przez zazdrość chciał mu podrźezniać, wroił sobie że i on potrawi zrobić taki sam świat pękny. Zakradłszy się więc, porwał Panu Bogu kawałek słońca, ale musiał zaraz wypuścić z ręki, bo mu palce popiekło, i wtedy z kawałka tej jaśności skradzionej utworzył się księżyc.—Сл. слѣдующее преданіе тарбагатайскихъ таргоутовъ, сообщенное А. Ивановскимъ: съ самаго начала Бурхун-бакчі, создатель земли, находится въ постоянной враждѣ съ дьяволомъ (шулма). Когда создана была Богомъ земля, но не было еще людей, дьяволъ хотѣлъ уничтожить ее. Для этого онъ сдѣлалъ три солнца и думалъ сжечь ими землю, но Бурхун-бакчі покрылъ всю ее водою. Долго шулма боролся съ Бурхун-бакчі изъ-за первенства, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить ему. Тогда Бурхун-бакчі оставилъ одно только солнце, другіе же два низвергнулъ въ пропость, которую и сдѣланъ жилищемъ дья-

вола. Дьяволъ и теперь не оставляетъ попытки сжечь землю; объ этомъ можно судить по тремъ солнцамъ, иногда появляющимся на небѣ (рѣчь идетъ, очевидно, о такъ называемыхъ ложныхъ солнцахъ). Сл. Этнограф. обозр. кн. VII, стр. 263.

Къ стр. 81—2 (сл. l. c. стр. 363, прим. къ стр. 28—9). Къ *малорусской* легендѣ присоединимъ и слѣдующую буковинскую: когда Господь сотворилъ міръ, создалъ громъ и молнію и вручилъ ихъ черту. Онъ такъ злоупотреблялъ ими, что Господь послалъ сильный морозъ, отъ котораго воды замерзли на 24 сажени. Подъ льдомъ и лежалъ чертъ. Господь посылаетъ св. Илью похитить у дьявола громъ и молнію; когда Илья уже летѣлъ къ небу съ своей добычей, чертъ проснулся, прокусилъ ледяную кору, схватилъ святого за ноги и сталъ тянуть его внизъ; при этомъ онъ такъ напрягъ свои силы, что его ноги вдавились въ землю, отчего произошли долины; а Илья унесъ на небо громъ и молнію. Сл. Am Urquell I № 1, стр. 16: Kaindl, Zwei ruthenische Mythen aus der Bukowina. Краусъ (l. c. № 5, стр. 92) указываетъ по этому поводу на сербско-болгарскую легенду, извѣстную и у якутовъ: будто архангелъ похитилъ у черта землю, а чертъ, преслѣдуя его, оторвалъ у него, у входа въ небо, кусокъ мяса изъ подъ ступни, гдѣ теперь у насъ выемъ подъ пятой.

Къ стр. 93 слѣд. (сл. стр. 127 прим. настоящаго выпуска: *Творчество Бога и дьявола*) Сл. Revue des Traditions populaires IV, № 6, стр. 361, §§ XXXII (laurier и houx) и XXXIII (человѣкъ и обезьяна).

Къ стр. 133 (*Святость милостыни*) Сл. А. И. Пономоревъ, Славяно-русскій прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи (СПБ. 1890) стр. 25 слѣд.; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 360—1.

Къ стр. 136 слѣд. (*Загробное мѣстопребываніе некрещенныхъ младенцевъ и младенцевъ язычниковъ*) «некрещеніи же и язычстіи (младенцы) ни въ цр҃твіе входятъ, ниже въ муку, грѣха бо не сотвориша». Порфирьевъ, l. c. стр. 370.

Къ стр. 141 (*о возможномъ спасеніи добродѣтельныхъ язычниковъ*) Сл. Fr. Sacchetti, Sermoni, XIV, ed. Gigli, стр. 44.

Къ стр. 143 *(безразличные въ Павловомъ Видѣніи)* Сл. Шепелевичъ, Этюды о Данте I: Апокрифическое Видѣніе св. Павла (Харьковъ, 1891), стр. 81, прим. 1.

Къ стр. 154 прим. и стр. 370 (прим. къ стр. 154) сл. Zawiliński, Z powieści i pieśni górali beskidowych (Biblioteka «Wisły», t. V), № IX, стр. 61 слѣд. (Сл. библіографическое указаніе на стр. 66); Archiv für slav. Philologie V, стр. 648 слѣд.; діалогъ Галатео, Eremita, у Gothein, Zur Culturenwickelung Süditaliens, стр. 462 слѣд.

Къ стр. 157 слѣд. (*къ шванку о Пфримѣ*) Сл. грузинскую сказку о «Старикѣ и глыбѣ соли» въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа вып. X, отд. III, стр. 77 слѣд.: возвращаясь изъ города съ глыбой соли на плечахъ, бѣдный старикъ ропщетъ на судьбу. Когда онъ заснулъ на пути, ему во снѣ явился ангелъ, ввелъ его въ рай и говоритъ: Если такъ будешь жить, что никогда слова не скажешь, то оставлю тебя тутъ, а если скажешь хоть одно слово, то опять возьму отсюда.—Ходя и осматривая рай, старикъ видитъ человѣка, который хотѣлъ взвалить себѣ на спину цѣлую гору хвороста, связаннаго веревками, но не могъ; онъ уходилъ, приносилъ еще хворосту и прибавлялъ къ своей ношѣ. Какъ только старикъ упрекнулъ его въ его неразуміи, такъ и проснулся. Предупреждалъ я тебя, что тебѣ не слѣдуетъ говорить ни слова, сказалъ, явившись къ нему, ангелъ, и снова повелъ его въ рай. На этотъ разъ онъ видитъ костеръ, на немъ котелъ съ мясомъ; котелъ былъ полонъ и наваръ шелъ черезъ край, а человѣкъ все еще прибавлялъ мяса; то-же онъ дѣлалъ и съ кувшиномъ, переполняя его виномъ. Снова вступился старикъ и снова проснулся. Третье его видѣніе такое: люди тянутъ огромный камень въ разныя стороны и не могутъ сдвинуть съ мѣста. Старикъ не утерпѣлъ, но лишь только сдѣлалъ замѣчаніе, какъ очнулся на мѣстѣ, гдѣ легъ отдохнуть; тутъ-же валялась и глыба соли. Ангелъ объясняетъ

ему его видѣнія: человѣкъ, не въ мѣру взваливавшій себѣ на спину хвороста, былъ воръ; подъ старость ему бы исправиться, а онъ на грѣхъ накладывалъ другой; ему восемьдесять лѣтъ такъ страдать. Человѣкъ, переполняющій котелъ и кувшинъ, былъ щедрымъ; ему въ награду за то полгода не уменьшится похлебка въ котлѣ и вино въ кувшинѣ.—Камень означаетъ Бога, тѣ, кто тянетъ его, одни грузины, другіе русскіе, третьи татары; каждый старается взять его, каждый хвалитъ свою вѣру, а о томъ никто не подумаетъ, что Богъ одинъ для всѣхъ и что отдѣльно онъ никому не принадлежитъ.

Какъ видѣніе Пфрима, такъ и соотвѣтствующія въ грузинской сказкѣ, очевидно, не райскія: первое отличается даже чистилищнымъ характеромъ, послѣднее — чистая аллегорія, прекрасная параллель къ извѣстной легендѣ о трехъ кольцахъ у Боккаччьо и въ Натанѣ Мудромъ Лессинга.

Къ стр. 159—160 прим. 1, и стр. 160—1 прим. 2 (*Къ видѣнію св. Арсенія*) Сл. Paul Meyer, Les contes moralisés de Nicole Bozon § 83 и прим. на стр. 262—3.

Къ стр. 173 слѣд. *(Судьба-доля)* Сл. выше, стр. 167 слѣд. и Graf, La fatalità nella credenza del Medio evo, въ Nuova Antologia 1890, 16 іюля, стр. 201 слѣд.

Къ стр. 164—5 (*къ сказкамъ о чудесныхъ встрѣчахъ*). Сл. Zeitschrift für Volkskunde I: Richter, Lithauische Märchen, стр. 355 слѣд. (Die beiden feindlichen Apfelbäume und die fetten und mageren Schafe).

Къ стр. 200 прим. 3. Сл. Wisła II стр. 762 слѣд.: Bystroń, Polskie podania ludowe spokrewnione ze średnowieczną legiendą o swiętym Gregorzu, и тамъ же стр. 766 (Karłowicz); Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа IX, отд. 1: Топіевъ, Сказки, собр. въ селеніи Баянъ Елисаветпольскаго уѣзда (армянскія) № 1: Рѣчной бродяга, стр. 184 слѣд.; P. Meyer, l. c., § 26 и прим. на стр. 264—6. Особую редакцію повѣсти о кровосмѣсителѣ представляетъ одна рукоп. XVIII в. изъ собранія проф. Н. С. Тихонравова. Сл. Тихонравова, Пять

былинъ по рукоп. XVIII в., стр. 22 оттиска изъ Этнограф. Обозрѣнія, кн. VIII.

Къ стр. 233—4 (сл. выше стр. 167—8) Понятіемъ κακοπόδαρος слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить кличку Флокара въ романѣ о Florimont (сл. о немъ въ моемъ изслѣдованіи: Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 494 слѣд.; Psichari, Le roman de Florimont въ Études romanes dediées à G. Paris, стр. 507 слѣд.). Флокаръ говоритъ:

g'irai *a pie*
Et si irai mlt pourement.
. . . . . .
Cacopedie me nommez,
Cacopedie ens el griiois
Est *mauuais garcons* en francois.

Варьянтъ *cacopodie* вм. cacopedie встрѣчается лишь въ прозаическомъ пересказѣ романа (ркп. У., сл. Psichari, стр. 521), и его немыслимо вмѣнить его основному тексту, ибо авторъ перевелъ cacopedie = mauvais garçon. Тѣмъ не менѣе я считаю вѣроятнымъ, что въ его оригиналѣ стояло κακοποδί въ смыслѣ κακοπόδαρος: Флокаръ говоритъ о себѣ какъ о бездольномъ, несчастномъ; самъ г. Психари понимаетъ cacopédie, какъ *malheureux*. Такому бездольному прилично идти *пѣшкомъ*. Какъ-бы ни понять cacopodie ркп. У., опиской или нѣтъ, она бросаетъ свѣтъ на греческіе источники романа о Флоримонѣ.

Къ стр. 249 прим. 2. Сл. Mélusine III, стр. 257; IV, стр. 428—429; P. Meyer, l. c. стр. 249 слѣд.

Къ стр. 265 (*проводы русалокъ въ Рязанской губерніи*). Сл. Рязанскія эпархіальныя вѣдомости 1889 г., № 10.

Къ стр. 291—2. Одно мѣсто изъ слова св. Григорія εἰς τὰ ἅγια φῶτα, приведенное нами въ параллель къ славянскимъ текстамъ, встрѣчается въ другомъ переводѣ и съ интереснымъ комментаріемъ, заимствованнымъ изъ Троянскихъ Дѣяній. Сл. Григорія Θеолога словеса избранная яже суть толковая (сборн.

XV в. б—ки Тр. Серг. Лавры № 122; сборн. XV в. Солов. б—ки Каз. Дух. Ак. № 807 у Архангельскаго, Творенія отцевъ церкви и т. д. I—II, стр. 153): Вопросъ: «Ни таверьскаа чюжегоубленіа лаконкскыхъ брань дѣющихъ. требищная кровь просачаемаа ранами. ти се точию злѣ кропѧщимсѧ. имъ чтеться бг҃ыни. сии же дв҃а. ти бо и малакию почтоша и боуесть почтоша.—То҃. Еллиномъ оустремившимъсѧ на Троадоу и съвокоупльшимсѧ, повѣтріа не бы҃ имъ Артемидою, зане Аполмо҃ оустрѣливъ елень на ловѣхъ. похвалися ре҃: ни сама тако Артемида бы оустрѣлила. бѣзвѣтрію же обдержащоу вольхвовахоу прошающе вины (вилы?). развѣ дщерію Ахамновою оугодити Артемидѣ. Гамномъ же приведе дщерь свою на заколеніе Анѳигенію Артемидѣ. Артемидѣ же Анѳигнению въсхытившю. — Таврій же назади ѧзыкъ е҃ иже и Скиѳы. в нихъ же и капище Артемидино. даютъ же за двц҃ю олень на заколеніе. Лаконе же чтоуть Артемидоу праздноующе ей. краючеся с ножи до крови. исполняють капища кровию. моужества оуказъ створѧюще. да на бранехъ злѣ не радѧть о ѧзвахъ. се же едино злѣ имоуть, тако всоуе дроу҃ дроуга и ѧко на рати рѣжють. и тако слоужать бг҃омъ. чл҃вколюбець же сый бг҃ъ не радоуеться о крови. аще лоучится дв҃амъ послоужити Артемидѣ назы, и не закрывающе срамныхъ оудовъ. ти бо и малакию почтоша и боуесть почтоша».

Къ стр. 293. *Болгарскія поученія*, напечатанныя г. Качановскимъ по рукоп. XVIII вѣка, находятся и въ сборникѣ словъ и поученій на новоболгарскомъ языкѣ, XVII вѣка, изъ собранія проф. Григоровича. Сл. Мочульскій, Описаніе рукописей В. И. Григоровича (Одесса 1890), стр. 60 слѣд. (№ 38, л. 296 слѣд). Въ началѣ сборника за оглавленіемъ помѣщена слѣдующая запись: «сїю книжицу приведе і҆ѡсїфъ і҆еромонахъ рил́скы ѡ҆́бщи духо́вникъ брада́ти, приве́де ю҆ ѿ гръческы кни́гъ на блъга́рьскы просты ѥ҆зи́къ». Переписчикъ первой части рукописи былъ монахъ рыльскаго монастыря Никифоръ 1757 г. (сл. Мочульскій, стр. 51); съ л. 180 идетъ вторая часть, писанная другой рукой (l. c.

стр. 54); съ 279 л. г. Мочульскій выдѣляетъ третью часть, «*оригинальную*»; писана-ли она второй рукою — мы изъ описанія не узнаемъ; обличеніями противъ народныхъ суевѣрій и празднествъ л. 291 слѣд. (стр. 59—60) пользовался, очевидно, по той-же рукописи, Ѳ. И. Буслаевъ (Очерки I, стр. 117—118); на л. 296 слѣд. идутъ указанныя выше слова на самовилъ, магесницъ и т. д. Г. Мочульскій имѣлъ, вѣроятно, въ виду эти *оригинальныя* слова; между тѣмъ на 328-мъ, послѣднемъ, листѣ сборника значится: «а҆́зь и҆ѡ́сифь брадатїи по́сникъ изведохь ѿ гръче́ский ꙗ҆зи́кь на словен́ский же пи̑смо ради женски и҆ ба́бини̑ врагощини̑, ради̑ самови̑ли̑ и҆ бро̑нїцы̑ на прочита́нїе на ползу женамь», въ лѣто отъ Р. Х. 1756; переписчикомъ названъ Григорій, сынъ попъ Иліовичъ изъ Свищова 1789 года (см. стр. 62).

Къ стр. 305 слѣд. *Hellequin* французскаго преданія о Дикой охотѣ я попытался объяснить (стр. 316) въ связи съ повѣрьями объ Иродѣ и Иродіадѣ [1]), какъ уменьшительное отъ Herodes: Herdekîn. Существеннымъ въ моемъ объясненіи и считаю отношеніе образа къ легендѣ и ея дѣятелямъ; отправляясь отъ варіянта имени: Hennequin (Chasse Hennequin въ Нормандіи, Marie Hennequin въ Вогезахъ; Anichino вм. Arlecchino)—нѣм. уменьшительнаго отъ Johannes—я могъ бы предложить, не отходя отъ моей постановки вопроса, и другое объясненіе, уже предусмотрѣнное мною (l. c. стр. 310): преслѣдователемъ Иродіады въ Дикой охотѣ былъ бы Іоаннъ, Hans Jagenteufel, Hans нѣмецкаго повѣрья = Hennequin [2]).

Указаніями на варьянты Hennequin, Anichino я обязанъ не-

---

[1]) Къ повѣрьямъ объ Иродѣ сл. Rev. des traditions populaires V, № 7, Ferrand, Traditions et superstitions du Dauphiné, p. 416: его появленіе пріурочивалось къ святкамъ и Богоявленію; поэтому дѣтей пугаютъ: Mes enfants, ne sortez pas pendant ce temps (ночью), le roi Hérode vous prendra. — Le roi Hérode est dans les chemins avec ses chaines et ses grelots, il vous fera peur.

[2]) По народному повѣрью сіэнцевъ св. Іоаннъ самъ ходитъ въ ночь на 24 Іюня, всюду расточая свое благословеніе. Сл. Pitrè, Archivio, IX, стр. 334, 336, 339.

давно вышедшему изслѣдованію Raynaud [1]), радикально противорѣчащему всѣмъ до сихъ поръ даннымъ объясненіемъ имени Hellequin (58—9). Его толкованіе иное: Hellequin, въ основѣ, историческое лице; къ легендѣ о немъ примкнуло *анонимное* суевѣріе о Дикой охотѣ, занесенное во Францію норманнами (63) Hennequin явился Дикомъ охотникомъ.

Точкой отправленія для Raynaud послужило (стр. 59, 64) указаніе одной небольшой поэмы XIII вѣка: о взятіи Нёвилля фламандцами; поэтъ, обращаясь къ слушателямъ, говоритъ, что будетъ пѣть именно объ этомъ, ибо они довольно наслышались о Gerbert и Gerin, о Гильомѣ Оранскомъ, о *графѣ Булонскомъ* и *графѣ Hoillequin*. Hellequin или Hernequin, племянникъ Бодуэна, графа Фландріи, женился на старшей дочери Helgaud I, графа Понтьё и Булони; этотъ бракъ, принесшій Hernequin, въ приданное за женой, земли, зависѣвшія отъ фландрскаго графа, былъ причиной распри между дядей и племянникомъ. По смерти Helgaud въ 871 году Hernequin становится, по женѣ, графомъ булонскимъ и вскорѣ за тѣмъ обязанъ признать ленную зависимость отъ дяди по области Меркъ. Подъ 882 годомъ разсказывается о набѣгѣ норманновъ (Sarrazins), затѣмъ взятіи ими Булони и пораженіи Hernequin; вождями норманновъ являются полубасноловные, воспѣтые французскимъ эпосомъ Gormond и Isembart, пораженные при Сомюрѣ — уже въ 881 году. — Оставивъ въ оббатствѣ Samer жену и дѣтей, Hernequin еще разъ обращается противъ норманновъ, но его армія уничтожена; смертельно раненый, онъ умираетъ, вернувшись въ аббатство, гдѣ кончаются вмѣстѣ съ нимъ его жена, старшій сынъ и конюшій.

Такова *быль* о графѣ Hernequin; быль, смѣшанною съ чудеснымъ, говоритъ Ренò (сл. стр. 59—61), хотя ничего чуднаго мы пока не видимъ.

---

[1]) Études romanes dédiées à G. Paris le 29 Décembre 1890 par ses élèves français (Paris 1890): Raynaud: La Mesnie Hellequin, стр. 52, 59 (и прим. 6), 67.

Съ IX вѣка по XI ничего не слышно о Hernequin. Съ XI-го начинаются свидѣтельства (стр. 53 слѣд., 57—8)[1]): Ордерикъ Виталій называетъ militia Herlechini грѣшныя души, увлекаемыя дьяволомъ въ наказаніе за свои проступки; въ XII вѣкѣ Pierre de Blois говоритъ, какъ о militia Herlewini, о людяхъ, слишкомъ отдающихся мірскому и заслуживающихъ попасть по смерти въ адскую гонку; Gautier Map упоминаетъ о phalanges noctivagae quas Herlethingi dicebant. — Съ XIII вѣка упоминанія становятся чаще: Guillaume de Paris сближаетъ mesnie Hellequin съ испанскимъ exercitus antiquus; одна цитата изъ Гелинанда у Винценція изъ Бовэ объясняетъ Hellequinus искаженіемъ изъ Karlekinus, говоря, что Karlekinus или Carolus Quintus обязанъ былъ выдержать продолжительное покаяніе за свои грѣхи. И въ XIV вѣкѣ повторяется это толкованіе Hellequin — Quint Charles, осужденнаго являться на поле сраженія, гдѣ онъ былъ убитъ; въ XV вѣкѣ онъ совпадаетъ съ историческимъ королемъ Франціи, Карломъ V. До XV вѣка Quint Charles, очевидно, неудачная этимологія Hellequin, Herlequin, навѣянная, быть можетъ, представленіемъ о Карлѣ Великомъ, какъ покоющимся и возвращающемся императорѣ [2]): и въ XV вѣкѣ о Karlequin = Карлѣ V разсказывали, что онъ кается въ сообществѣ другихъ рыцарей и въ искупленіе грѣховъ снаряжается въ походъ — на *сарацинъ*.

Во всѣхъ указанныхъ выше упоминаніяхъ ни слова не говорится — о *графѣ* Hernequin. Исключеніе составляетъ приведенное свидѣтельство о существованіи поэмы о булонскомъ графѣ Hoillequin; но кто поручится намъ, что эта поэма была именно такого содержанія, какая предполагается представленіемъ о

---

[1]) Въ числѣ свидѣтельствъ о Hellequin приводится и стихъ изъ Chronique rimée de Godefroy de Bouillon: Et li rois de Taffurs, o luy si Halegrin. Мнѣ знакомъ былъ комментарій Gachet, но я не увѣренъ въ уравненіи Halegrin = Hellequin.

[2]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, II, стр. 121 прим. 4.

mesnie Helleqin, а не стояла ближе къ исторіи? Raynaud предполагаетъ первое и усматриваетъ отраженіе французской поэмы XIII вѣка въ томъ французскомъ-же прозаическомъ ея пересказѣ, либо англійской ея передѣлкѣ, которой пользовался Вальтеръ Скоттъ: графъ Hellequin, потерявъ все свое достояніе на службѣ императора, не былъ вознагражденъ за свое усердіе. Презираемый императоромъ, подверженный нападеніямъ вассаловъ, онъ, его сыновья и конюшіе стали съ отчаянія разбойниками... Долгое время онъ побѣждалъ имперскія войска, пока не погибъ съ всѣми своими людьми въ кровавой битвѣ. Въ наказаніе за свои проступки они осуждены блуждать до суднаго дня, не оставляя своихъ воинственныхъ нравовъ и древней распри.

Остановимся на предположеніи Ренò, что этотъ разсказъ о графѣ Hellequin сохранилъ намъ содержаніе поэмы о булонскомъ графѣ Hoillequin. Какъ представить себѣ развитіе послѣдней изъ знакомой намъ исторической были о графѣ Hernequin? Повидимому, быль ничуть не приготовляетъ поэмы, и нуженъ рядъ ухищреній со стороны изслѣдователя, чтобы извлечь изъ первой мотивы второй (стр. 62—3). Не только ухищреній, но и предположеній: вѣроятно напр., что въ теченіи своей распри съ графомъ Фландрскимъ Hernequin опустошалъ его владѣнія, можетъ быть, предавался грабежу; вѣроятно, его появленія тамъ ожидали съ трепетомъ, и внезапная смерть его самого, жены и сына представилась небесной карой за его преступленія. Труверъ XI вѣка (стр. 63) отправился отъ этихъ данныхъ: вмѣсто Фландрскаго графа явился императоръ, наказаніе усилено — подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь урагана, современнаго пораженію христіанъ (норманнами) и — стараго анонимнаго суевѣрія о Дикой охотѣ, принесеннаго норманнами. Въ норманское, языческое повѣрье христіане внесли, стало быть, протагонистомъ графа Hernequin сражавшагося въ ихъ защиту противъ норманновъ, что̀ достовѣрно, предполагаемаго грабителя, что̀ надо было конструировать, ибо это единственная нить, связывающая имя историческаго графа съ покараннымъ графомъ легенды. Ея былая

анонимность — такое-же предположеніе — и въ тѣхъ-же цѣляхъ, хотя ничто не мѣшаетъ представить себѣ, что имя Hernequin, какъ болѣе популярное, могло вытѣснить изъ легенды другое, пришлое, созвучное или нѣтъ.

Разборъ гипотезы Ренò достаточно выяснилъ мои отношенія къ ней. У насъ на лицо легенды о Дикой охотѣ съ ихъ типической схемой — въ основѣ естественный метереологическій миоъ, широко распространенный: въ сонмѣ Діаны — Гекаты также находятся души умершихъ, какъ въ окруженіи Дикаго охотника нѣмецкихъ повѣрій, какъ маруты = mortui въ сопровожденіи Рудры; къ идеѣ усопшихъ (духовъ=вѣтровъ) присоединилась идея покаяннаго блужданія и гоненія; такъ втянулись въ легенду образы Ирода, Иродіады — и Іоанна; другія историческіе лица могли появляться въ ней по согласію соотвѣтствующихъ типовъ или именъ. Съ широкой базы такой легенды надо было начать анализъ, а далѣе указать поводы проникновенія въ нее того или другого предполагаемаго историческаго образа, напр. Hernequin'a; не наоборотъ. Быль о Hernequin'ѣ, по моему мнѣнію, такихъ поводовъ не представляетъ; je ne connais pas de tradition à son égard, давно замѣтилъ Liebrecht (Gervasius von Tilbury, Otia Imperialia, p. 139 прим. 76). Остается предположить, что вошелъ онъ въ легенду уже не анонимную, притянутый какимъ-нибудь созвучіемъ.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: авторъ не только представляетъ себѣ неизвѣстную намъ поэму XIII вѣка уже насыщенною содержаніемъ легенды о militia Hellequini, но и выражаетъ, какъ мы видѣли, мнѣніе, что оригиналъ ея могъ быть составленъ въ XI вѣкѣ; предѣлъ, очевидно, указанный Ордерикомъ. Составленная на сѣверъ, эта поэма перешла въ Нормандію, за тѣмъ въ Англіи (стр. 63): за послѣднее свидѣтельствуетъ текстъ, которымъ пользовался Вальтеръ Скоттъ; Нормандія является естественнымъ передаточнымъ пунктомъ, пбо показанія Ордерика и Gautier Map сами по себѣ не говорятъ за перенесеніе — поэмы. Ордерикъ замѣчаетъ только по поводу видѣнной

Gauchelin'омъ Дикой охоты, что это sine dubio familia Herlechini, которую многіе видѣли, а Gautier Map выражается о phalanges noctivagae... Herlethingi, что ихъ знаютъ въ Бретани, а въ Англіи и Валлисѣ они перестали показываться съ 1155 года.

Ренѐ предполагаетъ, что выраженіе Mesnie Hellequin распространилось съ распространеніемъ поэмы; такого рода вліяніе литературнаго памятника на народное повѣрье возможно, при условіи широкой извѣстности перваго. Ея то и не было: наша поэма, говоритъ Ренѐ, кажется, не была очень популярной, ибо о ней нѣтъ никакихъ упоминаній, кромѣ единственнаго, вызвавшаго соображенія Ренѐ.

Къ VI-му выпуску Разысканій.

Къ стр. 1 слѣд. Мой разборъ книги Elard Hugo Meyer'a, отпечатанный годъ тому назадъ, запоздалъ выходомъ по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, почему и не могли быть приняты во вниманіе слѣдующіе отчеты о томъ-же трудѣ: Schönbach'a (Wiener Zeitung 1890 № 51), Heinzel'я (Anzeiger für deutsches Altertum u. deutsche Literatur XVI, 4 Sept. 1890, p. 341 слѣд.), Mogk'a (Literarisches Centralblatt 1890, № 20) и Detter'a (Arkiv för nordisk filologi, sjunde Bandet, Ny Följd, tredje Bandet, Häftet I, стр. 89 и слѣд.). Отмѣчаю это, чтобы оставить за собою, какъ починъ, такъ и отвѣтственность за выраженные мною взгляды. Отзывъ Noreen'a (Noreen, Ett nytt uppslag i fråga om den nordiska mythologien въ Nordisk Tidskrift för vetenskap, konst och industri, 1890, 4. 3, стр. 201—212) остался мнѣ непзвѣстнымъ.—Миѳъ о войнѣ Вановъ съ Азами и о Гулльвейгѣ (сл. стр. 32 слѣд.) вызвалъ небольшое изслѣдованіе Weinhold'a (Ueber den Mythus vom Wanenkrieg, въ Sitzungsberichte der kön. preuss. Akademie Berlin XXIX—XXX, 1890 г.,

стр. 611 слѣд.), результаты котораго представляются мнѣ сомнительными вслѣдствіе смѣшенія историческаго и миѳологическаго критеріевъ. Съ одной стороны война Азовъ съ Ванами представляется отраженіемъ дѣйствительной борьбы двухъ культовъ, вторгшихся съ юга въ скандинавскія земли, отданныя религіи Тора: культа Вановъ и одинническаго. Гульвейга—это Фрея; ея культъ въ Швеціи отличался чувственнымъ характеромъ (Гульвейга творитъ чары, она — утѣха злыхъ женъ) и вызвалъ протестъ болѣе строгихъ поклонниковъ Одина. За этой нравственной (сл. стр. 621) противоположностью двухъ религій и двухъ божественныхъ родовъ Вейнгольдъ предполагаетъ другую, стихійную: съ этой точки зрѣнія Ваны—свѣтлые, солнечные боги, Одинъ является въ качествѣ «олимпійскаго и хѳоническаго Зевса (стр. 622); онъ ночной, дикій охотникъ — и миѳъ о Гульвейгѣ, поражаемой копьями, не что иное, какъ сѣверная формулировка миѳа о Дикой охотѣ (стр. 625) Коли такъ, то такой стихійный миѳъ долженъ былъ существовать и до вторженія захожихъ религій Азовъ и Вановъ и лишь примкнулъ къ ихъ «нравственной» противоположности. Впрочемъ и стихійное толкованіе миѳа о Гульвейгѣ не представляется мнѣ вѣроятнымъ.

Къ стр. 22. Что представленіе статьи «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ» встрѣчается впервые у Плутарха, на это указалъ недавно Gaidoz, Échos de la littérature antique au moyen âge, Mélusine V, № 5, стр. 107.

Къ стр. 28. Urþr я перевелъ, какъ совершенное бытіе, прошлое. Mogk (Grundriss d. germ. Philologie I Band, стр. 1023, 1024) считаетъ названіе трехъ нормъ въ указанный (по его мнѣнію, интерполированный) строфѣ Vǫluspá—позднимъ исландскимъ изобрѣтеніемъ. Древней является лишь одна: Urþr = althochd. wurt:fatum, eventus, fortuna; Hel. wurd: смерть, смертная доля, англос. wyrd: судьба, доля, можетъ быть, отъ индогерм. корня wert: вертѣть, вращать.

Къ стр. 29 слѣд. (сл. выпускъ V стр. 357). Къ происхожденію людей изъ деревьевъ г. Потанинъ сообщилъ мнѣ нѣ-

сколько новыхъ свѣденій. Предокъ Ölötовъ былъ мальчикъ Цоросъ или Чоросъ, найденный подъ деревомъ; дерево питало его своимъ сокомъ; по другимъ варьянтамъ сокъ текъ чрезъ кривой сукъ, цорго; по третьему—Цоросъ происходитъ отъ цоро—дупло (Позднѣевъ, Образцы народн. лит. монг. плем. стр. 135; Потанинъ Очерки IV, 326; Pallas, Samml. I, 32). Чингисъ—тоже мальчикъ, найденный совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, т. е. подъ деревомъ, сокомъ котораго онъ питался. По одному сказанію Чингисъ — изобрѣтатель винокуреннаго снаряда, т. е. онъ выдумалъ бурхенъ, шлемъ на котелъ, и цорго—трубу; вино—ѣда Чингиса, говоритъ гимны; первоначально разумѣлось, вѣроятно, вино—древесный сокъ, текшій черезъ цорго—сукъ. Сл. выше (стр. 30) наше толкованіе миѳа о рожденіи Геймдалла.—Замѣтимъ, что и бурятскій Булагатъ — покинутое дитя, питавшееся тѣмъ, что сосало листья дерева.

Къ стр. 97 слѣд. (Хожденіе св. Брандана). Къ литературѣ легенды отмѣтимъ De Goeje, La légende de Saint Brandan. (Leide, Brill, 1890). По мнѣнію автора составитель Navigatio Sancti Brandani былъ на востокѣ около 1000-го года, видѣлъ въ Іерусалимѣ въ церкви гроба Господня чудесное возженіе огня въ навечеріе пасхи; зналъ сказку о странствованіяхъ Синдбада (написанную около 900 г.) и разсказъ о хожденіи трехъ братьевъ лассабонцевъ къ границамъ океана; о немъ говоритъ Эдризи, но самое хожденіе совершено было, вѣроятно, въ X-мъ вѣкѣ. (Сл. стр. 6 слѣд., 15, 16 слѣд., 25). Особенно гипотетично соображеніе автора о причинахъ усвоенія ирландской легендой мотивовъ изъ сказки о Синдбадѣ: въ Sindbad первая часть слова могла ощущаться какъ saint; это и могло дать поводъ какому-нибудь ирландскому матросу или монаху вспомнить о своемъ святомъ — Бранданѣ (сл. стр. 14). Ирландскій монахъ около 1000-го года едва-ли не исключаетъ память именно о формѣ — «saint».

Отмѣтимъ кстати небольшую параллель къ легендѣ о «новгородскомъ раѣ»: въ западномъ океанѣ много острововъ, которыхъ

нарицаютъ блаженными, «глаголѥми же и пѣсные ради вины сицеви: нѣкій корабникь (оузрѣвь и) въсхотѣ поити тамо ꙗко да ꙗже тамо оузрить. Корабиць маль по въсоудоу оусъсоуди и оутвръдивь отплоу вь страни они. Слыша пѣсны поемы и оужасе се оть пѣсней онѣхь, *ѥлико полѣтевь въсхытить се оть ныхь,* и оть толѣ оубо островы именоваше блаженн́ыихь и пѣсныихь. Сего же *Евсевіа западна плов́ца* нарекоше за ѥже сътворити сицево плаваніе вь западныхь странахь» (Starine, кн. XVI, стр. 44—5: Novaković, Odlomci srednevjekovne kosmografije i geografie).

Къ стр. 112 прим. строка первая сверху: вм. 36—8 чит.: 363. Къ легендѣ у Айно и киргизской сл. еще монгольскую у Потанина, Очерки IV, 143—144.

Къ стр. 134. Къ литературѣ, вызванной «Бесѣдой», сл. теперь проф. Красносельцева, Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ Святителей (Одесса 1890). Сл. его общіе выводы на стр. 20—1 и въ Приложеніи 1-мъ: греческій текстъ Вопросовъ и отвѣтовъ по пергаменной рукоп. библіотеки Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, XIV вѣка.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Θεωρία Γρηγορίου

(f. 147 v.) Ἐν μιᾷ γοῦν τῶν ἡμερῶν ἡσυχάζοντός μου ἐν τῷ κελλίῳ μου καὶ περὶ τῶν ἀθέσμως μοι πεπραγμένων κατὰ διάνοιαν φροντίζοντος, πῶς ἂν δυναίμην εὐκόλως ἀπαλλαγῆναι τῶν πολλῶν μου κακῶν ὧνπερ ἐν γνώσει καὶ ἀγνοίᾳ πέπραχα ὁ ταλαίπωρος καὶ εὑρεῖν ἔλεος ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως, ἕτερος λογισμὸς λίαν αἰσχρὸς καὶ πονηρὸς καὶ παμπόνηρος καὶ παντελῶς ἀχρεῖος καὶ μάταιος παρ' ἐλπίδα ἐνέσκηψε τῇ διανοίᾳ μου, κλονῶν καὶ συνταράττων σφόδρα τὸν νοῦν μου, ὑποτιθέμενος καὶ ἐμβιβάζων αὐτὸν εἰς ἀλλοκότους καὶ βδελυρὰς ἐνθυμήσεις, ὡς ὅτι εὐσεβῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ καλῶς ποιοῦσι τὸν ποιητὴν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς εὐλαβούμενοι· ὁ γὰρ Ἀβραὰμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ καὶ Μωϋσῆς τίμιοι καὶ εὐσεβεῖς ἐναντίον Κυρίου ἀνεφάνησαν σημείοις καὶ τέρασι παραδόξοις ἐκ Θεοῦ δοξασθέντες τοῦ μαστίξαντος δι' αὐτοὺς τὴν Αἴγυπτον ἐν δέκα χαλεπωτάταις πληγαῖς καὶ λαλήσαντος αὐτοῖς στόμα πρὸς στόμα· ὃς καὶ διὰ τῆς ῥάβδου Μωϋσέως τὴν Ἐρυθρὰν θάλασσαν ἔτεμεν εἰς διαιρέσεις καὶ αὐτοὺς ὡδήγησεν ἀβρόχῳ ποδὶ καὶ διέσωσεν ἐπὶ λι-(f. 148 r.)μένα θελήματος αὐτοῦ, καὶ τοὺς διώκοντας αὐτοὺς κατεπόντισεν ἐν Ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ, τούτους δὲ ἐν ἐρήμῳ διέσωσεν δοὺς αὐτοῖς μάννα φαγεῖν τεσσαράκοντα ἔτη, πέτραν δὲ διαρρήξας ἐξήγαγεν αὐτοῖς ποταμοὺς ὑδάτων, γάλα τε καὶ μέλι καὶ ἔλαιον ἐκ στερεᾶς πέτρας, δοὺς αὐτοῖς καὶ τὸν νόμον ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ· ὃς καὶ τὴν δεκάλογον οἰκείῳ στόματι αὐτοῖς ἐξηγήσατο καὶ εἰσήγαγεν αὐτοὺς

εἰς τὴν γῆν τῆς ἐπαγγελίας καὶ τοὺς ἐχθροὺς αὐτῶν ἅπαντας ἐπάταξε καὶ εἰς τέλος ἀπώλεσε. Πῶς δὲ προφήτης οὐ τίμιος γεγεννημένος ἐκ τοῦ γένους αὐτῶν; καὶ γὰρ ὁ Σαμουὴλ βλέπων Κύριον ἐκαλεῖτο καὶ Δαβὶδ ὁ προφήτης καὶ θεοπάτωρ ἀνηγορεύθη, καὶ Ἠλιοὺ ὁ προφήτης τίμιος καί ζηλωτὴς ὠνόμαστο, ὃς καὶ νεκρὸν ἤγειρε καὶ ἐν πυρίνῳ ἅρματι εἰς οὐρανοὺς ἀνελήφθη μετὰ σαρκός, ἧς τῶν δεσμῶν οὐκ ἀπέστη τὸ σύνολον ἔτι ζῶν· καὶ Ἐλισσαιὲ διπλῆς κατηξιώθη χάριτος, ὃς τὰ Ἰορδάνια ῥεῖθρα τῇ μηλωτῇ Ἠλιοῦ διέτεμε καὶ τῆς Σουμανίτι(f. 148 v.)δος τὸν παῖδα θανόντα ἀνέστησε. Καὶ Σοφονίας, Ἀμμὼς καὶ Ἰεζεκιήλ, Ἡσαίας τε καὶ Δανιὴλ σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις προφήταις ἆρα οὐ διὰ τῆς πίστεως ταύτης τῷ Θεῷ εὐηρέστησαν καὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ ἐπέτυχον; οὓς καὶ ἡμεῖς οἱ εἰς Χριστὸν πιστεύοντες σεβαζόμενοι τιμῶμεν καὶ τὸν τύπον τῆς μορφῆς αὐτῶν προσκυνοῦμεν; Πῶς κακὴ ἡ πίστις αὐτῶν καὶ ἡ ἡμετέρα καλή; Ἡ τούτων τε πίστις πάντως καλὴ, ἐπεί οὐκ εἰς εἴδωλα οὗτοι πιστεύουσιν, ἀλλ' εἰς Θεὸν τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. Καὶ ἁπλῶς πάντα τὰ τῆς παλαιᾶς διαθήκης ἀναλογιζόμενος καὶ ἀπαριθμῶν· ἥμην γὰρ ταύτην πᾶσαν ἐξησκηκὼς καὶ διεβεβαιούμην ἐμαυτῷ ἐπ' ἀληθείας καλῶς ἔχειν τὸν ἐνοχλοῦντά με λογισμὸν περὶ τῶν Ἰουδαίων. ταῦτά μου καὶ ἕτερα παραπλήσια τούτοις λογιζομένου καὶ παραδεχομένου ὡς ἀπὸ τῶν παρ' αὐτοῖς τελεσθέντων τότε ξένων καὶ ἐξαισίων θαυμάτων καὶ τεραστίων, τί ἂν εἴποιμι τίς γέγονα καὶ τί πέπονθα καὶ πόσην ὄχλησιν ὑπέστην καὶ ταραχὴν(f. 149 r.)δι' ὅλης τῆς νυκτὸς ἐκείνης ἐν τῇ καρδίᾳ μου ταῦτα διανοούμενος; Στήσας οὖν τὸν τοιοῦτον λογισμὸν ἐν ἑαυτῷ λέγω ὡς· ἐπ' ἀληθείας κατὰ ἄνοιαν εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν οἱ τῶν Ἰουδαίων πρόγονοι πεπαρανομήκασι, καὶ εἰ οὗτοι ὑπεύθυνοί εἰσι διὰ τῆς θεοκτονίας καὶ μιαιφονίας, ἀλλ' οἱ τούτων ἀπόγονοι τὴν παλαιὰν παράδοσιν κρατοῦντες ἀνεύθυνοί εἰσι παρὰ τῷ Θεῷ· οἱ γὰρ τὰ τοῦ νόμου ποιοῦντες, οὐκ ἀστοχήσουσι τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας. Εἶτα πάλιν φημὶ πρὸς τὸν λογισμόν· ὦ ἐπάρατε λογισμὲ καὶ πολύσκυλτε, ὦ παλίμβουλε διάνοια καὶ πολυόχλητε, τί ἐμοὶ καὶ σοὶ ἡ ὠφέλεια ἐὰν ἀπὸ τῆς ἰδίας διακρίσεως τὰ λεγόμενα στοιχήσωμεν ὅτι οὕτως ἔχουσι καθὼς λογιζόμεθα; δεῦρο οὖν πρὸς τὸν πανάγιον πατέρα ἡμῶν ἀπέλθωμεν καὶ διδάσκαλον, εἰς ὃν καθαρῶς

οἴδαμεν καὶ πεπιστεύκαμεν ἐκ πολλῶν καὶ μεγίστων θαυμάτων καὶ τεραστίων ὅτι ἀναπαύεται τὸ πνεῦμα τοῦ Θεοῦ ἐπ' αὐτῷ, καὶ ἀνακαλύψωμεν αὐτῷ τὰ περὶ τοῦ ζητουμένου τούτου πράγματος· καὶ ὅπερ αὐτὸς περὶ τούτου(f. 149 v.)διακρίνει καὶ ἀποφήνεται, τοῦτο καὶ αὐτοὶ στοιχήσωμεν καὶ κρατήσωμεν καὶ αὐτῷ ἐπακολουθήσωμεν· πᾶς γὰρ ὁ μὴ ἐξαγορεύων ἐξομολογούμενος τοὺς λογισμοὺς αὐτοῦ τῷ πνευματικῷ αὐτοῦ πατρὶ, ἀλλὰ κρύπτων αὐτοὺς ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ καὶ πᾶσαν αὐτοῦ ἁμαρτίαν καὶ ἄθεσμον πολιτείαν, (ἀλλ') ἐν ἑαυτῷ κατέχων, οὐ τοῦ Χριστοῦ ἐστιν οὐδὲ τῆς μερίδος αὐτοῦ, ἀλλὰ τῆς τοῦ Ἀντιχρίστου μερίδος ἐστίν· ὄφεις γὰρ ἀληθῶς καὶ σκορπίους καὶ γεννήματα ἐχιδνῶν ὀλεθροτόκα ὁ τοιοῦτος ἀνατρέφει ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ· καὶ οὐαὶ αὐτῷ, ὅτι σωτήριος ἐλπὶς αὐτῷ οὐκ ἔστιν, οὐδὲ κλῆρος ἐν τοῖς σωζομένοις, ὅτι τὴν ταπείνωσιν οὐκ ἐκτήσατο· ἀλλ' εἵλετο συναποθανεῖν ταῖς ἀσελγείαις καὶ πονηραῖς ἐνθυμήσεσι καὶ ἡδυπαθείαις αὐτοῦ. Τοῦτον τὸν λόγον πρὸς ἐμαυτὸν εἰρηκὼς καὶ ὡς ὃῆθεν ἐν ἐμαυτῷ συμβουλευσάμενος, εὐθέως ἐξανέστην τοῦ πορευθῆναι πρὸς τὸν ὁσιώτατον καὶ προορατικώτατον ἢ μᾶλλον εἰπεῖν θεωρητικώτατον πατέρα ἡμῶν Βασίλειον· ἔτυχε δὲ εἰς Ἀρκαδιανὰς τηνικαῦτα ποιούμενος (f. 150 r.) τὴν κατοίκησιν καὶ οὐκ εἰς τὰ Ἐλευθερίου· τῇ δὲ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἐπετελεῖτο τὸ χρυσοῦν ἱπποδρόμιον λεγόμενον, ἐν ᾧ σχεδὸν πᾶσα ἡ πόλις ἦν ἠθροισμένη, ἐγὼ δὲ ἐκ πολλῶν χρόνων τοῖς χρυσέοις ἔπεσι καὶ θεοφθόγγοις διδάγμασι τοῦ φωστῆρος τῆς οἰκουμένης καὶ μεγάλου διδασκάλου τῆς ἐκκλησίας Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου πεισθείς, ἀπέκοψα τοῦ μὴ εἰσέρχεσθαι ὅλως ἐν τῷ ἱπποδρομίῳ χάριν θέας τῶν ἐκεῖσε τελουμένων θεάτρων. Πορευόμενος οὖν πρὸς τὸν ὅσιον καὶ τὴν ὁδὸν ἀπερχόμενος καὶ πρὸς τὸν λεγόμενον Δίιπνον φθάσας, εὐθέως, τὸ πόθεν λέγειν οὐκ ἔχω, ἔρως τις ἀνήφθη ὥσπερ πῦρ φλέγων ἐν τῇ καρδίᾳ μου, ἐκβιάζων με τὴν ἱπποδρομίαν θεάσασθαι, ἐπειδή, λέγων ἐν ἑαυτῷ,· τὴν πρώτην ὥραν τοῦδε τοῦ βαΐου ἔφθασας, οὐ γὰρ ἔξεις κρῖμα ἐν τούτῳ, ἐπεὶ οὐ διὰ τοῦτο παραγέγονας ὧδε, ἀλλ' ἔτυχες κατὰ πάροδον, καὶ δεῦρο θεάσαι τὸ πρῶτον βαΐου καὶ ἴδε τίς νικᾷ, καὶ τότε πορεύθητι τὴν πρὸς τὸν πατέρα σου ὁδόν. Καὶ (f. 150 v.) ἅμα τὸ ταῦτα κατὰ διάνοιαν λογίσασθαί με, ἠρξάμην τῆς ὁδοιπορίας εἴργεσθαι καὶ τοὺς πόδας προκόπτειν καὶ ἐφ' ὥραν

ἱκανὴν ἀκίνητος καὶ ἐξεστηκὼς ὑπὸ τῆς κατὰ διάνοιαν πάλης τῶν λογισμῶν καθορᾶσθαι. Τέλος οὖν ὁ τάλας μὴ ἰσχύσας ἐγκρατὴς γενέσθαι τοῦ τοιούτου πονηροῦ λογισμοῦ· σφόδρα γὰρ ἐπῆρε πτέρναν κατ' ἐμοῦ καὶ οὐκ ἴσχυσα περιγενέσθαι αὐτοῦ καὶ ἀποδιῶξαι αὐτὸν ἀπ' ἐμοῦ· ἡττηθεὶς ἀνῆλθον ὁ τάλας καὶ ἐθεασάμην τὴν πρώτην ἱππηλασίαν καὶ ἅμιλλαν τῶν ἡνιόχων· τέλος δὲ ταύτης ἐσχηκυῖας ὀξέως ὑποχωρήσας τοῦ θεάτρου, παρεγενόμην πρὸς τὸν μακάριον· εὗρον δὲ αὐτὸν μόνον ἐν τῷ κελλίῳ ἐν ᾧ κατέμενεν εἰς προσευχὴν ἱστάμενον· οἱ γὰρ τοῦ οἴκου πάντες σχεδὸν ἐν τῇ ἱπποδρομίᾳ ἀπῆεσαν πλὴν ὀλίγων τινῶν καὶ τούτων δηλαδὴ τῶν εὐλαβεστέρων ἢ καὶ τῶν ἐν ὑπηρεσίαις τοῦ οἴκου ἀσχολουμένων. Στὰς δὲ τοῦ κελλίου ἔξω· πέρας οὖν τε τῆς εὐχῆς τοῦ ἁγίου γέγονε· καὶ εἰσελθὼν προσέπεσα τοῖς τιμίοις αὐτοῦ ποσίν· αὐτὸς δὲ ἡ (f. 151 r.) ρέμα πως τὸν αὐτοῦ ὀφθαλμὸν ὑπανοίξας μοι καὶ οἱονεὶ βασιλικὸν κατιδὼν καὶ ἀποτόμως μοι δριμυττόμενος ἔφη· Ἰδοὺ καὶ ὁ τὰ ἰουδαϊκὰ φθονῶν πρὸς ἡμᾶς παραγέγονεν, ἰδοὺ ὁ πᾶσαν τὴν παλαιὰν ἐκμελετήσας γραφὴν καὶ ἐκ ταύτης καταμαθὼν, ὅτι καλῶς κρατοῦσι τὴν πίστιν οἱ ἐπάρατοι Ἰουδαῖοι, οἱ σκοτεινοὶ περὶ τὸ φῶς καὶ τῷ ὄντι υἱοὶ τοῦ διαβόλου καὶ τῆς μερίδος τοῦ Ἀντιχρίστου τυγχάνοντες κἀκεῖνόν τε περιμένοντες καὶ ὑπ' ἐκείνου κληρονομεῖσθαι αἱρετισάμενοι καὶ Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ ἡμῶν διὰ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος προσελθεῖν μὴ ἀνεχόμενοι. Ἐλήλυθε πρὸς ἡμᾶς σήμερον ὁ καλὸς τῶν θείων γραφῶν σαφηνιστὴς καὶ τούτων ἐξηγητὴς καὶ ἑρμηνεὺς ἀκριβέστατος, ὁ τοὺς προφήτας ἐκθειάζων καὶ τὰ δι' αὐτῶν ἐνεργηθέντα θαύματα ἐκπληττόμενος καὶ καλῶς νῦν κρατεῖν καὶ πιστεύειν τοὺς Ἰουδαίους διαβεβαιούμενος, ὅτι τὸν Θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς οὗτοι πιστεύοντες καὶ φυλάσσοντες τὰ παρ' αὐτοῦ δοθέντα τούτοις τοῖς νόμοις πῶς (f. 151 v.) οὐ καλῶς καὶ ὀρθῶς κρατοῦσι καὶ πιστεύουσι; καὶ εἰ οἱ πρόγονοι καὶ οἱ προκάτοχοι τούτων οἱ εἰς τὴν κυριοκτονίαν καὶ μιαιφονίαν ἐνεργήσαντες σωτηρίας οὐ τύχουσιν, ἀλλ' οὖν γε οὗτοι, ὡς ἀνεύθυνοι, ἐὰν τὸν νόμον καλῶς φυλάξωσιν, οὐκ ἀστοχήσουσι τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας. Ἦκεν ὧδε ἰδοὺ ὁ τὰ οἰκεῖα κακὰ κλαίειν ἀφεὶς καὶ τὴν τούτων τῶν θεοκτόνων συγχώρησιν ἐμπόνως καὶ μετὰ θερμῶν δακρύων ἐπιζητῶν· τῶν μηδὲν αὐτῷ προσηκόντων

ἀνοήτως καθήμενος καὶ ἀδολεσχῶν, ἐδοκίμασε καὶ ἐδίκασε καὶ τούτοις τὴν νικῶσαν μοίραν ἐπεβράβευσε καὶ ὄντως καλῶς ἔχειν τὴν τῶν Ἰουδαίων πίστιν ἀπεφήνατο· οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τῷ τῆς ἱπποδρομίας δαίμονι προβαλὼν καὶ μετ' αὐτοῦ παλαίσας δέδωκε τούτων ὦτα, κατὰ κράτος οὖν ἡττηθεὶς παρ' αὐτοῦ καὶ κοινωνήσας τῆς θέας τῶν ὑπ' αὐτοῦ ἐπὶ βλάβει τῶν ἀνθρωπίνων ψυχῶν ἐξευρεθέντων ἔκπαλαι καὶ ἔτι νῦν ἐνεργουμένων, παραγέγονεν ὅλως τῆς αὐτῆς ἀηδίας καὶ αἰσχίστης (f. 152 r.) ἐπιθυμίας πεπληρωμένος ὡς πρὸς τὸ ἐρωτῆσαι ἡμᾶς καὶ πεισθῆναι τοῖς παρ' ἡμῶν πρὸς αὐτὸν ῥηθεῖσι περὶ τῶν τοιούτων αὐτοῦ οὐκ ἀγαθῶν λογισμῶν. Ταῦτα τοῦ ὁσίου περὶ ἐμοῦ ἐν ἑαυτῷ λέγοντος, φημὶ κἀγὼ κατὰ διάνοιαν πρὸς ἐμαυτόν. Ὄντως ἐλεεινὲ καὶ ταλαίπωρε Γρηγόριε, ἤγγικεν ὥρα ἐν ᾗ ἔχεις ἀκοῦσαι τὰ σά. Στραφεὶς δὲ πρός με ὁ ὅσιος πάλιν ἤρξατο λέγειν· Φεῦ τῆς συμφορᾶς καὶ τῆς ὀλιγωρίας, ὅτι οὐκ ἤρκεσέ σε τὸ τοιοῦτον χαλεπὸν τῶν λογισμῶν σου δαιμόνιον καὶ ἡ παραδοχὴ καὶ ἡ συγκατάβασις, ἀλλὰ δὴ καὶ ἡ συγκατάθεσις τῶν ἐναντίων ἐνθυμημάτων καὶ πονηρῶν ἐννοιῶν, ἀλλ' ὅτι καὶ μετὰ τοῦ δαιμονίου τοῦ προεστηκότος ἐπὶ τοῦ θεάτρου τῆς ἱπποδρομίας συμπλακεὶς ἐπτερνίσθης καὶ κατεβλήθης. Ἐγὼ δὲ καὶ τοῦτο τὸ παράδοξον ῥῆμα ἀκούσας παρὰ τοῦ ἀψευδοῦς αὐτοῦ καὶ ἁγίου στόματος καὶ ἐνωτισθεὶς τὰ λεγόμενα ἀπαραλλάκτως οὕτως ἔχειν, κατεθεμάτισα ἐμαυτὸν (f. 152 v.) καὶ οἷον ἐδέσμευσα ἐκ θερμῆς καὶ ζεούσης καρδίας εἰ ἀπὸ τῆς χώρας ἐκείνης εἴς τι τοιοῦτον πορευθήσομαι· μέχρι γὰρ ἐκείνης τῆς ὥρας οὐκ ἤδειν, ὅτι καὶ τὸ ἐπάρατον θέατρον τῆς ἱπποδρομίας ἴδιον δαίμονα χιλίαρχον προϊστάμενον αὐτοῦ κέκτηται, ᾧτινι καὶ θεραπεύουσι φόρους παρέχοντες οἱ ἐν αὐτῷ ἀνερχόμενοι. Μετὰ γοῦν παρέλευσιν ὥρας ἱκανῆς ἔφη πρός με πάλιν ὁ ἅγιος· Πῶς λέγεις, ἄνθρωπε, ὅτι καλῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι ἀρτίως; Ἐμοῦ δὲ πρὸς τοῦτο μὴ τολμῶντος ὅλως ἀνταποκριθῆναι ἢ ἐρεῖν τι πρὸς αὐτὸν περὶ τῶν τοιούτων, εἰδὼς ὅτι πάντα τὰ κατὰ διάνοιάν μου διαβούλια ἀκριβῶς ἐπίσταται καὶ φανερῶς ταῦτα παριστᾷ ἐνώπιόν μου, ὥσπερ ἂν οἰκῶν ὑπῆρχεν ἐν τῇ καρδίᾳ μου ἢ αὐτὸς ταῦτα διελογίζετο, τί ἂν [εἰ] πλέον εἶχον ἐγὼ εἰπεῖν αὐτῷ; Τοιαύτη γὰρ ἦν ἐν αὐτῷ ἡ ἐνέργεια τοῦ παναγίου Πνεύματος, ὥστε καὶ τὰ ἐνθύμια τῆς καρδίας

ἑκάστου φανερῶς προλέγειν καὶ ἐλέγχειν αὐτά· ὅθεν ταῦ(f. 153 r.)τα, ὡς εἴρηται, ἀκούσας παρ' αὐτοῦ, ὅλος ὡσεὶ κωφὸς καὶ ἄναυδος γέγονα μὴ ἔχων τι αὐτῷ ἀπολογήσασθαι. ἡσυχάζοντος δέ μου ἀπὸ τοῦ φόβου καὶ μὴ τολμῶντος ὅλως εἰς αὐτὸν ἀτενίσαι, λέγει πρός με αὐτὸς ἡσύχῳ καὶ πραείᾳ φωνῇ· Ἆρα οὐκ ἤκουσας τί λέγει ὁ Κύριος ἐν τοῖς αὐτοῦ θείοις εὐαγγελίοις; οὐ φησὶν ὅτι ὁ μὴ τιμῶν τὸν Υἱόν, οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα τὸν πέμψαντα αὐτόν; ὁρᾷς πῶς οὐδὲν ὠφελοῦνται οἱ εἰς τὸν Πατέρα δοκοῦντες πιστεύειν, τὸν δὲ Υἱὸν παραχαράττοντες μὴ δεχόμενοι τοῦτον; Καὶ πρὸς αὐτοὺς πάλιν τί φησιν τοὺς Ἰουδαίους; Οὔτε ἐμὲ οἴδατε, οὔτε τὸν Πατέρα μου· ἐπεὶ οὖν ὃν ἔβλεπον οὐκ εἶδον καὶ τὸν διδάσκοντα ἐν ταῖς πλατείαις αὐτῶν θαύματά τε μυρία ὡς Θεὸν ἐργαζόμενον καὶ τούτοις αὐτοῖς συναναστρεφόμενον καὶ πρὸς σωτηρίαν αὐτοὺς πολυτρόπως προκαλούμενον οὐκ ἐγίνωσκον, τὸν Πατέρα ὃν οὐκ εἶδον καὶ ὃν οὐκ ἐθεάσαντο πῶς γινώσκουσι καὶ καλῶς πιστεύειν λέγουσιν, ὡς καὶ αὐτὸς πείθεσαι; Φεῦ (f. 153 v.) τῆς ἀνοίας, φεῦ τῆς ἀλαζονίας, βαβαὶ τῆς ἀπονοίας. Ἐκεῖνοι ἓν καὶ μόνον εἴδωλον οὐκ εἴασαν, ᾧ οὐκ ἐπέθυσαν καὶ ἐλάτρευσαν καὶ ᾧ προθύμως οὐκ ἐθεράπευσαν ἀπὸ τῶν ἡμερῶν Ἱεροβοὰμ τοῦ οἰκέτου υἱοῦ Σολομῶντος, ὃς ἐβασίλευσεν ἐν Ἰσραὴλ καὶ ἐποίησε δύο δαμάλους χρυσᾶς καὶ ἐξεπόρνευσεν ὀπίσω αὐτῶν καὶ πᾶς ὁ Ἰσραὴλ λέγων πρὸς αὐτόν· οὗτοι οἱ θεοί σου, Ἰσραήλ, οἱ ἀναβιβάσαντές σε ἐκ γῆς Αἰγύπτου· καὶ μέχρι Ἰωσίου βασιλέως Ἰουδαίας, ὃς πρὸς ὀλίγον ἐπιστρέφει πρὸς Κύριον τὸν Θεὸν αὐτοῦ. Καὶ καλῶς οὗτους λέγεις πιστεύειν; Ἆρα οὐκ ἤκουσας τοῦ Κυρίου πρὸς αὐτοὺς πάλιν λέγοντος, ὅτι Ἐγὼ ἦλθον ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Πατρός μου καὶ οὐ λαμβάνετέ με, καὶ ἐὰν ἄλλος ἔλθῃ ἐν τῷ ἰδίῳ ὀνόματι, ἐκεῖνον λήψεσθε καὶ ἐν τῇ ἁμαρτίᾳ ὑμῶν ἀποθανεῖσθε· ἀμὴν λέγω ὑμῖν· ἀπάρτι οὐ μή με ἴδητε ἐν ὀφθαλμοῖς ὑμῶν ἕως ἂν ὄψεσθέ με ἐρχόμενον ἐπὶ τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ· καὶ τότε καὶ μὴ βουλόμενοι ἐρεῖτε· εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου βασιλεὺς τοῦ Ἰσραήλ. Καὶ ἀλλαχοῦ πάλιν φησίν· (f. 154 r.) Ὁρᾶτε τὰς οἰκοδομὰς ταύτας τὰς μεγίστας καὶ λαμπράς; ἀμὴν λέγω ὑμῖν, οὐ μὴ μείνει λίθος ἐπὶ λίθον ὃς οὐ μὴ καταλυθῇ, καὶ μετ' ὀλίγα, ἰδοὺ ἀφίεται ὑμῖν ὁ οἶκος ὑμῶν ἔρημος. Βλέπεις πῶς ἐξεδίωξεν αὐτοὺς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ καὶ διεσκόρ-

πισεν αὐτοὺς εἰς τὰ πέρατα τῆς οἰκουμένης καὶ ἐβδελυγμένον πεποίηκε τὸ ὄνομα αὐτῶν ἐναντίον πάντων τῶν ἀνθρώπων καὶ πάντων τῶν ἐθνῶν τῶν ὑπὸ τὸν οὐρανόν; Πᾶσα γὰρ ψυχὴ ἀνθρώπου καὶ πᾶν στόμα καὶ γλῶσσα, ὡς αὐτὸν τὸν διάβολον καὶ τοὺς ἐπαράτους ἀγγέλους αὐτοῦ, οὕτως μισεῖ καὶ βδελύσσεται καὶ ἀποστρέφεται αὐτούς. Εἰ οὖν πάντες οἱ ὁμοφυεῖς αὐτῶν ἄνθρωποι οὕτω μισοῦσι καὶ βδελύσσονται αὐτοὺς, πῶς ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ ἀγαπήσει αὐτούς, ὁ εἰπὼν διὰ στόματος τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ ὅτι· ἐὰν μή τις γεννηθῇ δι' ὕδατος καὶ Πνεύματος οὐ δύναται εἰσελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν; Καὶ πάλιν ὑπολαβὼν εἶπεν αὐτοῖς· Ἥξουσιν ἀπὸ ἀνατολῶν καὶ δυσμῶν καὶ βορρᾶ καὶ θαλάσσης καὶ ἀνακλι(f. 154 v.)θήσονται μετὰ Ἀβραὰμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν, οἱ δὲ υἱοὶ τῆς βασιλείας ἐκβληθήσονται εἰς τὸ πῦρ τὸ ἐξώτερον, ἐκεῖ ἔσται ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Καὶ πάλιν πρὸς αὐτοὺς ἔφη· Εἰ μὴ ἦλθον καὶ ἐλάλησα αὐτοῖς, ἁμαρτίαν οὐκ εἶχον, νῦν δὲ πρόφασιν οὐκ ἔχουσιν περὶ τῆς ἁμαρτίας αὐτῶν, ὅτι καὶ ἑωράκασι καὶ μεμισήκασι καὶ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου. Βλέπεις, τέκνον Γρηγόριε, τί εἰρήκει ὁ Κύριος περὶ αὐτῶν; Οὐκ ἤκουσας δὲ καὶ τὴν παραβολὴν τῆς συκῆς, πῶς αὐτὴν κατηράσατο; Ἐλθὼν γὰρ ἐπ' αὐτὴν καὶ μὴ εὑρὼν καρπὸν εἰ μὴ φύλλα μόνον, εἶπε πρὸς αὐτήν· μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς τὸν αἰῶνα. Ἆρά τι ὑπεμφαίνει ἡ συκῆ ἢ πάντως τὴν συναγωγὴν τῶν Ἰουδαίων; Ἐλθὼν γὰρ πρὸς αὐτοὺς ὁ Κύριος, εὗρεν αὐτοὺς τὸν μὲν νόμον Μωϋσέως κατέχοντας, τὰ παρ' αὐτοῦ δὲ νενομοθετημένα μὴ ποιοῦντας, καὶ διὰ τοῦτο κατηράσατο αὐτούς· μηκέτι, λέγων, ἀφ' ὑμῶν καρπὸς (f. 155 r.) ἔσται εἰς τὸν αἰῶνα, τῶν κρατούντων δηλον[ότι] τὸν παλαιὸν νόμον, καὶ εὐθέως ἐξηράνθη ἤτοι πέπαυται ὁ νόμος ὁ παλαιός· ἔμελλε γὰρ ὁ Κύριος τὴν νέαν νομοθεσίαν τοῦ εὐαγγελίου παρεισάγειν, καὶ οὐκέτι λοιπὸν χρείαν εἶχε τοῦ νόμου Μωϋσέως· πρὸ γὰρ τῆς ἐπιδημίας καὶ ἐπιφανείας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καλὸς ὁ νόμος καὶ καλαὶ αἱ κατὰ νόμον θυσίαι καὶ καλὰ πάντα τὰ νόμιμα, Χριστοῦ δὲ παραγενομένου τοῦ τὸν νόμον δόντος Μωϋσῇ, πέπαυται ὁ νόμος· τοῦτον γὰρ προεικόνιζε καὶ προεσήμαινε καὶ παρεδήλου ὁ νόμος, καὶ λοιπὸν τούτου φανέντος, ἐκεῖνος ἠφάνισται καὶ οὐκέτι τὰ ἐκείνου νόμιμα καὶ τὰ ἐπιτηδεύματα χρησιμεύσουσιν,

ἀλλὰ τούτου μόνον τὰ προστάγματα καὶ τὰ ἐντάλματα καὶ ἡ νέα ἀληθινὴ παράδοσις τῆς καινῆς διαθήκης ἀεὶ αὔξει καὶ θάλλει, καὶ δι' αὐτῆς πᾶς πιστὸς ἐλπίζει σωθῆναι καὶ εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν εἰσελθεῖν εἰ τὰς ἐντολὰς καὶ τὰ προστάγματα αὐτοῦ φυλάξει καὶ δουλεύσει ἀπαρασάλευτα. Διὰ τοῦ(f. 155 v.)το λέγω σοι, τέκνον Γρηγόριε, ὅτι εἰ ὅλην τὴν ἡμέραν κατατέμνεται ὁ Ἰουδαῖος ἐν ἀκριβείᾳ ἁπάσῃ ἐπιτελῶν τὰ νόμιμα, οὐκ ἐπιβλέπει εἰς αὐτὸν ὁ Θεός· ἄκαρπος γάρ ἐστιν ἡ ἐργασία αὐτοῦ, ὡς ὁ Κύριος εἴρηκε· μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς αἰῶνα· πᾶν γὰρ δένδρον ἅπαξ ξηρανθὲν κἂν μυρίας καλλιεργίας δέχηται, καρπὸν οὐ φέρει τὸ σύνολον, ἀλλ' ἐκκόπτεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται καὶ καίεται. Οὕτως οὖν ἐστι, τέκνον, ἡ συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων ἐξηραμένη, κατηργημένη τε καὶ ἄχρηστος καὶ ἐκβεβλημένη ἀπὸ προσώπου Κυρίου Θεοῦ παντοκράτορος. Πῶς οὖν ἡ πίστις αὐτῶν καλή, οἵτινες καὶ τὸν Ἀντίχριστον περιμένουσι καὶ τοῦτον μέλλουσιν ὑποδέχεσθαι καὶ τῇ ἀπάτῃ αὐτοῦ ὑπαχθῆναι; Ἄκουσον δὲ πάλιν τοῦ Κυρίου πρὸς Μωϋσέα λέγοντος μέλλοντα τελευτᾶν· Ἰδοὺ σὺ ὑπνοῖς καὶ ἀπέρχῃ πρὸς τοὺς πατέρας σου, ὁ δὲ λαὸς οὗτος ἀναστὰς ἐκπορνεύσει ὀπίσω θεῶν ἀλλοτρίων ἐν τῇ γῇ εἰς ἣν πορεύεται, κα ἐγκαταλείψουσί με καὶ τὴν διαθήκην μου διασκεδάσουσιν, ἣν διεθέ-(f. 156 r.)μην αὐτοῖς ἐν ὄρει Σινᾶ, καὶ ὀργισθήσομαι θυμῷ ἐπ' αὐτοὺς ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ καὶ κα[τα]λείψω αὐτοὺς καὶ ἀποστρέψω τὸ πρόσωπόν μου ἀπ' αὐτῶν, καὶ ἔσονται εἰς κατάβρωμα καὶ εἰς καταπάσημα ἐν τοῖς ἔθνεσι, καὶ εὑρήσουσιν αὐτοὺς πολλὰ κακὰ καὶ συμφοραὶ ὧν οὐκ ἔστιν ἀριθμός. Καὶ πάλιν διὰ τοῦ προφήτου Ἡσαΐου εἶπεν αὐτοῖς Κύριος ὁ Θεός· Ἀπορρίψω τὴν ῥάβδον μου τὴν μεγάλην καὶ τὴν ἰσχυρὰν καὶ διασκεδάσω τὴν διαθήκην μου ἣν διεθέμην τῷ οἴκῳ Ἰσραὴλ καὶ τῷ οἴκῳ Ἰούδα, διασκεδασμῷ διασκεδάσω αὐτὴν καὶ ἀποστρέψω τὸ πρόσωπόν μου ἀπ' αὐτῶν καὶ ἀπώσομαι αὐτοὺς εἰς τέλος, καὶ οὐκέτι πρὸς αὐτοὺς ἀποστραφήσομαι. Καὶ Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς πάλιν λέγει πρὸς αὐτούς· Ἐγὼ ὑπάγω, καὶ ζητήσετέ με καὶ ἐν τῇ ἁμαρτίᾳ ὑμῶν ἀποθανεῖσθε, καὶ πάλιν· Ὑμεῖς ἐκ τοῦ πατρὸς ὑμῶν τοῦ διαβόλου ἐστὲ καὶ τὸ θέλημα αὐτοῦ θέλετε ποιεῖν. Εἰ οὖν τῷ Θεῷ ἐπίστευον, πῶς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ τέως ἔχειν τὸν διάβολον αὐτοὺς ἀπεφήνατο; Ὥστε, τέκνον Γρηγόριε, ἐκ τούτου (f. 156 v.) δῆλόν ἐστιν,

ὅτι ἄνευ πάσης ἀμφιβολίας καὶ πάσης ἀντιλογίας ἐκβέβληνται ἀπὸ τοῦ Θεοῦ, καὶ αὐτοὶ καὶ ὁ νόμος αὐτῶν τέλεον ἀπεπαύθη σιγήσας· εἶπε γὰρ ὁ Κύριος περὶ αὐτῶν διὰ τοῦ προφήτου Δαβὶδ· Οὐ μὴ συναγάγω τὰς συναγωγὰς αὐτῶν ἐξ αἱμάτων, οὐδ' οὐ μὴ μνησθῶ τῶν ὀνομάτων αὐτῶν διὰ χειλέων μου. Ἐρεύνησον γὰρ καὶ ἴδε ὅτι ἀπὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ καταβάσεως ἐξ αὐτῶν οὐκ ἠγέρθη οὔτε προφήτης οὔτε δίκαιος, διότι ἤργησαν καὶ ἀπεπαύθησαν τὰ νόμιμα αὐτῶν, ὡς προείρηται· ἐξώσθησαν γὰρ καὶ οὐ μὴ δύνωνται στῆναι, καθὰ φησὶν ὁ πρῶτος Δαβὶδ περὶ αὐτῶν. Καὶ ἀλλαχοῦ ὁ αὐτὸς Δαβὶδ περὶ τὸν Χριστὸν λέγει καταρώμενος αὐτοῖς· Ἀναστήτω ὁ Θεὸς καὶ διασκορπισθήτωσαν οἱ ἐχθροὶ αὐτοῦ καὶ φυγέτωσαν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ οἱ μισοῦντες αὐτόν. Ἀληθῶς γὰρ ἐχθροὶ οὗτοι τοῦ Χριστοῦ γεγόνασιν, οἳ καὶ σταυρώσαντες αὐτὸν θανάτῳ παραδεδώκασιν· ἀλλὰ καὶ ὁ ἐπιστήθιος καὶ ἠγαπημένος Ἰωάννης, ὁ υἱὸς τῆς βροντῆς καὶ φύλαξ τῆς (f. 157 r.) Θεοτόκου ἐν τῇ αὐτοῦ Ἀποκαλύψει περὶ τῶν Ἰουδαίων τοιάδε φησίν· Ἰουδαῖοι οἱ λεγόμενοι συναγωγῆ τοῦ Ἰσραήλ, ἐγὼ μαρτυρῶ περὶ αὐτῶν, ὅτι οὗτοι οὐκέτι εἰσὶ συναγωγὴ τοῦ Ἰσραὴλ, οὐκέτι εἰσὶ βασίλειον ἱεράτευμα ἢ ἔθνος ἅγιον ἢ λαὸς Θεοῦ, ἀλλ' οὗτοί εἰσιν εἰς κατάραν, εἰς ἐξολόθρευσιν καὶ εἰς ἀποβολήν, καὶ αὕτη ἐστὶ συναγωγὴ τοῦ Σατανᾶ· ὅταν γὰρ αὐτοὶ συναθροισθῶσιν ἐπὶ τὸ αὐτὸ ἐν τοῖς σάββασιν ἐν ταῖς συναγωγαῖς αὐτῶν καὶ τὴν τοῦ νόμου ἐξερεύνησιν ποιοῦνται, τότε ὁ Κύριος ἐν μέσῳ αὐτῶν οὐκ ἔστιν, ὁ Σατανᾶς οὖν λοιπόν ἐστιν ἐν μέσῳ αὐτῶν ἐν πάσῃ συναγωγῇ αὐτῶν εὐφραινόμενος καὶ ἐπαναπαυόμενος ἐπ' αὐτήν, ὅτι ἠρνήσαντο τὸν ἀνεξιχνίαστον λόγον τοῦ Θεοῦ καὶ τὸ αἷμα αὐτοῦ τέθεικαν εἰς κατάραν ἐφ' ἑαυτούς, ἀλλὰ δὴ καὶ ἐπὶ τὰ τέκνα αὐτῶν, καὶ ὁ Θεὸς ἠρνήσατο αὐτοὺς ἐξ ὅλης ἰσχύος αὐτοῦ καὶ ἀπώσατο αὐτοὺς ἀφ' ἑαυτοῦ, καὶ οὐκέτι στερεωθήσεται ἡ πίστις αὐτῶν ὡς τὸ ἀπ' ἀρχῆς, καθότι κεκληρονόμηκεν αὐτοὺς (f. 157 v.) ὁ Σατανᾶς, καὶ τὸ ὄνομα αὐτοῦ τὸ ἐβδελυγμένον ἐπέθηκεν ἐπ' αὐτούς· καὶ αὐτοὶ υἱοὶ αὐτοῦ ἐκλήθησαν, σχοίνισμα κληρονομίας καὶ τοῦ Ἀντιχρίστου μερὶς, ὅτι υἱοὶ τῆς βασιλείας ὄντες τὸ πρότερον, ἐξεβλήθησαν καὶ ἀλλότριοι γεγόνασι ταύτης, ἀντ' αὐτῶν δὲ εἰσήχθησαν οἱ ἐξ ἐθνῶν, τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι καθαρῶς καὶ εἰλικρινῶς πιστεύσαντες. Ταῦτα ἰδὼν, ὦ τέκνον

Γρηγόριε, πόρρω βάλλε ἀπὸ σοῦ τὸν ἐφάμαρτον τοῦτον σκοπόν, γνοὺς ὅτι ἐκ τοῦ πονηροῦ σοι γέγονεν· ὃς γὰρ οὐ πιστεύει ὅτι ὁ Χριστὸς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ ἐλήλυθεν εἰς τὸν κόσμον, ἐπικατάρατος· ὁ γὰρ εἰς τὸν Πατέρα πιστεύων καὶ τὸν Υἱὸν ἀπαρνούμενος, ἀσεβὴς καὶ παράνομος ὑπὸ τοῦ Πατρὸς ὀνομάζεται· οὐαὶ γὰρ αὐτὸν περιλήψεται καὶ σκότος καὶ ὀδυρμὸς περικύκλῳ αὐτοῦ, πικρία τε καὶ ὀλίσθημα διαδέξεται αὐτὸν καὶ ἐν τῷ νῦν καὶ ἐν τῷ μέλλοντι.

Ταῦτα οὖν τὰ ψυχωφελῆ καὶ σωτήρια δόγματά τε καὶ ῥήματα περὶ τοῦ τοιούτου μου πονηροῦ καὶ αἰσχίστου λογισμοῦ εἰρηκὼς ὁ ὅσιος πρός με, ἡσύχασεν· ἐγὼ δὲ πεσὼν παρὰ τοὺς πό(f. 158 r.)δας αὐτοῦ μετὰ δακρύων λέγω πρὸς αὐτόν· Ταῦτα μὲν οὕτως ἔχει ἀπαραλλάκτως, ὡς ἔφης, πανοσιώτατε πάτερ, καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἀντιλέγων· δέομαι δὲ τῆς σῆς τελειότητος, ἐπεὶ μεγάλως ἐν τοῖς θεοφθέγκτοις καὶ ὁσίοις σου ῥήμασιν εὐηργέτησας τὸν παῖδά σου καὶ ἐστερέωσας πανσόφως ἐν τῇ ἀμωμήτῳ ἡμῶν πίστει καὶ θείαις ἀποδείξεσιν ἐβεβαίωσας, ἵνα καὶ διὰ θεωρίας τινὸς περισσοτέραν περὶ τούτων τὴν πληροφορίαν δέξωμαι καὶ τὴν ἀσθενῆ μου διάνοιαν καὶ τοὺς ὁμοίους ἐμοὶ τῷ ἁμαρτωλῷ εἰς τὸν τοιοῦτον πονηρὸν λογισμὸν καὶ σκοπὸν περιπίπτοντας παντελῶς ἀποθεραπεύσῃς καὶ πρὸς τὸ φῶς ὁδηγῇ τῆς ἀληθείας. Ὁ δὲ ὅσιος ἔφη πρός με· Ὁ Κύριος, τέκνον, τελέσει ἐπὶ σοὶ τὰ καλὰ καὶ συμφέροντα· ἄπιθι οὖν χαίρων, καὶ τὴν αἴτησίν σου ταύτην αὐτὸς ἐκπληρώσει. Καὶ τοῖς ἐκείνου τιμίοις ποσὶ προσπεσὼν καὶ εὐλογηθεὶς παρ' αὐτοῦ οἴκαδε ἀπῆειν.

Ἐν δὲ τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ μετὰ τὸ τὴν μικράν μου τῶν (f. 158 v.) μεσονυκτίων ἐπιτελέσαι εὐχὴν καὶ καθευδήσας, ὁρῶ ἐμαυτὸν ἔν τινι πεδίῳ χλοηφόρῳ· ἑστῶτι δέ μοι ἐν τῷ τοιούτῳ πεδίῳ καὶ ἀποθαυμάζοντι καὶ ἐξισταμένῳ ἐπὶ τῇ τούτου θεωρίᾳ καὶ τερπνοτάτῃ θέσει καὶ καλλίστῃ εὐαερίᾳ, ἰδού τις ἀνὴρ πυραυγὴς λίαν εὐμεγέθης καὶ φοβερὸς τῇ ἰδέᾳ ἐπέστη μοι καὶ στολὴν ἐρυθρὰν ἠμφιεσμένος, ταύτης δὲ ὑπεράνωθεν χιτῶνα λίαν λευκότατον περιβεβλημένος, ῥάβδον σιδηρᾶν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων, καὶ ὁ βραχίων αὐτοῦ κραταιὸς σφόδρα, ὡς δοκεῖν δυνατὸν αὐτὸν εἶναι ἀμύνασθαι καὶ ῥᾷον κατατροπώσασθαι ἀνδρῶν πολεμιστῶν τῶν καθ' ἡμᾶς χιλίας χιλιάδας. Ὃς πλησίον μου στάς· τί ποιεῖς ἐνθάδε, ἄνθρωπε; ἔφη πρός με· ἐγὼ δὲ ἀποκριθεὶς λέγω

πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, οὐκ οἶδα πῶς ἐλήλυθα ὧδε. Ὁ δὲ φησὶ πρός με· Αἱ πρὸς Κύριον ἐντεύξεις καὶ εὐχαὶ τοῦ πνευματικοῦ σου (f. 159 r.) πατρὸς ἐπὶ τοῦτον τὸν τόπον σε ἤγαγον, ὡς ἂν θεάσῃ καὶ ἴδῃς τά σοι καταθύμια καὶ ποθούμενα. Ἐγὼ δὲ σὺν τρόμῳ φημὶ πρὸς αὐτόν· Καὶ τίνα εἰσὶν ἅπερ ἐπιθυμῶ καὶ ἐπιποθῶ θεάσασθαι; Ὁ δὲ φησὶ πρός με· Ἀληθῶς λέγεις, ἄνθρωπε, ὅτι ἀγνοεῖς ἅπερ ἠτήσω θεάσασθαι. εἰ ὅλως οὖν ἀγνοεῖς, ἐγώ σοι ὑπομνήσω ταῦτα· ἐλογίσω καὶ εἶπες, ὅτι καλῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ καλῶς τὸν νόμον κρατοῦσι καὶ τὰ νόμιμα φυλάττουσι· καὶ εἶπέ σοι ὁ θεράπων Κυρίου Βασίλειος ὅτι οὐχί, ἀλλὰ καὶ λίαν σφαλερῶς καὶ ἐπικινδύνως· ὑποδείξας δὲ καὶ πληροφορήσας σε ἀπὸ τῶν θείων γραφῶν, οὐκ ἀπεπείσθης, ἀλλὰ σὺ μᾶλλον ἠτήσω αὐτὸν ὑποδεῖξαί σοι εἰς βεβαίωσιν τῶν παρ' αὐτοῦ σοι ῥηθέντων, καὶ δι' ὁράσεώς τινος ταῦτα, μὴ ἀρκεσθεὶς ἐν ταῖς τῶν θείων γραφῶν ἀποδείξεσι· καὶ αὐτὸς συνέθετό σοι τοῦτο ποιῆσαι καὶ φανερῶς σοι παραστῆσαι καὶ ὑποδεῖξαι τά σοι καταθύμια. Διὰ τοῦτο ἐνταῦθα ἐλήλυθας· δεῦρο οὖν σὺν ἐμοί, κἀγὼ ὑποδείξω σοι ἕνθα ἕκαστος τῶν ἀνθρώπων ἀποκαθίστα(f. 159 v.)ται καὶ περὶ μιᾶς ἑκάστου πίστεως, ἣν ἔχει παρρησίαν πρὸς τὸν Θεόν.

Λαβόμενος δέ μου τῆς δεξιᾶς χειρός, ὡς πρὸς ἀνατολὰς ἀμφότεροι ἐπορευόμεθα· ὁδευόντων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ διερχομένων τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ὡραίαν πεδιάδα, ἰδοὺ νεφέλη ὑπόγειος ὑποκάτω τῶν ποδῶν ἡμῶν, ἥτις ἦρεν ἡμᾶς καὶ κατὰ μικρὸν ὑποκουφίζουσα, ἀπὸ μὲν τῆς γῆς διίστα, πρὸς δὲ ὕψος αἰθέριον ἄπειρον καὶ ἀσύγκριτον ἀνῆγε καὶ ὑπερίπτα. Ἐκπληττομένου δέ μου ἐπὶ [τῷ] ξένῳ τῆς ἐπάρσεως καὶ ὑψώσεως τρόπῳ· οὐ γὰρ ἐγίνωσκον πῶς ἀνηρχόμεθα· καὶ σφοδρῶς καταπτήσσοντος τῷ καινῷ τῆς ἀνόδου καὶ τρέμοντος· ἐδόκουν γὰρ ὡς ὅτι ὕπαρ καὶ οὐκ ὄναρ ἐπὶ τὸ γενόμενον τοῦτο θεώρημα· καταντῶμεν διὰ τῆς ἀπαγούσης ἡμᾶς νεφέλης (εἰς) ἐφ' ἕτερον ὡσανεὶ κόσμον, ξένον καὶ παρηλλαγμένον τῇ φύσει παρὰ τὸν ὁρώμενον τουτονὶ καὶ μάταιον κόσμον εἰς ὃν κατοικεῖν κατεκρίθημεν. Καὶ ἐν τῷ γενέσθαι ἡμᾶς ἐκεῖσε ἐν τῷ θαυμασίῳ χώρῳ ἐκείνῳ, ἀπέστη ἡ νεφέλη ἀφ' ἡμῶν· καὶ ἰδοὺ εὑρέθημεν ἐπί τινος θαυμασίου (f. 160 r.) δαπέδου πορευόμενοι· ἀπέστιλβε δὲ τὸ δάπεδον ἐκεῖνο, ὡς οὐκ ἔστι δυνατὸν διηγήσασθαι τὸ κάλλος καὶ τὴν εὐπρέ-

πειαν αὐτοῦ. Ἐπιστρεφόμενος τοίνυν ἐγὼ ἔνθεν κἀκεῖθεν, ἑώρων τὰ πέρατα τοῦ κόσμου ἐκείνου· καὶ ἰδοὺ συναγωγαὶ πολλαὶ σφόδρα ἐν αὐτοῖς καὶ νεανίων πυρίνων χοροὶ ἀναρίθμητοι ἐν αἰνέσει καὶ δοξολογίᾳ Θεοῦ μελιχρῶς ἀνοίγοντες τὰ πύρινα στόματα καὶ χείλη αὐτῶν εἰς ἀνεξιχνίαστον καὶ ἀνερμήνευτον καὶ ἀκατάπαυστον μελῳδίαν ἀσύγκριτόν τε καὶ ἀπαράμιλλον ἡδυφωνίαν κινούμενα· καὶ ἦν ἀκοῦσαι καινούς τινας καὶ ὑπερφυεῖς αἴνους καὶ ὕμνους καὶ ξένα μέλη καὶ ὑπερθαύμαστα ἄσματα, ἅπερ ξενοτρόπως συντιθέμενοι ἐν εὐχαριστίᾳ ἀνέπεμπον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ· ἡ δὲ ἐκπορευομένη ἀπὸ τῶν τοιούτων θείων καὶ ξένων ἀσμάτων καὶ ἐνηχοῦσα τὰς ἀκοὰς ἡμῶν ἡδύτης ὑπῆρχε παράδοξός τις καὶ ἐκπληκτική, ἣν βρότειος νοῦς λόγῳ παραστῆσαι καὶ διηγήσασθαι οὐδαμῶς δυνήσεται· ἥτις τὴν ἐμὴν ψυχὴν ἐνηδύνασα καὶ τὰς ἀκοὰς ἐνηχήσασα (f. 160 v.) καὶ ὅλως καταβροντίσασα ξένον με τοῦ νοός μου καὶ ὡσανεὶ παρατετραμμένον καὶ ἐξεστηκότα πεποίηκεν.

Ἐπεὶ καὶ ταύτην τὴν μυστικὴν θεωρίαν σὺν ἡδονῇ ἀφάτῳ καὶ ἐκστάσει ἀπείρῳ ἅμα θέοντες ἐπὶ τὰ ἔμπροσθεν διέβημεν, καταντῶμεν ἐπί τινα τόπον ὃς ὑπῆρχεν ἐσπαργανωμένος θείῳ πυρί, τὸ δὲ πῦρ ἐκεῖνο οὐχ ὡς τὸ πῦρ τοῦ ματαίου τούτου κόσμου ἢ μᾶλλον εἰπεῖν τοῦ πλάνου, ἀλλὰ γλυκὺ μὲν καὶ λαμπρὸν εἰς τὸ ὁρᾶσθαι, γαληνομόρφως δὲ τὰ φῶτα αὐτοῦ ἐφαπλοῦν οὐ κατακαίειν οἶδεν, ὡς τοῦτο τὸ πῦρ, ἀλλὰ μᾶλλον δροσίζειν, φωτιστικὴν ἔχον ἐνέργειαν. Εἶδον δὲ νεανίσκους λευκοφοροῦντας καὶ τὰ πρόσωπα φαιδρὰ ὑπὲρ τὸν ἥλιον ἐν μέσῳ τοῦ θαυμαστοῦ πυρὸς ἐκείνου περιπατοῦντας, οἵτινες χρυσᾶ τινὰ σκεύη κατέχοντες ἐπὶ τὰς αὐτῶν χεῖρας καὶ ταῦτα ἀπὸ ἐξαισίου ἐκείνου καὶ θαυμαστοῦ ἐμπιπλῶντες πυρός, ἐκούφιζον εὐθὺς ἑαυτοὺς καὶ ἀνυψοῦντο ἐπὶ τὰ πλάτη τοῦ αἰθέρος ἐκείνου καὶ (f. 161 r.) πρὸς ὕψος ἀφικνοῦντο ἀκατάληπτον· ποῦ δὲ ἀπήρχοντο οὗτοι, οὐδαμῶς ἐγίνωσκον, μόνον βλέπων αὐτοὺς οὕτω θαυμασίως ἀνιπταμένους, ἐξεπληττόμην καὶ ἔτρεμον λέγων ἐν ἐμαυτῷ· Ἅγιος ὁ Θεός, οὗτοι ἄγγελοι Θεοῦ εἰσὶν οἱ ἐπὶ τὸ ἄνω θυσιαστήριον κατὰ πρόσωπον Κυρίου νοητῶς θυμιῶντες, καὶ οὗτος ὁ χῶρος τοῦ πνευματικοῦ καὶ θείου πυρὸς τόπος ἐστίν, ὅθεν αἴροντες τὸ νοητὸν καὶ ἄϋλον πῦρ νεαρὸν οἱ τοῦ Κυρίου ἄγγελοι χρῶνται τῇ προσηκούσῃ αὐτῶν διανοίᾳ.

Ἐν τούτοις οὖν ὄντος μου τοῖς διανοήμασι καὶ τοῖς φοβεροῖς ἀσχολουμένου καὶ ἐκπληττομένου θεάμασιν, ὁρῶ καὶ ἰδοὺ βουνὸς ὑψηλὸς λίαν κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν μου ὡρᾶτο, καὶ ἁπηρξάμεθα πρὸς αὐτὸν ἀνιέναι κόπῳ πολλῷ καὶ μόχθῳ· ὡς δὲ ἀνήχθημεν μόλις ἐπ' αὐτόν, ἰδοὺ σκοπιά τις ἦν ἐπάνω αὐτοῦ· ἀνελθόντες οὖν ἐπ' αὐτὴν κἀκεῖθεν περιβλεψάμενοι πρὸς ἀνατολὰς, ὁρῶμεν πεδιάδα φοβερωτάτην ὑποκάτωθεν τοῦ βουνοῦ χρυσίῳ καθαρῷ ἐπταπλασίως κατεστρω-(f. 161 v.)μένον τὸ πρόσωπον αὐτῆς καὶ διαυγείᾳ ἀσυγκρίτῳ περικεκοσμημένον· ὥσπερ γὰρ σίδηρος ἐν καμίνῳ ἐκπυρωθεὶς σπινθηροβολεῖ καὶ τὰ προστυχόντα καταφωτίζει τῇ παρ' αὐτοῦ ἐκπεμπομένῃ ἀπηνθρακωμένῃ διαυγείᾳ, οὕτω δὴ καὶ τὸ πρόσωπον τῆς θαυμαστῆς πεδιάδος ἐκείνης ὥσπερ τινὰς σπινθῆρας ἡδυτάτους πυρὸς ἀποστίλβουσα καὶ καταφωτίζουσα ταύτης τὰ πέρατα· ἡ δὲ ὅρασις αὐτῆς γλυκασμὸν ἀσύγκριτον ἐστάλαζε τῇ καρδίᾳ μου· ἦν δὲ καὶ ὁ ἀὴρ αὐτῆς αἴγλης τινὸς θαυμασίας καὶ θυμηδίας ἀρρήτου ἀνάπλεως, τὸ δὲ ὕψος ἐκείνου ὡς ἐν τοῖς ἔμπροσθεν καθαρῶς οὐκ ἐβλέπομεν. Μετ' ὀλίγον δὲ διαστα-λείσης τῆς θείας ἐκείνης αἴγλης, ἐπάραντες τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡμῶν ὡς πρὸς ἀνατολὰς, ὁρῶμεν πόλιν λίαν φοβερωτάτην κατέναντι τοῦ προσώπου ἡμῶν· περὶ ἧς εἰ πειραθῶ διηγήσασθαί τι, ὡς ἀληθῶς φληναφεῖν δόξω καὶ παραπταίειν· πλὴν εἰ τοῦτο παντελῶς σιγῇ παρα(f. 162 r.)πέμψω ὡς ἀδυνάτοις καὶ ἀ[νε]φίκτοις ἐπιχειρῶν, οὐκ ἀνεκτῶς οἶμαι ὑφέξω τὴν κόλασιν· διά τοι τοῦτό τινα βραχέα περὶ ταύτης, ὡς ἡ δύναμις, διηγήσομαι, μᾶλλον δὲ ὡς αὐτὴ ἡ τοῦ ἀγαθοῦ καὶ θείου Πνεύματος χάρις ἐμπνεύσει καὶ φωτίσει μου τὴν ζοφώδη καὶ ἐσκοτισμένην ταῖς ἁμαρτίαις διάνοιαν διὰ τὴν τῶν ἐντυγχανόντων ὠφέλειαν. Ὡς γοῦν κατ' ἀρχὰς ἐθεασάμην τὴν θαυμασιωτάτην καὶ ἀνεκδιήγητον ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν, ἀπὸ τοῦ δέους καὶ τῆς ἐκπλήξεως τοῦ φρικωδεστάτου θαύματος τῆς ὁράσεως αὐτῆς ἐπὶ πολλὰς ὥρας ἐμαυτοῦ ἐξέστην καὶ ἐννεὸς καὶ ἄλαλος καὶ κωφὸς, ὡς εἰπεῖν ψαλμικῶς, καθωρώμην, μὴ δυνάμενος ὅλως διᾶραι τὸ στόμα μου· τοιαύτην γὰρ ὡραιότητα καὶ τηλικαύτην εὐπρέπειαν ποία γλῶσσα ἀνθρώπου δυνήσεται σαφηνίσαι καὶ ἐξηγήσασθαι; Ἱσταμένων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τοῦ βουνοῦ δυνάμει Κυρίου κραταιουμένων, καὶ θαυμαζόντων, ἰδοὺ ἑτέρα πόλις (f. 162 v.) ὡράθη ἡμῖν μεγάλη σφόδρα καὶ

εὐμεγέθης, ἧς τὸ μῆκος ὡς ὁ κύκλος τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ· ἡ δὲ ταύτης κατασκευὴ οὐκ ἀπὸ τιτάνων καὶ λίθων καὶ μαρμάρων καὶ ξύλων ἀσήπων καὶ ὑέλου καὶ γύψου καὶ τῆς λοιπῆς ἐπιγείου τιμίας τε καὶ εὐφθάρτου ὕλης, ἀλλ' ἐξ ἄλλης ἀΰλου ὕλης τινὸς νοητῆς καὶ ἀφθάρτου· χρυσίου εὐρίζου καθαρωτάτου καὶ τῇ ὁράσει ποικιλομόρφου· καὶ ἀκτῖνος φρικωδεστάτης εἰς εὐχροίας διαφόρους ἀπαυγαζούσης· καὶ ἀπὸ ποικίλου ἀργυρίου καὶ χρυσίου διαυγείας κλινομένης καὶ μεταμειβομένης ἀπὸ λίθου εὐχροίας καὶ τοπαζίου καὶ σαπφήρου ποικίλως κατασκευασθείσης, καθὰ δηλονότι συνέταξε Κύριος ἐπ' αὐτοῖς, καὶ πολλαπλασίως ταύτης ἀκτινοβολούσης ἀπὸ διαυγείας λίθου ὑακίνθου καὶ τῶν λοιπῶν ὑπερτίμων λίθων, λέγω δὲ λυχνίτου λάμποντος ὑπὲρ τὸν ἥλιον, ὡσαύτως ἄνθρακος πυροβολοῦντος καὶ τῶν ἄλλων πάντων ἑκάστου αὐτῶν ἀλασσομένου εἰς μεταβολὰς χροιῶν ποικίλων, ὡραιομόρφως (f. 163 r.) καὶ ἀνεκδιηγήτως ἐκ τούτων πάντων ἐδόκει ἔχειν ἡ τοῦ Κυρίου πόλις ἐκείνη τῶν πολυτίμων καὶ τιμίων λίθων τὴν συλλογὴν τῆς παρακομιδῆς τῆς ἐν τῇ οἰκοδομῇ τῆς πόλεως εἰσενεχθείσης· ἥτις ὑπ' αὐτοῦ τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ Θεοῦ τῶν ἁπάντων καὶ δημιουργοῦ παντὸς τοῦ κόσμου θαυμασίως καὶ ἀνεκλαλήτως ἐτεχνουργήθη. Τῆς δέ γε ἰδέας αὐτῆς ἀμυδρόν πως ὑπόδειγμα καὶ εἰκόνα παραστήσω ὑμῖν τοῖς ἐντυγχάνουσιν· ὥσπερ ἡ ἐν τῷ οὐρανίῳ τόξῳ εὔχροιά τε καὶ θεωρία ἥτις ἐκ διαφόρων χροιῶν καὶ βαφῶν συντεθειμένη ποικίλην τοῖς ὁρῶσι τὴν αὐγὴν ἐκπέμπει, ἄλλης ἐπ' ἄλλης βαφῆς καὶ χροιᾶς συντεθειμένης κιρναμένης τε καὶ ἀλλήλοις ἡνωμένης ὡραιομόρφως, οὕτω καὶ τοιαῦτα ἐκπεμπόμενα ἀπαυγάσματα τῆς φρικτῆς ἐκείνης καὶ νοητῆς πόλεως καθωρῶντο· καὶ γὰρ ἦν ἰδεῖν ἀκτῖνα ἐπὶ ἀκτῖνος καὶ διαύγειαν ἐπὶ διαυγείας καὶ εὔχροιαν ἐπὶ εὐχροίας καὶ χρώματα ποικίλα ἐπὶ χρώμασι φρικωδεστάτοις, ἄμφω πλήρη θάμβους καὶ ἐκπλή(f. 163 v.)ξεως καθορώμενα. Τὸ δὲ κάλλος τῆς οἰκοδομῆς καὶ τῶν λίθων καὶ τῆς συναρμογῆς καὶ συνθέσεως οἷον ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὖς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, καθώς φησιν ἡ θεία γραφή· τὸ δὲ ὕψος τῶν τειχέων αὐτῆς ἦν ὡσεὶ πηχῶν τριακοσίων, καὶ δώδεκα πύλαι φρικώδεις ταύτῃ προσεπαφήκεσαν τὰς εἰσόδους πληροῦσαι τῆς πόλεως, μεγάλαι σφόδρα καὶ ἐξαίσιαι τῷ εἴδει· οἷον ὁπόταν ὁ μέγας

φωστὴρ ἥλιος ἀνατέλλει πρωΐ, οὕτω γαληνομόρφως ἀπηύγαζον τὴν αὐτὴν δεικνῦσαι εὐπρέπειαν καὶ ὡραιότητα, καὶ αὗται πᾶσαι καλῶς ἐδρασμέναι καὶ ἀσφαλῶς κεκλεισμέναι· ἑκάστη δὲ τούτων ὑπῆρχε μονοβαφὴς καὶ κατὰ τὰς ἰδέας καὶ ποιότητας τῶν δώδεκα τιμίων λίθων, ὧν ἡ Γένεσις τὴν ὕπαρξιν ἐσχηκέναι παρίστησιν ἀπὸ τοῦ ἐντὸς τοῦ παραδείσου παραρρέοντος ποταμοῦ Τίγριδος.

Καὶ τὰ μὲν ἔξωθεν τῆς πόλεως, ὡς ἐνόν μοι γέγονε διηγήσασθαι, ἦσαν οὕτως, τὰ δέ γε ταύτης ἐντὸς νοῦς μὲν βρότειος φρίττει καὶ καρδία ἰλιγγιᾷ, διάνοια δὲ ἀπορεῖ, οἱ λογισμοὶ κατα(f. 164 r.)πλήττονται καὶ σκεδάννυνται καὶ τὰ χείλη ἀρνοῦνται τὸ λαλεῖν τὰ ὡς ἀληθῶς τούτοις ἄφθεγκτα, ἀνέκφραστά τε καὶ ἀκατάληπτα· ἐπεὶ ὡς τὰ θεῖα λόγια σὰρξ καὶ αἷμα βασιλείαν Θεοῦ οὐ κληρονομήσουσι, λοιπὸν οὐδὲ χεῖλη πήλινα, οὐδὲ στόμα ῥυπῶδες καὶ γλῶσσα ἀκάθαρτος τὴν ταύτης ὡραιότητα καὶ εὐπρέπειαν δύναται διηγήσασθαι. Τούτων οὕτως πάντων ὁραθέντων μοι καὶ ἐπὶ τῇ τούτων θεωρίᾳ ἐκπληττομένου, τῇ ὄντως ἀνεξιχνιάστῳ καὶ ἀνεκδιηγήτῳ, λογισμός τις ἐπῆλθέ μοι ἀποτολμῆσαι καὶ ἐρωτῆσαι πρὸς τὸν ταῦτα ὁδηγοῦντά με ἄγγελον καὶ φοβερὸν τῷ ὄντι, καὶ φημὶ πρὸς αὐτόν· Δέομαί σου, κύριέ μου, τίς ἐστιν ἡ πόλις αὕτη ἡ φρικτὴ καὶ φοβερὰ καὶ μεγάλη, καὶ τίς ὁ λαὸς ὁ αὐλιζόμενος ἐν αὐτῇ, ποῖος δέ ἐστιν ὁ βασιλεὺς ὃς νῦν βασιλεύει ἐπ' αὐτήν, τίς δε ὁ κτίσας καὶ θεμελιώσας τὰ φρικωδέστατα ταύτης τείχη καὶ τὰ προπύργια, τὰς ἐπάλξεις, τὰς ἐξαισίους καὶ θαυμασίους πύλας, τοὺς φρικώδεις καὶ κρυστα(f. 164 v.)λίζοντας μοχλούς, τοὺς οὐρανομήκεις καὶ περικαλλεῖς προμαχῶνας, τὰς ἐν μέσῳ αὐτῆς ἀφάτους καὶ ἐξαισίους καλλονὰς καὶ ὡραιοπρεπεῖς ταύτης καλλιεργίας; τί δὲ τὸ ὄνομα αὐτῆς ἐστὶ τὸ μέγα καὶ ἐξοχώτατον καὶ ποία ἐστὶν ἡ γῆ αὕτη, καὶ ποῖος ὁ ξένος κόσμος οὗτος; πῶς δὲ ἐληλύθαμεν ὧδε καὶ δι' ἣν αἰτίαν; σαφήνισόν μοι, παρακαλῶ, πάντα καὶ μηδὲν ἀποκρύψῃς ἀπὸ τοῦ δούλου σου. Ἀποκριθεὶς δὲ ἐκεῖνος ἔφη πρός με· Ἡ πόλις αὕτη, ἥνπερ ὁρᾷς, ἡ πόλις ἐστὶ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἧς ἐν ταῖς βάρεσιν ὁ Θεὸς γινώσκεται, περὶ ἧς ἐν βίβλῳ Ψαλμῶν λελάληνται θαυμαστά· ἐδείματο δὲ ταύτην ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς, μετὰ τὸ τελέσαι αὐτὸν τὸ τῆς ἐνσάρκου αὐτοῦ οἰκονομίας μυστήριον, εὐδοκίᾳ τοῦ Πατρὸς καὶ συνεργίᾳ τοῦ

ἁγίου Πνεύματος· ἤ[ν] καὶ μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι αὐτὸν εἰς τὸν οὐρανὸν πρὸς τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα (καθάπου αὐτὸς φησὶ ταῖς γυναιξί, ὅτι Εἴπατε τοῖς ἀδελφοῖς μου, ἀναβαίνω πρὸς τὸν Πατέρα μου καὶ Πατέρα ὑμῶν καὶ Θεόν μου καὶ Θεὸν ὑμῶν) καὶ μετὰ παρέλευσιν τεσσαράκον(f. 165 r.)τα ἡμερῶν ἡτοίμασε τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις καὶ προφήταις καὶ πᾶσι τοῖς διὰ τοῦ θείου κηρύγματος αὐτῶν πεπιστευκόσιν εἰς αὐτὸν καὶ ἀγαπῶσιν αὐτὸν· ὃς καὶ ἐνετείλατο αὐτοῖς οὕτως λέγων· Ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ Πατρός μου μοναὶ πολλαί εἰσιν, εἰ δὲ μή γε πορεύομαι ἑτοιμάσαι ὑμῖν τόπον. Αὕτη οὖν ἡ πολυθαύμαστος σκηνὴ καὶ μόνη κατοικεσία ἣν ἐπηγγείλατο αὐτοῖς, ὡς εἴρηται, καὶ πᾶσι τοῖς ἀγαπῶσι τὴν ἐπιφάνειαν αὐτοῦ καὶ τιμῶσιν αὐτὴν ἐν εἰκόνι· τὸ δὲ ὄνομα ταύτης ὑπάρχει ἐξαίρετον καὶ πολυώνυμόν τε καὶ θαυμαστὸν ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς, ἥτις ὠνόμασται νέα πόλις Σιών, πόλις οὐράνιος, πόλις ἡ ἄνω μητρόπολις, πόλις τῶν χριστιανῶν, πόλις ἡ νέα καὶ οὐράνιος Ἱερουσαλήμ, πόλις ἡ τῶν δικαίων κατάπαυσις· τοῦτο τὸ κύριον ὄνομα ταύτης τῆς μεγάλης καὶ περιωνύμου καὶ περιβοήτου πόλεως. Τὸν δέ γε ταύτης λαὸν ἀνάμεινον ἔτι μικρὸν καὶ ὄψει· οὐ μόνον δὲ τὸν λαόν, ἀλλὰ καὶ τὸν φιλάνθρωπον αὐτῆς βασιλέα καὶ Κύριον καὶ (f. 165 v.) κριτὴν πάσης πνοῆς κατίδῃς καὶ καταμάθῃς. Δι' ὃν τε τρόπον τοῖς ἐνταῦθα ἐπιδεδήμηκας καὶ κατ' ἀρχὰς μὲν εἶπόν σοι, γνώσῃ δὲ καὶ μετ' ὀλίγον τελεώτερον καὶ μάλα σαφέστερον, καὶ ἴδῃς ἃ ὀφθαλμὸς ἀνθρώπινος οὐχ' ἑώρακε καὶ οὖς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, καὶ ἀκριβῶς καταμάθῃς καὶ γνώσῃς ὅτι πᾶς ὁ πιστεύων εἰς τὸν ἐν Τριάδι ὑπὸ τῶν ὀρθοδόξων χριστιανῶν δοξαζόμενον Θεὸν καὶ εἰς τὴν ἔνσαρκον οἰκονομίαν αὐτοῦ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ καὶ Λόγου τοῦ Θεοῦ καὶ εἰς τὸ κήρυγμα τῶν ἁγίων αὐτοῦ μαθητῶν καὶ ἀποστόλων, καὶ ἐμμένων εἰς τὴν διδαχὴν καὶ τὰ δόγματα τῶν ἁγίων καὶ θεοφόρων πατέρων, τῶν εἰς τὰς ἑπτά φημι καὶ ἁγίας καὶ οἰκουμενικὰς συνόδους συνεληλυθότων, καὶ ἁπλῶς τὴν παράδοσιν τῆς ἁγίας καὶ καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας κρατῶν καὶ φυλάττων ἀπαράτρωτον, ζήσεται εἰς τοὺς ἀπεράντους αἰῶνας, οἰκῶν ἐν τῇδε τῇ ἐξαισίᾳ καὶ φρι(f. 166 r.)κωδεστάτῃ πόλει, ἀπολαύων καὶ εὐφραινόμενος τοῦ κάλλους αὐτῆς· ὁ δέ γε ἔξωθεν τούτων πιστεύων καὶ παραχαράττων

καὶ καινοτομῶν τι τῶν δεδο[γ]μένων καὶ παραδεδομένων ἐν τῇ αὐτῇ ἁγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ (τῶν) θείων δογμάτων, λέγων ὅτι· πιστεύω εἰς τὸν Θεὸν τὸν τὴν γῆν καὶ τὸν οὐρανὸν ποιήσαντα, εἰς δὲ τὸν μονογενῆ Υἱὸν καὶ Λόγον αὐτοῦ, καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον βλασφημῶν, οὐ ζήσεται εἰς τὸν αἰῶνα, ἀλλ' εἰς τὸ τῆς γεέννης αἰώνιον πῦρ παραπεμφθήσεται.

Τούτων οὕτως παρὰ τοῦ φοβεροῦ καὶ φρικωδεστάτου ἀγγέλου ἐκείνου πρός με λεγομένων, ἀναβλέψαντες τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν ἐπὶ τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην πόλιν, ὁρῶμεν ἐν μέσῳ αὐτῆς σκοπὸν ἐξαίσιον ὑψηλόν καὶ θαυμαστὸν οἱονεί τινα λόφον ἐφ' ὑψηλοῦ ἱστάμενον καὶ λίαν ὑπερανεστηκότος τόπου· ἦν δὲ ὅλος πεπυρακτωμένος πυρί, οἱονεί τις σίδηρος ἢ χαλκὸς ἀπηνθρακωμένος· ἐπάνω δὲ αὐτοῦ σταυρὸς φοβερὸς καὶ φρικώ(f. 166 v.)δης ὡρᾶτο ἱστάμενος ἐξαστράπτων καὶ καταφλέγων, μᾶλλον δὲ καταφωτίζων τὸν φρικώδη ἐκεῖνον αἰθέρα· ἐπάνω δὲ τοῦ τοιούτου σταυροῦ περιστερὰ μεγάλη σφόδρα, λευκὴ ὡσεὶ χιών καὶ εἰς τὸ �ρᾶσθαι ἡδεῖα, καὶ περιίπτατο· ἐν δὲ τῇ πρὸς αὐτὴν ἀτενίσει φῶς ἄπειρον καὶ ἀνεκλάλητον ἐκπέμπουσα καὶ φίλτρον ἔρωτος πνευματικοῦ καὶ θείας ἀγαλλιάσεως ἐν τῇ καρδίᾳ ἡμῶν εἰσάγουσα· ἐπάνω δὲ τοῦ φοβεροῦ καὶ πυροειδοῦς σταυροῦ ἐκείνου ὤπται· ἦστινος φρικτῶς στρεφομένης, οἱονεὶ ῥόδα κοκκινοβαφῆ καὶ ἄνθη χιονοφεγγῆ, ὥσπερ ἀπὸ πυρακτωμένου σιδήρου σπινθῆρες ἀπετινάσσοντο καὶ ἐπὶ τοῦ φρικτοῦ αἰθέρος τῆς ἁγίας πόλεως ἐκείνης ἐξέπιπτον.

Ἔτι βλεπόντων ἡμῶν ταύτην, ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἀπὸ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου ὕψους τοῦ αἰθέρος κάτεισιν, ὥσπερ τις ἀστραπὴ ἐκπληκτική, νεανίας τις ἐπὶ τὴν πόλιν πτέρυξι φλογεροῖς ἀκτινοβολούσαις περιαστραπτόμενος καὶ τινας ἑτοιμασίας (f. 167 r.) ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ διατάττων καὶ ἑτοιμάζων, ὡσανεὶ βασιλέως καθέδραν καὶ τινων στρατευμάτων μελλόντων ἀφικέσθαι ἐκεῖσε. Ἔτι γοῦν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἕτερος νεανίας θαυμαστὸς τῷ εἴδει ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ ὕψους κάτεισι σὺν τάχει πολλῷ ἐπὶ τὴν πόλιν θρόνον φρικώδη κατέχων, ὃν ἡτοίμαζε τῷ ἐρχομένῳ βασιλεῖ, φωνὴ δέ τις ἐξηκούετο εἰς τὰ ὦτα ἡμῶν ἐξερχομένη ἐκ τῆς πόλεως λέγουσα· Μέλλει ὅσον ὅπου παραγίνεσθαι ἐπὶ τὴν ἁγίαν πόλιν ταύτην βασιλεὺς μέγας καὶ φοβερὸς μετὰ δυνά-

μεως καὶ δοξης πολλῆς. Ἔτι πρὸς τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ τέσσαρες νεανίαι ἀπὸ τοῦ ὕψους ἐκείνου κατῆλθον ἐπὶ τὴν πόλιν καὶ αὐτοὶ κατέχοντες ἀνὰ μίαν λαμπάδα· αἱ δὲ λαμπάδες ἐκεῖναι ξένῳ καὶ ἀΰλῳ πυρὶ καιόμεναι, ὀφθαλμοῖς αἰσθητοῖς μὴ ὁρώμεναι· οἵτινες μιᾷ φωνῇ λυγηρῶς ἀνεβόων· Ἔλαμψεν ἡ χάρις σου, Λόγε Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ἐλήλυθεν ἡ δόξα τῶν ἁγίων σου, Υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος. Μετὰ δὲ τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ (f. 167 v.) ἕτερος νεανίας θαυμαστὸς τῷ εἴδει, ἐξαίσιος τῷ κάλλει, ὃς καὶ κατέβη ἔναντι τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πόλεως καὶ ἀνέκραγε μεγάλα καὶ δι' ὀλίγων· Ἰδοὺ ἡ κρίσις καὶ ἡ ἀνάστασις τῶν νεκρῶν καὶ ἡ ἀνταπόδοσις τῶν βεβιωμένων ἑκάστου παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ ἐπεδήμησε.

Προσσχόντες τοιγαροῦν βλέπομεν, καὶ ἰδοὺ στύλος πυρὸς κατήρχετο ἄνωθεν καὶ ἐν τῷ κατέρχεσθαι αὐτὸν ἦχος ἀπετελεῖτο φρικτὸς καὶ φοβερός, πῦρ ἄπειρον βάλλων ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τοῦ αἰθέρος· καὶ αὐτὸς κατελθὼν ἔστη, οὐκ ἐπὶ τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πόλεως, ἀλλ' ὀπῆς τινὸς ἀνοιγείσης αὐτῷ ἐπὶ τοῦ δαπέδου ἐκείνου, εἰς ὅπερ ἡμεῖς ἱστάμεθα, κατέβη ἐπὶ τὸν κόσμον καὶ διεχύθη εἰς τέσσαρας ἀρχὰς καὶ ἥψατο τῶν τεσσάρων γωνιῶν τῆς κτίσεως. Καὶ ἰδοὺ φωνὴ ἐν μέσῳ τοῦ κόσμου λέγουσα· Ἰδοὺ ἡ δημιουργικὴ τοῦ ὑψίστου δύναμις πάντων ἥψατο τῶν ἀνθρωπίνων ὀστέων καὶ ἀθροίσει (f. 168 r.) αὐτὰ, ὀστέον πρὸς ὀστοῦν καὶ ἁρμονίαν πρὸς ἁρμονίαν αὐτῆς. Πρὸς ταύτην οὖν τὴν ἐξαίσιον καὶ πλήρη θάμβους φωνὴν ἐκπληττομένων ἡμῶν, ἰδοὺ ἕτερος φοβερὸς νεανίας λευκὸν ἔνδυμα ὡς τὸ φῶς περιβεβλημένος καὶ τὴν ὀσφὺν αὐτοῦ περιεζωσμένος οἱονεὶ ἤλεκτρον καθαράν· καὶ αὐτὸς κραταιῶς ἐπορεύετο φέρων ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ τόμον ὡσεὶ πῦρ, καὶ ἐν τῷ τόμῳ ἐκείνῳ ἦν ἐπιστολὴ Κυρίου γεγραμμένη πρὸς τὸν Σατᾶν πεμφθεῖσα, οὗτινος ἔφασκον πληρωθῆναι τὴν βασιλείαν ἔτη τρία βεβασιλευκότος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς. Καὶ αὐτὸς οὐκ ἐπὶ τὴν πόλιν παραγέγονεν, ἀλλὰ κατόπιν ἀφίκετο τοῦ πυρίνου στύλου, ὡς ἐπὶ τὸν κόσμον παραγενόμενος, ἔνθα ὁ δηλωθεὶς Σατᾶν ἐβασίλευ(σ)ε, καὶ στὰς κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ ὑπανέγνω τούτῳ τὴν σταλεῖσαν αὐτῷ παρὰ Κυρίου ἐπιστολὴν καὶ κατασχὼν αὐτὸν εἵλκεν ἔξω τῶν βασιλείων ἐπὶ τῷ θεῖναι αὐ(f. 168v.)-τῷ ὄσφρησιν αὐτοῦ ἐπὶ τὸ τεῖχος τῆς γῆς, ὥστε ἀναμάξασθαι καὶ

εἰσοικίσασθαι αὐτὸν πᾶσαν διαφθορὰν καὶ κακίαν, πᾶσαν ὀργὴν καὶ μῆνιν, πάντα ἰὸν καὶ θυμὸν πάσης ἀκαθαρσίας καὶ ἀνομίας, πάσης πονηρίας καὶ αἱρέσεως, πάσης μαγίας καὶ φαρμακίας καὶ εἰδωλολατρίας· ὅτι ἰδοὺ πέφθακε τὸ τέλος αὐτοῦ καὶ μέλλουσιν αὐτὸν κατακαίειν μετὰ καὶ πάντων τῶν στρατευμάτων αὐτοῦ. Διὰ τοῦτο προσέταξε Κύριος ἀναμάξασθαι καὶ πρὸς ἑαυτὸν ἑλκύσασθαι πᾶσαν κακίαν, ἣν αὐτὸς ἑαυτῷ μετὰ τὴν ἰδίαν ἔπαρσιν καὶ τὴν ἐκ τῶν οὐρανῶν ἀπορριφὴν ἐδημιούργησεν, ὡς ἂν σὺν αὐτῷ εἰς τὰ ἡτοιμασμένα αὐτῷ κολαστήρια σὺν πάσῃ τῇ στρατιᾷ αὐτοῦ παραδοθῇ καὶ εἰς τὸ μὴ ὂν παντελῶς ἀπὸ τοῦ κόσμου χωρήσῃ καὶ ἀπελαθῇ.

Ἔτι οὖν ἡμῶν ἐπὶ τούτοις ἐχόντων καὶ ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ θεωρίᾳ ἀσχολουμένων, ἰδοὺ παρεμβολαὶ δυνάμεων ἐφίππων μεγάλαι σφόδρα· οἱ δὲ τούτων ἵπποι πύρινοι πτερωτοί, φλόγα πυρὸς ἐκπέμποντες ἀπὸ τῶν μυκτή(f. 169 r.)ρων αὐτῶν, ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ἐκείνου βαδίζοντες· καὶ αὗται οὐκ ἐπὶ τὴν πόλιν εἰσήρχοντο, ἀλλ' ἐπὶ τὸν κόσμον ἐπορεύοντο. Ἐνωτισαμένων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τῷ κατελθεῖν αὐτοὺς ἐπὶ τὸν κόσμον, ἀκηκόαμεν· καὶ ἰδοὺ βοαί, κλαυθμοί τε καὶ ὀδυρμοὶ πολλοὶ ἐξηκούοντο ἰσχυρῶς ἀπὸ προσώπου πάσης τῆς γῆς, ἐπειδὴ οἱ κατελθόντες ἐκεῖσε ἔφιπποι ἄγγελοι ἰσχυρῶς ἐξήλαυνον, ὡς φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ ἄγγελος τοῦ Θεοῦ ἑστὼς ἐκεῖσε, ἐπὶ πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν καὶ τόπον ἄβατον καὶ ἀμειδῆ, καὶ ἀφειδῶς κατέσφαττον πάντας τοὺς ἀποπλανηθέντας ὀπίσω τοῦ ἀποστάτου καὶ Ἀντιχρίστου Σατᾶν ἐν τῷ καιρῷ τῆς αὐτοκρατορίας αὐτοῦ, μὴ ἀξιουμένους ἐλέους ἢ συγγνώμης τινός. Ἔτι τούτοις ἀποσκοποῦντες ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ στράτευμα στρατευμάτων ἐν εὐσχήμῳ καταστάσει καὶ τάξει βασιλικῇ ἐπὶ τὰ τῆς γῆς πληρώματα ἀφιέμενα, ἀριθμῷ ὅλως μὴ ὑποκείμενα, καὶ ταῦτα ἑτοιμασίαν ἐποιοῦντο τῆς τοῦ Κυρίου ἐλεύσεως· ὁ γὰρ θρόνος αὐτοῦ ὁ φοβερὸς καὶ ἅγιος παρ' αὐτῶν ἡτοιμάζετο (f. 169 v.) καὶ ἐτίθετο ὡς προσῆκε τῇ δοξῃ τῆς ἁγιοσύνης αὐτοῦ. Τούτων δὲ παρελθόντων, ἰδοὺ εἷς τῶν ὑψηλῶν καὶ ἐνδόξων νεανίσκων, οὗ ἡ στολὴ βασιλικὴ, ἐνδόξως κάτεισιν ἀπὸ τοῦ ὕψους ἐκείνου τοῦ φοβεροῦ, καὶ αὐτὸς σάλπιγγα κραταιὰν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων, πρὸς τὰ ἐπίγεια ἐπορεύετο κατόπιν τῶν ἐξαισίων στρατευμάτων ἐκείνων. Κατόπιν δὲ αὐτοῦ ἰδοὺ δυοκαίδεκα ὡραιότατοι καὶ εὐειδεῖς νεανίαι, καὶ αὐτοὶ τὴν στολὴν

καὶ τὴν μορφὴν βασιλικὴν ἠμφιεσμένοι παρομοίαν τοῦ προκατιόντος νεανίσκου, σάλπιγγας χρυσᾶς ἀστραπτούσας καὶ κραταιὰς ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν κατέχοντες. Καὶ ὡς παρωχήκασιν ἐπὶ τοῦ αἰθέρους τοῦ προγείου, συμπαρέστησαν τῷ προκατιόντι ἐκεῖσε φοβερῷ καὶ ἐξαισίῳ νεανίσκῳ· εἶθ' οὗτος ἐσάλπισε πρῶτος ἐκείνων τῶν ἄλλων ἐν δυνάμει ἰσχύος αὐτοῦ, καὶ ἀπὸ τοῦ ἤχους τῆς τοιαύτης χρυσῆς καὶ φοβερᾶς σάλπιγγος διεδονήθησαν πάντα τὰ πέρατα· εἶτα ἐσάλπισαν καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ἑστῶτες ἕτεροι δώδεκα νεανίαι. Καὶ ἰδοὺ ἐ(f. 170 r.)τρόμαξε πᾶσα ἡ γῆ καὶ ἀνεώχθησαν πάντα τὰ μνημεῖα καὶ οἱ τάφοι τῶν ἀπ' αἰῶνος κεκοιμημένων, καὶ ἀνέβη νεῦρα καὶ σὰρξ ἄφθαρτος ἐπὶ τὰ ὀστᾶ τῶν ἐν τοῖς τάφοις κειμένων νεκρῶν, καὶ πνεῦμα ζωῆς οὐκ ἦν αὐτοῖς. Καὶ προσθεὶς ἐσάλπισεν ἐκ δευτέρου ὁ φοβερὸς καὶ ἔνδοξος ἐκεῖνος νεανίας, καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ οἰκουμένη καὶ ἀνεώχθησαν, ὡς προείρηται, αὐτομάτως πάντα τὰ μνημεῖα τῶν ἀπ' αἰῶνος κεκοιμημένων, καὶ ὥσπερ ὕελος ὑπὸ βαρυτάτου λίθου κρουσθεὶς συντρίβεται, οὕτως ἀπὸ τῆς φρικτῆς ἐκείνης τῶν σαλπίγγων βοῆς πάντα συνετρίβησαν καὶ ὡσεὶ χοῦς ἐλεπτύνθησαν καὶ εἰς ἀφανὲς κατέστησαν καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς κειμένους νεκροὺς ἔξω σώους καὶ ἀνελλιπεῖς ἀπέρριψαν τῇ ἠχῇ τῆς κραταιᾶς σάλπιγγος ἐκείνης. Καὶ ἐθεασάμεθα ἔτι, καὶ ἰδοὺ ὡσεὶ ἄμμος τῆς θαλάσσης καὶ ὡσεὶ χοῦς τῆς γῆς στρατεύματα νεανίσκων ἄνωθεν κατερχόμενα διὰ τάχους ἐπὶ (f. 170 v.) τὰς τῶν ἀπ' αἰώνων ψυχῶν τῶν ἀνθρώπων καταπαύσεις πορευόμενα τοῦ ἐξαποστεῖλαι αὐτὰς καὶ ὁδηγῆσαι ἑκάστου ἀνθρώπου ψυχὴν ἐπὶ τὸ ἴδιον αὐτῆς σκήνωμα. Καὶ ἐσάλπισε τρισσεύσας ὁ μέγας ἀρχιστράτηγος Κυρίου Μιχαήλ· οὗτος γὰρ ἦν ὁ τῶν ἄλλων πάντων ἀγγέλων ἐξοχώτατος, ὃς καὶ προκάτεισι πρὸ τῶν ἄλλων, ὡς ἔφημεν· καὶ ἔφριξεν οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ ἀπὸ τῆς ἰσχυρᾶς ἠχοῦς τῆς φωνῆς τῆς τρίτης σάλπιγγος· καὶ ἰδοὺ πᾶσα ἡ συναγωγὴ υἱῶν ἀνθρώπων ἐξερρίφη ἔξω ζῶσα ἀπὸ τοῦ χώματος πάσης τῆς γῆς, καὶ ἰδοὺ ἡ θάλασσα καὶ οἱ ποταμοὶ ἀνέβρασαν ἐπὶ τὴν ξηρὰν καὶ ἅπαν ἄλσος καὶ πᾶσα λίμνη φόβῳ καὶ τρόμῳ ἀπέδωκαν καὶ ἐξήμεσαν πλήθη ἀναρίθμητα ἀνθρώπων. Καὶ ἰδοὺ μυριάδες μυριάδων ἄνθρωποι, καὶ ὑπὲρ αὐτὸν τὸν χοῦν τῆς γῆς καὶ τὸν τῆς θαλάσσης ψάμμον ἦσαν τῷ ἀριθμῷ χρηματίζοντες ἐν πλεονασμῷ, οἵτινες εὑρέθησαν αἴφνης εἰς τὸ πρόσωπον πάσης

τῆς γῆς, ἴσῃ τῇ ἡλικίᾳ πάντες χρηματίζοντες, αἵ τε θήλειαι καὶ οἱ ἄρρενες, καὶ διαφορὰ οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς· εἰ γὰρ λίαν ἐφ' ὑψηλοῦ τόπου τοῦ προδηλωθέντος ἥμεν ὑπερι(f. 171 r.)στάμενοι, ἀλλ' οὖν ἐδόθη ἡμῖν ὑπὸ τοῦ Κυρίου χάρις καὶ δύναμις ὁράσεώς τε καὶ γνώσεως, δι' ἧς, ὡς ὑπό τινος ὀπῆς ἀνεωχθείσης ἡμῖν κατὰ πρόσωπον τῆς ὑπ' οὐρανόν, ἠδυνήθημεν ταῦτα καθαρῶς πάντα καὶ λίαν ἁπλανῶς θεωρῆσαι καὶ καταστοχάσασθαι· καὶ ὥσπερ ἂν αὐτὰ τὰ ἐν τοῖς ποσὶν αὐτοῦ ὄντα ἰσχύει τις ἐπιφανῶς τε καὶ τηλαυγῶς κατιδεῖν καὶ κατανοῆσαι καὶ ἀκριβῶς καταμαθεῖν, οὕτω καὶ ἡμεῖς ἐβλέπομεν καὶ κατεμανθάνομεν ἁπλανῶς ταῦτα πάντα. Εἴδομεν γοῦν ἐν τῷ ἀναστῆναι τὸν πρωτόπλαστον Ἀδὰμ σὺν τῇ Εὔᾳ καὶ πᾶν ἔθνος καὶ πᾶσαν φυλήν, ἥτις ποτὲ ἔζησεν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκ τοῦ σπέρματος αὐτῶν μετ' αὐτῶν, καὶ ἵσταντο ἐν στενοχωρίᾳ καὶ λύπῃ πολλῇ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς· ὧν οἱ μηδέποτε τὸ τῆς ἀναστάσεως μυηθέντες μυστήριον ἔφριττον πλέον τῶν ἄλλων καὶ ἰλιγγίων τῷ ὄντι καὶ ἔτρεμον καὶ μεγάλως ἐκόπτοντο, κατανοοῦντες τὰ κατ' αὐτοὺς καὶ ὅμως διαλυθέντες εἰς χοῦν αὖθις σῶοι καὶ ἀνελλιπεῖς ἐξανέστησαν καὶ εἰς τὸ ἐμφα(f. 171 v.)νὲς ξύμπαντες ἐξηγέρθησαν, ὡς μηδὲ αὐτὰ τὰ ἀρτίτοκα καὶ ἀρτιθάνατα ἄωρα βρέφη ἀπολειφθήσεσθαι τῆς τοιαύτης ἐξαναστάσεως, ἀλλὰ καὶ τῆς αὐτῆς ἡλικίας καὶ τάξεως σῶα καὶ ταῦτα τυγχάνοντα, καὶ ἐκ τούτου ἐξίστασθαι καὶ καταπλήττεσθαι καὶ ἀγωνιᾶν πάντας σφόδρα καὶ ἀναλογιζομένους τὰ τοιαῦτα φρικτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια. Καὶ αὐτὸς οὖν ἔγωγε ἔφριττον σφόδρα λίαν καὶ ἔτρεμον, καὶ εἰ μὴ χάρις ἦν ἐμοὶ δοθεῖσα καὶ δύναμις ἐκ Θεοῦ διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ ἁγίου αὐτοῦ θεράποντος καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, ἀπώλεσα ἂν ἀπὸ τοῦ φόβου ἐκείνου καὶ τὸ ζῆν παραυτίκα, πρᾶγμα καθορῶν ξένον καὶ φρικτὸν τῷ ὄντι καὶ παράδοξον καὶ πάσης γέμον ἐκπλήξεως, οὐ μόνον ἐμοί, ἀλλὰ καὶ πᾶσι τοῖς οὖσι καὶ καθορῶσι ταῦτα· λέγω δὴ τὴν ἀνάστασιν τῶν νεκρῶν, τὴν τῶν θηλείων ἐναλλαγὴν πρὸς τὸν ἀνδρώδη μετασχηματισμόν, καὶ τὴν τῶν ἀρτιγενῶν νηπίων ἀποβεβιωκότων εἰς τὴν ἴσην πᾶσιν ἡλικίαν μετάμειψίν καὶ σωματικὴν ὁμοίωσιν πάντων τῶν ἀπὸ Ἀδὰμ καὶ μέχρι τοῦ (f. 172 r.) ἐσχάτως πάντων. Καὶ ἐν αὐτῇ σχεδὸν τῇ κρούσει τῆς σάλπιγγος γεννηθέντος, τῶν μὲν ἤδη κεκοιμημένων καὶ

αὖθις ἐγηγερμένων, τῶν δὲ ἐν ἀτόμῳ ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ, ὡς φησιν ὁ θεῖος ἀπόστολος, ἐναλλαγέντων, καὶ ὅτι οὐδεμία ἔν τινι αὐτῶν ἦν σωματικῆς ἰδιότητος διαφορά, οἷόν τι λέγω σιμότης, λευκότης, μελανότης, γρυπότης, νηπιότης, γηραιότης ἢ ἄλλο τι τοιοῦτον, ἀλλὰ πάντων ἡ ἰδέα καὶ ἡ ἡλικία μία καὶ ἡ αὐτὴ ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν, νηπίων τε καὶ νέων καὶ γεγηρακότων.

Ἀλλὰ τί πάθω; ὁ γὰρ νοῦς μου κλονεῖται καὶ τῷ δέει συνέχεται, ἡ χείρ μου δὲ ναρκᾷ καὶ τρέμει, ἡ γλῶσσα πεδεῖται καὶ πρὸς τὸ λέγειν ἰλιγγιᾷ καὶ φρίττουσα ἀτονεῖ, καὶ ὅλος δι' ὅλου ἐξίσταμαι καὶ τῷ φόβῳ συστέλλομαι· μέλλω γὰρ ὑμῖν διηγήσασθαι φρικτὰ καὶ ἐξαίσια καὶ τῷ ὄντι παράδοξα καὶ ξένα μυστήρια, ὅθεν ὑμᾶς τοὺς ἀκροατὰς δυσωπῶ πάσῃ νήψει καὶ προσοχῇ καὶ τελείῳ φόβῳ Θεοῦ τῶν ἐμῶν ἐπακροάσασθαι ῥημάτων· φρικτὰ γὰρ ταῦτα καὶ ἀνήκουστα καὶ πά(f. 172 v.)σῃ ἀκοῇ ἀνθρωπίνῃ δυσπαράδεκτα, διὸ καὶ τοῖς πολλοῖς ἄπιστα δόξειε καὶ μάλιστα τοῖς ἁπλουστέροις. Ὅθεν παρακαλῶ ὑμᾶς, ἀδελφοί, μηδεὶς σκανδαλισθῇ ἐπὶ τοῖς λεγομένοις καὶ ἀντὶ εὐλογίας καὶ μισθοῦ κομίσηται· ὡς ἐπὶ τοῦ φρικτοῦ γὰρ καὶ ἀπαραλογίστου θρόνου τοῦ φοβεροῦ καὶ δικαίου Κριτοῦ παριστάμενος μετὰ πάσης ἀκριβείας ἅπερ ἑώρακα ἀψευδῶς ταῦτα τῇδε τῇ γραφῇ ἀπαραλλάκτως συντέταχα καὶ ὑμῖν παραδέδωκα εἰς κοινὴν ὠφέλειαν τῶν ἐντυγχανόντων. Ὅθεν, ὡς ἔφην, προσεκτέον τοῖς λεγομένοις· ἐπὶ γὰρ τὸν εἰρμὸν τοῦ λόγου τὸν λόγον ἐπαναγάγω.

Ὡς γὰρ τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα καὶ ξένα ἑώρων πράγματα καὶ θεῖα μυστήρια τὰ ἐξ ἀκοῆς μόνης νοῦν καὶ διάνοιαν ἐξιστῶντα, ἐξιστάμην καταπληττόμενος ὅλος καὶ τῷ φόβῳ βαλλόμενος· τινῶν μὲν ὑπῆρχον τὰ πρόσωπα λαμπρῶς ἐξαστράπτοντα καὶ λίαν περιφανῶς αὐγάζοντα ὥσπερ ἀστέρες, τινῶν δὲ λάμποντα (f. 173 r.) μὲν λίαν, καταδεέστερον δὲ, ὥσπερ καὶ περὶ τούτων ἐν τῷ ἀποστόλῳ εἴρηται, φάσκοντι· Ἀστὴρ ἀστέρος διαφέρει ἐν δόξῃ· καὶ τινων μὲν ἀπηύγαζον οἷα δὴ σελήνη ἐν τῷ ζόφῳ τῆς νυκτός, τινῶν δὲ ὥσπερ αὐτὸ τὸ φῶς τῆς ἡμέρας ἔλαμπον καὶ ἐφαιδρύνοντο, καὶ τῶν μὲν ἤπτον τὰ πρόσωπα οἷα δὴ σίδηρος πεπυρακτωμένος σπινθηροβολῶν, τινῶν δὲ ὡς ὁ ἥλιος ἔλαμπον, καὶ τῶν μὲν ὡσεὶ χιὼν καθορῶντο τὰ πρόσωπα λευκά, τῶν δὲ διαφανῆ ὡσεὶ ἔριον, καὶ τινῶν μὲν ὥσπερ τὰ

λευκὰ καὶ ἐρυθρὰ ῥόδα ἀπέστιλβον· καὶ ἄφατός τις ἦν ἐν τούτοις δόξης καὶ λαμπρότητος διαφορά. Καὶ ὑπεράνω δὲ τῆς ὀφρύος τῆς ἑνὸς ἑκάστου αὐτῶν κεφαλῆς γράμματα ἐξ ἀστραπῆς ἐνεγέγραπτο δηλοῦντα τὴν αὐτῶν ἀρετήν· καί τισι μὲν ἔγραφον· προφήτης Κυρίου, ἐν ἄλλοις δὲ· ἀπόστολος Κυρίου, καὶ ἐπί τισι μὲν ἐδήλου ἡ γραφὴ· μάρτυς Κυρίου ὁ δεῖνα, ἐπί τισι δὲ· ἐγκρατὴς διὰ Κύριον ὁ δεῖνα, καὶ ἔν τισι μὲν· κῆρυξ Κυρίου καὶ ἐν ἄλλοις· (f. 173 v.) εὐαγγελιστὴς Κυρίου, καὶ ἐν τοῖς μὲν παρεδήλου ἡ γραφὴ· ὁμολογητὴς Κυρίου, ἐν τοῖς δὲ· ἱεράρχης Κυρίου, καὶ ἔν τισι μὲν· ὅσιος Κυρίου, καὶ ἔν τισι δὲ· ἀσκητὴς Κυρίου, καὶ ἐφ' ἱκανοῖς μὲν· δίκαιος Κυρίῳ τῷ Θεῷ, ἐφ' ἱκανοῖς δὲ· τῷ πνεύματι πτωχὸς καὶ ταπεινὸς τῇ καρδίᾳ, καὶ ἐν ἄλλοις μὲν· ἐλεήμων καὶ εὐμετάδοτος, ἐν ἄλλοις δὲ· συμπαθὴς καὶ οἰκτίρμων, καὶ ἔν τισι μὲν· πένθει καὶ δάκρυσι κεκαθαρμένος, καὶ ἔν τισι δὲ· ὁ θλίψεις καὶ διωγμοὺς καὶ ὀνειδισμοὺς καὶ μάστιγας διὰ Κύριον ὑπομείνας εἰς τέλος, καὶ ἐν τοῖς μὲν· ὁ πρᾶος καὶ ἥμερος, συμπαθής τε καὶ εὔ-[σ]πλαγχνος, ἐν οἷς δὲ· ὁ εἰρηνοποιὸς, ἐν ἄλλοις· ὁ δεδιωγμένος ἕνεκεν δικαιοσύνης, καὶ ἐν ἄλλοις· ὁ ξενιτεύσας διὰ Κύριον, καὶ ἐν τοῖς μὲν· ξενοδόχος καὶ πτωχοτρόφος, ἐν τοῖς δὲ· ὁ πιστὸς καὶ εὐγνώμων δοῦλος Κυρίου, καὶ ἔν τισι μὲν· ὁ καλῶς διακονήσας τὴν πνευματικὴν αὐτοῦ διακονίαν, ἔν τισι δὲ· ὁ τὴν ὑπακοὴν ἐν ταπεινώσει καρδίας διὰ Κύριον μέχρι τέλους ζωῆς αὐτοῦ κτισάμενος, καὶ ἐν ἄλλοις μὲν· ὁ παρθένος καὶ ἁγνὸς καὶ καθαρὸς Κυρίῳ (f. 174 r.), ἐν ἄλλοις δὲ· ὁ τὴν κοίτην τῆς νομίμου συζυγίας αὐτοῦ ἄσπιλον καὶ ἀμείωτον τηρήσας καὶ διαφυλάξας, καὶ ἐν τοῖς μὲν· ὁ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ θεὶς ὑπὲρ τῆς ἀγάπης τοῦ πλησίον αὐτοῦ, ἐν τοῖς δὲ· ὁ πενίας κάμινον εὐψύχως καὶ εὐχαρίστως διὰ Κύριον ὑπομείνας, ἐν ἄλλοις δὲ· ὁ μὴ ἀποδιδοὺς κακὸν ἀντὶ κακοῦ, καὶ ἐν ἄλλοις· ὁ τῆς μετανοίας ἐργάτης, καὶ ἔν τισι μὲν· ὁ τὸ δίκαιον καὶ εὐθὲς καὶ ἀγαθὸν καλῶς ποιήσας ἐνώπιον Κυρίου, εἶτα διδάξας τοῦτο καὶ ἄλλους πολλούς, ἔν τισι δὲ· ὁ ἐν τοῖς θείοις ναοῖς τοῦ Θεοῦ ἀεὶ ἐνασχολούμενος καὶ τῶν τοῦ Θεοῦ λογίων μετὰ ἡσυχίας καὶ φόβου ἐπακροώμενος· καὶ ὧν μὲν· ὁ μὴ θησαυρίσας ἐπὶ τῆς γῆς καὶ τὴν ἰδίαν γαστέρα μόνος ἐγνωκὼς ἐμπιπλεῖς, ὧν δὲ· ὁ τοῖς ἰδίοις οἰκέταις συμπαθῶς διακείμενος καὶ τούτοις μὴ ἀποδιδοὺς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν καὶ τὰ ὀλισθήματα. Καὶ ἵνα συνελὼν εἴπω, ἑνὸς ἑκάστου

ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία τοῖς πᾶσι δῆλη καθίστατο· τοῦτο γὰρ παρεδήλου ἡ διὰ ἀστραπῆς σεσημειωμένη ἐν τῷ μετώπῳ ἑκάστου γραφὴ, τὴν πρᾶξίν τε φη(f. 174 v.)μὶ καὶ τὴν κλῆσιν. Καὶ ἵνα μὴ μηκύνω τὸν λόγον, ἑνὸς ἑκάστου, ὡς εἴρηται, ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία γράμμασι διαχρύσοις, ὥσπερ ἀστραπὴ ἐπὶ τοῦ αἰθέρος, ὑπεράνω τῆς κορυφῆς αὐτοῦ ἐγκεκολαμένοις παρεδηλοῦτο, τοῦτο μὲν ἀπὸ τῆς τῶν γραμμάτων ἐπιφανείας, τοῦτο δὲ καὶ ἀπὸ τῆς ἐν τῷ ἰδίῳ σώματι ἐξαστραπτούσης λαμπρότητος καὶ μάλιστα ἀπὸ τῆς δοθείσης τηνικαῦτα ἑκάστῃ ψυχῇ, δικαίων τε φημὶ καὶ ἁμαρτωλῶν, σὺν τῇ ἀφθαρσίᾳ θείας γνώσεως· ὥστε ἐν τοσούτῳ ἀναριθμήτῳ καὶ ἀπείρῳ πλήθει τοὺς πάντας τοῖς πᾶσι γνωρίζεσθαι οὕτως ἀκριβῶς, ὥσπερ ἐνταῦθα ἡ γυνὴ τὸν ἴδιον ἄνδρα ἐπίσταται, μεθ' οὗ καὶ συνοικεῖ καὶ ὃν κοινωνὸν ἐν τῷ βίῳ τούτῳ κέκτηται, τοῦ φιλανθρώπου καὶ ὑπεραγάθου Θεοῦ ἡμῶν τοῦτο οἰκονομήσαντος, τοῦ γνῶναι δηλαδὴ ἕκαστον ἑαυτὸν καὶ πληροφορηθῆναι ἐκ τῶν ἰδίων ἔργων οἵας ἔτυχε καταστάσεως· ναὶ μὴν ἀλλὰ καὶ πᾶσι δῆλος εἶναι, τίς ὁ ἐλεήμων φημὶ καὶ τίς ὁ ἀνελεήμων, καὶ τίς ὁ παρθένος καὶ καθα(f. 175 r.)ρὸς, καὶ τίς ὁ πόρνος καὶ ἀκάθαρτος, τίς ὁ συμπαθὴς καὶ εὔσπλαγχνος, καὶ τίς ὁ ἀπηνὴς καὶ ἄσπλαγχνος, τίς ὁ προφήτης καὶ τίς ὁ μάρτυς, τίς ὁ εὐσεβὴς καὶ φιλόθεος, καὶ τίς ὁ ἀσεβὴς καὶ ἀρνησίθεος, τίς ὁ δίκαιος καὶ φιλόπτωχος, καὶ τίς ὁ ἄδικος καὶ φιλόχρυσος· καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν, πάντες καὶ πᾶσαι ἕκαστος αὐτῶν, οἷος ἂν εἴη, οἵας ἔτυχε τάξεως γνωρίζεσθαι τοῖς πᾶσιν, ὡς ἔφημεν, ὡσὰν οἱ ἀξίως ἐνταῦθα πολιτευσάμενοι καὶ τῶν ἐντολῶν Κυρίου ἀκριβεῖς φύλακες καὶ ἐκπληρωταὶ ἀναδεχθέντες τε καὶ ὑπάρξαντες, ἐκεῖσε ὑπὸ πάντων γνωστοὶ καθίστανται καὶ τῶν μακαρισμῶν καὶ τῆς εὐφημίας καταπολαύουσι καὶ παρὰ πάντων τῆς εὐκλείας καὶ δοξης ὑπερεκθειάζονται καὶ καταγεραίρονται.

Οἱ δέ γε πάλιν ἐν τοῖς τῆς ἀριστερᾶς μερίδος εὑρεθέντες καὶ κατεσχημένοι τυγχάνοντες ὑπὸ πάντων καὶ ἐν πᾶσιν ἐπιγινώσκεσθαι καὶ θριαμβεύεσθαι, ὡς ἐνταῦθα μὴ καλῶς πολιτευσάμενοι καὶ τὰς ἐντολὰς Κυρίου μηδ' ὅλως φυλάξαντες, ἀλλὰ ὡσεὶ λῆρον τὰ ῥή(f. 175 v.)ματα ταύτης ἡγησάμενοι, καὶ μηδὲ πρὸς τὰ τέλη τῆς ζωῆς αὐτῶν μετανοῆσαι καὶ ἐπιστρέψαι πρὸς σωτηρίαν διὰ μετανοίας καὶ δακρύων ὅλως προθυμηθέντες καὶ ἐξιλεώσασθαι τὸ θεῖον τοῦ δοῦναι

αὐτοῖς συγγνώμην περὶ τῶν προπλημμεληθέντων αὐτοῖς καὶ προγεγονότων σφαλμάτων καὶ ἀθέσμων πράξεων. Καὶ περὶ μὲν τῶν τὰ πρόσωπα δεδοξα[σ]μένων καὶ λαμπρῶν ἐκείνων τοιαῦτα ἐγγέγραπτο· οἵτινες καὶ παντελῶς ὀλίγοι σφόδρα ἐτύγχανον πρὸς τὸ ἀνεξιχνίαστον πλῆθος ἐκεῖνο τῶν ἀναστάντων νεκρῶν· μόλις γὰρ εἰς τοὺς χιλίους ἢ καὶ εἰς τοὺς μυρίους ἐκείνους εἷς ἐτύγχανεν ἐξαστράπτων τῇ ἀνεξιχνιάστῳ καὶ ἀρρήτῳ ἐκείνῃ δόξῃ τε καὶ λαμπρότητι· τοιαύτη γὰρ ἦν ἡ δοθεῖσα πᾶσι παρὰ τοῦ Θεοῦ δήλωσίς τε καὶ γνῶσις. Περὶ δὲ τῶν ἐν ἁμαρτίαις ζησάντων καὶ ἀμετανόητον τὸν βίον ὑπεξελθόντων, ἢ καὶ ἐν ἀπιστίᾳ παντελεῖ τῆς ἀληθοῦς θεογνωσίας ἢ καὶ ἐν διαφόροις ἀλλοκότοις αἱρέσεσι, τί ἂν εἴποι τις πόσης ἀηδίας καὶ ἀσχημοσύνης ἀνάπλεοι ὑπῆρ(f. 176 r.)χον; Ἦν γὰρ ἰδεῖν ἐν αὐτοῖς σχήματα καὶ εἰδέας διαφόρους, χαλεπάς τε καὶ εἰδεχθεῖς, καὶ τάραχον πολὺν καὶ συντριμμὸν καὶ σύγχυσιν, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός· τινῶν μὲν ἐξ αὐτῶν ἦσαν τὰ πρόσωπα οἷα χοῦς καὶ σποδὸς τῆς γῆς παραφυρούμενα, τινῶν δὲ ὥσπερ τις πηλὸς δυσώδης πολὺς ἐπὶ τῶν πλατειῶν κείμενος, ἄλλων δὲ κοπρώδη καὶ βορβορώδη καὶ δυσειδῆ λίαν, καὶ ἄλλων σηπώδη καὶ ὀζώδη, ὡς ἐπὶ τῆς ἀγορᾶς τεθνηκὼς πολυήμερος κύων βρίθων σκωλήκων· καὶ τῶν μὲν ὁρῶντο οἷα τοῖχοι κεχρισμένα κόπρῳ, τῶν δὲ ὑπῆρχον ἐξοστρακωμένα ὥσπερ χελώνης τὸ ἐπίλεπον, ὧν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ ὡς ἐξοιδοῦντος τραύματος ἕλκος ἐξέχεον· καὶ ἄλλων μὲν οἷα τὰ τῶν ἱερὰν ἐχόντων νόσον, οὓς καὶ λωβοὺς καλεῖν οἶδεν ὁ λόγος, ὧν ἐξῳδηκότα καὶ ἐφθαρμένα ὑπῆρχον τὰ πρόσωπα, ἄλλων δὲ ἠσβολωμένα καὶ σκοτεινὰ ὡς αὐτοῦ τοῦ Σατανᾶ· καὶ τισι μὲν ὑπῆρχον οἷα τὰ τῆς Ἀκραγαντίνων τιμωρίας (f. 176 v.) ἣν ἔπαθον θεοκρίτως οἱ τὸν ἅγιον Γρηγόριον συκοφαντίσαντες, καί τισι δὲ ἐξ ἡμισείας ἠμαυρωμένα καὶ ἐξ ἡμισείας τιτανώδη, ἑτέρωθι μὲν παρόμοια τῷ τῆς ἀσπίδος δέρματι καὶ χρώματι ἐπιδεικνύμενα, ἑτέρωθι δὲ τῷ τῆς ἐχίδνης· ἐν ἄλλοις οἷον τὸ τοῦ ὄφεως δέρμα, καὶ ἐν ἄλλοις ὥσπερ τὸ τῆς πονηρᾶς σαύρας οὕτως ὑπῆρχον· καὶ τῶν μὲν δορὰ ὄνου ἐχρημάτιζον, τῶν δὲ οἷα τὰ τῶν χοίρων βορβορώδη καὶ κοπρώδη· καί τινες μὲν ἐξ αὐτῶν κοπρώδεις ὅλως καὶ δυσώδεις ὑπῆρχον ἀπὸ ποδῶν ἕως κεφαλῆς, ὥσπερ οἱ ἐν βορβόρῳ κυλινδούμενοι χοῖροι, τινὲς δὲ αἵματι πολλῷ ῥεραντισμένοι καὶ πλῆθος δυσωδίας

καὶ ῥύπου πολλοῦ ἐν τοῖς σώμασιν αὐτῶν ἔχοντες ὁρῶντο, καὶ ἄλλοι μὲν δορὰν χοίρων ἐπὶ τὰ πρόσωπα ἐκέκτηντο, ἄλλοι δὲ ἄγριοι καὶ ἐβδελυγμένοι ὑφαίμους ἔχοντες τοὺς ὀφθαλμούς καὶ μεμηνότες ὁρῶντο παντάπασι καὶ ἐξουθενημένοι· καὶ οἱ μὲν πίσσῃ τὰ πρόσωπα κεχρισμένοι ὑπῆρχον, οἱ δὲ σηπώδεις ἀφρώδεις καὶ αἱματώδεις, καὶ ἄλλοι πεπληρω(f. 177 r.)μένοι πάσης ὠχρότητος καὶ τήξεως ὡς ἀπὸ μακρᾶς νόσου ταλαιπωρηθέντες καὶ τοῖς νεκροῖς παρομοιούμενοι καθορῶντο. Καὶ ἄλλοι ἐν τῷ καθορᾶσθαι αὐτοὺς ἐν τοιούτοις σχήμασιν ἐβδελυγμένους ἀπὸ αἰσχύνης αὐτῶν εἰς φυγὴν ἐπειρῶντο τραπῆναι καὶ κατακρύπτεσθαι, ἀλλ' οὐκ ἠδύναντο ἀπὸ τοῦ συνέχοντος καὶ συνωθοῦντος αὐτοῖς ἀναριθμήτου πλήθους τοῦ κατηχρειωμένου ἐκείνου λαοῦ· τοσοῦτον γὰρ ἐστενοχωρεῖτο ἕκαστος αὐτῶν ἀπὸ τοῦ περιεστῶτος καὶ συσφίγγοντος καὶ συμπνίγοντος λαοῦ, ὥστε μηδὲ ὀπισθεν στραφῆναι δύνασθαι καὶ βλέψαι τίς ὁ συνέχων καὶ συμπνίγων αὐτούς· τοσοῦτον γὰρ ὑπῆρχε τὸ πλῆθος τοῦ περιστῶτος λαοῦ ἐκείνου, ὡς μηδὲ τὴν ὑπ' οὐρανὸν πᾶσαν δύνασθαι χωρεῖν αὐτούς· ὅθεν οὐκ ἄλλο ἦν ἰδεῖν ἐν αὐτοῖς ἢ ἀκοῦσαι, εἰ μὴ τρόμῳ πολλῷ καὶ φόβῳ σὺν δάκρυσι καὶ οἰμωγαῖς ἀκαταπαύστοις βοᾶν ὁμοθυμαδὸν μιᾷ τῇ φωνῇ τὸ· Οὐαί, οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ταπεινοῖς, ὅτι αὕτη ἐσχάτη ἡμέρα ἐπὶ τῆς δευτέρας παρουσίας καὶ (f. 177 v.) ἐπελεύσεως Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ἣν ἀκούοντες πρὸ τοῦ ἐξελθεῖν ἐκ τοῦ κόσμου ἐκείνου γέλωτα καὶ λῆρον ταύτην ἐλογιζόμεθα εἶναι, καὶ νῦν ἀνέστησεν ἡμᾶς ὥστε ἀποδοῦναι ἡμῖν κατὰ τὰ ἔργα ἡμῶν· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀθλίοις καὶ ἁμαρτωλοῖς, ὅτι οὐκ ἔστιν ἀνάνευσις ἐν τῷ θανάτῳ αὐτῶν ἡμῶν καὶ ἐν τῇ μάστιγι ἡμῶν· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀκαθάρτοις καὶ κατακεκυμμένοις, ὅτι διὰ μικρὰν ἡδονὴν τοῦ κόσμου ἐκείνου τῇ πικρᾷ γεέννῃ τοῦ πυρὸς τοῦ ἀσβέστου παραπεμπόμεθα· ἐπειδὴ γὰρ ἔφθασεν ἡμᾶς ἡ τελευτὴ τοῦ βίου ἀμετανοήτους καὶ ἀνεξαγορεύτους, διὰ τοῦτο μέλλει ἡμᾶς ὁ δίκαιος κριτὴς πυρὶ ἀσβέστῳ κατακαῦσαι.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτά τινων ἐκ τοῦ ἀπείρου καὶ ἀναριθμήτου πλήθους ἐκείνου πρὸς ἀλλήλους λεγόντων καὶ πικρῶς ὀδυρομένων, ἵσταντο ἕτερα πλήθη ἀνθρώπων ἀναρίθμητα καὶ λογισμοῖς ἀνθρωπίνοις ἀνεξιχνίαστα, καθώσπερ τὰ ἄλογα κτήνη· οἵτινες οὐδέποτε Θεὸν

ἢ Λόγον Θεοῦ ἢ θεί(f. 178r.)ας τούτου γραφῆς διδασκαλίαν ἀκηκόασιν, οὔτε νόμου Μωσαϊκοῦ, οὔτε τοῦ τῆς χάριτος θείου Εὐαγγελίου ποτὲ ἐπακροασάμενοι, λέγοντες πρὸς ἀλλήλους ἀκούοντες τοὺς θρήνους ἐκείνων καὶ τὰς οἰμωγὰς λεγόντων περὶ τῆς τοῦ Χριστοῦ δευτέρας παρουσίας· Τίς ἐστιν ὁ Χριστὸς οὗτος, ὃν οὗτοι Θεὸν ὀνομάζουσι περὶ κρίσεώς τε καὶ περὶ τῆς τῶν μελλόντων κολάσεων τιμωρίας, καὶ τίς ἐστιν ὁ Θεὸς οὗτος, ὃν αὐτοὶ καταγγέλλουσιν; Ἔλεγον δὲ ταῦτα πρὸς ἀλλήλους καταπληττόμενοι καὶ ὅλως ἐξιστάμενοι, ἀκούοντες τὸ ὄνομα τοῦ Χριστοῦ, καὶ φασί· Τίς ἐστιν οὗτος; οὐδαμῶς ἐπιστάμεθα ἢ γινώσκομεν πώποτε τούτου τὸ ὄνομα ἀκηκοέναι, ἡμεῖς γὰρ πολλοῖς θεοῖς ἐλατρεύσαμεν καὶ τούτους θερμῶς καὶ γνησίως ἐθεραπεύσαμεν· εἰ οὖν ἐκεῖνοι ἐξήγειραν ἡμᾶς, οὐδαμῶς φοβηθησόμεθα κακά, διότι πάμπολλα αὐτοῖς δεδουλεύκαμεν καὶ εἰς αὐτοὺς πεποίθαμεν καὶ πλεῖστα καλὰ ἐν τῇ προτέρᾳ ἡμῶν ζωῇ αὐτοῖς (f. 178 v.) προσηνέγκαμεν, καὶ τὰ ἐπάξια πάντως ἀποδώσουσιν ἡμῖν καὶ αὐτοὶ ὁμοίως. εἰ δὲ ὃν ἀκούομεν Χριστὸν τὸν Θεὸν ὀνομαζόμενον νῦν καὶ κηρυττόμενον ἀνέστησεν ἡμᾶς, οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀθλίοις καὶ ἁμαρτωλοῖς, ὅτι ὑπεύθυνοί ἐσμεν καὶ πάσης κατακρίσεως καὶ κολάσεως. Ταῦτα ἐκεῖνοι ἔλεγον δέει καὶ φόβῳ πολλῷ συνεχόμενοι οἱ μὴ ἐγνωκότες ὅλως τὸν Θεὸν τοῦ παντός.

Οἱ δὲ ἀπὸ τῶν Ἰουδαίων ἐξαναστάντες τοιαῦτα πρὸς ἀλλήλους κοινολογούμενοι ἔλεγον· Ἐὰν ὁ Θεὸς τῶν πατέρων ἡμῶν Ἀβραὰμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ καὶ Μωϋσέος καί τοῦ νόμου ἡμᾶς ἐξανέστησεν, ἀγαθὰ ἡμῖν πολλὰ ἔχει συναντήσειν, καὶ οὐδαμῶς πτοηθησόμεθα ἢ φοβηθησόμεθα κακά· διότι εἰ καὶ διεσπάρημεν εἰς τὰ πέρατα τῆς οἰκουμένης καὶ πολλὰς θλίψεις καὶ ὀνειδισμοὺς ὑπέστημεν ὑπὸ πάντων ἐπὶ τῆς γῆς ἐθνῶν, ἀλλ' οὖν πλὴν αὐτοῦ Θεὸν ἕτερον οὐκ ἐγνώκαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς θεὸν ἀλλότριον· εἰ δὲ ὁ τῆς Μαρίας υἱὸς παρεγένετο κριτὴς ἐξαναστή(f. 179 r.)σας ἡμᾶς, οὐαὶ ἡμῖν ἔσται τοῖς ἀθλίοις καὶ ἁμαρτωλοῖς, ὅτι πολλὰ κακὰ εὑρήσουσιν ἡμᾶς, διότι σφόδρα μισοῦντες αὐτὸν μεμισήκαμεν καὶ σφόδρα αὐτὸν λελυπήκαμεν καὶ λίαν αὐτὸν βλασφημοῦντες ἐξυβρίσαμεν, καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν ὀνείδεσι καὶ μώμοις καὶ χλευασμοῖς αὐτὸν καθυπέβαλλον βλασφημοῦντες, καὶ φραγελλώσαντες αὐτὸν θανάτῳ παρα-

δεδώκασι καὶ σταυρῷ ὑψωθῆναι καὶ ἥλοις χεῖράς τε καὶ πόδας ἐν αὐτῷ προσηλωθῆναι κατεδίκασαν, ὀξος καὶ χολὴν αὐτὸν ποτίσαντες. Ἀλλὰ ἄνθρωπος ὢν ἐκεῖνος, πῶς ἐλεύσεται κρῖναι ὡς Θεός; ἴσος γὰρ ἡμῖν ἐστιν καὶ εἷς τῶν σὺν ἡμῖν ἀναστάντων, περιμένων καὶ αὐτὸς κριθῆναι διὰ τὰς ἁμαρτίας αὐτοῦ καὶ βλασφημίας· ἔλεγε γὰρ φανερῶς βλασφημῶν ἑαυτὸν Θεοῦ υἱὸν εἶναι γνήσιον καὶ ὅμοιον αὐτῷ ἑαυτὸν ἀποκαλῶν, πατέρα ὁμοούσιον αὐτοῦ καὶ ὁμοφυῆ ποιῶν τὸν Θεόν. Εἴθε οὖν ἐθεωροῦμεν αὐτὸν ἄρτι καὶ ἐγινώσκομεν, ποῦ ἵσταται, καὶ πλησιάσαντες αὐτῷ ὡς ψεύστην καὶ ἀπατεῶνα ἠλέγχομεν καὶ ὠνειδίζομεν αὐτὸν (f. 179 v.), ἐπειδὴ ἐν ταῖς πλατείαις ἡμῶν διδάσκων κριτὴν ἑαυτὸν ἔλεγεν εἶναι, φάσκων ὅτι ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν πᾶσαν δέδωκε τῷ υἱῷ αὐτοῦ, δηλονότι καὶ περὶ ἑαυτοῦ ταῦτα λέγων, πλανῶν τὸν πολὺν καὶ μωρὸν καὶ ἁπλούστερον λαὸν τὸν μὴ εἰδότα τὸν νόμον καὶ τὰ μαρτύρια τοῦ Θεοῦ. Ἡμεῖς γὰρ ἀκριβῶς οἴδαμεν καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν διηγήσαντο ἡμῖν, ὅτι Μωϋσεῖ λελάληκεν ὁ Θεὸς ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ καὶ ἐν πάσῃ ὁδῷ αὐτοῦ λέγων πρὸς αὐτὸν ὅτι· ἐγὼ ἔσομαι μετ' αὐτοῦ ἐν πάσῃ ὁδῷ αὐτοῦ ᾗ πορεύσῃ· ἐκεῖνος δὲ οὐδέποτε οὐδαμῶς Θεὸν ἑώρακεν, οὐδὲ ὁ Θεὸς πώποτε λελάληκε πρὸς αὐτόν· καὶ οἴδαμεν ὅτι ὁ Θεὸς τοῦ νόμου ἀψευδὴς Θεός ἐστιν, ὁ δὲ ψεύστης καὶ ἀπατεών.

Ταῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια οἱ Ἰουδαῖοι ἔτι πρὸς αὐτὸν βλασφημοῦντες πρὸς ἀλλήλους ἐφληνάφουν τὸν κριτὴν ἀπεκδεχόμενοι ἰδεῖν· ἄλλοι δὲ τούτων οὐτωσί πως γοερῶς ὀλολύζοντες ἔλεγον· Οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀθλίοις, ὅτι ἡμεῖς οὔτε τὸν Θεὸν τοῦ νόμου ἐπιστάμεθα, οὔτε τὸν νῦν κηρυττόμενον καὶ λεγόμενον Χριστὸν ἐφθάσαμεν ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ἐλεεινῆς καὶ ταλαιπώρου ζωῆς ἡ(f. 180 r.)μῶν ἰδεῖν καὶ δέξασθαι καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτόν, ἀλλ' ἐλατρεύσαμεν τῷ Βαάλ, τῇ Ἀστάρτῃ, τῇ Ἀσταρώθ, ταῖς χρυσαῖς δύο δαμάλεσι καὶ πᾶσι τοῖς λοιποῖς θεοῖς τῶν ἐθνῶν, οἷς καὶ θερμῶς ἐπεθύομεν καὶ τούτους γνησίως ἐθεραπεύομεν πάντοτε· καὶ οὐκ ἐγνώκαμεν ὅλως ἢ μεμαθήκαμεν περὶ τῆς ἐπελθούσης ἡμῖν ἀρτίως συμφορᾶς.

Καὶ ἁπλῶς ἑκάστου ἔθνους καὶ ἑκάστης φυλῆς λαὸς ἐμμελετῶν καὶ συζητῶν καθ' ἑαυτὸν ἐτύγχανεν· ὑπῆρχε δὲ καὶ ἐμμέριμνος περὶ τῶν ἰδίων πλημμελημάτων καὶ περὶ τῶν συμβησομένων

αὐτοῖς ἐν τῇ ὥρᾳ ἐκείνῃ συμφορῶν. Καὶ τὸ θαυμαστότερον καὶ φρικωδέστερον, ὅτι ἐδηλοῦτο ἐφ' ἑνὶ ἑκάστῳ αὐτῶν ἐπὶ τοῦ μετώπου, ὡς προείρηται, γράμμασιν ἀληθινοῖς ἡ πρᾶξις τῆς ἐξ αὐτῶν ἐργασίας, τοῦ τε ἄρρενος καὶ τῆς θηλείας, τῶν δύο λέγω φύσεων καὶ γενεῶν, καὶ ἐπί τισι μὲν ἐδήλου ἡ γραφή· φονεῖς καὶ φονεύτριαι, ἐπί τισι δὲ· αἱμομίκται καὶ αἱμομίκτριαι· εἶτα μοιχοὶ καὶ μοιχαλίδες, ἔπειτα (f. 180 v.) πόρνοι καί πόρναι, ἐν ἄλλοις κλέπται καὶ κλέπτριαι, καὶ ἐν ἄλλοις ψεύσται καὶ ψεύστριαι, ἐν τοῖς μὲν εἰδω[λο]λάτραι καὶ εἰδω[λο]λάτριαι, ἐν τοῖς δὲ μέθυσοι καὶ μεθύστριαι, καὶ ἐπὶ μέν τισι τελῶναι καὶ ἅρπαγες, ἐπὶ δέ τισιν ἀρσενοκοῖται καὶ παιδοφθόροι, ἐν ἑτέροις ἐπαοιδοί, φαρμακοί, μάγοι καὶ μάγισσαι, ἐν ἑτέροις κτηνοβάται, ἐν τοῖς μὲν ὀργίλοι, μνησίκακοι, φθονεροὶ καὶ μισόκαλοι, καὶ ἐν τοῖς δὲ θυμώδεις, ἀνελεήμονες, ἄσπλαγχνοι καὶ φιλάργυροι, ἐν ἑτέροις κιθαρῳδοί, αὐλισταὶ καὶ ὀρχηστρίδες, ἐν ἑτέροις θυμελικοί, τυμπανισταί, παροφθαλμισταὶ καὶ γελωτοποιοί, ἐν ἄλλοις ὁρκωμόται, ἐπίορκοι, πλεονέκται, σιτοκάπηλοι καὶ συκοφάνται, καὶ ἐν ἄλλοις νεκυομάνται, ἐγγαστρίμυθοι, ἀρρητοποιοὶ καὶ φειδωλοί, ἑτέρωθι δὲ κενόδοξοι, ὑποκριταί, σκιφοὶ καὶ ὑπερήφανοι, καὶ ἑτέρωθι φιλόχρυσοι, φιλοχρήματοι καὶ φιλόϋλοι, ἐπί τισιν αἱρετικοί, οἷον· ἀρειανοί, πνευματομάχοι, μανιχαῖ(f. 181 r.)οι, σαβελλιανοὶ καὶ παυλικιανοί, καὶ ἐπί τισιν ὠριγένιοι, εὐάγριοι, εἰκονομάχαι, ἰακωβῖται καὶ μαρκιονισταί. Καὶ ἁπλῶς πάσης αἱρέσεως καὶ θρησκείας ἐργάτης ὅλος μὲν καὶ ἀπὸ τῶν φαινομένων γραμμάτων ἐν τῷ μετώπῳ αὐτοῦ, δῆλος δὲ καὶ ἀπ' αὐτῆς τῆς ὄψεως καθίστατο ζοφερᾶς οὔσης, βδελυκτῆς μὲν καὶ μεμιαμμένης παντάπασιν, ὅσοι δηλονότι πρὸ τοῦ τελευτῆσαι διὰ τῆς μετανοίας οὐ μετεμελήθησαν καὶ μετέστησαν ἀπὸ τῶν ἁμαρτιῶν αὐτῶν ἕκαστος, ἀλλὰ ἀμετανόητοι καὶ ἀνεξομολόγητοι τὸν βίον κατέστρεψαν. Ὅθεν ὁρῶντες ἑαυτοὺς ἐν τοῖς τοιούτοις ὄντας σχήμασιν, ὡς εἴρηται, καὶ τὴν ἁμαρτίαν καὶ τὴν κακίαν καὶ πᾶσαν πονηρίαν ἐγγεγραμμένην ἐπὶ τῶν μετώπων ἑαυτῶν, μεγάλως ἠσχύνοντο αἰσχύνην ἄρρητον, καὶ ὀλολύζοντες ἀκατάπαυστον θρῆνον ἀνέπεμπον, καὶ μάλιστα ὅσοι εἰδήμονες ἦσαν τῶν θείων γραφῶν· ἐνενόουν γὰρ καὶ ἔλεγον ἐν ἑαυτοῖς, ὅτι· καρπὸς τοιαῦτα καὶ (σειραῖς) ὁράγματα τῶν ἰδίων ἡμῶν πεφύκα(f. 181 v.)σιν ἁμαρτιῶν, ὧν

ταῖς σειραῖς δεινῶς σφιγγόμεθα ἕκαστος· καὶ ἔκλαιον πικρῶς ἑαυτοὺς ἀνοήτως συγκόπτοντες καὶ τύπτοντες χερσὶ τὰ ἑαυτῶν πρόσωπα.

Τούτων οὖν ἁπάντων ἀριδήλως ἀποκαλυφθέντων καὶ καθαρῶς ἐποφθέντων ἡμῖν διὰ πρεσβειῶν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ μεγίστου θεράποντος Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν Βασιλείου, προσσχόντες ἔτι τοῖς ἀνωτάτω καθορῶμεν, καὶ ἰδοὺ τάξεις θαυμασταὶ καὶ φοβεραὶ κατιοῦσαι καὶ αὐταὶ λυγηρᾷ καὶ ἡδυφώνῳ φθογγῇ μέλος τι ὑπερφυὲς καὶ οὐράνιον ἐξαισίως ὑπέψαλλον· καὶ ὡς κατέρχοντο καὶ πλησίον ἡμῶν ἐγένοντο, ὡρᾶτο μέσον αὐτῶν σταυρὸς ξύλινος μὲν τῇ φύσει, σπινθηροβολῶν δὲ καὶ αἴγλην πάνυ θεσπεσίαν ἐν τῷ αἰθέρι ἀναπέμπων καὶ πυρσὸν βάλλων ἐκ προσώπου αὐτοῦ γαληνομόρφως, οἷον ὁρᾶν ἡμῖν ἔξεστιν ἡλίου δίκην τὴν ἡμέραν ἐν αἰθερίᾳ θαυμάζοντος· καὶ αὐτὸς κατέβη μετὰ τῶν ἀδόντων ἐκείνων θείων τάξεων ἐν τῷ τόπῳ ἐκείνῳ ἐν ᾧ ὁ τοῦ Κριτοῦ θρόνος ἡτοιμάζετο, καὶ ἔστη ἐν ὑψηλοῖς (f. 182 r.) δεδοξασμένος καὶ ἐμφανὴς πάσαις φυλαῖς τε καὶ γλώσσαις ταῖς ἐκ τῶν νεκρῶν ἐξεγερθείσαις τοῦ χώματος πάσης τῆς γῆς. Ἐθαύμαζον δὲ καὶ ἐξεπλήττοντο σφόδρα τὰ ἄπειρα καὶ ἀνεξιχνίαστα πλήθη ἐκεῖνα τοῦ λαοῦ ἐπὶ τῇ τοῦ δεσποτικοῦ σημείου ὡραιότητι, ὃν δὴ θεασάμενοι οἱ Ἰουδαῖοι οἱ τάχα λεγόμενοι Ἰσραηλῖται μετὰ τῆς τοιαύτης δορυφορίας καὶ δοξης παραγενόμενον, ἰλιγγίασαν, ἔφριξαν, ἐτρόμαξαν, καὶ ἔτι ἐπλήσθησαν τὰ πρόσωπα αὐτῶν περισσοτέρας αἰσχύνης καὶ ἐντροπῆς ὑπὲρ τὴν προτέραν, καὶ σφόδρα διαταραχθέντες μεγάλως καὶ σφοδρῶς ἔτυπτον τὰ ἑαυτῶν πρόσωπα ταῖς χερσὶν αὐτῶν ὀδυρόμενοι καὶ ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους· Οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἐλεεινοῖς, ὅτι κἂν σημεῖον βλέπομεν ἀρτίως ἐξ οὐρανοῦ πρὸς ἡμᾶς ἀφικόμενον· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ταλαιπώροις καὶ ἁμαρτωλοῖς, ὅτι τὸ σημεῖον τοῦτο, ὃ βλέπομεν, τοῦ ἐσταυρωμένου ἐστὶ καὶ οὐδενὸς ἄλλου, καὶ εἰ αὐτὸς ἥξει κρῖναι, ποίῳ προσώ(f. 182 v.)πῳ αὐτὸν συναντήσομεν, ἐπειδὴ πολλὰ δεινὰ καὶ χαλεπὰ εἰς αὐτὸν ἐνεδειξάμεθα; καὶ οὐ μόνον εἰς αὐτόν, ἀλλὰ καὶ πᾶσι τοῖς εἰς αὐτὸν πιστεύσασι πλεῖστα κακὰ διεπραξάμεθα καὶ ἀεί ποτε μανίαν ἄσπονδον καὶ ἔχθραν εἰς αὐτὸν ἐκεκτήμεθα, πικρῶς βλασφημοῦντες καὶ ἐξυβρίζοντες αὐτόν. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν Ἰουδαίων καὶ ἐχθρῶν τῆς ἀληθείας ἀποδυρομένων καὶ μετὰ δακρύων λεγόντων, φησὶ πρός με ὁ

ὁδηγῶν με νεανίας καὶ τὰ ἐκεῖσε πάντα κελεύσει Θεοῦ ὑποδεικνύων μοι θεῖος ἄγγελος· Ὁρᾷς ὅπως οὗτοι ἤρξαντο φρίττειν καὶ τρέμειν τὸν τίμιον σταυρὸν καὶ μόνον θεασάμενοι; λοιπὸν ἐὰν αὐτὸν ἐκεῖνον τὸν ἐσταυρωμένον Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν καθαρῶς ἴδωσι, τί πάθωσι καὶ ποία φρίκη αὐτοὺς λήψεται; Ὡς οὖν ταῦτα ἔλεγε πρός με ὁ ὁδηγῶν με θαυμαστὸς ἐκεῖνος νεανίας, τῶν Ἰουδαίων λυγρῶς ἐχόντων περὶ τῆς τοῦ τιμίου σταυροῦ ἐνδόξου ἐπιδημίας, οἱ πρὸ τῆς Χριστοῦ παρουσίας γεγονότες Ἑβραῖοι, μὴ εἰδότες τὸ τοῦ σταυροῦ σημεῖον μηδὲ τὸ τοῦ Χριστοῦ ὄνομα μεμαθηκότες, ἠπόρουν (f. 183 r.) καὶ ἐπυνθάνοντο ἐν τούτοις λέγοντες· Τίνος χάριν ἡ τοσαύτη ὑμῶν ἀγανάκτησις; Οἱ δὲ ἀπὸ τῆς πολλῆς αἰσχύνης, ἣ μᾶλλον εἰπεῖν τῆς πικρᾶς ὀδύνης τῆς κατεχούσης αὐτούς, οὐδόλως αὐτοῖς ἀποκριθῆναι ἠδύναντο, εἰ μὴ μόνον συχνάκις αὐτῷ προσαποσκοποῦντες ἱλιγγίων καὶ πάνυ ἐστύγναζον φρίττοντες· οἱ δὲ πάλιν ἐπαποροῦντες ἐπὶ τὸ ὁρώμενον ἐπ' αὐτοῖς καὶ τὴν αἰτίαν μαθεῖν μὴ δυνάμενοι, συνέπασχον αὐτοῖς καὶ αὐτοὶ ἀποδυρώμενοι καὶ σφοδρῶς ὀλολύζοντες.

Τούτων τοιγαροῦν οὕτως ἐν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν γινομένων ἐνωτιζόμεθα ἦχόν τινα φοβερὸν σφόδρα ἐρχόμενον εἰς τὰ ὦτα ἡμῶν ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων ἐκείνων τῶν ὡραίων καὶ ὑψίστων· καὶ φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ πρός με· Ἰδοὺ φόβος καὶ τρόμος πολὺς σφόδρα σφόδρα, αἱ γὰρ δυνάμεις τῶν οὐρανῶν ἐσαλεύθησαν πᾶσαι καὶ ὅσον οὔπω ὁ κριτὴς μέλλει παραγίνεσθαι. Ἔτι τούτου λέγοντος, ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ αἴφνης πλῆθος πολὺ σφόδρα στρατι(f. 183 v.)ᾶς οὐρανίου καὶ τάξεις φρικτῶν καὶ ἀπείρων δυνάμεων ἐναλλαγὰς καὶ διαφόρους ἰδέας ἐχουσῶν, καὶ τάγματα ταγμάτων καὶ στρατιαὶ στρατιῶν, θάτεραι θατέρων τῇ τάξει καὶ τῇ ἰδέᾳ παρηλλαγμέναι καὶ διαφέρουσαι· καὶ αὗται πᾶσαι βαίνουσαι προέβαινον φόβῳ πολλῷ καὶ τρόμῳ ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως. Ἔτι τούτων οὔπω καταπαυσάντων, καὶ ἰδοὺ ἕτερα τάγματα καὶ δεδοξασμένα ἐπιπορευόμενα κατοπιν ἐκείνων πολλὰ σφόδρα καθάπερ νεφέλαι γαληνομόρφως ἀφικόμενα καὶ ἐν παρατάξει καὶ ἐν εὐτάκτῳ σχήματι καὶ τάξει εὐπρεπεστάτῃ πορευόμενα· καὶ ταῦτα κατήεσαν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς καὶ ἔστησαν ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως ἐκεῖνον κυκλόθεν. Ἔτι τούτων μήπω καταπαυσάντων, ἰδοὺ ἕτερα στρατεύματα στρατευμάτων ἐπιπορευόμενα ὁμοια τῶν προτέρων

πλῆθος πολὺ σφόδρα. Θεασάμενος οὖν ἐγὼ ταῦτα ὅλος ἠλλοιώθην τὸ πρόσωπον, καὶ ὁ νοῦς μου ἐξέστη ἀπ' ἐμοῦ, ἐταράχθησάν μου οἱ ὀφθ(f. 184 r.)αλμοί, τρόμος καὶ φρίκη κατέλαβέ με ἀπὸ πολλοῦ καὶ μεγάλου καὶ φρικωδεστάτου φόβου ἐκείνου, καὶ ἠρξάμην τρέμειν καὶ κλονεῖσθαι ὅλος, καὶ τὰ ὀστᾶ μου συνετρίβοντο καὶ μικροῦ δεῖν νεκροῖς παρωμοιώθην· ἡ γὰρ ἰσχύς μου ἐξέλιπεν ἀπ' ἐμοῦ. Λέγει οὖν πρός με ὁ ὁδηγῶν με θαυμαστὸς καὶ ὡραῖος ἐκεῖνος νεανίας· Μὴ φοβοῦ, ἀδελφὲ, μηδὲ φρίττῃς καὶ ἀγωνιᾷς ὁρῶν ταῦτα· φίλοι γὰρ ἡμῶν εἰσι καὶ σύνδουλοι οὗτοι πάντες καὶ ἀδελφοὶ κατὰ πάντα ἡμέτεροι χρηματίζουσι, καὶ οὐ δέον ἐστὶν ἡμῖν φοβεῖσθαι καὶ τρέμειν ἀπὸ προσώπου αὐτῶν. Ὅρα δὲ μόνον ἐν ἀκριβείᾳ καὶ πρόσεχε τὰ γινόμενα· ὠφεληθήσῃ γὰρ τὰ μέγιστα ἀπὸ τῶν τοιούτων φρικτῶν θεαμάτων κατὰ ψυχὴν, οὐ μόνον δὲ σὺ, ἀλλὰ καὶ ἕτεροι πλεῖστοι ὅσοι δηλονότι ἀπεριέργῳ γνώμῃ καὶ εὐθείας ψυχῆς ἁπλότητι ταῦτα εἰσδέξοιντο. Καὶ τούτων οὖν τοῖς προκατελθοῦσι τάγμασιν ἑνωθέντων καὶ ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως παραγεγονότων, ἔφριττον πάντες οἱ ἄνθρωποι καὶ ἐδεδοίκεσαν φόβον μέγαν· οἵτινες κα(f. 184 v.)τεκάλυπτον ἅπαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐν τῷ ἀναστῆναι πάσας τὰς συναγωγὰς αὐτῶν ἐκ παντὸς ἔθνους, ἐκ πάσης φυλῆς, ἐκ πάσης γλώσσης καὶ γένους αὐτῶν, καὶ εἶναι αὐτοὺς εἰς πλῆθος πολὺ σφόδρα σφόδρα βλέποντες τὰ θαυμαστὰ ἐκεῖνα καὶ ἐξαίσια τάγματα κατερχόμενα ἐπ' αὐτούς. Μετὰ ταῦτα οὖν ἡσυχίας μικρᾶς γενομένης, ἐξαίφνης ἰδοὺ βρονταὶ καὶ ἀστραπαὶ καὶ κτύποι τε καὶ βοαὶ λίαν ἰσχυραὶ καὶ ἦχοι σφοδρῶς ἀπὸ τῶν ἄνω κατερχόμενοι ἐξηκούοντο, ὧν τῷ φοβῳ καὶ τῇ ἀνυποίστῳ ἐκπλήξει ἔφριξε καὶ συνεστάλη πᾶσα ἡ γῆ, ὡς δοκεῖν ἀποπαγῆναι καὶ ἀπονεκρωθῆναι τῷ φόβῳ πάντας τοὺς ἐν αὐτῇ· καὶ εἰ μὴ ἀθανασια τούτοις καὶ ἀφθαρσία προσῆν, μυριάκις αὖθις ἀπέθανον πάντες διαλυθείσης αὐτοῖς τῷ φόβῳ πάσης τῆς ἁρμονίας καὶ σωματικῆς δυνάμεως. Οἱ δὲ τὰ φαιδρὰ κεκτημένοι πρόσωπα ἀπὸ τῶν ἀναστάντων νεκρῶν οὐδαμῶς ἐδεδίεσαν τὰ φοβερὰ φόβητρα ταῦτα καὶ φρικτὰ μυστήρια, ἀλλ' ἵσταντο ἐν εὐ(f. 185 r.)μενείᾳ εὐφραινόμενοι καὶ ἀγαλλιώμενοι. Μετὰ δὲ τὰς φρικτὰς ταύτας φωνὰς καὶ ἀστραπὰς καὶ τοὺς ἤχους τῶν φρικτῶν στρατευμάτων ἐκείνων, ἰδοὺ ἕτερα στρατεύματα μεγάλων καὶ ὑπερ-

λίαν ὑψηλῶν καὶ ἐνδόξων ταγμάτων, καὶ αὐτὰ πλήρη ὀφθαλμῶν, καὶ ἡ παράταξις αὐτῶν σπινθηροβολοῦσα· καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἕκαστος αὐτῶν πῦρ ἔβαλλε κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ οὐ ἐπορεύετο, καὶ ἀπὸ τῆς ὡραιότητος αὐτοῦ ἑνὸς ἑκάστου ἐξῆπτεν ὁ ἀὴρ καὶ κόρος οὐκ ἦν τῆς καλλονῆς αὐτοῦ, καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἕκαστον τᾶγμα αὐτῶν θάμβος πλεῖστον ἦν τοῖς τῶν ἀνθρώπων υἱοῖς ἀπὸ προσώπου τῆς δυνάμεως αὐτῶν. Καὶ ταῦτα καταβεβηκότα ἐν εὐλαβείᾳ καὶ σιωπῇ ἀσυγκρίτῳ, ἔστησαν ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως καὶ ἐκάλυψαν κυκλόθεν κύκλῳ τὰ τῶν προκαταβάντων ταγμάτων στρατεύματα πάντα, καὶ ἦν ἡ ὅρασις αὐτῶν φωτοβολοῦσα λίαν ἐξαισία τε καὶ θαυμαστὴ σφόδρα, καὶ ὑπὲρ ἐκπερισσοῦ ἐξεπλήττοντο αἱ γενεαὶ πᾶσαι τῶν ἀνθρώπων θεωροῦσαι ταῦτα, ἐπει(f. 185 v.)δὴ ἡ ὡραιότης καὶ ἡ μεγαλοπρέπεια αὐτῶν εἰς περισσοτέραν ἔκπληξιν καὶ ἀγωνίαν ἐνῆγεν αὐτούς· οἱ δὲ τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες καὶ ἐν ἀπιστίᾳ καὶ ἀγνοίᾳ τῆς ἀληθείας ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ τὴν ἑαυτῶν ζωὴν διηνυκότες, ἵσταντο καθαπερὶ τὰ ἄλογα κτήνη μεμελανωμένα τὰ πρόσωπα ὡς ἐξ ἀσβόλης ἔχοντες, φόβῳ καὶ τρόμῳ βαλλόμενοι· οὐδέποτε γὰρ ἐπὶ τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐν τῷ ματαίῳ βίῳ τούτῳ ἀκηκόασιν, ἢ ἐν εἰδήσει καὶ γνώσει τῶν δρωμένων τούτων γεγόνασιν, ἢ ἀκοῇ παρεισήχθησαν τούτων ἐν τοῖς ὠσὶν αὐτῶν· ὅθεν ἵσταντο μόνον ἐκπληττόμενοι καὶ τῷ ἀπείρῳ ἐκείνῳ φωτὶ τῶν ἐξαισίων καὶ θείων ταγμάτων ἐκείνων σχολαιότερον μετὰ φρίκης πλείστης καὶ δέους ἐντενίζοντες. Οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ Ἀβραὰμ καὶ μέχρι τῆς πρώτης παρουσίας εἴτουν ἐνανθρωπήσεως τοῦ δεσπότου Χριστοῦ γεγεννημένοι πιστοὶ Ἑβραῖοι, οἵτινες δηλονότι τοῖς εἰδώλοις οὐκ ἐλάτρευσαν, οὐδὲ γόνυ ἔκαμψαν τῇ Βάαλ καὶ τὰς ἡμέρας οὐκ ἔφθασαν ἰδεῖν τοῦ σταυρίου πάθους τοῦ (f. 186 r.) Χριστοῦ καὶ τοῦ θείου κηρύγματος τῶν μαθητῶν αὐτοῦ καὶ ἀποστόλων, οὐδαμῶς ἐδεδίεσαν, ἀλλὰ χαίροντες ἔχαιρον καὶ γεγηθότες γεγήθασι καὶ αὐτοὶ μετὰ τῶν τὰ λαμπρὰ κεκτημένων πρόσωπα οἷς συνέχαιρον· καὶ τὰ τῶν χριστοκτόνων ἢ μᾶλλον εἰπεῖν θεοκτόνων Ἰουδαίων πλήθη ἄχρις ὅτου τὸ δεσποτικὸν σημεῖον ὁ σταυρὸς ἐνδόξως ἐξ οὐρανοῦ ἀφίκετο πρὸς αὐτούς, ἐπὰν δὲ τοῦτο ἐθεάσαντο μετὰ τῆς τοσαύτης δορυφορίας καὶ δόξης ἐκ τῶν ὑψίστων τοῖς ἐπὶ γῆς ἀφικόμενον, διαστρέψαντες τὰ ἐσκοτισμένα καὶ

μεμελανωμένα αὐτῶν πρόσωπα ἀπὸ τῆς θέας αὐτοῦ ἔφριξαν μεγάλως καὶ ἐτρόμαξαν καὶ αἰσχύνης καὶ κατηφείας ἀφάτου ἐπλήσθησαν σὺν ἅμα τοῖς πρὸ τῆς τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ γεννήσεως καὶ παρουσίας τοῖς εἰδώλοις λατρεύσασι καὶ ἐβδελυγμένα καὶ διεστραμμένα, ὡς προείρηται, τὰ πρόσωπα κεκτημένοις. Οἱ δέ γε πιστοὶ Ἑβραῖοι, οἱ ἀπὸ τοῦ Ἀβραὰμ, ὡς ἔφημεν, ἕως τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας τὸν Μωσαϊκὸν νομον καὶ τὴν τούτου διάταξιν καλῶς καὶ νομίμως φυλάξαντες (f. 186 v.) οὐδαμῶς ἐδεδίεσαν, ἀλλὰ μᾶλλον ἔχαιρον καὶ λαμπρότεροι τὴν ὄψιν ἐδείκνυντο· οἱ δὲ χριστοκτόνοι Ἰουδαῖοι καὶ οἱ τούτων ἀπόγονοι καὶ διάδοχοι καὶ κληρονόμοι τῆς μιαιφονίας τῆς πατρικῆς, οἱ μὴ πρὸς τὸ φῶς τῆς ἀληθείας ἀποβλέψαι θελήσαντες, οὐ μόνον ὡς ἐθεάσαντο τὸ σταυρικὸν σημεῖον ἐπὶ τοῦ τόπου τῆς κρίσεως ἐνδόξως ἱστάμενον διαστρέψαντες, ὡς εἴρηται, τὰ μελανὰ αὐτῶν καὶ ζοφώδη καὶ κατησβολωμένα πρόσωπα εἰς τέλος κατησχύνθησαν, ἀλλὰ καὶ φόβος καὶ τρόμος ἀνείκαστος ἐπελάβετο αὐτούς, ὅθεν στυγνοὶ καὶ σκυθρωποὶ καὶ βαρεῖς τῇ καρδίᾳ πικρῶς γενόμενοι βλοσυρῷ τῷ ὄμματι καὶ διεστραμμένῳ τῷ τιμίῳ ἐνητένιζον σταυρῷ καὶ ἐλεεινὸν καὶ πικρὸν ἐξέχεον δάκρυον, δεινῶς ἑαυτοὺς συγκόπτοντες καὶ γοερῶς ὀλολύζοντες καὶ πληροφορηθέντες ἀπὸ τῆς ἐμφανείας τοῦ σωτηρίου σταυροῦ, ὅτι ὄντως ἀψευδὴς Θεοῦ υἱός ἐστιν ὁ σταυρῷ παγεὶς ὑφ' ἡμῶν, λέγοντες, καὶ ὑ(f. 187 r.)πὸ πάντων τῶν ἀσεβῶν προσκυνηθεὶς Ἰησοῦς Χριστὸς ἀληθῶς Θεός ἐστιν καὶ κριτὴς ζώντων καὶ νεκρῶν οὗτος· διὰ τοῦτο οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἐλεεινοῖς καὶ ἁμαρτωλοῖς καὶ ταλαιπώροις καὶ ἀθλίοις, ὅτι αὐτὸς ἐκεῖνος ἔρχεται τοῦ κρῖναι ἡμᾶς καὶ πᾶσαν τὴν φύσιν τῶν γηγενῶν καὶ ἀποδοῦναι ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, καθὰ δὴ καὶ ἐδίδασκεν ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἡμῶν λέγων ὅτι· ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν δέδωκε τῷ Υἱῷ πᾶσαν. Ἡμεῖς δὲ οὐκ ἀνεχόμεθα τούτου τῇ διδασκαλίᾳ ἐπακολουθῆσαι καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτὸν, ἀλλὰ μᾶλλον ὀνείδεσι καὶ μώμοις καὶ βλασφημίαις ἀνεικάστοις καὶ χλευασμοῖς βάλλοντες ἦμεν αὐτὸν πᾶσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς ἡμῶν· διὰ τοῦτο διαδέξονται ἡμᾶς θλίψεις καὶ ὀδύναι καὶ στεναγμοὶ ἐν πυρὶ αἰωνίῳ τὸ τῆς γεέννης.

Ὁμοίως δὲ καὶ παραπλησίως τούτοις καὶ οἱ Ἰσμαηλῖται καὶ οἱ

Ἀγαρηνοὶ μέχρι τῆς ἐπιδημίας καὶ ἐπιφανείας τοῦ σωτηρίου σταυροῦ σκληροτράχηλοι ἐτύγχανον, μεγάλως αὐχοῦντες καὶ γαυριοῦντες πατέρα ἔχειν τὸν Ἀβραὰμ καὶ θεὸν μέ(f. 187 v.)γαν ὀνομάζοντες, ἐφρυάττοντο κατεπαιρόμενοι τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, μέγαν δὲ τούτου προφήτην τινὰ ἐφληνάφουν τὸν Μαχουμέτην, ἐν ᾧ καὶ τὰς ἐλπίδας ἐκέκτηντο τῆς ματαίας σωτηρίας αὐτῶν, καὶ κατεπαίροντο τῶν ἄλλων ἁπάντων· ὁπηνίκα δὲ τὸ φοβερὸν καὶ τίμιον τοῦτο σημεῖον τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἑωράκασιν ἐπάνω πάσης ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας ἐνδόξως ἱστάμενον, ὡς ὅπλον κραταιὸν καὶ ὡς σκῆπτρον βασιλικὸν ἐξαστράπτον ὑπὲρ τὰς διαυγεῖς ἀκτῖνας τοῦ ἡλίου καὶ τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ ἐμπυρίζον καὶ χαρὰν ἀνεξιχνίαστον καὶ ἡδονὴν ἀνεκλάλητον καὶ τερπνὴν ἀγαλλίασιν καὶ εὐφροσύνην καὶ τέρψιν πνευματικὴν ἐμποιοῦν πᾶσι τοῖς ὀρθοδόξοις καὶ εὐσεβέσιν ἀληθέσι χριστιανοῖς, κατ' ἐξαίρετον δὲ τοῖς τὰ λαμπρὰ καὶ φαεινὰ κεκτημένοις πρόσωπα, τοῖς τὰς ἐντολὰς αὐτοῦ δηλονότι ἀτρώτους φυλάξασι· καὶ τοῦτο ἀναγνωρίσαντες ὁποίας καὶ πίστεως σημεῖον ὑπάρχει τὸ τοιοῦτον θεῖον ὅπλον, μεγάλως καὶ αὐτοὶ τὸ (f. 188 r.) οὐαὶ γοερῶς ἐπεβόων καὶ ἠλάλαζον πικρῶς ὀδυρόμενοι καὶ εἱστήκεισαν ἔννοοι ὡς ἐξεστηκότες καὶ παράφρονοι, τὴν ἰδίαν σαφῶς κατανοήσαντες σκότωσιν καὶ ἀποπλάνησιν καὶ παντελῆ τῆς ἀληθείας ἔκπτωσιν ἑαυτῶν, ὅτι περὶ τοῦ Χριστοῦ καθ' ἑκάστην ἡμέραν καὶ ὥραν διδασκόμενοι ὑπὸ τῶν χριστιανῶν οὐδαμῶς προσεῖχον, ἀλλὰ καὶ τούτους ἐμυκτήριζον. Καὶ ἔλεγον ἐν ἑαυτοῖς πυκνὰ περιστρεφόμενοι πρὸς ἀλλήλους· Οὐαὶ καὶ πάλιν οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι τοῦτο τὸ σημεῖον, ὅπερ αὐτοῖς ὀφθαλμοῖς ἐβλέπομεν ἐνώπιον ἡμῶν ἱστάμενον ἐπὶ τὸν τόπον ἐνδόξως τῆς κρίσεως, καθαρῶς σημαίνει καὶ μαρτυρεῖ, ὅτι ὁ τοῖς χριστιανοῖς κηρυττόμενος Θεός, ὃν λέγουσιν Ἰησοῦν Χριστόν, αὐτὸς μέλλει κρῖναι πᾶσαν τὴν γῆν. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον πληροφορηθέντες, ἐξέχεον δάκρυον σὺν οἰμωγῇ θρηνοῦντες πικρῶς καὶ ἀλαλάζοντες ὡς ἐν τῷ λεληθότι σφόδρα, καὶ οὐκ ἦν ἀκοῦσαι παρ' αὐτοῖς ᾀδόμενον καὶ λεγόμενον, εἰ μὴ τὸ οὐαὶ οὐαί, (f. 188 v.) καὶ κατεπιμπρῶντο οἱ δεινοὶ ταῖς καρδίαις μάλα καὶ ἀπελέγοντο τοῦ ζῆν, ὅτι ἠστόχησαν τῶν ματαίων ἐκείνων ἐλπίδων ὧν ὁ παρ' αὐτοῖς προσδοκώμενος καὶ ὀνομαζόμενος καὶ σεβαζόμενος μέ-

γας προφήτης ἐκεῖνος, ὁ λεγόμενος Μαχουμέτης, φενακίσας αὐτοὺς ἀπηώρησε καὶ ἀπεπλάνησε καὶ τοῦ φωτὸς τῆς ἀληθείας ἀπεστέρησεν. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι τῇ ἰδέᾳ μεμελανωμένοι καὶ λίαν δυσειδεῖς, καὶ ἀπὸ τοῦ προσώπου αὐτῶν ἐν τῷ ἀγωνιᾶν αὐτοὺς ἀντὶ ἱδρώτων ὡς ἀπὸ καλάμου δυσώδης δυσωδία ἐξεπέμπετο, καὶ ἐβδελυγμένοι ὑπῆρχον κατὰ πρόσωπον πάσης πνοῆς. Οἱ δὲ χριστιανοὶ ὁρῶντες τὸ τριπόθητον τοῦ μεγάλου βασιλέως σημεῖον τοῦ σταυροῦ, τοῦ Κυρίου λέγω καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, μετὰ δόξης πολλῆς πρὸ προσώπου αὐτῶν ἱστάμενον ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως, καὶ γινώσκοντες ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ σταυρός, ἐν ᾧπερ αὐτὸς ἑκουσίᾳ βουλήσει προσηλωθῆναι εὐδόκησε (f. 189 r.) καὶ δι' αὐτοῦ καταβέβληκε τὸν τὸ κράτος ἔχοντα τοῦ θανάτου, οἵας καὶ πόσης χαρᾶς τε καὶ ἡδονῆς καὶ θυμηδίας καὶ τέρψεως ἐπληροῦντο; καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐνατενίζοντες ἔλεγον ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς· Ἦκεν ἡ ἐλπὶς ἡμῶν τῶν χριστιανῶν ἡ ἀνεκλάλητος, ἦκεν ἡ δόξα ἡμῶν, ἦκεν ὁ λυτρωτὴς ἡμῶν τῶν εἰς αὐτὸν πεποιθότων, ἐλήλυθεν ὁ δίκαιος καὶ ἀπροσωπόληπτος κριτὴς κρῖναι καὶ ἀποδοῦναι ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ καὶ κατὰ τὴν πίστιν καὶ λατρείαν αὐτοῦ, ἦλθεν ὃν ἐπροσδοκῶμεν καὶ εἰς ὃν τὰς σωτηρίας ἡμῶν καὶ ἐλπίδας ἀνεθέμεθα ἐκ βρεφικῆς ἡλικίας, δι' οὗ ὑπεμείναμεν καὶ ὑπενέγκαμεν πᾶσαν κάκωσιν καὶ πᾶσαν θλῖψιν καὶ ὀνειδισμὸν παρὰ πάντων τῶν μισούντων ἡμᾶς καὶ εἰς αὐτὸν βλασφημούντων, τοῦ κρῖναι καὶ δικάσαι ἀνὰ μέσον ἡμῶν καὶ αὐτῶν καὶ ἐκδικῆσαι ἡμᾶς καθημέραν διωκομένους καὶ αἰχμαλωτιζομένους παρ' αὐτῶν. Εἶτα καὶ πρὸς τοὺς ἀπειθεῖς Ἰουδαίους καὶ ἐπαράτους Ἰσραὴλ(f. 189 v.)λίτας καὶ μιαιφόνους Ἀγαρηνοὺς καὶ πρὸς τοὺς μὴ δεξαμένους τὸ θεῖον καὶ σωτήριον κήρυγμα καὶ βάπτισμα τῆς ὀρθοδόξου καὶ ἀκραιφνοῦς ἡμῶν πίστεως ἀπίστους ἐνατενίζοντες ἔλεγον· Νῦν ὁρῶντες τὸ μέγα καὶ σεβάσμιον τοῦτο θεῖον σκῆπτρον τοῦ βασιλέως τῶν ἄνω δυνάμεων, εἰς ὃ ἡμεῖς οἱ χριστιανοὶ πεποίθαμεν καὶ εἰς ὃ καλῶς πεπιστεύκαμεν καὶ εἰς ὃ τὰς ἐλπίδας τῆς σωτηρίας ἡμῶν ἐθέμεθα, ἐπιστομίζεσθε καὶ αἰσχύνεσθε πάντες ἀλλοτριόφρονες.

Καὶ τούτων οὕτως τελουμένων καὶ ᾀδομένων, ἰδοὺ ἦκεν ἀπὸ τῶν ἀνωτάτων φωτεινὴ νεφέλη, καὶ ἐν μέσῳ τῆς νεφέλης ἐκείνης

ὑπῆρχεν ἡ αὐγίζουσα ἀστραπὴ φρικτὰς λαμπηδόνας καὶ φρυκτωρίας ἐν αὐτῇ κεκτημένη ἐκ μυρίων καὶ πολυχρόων ἰδεῶν, ἥτις κατελθοῦσα ἔστη ἐπάνω τοῦ πανσέπτου καὶ τιμίου σταυροῦ καὶ ἁπλωθεῖσα κατεκάλυψεν αὐτοῦ τὴν κορυφὴν ἐφ' ὥραν ἱκανήν· εἶθ' οὕτως ἀνέβη ὅθεν καὶ ἐλήλυθεν· Ἐκ δὲ τοῦ μετὰ τὸ ὑποχωρῆσαι τὴν νεφέλην ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ στέφανος περικύκλῳ τοῦ τιμίου (f. 190 r.) καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ ὑπέρτιμος καὶ ἐξαίσιος καὶ φρικωδέστατος καὶ μυριοβαφὴς, ἀνεξιχνίαστος ἀνθρωπίνῃ σοφίᾳ, ἐκ πνευματικῶν χαρίτων καὶ λίθων νοητῶν καὶ τιμίων ὑπερφυῶς χειρὶ παντοκρατορικῇ τεχνουργημένος, καὶ αὐτὸς ὑπεράνω τῆς κεφαλῆς τοῦ σταυρικοῦ σημείου θαυμαστὸς ἐπὶ τοῦ ἀέρος ὡρᾶτο ἐναπηωρημένος καὶ οἱονεὶ στεφανῶν τὴν πάντιμον καὶ ἁγίαν κάραν αὐτοῦ· ὃν ἰδόντες οἱ σκληροτράχηλοι καὶ ἀπειθεῖς Ἰουδαῖοι καὶ πάντες οἱ εἰδωλολάτραι καὶ ἄπιστοι, ἰλιγγίασαν, ἔφριξαν καὶ ἐπὶ πλέον ὡσεὶ κηρὸς ἀπὸ προσώπου πυρὸς ἐτάκησαν, στένοντες, τρέμοντες καὶ γοερῶς ὀλολύζοντες. Ὅσαύτως καὶ ὡς τοὺς μάρτυρας τυραννίσαντες ἀσεβεῖς καὶ δυσσεβέστατοι τύραννοι καὶ οὗτοι αὐτὸν ἰδόντες φρίκῃ καὶ δειλίᾳ συσχεθέντες σκοτοδίνης ἐπλήσθησαν καὶ οὐαὶ οὐαὶ ἀκαταπαύστως σὺν οἰμωγῇ καὶ γόῳ ἐκραύγαζον, βλέποντες τὸν τοῦ Κυρίου σταυρὸν δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένον. Μεθ' ὧν καὶ οἱ ἐπάρατοι Ἀγαρηνοὶ καὶ οἱ Ἰσμαηλῖται σὺν πᾶσι τοῖς ὁμοίοις ὁμολάτραις αὐτῶν θε(f. 190 v.)-ασάμενοι αὐτὸν δεδιότες, πικρίᾳ πολλῇ στένοντες κατετήκοντο· οἱ δὲ ὀρθόδοξοι χριστιανοὶ ἀπείρῳ χαρᾷ καὶ εὐφροσύνῃ ἀνεκλαλήτῳ, ὡς εἴρηται, ἐμπιπλάμενοι ὑψοῦ τὰς χεῖρας αἴροντες κατέναντι τῆς ἐκείνου ἐλλάμψεως καὶ ὡραιότητος καὶ τὸν νοῦν εἰς οὐρανὸν ἀνατείνοντες καὶ πρὸς αὐτὸν ἀκαταπαύστως ἐνατενίζοντες καὶ τὸν ἐν αὐτῷ ἐκουσίως προσπαγέντα Σωτῆρα Χριστὸν εὐχαρίστως ἐδόξαζον καὶ θείοις ὕμνοις τοῦτον ἐμεγάλυνον.

Τούτων οὖν οὕτω γινομένων, ἰδοὺ ἦχος φοβερὸς ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων καὶ βρονταὶ τῶν προτέρων μείζονες καὶ φοβερώτεραι, καὶ ἀστραπαὶ ἐμφανέστεραι τῶν προλαβόντων· καὶ ἰδοὺ ἄγγελοι ἐξαίσιοι ὑπὲρ τοὺς προκαταβάντας καὶ ἀρχάγγελοι ὁμοίως τῶν ἄλλων ὑπερφυεῖς καὶ ἐνδοξότεροι· καὶ ἦν φόβος καὶ τρόμος πολὺς, κλόνος τε καὶ ἔκστασις καὶ συντριμμὸς καὶ φρίκη καὶ ἀγωνία μεγίστη καὶ

ἀνείκαστος, οὐ μόνον ἐπὶ τῶν ἐλεεινῶν καὶ ταλαιπώρων ἐκείνων ἀνθρώπων τῶν ἐν ταῖς σειραῖς τῶν ἁμαρτιῶν πεπεδημένων, ἀλλ' ἤδη καὶ ἐπ' αὐ(f. 191 r.)τῶν τῶν φαεινῶν καὶ θεοειδῶν ἀγγέλων· σὺν τρόμῳ γὰρ πολλῷ καὶ δέει ἀνεικάστῳ τῷ θείῳ θρόνῳ τοῦ δεσπότου παρίσταντο· οἱ γὰρ ἄνθρωποι βλέποντες τὰ βέβηλα αὐτῶν καὶ ἀκάθαρτα ἔργα καὶ τὴν τοσαύτην ἀσχημοσύνην τῆς ἀθλίας αὐτῶν ψυχῆς, πλείονι ἐκστάσει καὶ ἀγωνίᾳ καὶ φόβῳ συνείχοντο· ἤλεγχε γὰρ αὐτοὺς προφανῶς τὸ οἰκεῖον συνειδός, καὶ δεινὸν ἦν ἐν αὐτοῖς τὸ πένθος, καὶ μὴ ἔχοντες τί ἀπολογήσασθαι περὶ τούτων ἐνώπιον τοῦ δικαίου καὶ ὄντως φοβεροῦ κριτοῦ, διὸ εὐλόγως καὶ δικαίως ἐκλονοῦντο καὶ ἔτρεμον. Οἱ δὲ θεῖοι καὶ φωτόμορφοι ἄγγελοι τίνος χάριν καὶ οὗτοι σὺν τρόμῳ πολλῷ καὶ δέει τῷ θείῳ θρόνῳ παρίσταντο; ἐχρῆν γὰρ αὐτοὺς ἐν τοσαύτῃ δόξῃ καὶ ἀνεκλαλήτῳ χαρᾷ ὑπάρχοντας ἔτι πλέον χαίρειν καὶ σκιρτᾶν καὶ ἐπαγάλλεσθαι· τοῦτο δὲ ποιοῦντες τὴν ἡμετέραν δηλαδὴ τῶν ἁμαρτωλῶν κατανοοῦντες ἀπώλειαν, συμπαθῶς ἐστύγναζον ὑπὲρ ἡμῶν καὶ ἔστενον καὶ τὴν εἰς ἡμᾶς δικαίαν ἀπόφασιν τοῦ δικαίου κριτοῦ καὶ τὴν ἐν ταῖς πικραῖς καὶ αἰωνίαις κολάσεσιν (f. 191 v.) ἡμῶν ἀποκατάστασιν ἐννοοῦντες, τῷ δέει συνείχοντο· οἳ καὶ παραγενόμενοι ἐν πανευλαβείᾳ πολλῇ, ἐν σχήματι σεμνῷ καὶ τάξει ἱεροπρεπεστάτῃ, ἡσύχῳ καὶ εὐκόσμῳ καταστήματι παραγενόμενοι κατὰ τὸν φοβερὸν ἐκεῖνον τῆς κρίσεως τόπον, μετ' εὐμενείας καὶ αὐτοὶ σὺν τοῖς προτέροις κατέπαυσαν· ὁ δέ γε πυρίμορφος καὶ φοβερώτατος τοῦ δεσπότου θρόνος οὐκ ἐπὶ τῷ τῆς γῆς ἐδάφει ἡτοίμασται, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ὑπερανεστηκὼς τῆς γῆς ὡσεὶ πήχεις τεσσαράκοντα, τὰ δὲ κατιόντα ἀπὸ τῶν ἀνωτάτων θεῖα τάγματα τῶν ἀγγελικῶν δυνάμεων οὐκ ἐπὶ τοῦ ἐδάφους τῆς γῆς καὶ αὐτὰ ἵσταντο, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος θαυμασίως καὶ ἐξαισίως σὺν εὐλαβείᾳ πολλῇ καὶ τάξει εὐπρεπεστάτῃ σεμνυνόμενα καὶ ἡσύχῳ εὐκοσμίᾳ καταγλαϊζόμενα παραδόξως ἅπαντα ἵσταντο ἀπεκδεχόμενα τὸν δίκαιον κριτὴν καὶ βασιλέα τῆς δόξης ἥξειν, καθώσπερ καὶ ἡμεῖς ἐρηρεισμένοι καὶ ἀσφαλῶς ἐπὶ τοῦ τῆς γῆς ἐδάφους εἰώθαμεν ἵστασθαι. Ἐπεὶ δὲ ἐν τοιαύτῃ θεωρίᾳ τῆς τοῦ φο(f. 192 r.)βεροῦ θρόνου ἑτοιμασίας πάλαι τὸν νοῦν ἡμῶν ἦμεν ἀπασχοληκότες· ξένα γὰρ τῷ ὄντι πάντα νοῦν καὶ λόγον ὑπερβαί-

νοντα καθορῶντο τὰ ἐκεῖσε τηνικαῦτα τελούμενα· τὸ θαυμαστὸν οὖν ἐκεῖνο ἀφέντες ἡμεῖς ὁρᾶν τεχνούργημα, τῆς ἄνω φημὶ πόλεως Ἱερουσαλὴμ, τὸ πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερβαῖνον, πρὸς τὴν καινὴν ταύτην καὶ φρικωδεστάτην ἑτοιμασίαν τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡμῶν ἀνεπετάσαμεν. Καὶ τούτοις ἡμῶν τοῖς ἐξαισίοις καὶ ὑπερεκπλήκτοις θεάμασιν ἐναβρυνομένων· ξένη γὰρ ὑπῆρχε πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερνικῶσα ἡ θεωρία ἐκείνη· ἐν τούτοις οὖν τοῖς φρικτοῖς θεάμασιν ὁρώντων ἡμῶν καὶ τὸν νοῦν, ὡς εἴρηται, ἀπασχολουμένων καὶ τοῦ κόσμου παντὸς ἐξαναστάντος ὡς ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ καὶ πάσης πνοῆς καὶ ψυχῆς ἑστώσης κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς ἀπὸ Ἀδὰμ μέχρι καὶ τοῦ ἐσχάτως αὐτῶν γεγεννημένου, καὶ τοῦ φρικωδεστάτου καὶ πυριμόρφου θρόνου τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ καὶ κριτοῦ πάσης τε πνοῆς θνητῆς καὶ ἀθανάτου ἐξαισίως ἑτοιμασθέντος, καὶ τῶν θείων καὶ ἀγγελι(f. 192 v.)κῶν στρατευμάτων θεοπρεπῶς παρισταμένων αὐτῷ, καὶ τῆς φρικτῆς ἐκείνης ἑτοιμασίας σπινθηροβολούσης καὶ αἴγλην ἐκ χρωμάτων μυρισβαφῶν ἰδέαν λίαν ἐκπεμπούσης καὶ τὰς τῶν ὁρώντων ψυχὰς τῶν δικαίων ἐκείνων καταφωτιζούσης καὶ πῦρ ἄϋλον γαληνομόρφως ἐπαφιούσης καὶ εὐφροσύνης ἀρρήτου ἐμπιπλούσης, θυμηδίας τε καὶ παρρησίας ταύτης πληρούσης, τῶν δὲ ἀπίστων καὶ ἁμαρτωλῶν τῶν μηδέποτε μετανοησάντων καὶ ἐπιστρεψάντων πρὸς τὸ φῶς τῆς θεογνωσίας καὶ σωτηρίας τυχόντων φρίκην, δέος καὶ ἔκπληξιν καὶ δειλίαν ἰσχυρὰν ἐμποιούσης, ὡς ἀπὸ τοῦ συνειδότος αὐτῶν καὶ τῆς αἰγληφόρου μαρμαρυγῆς τοῦ τιμίου καὶ ζωηφόρου σταυροῦ καὶ τοῦ πυριμόρφου καὶ δεσποτικοῦ θείου θρόνου συμβαίνειν αὐτοὺς κρίνεσθαι καὶ πρὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας.

Ἔτι οὖν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ παρεμβολαὶ ἀγγέλων μεγάλων τέσσαρες εἰς ἅπαξ καταβᾶσαι ἀπὸ τῶν ἀνωτάτω κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν ἡμῶν· ὧν μὲν ἡ μία παρεμβολὴ (f. 193 r.) μεγάλη καὶ φοβερὰ σφοδρα καὶ χωρισθεῖσα παρεγένετο καὶ ἔστη κατὰ ἀνατολὰς ἔκθαμβος, καὶ αὕτη ἐν πολλῷ φόβῳ καὶ τρόμῳ. Κατῆλθεν οὖν μετ' αὐτὴν καὶ ἡ δευτέρα παρεμβολὴ καὶ ἔστη κατὰ μεσημβρίαν ἐν ἰσχύϊ ἀρρήτῳ καὶ ἀνεκλαλήτῳ, περιβεβλημένη ἀστραπὴν καὶ περιεζωσμένη φρικωδεστάτην δύναμιν, πλὴν ἐναγώνιός τε καὶ ἐξεστηκυῖα. Κατῆλθεν οὖν καὶ ἡ τρίτη μετ' αὐτὴν καὶ διελθοῦσα ἔστη κατὰ ἄρκτον, καὶ γαυρίαμα

δοξης ἦν ἐν μέσῳ αὐτῆς καὶ μεγάλη ἐξουσία, ὡσαύτως φόβος καὶ τρόμος μείζων παρῆν αὐτῇ. Καὶ μετὰ ταύτην κατῆλθεν ἡ τετάρτη παρεμβολὴ ἐν μεγάλῃ καὶ βαθείᾳ σιωπῇ καὶ καταστάσει, καὶ παραγενομένη ἔστη κατὰ δυσμὰς, σκῆπτρα βασιλικὰ καὶ φοβερὰ ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες οἱ ἐξάρχοντες τῶν θαυμασιωτάτων ἐκείνων καὶ φρικωδεστάτων παρεμβολῶν, καὶ τάξις ἦν ἐν αὐτοῖς καὶ κατάστασις θαυμαστὴ, ὑπακοὴ τε καὶ ὑποταγὴ φρικτὴ καὶ πολυθαύμαστος ἀπὸ τῶν κα(f. 193 v.)ταδεεστέρων τοῖς κρείττοσι καὶ προεξάρχουσι τούτων ἀπονενέμητο. Ἐστράφη δὲ καὶ αὕτη ἡ κατὰ δυσμὰς παρεμβολὴ καὶ ἔστη ὡς κατὰ ἀνατολὰς βλέπουσα, καὶ δόξα Κυρίου κατηύγαζε τὰ πρόσωπα αὐτῶν· καὶ ἦν τερψίθυμος ἀγαλλίασις καὶ εὐφροσύνη ἀκόρεστος ὑπὲρ πᾶσαν διήγησιν τὸ καὶ μόνον θεωρεῖν καὶ κατατρυφᾶν τὴν τερπνότητα τῆς ὡραιότητος αὐτῶν. Μετὰ ταῦτα οὖν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ παρεμβολαὶ ἔτι τέσσαρες κατέβησαν ὡσεὶ τάγος ἀστραπῆς, οὐχ' ὁμοῖαι δὲ ἀλλήλαις τοῖς σχήμασιν αὗται ὑπῆρχον, ἀλλ' ἡ μὲν λευκὴ ὡς τὸ φῶς, ἡ δὲ ἐρυθρὰ ὡς τὸ ὡραιόμορφον ῥόδον, καὶ ἡ μὲν ὡς χρυσίον καθαρὸν τῇ τε διαυγείᾳ καὶ στιλπνότητι λάμπουσα ὑπὲρ αὐτὸν τὸν ἥλιον, ἡ δὲ ἑτέρα χιονολαμπὴς περιβεβλημένη εὐπρεπείας λαμπρότητα, καὶ πεποικιλμένη ἐκ παντοδαπῆς εὐχροίας καὶ ἀποστίλβουσα ὡραιότητα. Πᾶσαι οὖν αὗται κατελθοῦσαι ἔστησαν ἐν μέσῳ τῆς ὑπ' οὐρανοῦ, εἶθ' οὕτως διεχωρίσθησαν εἰς (f. 194 r.) τέσσαρας ἀρχὰς καὶ ἐδράσαντο τῶν τεσσάρων γωνιῶν τῆς γῆς καὶ ἔστησαν προσδεχόμεναι τοῦ Κριτοῦ τὴν ἐπέλευσιν. Ἦν δὲ ἡ μὲν γῆ πλήθους ἀνθρώπων πεπληρωμένη, ὁ δὲ ἀὴρ ὁ οὐράνιος πλήθους ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων καὶ θείων στρατευμάτων τε καὶ δυνάμεων πεπληρωμένος.

Καὶ ἰδοὺ ἐξαίφνης ἐπάραντες τοὺς ὀφθαλμοὺς ἀπὸ τῆς φρικτῆς θεωρίας ταύτης ἐπὶ τὰ ἀνώτερα ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἐπλήσθη ὁ οὐράνιος ἀὴρ ἐκεῖνος ἀνθέων ποικίλων ἐκ πολυχρόων βαφῶν διηνθισμένων, ἡδυπνόων ῥόδων καὶ κρίνων πνευματικῶν ἀφράστων, τῷ ὄντι νοητῶν καὶ ἐπουρανίων· καὶ ἰδοὺ ἅρματα πυρὸς προπορευόμενα καὶ τὰ ἐξαπτέρυγα Χερουβὶμ καὶ τὰ πολυόμματα Σεραφίμ· καὶ ἐγένετο ἐν μέσῳ αὐτῶν Ῥῆμα Κυρίου, ὠρῶντο δὲ καὶ φιάλαι ἐν αὐτοῖς πεπληρωμέναι ἀρωμάτων ἀνεκλαλήτων καὶ μύρων θεϊκῶν,

καὶ ἐκέκραγον προπορευόμενα βοῇ ἰσχυρᾷ καὶ κραταιᾷ σφόδρα· Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος Κύριος Σαβαὼθ, πλήρης πᾶσα ἡ γῆ τῆς δόξης αὐτοῦ. Ἀπὸ γοῦν τῆς (f. 194 v.) κραυγῆς ταύτης ἐτρόμαξεν ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ καὶ ἐκέκραξαν οἱ ἐπὶ προσώπου τῆς γῆς καταβεβηκότες πάντες ἄγγελοι Θεοῦ ἐν σεμνότητι καὶ ἡρεμίᾳ φωνῇ ἐπίσης καὶ ἐναρμονίως ἅμα· Εὐλόγησον πάτερ παντοκράτορ. Εἶτα ἠκούσθη καὶ διηχήθη ἐκ τῶν ἀνωτάτω λαμπρὰ καὶ διαπρύσιος φωνὴ λέγουσα· Εὐλογημένη ἡ βασιλεία τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος· καὶ πάλιν ἐβόησαν οἱ ἐπὶ γῆς θεῖοι ἄγγελοι ἐν ἐξαισίᾳ καὶ φρικωδεστάτῃ φωνῇ ἐκ δευτέρου λέγοντες· Εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου, Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ὁ συναΐδιος τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι, τὸ ἄναρχον γέννημα καὶ ἀπαύγασμα τοῦ προανάρχου Πατρὸς, ὁ βασιλεὺς τῶν οὐρανῶν καὶ κύριος πάσης πνοῆς, ὁ λέων ὁ παμμέγιστος, ὁ κριτὴς καὶ δικαστὴς καὶ ἐκδικητὴς ζώντων καὶ νεκρῶν, ἐπουρανίων τε καὶ ἐπιγείων καὶ καταχθονίων καὶ πάσης ἀρτίως καὶ ἔπειτα ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας καὶ δυνάμεως καὶ παντὸς ὀνόματος ὀνομαζομένου ἔν τε τοῖς ἄνω καὶ τοῖς κάτω· ἡ βασιλεία αὐτοῦ (f. 195 r.) βασιλεία αἰώνιος καὶ ἀπέραντος καὶ ἀσάλευτος· τῆς γὰρ βασιλείας αὐτοῦ οὐκ ἔσται τέλος καὶ τῆς εἰρήνης αὐτοῦ οὐκ ἔστιν ὅριον. Τούτων οὕτω λεχθέντων ὑπὸ πάσης στρατιᾶς τῶν ἀγγέλων ἀπὸ τῆς φρικτῆς καὶ ἐξαισίας κραυγῆς ἐτρόμαξε καὶ συνεστάλη ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ· καὶ μετὰ ταῦτα κατέβησαν εἰς τὸ τῆς γῆς πρόσωπον τά τε ἅρματα τοῦ πυρὸς τά τε ἑξαπτέρυγα Χερουβὶμ καὶ τὰ πολυόμματα Σεραφίμ, καὶ ἐδόθη αὐτοῖς ὁ ἁρμόδιος αὐτῶν, καὶ παρελθόντα ἐκύκλωσαν κύκλῳ ἐν τῇ λαμπρότητι αὐτῶν τὸν ἄστεκτον ἐκεῖνον θρόνον τῆς φρικώδους ἐκείνης καὶ μεγάλης ἑτοιμασίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ἐνωτισαμένων οὖν τὰ τῶν Ἰουδαίων, Ἰσμαηλιτῶν καὶ Ἀγαρηνῶν καὶ λοιπῶν ἐθνῶν καὶ φυλῶν καὶ γλωσσῶν ἀσεβέστατα πλήθη τὴν θείαν ταύτην τῶν ἀγγέλων αἴνεσιν, καὶ ὅτι σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τὸν μονογενῆ Υἱὸν τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν εὐφημοῦντες θεοπρεπῶς ἐμεγάλυνον καὶ ὅτι κριτὴν αὐτὸν ζώντων καὶ νεκρῶν ἀνεκήρυξαν καὶ ἐδόξασαν, ἐλεεινὸν θρῆνον καὶ ὀδυρμὸν ἀπαραμύθη(f. 195 v.)τον ἀναδεξάμενα πάνυ λυγρῶς ἀπωδύροντο τὴν ἑαυτῶν ὀλολύζοντες ἀπώλειαν καὶ

βαθυτάτην ματαιότητα. Τούτων οὖν οὕτως ἐλεεινῶς καὶ ἀθλίως καὶ εἰκῆ καὶ μάτην ἀποδυρομένων καὶ πικρῶς ὀλοφυρομένων, ἰδοὺ σάλπιγγος φωνὴ λιγυρὰ ἄνωθεν κατιοῦσα ἤχησε σφοδρα εἰς τὰς ἡμετέρας ἀκόας· ὅσον δὲ καὶ ὅσον ἡ ταύτης μελιχρὰ ἠχὼ προέβαινε· καὶ ἐπὶ τοσοῦτον ἤχει μάλα σφοδρῶς, ὥστε τὴν ταύτης ἡδυτάτην φθογγὴν καὶ ἠχὴν ἅψασθαι πάντων τῶν διανοιῶν, τῶν τε ἀγγέλων φημὶ καὶ τῶν ἀνθρώπων· καὶ ἐπέπεσε φόβος καὶ τρόμος ἐπὶ πάντας καὶ φρίκη ἀνείκαστος, οὐ μόνον ἐπὶ τοὺς γηγενεῖς, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τοὺς θεοειδεῖς ἀγγέλους, ἐπειδὴ ἔγνωσαν πάντες ἀπὸ τῆς φρικωδεστάτης φωνῆς καὶ ἠχῆς τῆς σάλπιγγος ἐκείνης ἤδη τὸν κριτὴν παραγίνεσθαι.

Καὶ εὐθὺς ἰδοὺ νεφέλη φωτεινὴ δρόσον εὐωδίας ἀρρήτου σταλάζουσα καὶ ἐπ' αὐτῆς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός. Καὶ ἀπῆρεν ἡ νεφέλη κατὰ ἀνατολὰς ἐπάνω τοῦ στερεώματος ἐκείνου, καὶ ἀνεῴχθησαν αὐτῷ αἱ πύλαι τῆς ἀνατολῆς τοῦ οὐρανοῦ (f. 196 r.), καὶ ἀπήστραψεν ὁ Κύριος ἀπὸ ἀνατολῶν, καὶ εὐθέως ἐβρόντησεν ἠχὼ πνοῆς σφοδρα βιαιστάτης ἐπὶ τοσοῦτον ἐκπληκτικῶς καὶ λίαν φοβερῶς, ὥστε σὺν φόβῳ πολλῷ καὶ τρόμῳ προσσχεῖν πάντας ἐπ' αὐτῷ τοὺς ἐπὶ γῆς, ἀγγέλους φημὶ καὶ ἀνθρώπους, κατὰ ἀνατολάς, ὅθεν δηλονότι καὶ ὁ ἦχος τῆς βιαίας πνοῆς ἐκείνης ἐφέρετο, καὶ αὐτὸς ὁ Κύριος εὐθέως ἀνέτειλε πάσης πνοῆς θνητῆς τε καὶ ἀθανάτου, ἤτοι ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων σαφῶς καὶ λίαν τηλαυγῶς καθορώσης αὐτόν. Καὶ ἐν τῷ καθέζεσθαι αὐτὸν ἐγένετο ἐπὶ τῆς φρικωδεστάτης ἐκείνης νεφέλης πεπυρακτωμένος σφόδρα τῇ αἴγλῃ τῆς θεότητος. Ἔρχεται ἡ νεφέλη φέρουσα αὐτὸν ὡς ἐπὶ τὸν θεῖον θρόνον τῆς δόξης αὐτοῦ, καὶ πᾶς ὀφθαλμός, ἀγγέλων φημὶ καὶ τῶν ἀνθρώπων, εἴωρα αὐτόν· καὶ οἱ μὲν τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων ὅσοι δηλονότι ἐκ τῶν ἰδίων ἀρετῶν φωτεινόμορφοι ἐτύγχανον πτέρυγας ἐκφύοντες πυρὸς, ἀνίπταντο εἰς τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ ἐπαιρόμενοι καὶ ὑπήντουν αὐτῷ μάλα ἱλαρῶς καὶ εὐμενῶς (f. 196 v.) προσμειδιῶντι προσώπῳ καὶ διὰ τοῦ σχήματος ἀσπαζομένου αὐτούς, οἱ δὲ ἔφριττον καὶ ἐδεδίεσαν ἐν φόβῳ καὶ τρόμῳ καὶ ἀγωνίᾳ ὄντες πολλῇ, ὅσοι δηλονότι ἀπό τε τοῦ οἰκείου συνειδότος καὶ τοῦ ἐπιφαινομένου αὐτοῖς σχήματος κατεγνωσμένους ἑαυτοὺς ἐπεγίνωσκον· οἱ δὲ Ἰσραηλῖται οἵ τε χριστοκτόνοι καὶ οἱ μετ' αὐτοὺς ἔτι πλέον τῶν ἄλλων ἰλιγγίων καὶ ἔτρεμον καὶ τοὺς ὀδόντας

ἑαυτῶν ἀπὸ τοῦ πολλοῦ φόβου καὶ κλόνου σφόδρα συνέκρουον. Καὶ εὐθέως ἐξεβόησε πρὸς αὐτὸν πᾶσα πνοὴ ἀγγέλων τε καὶ ἀνθρώπων οὑτωσί πως εἰποῦσα καὶ γηθοσύνως ἀλαλάζουσα· Εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου Θεὸς Κύριος, καὶ ἐπέφανεν ἡμῖν καὶ ἐλήλυθε κριτὴς ζώντων καὶ νεκρῶν. Καὶ εὐθέως μετὰ τὴν αἴνεσιν καὶ ἐξομολόγησιν ταύτην ἔπεσον πάντες ἄγγελοι Θεοῦ κατὰ πρόσωπον καὶ προσεκύνησαν αὐτῷ ἐπὶ τοῦ ἀέρος φόβῳ καὶ τρόμῳ πολλῷ, ὡς μόνῳ δικαίῳ κριτῇ, ὡσαύτως καὶ οἱ υἱοὶ τῶν ἀνθρώπων, ἰδόντες τοὺς ἀγγέλους πρηνεῖς (f. 197 r.) πεσόντας καὶ προσκυνήσαντας αὐτῷ, καὶ αὐτοὶ πάντες πεσόντες κατὰ πρόσωπον ἐπὶ τὴν γῆν φόβῳ καὶ τρόμῳ προσεκύνησαν αὐτῷ τῷ φοβερῷ καὶ θαυμαστῷ κριτῇ καὶ Θεῷ τε καὶ βασιλεῖ τῶν αἰώνων. Τούτων κατὰ πρόσωπον κάτω κειμένων, κουφίσας ἑαυτὸν ὁ Κύριος κατελθὼν ἀπὸ τῆς φωτεινῆς νεφέλης ἐκείνης, ἐκάθισεν ἐπὶ τοῦ θείου θρόνου αὐτοῦ τῆς δόξης, φοβερὰν τὴν ἐπίβλεψιν ἐπιδεικνύμενος, καὶ ὁ θυμὸς ὁ ἅγιος τῆς δικαιοσύνης αὐτοῦ μετ' αὐτοῦ θερμὸς καὶ ζέων ἐπὶ τῇ δυνάμει αὐτοῦ. Καὶ ἀνέστησαν πάντες οἱ υἱοὶ τῶν ἀνθρώπων ἀπὸ τῆς εἰς γῆν κατανεύσεως αὐτῶν καὶ θεασάμενοι αὐτὸν ἐπὶ θρόνου δόξης αὐτοῦ ἐπαναπαυόμενον, φρίκη καὶ ἀγωνία συνείχοντο· ἔτρεμε γὰρ ὁ οὐρανὸς ὥσπερ ὁρὰ ὑπὸ βιαίας πνοῆς σπαραττομένη, καὶ ἡ γῆ ἐκλονεῖτο καὶ ἐτινάσσετο ὡςπερ φύλλον δένδρου ὑπό τινος ἀνέμου χειμαζόμενον καὶ σαλευόμενον ἰσχυρῶς, καὶ πάντες ἄγγελοι Θεοῦ μεγάλῃ τῇ φωνῇ ἐβόων κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων εὐδο (f. 197 v.) κήσαντος τοῦ Κυρίου καὶ νεύματι θεϊκῷ ἀοράτως προτρεψαμένου αὐτοὺς πρὸς τὸ ἐμφανὲς ἐλεγχθῆναι καὶ λίαν αἰσχυνθῆναι τοὺς αἱρετικοὺς πάντας καὶ τοὺς ἀπίστους, τοὺς βεβήλους τε Ἰουδαίους, τοὺς Ἰσμαηλίτας, τοὺς Ἀγαρηνοὺς καὶ πάντας τοὺς μὴ δεξαμένους τὸ ἅγιον αὐτοῦ εὐαγγέλιον καὶ τὸ σωτήριον τῶν ἁγίων ἀποστόλων κήρυγμα καὶ μαθητῶν αὐτοῦ, οὑτωσὶ λέγοντες· Σὺ εἶ ὁ Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὃν οἱ παράνομοι Ἰουδαῖοι ἐσταύρωσαν ἐν τόπῳ Κρανίου, σὺ εἶ ὁ λόγος τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ὃν ὁ πατὴρ πρὸ τῶν αἰώνων ἀνάρχως, ἀρρεύστως, ἀπαθῶς, ἀμειώτως τε καὶ ἀρρήτως γεγέννηκεν, ἐπ' ἐσχάτων δὲ τῶν χρόνων εὐδοκίᾳ πνευματικῇ καὶ συνεργίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος σάρκα προσλαβόμενος ἐκ τῆς

παναγίας καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας, τῆς ὄντως κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκου, ἄνευ σπορᾶς ἀπαθῶς καὶ ἀναλλοιώτως, καὶ εἰς τὸν κόσμον ἐληλυθώς, ὁ διπλοῦς ταῖς φύσεσι κἀὶ ἐνεργίαις καὶ θελήσεσι γνωριζόμενος, ἐν μιᾷ δὲ (f. 198 r.) τῇ ὑποστάσει διαμείνας τέλειος Θεὸς καὶ τέλειος ἄνθρωπος, ὁ σημεῖα καὶ τέρατα θεοπρεπῶς τελέσας ἐπὶ τῆς γῆς καὶ κηρύξας τῷ κόσμῳ τὴν τοῦ Πατρὸς βασιλείαν. Σὺ εἶ ὁ Θεὸς ἡμῶν σὺν τῷ Πατρὶ καὶ ἁγίῳ Πνεύματι, σὺ Κύριος Ἰησοῦς Χριστός, εἷς ὁ αὐτὸς λόγος τοῦ Θεοῦ ὁ ἐνυπόστατος, ὁ εἰς σάρκα παγεὶς ἄνευ θελήματος ἀνδρὸς καὶ ἄνευ θελήματος σαρκός· σύ εἶ ὁ Θεὸς ἡμῶν καὶ ἐκτός σου ἕτερον Θεὸν οὐ γινώσκομεν. Ταῦτα οὖν εἰρηκότες οἱ ἅγιοι ἄγγελοι, σεσιγήκασιν ἅπαντες καὶ ἐν ἠρεμαίᾳ καὶ εὐτάκτῳ καταστάσει συνεστάλησαν. Ἀκούσαντες δὲ ταῦτα οἱ παρανομώτατοι καὶ δυσσεβέστατοι ἄρχοντες τῶν Ἰουδαίων, ὅ τε Ἄννας καὶ Καϊάφας καὶ πᾶς ὁ δῆμος αὐτῶν καὶ πᾶσα συναγωγὴ αὐτῶν ἔφριξαν καὶ ἐτρόμαξαν καὶ ἐτάκησαν, ὡσεὶ κηρὸς ἀπὸ προσώπου πυρός, ἐν φόβῳ καὶ τρόμῳ ἀνεικάστῳ γενόμενοι, σὺν τούτοις οὖν ἐτρόμαξε καὶ συνεστάλη ὁ τῆς μανίας ἐπώνυμος, ἐπάρατος φημὶ καὶ παράνομος Ἄρειος, ἔτι τε σὺν αὐτῷ καὶ ὁ κατάπτυστος Μωάμεθ καὶ πάντες ὁμοῦ σὺν αὐτοῖς οἱ ἔχθιστοι καὶ (f. 198 v.) ἐπάρατοι πάσης αἱρέσεως σὺν ταῖς κουστοδίαις αὐτῶν, καὶ ἀπὸ τοῦ φόβου καὶ τῆς φρίκης ἐκείνης ἀπονεκρωθέντες, ἄφωνοι τοῦ λοιποῦ καὶ ἄναυδοι γεγόνασιν. Εὐθέως οὖν ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος εἰς τὸ πρόσωπον τοῦ οὐρανοῦ, καὶ αὐτὸς ἀπὸ τοῦ φόβου ἐκείνου ἔφυγεν ἀπὸ προσώπου Κυρίου καὶ τόπος οὐχ' εὑρέθη ἐν αὐτῷ. Καὶ μεμενήκαμεν ἡμεῖς ἐπὶ μονου τοῦ σκοποῦ ἐκείνου, οὗ ἦμεν ἱστάμενοι, διότι πέφευγε πάντα τὰ ὑποκάτω ἡμῶν, καὶ αὐτὸς μονος ἀκλόνητος ἵστατο ἐπὶ τοῦ αἰθέρος· καὶ ἡ θαυμαστὴ ἐκείνη πολις μεμένηκε στερεὰ ἐπὶ τοῦ τόπου ἐφ' οὗ ᾠκοδόμητο, διότι πνεῦμα Κυρίου ἦν ἐπ' αὐτῇ καὶ δύναμις Ὑψίστου συνέσχεν αὐτήν. Καὶ εὐθέως ἐπεῖδεν ὁ Κύριος ἔτι ἐν ὀργῇ αὐτοῦ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς καὶ εἶδεν αὐτὸ καὶ κατενόησε πάντας τοὺς ὄντας ἐν αὐτῷ, καὶ ἦν μεμολυσμένον σφόδρα σφόδρα ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν ἁμαρτιῶν τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων. Κατανοήσας οὖν ἐν αἷς αἰσχρουργίαις καὶ ἀθεμίτοις πράξεσι κατεμολυναν αὐτὸ οἱ ἀπ' αἰῶνος ἄνθρωποι οἱ τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες καὶ ταῖς μαγείαις καὶ (f. 199 r.) φαρμακίαις

καὶ ταῖς αἱμομιξίαις ἀσχοληθέντες καὶ μιανθέντες, οἱ ταῖς ἀνδρομανίαις, οἱ ταῖς παιδοφθορίαις ἐλεεινῶς καὶ ἀθλίως συμφυραθέντες καὶ χρανθέντες καὶ ταῖς λοιπαῖς ἀθεμίτοις κακοπραγίαις ἐγκυλισθέντες καὶ οὕτω καταμολύναντες καὶ καταμειώσαντες· [κατανοήσας] αὐτὴν οὕτως ἔχουσαν ἐν θυμῷ Κύριος, καὶ αὕτη ἔφυγεν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ, καὶ τόπος οὐχ εὑρέθη ἐν αὐτῇ. Καὶ ἰδοὺ εἱστήκεισαν πάντες ἐπὶ τοῦ ἀέρος ἀκλόνητοι, ὥσπερ ἵσταντο καὶ ἐπὶ προσώπου τῆς γῆς, καὶ ἐξέτεινε Κύριος τὴν χεῖρα αὐτοῦ τὴν κραταιὰν καὶ ἐπέβλεψεν ἐπὶ τὰ ἄνω ὕψη τῶν ὑψωμάτων καὶ ἐπὶ τὰ κάτω βάθη τῆς ἀβύσσου, καὶ ἰδοὺ νέος οὐρανὸς καὶ γῆ καινὴ, καὶ τὸ πρόσωπον αὐτῆς δεδοξασμένον σφόδρα· μετηλλάγη γὰρ τῷ νεύματι Κυρίου ἀπὸ τῆς φθορᾶς εἰς ἀφθαρσίαν, καὶ ἦν λευκὸν ὡσεὶ χιών. Καὶ ἰδοὺ τὸ στερέωμα τοῦ οὐρανοῦ ἅπαν καὶ αὐτὸ καινισθὲν καὶ ἀφθαρτισθὲν ἀνεφάνη, ὥσπερ ἡ ὅρασις τοῦ ἡλίου καθορᾶται τὸ πρωὶ ἀνατέλλοντος ἐν αἰθρίᾳ ἔτι τὰς ἰδίας μὴ ἐξαπλοῦν ἀκτῖνας· τὰ δέ γε ἄστρα ἅπαντα (f. 199 v.) ἀπώλοντο ἐξ αὐτοῦ, ὡς τῶν ἁγίων ἀναπληρούντων τὸν τῶν ἀστέρων τόπον, καὶ ἥλιος οὐκ ἦν ἐν αὐτῷ, ἐπειδὴ ἀνατολὴ ἀνέτειλε πᾶσι τοῖς υἱοῖς τῶν ἀνθρώπων, ὁ τῆς δικαιοσύνης λέγω ἥλιος Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ λυτρωτὴς τοῦ κόσμου. Καὶ ἐπέβλεψεν αὖθις ἐπὶ τὸ κάλλος τοῦ προσώπου τῆς νέας γῆς καὶ ἐπὶ τὸν τόπον τῆς θαλάσσης, ἐν ᾧ τὰ ἁλμυρὰ ὑπῆρχον συνηγμένα ὕδατα πρὸ τῆς τῶν στοιχείων καινῆς ἀλλοιώσεως, καὶ ἰδοὺ αἴφνης ἐξανέτειλε καὶ ἀνέβλυσεν ἀντὶ τοῦ ὕδατος τῆς θαλάσσης ποταμὸς πυρός, οὗπερ ἡ φλὸξ ἀνῆπτε σφοδρῶς, καὶ ἀφικνεῖτο μέχρι καὶ αὐτοῦ τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ, καὶ ἐξήρχετο βρέμων καὶ καχλάζων καὶ πελαγίζων, ἕως οὗ ἐκάλυψε πάντα τὰ πληρώματα τὰ ἀφορισθέντα αὐτῷ. Μετὰ τοῦτο οὖν ὁρῶμεν ἱστάμενοι ἐπὶ τοῦ σκοποῦ ἐκείνου τοῦ ὑψηλοῦ (καὶ ὑψηλοῦ) φόβῳ καὶ τρόμῳ συνεχόμενοι· καὶ ἰδοὺ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ πάντα υἱὸν ἀνθρώπου εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς καὶ ἐπὶ πάντα εἰδωλ[λο]άτρην, δι' ὧν ἐθεραπεύθη τὰ μάταια εἴδωλα καὶ κωφὰ, καὶ (f. 200 r.) ἐπὶ πάντα υἱὸν ἀνθρωπου, ἐν οἷς θεογνωσία οὐ προσεδέχθη οὔτε μὴν ἐπιπόλασε, καὶ ἐπὶ πάντα πόρνον καὶ μοιχὸν καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς φονεῖς καὶ ἐπιόρκους καὶ φειδωλοὺς, οἵτινες ἐπορεύθησαν ἐν ματαιότητι καὶ δολιότητι πᾶσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς αὐ-

τῶν, ζωὴν ζήσαντες πονηρὰν καὶ μοχθηρὰν ὥσπερ τὰ κτήνη τὰ ἄλογα. Καὶ ἰδοὺ τάγμα φοβερὸν πυρίνων ἀγγέλων ἀπὸ δυσμῶν παρεγένετο, καὶ ἐπέβαλον τὰς χεῖρας αὐτῶν ἐπὶ τούτους καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς ἀνόμους τε καὶ ἁμαρτωλοὺς, καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς ἀσεβεῖς τῆς γῆς, καὶ κρατήσαντες αὐτοὺς κατενώπιον πάντων ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων τῶν ἔτι κριθήσεσθαι προσδοκώντων, ἐνέβαλόν τε αὐτοὺς ἅπαντας ἕνα καθ' ἕνα εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρός, ἕως εἰς τέλος ἐξέλιπε· τὸ δὲ τάγμα ἐκεῖνο τὸ ὑπουργῆσαν τῇ κελεύσει τοῦ Θεοῦ μετὰ τὸ ἐκτελέσαι τὸ κελευσθὲν αὐτῷ, παρελθὸν ἔστη σὺν εὐλαβείᾳ καὶ φόβῳ πολλῷ ἐν τῇ τάξει αὐτοῦ. Καὶ κατελείφθησαν πάντες οἱ ἀπὸ Ἀβραὰμ καὶ Μωϋσέως καὶ μέχρι τῆς (f. 200 v.) συντελείας τοῦ αἰῶνος υἱοὶ Ἰσραὴλ καὶ πάντες οἱ ἀπὸ τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ τῆς ἐνσάρκου παρουσίας καὶ ἐπιδημίας καὶ τῆς τῶν ἁγίων αὐτοῦ ἀποστόλων διδασκαλίας γεγεννημένοι χριστιανοὶ καὶ ἅπαν τὸ σπέρμα αὐτῶν μέχρι τῆς συντελείας· καὶ κατελείφθησαν οἱ ἀπὸ παντὸς ἔθνους καὶ γένους κληθέντες εἰς τὴν ὀρθὴν καὶ ἀμώμητον πίστιν τῶν χριστιανῶν, καὶ πᾶσα ἡ γενεὰ αὐτῶν ἄχρι τῆς συντελείας· καὶ κατελείφθησαν οἱ τὴν ἄνω πρόνοιαν σεβασθέντες ἀπὸ παντὸς γένους τῶν ἐθνῶν ἀπὸ Ἀδὰμ καὶ μέχρι τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ θείας παρουσίας, οἵτινες οὐδόλως ἔκαμψαν γόνυ τοῖς εἰδώλοις. Οὗτοι πάντες καταλειφθέντες ἵσταντο κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ, οἱ μὲν ἁπλέτῳ χαρᾷ εὐφραινόμενοι καὶ δόξῃ ἀρρήτῳ ἡγλαϊσμένοι, οἱ δὲ κατηφείας πληρούμενοι καὶ φρίκῃ ἀνεικάστῳ καὶ δειλίᾳ συνεχόμενοι. Ἐν γοῦν τῷ εἰσάγεσθαι τοὺς ἀσεβεῖς ἐκείνους καὶ εἰδωλολάτρας εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρὸς τὴν καιομένην καὶ καχλάζουσαν καὶ ἀναβράζουσαν ἦν θρῆνος καὶ (f. 201 r.) κλαυθμὸς καὶ ὀδυρμὸς πολὺς ἐν μέσῳ τῆς συναγωγῆς αὐτῶν, πικρός τε καὶ ὀδυνηρὸς καὶ φοβερὸς σφόδρα σφόδρα, ὥστε καὶ αὐτὸν τὸν οὐρανὸν καὶ τοὺς ἀγγέλους τοῦ Θεοῦ ἀποδύρεσθαι ἐπὶ τῇ τούτων ἀπωλείᾳ καὶ αἰωνίῳ κατακρίσει ἐν τῷ ἀστέκτῳ καὶ ἀτελευτήτῳ πυρὶ τῆς γεέννης. Ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτούς· οἱ δέ γε λοιποὶ τῶν καταλειφθέντων, ὡς εἴρηται, τοὺς τοιούτους ἀσεβεῖς βλέποντες καὶ εἰδωλολάτρας ὠθουμένους βιαίως καὶ φοβερῶς ῥιπτουμένους εἰς τὴν γέενναν τοῦ

ἀπλέτου καὶ ἀσβέστου ἐκείνου πυρὸς οὕτως ἀποτομως, ἔφριττον ἱλιγγιῶντες καὶ ἔτρεμον συνορῶντες, καὶ μᾶλλον οἱ πλείους αὐτῶν ὅτι δυσείμονα μορφὴν ἐκ τῶν αἰσχίστων καὶ βεβήλων ἔργων αὐτῶν ἐκέκτηντο, καὶ τὴν ἐνὶ ἑκάστῳ αὐτῶν ἐγκειμένην, ὡς ἄνωθεν εἴρηται, ἐπιγραφὴν ἐγγεγραμμένην καὶ δηλοῦσαν ἑκάστου αὐτῶν ἢ τὴν σωτηρίαν, ἢ τὴν ἀπώλειαν, καὶ ὅτι σωτηρίας ἐλπὶς οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς.

Ἐπεὶ οὖν, ὡς ἀνωτέρω διείληπται, ἐναπέμειναν οἱ τὸν νόμον δεξάμενοι ἵνα δίκην τίσωσιν (f. 201 v.) ὅπως τοῦτον ἐτήρησαν, ἐπέβλεψεν οὖν ὁ Κύριος κατὰ τὰς ἀνατολὰς τῷ περιστρατεύματι αὐτοῦ καὶ ὡσανεὶ ἐπένευσε· καὶ ἰδοὺ τὰ κατὰ ἀνατολὰς στρατεύματα ἐσάλπισαν ἐν σάλπιγγι φρικωδεστάτῃ, καὶ ἐγένετο τόπος ἑτοιμασίας ἐν τοῖς τοῦ κριτοῦ δεξιοῖς μέγας λίαν καὶ φοβερός, καὶ διεσπάρη τὸ κατὰ ἀνατολὰς στράτευμα τοῦ Θεοῦ τὸ σαλπίσαν, καὶ διεσκορπίσθη εἰς πᾶσαν τὴν τετραπέρατον φάλαγγα ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς· σαλπίζοντες μὲν οἱ ἐν τούτοις ἐξάρχοντες ἐν εὐήχοις σάλπιγξιν, οἱ δὲ λοιποὶ αὐτῶν οἱ ἐπὶ τοῦτο δηλονότι τεταγμένοι ἠρεύνων καὶ ἐπετήρουν ἅπαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, καὶ ἔνθα ἂν εὕρισκον τοὺς τὰ φαιδρὰ πρόσωπα κεκτημένους καὶ τὴν ἀνεκλάλητον εὐφροσύνην καὶ καθαρὰν αἴγλην τῆς δικαιοσύνης περιαστραπτομένους, ἀσπαζόμενοι καὶ ἐνδόξως ἐναγκαλιζόμενοι τούτους τῷ ῥοΐζῳ τῶν πτερύγων αὐτῶν ἐν μεγίστῃ καὶ ἀνεκλαλήτῳ χαρμονῇ ἀπεκόμιζον αὐτοὺς (f. 202 r.) ἐν τοῖς δεδοξασμένοις προηυτρεπισμένοις ἐν τοῖς δεξιοῖς καὶ λαμπροῖς τόποις τοῦ κριτοῦ· καὶ πάλιν ἐξεπορεύοντο ἐκεῖθεν καὶ διεσκορπίζοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς καὶ ἠφόριζον τοὺς ἐκλεκτοὺς τοῦ Θεοῦ ἀπὸ τῶν ἐν ἀνομίαις καὶ ἁμαρτίαις καὶ παντοίαις αἰσχίστοις καὶ ἀθεμίτοις ἔργοις ἑαυτοὺς καταμολυνάντων καὶ οὕτως ἀμετανοήτως τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδαπανησάντων καὶ μὴ φθασάντων καθᾶραι ἑαυτοὺς διὰ μετανοίας καὶ ἐξαγορεύσεως καὶ εὐποιίας πενήτων, καὶ σὺν μεγίστῃ τιμῇ καὶ δόξῃ ἀπεκόμιζον τούτους καὶ σὺν πολλῇ παρρησίᾳ ἐν τοῖς δεξιοῖς τοῦ κριτοῦ, ἔνθα καὶ τοὺς πρώτους ἀπεθησαύρισαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπισυναχθῆναι πάντας τοὺς ἐκλέκτους τοῦ Θεοῦ διὰ νεφελῶν καὶ ἀέρων ὑπὸ τῶν ἐνδόξων ἀγγέλων καὶ στῆναι ἐκ δεξιῶν τοῦ κριτοῦ, ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος πρὸς ἄρκτον καὶ μεσημβρίαν καὶ ἐπένευσε τοῖς ἐκεῖσε θείοις στρατεύμασι, καὶ ἰδοὺ

δύο παρεμβολαὶ τῶν ἀγγέλων ἐπορεύ(f. 202 v.)θησαν ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς καὶ ἀποκατέστησαν πάντας τοὺς ὑπολειφθέντας ἀπὸ τῶν δικαίων υἱοὺς τῶν γηγενῶν ἐν τοῖς εὐωνύμοις μέρεσι τοῦ κριτοῦ, τύπτοντες καὶ μαστίζοντες αὐτοὺς σφοδρῶς· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἀποκαταστῆναι πάντας τοὺς ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς εἰς τὰ εὐώνυμα τοῦ κριτοῦ, οἵτινες ὑπῆρχον τῷ πλήθει ὑπὲρ τὴν ἄμμον τῆς θαλάσσης καὶ τὸν χοῦν τῆς γῆς· ἀπὸ μὲν γὰρ τοῦ σωτηρίου σπόρου τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἤτοι τοῦ διὰ τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου ἐφ' ὅλην τὴν οἰκουμένην σπαρέντες, ἡ τριμοιρία ἀπώλετο, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἡ τετραμοιρία, καὶ ἐν μόλις περισέσωστο· ἀπὸ δὲ τῆς παλαιᾶς διαθήκης τῶν χιλίων ἢ καὶ τῶν μυρίων μόγις ηὑρίσκετο εἷς τετελειωμένος ἐν δικαιοσύνῃ. ἀπὸ δὲ τοῦ προπάτορος Ἀδὰμ καὶ μέχρι τοῦ θεοπάτορος Ἀβραὰμ, τί ἂν εἴποιμι, μόγις γὰρ τῶν δισμυρίων ἢ καὶ τῶν τετρακισμυρίων ηὑρίσκετο εἷς σεσωσμένος ἐν τελειότητι βίου θεαρέστου.

Καὶ δὴ τούτων οὕτω τελεσθέντων καὶ διαστάντων καὶ ἁπαχθέντων καὶ ἀποκαταστάντων εἰς τοὺς ἀνήκοντας αὐτῶν τόπους, ἦν ἰδεῖν (f. 203 r.) ἐπ' αὐτοὺς θέαμα φρικτόν· τὰ μὲν δεξιὰ τοῦ κριτοῦ λαμπρότητι ἀνεικάστῳ διαλάμποντα καὶ φαιδροτάτῃ αἴγλῃ λίαν περιαυγαζόμενα, τὰ δὲ γε εὐώνυμα σκυθρωπὰ καὶ κατανενυγμένα. Εἶδεν ὁ Κύριος ἐπιβλέψας ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ καὶ θεασάμενος τὴν τῶν ἁγίων αὐτοῦ καὶ ἐνδόξων ἀποστόλων φαιδρότητα καὶ λαμπρότητα καὶ ἀγαλλιασθεὶς ἐπ' αὐτοῖς εὐμενεῖ καὶ φαιδρῷ προσώπῳ καὶ μεγάλῃ καὶ λαμπρᾷ τῇ φωνῇ, λέγει πρὸς αὐτούς· Δεῦτε οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρός μου, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κοσμου· ἐπείνασα γὰρ καὶ ἐδώκατέ μοι φαγεῖν, ἐδίψησα καὶ ἐποτίσατέ με, ξένος ἤμην καὶ συνηγάγετέ με, γυμνὸς καὶ περιεβάλετέ με, ἀσθενὴς καὶ διακονήσατέ με, ἐν φυλακῇ καὶ ἐπεσκέψασθέ με, ἐν θλίψεσι καὶ πειρασμοῖς ποικίλοις περιπέπτωκα καὶ ἐληλύθατε τοῦ παρακαλέσαι καὶ ἐπισκέψασθαί με καὶ παραμυθήσασθαι καὶ πᾶσι τροποις ἀγαθοῖς μετὰ τῆς εἰς τὸν πλησίον ἀγά(f. 203 v.)πης ὑμῶν ἐμὲ ἀπεθεραπεύσατε. Ἀποκριθέντες δὲ εἶπον αὐτῷ οἱ δίκαιοι· Δέσποτα Κύριε παντοκράτορ, ποιητὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, πότε σε εἴδομεν πεινῶντα καὶ ἐθρέψαμεν, ἢ διψῶντα

καὶ ἐποτίσαμεν; πότε δέ σε εἴδομεν ξένον καὶ συνηγάγομεν, ἢ γομνὸν καὶ περιεβάλομεν; πότε δέ σε εἴδομεν ἐν φυλακῇ καὶ ἤλθομεν πρός σε, ἢ ἐν ἀσθενείᾳ καὶ ἐπεσκεψάμεθά σε, πότε σε εἴδομεν ἐν θλίψεσι καὶ πειρασμοῖς περιπεσόντα καὶ ἤλθομεν τοῦ παρακαλέσαι καὶ ἐπισκέψασθαι καὶ παραμυθήσασθαί σε; Ἀποκριθεὶς οὖν ὁ δίκαιος ἐκεῖνος κριτὴς λέγει αὐτοῖς δακτυλοδεικτῶν τοὺς πένητας τῇ δεξιᾷ χειρί· Ἐφόσον ἐποιήσατε ἑνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων, ἐμοὶ ἐποιήσατε. Τοῦτο δὲ παρεδήλου αὐτοῖς ὁ Κύριος ταῦτα λέγων· ὅτι οὐκ ἐπείνασα φαγεῖν ἄρτον ἢ ἐδίψησα ποτὲ πιεῖν, ἀλλ' ἐπείνασα καὶ ἐδίψησα ὑμῶν τὴν σωτηρίαν ἣν εἰργάσασθε καὶ προσηνέγκατέ μοι διὰ τῆς τῶν συνδούλων ὑμῶν ἀγάπης καὶ εὐποιίας ἕνεκεν ἐμοῦ· ἐμὴ γὰρ βρῶσις καὶ πόσις, καθὼς προεῖπον ὑμῖν, ἐστιν, ἵνα ποιῶ τὸ θέλημα τοῦ πέμψαν(f. 204 r.)τός με· τοῦτο δέ ἐστι τὸ θέλημα τοῦ πέμψαντός με Πατρός, ἵνα πᾶν ὃ δέδωκέ μοι, οὐ μὴ ἀπολέσω ἐξ αὐτοῦ, ἀλλὰ ἀναστήσω αὐτὸ ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ. Διὰ ταύτης γὰρ τῆς ἐργασίας ἐληλύθατε πρός με, εὐφροσύνης καὶ τέρψεως καὶ θυμηδίας ἐπληρώσατέ μου τὴν καρδίαν ἐν ταῖς πρὸς ἀλλήλους ἀγαθοεργίαις ὑμῶν· ἐμὸν γὰρ βρῶμα καὶ πόμα καὶ περιβόλαιον, ὡς εἴρηται, καὶ πᾶσα ἀνάπαυσις καὶ θέλημα τοῦ Πατρός μου ἐστὶ τὸ σωθῆναι πάντας τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων. Καὶ ἐπειδὴ θερμῶς ἠγωνίσασθε καὶ σπουδαίως τὰ πρὸς σωτηρίαν ὑμῶν, ἐμὴν πᾶσαν ἐπιθυμίαν καὶ θέλημα τοῦ Πατρός μου ἐπληρώσατε· ὃς γὰρ οὐκ ἀφίει ὄφλημα τοῦ πλησίου, οὐδὲ τὸ αὐτοῦ ὀλίσθημα ἀφεθήσεται, καὶ ὃς οὐ δῷ ἑτέρῳ παραμυθίαν, οὐδ' αὐτὸς λήψεται.

Ταῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια εἰρηκότος τοῦ δικαίου κριτοῦ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἑστῶτας, στρέφεται καὶ πρὸς τοὺς εὐωνύμους, καὶ περιβλεψάμενος αὐτοὺς ὁ φρικτὸς ἐκεῖνος καὶ ἀπαραλόγιστος καὶ μόνος κριτὴς καὶ δικαστὴς, εἶδε πάντας τοὺς ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς, βεβήλους (f. 204 v.) ὄντας καὶ ἐζοφωμένους εἰς τέλος, καὶ ἐταράχθη ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ τῇ δικαίᾳ αὐτοῦ, βδελυξάμενος τὴν ἀσχημοσύνην αὐτῶν· καὶ ἀποκριθεὶς ἀποτόμως εἶπε πρὸς αὐτούς· Πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι ἐργάται τῆς ἀνομίας εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ· ἐπείνασα γὰρ οὐκ ἄρτον φαγεῖν, φθειρόμενον εἰς οὐδὲν δὲ ἀλλοιούμε-

νον· οὐ γὰρ ἐπ' ἄρτῳ μόνῳ ζήσεται ἄνθρωπος, ἀλλ' ἐν παντὶ ῥήματι Θεοῦ ἐκπορευομένῳ διὰ στόματος αὐτοῦ· ἀλλὰ τὴν σωτηρίαν ὑμῶν, ἣν οὐ προσηνέγκατέ μοι, ἐδίψησα τοῦ σωθῆναι πάντας· ἡμέτερον γάρ ἐστι θέλημα, καὶ οὐκ ἠθελήσατε, καὶ οὐδὲ θέλησις τις γέγονεν ὑμῖν ποτίσασθαί με ὕδωρ κατανύξεως· ξένος ἤμην τῶν διανοιῶν ὑμῶν καὶ αἰσθήσεων, καὶ οὐ συνηγάγετέ με διὰ τῆς τῶν ξένων ἔνδον τῆς οἰκίας ὑμῶν τῆς ξεναγίας· γυμνὸς καὶ ἐν φυλακῇ δι' ὑμᾶς ἐγενόμην, καὶ οὐκ ἐπεσκέψασθέ με διὰ τῆς κατὰ Θεὸν ὑμῶν ὑπομονῆς ἐν ταῖς ἐπερχομέναις ὑμῶν ὕβρεσι καὶ χλευασμοῖς καὶ πειρασμοῖς καὶ ὀνείδεσιν ἕνεκεν ἐμοῦ ὑπὸ τῶν μισούν(f. 205 r.)των ἡμᾶς, ἀλλ' ἔτι πλέον λελυπήκατέ μου τὸ πνεῦμα ἐν ταῖς βλασφημίαις ὑμῶν· ἀσθενὴς ἐγενόμην καὶ ἐν ἀπορίᾳ τῶν ἀναγκαίων ὑπῆρχον, ὑμεῖς δὲ καθ' ἑκάστην τρυφῶντες καὶ κατασπαταλῶντες οὐ διηκονήσατέ μοι διὰ τῆς εἰς τοὺς πένητας εὐποιΐας ὑμῶν καὶ ἐλεημοσύνης· ἐν θλίψει ὑπῆρχον ὁρῶν ὑμᾶς καθ' ἑκάστην τὰ μάταια πράττοντας καὶ ἐν τούτοις συνθλίβοντάς με, καὶ οὐκ ἠθελήσατε μετανοῆσαι καὶ διὰ κατανύξεως καὶ δακρύων ἀποθεραπεῦσαι με, καθὼς ἐν παραβολαῖς εὐηγγελισάμην ὑμῖν. Διὰ τοῦτο οὖν ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι καὶ οἱ ἁμαρτωλοὶ καὶ οἱ εἰς τέλος ἀμετανόητοι εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον, ἐκεῖ ἔσται ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ βέβηλοι καὶ ἀκάθαρτοι ἐργάται τῆς ἀνομίας καὶ κληρονόμοι τῆς ἀπωλείας εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρὸς τοῦ αἰωνίου· πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι καὶ λαθραίως κακοῦργοι καὶ ἀνελεήμονες, φιλολοίδοροι καὶ μνησίκακοι καὶ κατάλαλοι, (f. 205 v.) κτηνώδεις καὶ πάσης αἰσχρουργίας καὶ ἀκαθαρσίας ἀνάπλεοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἡτοιμασμένον καὶ ἄσβεστον· οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ καὶ πορεύεσθε εἰς τὸν τάρταρον τοῦ ᾅδου πάντες ὑμεῖς οἱ ῥάθυμοι καὶ οἱ ἀνηλεεῖς καὶ ἀπάνθρωποι, οἱ ἀμετάδοτοι καὶ οἱ ἄσπλαγχνοι καὶ οἱ ἀμετανόητοι· οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ οἱ τὰ τῶν ἀδελφῶν μου τῶν πενήτων ἁρπάσαντες καὶ εἰς τὰς ἰδίας ἐπιθυμίας καὶ ἀσωτίας ὑμῶν ἀπλείστως καὶ ἀδεῶς κενώσαντες καὶ παρ' ἑαυτοῖς ἀποθησαυρίσαντες· πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ ἄπιστοι καὶ οἱ ἀσεβεῖς καὶ οἱ ἀσελγεῖς καὶ οἱ ἄσωτοι καὶ οἱ ἀκάθαρτοι καὶ φειδωλοὶ καὶ ἀπαράκλητοι, καὶ γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ φονεῖς

καὶ οἱ μοιχοὶ καὶ οἱ ἀρσενοκοῖται καὶ οἱ κτηνοβάται καὶ οἱ αἱμομίκται καὶ οἱ φαρμακοὶ καὶ οἱ κλέπται καὶ οἱ ψεῦσται καὶ οἱ ἐπίορκοι καὶ οἱ λῃσταὶ καὶ οἱ ἄνομοί· οὐ γὰρ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ πόρνοι καὶ οἱ μαλακοὶ καὶ οἱ μέθυσοι καὶ (f. 206 r.) πάντες οἱ φιλάργυροι καὶ οἱ ὀργίλοι καὶ οἱ θυμώδεις καὶ οἱ κενόδοξοι καὶ οἱ ὑπερήφανοι καὶ οἱ κιθαρῳδοί, οἱ τραγῳδοὶ καὶ οἱ γαστρίμαργοι καὶ οἱ φλύαροι καὶ οἱ ἐν ἀκαθαρσίαις καὶ ἐν ματαιότητι ὅλον ὑμῶν τὸν βίον καταστρέψαντες καὶ μὴ μετανοήσαντες· οὐκ οἶδα ὑμᾶς, οὐ γινώσκω πόθεν ἐστέ, οὐ γνωρίζω τινὰ ἐξ ὑμῶν· διὰ τοῦτο οὖν ἀπέλθετε πόρρω ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι βδελυκτοὶ καὶ κατηχυμένοι· καὶ γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς· πορεύεσθε οὖν εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων.

Τότε ἀκούοντες ἐκεῖνοι οἱ ἐν τοῖς εὐωνύμοις μέρεσι τοῦ κριτοῦ γυμνοὶ καὶ τετραχηλισμένοι καὶ πάσης ἀηδίας πεπληρωμένοι παρεστηκότες τὴν φοβερὰν ταύτην ἀπόφασιν ἐταράχθησαν, ἐσαλεύθησαν, τρόμος ἐπελάβετο αὐτούς, καὶ πικρῶς ὀδυρόμενοι ἀπεκρίθησαν αὐτῷ λέγοντες· Κριτὰ ἀπροσωπόληπτε καὶ ποιητὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς καὶ πάσης ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτί(f. 206 v.)σεως ποιητὰ καὶ δημιουργὲ Θεὲ ἡμῶν, πότε σε εἴδομεν πεινῶντα καὶ οὐκ ἐθρέψαμεν, ἢ πότε σε εἴδομεν διψῶντα καὶ οὐκ ἐποτίσαμεν, ἢ πότε σε εἴδομεν γυμνὸν καὶ οὐ περιεβάλομεν καὶ ἐνεδύσαμεν, ἢ πότε σε εἴδομεν ξένον καὶ οὐ συνηγάγομεν ἐν τῷ οἴκῳ ἡμῶν, πότε δέ σε εἴδομεν ἐν ἀσθενείᾳ καὶ οὐ διηκονήσαμεν καὶ ἐπεσκεψάμεθά σε, ἢ πότε σε εἴδομεν ἐν φυλακῇ καὶ οὐκ ἐληλύθαμεν πρός σε, ἢ πότε σε εἴδομεν θλιβόμενον ἢ ἐν ἀπορίᾳ τυγχάνοντα τῶν ἀναγκαίων καὶ οὐ διηκονήσαμέν σοι; Τότε ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος ὁ μέγας καὶ φοβερὸς ἐταράχθη ἐπ' αὐτοὺς σφόδρα ἐν τῷ οὕτως ἀπολογήσασθαι αὐτοὺς πρὸς αὐτὸν, καὶ ἀποκριθεὶς μετ' ὀργῆς εἶπε πρὸς αὐτοὺς δακτυλοδείξας αὐτοῖς τινὰς τῶν ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστώτων δικαίων ἢ καὶ τῶν ἐξ εὐωνύμων ἑστώτων ἁμαρτωλῶν· Ἐφόσον οὐκ ἐποιήσατε ἑνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων, οὐδὲ ἐμοὶ ἐποιήσατε· αὐτοὶ ἑαυτοῖς καλὸν οὐκ ἐποιήσατε, οὐδὲ ἐμοὶ ἐποιήσατε, ἑαυτοὺς οὐκ ἠγαπήσατε, οὐδὲ ἐμὲ ἠγαπήσατε· εἰ γὰρ ἐμὲ ἠγαπᾶ-

(f. 207 r.)τε, ἠγαπᾶτε ἄν καὶ τὸν πλησίον ὑμῶν· οὐκ ἐλεήσατε πένητα καὶ πτωχόν, οὐδὲ ἐμὲ ἠλεήσατε, διὰ τοῦτο οὐδὲ αὐτοὶ ἐλεηθήσεσθε· οὐκ ἀνεπαύσατε ξενοδίτην, οὐδὲ ἐμὲ ἀνεπαύσατε· οὐκ ἐθεραπεύσατε ξένον καὶ κατανενυγμένον τῇ καρδίᾳ, οὐδὲ ἐμὲ ἐθεραπεύσατε πώποτε· διὰ τοῦτο οὐκ οἶδα ὑμᾶς. Ἀπόστητε οὖν ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου λυπήσαντες καὶ θλίψαντες, οἱ τὰ γήϊνα καὶ μάταια ποθήσαντες καὶ τὰ ἐπουράνί[α] καὶ θεῖα μισήσαντες· ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ τὴν ἁμαρτ(υρ)ίαν ποθήσαντες καὶ διὰ πάσης τῆς ζωῆς ὑμῶν ταύτην κατέχοντες καὶ τὸν διάβολον θεραπεύσαντες, καὶ μηδὲ κἂν ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις τῆς ζωῆς ὑμῶν τῇ μετανοίᾳ προσδραμεῖν ἠθελήσατε· διὰ τοῦτο γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς πόθεν ἐστέ. Οἱ δὲ τὰ φρικώδη ταῦτα καὶ ὡς ἀληθῶς θεῖα ῥήματα παρὰ τοῦ κριτοῦ τοῦ δικαίου ἀκροασάμενοι καὶ ἐνωτισάμενοι τὰ λεγόμενα, δάκρυσιν ἐλεεινοῖς καὶ οἰμωγαῖς ἀφορήτοις ἑαυτοὺς ἀπωδύροντο, κλαυθμῷ τε πικρῷ ἑαυτοὺς ἐλεεινολογούμενοι καὶ τὸ οὐαὶ οὐαὶ ἀπαύστως σὺν (f. 207 v.) κραυγῇ μεγίστῃ ὀλολύζοντες καὶ πρὸς οἶκτον ἅπαντας προσκαλούμενοι, ἀλλ' ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων οὐκ ἦν αὐτοὺς καὶ ὁ σπλαγχνιζόμενος αὐτοὺς ποσῶς οὐχ' ηὑρίσκετο, ὁ παρακαλῶν καὶ μεσιτεύων τὸν κριτὴν ὑπὲρ αὐτῶν οὐχ' ὑπῆρχε· τὰ δὲ δάκρυα αὐτῶν οὐκ ὠκτείροντο, ἐπειδὴ ὁ τῶν δακρύων ἀπεκλείσθη καιρὸς καὶ ὁ τοῦ ἐλέους ὁρισμὸς ἀπέσβη καὶ ἀπελήλατο μακρὰν ἀπ' αὐτῶν. Ἐν γὰρ τῷ θυμοῦσθαι καὶ ὀργίζεσθαι τὸν δίκαιον ἐκεῖνον καὶ ἀπροσωπόληπτον κριτὴν τὸν δίκαιον θυμὸν δικαίως κατ' αὐτῶν, πάντες τῷ δέει καὶ τῷ φόβῳ συνείχοντο πεφρικότες μηδόλως ἀντοφθαλμῆσαι αὐτῷ δυνάμενοι.

Ἀναβλέψας οὖν ἐγὼ τοῖς ὀφθαλμοῖς, εἶδον γῆν νέαν καὶ ἐπ' αὐτὴν ὄρη οὐκ ἦν ἀναβαίνοντα, οὐδὲ φάραγγες καταβαίνουσαι ἢ πεδιάδες ἐξομαλίζουσαι, ἀλλὰ πᾶσα ἡ γῆ ἐκείνη ὑπῆρχεν ἐν θέσει καὶ στάσει μιᾷ φαινομένη ἀπ' ἄκρων ἕως ἄκρων αὐτῆς καὶ τόπος ἀποκρυφος οὐχ' εὑρίσκετο ἐν αὐτῇ, ὡς ἄν τις ἔχῃ παρεικάσαι αὐτήν ἅλωνα θερεινήν· τὸ δὲ πρόσωπον αὐτῆς ὑπῆρχε καθαρὸν καὶ λευκόν (f. 208 r.) ὡσεὶ γάλα ἢ χιὼν ἄρτι νεφελῶν ἐκπεσοῦσα, καὶ ἀτμὶς χρυσαυγίζουσα ἀνέβαινεν ἐξ αὐτῆς καὶ ἀνήρχετο ἐπὶ τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ εὐωδίας ἀφάτου πληροῦσα αὐτόν· καὶ αὕτη ἦν ὅλη δεδοξασμένη. Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἔτι ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, καὶ εὐθέως ἀνέβη ἐπ' αὐτῆς

χλόη λευκὴ ὡσεὶ χιών· καὶ ἰδοὺ φυτὰ ἐπ᾽ αὐτὴν τῷ εἴδει ὡραῖα καὶ περικαλλῆ, εὐσκιόφυλλά τε καὶ εὔκαρπα, τὰ μὲν πυρακίζοντα, τὰ δὲ χιονοφεγγῆ, τὰ δὲ ἐκ πολυχρόων ἀνθέων διηνθισμένα, ἄλλα ἐξ ἄλλων διαφέροντα τῇ θεωρίᾳ τε καὶ τῇ ὡραιότητι, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὖς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη οὔτε σοφία ἀνθρωπίνη καὶ γλῶσσα βρότειος διηγήσασθαι δύναται. Καὶ ὅτε τὰ φρικώδη ταῦτα ἀνέβη καὶ περικαλλῆ φυτὰ εἰς τὸ πρόσωπον αὐτῆς, καὶ αὐτὰ ἐξήνθησαν μυριοπλασίως εἴδη ἀνθέων ἀπόρρητα καὶ τερπνότατα ἐν τοῖς φυτοῖς, ὧν τὴν περικαλλῆ καὶ ποικιλόμορφον θέαν καὶ τὴν τῆς ὁδμῆς τῆς ἐξ αὐτῶν ἐκπεμπομένης ἡ(f. 208 v.)δύτητα διηγήσασθαι νοῦς ἀνθρώπων ὅλως ἀδυνατεῖ καὶ ἰλιγγιᾷ ἐξαπορούμενος ὡς πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερνικῶσα· τηλικαύτη γὰρ ἦν ἡ ὡραιότης καὶ ἡ εὐπρέπεια ἣ[ν] ἐν τῷ ἐξηνθισμένῳ τῶν ὡραιομόρφων φυτῶν ἐκείνων καὶ τῆς τερπνοτάτης ἐκείνης χλόης ἡ θαυμαστὴ ἐκείνη γῆ ἐνεδύσατο, οἵαν ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε, ὡς εἴρηται, καὶ οὖς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, ὡς κἀμὲ ὑπερεκπλαγέντα ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ ταύτης εὐπρεπείᾳ καὶ φαιδρότητι κατατολμῆσαι καὶ εἰπεῖν πρὸς τὸν ὁδηγοῦντα με ἄγγελον τὸν θεῖον ἐκεῖνον· Κύριέ μου, τίς ἐστιν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν περὶ ἧς πολλάκις ἀκήκοα ἀπό τε αὐτῶν τῶν ἐκκλησιαστικῶν καὶ θείων δογμάτων καὶ ἀπ᾽ αὐτοῦ τοῦ ἁγίου καὶ πανσέπτου εὐαγγελίου, ὅτι θαυμαστή τις ἔστι καὶ ἀσύγκριτος ὑπὲρ πάσας τὰς βασιλείας τῆς γῆς; μή τοί γε ἄρα αὕτη ἐστὶν ἡ φαινομένη πρὸ ὀφθαλμῶν ἡμῶν, ἡ τῷ κάλλει καὶ τῇ εὐπρεπείᾳ ἀσύγκριτος τε καὶ ἀκατάληπτος; τί γὰρ περισσότερον ταύτης ὀφείλει ἔχειν ἐκείνη; εἰ ἄρα ἄλ(f. 209 r.)λη ἐστί, οὐκ αὐτή; Ἀποκριθεὶς δὲ ἐκεῖνος ἔφη πρός με· Οὐκ οἶδας, ἀδελφέ, τί λέγεις· αὕτη γὰρ ἣν ὁρᾷς γῆν καὶ τὰ ἐν αὐτῇ πάντα ἡ γῆ τῶν πραέων ἐστί, περὶ ἧς ἐν τοῖς εὐαγγελίοις εἴρηται, ὅτι· μακάριοι οἱ πραεῖς ὅτι αὐτοὶ κληρονομήσουσι τὴν γῆν· ἡ δὲ τῶν οὐρανῶν βασιλεία ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἐστιν, ἐν πᾶσι δὲ ὑπάρχει ἀκατάληπτος καὶ οὐδὲ ἑνὶ τῶν κατ᾽ αἴσθησιν ἰσόρροπος πέλει ὧν νῦν ὁρᾷς.

Ἐπεὶ δὲ θαυμάζοντες ἦμεν ἐπὶ τῇ ἐξανθήσει τῶν ἐξαισίων ἐκείνων καὶ μυριπνόων καὶ ποικιλομόρφων φυτῶν τε καὶ ἀνθέων καὶ ἴων σκιρτῶντες καὶ ἐν τούτοις ἐπαγαλλόμενοι, ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ

ἕτερα φυτὰ καὶ αὐτὰ πλείονα τῶν προτέρων, ὡς εἰς πλῆθος ὁρᾶσθαι πολὺ σφόδρα, ἃ καὶ ἀνέτειλε καρπὸν ἀσύγκριτον καὶ ἀκατάληπτον τῷ πλήθει, ξένον τῇ ἰδέᾳ καὶ θεωρίᾳ καὶ εὐωδίᾳ, θαυμαστὸν τῇ γεύσει καὶ τῇ ἡδύτητι καὶ ἀκόρεστον τῇ ἀγήρῳ μονιμότητι καὶ ἀϊδιότητι. Καὶ ἰδοὺ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὸ πρόσωπον ἅπαν τῆς ἀφθάρτου καὶ (f. 209 v.) θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ ἐπλήσθη εὐθὺς βοτάνης ἀνεκφράστου, ἥτις ἦν χρυσαυγίζουσα καὶ μυρμηδὸν ἀσυγκρίτως τὰ ἐπ' αὐτῇ ῥόδα, κρίνα τε καὶ ἴα ἐπανατέλλουσα· ἅτινα ὁρῶν ἐγὼ ἐξέστην ὅλως καὶ ἔκθαμβος γέγονα ἐπὶ τῷ κάλλει αὐτῆς, ἱλιγγίασά τε καὶ ἔφριξα, ἐπειδὴ κόρος οὐκ ἦν τῆς γλυκείας ταύτης ὁράσεως· ὁ γὰρ Κύριος ἐστόλισε καὶ ὡράϊσεν ὡς νύμφην ἐν παστῷ φαιδρύνας καὶ καλλωπίσας ἐξαισίως αὐτὴν ἐν ὡραιότητι ἀπείρῳ καὶ φαιδρότητι εἰς ὑποδοχὴν τῶν αὐτοῦ τέκνων. Καὶ μετὰ ταῦτα ἐπέβλεψεν αὖθις ὁ Κύριος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ αὕτη ἀνέβλυσε ποταμὸν γάλακτος καὶ μέλιτος ἐπὶ τὸ αὐτό· τὸ δὲ μέλι τοῦ ποταμοῦ ἐκείνου ὑπῆρχε καθαρώτατον λίαν καὶ διειδέστατον καθαπερεὶ δάκρυον· καὶ διεπορεύοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κλύζοντες καὶ ποτίζοντες τὰς ῥίζας τῶν φυτῶν αὐτῆς· οὐ μέντοι συμμιγνύμενοι ἀλλήλοις οἱ ποταμοί, ἤτοι τὸ μέλι μετὰ τοῦ γάλακτος, ἀλλὰ χωρὶς καὶ ἰδίως ἄλληλα ἐπορεύοντο, καὶ τὸ μὲν (f. 210 r.) γάλα τὰς τῶν μυριπνόων καὶ ὡραίων ἐκείνων φυτῶν ῥίζας ἐπικλύζον ἐπότιζε, τῶν τοῖς ἄνθεσι καὶ μόνοις ἀϊδίως δηλονότι ὡραϊζομένων, τὸ δὲ μέλι τῶν βριθόντων τῷ ἀμαράντῳ ἐκείνῳ καὶ ἀνεκλαλήτῳ καρπῷ δένδρων τὰς ῥίζας ἀϊδίως καὶ ἁρμοζόντως, ὡς λόγου μετέχον εὐφυῶς, ἤρδευεν ἐπικλύζον καὶ τούτοις ἠρέμα ἐξηχεῖτο. Καὶ πρὸς ἐπὶ τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ τῇ αὐτῇ προσβλέψει τοῦ Κριτοῦ ἦλθον ἀπὸ ἀνατολῶν στρουθία ὡραιόμορφα, ὡς νέφος μέγα καὶ δασὺ σφόδρα, καὶ ἠπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης· καὶ ἐπλήσθησαν ἅπαντες οἱ κλάδοι τῶν φυτῶν ἐκείνων τῶν μυριοπλασίως μυριπνόων καὶ εὐόσμων ἀνθέων καὶ καρπῶν ἀγαθῶν ἐκείνων τῶν τοιούτων στρουθίων, καὶ αὐτὰ ἐτέρφθη ἐπὶ τῷ κάλλει καὶ τῇ ὡραιότητι τῆς ἀφθαρτισθείσης ἐκείνης κτίσεως, καὶ σφόδρα ταῦτα ἀγαλλιασθέντα περιχαρῶς ἤρξαντο κελαδεῖν εὐήχῳ λίαν καὶ ἡδυτάτῃ φθογγῇ μέλος ἐξαίσιον καὶ ἐναρμόνιον, ὡς ἐξηχεῖ-

σθαι πᾶσαν τὴν γῆν (f. 210 v.) ἐκ τῶν τοιούτων ἡδυτάτων στρουθίων ἐκείνων φωνῶν, καὶ τὸ μέλος τούτων ἀνέρχεσθαι μέχρις αὐτῶν τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ. Ἔφριξε δὲ καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ παρισταμένη ἐκείνη συναγωγὴ σφόδρα σφόδρα τῷ αἰωνίῳ καὶ φοβερωτάτῳ κριτῇ ἐκείνῳ ἀπὸ τῆς αἰφνιδίου κραυγῆς τῶν ἀρξαμένων κελαδεῖν καὶ ὑμνεῖν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν τοῦ παντὸς φοβερωτάτων, λαμπροτάτων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων στρουθίων. Ἐγὼ δὲ ἐκπληττόμενος καὶ ἐξιστάμενος ἐπὶ τῇ τῶν ἐξαισίων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων φημὶ στρουθίων ἡδυτάτῃ φθογγῇ καὶ ἠχῇ, λέγω πρὸς τὸν ὁδηγοῦντα με ἄγγελον· Κύριέ μου, πόθεν ἤκασι ταῦτα τὰ περικαλλῆ καὶ ἡδυφωνότατα στρουθία, καὶ τίς ὁ ἦχος καὶ τὸ μέλος αὐτῶν τὸ τερπνότατον; Ὁ δὲ ἔφη πρός με· Ταῦτα τὰ στρουθία ἅπερ ὁρᾷς, ἀδελφὲ, οὐ τῇ φθορᾷ καὶ ἀλλοιώσει καὶ τῇ τῆς γονῆς αὔξῃ ὡς τὰ ἐν τῷ παρόντι προσκαίρῳ καὶ πολυστενάκτῳ βίῳ ὑπάρχουσιν ὑποκείμενα, ἀλλ' ἐπίσης ἡ λοιπὴ καινὴ κτίσις καὶ ταῦτα ἄφθαρτα τετίμηκε καὶ τῇ εἰς (f. 211 r.) αἰώνων ἀγήρῳ καὶ ἀϊδίῳ μονῇ τε καὶ τέρψει καὶ φαιδρότητι καὶ διαμονῇ.

Μετὰ δὲ τὸ συντελεσθῆναι οὕτω ταῦτα πάντα, ἐπέβλεψεν αὖθις ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ ὕψη τῶν ὀρέων, ἤτοι εἰς τὰ πλάτη τοῦ οὐρανοῦ, καὶ ἰδοὺ ἠνοίγη ὁ νέος οὐρανὸς σφόδρα σφοδρῶς ἐν στομίῳ φοβερωτάτῳ, καὶ ἰδοὺ στρατεύματα στρατευμάτων πλείστων καὶ φοβερῶν σφόδρα, ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν δόξῃ πολλῇ κατῆλθον ἐπιφερόμενα τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν τοῦ Θεοῦ ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ψάλλοντα καὶ ἀλαλάζοντα καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ ἀναπέμποντα· καὶ ἐγένετο, ὡς ἔφθασαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ἔστησαν αὐτὴν κατὰ ἀνατολὰς ἐπὶ τῆς γῆς. Καὶ ὁ παράδεισος ἐκεῖνος ὁ φοβερὸς καὶ περικαλλὴς καὶ περίβλεπτος περιεκλείσθη ἔνδον τῆς φρικωδεστάτης καὶ θαυμασίας ἐκείνης πόλεως σὺν τῇ Ἐδὲμ τῇ κατὰ ἀνατολάς. Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πόλιν ἐκείνην καὶ ἐστερεώθη θαυμαστῶς ἐπὶ τὸν τόπον τῆς νέας καὶ ἀφθάρτου γῆς ἐκείνης, καὶ πάντα τὰ ἀγαθὰ ἐν μέσῳ αὐτῆς· καὶ ἡ ἐξερεύνησις (f. 211 v.) τῆς καλλονῆς καὶ ὡραιότητος τῆς πόλεως ἐκείνης τῆς θαυμαστῆς καὶ εἰκασμὸς ὅλως, ὅθεν ἦρχετο καὶ ὅθεν λήγουσα ὑπῆρχεν, οὐχ' εὑρίσκετο, διότι

αὕτη πόλις ἦν τοῦ μεγάλου βασιλέως Θεοῦ καὶ ἄνω μητρόπολις τῆς Σιὼν, ἡ ἄνω πόλις Ἱερουσαλὴμ, ἡ πόλις τῶν πρωτοτόκων, ἧς τεχνίτης καὶ δημιουργὸς ὁ Θεός, ἧς ὄρη κύκλῳ καὶ ὁ Κύριος κύκλῳ τοῦ λαοῦ τοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸν αἰῶνα· κύκλῳ γὰρ αὐτῆς αἱ στρατιαὶ πᾶσαι τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς κύκλῳ αὐτοῦ ἐκεῖσε κατατταττομένου λαοῦ αὐτοῦ. Καὶ ἐν τῷ στερεωθῆναι τὴν πόλιν ταύτην ἐπὶ τὸν ἡτοιμασμένον τόπον αὐτῆς, ηὔγασε τὰ πέρατα ἀπὸ τοῦ φέγγους τῶν ὑπερλάμπρων θεμελίων καὶ οἰκοδομημάτων αὐτῆς· ξένως γάρ πως καὶ ἀνερμηνεύτως οἱ δόμοι αὐτῆς ἐκ πνευματικῶν μυριοβαφῶν φανῶν συντεθειμένοι ᾠκοδώμηντο, οἱ αὐγάζοντες ἀνεξιχνίαστον ἀγαλλίασιν, τέρψιν τε καὶ θυμηδίαν ἀκόρεστον τοῖς ὁρῶσι παρεῖχον· αἱ δὲ πύλαι ταύτης ἀνατέλλουσαι ὥσπερ ὁ ἥλιος καὶ ἀκτῖνας ἐπαφιοῦσαι ηὔγαζον τὰ περὶ κύκλῳ αὐτῆς, καὶ λαμπρότης φρικωδεστά (f. 212 r.) τη ἦν ἐν αὐτῇ. Καὶ θεασάμενος ὁ φοβερώτατος κριτὴς ἐκεῖνος τῷ περιστέμματι αὐτοῦ τὴν ὡραιότητα τῆς πνευματικῆς πολεως ταύτης, ἐπένευσε ταῖς δυνάμεσι καὶ ταῖς αὐτοῦ στρατηγίαις, καὶ ἐσάλπισαν σάλπιγξιν ἐπουρανίοις, ὥστε φρίκη συσχεθῆναι πάντα τὰ πέρατα· καὶ ἤρξαντο τρισαγίοις μελωδήμασιν οἱ ἀπὸ ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν ἱστάμενοι καὶ οἱ ἀπὸ ἄρκτου ἕως μεσημβρίας ἄγγελοι σὺν πάσαις ταῖς δυνάμεσι τῶν περὶ κύκλῳ αὐτῶν δοξάζειν καὶ ὑμνεῖν τὸν ἐπὶ θρόνον εἰς αἰῶνας καθεζόμενον Χριστὸν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν· καὶ ὡς ἐκέκραγον ἐν ταῖς ἀνεκλαλήτοις ὑμνωδίαις καὶ μελωδίαις αὐτῶν τὸν ξένον ἐκεῖνον καὶ ἀπόρρητον αἶνον ἀναπέμποντες τῷ ἐπὶ θρόνου καθεζομένῳ, ὡς εἴρηται, Χριστῷ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, ἐτρόμαξα ὅλως καὶ ἐξέστην, καὶ πᾶσαι αἱ τρίχες μου ἀπὸ τοῦ ἐξαισίου θάμβους τοῦ ἡδυφθόγγου μέλους αὐτῶν ἐστάθησαν ὀρθιαι· καὶ προσχόντος ἐξ εὐωνύμων τοῦ κριτοῦ εἶδον πάντας τύπτοντας τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ πικρῶς ἀ(f. 212 v.)λαλάζοντας, θρῆνον ἀκατάπαυστον καὶ στεναγμὸν ἀναπέμποντας ἐκ βάθους καρδίας αὐτῶν καὶ ἐλεεινῶς ὀλολύζοντας. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς ὁ δίκαιος κριτής· Θεάσασθε οἱ ἐπικατάρατοι ὁποίων ἀγαθῶν ἑαυτοὺς ὑστερήσατε· ὑπῆρχε δὲ ἡ τοιαύτη αἴνεσις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων, γλυκυτάτη πάνυ καὶ ἐπιτερπὴς καὶ ὀξεῖα καὶ τοσοῦτον ὑπερφυὴς πάντων τῶν ἐπιγείων μουσικῶν ὀργάνων ὁμοιώσεων, ὡς μὴ

δύνασθαι ταύτην ἢ λόγῳ ῥηθῆναι ἢ νοὶ διαζωγραφηθῆναι ἀνθρωπίνῳ· τῇ γὰρ ἡδύτατι ταύτης καὶ τῷ κάλλει τοῦ φθέγματος καὶ τοῦ ἤχου τῆς καθαρότητος καὶ ἰσοδυνάμου καὶ ἰσορρόπου ὀξύτητος τοῦ ῥυθμοῦ τῆς ἀπαραλλάκτου τῶν πάντων ἡδυφωνίας τὰ νεύρα ἂν καὶ τὰ ὀστᾶ τῶν ἀκουόντων, εἰ φθαρτὰ ἐτύγχανον, διελύθησαν καὶ ὡσεὶ ὕδωρ ἐξεχύθησαν, ὥσπερ δὴ κἀμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ, εἰ μὴ χεὶρ Κυρίου ἦν μετ' ἐμοῦ διατηροῦσά με συγκρατοῦσά τε καὶ διαφυλάττουσά με διὰ τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου. Εὐθὺς οὖν μετὰ τὴν φρικτὴν ἐκείνην τῶν (f. 213 r.) ἁγίων ἀγγέλων ὑμνωδίαν ἀνέστη ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς ἑτοιμασίας ὁ Κύριος θριαμβεῦσαι πᾶσας τὰς ἀνομίας τῶν πονηρῶν· καὶ ἦν περιπατῶν ἐπὶ πτερύγων ἀνέμων καὶ πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν παρεγένετο. Καὶ ἰδοὺ κατόπιν αὐτοῦ πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ τῷ ὁμοίῳ βαδίσματι συνεπορεύοντο αὐτῷ, καὶ ὕμνησαν αὖθις τῇ ἐξαναστάσει αὐτοῦ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ· καὶ ἐν τῷ ἐλθεῖν αὐτοὺς πλησίον τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ἀσυγκρίτου πόλεως, ἔστη ὁ Κύριος ἔμπροσθεν τῆς πύλης αὐτῆς τῆς βλεπούσης πρὸς δυσμάς, ἥτις ἀνεῴχθη αὐτῷ αὐτομάτως φόβῳ καὶ τρόμῳ, καὶ ἤγγισαν πρὸς αὐτὸν πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ συμπορευόμενοι αὐτῷ καὶ παρέστησαν αὐτῷ πάντα τὰ στρατεύματα τῶν θείων δυνάμεων σὺν πάσῃ τῇ δορυφορίᾳ αὐτῶν· οἱ δὲ ἐξ εὐωνύμων πεζοπορεῦντες καὶ αὐτοὶ ἔστησαν μήκοθεν κατὰ θέαν δηλονότι τῶν τελουμένων· ὡς δὲ ἠνέῳκτο αὐτομάτως ἡ περίβλεπτος πύλη τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης τῷ Κυρίῳ, (f. 213 v.) ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτῆς μόνος κεχωρισμένος ἐκ πάντων καὶ εἰρήκει φωνῇ πραείᾳ καὶ μελιχρᾷ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἱλαρῷ προσώπῳ, εὐμενεῖ τε καὶ ἡμέρῳ ὄμματι εἰς αὐτοὺς ἀπιδών· Δεῦτε, λέγων, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρός μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν εὐπρέπειαν τῆς καλλινύμφου μοῦ ἐκκλησίας τῆς νέας Ἱερουσαλήμ· δεῦτε, δοῦλοί μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν· δεῦτε, ἀγαπητοί μου φίλοι, εἰσέλθετε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἣν ἐπηγγειλάμην ὑμῖν· ἐγὼ γάρ εἰμι ἡ θύρα, οὐδεὶς δύναται εἰσελθεῖν ἐν ταύτῃ εἰ μὴ δι' ἐμοῦ· δεῦτε, ἀδελφοί μου ἀγαπητοί, εἰσέλθετε ἐν ταύτῃ τῇ ἀλήκτῳ καὶ ἀπεράντῳ τρυφῇ καὶ ζωῇ, ἵνα σὺν ἐμοὶ ἦτε ὅπου εἰμὶ ἐγὼ, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν καὶ τὴν χαρὰν τὴν ἐμὴν ἣν σήμερον δίδω ὑμῖν·

δεῦτε πρός με πάντες οἱ κοπιῶντες καὶ καλῶς ἀποθεραπεύσαντες δι' ἔργων ἀγαθῶν ἐμὲ τὸν Κύριον καὶ διδάσκαλον ὑμῶν, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς· δεῦτε πρός με πάντες οἱ πιστοὶ καὶ εὐγνώμονες δοῦλοί μου, οἱ ἐν λόγοις καὶ ἔργοις ἀναφανέντες καὶ ἀναδειχθέντες πιστοί, κἀγὼ ἀναπαύσω (f. 214 r.) καὶ ἐπὶ πολλῶν καταστήσω ὑμᾶς· ἐγὼ γάρ εἰμι ἡ ζωὴ καὶ ἡ ἀνάπαυσις· δεῦτε πρός με πάντες οἱ ἀγαπητοί μου, εἰςέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τὴν ἐμήν, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου, κατατρυφήσατε τῆς ἀπεράντου μακαριότητος καὶ ἀπολαύσατε τῆς αἰωνίου ζωῆς, ἀγαλλιᾶσθε σὺν ἐμοὶ καὶ εὐφραίνεσθε ἐν τῷ ἀνεσπέρῳ φωτὶ, ἐν τῇ μακαρίᾳ διαγωγῇ. Δι' ὑμᾶς ἔκλινα οὐρανοὺς καὶ ἐπὶ γῆς κατῆλθον ὅμοιος ὑμῖν ἄνθρωπος γεγονώς, σάρκα φορέσας ἀτρέπτως ἐκ παρθενικῶν αἱμάτων τῆς ἀείπαιδος καὶ ἀειθαλλοῦς Μαρίας τῆς μητρός μου, ἣν εὐσεβῶς καὶ ἀξίως Θεοτόκον ἀνεκηρύξατε, ὑπὲρ ἧς τὰς ψυχὰς ὑμῶν τεθείκατε, ὑπὲρ ἧς τὸ αἷμα ὑμῶν ἐξεχέατε, ὡς κἀγὼ ὑπὲρ ὑμῶν τὴν ψυχὴν τέθεικα καὶ τὸ αἷμα ἐξέχεα, ὡς ἂν εἰσάξω ὑμᾶς εἰς τήνδε ἣν ὁρᾶτε κατάπαυσιν καὶ ζωὴν, τὴν ἀπέραντον εὐφροσύνην, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς, οὐδεὶς γὰρ δύναται εἰσελθεῖν πρὸς τὸν Πατέρα εἰ μὴ δι' ἐμοῦ, διότι ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἓν ἐσμεν.

Μετὰ δὲ (f. 214 v.) τὸ ταῦτα εἰρηκέναι τὸν Κύριον τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶσιν, ἰδοὺ γυνή τις ἀπὸ τῆς τῶν ἐκ δεξιῶν στάσεως ἦκεν ἐπὶ τὴν κλῆσιν τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ καὶ Θεοῦ αὐτῆς· καὶ ἐν τῷ βαδίζειν αὐτὴν ἐκ τῶν ἀχράντων ποδῶν αὐτῆς πῦρ ἐξεπορεύετο, καὶ πορφύρα δοξης ἀσύγκριτος ἦν ἐπ' αὐτῇ καὶ ἀστραπὴν περιειλημμένη ἦν τὰς ἀκηράτους αὐτῆς πλευράς, τὸ δὲ θεῖον αὐτῆς καὶ ὡς ἀληθῶς θεοειδὲς πρόσωπον λάμπον ὑπῆρχεν ὑπὲρ τὸν ἥλιον, καὶ δοξα Κυρίου φρικωδεστάτη προσῆν αὐτῇ. Ἥτις παραγενομένη προσεκύνησε τῷ δικαίῳ κριτῇ, κἀκεῖνος ἀσμένως καὶ περιχαρῶς ὑπεδέξατο αὐτὴν σὺν αἰδοῖ καὶ τιμῇ καθυποκλίνας τὴν ἄχραντον αὐτοῦ κεφαλὴν βραχύ τι, καὶ φησὶ πρὸς αὐτήν· Εἴσελθε, ὦ μῆτερ μου ἁγία, εἰς τὴν χαρὰν τοῦ μονογενοῦς σου Υἱοῦ, ἣν αὐτὸς προητοίμασέ σοι· ταῦτα γὰρ πάντα δοῦλα σὰ καὶ αὕτη ἡ κληρονομία σου· εἴσελθε τοιγαροῦν καὶ εὐφραίνου ἄληκτα εἰς ἀπεράντους αἰῶνας μετὰ τῶν κατὰ πνεῦμα φιλτάτων σου τέκνων, τῶν

ἐν (f. 215 r.) ἔργῳ καὶ λόγῳ πιστῶν, τῶν στόματι καὶ καρδίᾳ καὶ γλώσσῃ ὀρθοδόξως κηρυξάντων καὶ ὁμολογησάντων σε ἐνώπιον πάντων ἐθνῶν ἀπείρανδρον μητέρα ἐμοῦ τοῦ γνησίου καὶ μονογενοῦς σου Υἱοῦ. Εἴσελθε οὖν σὺν αὐτοῖς καὶ ἀπόλαυε τῆς ἀνεκλαλήτου χαρᾶς καὶ εὐφροσύνης καὶ θείας μακαριοτητος. Ἡ δὲ ἡδέως καταφιλήσασα τὰς ἀχράντους αὐτοῦ χεῖρας, ἃς ἐκτετακὼς ἐνηγκαλίσατο αὐτὴν, ὡραϊζομένη καὶ κατατερπομένη ἔνδον τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ φρικωδεστάτης πόλεως ἐχώρησεν· εἰσελθούση[ς] δὲ αὐτῆς ἔνδον ταύτης, αἶνος καὶ ὕμνος τις θαυμαστὸς καὶ ἐράσμιος ἐξηκούετο, ᾀδόμενος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτὴν ἐν τῇ αἰωνίᾳ καὶ ἀγήρῳ καὶ ἀφράστῳ δόξῃ καὶ μακαριότητι ἁγίων ἀγγέλων τοῦ Θεοῦ. Μετὰ δὲ τὴν εἰσέλευσιν ταύτης καὶ ἀποκατάστασιν καὶ κατάπαυσιν ἐν τῇ ἀειζώῳ καὶ ἀδιαδόχῳ βασιλείᾳ καὶ καταπαύσει αὐτῆς, ἰδού τις ἀνὴρ ἐν δόξῃ ἀφάτῳ ἠγλαϊσμένος καὶ περιβεβλημένος στολὴν ἀφθαρσίας καὶ χιτῶνα εὐφροσύνης ἐκ μυριοβαφῶν εὐχροίας πεποι(f. 215 v.)κιλμένον ἐνδεδυμένος, ὅλος λαμπρὸς καὶ πλήρης φωτὸς καὶ δοξης ἀκηράτου ὑπάρχων, στεφάνῳ πορφυρῷ ἐκ λίθων καὶ μαργάρων τιμίων ἀρρήτως κατασκευασθέντι δεξιᾷ Κυρίου ἐστεφανωμένος, ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων σκῆπτρον βασιλικὸν καὶ σπινθήρας πυρσοφαεῖς ἀποστίλβον, τὸ δὲ πρόσωπον αὐτοῦ ἐξαστράπτον ὑπὲρ τὸν ἥλιον· καὶ αὐτὸς ἠρέμα πως ἡσύχῳ ποδὶ τὴν αὐτὴν πορείαν τῆς θεομήτορος πορευθείς, πλησίον τοῦ μεγάλου βασιλέως ἐκείνου καὶ δικαίου κριτοῦ παρεγένετο, καὶ πεσὼν προσεκύνησεν αὐτῷ· ὃς εὐμενῶς καὶ ἀσμένως τοῦτον δεξάμενος μειδιῶντι προσώπῳ ἱλαρᾷ πῶς καὶ μελιρρύτῳ προσλαλιᾷ ἔφη πρὸς αὐτόν· Χαίροις ὦ κήρυξ καὶ πρόδρομος τῆς ἐμῆς ἐν κόσμῳ κατὰ σάρκα πρώτης ἐπιφανείας καὶ παρουσίας, χαίροις ὦ βαπτιστὴς καὶ φίλος καὶ κατὰ πάντα συγγενὴς ἐμοῦ τοῦ κατὰ σὲ δι' οἶκτον ἄφατον χρηματίσαντος, ὡς ἀπὸ τῆς ἐκ τῶν παρθενικῶν αἱμάτων τῆς ἀφθόρου μητρός μου καὶ θεομήτορος προσληφθεί-(f. 216 r.)σης μοι ἀχράντου σαρκός· χαίροις ὦ οὐράνιος μὲν ἄνθρωπος ἐπίγειος δὲ ἄγγελος καὶ πάντων τῶν ἐν γεννητοῖς γυναικῶν ὑπέρτερος, πλὴν ἐμοῦ· δεῦρο εἰς τὴν ἡτοιμασμένην σοι παρ' ἐμοῦ ἀνάπαυσιν καὶ κατάπαυσιν. Ὁ δὲ καταφιλήσας τὰς ἀχράντους αὐτοῦ χεῖράς τε καὶ τὰ γόνατα, εἰσῆλθε χαίρων καὶ ἀγαλλόμενος ἔνδον

τῆς πόλεως· καὶ ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτὸν ἐκεῖσε, ὕμνησαν τὸν δίκαιον κριτὴν αἱ θεῖαι δυνάμεις τῶν ὑποδεξαμένων αὐτὸν ἁγίων ἀγγέλων ἐπευφραινόμεναι ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὴν τούτου εἰσέλευσιν δέκα καὶ δύο ἄνδρες θαυμαστοὶ καὶ ὡραῖοι ἀπὸ τῶν ἐκ δεξιῶν ἐκκριθέντες παρεγένοντο ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως, ὧν αἱ στολαὶ παραπλήσιαι τῆς τοῦ μεγάλου βασιλέως ἐκείνου στολῆς καὶ τὰ πρόσωπα ἀκτινοβολοῦντα ὑπὲρ τὸν ἥλιον· καὶ ὑπεδέξατο αὐτοὺς ὁ βασιλεὺς ἐν χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει ἐπευφραινόμενος καὶ κατησπάσατο αὐτοὺς ἐν ἁγίῳ φιλήματι, καὶ αὐτοὶ προσεκύνησαν αὐτὸν καὶ εἰς ἀστραπῆς εἶδος μεταποιηθέντες ἔνδον (f. 216 v.) τῆς πολεως ἐχώρησαν· καὶ ἐν τῇ εἰσόδῳ τῆς αὐτῶν αἰωνίου καταπαύσεως αἶνος θαυμαστὸς ἐξηκούετο ὑπὸ τῶν ἔνδον ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἁγίων ἀγγέλων. Ὅτε οὖν καὶ οὗτοι εἰσέδυσαν εἰς τὴν περίφημον ἐκείνην καὶ ἐξάκουστον πόλιν, ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν, καὶ ἰδοὺ ἄνδρες ἑβδομήκοντα ἦχασιν ἐξ αὐτῶν καὶ ἔστησαν πρὸς τῇ πύλῃ τῆς πόλεως πλησίον τοῦ βασιλέως, ὧν αἱ στολαὶ ὡς ὅρασις πυρός· καὶ πεσόντες παρὰ τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ προσεκύνησαν αὐτῷ, καὶ ἐπαξίως ἐπαινεθέντες παρ' αὐτοῦ ἐν μεγάλῃ χαρᾷ καὶ εὐφροσύνῃ ἀνεκλαλήτῳ ἔνδον καὶ οὗτοι τῆς πόλεως εἰσεληλύθασιν· ὧν δὴ ἐν ταύτῃ ἐντὸς εἰσελθόντων καὶ ὁ ἐπὶ τῇ καταπαύσει αὐτῶν αἶνος θαυμαστῶς ἐξηκούετο ᾀδόμενος ἐξαισίως ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἐκεῖσε ἐν τῇ αἰωνίῳ καταπαύσει αὐτῶν· ὁ δὲ τίμιος καὶ ἄχραντος σταυρὸς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἵστατο ὑπεράνω ἐν τοῖς δεξιοῖς ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ἐφ' ὕψους ἀπηωρημένος (f. 217 r.), ἀποστίλβων δοξαν ὑπερθαύμαστον καὶ τὰς θείας αὐτοῦ φρυκτωρίας καταπέμπων. ὡς ἀστραπὰς εἰς φωτισμὸν μὲν καὶ ἀγαλλίασιν τῶν εἰς Χριστὸν ἠλπικότων καὶ τὴν αὐτοῦ ἄμαχον δύναμιν κεκτημένων, εἰς αἰσχύνην δὲ καὶ ὄνειδος τῶν ἐν τοῖς τῆς εὐωνύμοις μέρεσιν ἑστώτων καὶ τὴς αὐτοῦ ὀδυνηρᾶς τάξεως λαχόντων· οἳ καὶ καθορῶντες αὐτὸν ἐφ' ὑψηλοῦ, ὡς εἴρηται, ἱστάμενον ἐν ἀπορρήτῳ δόξῃ ἠγλαϊσμένον, ἔκλαιον πικρῶς ὀλολύζοντες καὶ δάκρυα ἀκατάσχετα ἐξ ὀφθαλμῶν προχέοντες καὶ ἐκ βαθέων στεναγμοὺς ἀναπέμποντες ἔβρυχον τοὺς ὀδόντας καὶ διεπρίοντο ταῖς καρδίαις αὐτῶν, μεταμελόμενοι σφοδρῶς ἐφ' οἷς ἥμαρτον, σκοτισθέντες καὶ

ματαιωθέντες ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς αὐτῶν, ὅπως ἠγνόησαν τὸ μυστήριον τοῦ χριστιανισμοῦ, ὅπως οὐκ ἐπορεύθησαν κατὰ τὰς ἐντολὰς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὅπως ὄντες ἐν τῷ κόσμῳ τὴν μακαρίαν καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκαταίσχυντον πίστιν τῶν (f. 217 v.) χριστιανῶν ἐβδελύσσοντο, ὅπως τὸ σωτήριον κήρυγμα τῶν κοσμοσώστων ἀποστόλων καὶ τὸ ὄνομα τοῦ Σωτῆρος οὐκ ἐδέξαντο, καὶ ὅπως τῷ τηνικαῦτα ἐξέπεσον καὶ ἀφυστέρηντο τῶν ἀνεκδιηγήτων ἐκείνων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν. Καὶ ταῦτα μὲν ἔλεγον διανοούμενοι θρηνοῦντες καὶ κόπτοντες ἑαυτοὺς οἱ μὴ δόλως παραδεξάμενοι τὸ σωτήριον κήρυγμα καὶ τοῦ δεσπότου Χριστοῦ, ὡς εἴρηται, τὸ ὄνομα· οἱ δὲ τοῦτο μὲν δεξάμενοι, μὴ πολιτευσάμενοι δὲ ἀξίως τῆς κλήσεως, λογιζόμενοι ὅπως μέλλουσι δικαίως ἀποστερηθῆναι τῶν ἀνεκλαλήτων ἐκείνων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν, τύπτοντες τὰς ὄψεις αὐτῶν μετὰ δακρύων πικρῶν καὶ στεναγμῶν ἀκαταπαύστων κατηρῶντο ἑαυτοὺς καὶ τὴν ἡμέραν ἐν ᾗ ἐγεννήθησαν· οἱ δέ γε Ἑβραῖοι οἱ ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου ἐπιδημίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος γεγεννημενοι καὶ τῷ ἁγίῳ μὴ προσελθόντες βαπτίσματι, καὶ αὐτοὶ κατηρῶντο τὸν Μωσέα ἐξ ὅλης τῆς ἰσχύος αὐτῶν, ἐκ βάθους καρδίας μετὰ δακρύων καὶ πολλῶν αἱμωγῶν ἀνηκέστων ἕκαστος (f. 218 r.) λέγοντες· Ποῦ ἐστιν ἐκεῖνος ᾧ πειθόμενοι ἡμεῖς οὐχ' ὑπηκούσαμεν οὐδὲ ἐπείσθημεν Χριστῷ, ἀλλὰ ἀτίμῳ καὶ πικρῷ θανάτῳ διὰ σταυροῦ τοῦτον παραδεδώκαμεν καὶ μέχρι τῆς σήμερον οὐ διελίπομεν ὕβρεσι καὶ βλασφημίαις αὐτὸν βάλλοντες; Καὶ ἐζήτουν ἰδεῖν αὐτὸν ἐν μέσῳ αὐτῶν καὶ δίκην στῆσαι μετ' αὐτοῦ, καὶ οὐχ' εὕρισκον αὐτόν· ἦν γὰρ ἐν τοῖς δεξιοῖς μετὰ Ἀβραὰμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ καὶ πάντων τῶν προφητῶν.

Καὶ ἐγένετο μετὰ τὸ εἰσελθεῖν τοὺς ἑβδομήκοντα ἄνδρας ἐκείνους τοὺς θαυμαστοὺς εἰς τὴν πανθαύμαστον καὶ παλίνζωον καὶ μακαρίαν καὶ ἁγίαν πόλιν ἐκείνην, ἐπένευσεν ἔτι ὁ βασιλεὺς καὶ ἰδοὺ ἀπὸ τῶν ἐν τοῖς δεξιοῖς ἐχωρίσθη παρεμβολὴ μεγάλη σφόδρα σφόδρα, ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον σπινθηροβολοῦντα δόξῃ καὶ χάριτι ἀπορρήτῳ καὶ ἀνεκλαλήτῳ, καθαπερεὶ σίδηρος ἀπηνθρακωμένος ἄρτι τῆς καμίνου ἐξιών· αἱ δὲ τούτων στολαὶ ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας

φρυκτὰς ἐν τῇ εὐχροίᾳ αὐτῶν ἐξαποστέλλουσαι· αἵτινες οὐχ' ὑπῆρχον ἔνυλοι αἱ τοσαῦται στολαί, ἀλ(f. 218 v.)λὰ πᾶσαι νοηταὶ καὶ πνευματικαὶ ὁρώμεναι ἡμῖν δηλονότι μετὰ τῶν ἄλλων πάντων τερπνῶν κατὰ τὸ ἐγχωροῦν νοηθῆναι καὶ λαληθῆναι ὑφ' ἡμῶν. Καὶ ἦν αὕτη ἡ παρεμβολὴ ὡσεὶ μυριάδες πολλαὶ σφόδρα ἀριθμῷ καὶ εἰκασμῷ μηδόλως βαλλόμεναι καὶ ὑποκείμεναι, ὅλη δεδοξασμένη καὶ θείᾳ φαιδρότητι κλεϊζομένη, ἐξ' ἀρρένου καὶ θηλείας φύσεως καθορωμένη καὶ γαυριάματι θείκῆς δοξης ἀπείρως ὡραϊσμένη. Ἦλθεν οὖν ἡ θαυμασιωτάτη ἐκείνη καὶ φρικωδεστάτη παρεμβολὴ ἀεροπορουῦσα ἐπὶ τὴν θαυμαστὴν καὶ φαιδρὰν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ βασιλέως, καὶ πεσόντες πάντες καὶ πᾶσαι ἐν τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσὶν αὐτῷ προσεκύνησαν, καὶ αὐτὸς ἠγαλλιάσατο καὶ ἠὐφράνθη ἐπὶ τῇ αὐτῶν εἰσελεύσει· καὶ εὐθέως ἀνεπετάσθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως, καὶ εἱστήκει θεωρῶν τὴν τούτων εἰσέλευσιν καὶ ἐγεγήθει ἐπ' αὐτοῖς καὶ ἠγαλλιᾶτο, οἷα ποιμὴν καλὸς ἐπὶ τοῖς ἑαυτοῦ φιλτάτοις ποιμνίοις. Ἐν δὲ τῷ εἰσελθεῖν αὐτοὺς εἰς τὴν ἐξαίσι(f. 219 r.)ον πόλιν ἐκείνην καὶ χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτῶν, ἠκούσθη φωνὴ ἀγαλλιάσεως, ὡς φωνὴ βροντῆς ἀπείρου ἢ ὑδάτων πολλῶν σφοδρῶς πορευομένων, ὑπὸ τῶν ἐντὸς ταύτης ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἁγίων ἀγγέλων τὸν Θεὸν αἰνούντων. Εἶθ' οὕτως ἐπένευσεν ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα παρεμβολὴ ἐλάσσω τῆς πρώτης χωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν ἐν τοῖς δεξιοῖς ἑστηκότων παρεγένετο ἐν τῇ δεδοξασμένῃ πύλῃ τῆς φρικτῆς καὶ μεγάλης πόλεως ἐκείνης· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ἐν δοξῃ αὐγάζοντα ὡς ὁ ἑωσφόρος, καὶ αἱ τίμιαι αὐτῶν στολαὶ καὶ αἱ ἀμφιάσεις οἱονεὶ ὡς κοκκινοβαφὴς πυρσὸς ἐπὶ τῷ πυρσῷ ξενοτρόπως ἐν τῇ συνθέσει αὐτῶν ἀναφαινόμεναί τε καὶ θεωρούμεναι· καὶ αὐτοὶ δὲ πεσόντες προσεκύνησαν τῷ δικαίῳ κριτῇ· ὁ δὲ καὶ τούτους εὐμένως προσδεξάμενος καὶ ἠρέμα πως πρὸς τούτους τό·-χαίρετε φίλοι μου προσειπών, εὐθὺς προσανεῳχθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ ὑπερκαλλοῦς, καὶ ἐν αὐτῇ εἰσῆλθον ἁπλέτῳ δοξῃ ὡραϊζόμενοι καὶ καταλαμπρυνόμενοι. (f. 219 v.) Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἔνδον τῆς πολεως, κατὰ τὸ εἰωθὸς θαυμαστὸς καὶ ἐράσμιος ὕμνος ἐξηκούετο· ἐγὼ δὲ ἐπυνθανόμην τῷ ὁδιγοῦντι με λέγων πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, τίνες ἄρα εἰσὶν αἱ δύο παρεμβολαὶ αὗται αἱ εἰσελθοῦσαι

ἐνδόξως εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ταύτην; Ὁ δὲ ἔφη πρός με· Μάρτυρές εἰσιν οἱ πρῶτοι καὶ οἱ δεύτεροι τούτων ὁμολογηταί.

Πρὸς τούτοις ἐπένευσεν ἔτι ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ πλουσία διαχωρισθεῖσα παρεγένετο δεδοξασμένη πρὸς τὸν κριτὴν ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡς τὸ φῶς, καὶ αἱ τίμιαι τούτων στολαὶ ὡς χρυσὸς καθαρὸς ἐξαστράπτονται· καὶ ἰδοὺ ἠνέῳξεν ὁ Κύριος αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πανενδόξου πόλεως ἐκείνης λέγων πρὸς αὐτούς· Εἰσέλθετε, φίλοι καὶ γνωστοί μου, εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν καὶ κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου. Οἱ δὲ εἰσήεσαν ἔνδον ταύτης μεγαλυνόμενοι (f. 220 r.) καὶ ἀγλαϊζόμενοι ἐν δοξῃ ἀφάτῳ, ὕμνος τε ἐξηκούετο φρικωδέστατος ἔνδον ταύτης ἐπὶ τῇ τούτων εἰσελεύσει ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἁγίων ἀγγέλων.

Προσθεὶς οὖν ἐπένευσεν ἔτι ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐν τοῖς δεξιοῖς, καὶ ἰδοὺ ἀποσπασθεῖσα ἑτέρα παρεμβολὴ μεγίστοις ἀγαθοῖς γεγαννυμένη, καὶ τὰ πρόσωπα τῶν ἐν αὐτῇ ἐξήστραπτον ὥσπερ αὐτὸς ὁ ἥλιος, καὶ οἱ χιτῶνες αὐτῶν χιονοφεγγεῖς λίαν κεκαθαρμένοι, καὶ ἐν τοῖς ὤμοις αὐτῶν φλόγα πύρινον περιέφερον, καὶ ἐπὶ τοὺς τραχήλους αὐτῶν ὁρμίσκους πυρσοφαεῖς ἐξαστράπτοντας· καὶ οὗτοι ἐληλύθασι πλησίον τῆς πύλης τῆς πόλεως πρὸς τὸν βασιλέα καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ καὶ τούτους ἀσμένως δεξάμενος καὶ φιλήματι ἁγίῳ τιμήσας, ἠνέῳξεν αὐτοῖς τὰς χεῖρας καὶ κατησπάσατο· καὶ εὐθὺς προσανεῴχθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως, καὶ ἐντὸς ταύτης αὐτοὺς γενέσθαι προσέταξεν· ἐξαφθέντες δὲ κἀκεῖνοι ἐν με(f. 220 v.)γάλῃ καὶ ἁπλέτῳ χαρᾷ, ἕτερος τὸν ἕτερον μετ' εὐφροσύνης ὀνομάζοντες, ἔνδον ταύτης εἰσεπορεύοντο πρὸς τὴν ἀπέραντον ἀγαλλίασιν ἐν πάσῃ εὐτάκτως πρὸς ἀλλήλους αἰδοῖ καὶ καταστάσει· τούτων δὲ εἰσεληλυθότων, οἱ ἔνδον θεῖοι ἄγγελοι καὶ οἱ ὑπηρέται τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου τὸν συνήθη αἶνον ἐν τῇ καταπαύσει αὐτῶν μεγαλοφώνως καὶ ἡδέως τῷ Κυρίῳ ἀνέμελπον.

Μετὰ δὲ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπένευσεν ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ χωρισθεῖσα ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν τῆς δεξιᾶς τυχόντων στάσεως ἀφίκετο πρὸς τὴν πύλην τῆς πόλεως καὶ πεσόντες

προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὁ δὲ καὶ τούτους περιχαρῶς δεξάμενος ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως· ὧν ἡ εὔχροια τῶν προσώπων δεδοξασμένη λίαν, ἡ δὲ ὅρασις αὐτῶν ὡσεὶ χιὼν καὶ πῦρ ἀποστίλβουσα, καὶ τὰ περιβλήματα αὐτῶν λευκὰ ὡς τὸ φῶς, καὶ τὰ ἄμφια αὐτῶν ὡς ὅρασις κοκκίνου τριακονταφύλλου, καὶ ὁ ἱματισμὸς αὐτῶν ὥσπερ ἴον καὶ κρίνον. (f. 221 r.) Εἰσελθόντων δὲ αὐτῶν ἔνδον τῆς πόλεως πρὸς τὴν αἰώνιον κατάπαυσιν καὶ ἀγαλλίασιν ἐν εὐφροσύνῃ καὶ φαιδρότητι ψυχῆς ἐπὶ στόματος ἄδοντες τὸν τῶν ἁγίων ἀγγέλων αἶνον, οἵτινες ἦσαν οἱ ἐν σωφροσύνῃ ζήσαντες καὶ ἐγκρατείᾳ πάσας τὰς ἡμέρας αὐτῶν, ὡς φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ ἄγγελος· ἐπειδὴ καὶ οὗτοι πάντες εἰσῆλθεσαν εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτῶν, ὁ τῶν ἀγγέλων ὕμνος ἐξηκούετο ἐν τῇ τούτων ὑποδοχῇ.

Προσέθετο οὖν ἔτι ὁ Κύριος καὶ Θεὸς τῇ ἐπινεύσει τῶν ἀκαταλήπτων αὐτοῦ κριμάτων, καὶ ἰδοὺ πλῆθος λαοῦ πολλοῦ σφόδρα πολὺ τοῦ δεξιοῦ μέρους ἀποσπασθὲν πρὸς τὴν πύλην ἐκείνην τὴν ἐξαισίαν τῆς πόλεως παρεγένετο· καὶ πεσόντες ἐπὶ τοῦ ἐδάφους ἐκείνου τοῦ φρικτοῦ καὶ ἀκαταλήπτου, προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὃς καὶ τούτους μετὰ δόξης ἀρρήτου καὶ ἀνεκλαλήτου χαρᾶς ἀποδεξάμενος ἐπένευσεν εἰσελθεῖν εἰς τὴν μακαρίαν γῆν καὶ τρυφὴν τῆς θαυμαστῆς πόλεως ἐκείνης. Εἰσήρχοντο δὲ ἐν τάξει καὶ τιμῇ πρὸς ἀλήλλους (f. 221 v.) πάνυ θαυμαστῇ καὶ θεοπρεπεῖ, οἷον εἰπεῖν συναγωγαὶ συναγωγῶν καὶ τάγματα ταγμάτων, καὶ ὁ αἶνος τῶν ἀγγέλων ἐπὶ στόματος αὐτῶν, ᾄδων ἕκαστος ἐν ἑαυτῷ τὸ τοῦ Δαβὶδ χρησμῴδημα καὶ μελῴδημα, λέγων· Αὕτη ἡ κατάπαυσίς μου εἰς αἰῶνα αἰῶνος, ὧδε κατοικήσω ὅτι ᾑρετισάμην αὐτήν. Σχῆμα δὲ μοναζόντων ὡρᾶτο ἐν αὐτοῖς, πλὴν οὐ μέλαν, ἀλλὰ χιόνος λευκότερον καὶ αὐγάζον, ὡς ἀστραπή· ἡ δὲ λαμπρότης τοῦ προσώπου αὐτῶν, ὡς ὅρασις φωτὸς ἡλιακοῦ ἐν εὐχροίᾳ φοβερωτάτῃ πυρακίζουσα, καὶ ὅλως ξένη τις ἦν ἐν αὐτοῖς καὶ ἀνείκαστος ἡ λαμπρότης. Εἰσελθόντων οὖν ἔνδον ταύτης μετὰ περιφανείας καὶ δόξης πολλῆς καὶ τιμῆς ἀφράστου καὶ ἀνεκλαλήτου, αἶνος θεοπρεπὴς ἐσηκούετο ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἐν τῇ ἀκηράτῳ ζωῇ καὶ τρυφῇ ἐκείνῃ θεοειδῶν ἀγγέλων· ἐν δὲ τῷ εἰσέρχεσθαι αὐτοὺς, ὡς εἴρηται, τὴν θαυμασίαν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως ἐν μεγάλῃ

τιμῇ καὶ δόξῃ, τὰς χεῖρας αὐτῶν ἀνύψουν πρὸς τὸν Κύριον καὶ (f. 222 r.) Θεόν, ἔτι ἱστάμενοι πρὸ τῶν εἰσοδικῶν πυλῶν τῆς πόλεως ἐκείνης καὶ εὐλογοῦντες τὸ ὄνομα τὸ ἅγιον αὐτοῦ σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι μετὰ χαρᾶς πολλῆς καὶ θυμηδίας πνευματικῆς ἔνδον ταύτης εἰσῆεσαν ἀπολαβόντες τὴν ἑτοιμασθεῖσαν αὐτοῖς παρὰ τοῦ Κυρίου αὐτῶν κληρονομίαν καὶ βασιλείαν. Ἑώρων οὖν οἱ ἐξ εὐωνύμων ἱστάμενοι τὰ ἐπ' αὐτοῖς τελούμενα πάντα καὶ ἐστέναζον γοερῶς τύπτοντες χερσὶ τὰς ἑαυτῶν ὄψεις καὶ πικρὸν δάκρυον ἐξέχεον, καὶ μᾶλλον ἀκριβῶς ὁρῶντες τὴν ἄφραστον ἐκείνην καὶ ἀνεκλάλητον πόλιν, τὴν πλήρη χάριτος ἀφθάρτου καὶ ἀγαλλιάσεως οὖσαν, καὶ τὴν τῶν ἁγίων ἀΐδιον δόξαν τε καὶ λαμπρότητα καὶ τὰ περικαλλῆ τῆς πόλεως τεχνουργήματα καὶ οἰκοδομήματα, ἅτινα ηὔγαζον ὑπὲρ τὸν ἥλιον καὶ ἀκτῖνας ἀνέπεμπον, καὶ τὴν νεωστὶ γεγονυῖαν ἄφθαρτον κτίσιν ἐκείνην καὶ οἰκοδομὴν τῆς πόλεως ἥπερ ὑπῆρχε πλήρης ἀφράστου καὶ ἀνεκλαλήτου ἡδονῆς καὶ τέρψεως πνευματικῆς καὶ ἀγαλλιάσεως (f. 222 v.), ἥτις ὑπῆρχεν οἷα νύμφη ἐστολισμένη ἀσύγκριτον εὐπρέπειαν καὶ τερπνὴν ὡραιότητα τοῦ κάλλους Κυρίου τοῦ καὶ βασιλέως καὶ Θεοῦ αὐτῆς, ὃς ἵστατο ἐπὶ τῆς εἰσόδου ταύτης φέρων τὸν γλυκὺν καὶ ἐράσμιον χαρακτῆρα τοῦ πρὸ αἰώνων αὐτὸν φύσαντος. Περιστρεφόμενος γὰρ ὁ βασιλεὺς καὶ δημιουργὸς ταύτης ἔνθεν καὶ ἔνθεν, ἀφίησιν ἀκτῖνας θεότητος μυριοφαεῖς τὸ θεῖον αὐτοῦ καὶ ἄχραντον πρόσωπον, ἐνισύσας [εἰς] τὰς καρδίας τῶν ὁρώντων ἡδονὴν καὶ θυμηδίαν ἄφθαρτον καὶ ἀνεξιχνίαστον. Ταῦτα πάντα ὁρῶντες καὶ κατανοοῦντες ἐκεῖνοι οἱ ἐν τοῖς εὐωνύμοις, ὡς εἴρηται, λαχόντες μερίδος ὁποίων καὶ οἵων ἀγαθῶν ἔμελλον στερηθῆναι, ἐθρήνουν, ὠδύροντο, διεπρίοντο, ἐτιτρώσκοντο, ἐκόπτοντο, ἠθύμουν, ἠγανάκτουν, ὠλιγώρουν, ἐσφάδαζον καὶ ταῖς χερσὶ τὰ πρόσωπα ἔτυπτον καὶ τὰς τρίχας ἔτιλλον, μὴ φέροντες τὴν ὀδύνην τῆς θλίψεως ἐκείνης, ἣν οὐκ ἔστιν ὅλως εἰπεῖν ἢ γλώσσῃ διηγήσασθαι ἢ γραφῇ παραδοῦναι.

Ἔτι ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοὺς ἐκ(f. 223 r.)δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ παρεμβολὴ μεγάλη σφόδρα ἐκχωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν σὺν αὐτῇ ἱστα μένων καὶ χαρὰν μεγίστην καὶ δόξαν ἀναλαβοῦσα, μετ' εὐφροσύνης ἀφάτου πρὸς τὸν κεκληκότα ἀθάνατον νυμφίον ἐπορεύετο· αὕτη δὲ ἦν ἡ παρεμβολὴ πάντων τῶν δικαίων τῆς νέας διαθήκης· ἐν δὲ τῷ

πορεύεσθαι αὐτοὺς ἔλαμπον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὥσπερ ἡ παμφαὴς σελήνη εἰς ἀρχὰς τῆς νυκτὸς ἀνίσχουσα καὶ τοὺς λαμπροὺς ἀστέρας ἀμαυροῦσα, αἰθρίας κατ᾽ οὐρανὸν ὑπαρχούσης καὶ πληρεστάτης αὐτῆς τυγχανούσης· αἱ δὲ στολαὶ αὐτῶν ὥσπερ τὰ ἄνθη καὶ κρίνα τοῦ ἀγροῦ ἦσαν μυριοβαφεῖς τῷ ποικιλμῷ τῆς εὐχροίας αὐτῶν· οἳ καὶ παραγενόμενοι πλησίον τοῦ ἀδεκάστου ἐκείνου καὶ ἀπροσωπολήπτου κριτοῦ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ κατασπαζόμενοι τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ· ὁ δὲ βασιλεὺς ὑποδεξάμενος αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ χαρᾷ ἐπένευσε, καὶ ἀνεπετάσθησαν αὐτοῖς αἱ θαυμάσιαι πύλαι τῆς πόλεως ἐκείνης, καὶ εἰσήλ(f. 223 v.)θον πάντες ἐν αὐτῇ τῷ γλυκυτάτῳ πυρὶ τῆς ἐνθέου ἀγαλλιάσεως πυρακτούμενοι καὶ καταστραπτόμενοι, καὶ ἀπέλαβον τὴν ἑτοιμασθεῖσαν αὐτοῖς ἀνεκλάλητον χαρὰν καὶ εὐφροσύνην καὶ τέρψιν διαιωνίζουσαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ καταπαῦσαι τὴν πληθὺν πᾶσαν τῆς μακαρίας καὶ μεγίστης ἐκείνης φάλαγγος εἰς τὰς αἰωνιζούσας καὶ ἀκηράτους σκηνάς, διαμοναὶ ὕμνων καὶ κραυγῶν φοβερῶν κατὰ τὸ εἰωθὸς ἔνθεν καὶ ἔνθεν ἐντὸς τῆς πόλεως ἐξηκούοντο παρὰ τῶν ὄντων ἐκεῖ θείων ἀγγέλων αἰνούντων ἀκαταπαύστῳ φωνῇ σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις τὸν ἐν Τριάδι Θεόν. Ὁ δὲ τίμιος καὶ ζωοποιὸς σταυρός ἵστατο, ὡς εἴρηται, ἐν ὕψει ἁγίῳ ἐπὶ τοῦ θαυμαστοῦ καὶ ὑπερλάμπρου αἰθέρος ἐκείνου ὑπεράνω τῆς ἁγίας πληθύος τῆς ἐκ δεξιῶν ἱσταμένης καὶ οὔπω κληθείσης εἰσελθεῖν εἰς τὴν ἀνεκδιήγητον πόλιν ἐκείνην, καὶ αὐτὸς ἦν δεδοξασμένος ἐν ἀπείρῳ καὶ ἀκαταλήπτῳ φάει, καὶ αἱ ἀκτῖνες αὐτοῦ ηὔγαζον εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς καὶ ἐπὶ τὸ πρόσωπον παντὸς τοῦ στερεώμα(f. 224 r.)τος· καὶ κύκλῳ αὐτοῦ ἀγγέλων στρατιαί, στρουθίοις ἐοικυῖαι, οἵτινες ἀκαταπαύστῳ φθογγῇ καὶ μέλεσι ξενοπρεπεστάτοις τὸν Θεὸν ἀνύμνουν καὶ ἐμεγάλυνον, ὥστε τὴν φωνὴν τῆς κραυγῆς αὐτῶν μέχρι τοῦ στερεώματος ἀνιέναι. Ὁ δὲ νεωστὶ εἰσαχθεὶς ἐν τῷ στερεώματι δίκην ἡλίου πυρσός, εἰ καὶ ἐπταπλασίως ὑπὲρ τὴν τοῦ φθαρτοῦ ἡλίου λαμπηδόνα φαίνων, ἄδυτα ἦν, ἀλλ᾽ οὐχὶ καὶ ὡς οὗτος ἐν μεσημβρίᾳ ἐκφλογούμενος ἀνιᾷ καὶ φλέγει κἀκεῖνος ἐλύπει τοὺς εἰς αὐτὸν ἀτενίζοντας, ἀλλὰ πρὸς τὸ διηνεκῶς ἄδυτα καὶ ἄσκια φαίνειν ἡδονὴν ἀσύγκριτον παρεῖχε τοῖς εἰς αὐτὸν ἀτενίζουσιν.

Ἔτι πρὸς τούτοις ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς ἐπὶ τοῖς ἐκ δεξιῶν

αὐτοῦ λαχοῦσι, καὶ ἰδοὺ ἐκκοπεῖσα παρεμβολὴ λαοῦ πλείστη σφόδρα, οἵτινες ἦσαν οἱ πρὸ τοῦ νόμου δίκαιοι, ἤτοι Ἀβραὰμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ καὶ οἱ ἐξ αὐτῶν δώδεκα πατριάρχαι καὶ πάντες οἱ ἐκ τοῦ σπέρματος αὐτῶν γεγεννημένοι καὶ ἀναφανέντες δίκαιοι ἔναντι Κυρίου· ὧν τὰ πρόσωπα (f. 224 v.) ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ χιών, αἱ δὲ στολαὶ ὡς εἶδος νεφέλης φαεινῆς· οἵτινες παρεγένοντο πλησίον τοῦ βασιλέως ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως καὶ πεσόντες πάντες προσεκύνησαν αὐτῷ ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς, κατασπαζόμενοι τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ. Ἑώρων γὰρ ἐγὼ καθαρῶς τὸν δίκαιον Ἀβραὰμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ χερσὶν ἁπτομένους καὶ πυκνῶς κατασπαζομένους αὐτόν· παραπλησίως δὲ τούτοις ἐποίουν καὶ οἱ ἐκλεκτοὶ ἀπόγονοι αὐτῶν, οἵτινες δηλονότι δι' ἔργων καὶ πράξεων ἀγαθῶν καλῶς εὑηρέστησαν καὶ ἐθεράπευσαν αὐτόν. Ὁ δὲ εὐμενῶς καὶ ἱλαρῶς τούτους ὑποδεξάμενος ἐπένευσεν αὐτοῖς ἀνοιγῆναι τὰς πύλας τῆς φρικωδεστάτης πόλεως ἐκείνης· εἰσερχομένων δὲ αὐτῶν ἐν ταύτῃ ἡσύχῳ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδὶ, ὕμνησαν αἱ θεῖαι δυνάμεις κατὰ τὸ σύνηθες τὸν ἐξουσίαν ἔχοντα πάσης πνοῆς Κύριον τῆς δόξης Ἰησοῦν Χριστὸν, τὸν ὄντως φοβερὸν, τοῖς Χερουβὶμ καὶ τοῖς Σεραφὶμ ἀθεώρητον.

Μετὰ δὲ ταῦτα ἐπένευσεν ἔτι ὁ βασιλεὺς ἐν τοῖς δεξιοῖς (f. 225 r.) αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ πλῆθος λαοῦ πολὺ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν οἱ ἀρτιφώτιστοι ἄσπιλοι χριστιανοί, ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες καὶ νήπια καὶ βρέφη, πάντες μονότροποι, ἴσοι τὸ σχῆμα καὶ τῇ λαμπρότητι, ὅλοι ῥοδοφυεῖς, πυρακίζοντες, ὅλοι τερπνοί, ὅλοι παμφαεῖς, ὅλοι ὡραῖοι, δοξῃ ἀνεκλαλήτῳ ὡραϊζόμενοι, ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ἐπταπλασίως ὑπὲρ τὸν αἰσθητὸν τοῦτον ἥλιον. Προηγεῖτο δὲ αὐτῶν φέγγος ἀστραπῆς καὶ μετ' αὐτὸ φρικτὸν φῶς ὑπὲρ χιόνα ἐν καθαρότητι ὑπάρχον ἐπταπλασίως ὑπεράνω αὐτῶν, κύκλωθεν δὲ αὐτῶν ἐσπαργάνα αὐτοὺς ὡσεὶ τεῖχος νεφέλη πύρινος· καὶ ἦν ἡ παρεμβολὴ αὕτη καὶ συναγωγὴ μείζων κατὰ πολὺ ὑπὲρ πάσας τὰς προεισελθούσας τῶν ἁγίων παρεμβολὰς εἰς τὴν αἰωνίζουσαν ταύτην καὶ μακαρίαν πόλιν. Ἐγγίσαντες οὖν καὶ οὗτοι ἐνώπιον τοῦ βασιλέως, ἐπιβλέπων ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ηὐφράνθη καὶ ἠγαλλιάσατο σφόδρα ἐ-(f. 225 v.)πὶ τῇ αὐτῶν καθαρότητι· ἦσαν γὰρ

ἄσπιλοι ἐκ κοιλίας μητρὸς αὐτῶν, καὶ ὑπεδέξατο αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ τιμῇ καὶ δόξῃ. ἐπειδὴ ἑώρα αὐτοὺς μηδαμῶς ἁμαρτήσαντας· καὶ ἐπένευσεν ἀνεῳχθῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς ἐξαισίας ἐκείνης πόλεως, καὶ ἔνδον αὐτῆς ἐν ἀγαλλιάσει πάντες εἰσῄεσαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν πάντας ἐκεῖσε, πᾶσαι αἱ δυνάμεις τῶν ἁγίων ἀγγέλων σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις τε καὶ δικαίοις αἶνον ἀσύγκριτον ἀνέπεμψαν τῷ μονογενεῖ Υἱῷ καὶ Λόγῳ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός, ἐπειδὴ καὶ αὐτοὶ ηὐφράνθησαν ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ σωτηρίᾳ αὐτῶν, ὁρῶντες ἀναπληρούμενα δι' αὐτῶν τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα καὶ θεῖα παλάτια καὶ τὰς ἀχειροποιήτους κατασκηνώσεις καὶ μονὰς καὶ καταπαύσεις τῆς φρικτῆς καὶ ἀειζώου πόλεως ἐκείνης τῆς ἑτοιμασθείσης τοῖς υἱοῖς τοῦ Θεοῦ.

Ὁ δὲ Κύριος ἔτι ἑστὼς ἐπὶ τῇ πύλῃ τῆς εἰσόδου τῆς πόλεως ἐπένευσεν τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ χωρισθεῖσα συναγωγή τις μικρὰ πλησίον τοῦ φοβεροῦ βασιλέως ἐκείνου παρεγένετο, οἵτινες ἦσαν οἱ γεγε(f. 226 r.)ννημένοι προφῆται ἐκ σπέρματος τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ, πάρεξ τῶν ἐξοχώτατων αὐτοῖς Μωϋσέως καὶ Ἀαρών· οὗτοι γὰρ καὶ μόνοι ὑπελείφθησαν τοῦ μὴ εἰσελθεῖν σὺν αὐτοῖς ἐν τῷ τέως ἐκεῖσε οἷς οἶδε τρόποις ὁ Θεός. Καὶ ἐν τῷ εἰσπορεύεσθαι αὐτοὺς ἤστραπτον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὑπὲρ τὸν ἥλιον καὶ πῦρ ἐν τῷ αἰθέρι ἐπαφίουν, καὶ ὡσπερεὶ διαυγεία ἀστέρος ὀπηνίκα ἐπὶ τοῦ αἰθέρος χεθεῖσα παμφαῶς λάμπει, οὕτω κἀκεῖνοι λίαν παμφαῶς ἔλαμπον, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ. Ὁ δὲ εὐμενῶς καὶ περιχαρῶς τούτους δεξάμενος καὶ ἔνδον τῆς πόλεως αὐτῆς τούτους γενέσθαι ἐγκελευσάμενος, ἐν τῷ εἰσιέναι αὐτοὺς ἐν τῇ αἰωνίᾳ καταπαύσει αὐτῶν ὕμνησαν αἱ νοεραὶ θεῖαι τάξεις κατὰ τὸ σύνηθες τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν, ὁρῶντες αὐτοὺς ἐν εὐφροσύνῃ καὶ ἀρρήτῳ χαρᾷ εἰσπορευομένους εἰς τὰ ἀχειροποίητα ἐκεῖνα καὶ πανθαύμαστα βασίλεια. Οἱ δὲ τῆς εὐωνύμου μερίδος τυχόντες ἑνωτιζόμενοι τοὺς φρικωδεστάτους τῶν (f. 226 v.) ἁγίων ἀγγέλων ὕμνους, οὓς ἀνέπεμπον τῷ Κυρίῳ ἐπαγαλλόμενοι τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει τῶν εἰσπορευομένων ἐκεῖσε ἁγίων φαιδρῶς, τὴν καρδίαν ἐτιτρώσκοντο καὶ διεπρίοντο καὶ συνεχεῖς στεναγμοὺς ἀνέπεμπον ἐκ βάθους ψυχῆς ἀνειμώζοντες καὶ ἐξ ὀδύνης ὀδυνηρᾶς πικροῖς καὶ αἱματορρύτοις δάκρυσι τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κατέβρεχον καὶ ἑαυτοὺς ἐταλάνιζον, ἐννοοῦντες ἐν ἑαυτοῖς τὴν τῶν ἀνεκλαλήτων ἐκείνων καὶ

αἰωνίων ἀγαθῶν ἀφυστέρησιν, ἣν ἐκόντες αὐτοὶ ἑαυτοῖς προεξένησαν· εἶχον γὰρ τὸ ἴδιον συνειδὸς διελέγχον αὐτούς. Βλέποντες δὲ καὶ τὴν ἀγριαίνουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρὸς κατὰ πρόσωπον αὐτῶν δεινῶς καὶ κραταιῶς κυματουμένην καὶ παφλάζουσαν· λίαν γὰρ ἦν ταραττομένη καὶ ἐβρυχᾶτο, ἀνέβαινον δὲ ἐν τῷ κυματοῦσθαι αὐτὴν καὶ αἱ φωναὶ καὶ οἱ ὀλολυγμοὶ τῶν προκαταβληθέντων ἀπίστων ἐθνῶν ἐν αὐτῇ· καὶ ἐνωτιζόμενοι τὴν πάνδεινον βοὴν αὐτῶν κραζόντων ἀπαύστως καὶ βοώντων οὐαὶ οὐαί, φεῦ ἡμῖν τοῖς ταλαι(f. 227 r.)πώροις καὶ ἁμαρτωλοῖς, γοερῶς καὶ οὗτοι ὠδύροντο λέγοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς μονογενῆ Υἱὲ τοῦ Θεοῦ κατὰ τὸ μέγα σου ἔλεος, οἰκτείρησον ἡμᾶς κατὰ τὸ πλῆθος τῶν οἰκτιρμῶν σου· ἀλλ' οὐδείς ἦν εἰσακούων καὶ οἰκτείρων καὶ ἐλεῶν αὐτούς, ἐπεὶ καὶ ὁ φοβερὸς καὶ ἀδέκαστος ἐκεῖνος κριτὴς θυμῷ σφοδρῷ καὶ ὀργῇ πρὸς αὐτοὺς ἐκέχρητο καὶ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπέστρεφεν ἀπ' αὐτῶν. Καὶ ἦν ἐπ' αὐτοῖς κλόνος φρικτός τε καὶ ὀδυρμὸς πολὺς σφόδρα.

Ἔτι οὖν ἐπέβλεψεν ὁ βασιλεὺς ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ καὶ προσεκαλέσατο τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρί, καὶ ἰδοὺ πλῆθος λαοῦ πολὺ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν ἁμαρτωλοὶ μέν, ὀρθόδοξοι δὲ χριστιανοί, οἱ διὰ τῆς καλλίστης μετανοίας φθάσαντες ἐπιστρέψαι ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν, καὶ ἐν κλαυθμῷ καὶ πένθει καὶ νηστείᾳ καὶ σάκκῳ καὶ σποδῷ καὶ τῇ λοιπῇ κακουχίᾳ τοῦ σώματος αὐτῶν τὸν Θεὸν ἐκλιπαρήσαντες καὶ καθαροὶ ὀφθέντες ἔναντι αὐτοῦ δι' ἐξομολογήσεως καὶ θερμῶν δακρύων χρουνοῖς, τὸν ῥύπον τε καὶ σπῖλον τῶν ψυχῶν καὶ σωμάτων ἑαυτῶν ἀποπλύναντες καὶ καλῶς διορθωσάμενοι, (f. 227 v.) μισήσαντες τὰ μάταια καὶ πρόσκαιρα τοῦ βίου τούτου τερπνὰ καὶ τὰ αἰώνια καὶ ἄρρητα ἀγαθὰ ἐξωνησάμενοι δι' ἐπιστροφῆς ἀνενδότου καὶ εὐποιΐας πενήτων, καὶ ἐν τῇ ἐπουρανίῳ ἐκείνῃ καὶ φρικωδεστάτῃ πόλει σὺν πᾶσι δικαίοις καταξιωθέντες οἰκεῖν· καὶ οὗτοι ἡσύχῳ ποδὶ μετὰ δόξης πολλῆς ἐν πραέσι σχήμασι καὶ βήμασιν ὡραίοις πορευόμενοι πλησίον τοῦ βασιλέως ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως παρεγένοντο, καὶ φῶς Κυρίου ὡς ἀστραπὴ προηγεῖτο αὐτῶν· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ ἔριον, καὶ αἱ στολαὶ αὐτῶν ἀστράπτουσαι ὡς χρυσίον καθαρὸν πεπυρακτωμένον, καὶ αἱ κεφαλαὶ αὐτῶν ἐλαίῳ καθαρῷ καὶ λαμπροτάτῳ ἀλειμμέναι, καὶ ἡ

θριξ αὐτῶν ὡς ἄνθος χρυσίου τιμαλφέστατον. Παραγενόμενοι οὖν πλησίον Κυρίου, ὡς εἴρηται, πρηνεῖς πεσόντες ἐπὶ τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσὶ προσεκύνησαν αὐτῷ εὐλογοῦντες αὐτὸν ἐν αἴνοις καὶ ὕμνοις εὐχαριστηρίοις. Τοῦ δὲ καὶ τούτους ἀσμένως ὑποδεξαμένου, καθα-(f. 228 r.)ρῶς ἐπένευσεν εἰσελθεῖν καὶ αὐτοὺς ἐν τῇ ἁγίᾳ καὶ παν-ευγενεστάτῃ ἐκείνῃ πόλει· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτοὺς πάντας ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς καὶ δόξῃ ἀρρήτῳ ἠγλαϊσμένῃ καὶ λαμπροτάτῃ ἔνδον ταύτης, πάντες οἱ ἄγγελοι Θεοῦ σὺν πᾶσι τοῖς προελη-λυθόσιν ἐκεῖσε ἁγίοις χαρᾶς ἀφάτου πλησθέντες καὶ ἀγαλλιάσεως ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει αὐτῶν ἐν τῇ ἀγήρῳ ἐκείνῃ καὶ ἀκο-ρέστῳ τρυφῇ, μεγαλοφώνως αἶνον εὐχαριστήριον τῷ βασιλεῖ τῶν αἰώνων ἀνέπεμψαν, ὥστε ἡ χραυγὴ τοῦ γλυκυτάτου μέλους αὐτῶν ἐξακούεσθαι μέχρι τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ καὶ αὐτῶν τῶν πε-ράτων τῆς γῆς.

Ἔτι οὖν ἐπένευσεν ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἦκε πρὸς αὐτὸν Μωϋσῆς ὁ θεόπτης, καὶ ἐπεδείκνυέ μοι τοῦτον ὁ σὺν ἐμοὶ ἱστάμενος ἐκεῖσε ἐπὶ τοῦ ὑπερτάτου καὶ φρικωδεστάτου ἐκεί-νου σκοποῦ θεῖος καὶ θαυμαστὸς ἄγγελος· ἦν δὲ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ λίαν δεδοξασμένον ὑπὲρ τὸν ἥλιον καὶ τὰ ἱμάτια αὐτοῦ ἐξήπτοντο ὡς ἀστραπὴ καὶ οἱ πόδες αὐτοῦ ὑποδε(f. 228 v.)δημένοι χρυσοπε-δίλοις κοκκίνοις ὑποδήμασι παραπλησίως τοῦ βασιλέως· συνείποντο δὲ αὐτῷ Ἀαρὼν καὶ Ὤρ, οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ, μεθ' ὧν καὶ Ἰησοῦς τοῦ Ναυῆ καὶ Ἐλεάζαρ· ἦσαν δὲ καὶ αὐτοὶ δεδοξασμένοι μὲν τὰ πρόσ-ωπα δοξῃ ἀκαταλήπτῳ, οὐκ ἴσως δὲ τῷ Μωϋσῇ, ἀλλὰ τούτου πα-ραπλησίως· ἐκεῖνος γὰρ ἐξαιρέτως πάντων τῶν σὺν αὐτῷ ἦν ὑπέρ-τερος, ὡς καὶ σχῆμα καὶ δόξαν ἀνεκλάλητον κεκτημένος. Καὶ ἐν τῷ ἅμα τούτοις πορεύεσθαι συνεπορεύοντο αὐτοῖς καὶ ἕτεροι ἄνδρες ἑβδο-μήκοντα, οἵτινες ἦσαν οἱ ἀπὸ τοῦ πνεύματος τοῦ Μωϋσέως μεταλα-βόντες καὶ πλουτήσαντες ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτῶν τοῦ προφητεύειν καὶ προλέγειν τὰ μέλλοντα· καὶ μετ' αὐτοὺς πάντες οἱ ὀρθόδοξοι καὶ δί-καιοι κριταὶ τοῦ Ἰσραὴλ ἀπὸ Χαλὲβ καὶ τοῦ Γοθονιὴλ καὶ μέχρι Σαμουὴλ τοῦ προφήτου κρίναντες τὸν Ἰσραήλ. Κατόπιν δὲ τούτων ἰδοὺ καὶ Δαυὶδ ὁ βασιλεὺς καὶ θεοπάτωρ, μεθ' οὗ καὶ πάντες οἱ τοῦ Ἰούδα βασιλεῖς ὅσοι δηλονότι τῇ τῶν εἰδώλων (f. 229 r.) οὐκ ἐκολ-·

λήθησαν πλάνῃ καὶ ματαιότητι, ἀλλ' ἐκαθάρισαν ἑαυτοὺς διὰ μετανοίας εἰλικρινοῦς καὶ δακρύων πηγῆς ἀπὸ παντὸς πάθους ἔτι περιόντες τῷ βίῳ καὶ καθαροὶ ὀφθέντες ἐναντίον Κυρίου· καὶ σὺν αὐτοῖς πάντες οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ οἱ μέχρι τῆς τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ παρουσίας τῷ νόμῳ Μωϋσέως ἀμέμπτως καὶ καθαρῶς πειθαρχήσαντες καὶ τοῖς ματαίοις θεοῖς τῶν ἐθνῶν μὴ λατρεύσαντες. Οὗτοι πάντες φαιδροὶ καὶ γεγαννυμένοι δόξῃ τε καὶ χάριτι κεκοσμημένοι ὑπάρχοντες πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου παραγεγόνασι καὶ προσεκύνησαν αὐτῷ ἕως ἐδάφους τῆς γῆς, καὶ κατασπασάμενοι τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας εἰσῆλθον γηθόμενοι καὶ ἀγαλλιώμενοι εἰς τὴν δεδοξασμένην ἐκείνην καὶ ἁγίαν μητρόπολιν. Μετὰ δὲ τὸ εἰσάγεσθαι αὐτοὺς ἔνδον αὐτῆς, καὶ ὁ θαυμαστὸς ἐκεῖνος τῶν ἁγίων ἀγγέλων αἶνος λαμπρῶς ἐξηχεῖτο καὶ ἐξηκούετο.

Εἶτα μετὰ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶτας (f. 229 v.) καὶ προσκαλεσάμενος πάντας τοὺς ἐκλεκτοὺς αὐτοῦ· ἀπὸ γὰρ τῶν ἐσχάτων ὡς πρὶν παραβολικῶς ἡμᾶς ἐξεπαίδευσε διὰ τοῦ θείου αὐτοῦ καὶ ἁγίου εὐαγγελίου· εἰς τοὺς πρώτους κατένευσε· καὶ ἰδοὺ Ἀδάμ, Ἄβελ, Σὴθ, Ἐνώς, Ἐνὼχ, Νῶε καὶ ὅσοι πρὸ τοῦ κατακλυσμοῦ ὡσαύτως καὶ μετὰ τὸν κατακλυσμὸν πρὸς τοῦ νόμου πάντες καὶ πᾶσαι ἐν ταῖς γενεαῖς αὐτῶν Κυρίῳ τῷ Θεῷ εὐηρέστησαν σεμνῶς καὶ θεοφιλῶς πολιτευσάμενοι, παρεγένοντο πλησίον τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου βασιλέως καὶ ἀδεκάστου κριτοῦ ἐπὶ τὴν ἐξαισίαν καὶ θαυμαστὴν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης· ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ὡς ὁ ἥλιος ἀκτινοβολοῦντα καὶ φῶς νοερὸν τοῖς ὁρῶσιν ἐπαφιοῦντα, αἱ δὲ στολαὶ ἐκ μυριοφανῶν εὐχροίας πεποικιλμέναι, καὶ δόξα Κυρίου ἦν ἐπ' αὐτοῖς ἀνεκλάλητος· καὶ πεσόντες προσεκύνησαν, αὐτῷ ὕμνοις εὐχαριστηρίοις ὑμνολογοῦντες καὶ δοξάζοντες αὐτόν· ὁ δὲ ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας ἐκείνης τῆς πόλεως. (f. 230 r.) καὶ ἀσπασίως τούτους ὑποδεξάμενος καὶ φιλήματι ἁγίῳ τιμήσας αὐτοὺς, ἔνδον ταύτης γενέσθαι τούτους παρεκελεύσατο. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν πάντας αὐτοὺς ἔνδον ταύτης ὕμνησαν πᾶσαι αἱ τῶν ἀγγέλων θεῖαι τάξεις τὸν ἐπὶ πάντων Θεὸν ἐν εὐχαριστηρίοις φωναῖς.

Ἐπειδὴ οἱ πρῶτοι τῆς κτίσεως οἱ πρωτόπλαστοι ἄνθρωποι οἱ

ἀπ' αἰῶνος δηλαδὴ ἅγιοι εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν τοῦ ἁγίου καὶ παναγάθου Θεοῦ μετὰ τῶν ἐξ αὐτῶν γεγεννημένων ἁγίων κατέπαυσαν, καὶ μετὰ ταῦτα ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶσιν ἁγίοις, καὶ ἐκσπασθεῖσα παρεμβολὴ πάνυ ὀλιγωστὴ πρὸς αὐτὸν παρεγένετο, οἵτινες ἦσαν παρηλλαγμένοι τῷ σχήματι, σεμνυνόμενοι παρὰ πάντας τοὺς προεληλυθότας· τὰ γὰρ πρόσωπα αὐτῶν ὑπῆρχον λευκὰ τῷ χρώματι ὥσπερ νύμφης ἠγλαϊσμένα, ὡς ὑποπυρακίζοντα καὶ πεποικιλμένα ἐτύγχανον, ὡς ἐκ φωτοειδοῦς εὐχροίας τυγχάνοντα· οἱ δὲ τούτων χιτῶνες ποικίλοι ὡσανεὶ ἐκ πάν(f. 230 v.)των τῶν τῆς γῆς ἀνθέων συντεθειμένοι· οἵτινες ὑπῆρχον οἱ πρὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας ἀπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν καὶ φυλῶν καὶ γλωσσῶν, νόμον μὴ ἔχοντες καὶ φύσει τὰ τοῦ νόμου ποιήσαντες δίκαιοι, καὶ εἰδώλοις μὲν μηδαμῶς λατρεύσαντες, ἐπ' ἐλπίδι δὲ ζωῆς αἰωνίου τὴν ἑαυτῶν διανύσαντες, οἳ πορνείαν καὶ πᾶσαν ἄλλην ἀθέμιτον ἐργασίαν καὶ κακίαν ἀπὸ καρδίας ἐμίσησαν, ἐλεημοσύνην δὲ καὶ τὴν πρὸς τὸν πλησίον ἀγάπην ὁλοψύχως ἐκτήσαντο τὴν ἄνωθεν πρόνοιαν σεβασθέντες καὶ μόνην, ὅθεν καὶ τῆς τοιαύτης δόξης καὶ χαρᾶς ἠξιώθησαν. Διὸ καὶ ἐθαύμαζον πάντες οἱ ἅγιοι τὴν τοιαύτην ποικιλόμορφον ἰδέαν τοῦ σχήματος αὐτῶν, ἐπειδὴ οὐκ ἦν ἐν ταῖς συναγωγαῖς καὶ τάξεσιν αὐτῶν τις ὁ τοιούτῳ φαιδρυνόμενος σχήματι.

Ἔτι ἐπένευσεν ὁ Κύριος τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα παρεμβολὴ καὶ αὕτη ὀλιγωστὴ πάνυ ὡς ἡ προτέρα, αἰθεροποροῦσα πρὸς τὴν φρικτὴν καὶ θαυμασίαν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης, καὶ παρεγένετο πλησίον τοῦ βασιλέως· ἦ(f. 231 r.)τις ὅλη ὑπῆρχεν ὡς ἀστραπὴ πυρός, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν μεταμορφούμενα καὶ ἀπαλασσόμενα, καὶ ποτὲ μὲν ὡς ῥόδα ἐρυθρὰ ἐξαστράπτοντα, ποτὲ δὲ ὡς ἄνθη χρυσίου καθαροῦ πεπυρακτωμένου καὶ σπινθηροβολοῦντος, ποτὲ δὲ λευκαινόμενα ὑπὲρ χιόνα καὶ φαιδρυνόμενα ὡς τὸ φῶς· βασιλικοὺς χιτῶνας ἠμφιεσμένοι πάνυ ὡραίους καὶ ποικιλομόρφους ἐκ παντοίων λίθων ξενοπρεπῶς αὐγαζόντων τιμίων καὶ μαργάρων πολυτίμων ἐξαισίως καὶ θαυμασίως συντεθειμένους. οἵτινες ἦσαν οἱ τῇ τῆς μωρίας ὑποκρίσει τὸν σοφιστὴν τῆς κακίας κατασοφισάμενοι καὶ δι' ὑπομονῆς καὶ θείας γνώσεως τοῦτον ἀνταγωνισάμενοι καὶ καταπαλαίσαντες καὶ κατὰ κράτος νικήσ-

σαντες· ἐν γὰρ τῷ ματαίῳ καὶ προσκαίρῳ κόσμῳ τούτῳ μωροὺς διὰ Χριστὸν ἤτοι σαλοὺς ἑαυτοὺς ποιήσαντες ἐβδελύχθησαν, ἐνεπτύσθησαν, ἐκολαφίσθησαν, κατεγελάσθησαν, ἡτοιμάσθησαν, ἐξουδενώθη(f. 231 v.)σαν, ἐδιώχθησαν καὶ πᾶσαν κάκωσιν καὶ θλίψιν ὑπέμειναν διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, καταπατήσαντες καὶ μισήσαντες πᾶσαν τὴν ματαίαν καὶ πρόσκαιρον καὶ ἐβδελυγμένην δόξαν τοῦ κόσμου τούτου ἀπὸ καρδίας, ὡς ὁδηγῶν με πρὸς πᾶσαν θεωρίαν ταύτην θειότατός μοι ἄγγελος διεσάφησε· διὸ καὶ ταύτης οὐκ ἀστοχήσαντες τὴν φρικτὴν καὶ ἀσύγκριτον καὶ πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερέχουσαν δόξαν ἐκληρόνομησαν καὶ μετὰ μεγάλης παρρησίας ἐν ταύτῃ εἰσεληλύθασι. Παραγενόμενοι τοίνυν, ὡς εἴρηται, πλησίον τοῦ βασιλέως, πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ εὐθὺς ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως καὶ ἔνδον ταύτης μετὰ μεγάλης δόξης καὶ δορυφορίας γενέσθαι τούτους παρεκελεύσατο· ὧν εἰσεληλυθότων δόξῃ ἀρρήτῳ λελαμπρυσμένων καὶ ἀγλαϊζομένων, καὶ ὁ κατὰ σύνηθες αἶνος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἔνδον ταύτης θεοειδῶν τε καὶ νοερῶν δυνάμε(f. 232 r.)ων φρικτῶς ἐξηκούετο, αἰνούντων καὶ εὐλογούντων ἀκαταπαύστῳ φωνῇ ἐπὶ τῇ τούτων ἐνδόξῳ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει τὸν ἐν Τριάδι Θεόν.

Εἶτα ἐπένευσεν αὖθις ὁ βασιλεὺς τοῖς ἀπὸ τῶν δεξιῶν αὐτοῦ λαχοῦσιν ἁγίοις, καὶ ἰδοὺ ἐκχωρισθεῖσα ἑτέρα παρεμβολὴ ὄχλου καὶ λαοῦ πολλοῦ μεγάλη σφόδρα πλησίον τοῦ βασιλέως παρεγένετο ἐπὶ τὴν ἁγίαν ἐκείνην καὶ ὡς ἀληθῶς θαυμαστὴν μητρόπολιν· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ ἔριον, οἱ δὲ χιτῶνες πυρσοφαεῖς, ὡραῖοι τῷ ἀναστήματι, ὥσπερ κυπάρισσοι, φλόγα ἀγαλλιάσεως λίαν ἡσύχως καὶ γαληνομόρφως ἀπαυγάζοντες· καὶ προσκυνήσαντες αὐτόν, εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἐπένευσεν ἐν τῇ ἀγήρῳ καὶ μακαρίᾳ λήξει τῆς πόλεως ἐκείνης· οἱ δὲ χορεύοντες καὶ ἀγαλλιώμενοι ἐν ἀνεκλαλήτῳ χαρᾷ καὶ δόξῃ ἔνδον ταύτης εἰσήεσαν· οἵτινες ἦσαν οἱ πτωχοὶ γεγονότες τῷ πνεύματι, οἱ τύφον δαιμονιώδη κατὰ τοῦ πέλας, ἔπαρσίν τε καὶ ἀλαζονείαν (f. 232 v.) ἐν ὑπερηφανίᾳ μηδόλως ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ κτησάμενοι, ἀλλὰ τὴν τοῦ Κυρίου πραότητα καὶ ταπείνωσιν ἀδιαλείπτως μιμούμενοι, τοῖς πᾶσι τὰ πάντα γεγόνασιν, ἵνα πάντας ἀποθεραπεύσαντες ἐν ὑψοποιοῖς ταπεινώσεσι τούτους κερδήσωσι· διὸ καὶ τῆς μακαρίας

ταύτης ἐπέτυχον λήξεως τῶν ἐν ἐπαγγελίαις ἡτοιμασμένων ἀγαθῶν τοῖς τὸν Κύριον ἀγαπῶσι καὶ τούτου τὰς ἐντολὰς ἀπαρατρώτους φυλάττουσι. Τούτων οὖν ἔνδον ταύτης φαιδρῷ προσώπῳ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδὶ εἰσεληλυθότων ἐπεκρότησαν πᾶσαι αἱ νοεραὶ θεῖαι τάξεις τὸν αἰνετήριον ὕμνον τῷ μόνῳ Θεῷ καὶ βασιλεῖ τῶν αἰώνων.

Πρὸς τούτοις ἔτι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἐξήει διαχωρισθεῖσα τοῦ κλήρου τῶν ἐκλεκτῶν ἑτέρα συναγωγὴ ἱκανὴ, νεφέλῃ φωτεινῇ κατακαλυπτομένη, καὶ κλοιοὶ χρύσεοι ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν, τὰ δέ γε πρόσωπα αὐτῶν λευκὰ ὡσεὶ χιών, καὶ οἱ χιτῶνες ἐρυθροφυεῖς ποικιλόχρωοι, ὡραίοις ποσὶ βα(f. 233 r.)δίζοντες ἐπὶ τοῦ αἰθέρος πρὸς τὸν δίκαιον κριτὴν παρεγένοντο· ἦν δὲ ἐν μέσῳ αὐτῶν χαρμονή τις καὶ θεία ὄντως παράκλησις· καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ κατασπασάμενοι τοὺς ἀχράντους καὶ ὡραίους πόδας αὐτοῦ. Ὁ δὲ ὑπεδέξατο ἀσπασίως αὐτοὺς καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς μειδιῶντι προσώπῳ καὶ ἱλαρῷ τῷ προσβλέμματι· Εἰσέλθετε, ἀγαπητοί μου ἀδελφοί, εἰσέλθετε μετὰ πάσης χαρᾶς καὶ θυμηδίας καὶ τέρψεως, εἰσέλθετε ἐν ἀγαλλιάσει εὐφραινόμενοι εἰς τὴν χαρὰν τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν, οἱ ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ πολλὰ κλαύσαντες κόσμῳ καὶ πενθήσαντες δι' αὐτήν· εἰσέλθετε ἐν χαρᾷ εἰς τὴν βασιλείαν μου οἱ πολλὰ θρηνήσαντες καὶ δακρύσαντες καὶ κωκυτοὺς πολλοὺς ἐπὶ τῆς γῆς σπείραντες διὰ τὰ αἰώνια ταύτης ἀγαθά· εἰσέλθετε γηθόμενοι καὶ εὐφραινόμενοι ἐπ' αὐτῇ, τρυγήσατε τοὺς καρποὺς τῶν πόνων ὑμῶν, οὓς ἐκ καρδίας ἐν κατανύξει ψυχῆς ἐπὶ γῆς ἐσπείρατε νύκτωρ τε καὶ μεθημέραν (f. 233 v.) ἐν σάκκῳ καὶ σποδῷ, ἐν ἀγρυπνίαις καὶ χαμευνίαις καὶ ξηροκοιτίαις καὶ πείνῃ καὶ δίψῃ, ἐν πόνῳ καὶ κόπῳ πνευματικῷ, ἐν μόχθῳ διηνεκεῖ καὶ ταπεινότητι· καρδίας· εἰσέλθετε εἰς τὴν ἀνεκλάλητον ταύτην καὶ αἰώνιον ἀγαλλίασιν, εἰσέλθετε καὶ παρακλήθητε κυρησθέντες ἐν αὐτῇ· Ταῦτα οὖν λέγοντος τοῦ Κυρίου πρὸς αὐτοὺς, εὐθὺς ἐπεκρότησαν αἱ θεῖαι δυνάμεις ἐν τῇ εἰσόδῳ αὐτῶν ὕμνον λυγηρὸν καὶ ἐξαίσιον ἀνευφημοῦσαι τὸ κράτος αὐτοῦ.

Μετὰ δὲ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπένευσεν ὁ Κύριος καὶ Θεὸς, ὁ φοβερὸς καὶ αἰώνιος βασιλεὺς, ὁ δίκαιος καὶ ἀλάθητος κριτὴς τοῖς ἐξ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ πάνυ σεμνῆς καὶ ἱλαρᾶς καταστάσεως, ὡραίοις ἤθεσι πλουσίως κεκοσμημένη, πραέοις καὶ ἡσύχοις ποσὶν αἰ-

θεροποροῦσα πλησίον αὐτοῦ παρεγένετο ἐπὶ τῆς φρικωδεστάτης πύλης τῆς πόλεως ἐκείνης, πάνυ ἥμεροι καὶ εὐμενεῖς τοῖς προσώποις, οἵτινες ἦσαν οἱ πραεῖς καὶ ταπεινοὶ τῇ καρδίᾳ· ὧν τὰ πρόσωπα θείαν ἀγαλλίασιν καὶ (f. 234 r.) ἀσύγκριτον ἀπηύγαζον, αἱ δὲ στολαὶ χιονοφεγγεῖς, πάντες ἱεροπρεπεῖς καὶ πάσης πνευματικῆς αἰδοῦς πεπληρωμένοι, γαληνοὶ τοῖς ἤθεσι, γαληνοὶ τοῖς τρόποις, γαληνοὶ καὶ πανήμεροι τοῖς ὄμμασι καὶ προσβλέμμασιν· ἐκ δὲ τῶν ποδῶν αὐτῶν ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοὺς φῶς ἐξήρχετο ἄρρητον· οἵ καὶ πεσόντες προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὃς καὶ τούτους ἡδέως καὶ ἐντίμως ἀποδεξάμενος προσέταξεν εὐθὺς εἰσιέναι αὐτοὺς εἰς τὴν ἁγίαν πολιν· καὶ τούτων εἰσελθόντων ἐν αὐτῇ ἡσύχῳ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδὶ ἀῤῥάστῳ τε καὶ αἴγλῃ περιαστραπτομένων καὶ κατατερπνομένων, ὕμνησαν αἱ θεῖαι δυνάμεις σὺν πᾶσι τοῖς οὖσιν ἐκεῖσε ἁγίοις ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει αὐτῶν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν.

Ἔτι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ πάνυ ὀλιγωστοῦ ἐκσπασθεῖσα πρὸς τὴν ἐξαισίαν ἐκείνην καὶ θαυμαστὴν πύλην τῆς πολεως ἐκείνης πλησίον τοῦ βασιλέως παρεγένετο, ῥῶς περιει(f. 234 v.)λημμένη τὰς πλευράς, καὶ ἀπὸ τοῦ στόματος αὐτῶν ἡ λαμπρότης τῆς δικαιοκρισίας Κυρίου ὡς ὀσμὴ μύρου ἁψιλῶς ἐξεπορεύετο, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν οἱονεὶ μέλι στάζοντα, αἱ δὲ χεῖρες αὐτῶν ἐξέπεμπον πῦρ ἐπ' ἀνθράκων· ἐνεδέδυντο δὲ χλαίνας ῥικώδεις ὡς ἡ εὔχροια τοῦ τόξου καὶ ὡς ἀστραπὴ ἀκτινοβολούσας, καὶ τὰς κεφαλὰς ἐστεμμένας στεφάνους ἀχειροποιήτους διὰ λίθων λυχνιτῶν καὶ μαργάρων νοητῶς δεξιᾷ Κυρίου κατασκευασθέντες δίκην ἀστέρων μέγα καὶ φαεινὸν ῥῶς ἀπαστραπτόντων· κατέναντι δὲ τῶν καρδιῶν αὐτῶν λίθοι μέγιστοι παμῤῥαεῖς καὶ διαυγεῖς σμάραγδοι ἐπεπήγεσαν λάμποντες ὥσπερ ὁ ἑωσφόρος, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν χρυσοῤῥάεσι πεδήλοις καὶ πολυθαυμάστοις περιειλίσσοντο. Ὡς οὖν παρεγένοντο αἰθεροποροῦντες, προσεκύνησαν αὐτῷ καὶ κατησπάσαντο τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας· ὁ δὲ θεασάμενος τὴν ὡραιότητα αὐτῶν ἠγαλλιάσατο σῴδρα ἐπ' αὐτοὺς καὶ μετ' εὐμενεί(f. 235 r.)ας καὶ ἱλαρότητος προσεδέξατο αὐτοὺς ὑποδεικνὺς αὐτοὺς τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ εἰσιέναι εἰς τὴν ὡραίαν πύλην, ἣν οὐδεὶς τῶν προλαβόντων ἁγίων εἰσῆει, καὶ καταπαῦσαι

αὐτοὺς εἰς τὴν πεποθημένην καὶ μακαρίαν γῆν καὶ ἄληκτον εὐφροσύνην τῆς ἐξαισίας πόλεως ἐκείνης. Ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ χρηματίσαντες κριταὶ ἐν τῷ ματαίῳ τούτῳ κόσμῳ, οἱ πεινῶντες καὶ διψῶντες τὴν δικαιοσύνην καὶ τὸν ἔλεον τῆς δικαιοκρισίας Κυρίου, οἱ μηδέποτε λαβόντες ἐν τῷ κρίνειν αὐτοὺς πρόσωπον δυνάστου, μήτε δώροις τὴν καρδίαν ἀποτυφλωθέντες, μήτε πτωχὸν ἐν τῷ κρίνεσθαι αὐτὸν ἐλεήσαντες, ἀλλὰ τοῖς πᾶσιν ἐπίσης κατὰ τὸ δυνατὸν τὸ δέον καὶ δίκαιον ἀπονείμαντες καὶ μηδένα ποτὲ προτιμῆσαι θελήσαντες ἕνεκεν τοῦ δικαίου. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσιέναι αὐτοὺς ἔνδον ταύτης, αἱ θεῖαι τῶν ἀγγέλων τάξεις καὶ πᾶς ὁ ὅμιλος τῶν ἐκεῖσε ὄντων ἁγίων ὑπεδέξαντο αὐτοὺς ἐν ἀγαλλιάσει εὐφραινόμενοι ἐπὶ τῇ τούτων εἰσόδῳ καὶ ὕμνησαν ἀ(f. 235 v.)καταπαύστῳ φωνῇ τὸν μόνον δίκαιον καὶ ἀπαραλόγιστον κριτήν.

Εἶθ' οὕτως ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ μεγάλη σφόδρα ἐκχωρισθεῖσα ἔστη μετὰ παρρησίας φρικτῆς καὶ μεγάλης ἐπὶ τὴν θείαν ἐκείνην καὶ μεγαλόφωτον πόλιν πρὸς τῇ πύλῃ πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου· ἦσαν δὲ πάντες οἱ τῆς συναγωγῆς ἐκείνης ἐνδεδυμένοι στολὰς βασιλικὰς ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας κατασκευασθείσας καὶ τὰς ἑαυτῶν πλευρὰς ἠλειμμένοι λαμπρότητα χρυσίου καθαροῦ πεπυρακτωμένου καὶ ἀποστίλβοντος στεφάνοις μυριοβαφέσιν ἐκ χρυσίου καθαροῦ καὶ λίθων τιμίων καὶ μαργάρων πολυτελῶν ποικιλομόρφως τεχνουργισμένων, χειρὶ παντοκρατορικῇ ἐστεμμένοι τὰς κεφαλὰς καὶ κλάδους ἐλαίας ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες· καὶ τὰ πρόσωπα λευκὰ ἐξαστράπτοντα ὡς τὸ φῶς, ἀφ' ὧν ἐξήρχετο δίκην ἱδρῶτος ἔλαιον μύρου πνέον ὀδμὴν ἀσύγκρι(f. 236 r.)τον καὶ ἀνεκδιήγητον ἀθανασίας καὶ ζωῆς αἰωνίου· οἱ δὲ πόδες αὐτῶν ὑπῆρχον ὡραῖοι χρυσοφαεῖς ἀστραπὰς ἀστράπτοντες, ἐξ ὧν πυρσὸς φρικτὸς ἐξεπορεύετο ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοὺς ὡς ἀστραπὴ ἀπαυγάζων· Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ ἐλεήμονες, οἱ χήρας καὶ ὀρφανοὺς διαθρέψαντες καὶ γυμνοὺς ἐνδύσαντες καὶ ὑποδήσαντες, ξενοδίτας ἀστέγους ἔνδον τῆς οἰκίας εἰσαγαγόντες, οἱ χρέη πτωχῶν καὶ ἀπόρων ἐκ τῶν ἰδίων θησαυρῶν ἀποφλήσαντες καὶ ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων πενήτων καὶ καταδυναστευομένων τὰς ἰδίας ψυχὰς τεθειμένοι καὶ ἀεί ποτε τοὺς

παρερχομένους πρὸ τῶν πυλῶν αὐτῶν πένητας καὶ προσαιτοῦντας δι' ἐπιδόσεως τῶν ἀναγκαίων ἀποθεραπεύσαντες. Οὗτοι πάντες, ὡς εἴρηται, πλησίον τοῦ βασιλέως γενόμενοι, πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ καὶ τούτους περιχαρῶς ὑποδεξάμενος καὶ κατασπασάμενος ἐν φιλήματι ἁγίῳ ἕνα ἕκαστον αὐτῶν, ἐπένευσεν εἰσιέναι αὐτοὺς εἰς τὴν περίδοξον καὶ περίφη(f. 236 v.)μον πόλιν ἐκείνην· καὶ τούτων εἰσελθόντων ἔνδον ταύτης δόξῃ ἀπείρῳ ἀγλαϊζόμενοι, συνήντησαν αὐτοῖς πᾶσαι αἱ τῶν ἀγγέλων δυνάμεις σὺν πᾶσι δικαίοις, αἰνοῦντες καὶ εὐλογοῦντες ἀκαταπαύστῳ φωνῇ τὸν αἰνετὸν μόνον Κύριον καὶ βασιλέα τῆς δόξης. Ἑώρων δὲ εἰσελθόντες δόξαν ἀνεκδιήγητον ἐν αὐτῇ καὶ σκηνὰς αἰωνίους καὶ περικαλλῆ παλάτια ἀσύγκριτα καὶ ἀναρίθμητα, καὶ οὐκ ἦν αὐτοῖς κόρος ἀπὸ τῆς θέας καὶ καλλονῆς αὐτῶν· ἃ καὶ ἔτι ἐδέοντο τινῶν ἁγίων ὥστε κατασκηνῶσαι εἰς αὐτά, ἐπειδὴ τὰ πλείονα τούτων ἔτι κενὰ ἐτύγχανον· τοσούτων γὰρ ἐν τῷ πλήθει ἀναριθμήτων ταγμάτων ἁγίων εἰσελθόντων ἐν αὐτῇ οὐδὲ τὸ τέταρτον μέρος αὐτῆς κατακρατῆσαι καὶ πληρῶσαι εἰς τέλος ἴσχυσαν.

Ἔτι τε καὶ ἔτι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἐπιλοίποις ἁγίοις ἧξειν πρὸς αὐτόν, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἱκανὴ ἐκχωρισθεῖσα ἐν εὐθύτητι ποδῶν αὐτῆς αἰθεροποροῦσα παρεγένετο πρὸς αὐτόν· ἦν δὲ καθαρό(f. 237 r.)της ἐπ' αὐτῇ λαμπροτάτη σφόδρα καὶ αὖρα λευκὴ αἴγλην γλυκασμοῦ σταλάζουσα ἀνεξιχνίαστον πρὸς τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ἐξήπτοντο ὑπὲρ τὴν ἀστραπὴν μυριοπλασίως καὶ φῶς ἐξαίσιον καὶ φρικτὸν ἀπηύγαζον ἀπὸ τῶν καρδιῶν αὐτῶν, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν πῦρ διειδὲς ἠφίων ἐν ταῖς συννεύσεσιν αὐτῶν καὶ δόξα Κυρίου ἦν ἐν τοῖς χείλεσιν αὐτῶν. Οὗτοι πάντες ἐν εὐφροσύνῃ καρδίας ἐπαγαλλόμενοι ἤγγισαν, ὡς προείρηται, μέχρι φρικτῆς καὶ ποικιλομόρφου πύλης τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ αἰωνίου βασιλέως Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ γόνυ κλίναντες μέχρις ἐδάφους τῆς γῆς, ἐνώπιον αὐτοῦ προσεκύνησαν αὐτῷ· οἵτινες ἦσαν οἱ ἐν τῷ ματαίῳ τούτῳ κόσμῳ ἄσπιλον σὺν τῇ ψυχῇ καὶ τὸ σῶμα φυλάξαντες καὶ μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἐκτὸς παντὸς πάθους καὶ ῥυτίδων καὶ μολυσμάτων ἑαυτοὺς διατηρήσαντες, οἱ καθαροὶ δηλονότι τῇ καρδίᾳ, οἱ τὸ σῶμα καθαροὶ καὶ τῷ νοΐ, οἱ

καθαροὶ τὰς αἰσθήσεις, οἱ μηδέποτε σπίλον κακίας ἐν ἑαυτοῖς δεξάμενοι, (f. 237 v.) οἱ φθόνον καὶ μῖσος καὶ πᾶσαν ἔριν ψυχῶλεθρον ἀπ' αὐτῆς τῆς καρδίας μισήσαντες, οἱ ταύτην δι' εὐποιΐας πενήτων πλουτίσαντες καὶ δι' ἀγάπης τῆς πρὸς τὸν πέλας κοσμήσαντες, ἐν δάκρυσι πνευματικοῖς ταύτην ἀποκαθάραντες καὶ λευκάναντες ὑπὲρ χιόνα καὶ ἀξίαν ἀναδείξαντες αὐτοῖς τῆς καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ἀοράτου θεωρίας Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ὃς φησι· μακάριοι οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ ὅτι αὐτοὶ τὸν Θεὸν ὄψονται. Τούτους τοίνυν ἰδὼν ὁ βασιλεὺς ἐν τοσαύτῃ δόξῃ καὶ λαμπρότητι διαλάμποντας, γνησίως ὑπεδέξατο καὶ ἀξίως ἐτίμησε καὶ φιλικῶς κατησπάσατο, λέγων πρὸς αὐτοὺς ἐν ἱλαρότητι καρδίας καὶ προσώπου καὶ εὐπραείᾳ προσλαλιᾷ· Εἰσέλθετε, φίλοι μου, οἱ δι' ἐμὲ ἄσπιλον τηρήσαντες καὶ φυλάξαντες τὴν ψυχὴν καὶ τὸ σῶμα ὑμῶν παντὸς ἐκ ῥύπου καὶ μολυσμοῦ καὶ δοχεῖον καθαρὸν καὶ ταμεῖον ἄξιον τῆς ἐμῆς ἐνδημίας καὶ ὑποδοχῆς καὶ καταπαύσεως ἀναδείξαντες εἰς τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν· εἰσέλθετε, φίλοι μου, εἰς τὴν αἰώνιον ἀ(f. 238 r.)γαλλίασιν, εἰς τὴν ἀνεκλάλητον εὐφροσύνην, εἰς τὴν ἀΐδιον καὶ ἀδιάδοχον ζωὴν καὶ μακαριότητα· εἰσέλθετε τοιγαροῦν, ἀγαπητοί μου ἀδελφοί, εἰς τὰς αἰωνίους μονὰς σὺν ἐμοὶ καὶ καταπαύσεις τῆς ἐμῆς βασιλείας, ἵνα ὅπου εἰμὶ ἐγὼ, καὶ ἡμεῖς ἦτε, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν μου. Δεῦτε καὶ εἰσέλθετε σὺν ἐμοὶ εἰς τὴν κατάπαυσίν μου, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς, καθὼς ὑμεῖς ἐμὲ ἀνεπαύσατε ἐν τῷ ἀμέμπτους καὶ καθαροὺς καὶ ἀσπίλους ἑαυτοὺς παντὸς ἐκ ῥύπου διατηρῆσαι Ταῦτα τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου πρὸς αὐτοὺς εἰρηκότος, εὐθέως κατένευσεν ἀναπετασθῆναι αὐτοῖς τὰς ποικιλομόρρους ἐκείνας καὶ παμφαεῖς πύλας τῆς πόλεως· εἰσερχομένων οὖν αὐτῶν ἔνδον ταύτης ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς ἐπευφραινόμενοι, αἶνος θαυμαστὸς ἐξηκούετο κατὰ τὸ σύνηθες ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς θείων δυνάμεων ἐπὶ τῇ τούτων εἰσελεύσει καὶ καταπαύσει, νοῦν ἐξιστῶν καὶ πᾶσαν διάνοιαν· οὗ τὸ μέλος καὶ ἡ ἡδυτάτη φθογγὴ καὶ αὐτῶν ἤψα(f. 238 v.)το τῶν οὐρανίων ἀψίδων. Ταῦτα δὲ πάντα ἐπὶ τοῦ ῥηκωδεστάτου σκοποῦ ἐκείνου ἱστάμενοι, τοῦ πλήρους ὄντος ἐκπλήξεως ἐπάνω τοῦ στερεώματος, ἐβλέπομεν καθαρῶς ὡς δι' ὀπῆς τινὸς ἀνεῳγμένης ἡμῖν, ἵν', ὡς ἔοικε, τὰ καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ἄγνωστά τε καὶ ἀκατάληπτα ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἀθεώ-

ρητα εὐδοκίᾳ Θεοῦ δι' ἐμοῦ τοῦ ταπεινοῦ δῆλα τοῖς ἀνθρώποις γενήσονται.

Τούτων οὕτως ἐχόντων ἔτι ἐπένευσεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶσι, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα παρεμβολὴ λαοῦ ἱκανὴ, γλυκεῖα τῇ ὁράσει καὶ σεμνὴ τοῖς ἤθεσιν, νεφέλῃ φωτεινῇ περιαυγαζομένη καὶ ἀστραπῇ περιεζωσμένη τὰς ὀσφύας, καὶ φέγγος καθαρὸν πρὸ προσώπου αὐτῶν, αἱ χεῖρες αὐτῶν λευκαὶ ὡσεὶ χιών, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν πυρσοφαεῖς σπινθηροβολοῦντες, αἱ δὲ στολαὶ αὐτῶν, ὡς εἶδος κρυστάλλου, παραγεγόνασι· καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ. Ὃς καὶ τούτους ἱλαρῶς ὑποδεξάμενος κατένευσεν ἀνοιγῆναι καὶ τούτοις τὰς πύλας τῆς πόλεως· καὶ τούτων ἔνδον ταύτης εἰσεληλυθότων ἐν χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει εὐφραινο(f. 239 r.)μένων, ὕμνησαν πᾶσαι αἱ θεῖαι δυνάμεις τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν. Οἵτινες ἦσαν οἱ εἰρηνοποιοί, οἱ μηδέποτε τάραχον ἢ θλῖψιν οἱανδήτινα ἐν αὐτοῖς ὑπό τινος γεγονυῖαν μίσους καὶ κακίας οὖσαν ἀξίαν ὅλως παραδεξάμενοι, ἀλλὰ καὶ πολλοὺς πολλάκις ὀχλοθορυβουμένους πραέσις ἤθεσι καὶ λόγοις παραινετικοῖς οὐκ εἴασαν θορυβεῖσθαι εἰσέτι, ἀλλ' εἰρηνικοὺς καὶ πραεῖς καὶ λίαν εὐσυμπαθήτους τε καὶ εὐκατανύκτους τούτους τῷ Κυρίῳ ἀποκατέστησαν καὶ προσήγαγον σεσωσμένους δι' ἐναρέτων καὶ θείων πράξεων τῇ ἑαυτῶν ἐκμιμήσει.

Μετὰ δὲ ταῦτα προσθεὶς ἐπένευσεν ἔτι ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ μεγάλη σφόδρα, ἥτις αἰθεροπορουῦσα ἐν δοξῃ καὶ τιμῇ ἀνεκλαλήτῳ ἐπὶ τὴν περιώνυμον καὶ πολυθαύμαστον καὶ πολυέραστον καὶ μυριώνυμον πόλιν τοῦ Θεοῦ παρεγένετο· ἥτις ὑπῆρχε κεχαριτωμένη τὸ πρόσωπον σφόδρα, καὶ φέγγος ἐκ τῆς ὄψεως αὐτῆς ἐξεπορεύετο ἀκτινοβολοῦν καὶ φωτοβολοῦν ἐν τῷ περιστρέφεσθαι αὐτούς, (f. 239 v.) καὶ πάντες νεφέλην θεοπύρσευτον περιεδέδυντο ἀμπεχόμενοι ταύτην δίκην ἀμφίων, καὶ αὖραν πορφυρᾶν ἠλειμμένοι τὰς πλευράς, καὶ δοξα Κυρίου περικύκλῳ αὐτῶν, περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας διάχρυσον κόσμον, οἱ πόδες αὐτῶν ἀντὶ πεδίλων ὑποδεδυμένοι εὐπρέπειαν πνευματικὴν, ἥτις ὡς πῦρ ἐξῆπτε χρυσοβολοῦν ἐν τῷ βαδίζειν αὐτούς, αἱ δὲ χεῖρες αὐτῶν ὡς ὅρασις ἠλέκτρου ἀκτινοβολοῦσαι. Καὶ οὗτοι πάντες εὐφραινόμενοι καὶ ἐν τοιαύτῃ δοξῃ ἀγαλλιώμενοι ἤγγισαν εἰς τὴν

φρικτὴν ἐκείνην καὶ ἀξιάγαστον πόλιν ἐπὶ τῇ πύλῃ τῆς ἀκατανοήτου καὶ ἀκαταλήπτου πόλεως πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ μέχρι τοῦ ἐδάφους τῆς γῆς· ὁ δὲ βασιλεὺς ἡδέως καὶ εὐμενῶς μετὰ πάσης πραότητος καὶ ἱλαρότητος τούτους ὑποδεξάμενος ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως καὶ ἔνδον ταύτης ἐκείνους παραγενέσθαι· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσεληλυθέναι αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ χαρᾷ καὶ εὐφροσύνῃ ἔνδον ταύτης, καὶ (f. 240 r.) ὁ κατὰ σύνηθες αἶνος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἐν τῇ ἀγήρῳ μακαριότητι καὶ ἀλήκτῳ χαρᾷ καὶ τρυφῇ ἐκείνῃ ἀνεπέμφθη Θεῷ. Οὗτοι δὲ ἦσαν, ὡς ὁ ὁδηγῶν με διεσάφησε θεῖος ἄγγελος, οἱ διωχθέντες καὶ ὀνειδισθέντες καὶ μισηθέντες παρὰ παντὸς ἀσεβοῦς ἀνθρώπου καὶ χαιρεκάκου ἐν τῷ ματαίῳ καὶ προσκαίρῳ κόσμῳ τούτῳ ἕνεκα τοῦ λόγου τῆς ἀληθείας καὶ τῆς μακαρίας δικαιοσύνης, ἣν ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένῃ κατεφύτευσεν ὁ μονογενὴς Υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Θεὸς διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, οἱ ἐμπαιχθέντες καὶ ῥαπισθέντες ἕνεκα τοῦ Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, οἱ λογισθέντες βδέλυγμα παρὰ τῶν ἀνθρώπων διὰ τὸ ἅγιον αὐτοῦ ὄνομα καὶ ἀποσυνάγωγοι γεγονότες παρ' αὐτῶν καὶ κακοὶ καὶ πλάνοι ὀνομασθέντες διὰ Χριστόν, μὴ ὄντες κακοί, ἀλλ' ἐν Χριστῷ ὀφθέντες καλοί, ταῦτα δὲ πάντα καταδεξάμενοι καὶ βαστάσαντες διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν δι' ἃ καὶ ταύτης ἠξιώθησαν κληρονόμοι γενέσθαι.

Ἔτι προσέθετο ὁ (f. 240 v.) Κύριος προσκαλέσασθαι πρὸς ἑαυτὸν ἀπὸ τῶν ὑπολοίπων τῆς δεξιᾶς μερίδος τινάς, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα παρεμβολὴ λαοῦ ἱκανὴ ἀποσπασθεῖσα πρὸς αὐτὸν παρεγένετο πρὸς τῇ πύλῃ προσταγεῖσα ἐλθεῖν τῆς ἐξαισίας ἐκείνης πόλεως, αἰθεροποροῦσα, δόξῃ πολλῇ κατηγλαϊσμένη· οἱ δὲ ἐν αὐτῇ πάντες ὡς ἄγγελοι Θεοῦ ἐπορεύοντο καὶ ὡς φυτὰ περικαλλῆ ἄνθεσι τερπνοῖς περιηνθισμένα, ῥόδοις καὶ κρίνοις ἡδυπνόοις ὡραϊσμένα· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ὑπὲρ χιόνα κεκαθαρμένα καὶ ἑπταπλασίως ὑπάρχοντα φωτεινὰ τῇ λευκότητι καὶ ὡς ὁ ἥλιος διαλάμποντα, λευκῇ ἀστραπῇ περιαυγαζόμενα, χλαῖναν φωτὸς ἐνδεδυμένοι καὶ φλόγα πυρὸς πυρσοβολοῦσαν περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας· αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες αἴγλην πυρὸς γαληνομόρφου ἀνέπεμπον, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὡς ἁγίασμα Θεοῦ ἀστέρων δίκην ἐξαστράπτοντες· καὶ λαμ-

πάδες χρυσαυγίζουσαι ἐπὶ τῶν χειρῶν αὐτῶν, καὶ ἐν αὐταῖς φῶς ἐξήστραπτε νοερόν, οἷον ἀνθρώπινος νοῦς (f. 241 r.) ἢ γλῶσσα διηγήσασθαι οὐ δύναται, ἀστραπὰς ἀστραπτούσας ἐπαφιοῦσαι ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τοῦ φρικωδεστάτου αἰθέρος ἐκείνου. Καὶ οὗτοι πάντες μετὰ δοξης τε καὶ λαμπρότητος καὶ δορυφορίας μεγίστης ἔνδον τῆς ἐξαισίας ἐκείνης καὶ πανευφήμου ἐχώρησαν πόλεως τῇ τοῦ μεγάλου βασιλέως κελεύσει· οἵτινες ἦσαν οἱ τὴν ἀμώμητον καὶ ἀκηλίδωτον καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ὁμοδίαιτον καὶ Θεῷ ἠγαπημένην παρθενίαν καὶ ἁγνείαν ἐν ἀφθορίᾳ σώματος μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἀμέμπτως φυλάξαντες, οἱ ἐλεημοσύνην μετὰ πίστεως καὶ ταπεινώσεως καὶ συντριβῆς καρδίας ἀμετεωρίστως σύντροφον καὶ ὁδοιπόρον τῆς οὐρανῶν βασιλείας ἀπαγούσης ὁδοῦ κτησάμενοι, οἱ τὴν ἰδίαν κοίτην ἀμείωτον ἑαυτοῖς καὶ Θεῷ φυλάξαντες καὶ παντὸς εἴδους βλαβεροῦ καὶ παθῶν ψυχοφθόρων ἀμέτοχοι γεγονότες. Τούτων οὖν εἰσεληλυθότων ἔνδον τῆς πολυεράστου καὶ μακαρίας πόλεως ἐκείνης, καὶ ὁ ἐπὶ τῇ τούτων εἰσό(f. 241 v.)δῳ καὶ καταπαύσει αἶνος ὑπὸ τῶν θεοειδῶν ἀγγέλων καὶ πάντων τῶν ἐκεῖσε ὄντων ἁγίων τῷ προαιωνίῳ Λόγῳ καὶ ποιητῇ τῶν αἰώνων θαυμαστῶς ἀνεπέμπετο.

Ἔτι τούτων οὕτως ἐχόντων, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ πάνυ ὀλιγωστὴ, τῇ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου καὶ μεγάλου κριτοῦ κελεύσει πλησίον αὐτοῦ ἐπὶ τὴν φρικωδεστάτην πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης αἰθεροποροῦσα παρεγένετο· καὶ οἱ ἐν ταύτῃ πάντες ἄνθρωποι ἔντιμοι καὶ ὡραῖοι σφόδρα ἐτύγχανον, ὡραϊζόμενοι καὶ οἷον ἀλλήλοις προσμειδιῶντες καὶ ἐπιτερπόμενοι ἐπὶ τῇ οἰκείᾳ αὐτῶν ὡραιότητι· ὧν τὰ πρόσωπα αἴγλην ἀστραπῆς περιηύγαζον ῥόδων ἐρυθρότητι καὶ λευκότητι ἐρυθραινόμενά τε ὁμοῦ καὶ λευκαινόμενα· οἱ δὲ χιτῶνες λευκοὶ ὡσεὶ χιών, αἴγλην θαυμασίαν φωτόμορφον ἀναπέμποντες, ἠλειμμένοι τὰς πλευρὰς ὡσεὶ κρίνου ἡδυπνόου εὔχροιαν· ἐν δὲ ταῖς κορυφαῖς αὐτῶν στέφανοι ἀμαράντινοι ἐκ μυριπνόων ἀνθέων ἀλλὰ καὶ χρύσων (f. 242 r.) συντεθειμένοι ἐπέκειντο· καὶ θαυμαστή τις ἦν συμφυΐα ἐν μέσῳ αὐτῶν. Καὶ οὗτοι ὡς ἄγγελοι Θεοῦ ὑπῆρχον περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας ἀστραπὴν καὶ ἐν τοῖς αὐτῶν ποσὶν ὑποδεδυμένοι κοκκινοβαφῆ ὡραιότητα, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν ἦν ἐξαίσιον φῶς ἡλίου δίκην ἀπαυγάζον. Οἵτινες, ὡς ἔφην, εἰς τὴν ἀξιάγαστον καὶ ἀξιάκουστον πόλιν

ἐκείνην ἐν δόξῃ μεγίστῃ ὡραϊζόμενοι πλησιάσαντες, προσεκύνησαν τῷ αἰωνίῳ καὶ ἀθανάτῳ κριτῇ· ὁ δὲ ἐντίμως καὶ προσηνῶς τούτους ὑποδεξάμενος, εὐθέως κατένευσεν εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἔνδον τῆς περιφανεστάτης ἐκείνης πόλεως. Οἵτινες ἦσαν οἱ ἐν συζυγίαις καθαραῖς ἀμιάντους μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν τὰς ἑαυτῶν κοίτας διατηρήσαντες, οἱ τὸ ἀγαθὸν καὶ εὐθὺ ἐνώπιον Κυρίου ἐργασάμενοι, οἱ ἐλεημοσύνας εἰς τοὺς ἐνδεεῖς καὶ πένητας καὶ εὐποιίας προθύμως καὶ ἀνενδότως κατεργασμένοι, οἱ ἐν ταῖς ἐκκλησίαις σχολάζοντες καὶ τῷ ἐν Τριάδι (f. 242 v.) Θεῷ εὐσεβῶς καὶ ὀρθοδόξως λατρεύσαντες, ὃς αὐτοῖς δέδωκε κατὰ τὴν καρδίαν καὶ κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν κληρονόμους γενέσθαι τῆς αἰωνίου ζωῆς. Ἐγὼ δὲ ἔφην πρὸς τὸν ὁδηγοῦντά με θεῖον ἐκεῖνον καὶ ὡραιόμορφον νεανίαν, λέγων· Κύριέ μου, τολμηρῶς ἐρωτῶ σε, σὺ δέ μοι ἀποκρίθητι καὶ τὰ ἀληθῆ μοι σαφήνισον. Ὁ δὲ ἔφη πρός με· Λέγε, ὡς θέλεις, κἀγώ σοι ἀποκρινοῦμαι. Καὶ λέγω πρὸς αὐτὸν μετὰ πολλοῦ δέους· Ἆρα καὶ ἐν ταύτῃ τῇ μακαριωτάτῃ ζωῇ καὶ ἐν τῷ ἀπεράντῳ τούτῳ αἰῶνι ἡ γυνὴ τὸν ἴδιον ἄνδρα κέκτηται καὶ ὁ ἀνὴρ τὴν ἰδίαν γυναῖκα ἕξει ὥσπερ ἐν τῷ κόσμῳ οἱ καθαρῶς καὶ ἀρρυπάρως ἐν φόβῳ Θεοῦ διαζήσαντες καὶ τὰς ἐντολὰς Κυρίου ἀπαρατρώτους φυλάξαντες, ἢ οὔ; Ὁ δὲ φησὶ πρός με· Οὐκ ἔστιν ἐνταῦθα, ἀδελφὲ, ἐπιθυμία καὶ ἡδονὴ τοῦ ματαίου κόσμου ἐκείνου, οὐκ ἔστιν οὐδαμῶς, πρὸς γὰρ ἀφθαρσίαν τῆς κτίσεως ὑπὸ Θεοῦ μεταχωρησάσης οὐκέτι τοιοῦτόν τι βιωτικὸν οἱ ἀφθαρτισθέντες ἄνθρωποι μετέρχονται, ἢ ὅλως σαρκικοῦ τινὸς ἐπιδέονται ἢ μέχρις ἐνθυμήσεως (f. 243 r.) οἱασδήτινος τοῦ κόσμου ἐκείνου ἡδονῆς ὑπεισέρχονται, ἀλλὰ πάντες κατὰ τὸν τοῦ Κυρίου λόγον ὡς ἄγγελοι Θεοῦ εἰσὶ καὶ βίον ζῶσιν ἀγγελικόν, αἰνοῦντες καὶ ὑμνοῦντες σὺν ἡμῖν τὸν ἐν Τριάδι Θεόν. Τούτων οὖν οὕτως εἰρημένων παρὰ τοῦ θείου ἐκείνου νεανίσκου πρός με κἀκείνων τε εἰσεληλυθότων εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ἐν μεγίστῃ χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει καὶ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἔνδον ταύτης ἐξαισίων ταγμάτων αἰνούντων τὸν Κύριον ἀκαταπαύστῳ φωνῇ, ἰδοὺ ὁ τίμιος τοῦ Κυρίου σταυρὸς ἤρθη ἀπὸ τοῦ τόπου οὗ ἵστατο τῆς ἑτοιμασίας διὰ νεφέλης θείας ἐπὶ τοῦ αἰθέρος φερόμενος, ἀστραπὰς ἐκπέμπων καὶ μαρμαρυγὰς ἀκτίνων πυρσοφαῶν· καὶ ἐλθὼν ἔστη ἐπάνω τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ σεβασμίας πόλεως ὅλος

ὡραϊσμένος καὶ δεδοξασμένος κατέναντι τῆς φρικωδεστάτης πύλης ἐν ᾗ ὁ Κύριος ἵστατο, καλῶν κατ' ὄνομα τοὺς ἁγίους αὐτοῦ θεράποντας, οἷα ποιμὴν τὰ ἴδια πρόβατα, καὶ εἰσάγων αὐτοὺς εἰς τὴν αὐλὴν τῆς αἰωνίου αὐτοῦ ζωῆς· ὅπου γὰρ τὰ πρόβατα, φησὶν ἡ θεία γραφή, ἐκεῖ ἔ(f. 243 v.)σται καὶ ὁ ποιμήν.

Ἤδη γὰρ ἐκλελοίπασι πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν τοῦ Κυρίου ἱστάμενοι καταπαύσαντες ἕκαστος εἰς τὰς ἑτοιμασθείσας αὐτοῖς θείας μονὰς παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ ἰδοὺ κατελείφθη τὸ πλῆθός που ἁμαρτωλῶν τὸ ἐξ εὐωνύμων ἱστάμενον κατέναντι τοῦ προσώτων αὐτοῦ. Τοιοῦτον δὲ ὑπῆρχε τὸ πλῆθος αὐτῶν, ὡς τὰ ἄστρα τοῦ οὐρανοῦ καὶ ὡς ἡ ἄμμος ἡ παρὰ τὸ χεῖλος τῆς θαλάσσης καὶ ὡς αὐτὸς ὁ χοῦς τῆς γῆς· οἵτινες ἦσαν οἱ ἀπὸ Ἀδὰμ τοῦ πρωτοπλάστου μέχρι τῆς δευτέρας ἐνδόξου παρουσίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐκ πασῶν τῶν ἐθνῶν καὶ φιλῶν καὶ γλωσσῶν καὶ λαῶν γεγεννημένοι, οἱ πρὸ τοῦ νόμου, φημί, καὶ μετὰ τὸν νόμον καὶ οἱ μετὰ τὴν χάριν ἤτοι τὴν καινὴν διαθήκην, καὶ ἁπαξαπλῶς οἱ ἐκ πάσης θρησκείας καὶ αἱρέσεως ἁμαρτήσαντες καὶ μὴ μετανοήσαντες, καὶ τῶν πονηρῶν καὶ βεβήλων ἔργων καὶ πράξεων (καὶ) μὴ μεταστάντες καὶ διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως καὶ εὐποιΐας πενήτων τὸν Θεὸν μὴ ἐξιλεώσαντες, ἀλλ' ἐν αἷς κατείχοντο ἔ(f. 244 r.)καστος ἁμαρτίαις καὶ ἔργοις θεομισήτοις καὶ βεβήλοις αἱρέσεσι καὶ λατρείαις ὑπεξῆλθον τὸν βίον· οὗτοι πάντες ὑπεύθυνοι ἐν τῇ εὐωνύμῳ μερίδι καὶ παραστάσει εἱστήκεισαν γυμνοὶ καὶ κατάκριτοι, καὶ μάλιστα οἱ μετὰ τὴν χάριν μὴ δεξάμενοι ταύτην καὶ προσδραμεῖν ἐθελήσαντες τῷ φωτὶ ταύτης καὶ διὰ τῆς τοῦ θείου βαπτίσματος ἐλλάμψεως τὰς ψυχάς τε καὶ σώματα καταγαυσθῆναι ἀποστάντες τῆς προτέρας αὐτῶν θρησκείας τε καὶ αἱρέσεως καὶ λατρείας καὶ πάσης ἀκαθάρτου πράξεως. Πρὸς τούτοις καὶ πάντες οἱ ἐν τῷ θείῳ βαπτίσματι μὲν προσελθόντες καὶ χριστιανοὶ ὀνομασθέντες, τὰς δὲ θείας τοῦ Χριστοῦ καὶ σωτηριώδεις ἐντολὰς παρωσάμενοι καὶ πᾶσαν παρανομίαν καὶ ἀκαθαρσίαν καὶ αἴσχιστον καὶ θεοστυγῆ ἐργασίαν ποθήσαντες καὶ δι' αὐτῶν τὸν Θεὸν παροργίσαντες καὶ τὸν Σατᾶν ἀποθεραπεύσαντες καὶ τούτῳ προσκολληθέντες, καὶ μηδὲ κἂν ἐν τῷ τέλει τῆς ζωῆς αὐτῶν μηδὲ ἐν

τῇ ἐσχάτῃ αὐτῶν ἀναπνοῇ τούτων τῶν βεβήλων καὶ θεοστυγῶν (f. 244 v.) πράξεων ἀποστάντες, οἷον τί λέγω; φόνου, πορνείας, μοιχείας, αἱμομιξίας, ἀρσενοκοιτίας, φθόνου, μίσους. Καὶ ἵνα μὴ τὸ καθ' ἓν ἀκάθαρτον φθοροποιὸν πάθος κατ' ὄνομα λέγω καὶ τὸν λογον μηκύνω καὶ αὐτὸν τὸν ἀέρα μολύνω τοῖς λόγοις, εὐθύ τι καὶ σύντομον ἐρῶ· πάσης ἀθέσμου καὶ παρανόμου ἐργασίας. Οὗτοι πάντες παρειστήκεισαν κριθησόμενοι, οἱ μὲν, ὡς ὁ ὁδηγῶν με εἰς πᾶσαν τούτων θεωρίαν θεοειδὴς ἐκεῖνος νεανίας ἀριδηλοτατα διεσάφησεν, ὅτι οὐκ ἔγνωσαν τὸν τούτους ποιήσαντα, ἀλλ' ἐν ἀψύχοις στοιχείοις καὶ ἀκαθάρτοις ἑρπετοῖς καὶ κνωδάλοις καὶ λίθοις τὴν τῆς σωτηρίας αὐτῶν ἐλπίδα ἀνέθεντο, οἱ δὲ ὡς τῶν προφητῶν μὴ θελήσαντες ἐπακοῦσαι διαρρήδην κηρυττόντων τὴν ἔνδοξον κατὰ σάρκα πρώτην παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ ἐπιστρέψαι καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτὸν καὶ τούτων τοῖς ἴχνεσι καὶ διδάγμασιν ἐπακολουθῆσαι καὶ τῷ θεογράφῳ νόμῳ προσκολληθῆναι (f. 245 r.), ἀλλ' εἰδώλοις καὶ δαίμοσι λατρεύσαντες καὶ τούτοις προσκολληθέντες· οἱ δὲ, ὅτι καὶ μετὰ τὴν ἔνσαρκον παρουσίαν καὶ θεοφάνειαν αὐτοῦ τοῦτο οὐκ ἐπίστευσαν, οὐδὲ ἐδέξαντο αὐτὸν, ἀλλὰ καὶ τέλειον μῖσος ἐμίσησαν αὐτὸν, οἳ καὶ ἐσταύρωσαν αὐτὸν ἀδίκῳ θανάτῳ παραδοντες αὐτὸν, καὶ μέχρι τῆς σήμερον μώμοις καὶ ὕβρεσι καὶ χλευασμοῖς βάλλοντες αὐτὸν οὐ διέλιπον· οἱ δέ γε πρὸς τούτοις ὅτι καὶ τοῦτον δεξάμενοι καὶ τῷ ἁγίῳ αὐτοῦ βαπτισματι τελειωθέντες καὶ τὴν χάριν τοῦ ἁγίου Πνεύματος λαβόντες καὶ χριστιανοὶ κληθέντες καὶ ὀνομασθέντες καὶ τὰς τούτου θείας, ὡς εἴρηται, καὶ σωτηριώδεις ἐντολὰς βδελυξάμενοι καὶ τελείως μισήσαντες καὶ ταῖς τούτων ἐπιθυμίαις καὶ ἡδοναῖς ματαίοις καὶ ἔργοις θεομισήτοις καὶ παρανόμοις πράξεσι προθύμως καὶ σπουδαίως ἕως τέλους ζωῆς αὐτῶν δουλεύσαντες, καὶ μελλούσης κρίσεως καὶ κολάσεως καὶ ἀνταποδοσεως ἀξίας τῶν βεβιωμένων καὶ βασιλείας (f. 245 v.) οὐρανῶν μὴ μνησθέντες πώποτε καὶ ἐπιστρέψαντες διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως τὸν κριτὴν ἐξιλεώσαντες, ἀλλὰ μᾶλλον καὶ ὅπερ ἐνεδύθησαν ὑπὸ τοῦ θείου βαπτίσματος φωτοειδὲς καὶ ὡς ἀληθῶς σωτήριον ἱμάτιον, ἔργοις ἀκαθάρτοις μολύναντες καὶ ῥυπώσαντες, λέγοντες ἐν ἑαυτοῖς. σήμερον τοῖς θελήμασιν ἡμῶν ἐπακολουθήσομεν, καὶ αὔριον τῷ Θεῷ

δουλεύσομεν. ἐπ' ἀδήλοις δὲ φενακισθέντες καὶ καταγηράσαντες ἐν ταῖς ἁμαρτίαις καὶ ἡδοναῖς αὐτῶν καὶ ἐξαίφνης ἁρπαγέντες ὑπὸ τοῦ θανάτου καὶ πρὸς ᾅδου πέταυρον ἀμετανοήτως καταχθέντες. οὗτοι πάντες καὶ πᾶσαι παρειστήκεισαν κριθησόμενοι ἀνέτοιμοι καὶ κατησχυμμένοι, ῥυπαροί, ἀειδεῖς, δυσειδεῖς, σκοτεινοί, δυσώδεις, βεβορβορωμένοι, ἐλεεινοὶ παντελῶς καὶ ἀναπολόγητοι, προσδοκῶντες ἕκαστος ἐλεγχόμενος ὑπὸ τῆς ἰδίας συνειδήσεως ἀπελεύσεσθαι εἰς τὴν ἀπέναντι τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν κυμαινομένην ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυ(f 246 r.)ρός.

Τούτων οὕτως ἐχόντων καὶ τοῦ θαυμαστοῦ ἐκείνου καὶ ὡραίου νεανίσκου πρός με διαλεγομένου καὶ σαφηνίζοντός μοι ταῦτα, ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ εὐώνυμα αὐτοῦ καὶ ἐπὶ τοὺς ἐκεῖσε παρεστῶτας πάντας ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς, οἵτινες ὑπῆρχον, ὡς ἔφημεν, ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς γῆς καὶ τὴν ψάμμον τῆς θαλάσσης, καὶ ἰδοὺ τὸ πανάχραντον καὶ ἅγιον αὐτοῦ Πνεῦμα παροξυσμῷ καὶ ὀργῇ δικαίᾳ ὀργίσθη καὶ ἐθυμώθη ἐπ' αὐτοὺς τοὺς καὶ ἀπηλλοτριωμένους ἐκ μήτρας, καὶ ὁρῶν κατὰ πρόσωπον τὰς αὐτῶν ἁμαρτίας ἔτι πλέον ἐθυμοῦτο καὶ παρωξύνετο σφοδρα· πᾶσα γὰρ ἀνομία καὶ ἀκαθαρσία, ἣν εἰργάσατο ἕκαστος ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ, ἦν γεγραμμένη πρὸ προσώπου αὐτῶν καὶ ἀειδεῖς αὐτοὺς καὶ ἠσβολομένους ἐδείκνυεν. Αἴφνης οὖν ὡράθη ἐν τῇ δεξιᾷ Κυρίου ῥάβδος πύρινος, ἣν ὠθήσας ἔρριψεν αὐτὸν πάντων κατὰ προσωπον τῶν υἱῶν τῆς ἀνομίας καὶ ἀπολείας ἐν μέσῳ· καὶ γέγονε χωρισ(f. 246 v.)μὸς καὶ ἀφορισμὸς ἀναμέσον τούτων, καὶ ἔστησαν ἐν μέρει καὶ μέρει πᾶσα συναγωγὴ καὶ φυλὴ καὶ γλῶσσα καὶ λαὸς αὐτῶν, καὶ πᾶσα πίστις καὶ δοξα καὶ αἵρεσις καὶ λατρεία τε καὶ θρησκεία κατὰ μέρος καὶ μέρος. Καὶ ἰδοὺ ἔστησαν μέρος οἱ ἀπὸ Ἀδὰμ μέχρι τοῦ κατακλυσμοῦ πάντες ἁμαρτωλοί, καὶ μέρος οἱ ἀπὸ τοῦ Νῶε μέχρι Μωϋσέως, καὶ μέρος ἀπὸ Μωϋσέως μέχρι τῆς ἐνσάρκου ἐπιφανείας καὶ παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ μέρος οἱ ἀπὸ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ κατὰ σάρκα γεννήσεως καὶ παρουσίας μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος· Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐν ὀργῇ αὐτοῦ πρὸς αὐτοὺς, καὶ εὐθέως παρεγένετο ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς νεφέλη, ἐν ᾗ ἦσαν οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρός, καὶ ἥρπασαν πάντες τοὺς ἀπὸ Ἀδὰμ

καὶ μέχρι τῆς παραδόσεως τοῦ νόμου Μωϋσέως ἀσεβεῖς καὶ ἁμαρτωλοὺς καὶ ἠκόντισαν αὐτοὺς ἐπὶ τῷ ῥοίζῳ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου βρέμοντος καὶ καχλάζοντος πυρὸς τῆς θαλάσσης· οἵτινες ἠλάλαξαν πικρῶς καὶ ὀδυνηρῶς πον(f. 247 r.)τούμενοι, τὸ οὐαὶ καὶ οὐαί· θρῆνός τε καὶ κωκυτὸς μέγα δεινῶς ἐξηκούετο παρ' αὐτῶν ἐν τῇ ἀσβέστῳ ἐκείνῃ φλογί.

Καὶ μετὰ ταῦτα διεχωρίσθησαν εἰς μέρος ὅσοι χριστιανοὶ μὲν ἐχρημάτιζον, ἐν δὲ τῷ καιρῷ τοῦ διωγμοῦ ἐπὶ τῶν διωκτῶν ἀρνησάμενοι τὸ θεῖον καὶ σεβάσμιον ὄνομα τοῦ Χριστοῦ καὶ τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες, καὶ παρέστησαν τῷ δικαίῳ κριτῇ· οἵτινες ἦσαν κατηχρειωμένοι, ἐλεεινοὶ καὶ δύσκρατοι καὶ βδελυκτοὶ καὶ μεμισημένοι ἐν τῷ ὁρᾶσθαι αὐτοὺς, καὶ οὐκ ἦν εἰκασμὸς τῆς ἀσχημοσύνης αὐτῶν. Καὶ ἀπεφήνατο ὁ βασιλεὺς κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ ἄγγελοι πύρινοι ἐν τάχει κατῆεσαν ἐπ' αὐτοὺς καὶ τῶν τριχῶν τούτους δραξάμενοι ἐν τῷ μέσῳ ἠκόντισαν τῆς ἀσβέστου θαλάσσης ἐκείνης τοῦ πυρός· οἵτινες φρικτὰς ἠφίουν φωνὰς ὀδυνηρῶς ἀλαλάζοντες τό· Ἐλέησον ἡμᾶς, Υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος.

Καὶ μετὰ τούτους, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ὑπὸ τῆς ῥάβδου διεστάλη, καὶ αὐτὴ αἵματι ἀπείρῳ πεφοινιγμένη καὶ πᾶν ἠχρειωμένη (f. 247 v.) ἐτύγχανεν· ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ ἀπ' αἰῶνος φονεῖς καὶ λῃσταὶ καὶ πάντες ὅσοι τινὰς ὁμοφύλους τε καὶ ὁμοφυεῖς ἐν γῇ τε καὶ ἐν θαλάσσῃ καθ' οἱονδήτινα τρόπον ἀδίκως ἐθανάτωσαν. Καὶ ἀπεφήνατο ὁ Κύριος κατ' αὐτῶν, καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι καὶ αὐτομάτως ἦραν αὐτοὺς καὶ κατεπόντισαν ἐπὶ τοῦ καχλάζοντος καὶ βρύθοντος ἐκείνου πυρὸς τῆς θαλάσσης· ὁ δὲ κλαυθμὸς καὶ ὀλολυγμὸς αὐτῶν καὶ αἱ βοαὶ ἀνήρχοντο μέχρι τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ πικρῶς ὀδυρομένων καὶ λεγόντων· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ μονογενὴς Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ· καὶ οὐχ ὑπῆρχεν ὁ ἐλεῶν καὶ ἐξαιρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἀνάγκης.

Καὶ μετὰ τούτους διεχώρισεν Κύριος ὁ Θεὸς ἀπὸ τῶν κατακρίτων τῆς εὐωνύμου μερίδος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ, καὶ οὗτοι ἔστησαν ἰδιαζόντως ἐν αἰσχύνῃ μεγάλῃ καὶ δάκρυσιν ἀφορήτοις τὸ ἔδαφος τῆς γῆς καταβρέχοντες, διότι ἀκάθαρτοι καὶ μιαροὶ ὑπῆρχον σφόδρα καὶ βέβηλοι· οὗτοι γὰρ ἦσαν μοιχοὶ καὶ μοιχαλίδες, οἱ τὰς

ἐτέ(f. 248 r.)ρων κοίτας μολύναντες καὶ ἐπὶ τῇ ἀθέσμῳ αἰμομιξίᾳ ὡς κύνες ῥινηλάται βαδίσαντες καὶ τὰς ἑαυτῶν ψυχὰς καὶ τὰ σώματα καταμιάναντες· οἵτινες ἔφριττον καὶ ἔτρεμον ἀπὸ προσώπου Κυρίου αἰσχυνόμενοι ὁρῶντες τὴν ἑαυτῶν ἀκαθαρσίαν καὶ δυσδαίμονα μορφήν. Οὓς ἰδὼν ὁ δίκαιος κριτὴς καὶ τούτους σφοδρα βδελυξάμενος ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῆς δικαιοκρισίας ἄγγελοι πύρινοι παραλαβόντες αὐτοὺς, ἀφειδῶς πυρίνοις ῥοπάλοις τύπτοντες αὐτοὺς, ἐνέβαλον εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρὸς τὴν παφλάζουσαν. Καὶ ἦν ἰδεῖν ἐπ' αὐτοὺς ἐλεεινὸν θέαμα καὶ φρικτόν· ἐμβληθέντες γὰρ ἐν τῷ αἰωνίῳ ἐκείνῳ πυρὶ καὶ ἐν πείρᾳ γενόμενοι τῆς ἀθανάτου ἐκείνης πυρκαϊᾶς ἔτρυζον τοὺς ὀδόντας καὶ γοερῶς ἐβρύχοντο, καὶ ὁ βρυχηθμὸς τούτων καὶ αἱ βοαὶ ἀνέβαινον μέχρι τοῦ οὐρανοῦ. Οἵτινες γοερῶς ἐβόων· Ἐλέησον καὶ φεῖσαι ἡμῶν, Κύριε, ὅτι ἕτερον ἐκτός σου Θεὸν οὐκ οἴδαμεν, οὐδὲ χεῖρας (f. 248 v.) ἡμῶν διεπετάσαμεν πρὸς Κύριον ἀλλότριον, οὐδὲ προσεκυνήσαμεν Θεῷ ἀλλοτρίῳ· ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ εἰσακούων καὶ ἐλεῶν αὐτοὺς, διότι ἐκαύθη ὁ δίκαιος θυμὸς τοῦ κριτοῦ ἐπὶ τὸ ἀποδοῦναι αὐτοῖς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, ὡς μὴ βουληθέντας μετανοῆσαι καὶ ἐπιστρέψαι ἀπὸ τῶν ἀκαθάρτων αὐτῶν ἔργων πρὸς Κύριον καὶ σωθῆναι.

Ἔτι μετ' αὐτοὺς διέστειλεν ἡ ῥάβδος Κυρίου ἀπὸ τοῦ ἐπαράτου κλήρου τῶν εὐωνύμων, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ, καὶ αὕτη ἦν πονηρὰ καὶ ἁμαρτωλὸς σφόδρα, ὧν τὰ πρόσωπα ἦσαν ὡς αὐτοῦ τοῦ Σατανᾶ ἠσβολωμένα καὶ καταπεφυρμένα· καὶ διεχεῖτο ἐπ' αὐτὰ ἰὸς δυσώδης καὶ χαλεπὸς τοῦ ἰχῶρος τῆς βδελυρίας αὐτῶν, ὡς ἐκ βορβόρου ἐπιπορευομενος· τὰ δὲ σώματα αὐτῶν ὥσπερ χοίρου ἦσαν ἄρτι ἐκ βορβόρου καὶ κόπρου ἐγηγερμένου, καὶ αὐτοὶ ἑαυτοὺς ἐβδελύσσοντο καὶ ἐμίσουν, ἐπειδὴ πρὸ προσώπου αὐτῶν ὑπῆρχεν ἡ βέβηλος καὶ ἄθεσμος αὐτῶν αἰσχρουργία καὶ πρᾶξις, καὶ κατενώπιον αὐτῶν ἦν ἡ ἁμαρτία αὐτῶν. Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ ἀρσενοκοῖται καὶ παι(f. 249 r.)δοφθοροι καὶ αἱμομίκται, οἱ τὴν παρὰ φύσιν μιξιν ἐπὶ τῆς γῆς ἐργασάμενοι, λέγω δὴ οἱ ἄρρενες ἐν ἄρσεσι αἰσχημοσύνην ἐνδειξάμενοι· διὸ καὶ ἐβδελύξατο αὐτοὺς Κύριος ὁ Θεὸς σφοδρα. Καὶ ἰδοὺ λεγεὼν ἀγγέλων τῶν ἐπὶ τῶν τιμωριῶν τεταγμένων, καὶ ἐπένευσεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος χάλαζαν καὶ ὡσεὶ πλείστην βροχὴν

ὑετοῦ ἐν καιρῷ τοῦ χειμῶνος, οἵτινες ἐπιθέντες ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν ὡσεὶ μύλους σιδηροῦς ῥοιζηδὸν ἁρπάσαντες αὐτοὺς ἐπὶ τῆς θαλάσσης τοῦ παμφάγου πυρὸς ἀπηκόντισαν, ἔνθα ὁ σκώληξ ὁ ἀκοίμητος μυρμηδὸν ἀνεβράζετο καὶ ἀνεδίδοτο· καὶ ἐν τῷ ἅψασθαι αὐτῶν τὸ πῦρ ἐκεῖνο τὸ φοβερὸν καὶ οἱ ὀφιοειδεῖς σκώληκες, βοαὶ φρικταὶ καὶ κωκυτοὶ μέγιστοι ἐκ μέσου αὐτῶν ἐξηκούοντο, ὀδυρμός τε πολὺς καὶ πικρὸς σφόδρα ἐξηχεῖτο ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς ὑπ' οὐρανόν. Μονον γὰρ ἠνωτιζόμεθα ὑποδυρομένων αὐτῶν καὶ λεγόντων· Οὐαὶ καὶ πικρῶς φεῦ. Ταύτης οὖν τῆς ὀδυνηρᾶς καὶ μεγάλης ἀνάγκης καὶ φρικωδεστάτης βοῆς ἐξακουομένης (f. 249 v.) εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς, θρῆνος καὶ ὀδυρμὸς ἦν πολὺς σφόδρα καὶ πικρὸς ἐπὶ πᾶσι τοῖς ἐξ εὐωνύμων, καὶ συνετρίβοντο τὰ οστᾶ τύπτοντες τὰ πρόσωπα αὐτῶν ταῖς ἰδίαις χερσὶ καὶ διεπρίοντο τὰς καρδίας μετανοοῦντες ἐφ' οἷς ἥμαρτον· ἀλλ' οὐκ ἦν ὅλως ἐν αὐτοῖς ὄφελος, διότι ὁ τῆς μετανοίας καὶ τῶν δακρύων καιρὸς ἐκλείσθη καὶ ὁ ἐπὶ τούτοις οἶκτος ἀπεσβέσθη καὶ ἀπελήλακεν· εἰ γὰρ ὧδε ἐκλαύσαμεν, ἐκεῖθεν ἂν ἐχάρημεν· φησὶ γὰρ ὁ Κύριος· Μακάριοι οἱ κλαίοντες νῦν, ὅτι γελάσονται.

Ἔτι διέστειλεν ἡ ῥάβδος ἀπὸ τῆς εὐωνύμου μερίδος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἐξ ἑκατέρας γενέσεως, τῆς τε ἄρρενος καὶ τῆς θηλείας, διακριθεῖσα ἔστη κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ, ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ὡς ἡ δορὰ τῆς καλουμένης σαύρας ἢ ὄφεως κεράστου, καὶ πλῆθος σφηκῶν καὶ μυιῶν καὶ ἑτέρων ἀπείρων ἰοβόλων ἑρπετῶν ἀκαθάρτων γένη, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς (καὶ), ἐφ' ἑνὶ ἑκάστῳ αὐτῶν ἀπῃώρηντο· καὶ ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν χολέ(f. 250 r.)ρα χολῆς καὶ γνοφου ὡρᾶτο, καὶ ἐν τοῖς ποσὶν αὐτῶν σκοτος καὶ ὀλίσθημα· ταῦτα δὲ τύποι καὶ σαφὴς διάγνωσις τῆς ἐνδελεχούσης αὐτῶν αἰσχρουργίας ἐνηδόνου καὶ συνομιλίας καὶ συγκαταθέσεως αὐτοῖς. Καὶ εἶδε Κύριος εἰς αὐτοὺς καὶ παρωξύνθη θυμῷ καὶ ἐβδελύξατο καὶ μεμίσηκεν αὐτοὺς σφοδρα καὶ ἐπένευσε τοῖς ἐπὶ τοῦ πυρὸς ἀγγέλοις· οἳ καὶ ἤκασιν ἀποτομως εἰς αὐτοὺς καὶ ἐπέθηκαν ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν ἀλύσεις βαρείας σφόδρα καὶ ἐνέβαλον αὐτοὺς εἰς τὴν φοβερὰν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρός. Ἐμβληθέντες οὖν ἐν τῇ τοιαύτῃ πανδεινῳ τιμωρίᾳ οἱ ἄθλιοι ἔβρυχον τοὺς ὀδοντας αὐτῶν ἐν ἰσχύι ἀπὸ τοῦ συνέχοντος αὐτῶν πόνου, ἐμπυριζόμενοι καὶ βιαίως στενοχωρούμενοι καὶ διαπριόμενοι

σφοδρῶς, τὸ οὐαὶ ἐπὶ οὐαὶ γοερῶς φθεγγόμενοι καὶ βαρβαρικῶς ἀλαλάζοντες, τὴν συνέχουσαν αὐτοῖς πικρὰν δριμύτητα καὶ ὀδύνην τοῦ πυρὸς ὑπέμεινον καὶ ὑπεσήμαινον, θρηνοῦν(f. 250 v.)τες καὶ ὀλολύζοντες καὶ μεταμελούμενοι ἐφ' οἷς ἀφρόνως ἐν τῷδε τῷ βίῳ εἰργάσαντο· Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι μάγοι, ἐπαοιδοί, φαρμακοί, γόητες, ἐγγαστρίμυθοι, μαλακοί, λεκανομάνται, νεκυομάνται, ἀστρονόμοι, οἰκοσκόποι καὶ οἱ τούτοις προσερχόμενοι ἐπ' ἀπωλείᾳ ἀνθρώπων πρὸς τὸ ἐκπληρῶσαι καὶ ἐκτελέσαι τὰ πονηρὰ καὶ αἰσχρὰ αὐτῶν θελήματα καὶ κατορθώματα· οἵτινες οὐκ ἠβουλήθησαν ἀποστρέψαι ἀπὸ τῆς τοιαύτης αὐτῶν μυσαρᾶς θρησκείας καὶ πονηρᾶς ἐργασίας κἂν ἐν τῷ τέλει τῆς ζωῆς αὐτῶν, καὶ προσδραμεῖν τῇ μετανοίᾳ καὶ ἐξομολογήσει καὶ οὕτω τυχεῖν τῆς ἀφέσεως τῆς προκειμένης κολάσεως καὶ τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας ἐπιτυχεῖν, ἀλλὰ συνετελεύτησαν καθὼς συνέζησαν ταῖς αὐτῶν ἀκαθαρσίαις· καὶ διὰ τοῦτο εὗρεν αὐτοὺς τοιαῦτα κακά.

Μετ' αὐτοὺς οὖν διέστειλεν ἡ θεία καὶ κραταιὰ ῥάβδος τῆς ἰσχύος Κυρίου ἐκ τῆς εὐωνύμου συναγωγῆς πλῆθος λαοῦ πολὺ σφό-(f. 251 r.)δρα, οἳ ἔστησαν κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ· ἦν δὲ ἡ δορὰ τοῦ προσώπου αὐτῶν κτηνώδης καὶ πτύελοι κτηνῶν αἱματώδεις καὶ ἀφρώδεις περιεχεῖντο ἐπὶ παντὸς τοῦ σώματος αὐτῶν· καὶ οὗτοι ἀειδεῖς σφόδρα ἐτύγχανον. Οἵτινες ἦσαν οἱ μετὰ κτηνῶν μιγέντες χριστιανοί, εἴτουν κτηνοβάται, οἱ μηδέποτε μετανοήσαντες ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ ἀθέσμῳ καὶ βδελυρᾷ ἐργασίᾳ. Τούτους ἰδὼν ὁ δίκαιος κριτὴς καὶ βδελυξάμενος αὐτοὺς σφόδρα, ἐπένευσε τοῖς ἐπὶ τῶν κολάσεων φοβεροῖς ὑπηρέταις αὐτοῦ, οἵτινες μετὰ σφοδροῦ τοῦ τάχους ἦραν αὐτοὺς ὀδυρομένους καὶ κοπτομένους πικρῶς καὶ ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν δάκρυα ἀκατάσχετα καταχέοντας καὶ τὰ πρόσωπα τύπτοντας ταῖς χερσί, καὶ εἰς τὴν τοῦ πυρὸς θάλασσαν κατεκρήμνισαν· οἱ δὲ κατακαιόμενοι ἐν τῇ ἀσβέστῳ φλογὶ ἐκείνῃ δεινῶς ἐπωδύροντο λέγοντες· Οὐαί, οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι δεινῶς κατεκαύθημεν κατακαιόμενοι· (f. 251 v.) ἀλλ' οὐδεὶς ὁ εἰσακούων καὶ ἐλεῶν αὐτοὺς ἢ σπλάγχνα οἰκτιρμῶν ὑπανοίγων αὐτοῖς. Ἀλλὰ ἀνηλεῶς οὕτως ἐν τῷ φρικτῷ ἐκείνῳ καὶ ἀσβέστῳ πυρὶ κατακαιόμενοι οὐ διεφθείροντο ἢ ἐναπέθνησκον φλογιζόμενοι· καὶ τοῦτο ἦν τὸ μεῖζον δεινόν, ὅτι σῶοι καὶ

ἄφθαρτοι διαμένοντες ἀκατάπαυστον καὶ ἀτελεύτητον τὴν τιμωρίαν ἐκέκτηντο.

Εἴδομεν οὖν ἔτι, καὶ ἰδοὺ πᾶσαι αἱ οὐρανίαι δυνάμεις κατὰ ἀνατολὰς καὶ κατὰ δυσμὰς καὶ κατὰ μεσημβρίαν καὶ ἄρκτον παρεστήκεισαν φόβῳ καὶ τρόμῳ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, οὐκ ἐν τῇ καινῇ γῇ ἐκείνῃ, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος, καὶ πᾶσα ἡ κτίσις οὐκ ἐχώρει αὐτούς· ὁ δὲ Κύριος ἦν ἑστὼς παρὰ τὴν φρικτὴν ἔτι ἐκείνην πύλην τῆς θαυμασίας καὶ ἀνεκδιηγήτου πόλεως ξένην καὶ φρικωδεστάτην λαμπρότητα αὐγάζων καὶ διαύγειαν οἵαν νοῦς ἀνθρώπινος ἢ γλῶσσα οὐ δύναται φθέγξασθαι καὶ διηγήσασθαι.

Ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε καὶ διεστείλατο ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμου συναγωγῆς, καὶ ἰδοὺ λαὸς ὀλίγος (f. 252 r.) ἐκσπασθεὶς ἐξ αὐτῆς ἔστη ἰδιάζων κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· οἵτινες ἐνεδέδυντο ἔνδυμα πονηρὸν ἐν τοῖς σκηνώμασιν αὐτῶν, καὶ ἦλοι ἀκανθώδεις ἐπὶ τοῖς ἐνδύμασιν αὐτῶν ἐπεπήγεσαν, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἠφανισμένα ἀπὸ τῆς ἄγαν στυγνότητος αὐτῶν, τὸ δὲ σῶμα αὐτῶν ἅπαν ἰχώρων ἐπεπλήρωτο ἐκπέμπον δυσωδίαν ἀνέκφραστον, καὶ στρεβλοὶ οἱ πόδες αὐτῶν, θανάσιμον δὲ σημασίαν κατεῖχον ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν. Οὓς ἰδὼν ὁ Κύριος ἐν τοιαύτῃ ἀκαθαρσίᾳ τυγχάνοντας, ἀπώσατο αὐτοὺς σφόδρα ὀργισθεὶς ἐπ' αὐτοῖς καὶ ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν ἀπόφασιν στυγεράν· καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι ἥρπασαν αὐτοὺς καὶ ἐνέβαλον εἰς τὴν θάλασσαν τοῦ πυρὸς τὴν καιομένην, σίδηρα καὶ ἁλύσεις βαρείας καὶ χαλεπὰς ἐπιθέντες ἐπὶ τοὺς αὐχένας αὐτῶν· καὶ αὐτοὶ ἐθρήνουν κλαυθμὸν ἀπαράκλητον, καὶ οὐδεὶς ἦν ὁ ἐξαιρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἀνάγκης. Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ αὐτοφονευ(f. 252 v.)ταὶ καὶ αὐτεπίβουλοι ἑαυτῶν γεγενημένοι καὶ ἢ δι' ἀγχόνης ἢ διὰ ξίφους ἢ ἄλλως πως ἑαυτοὺς θανατώσαντες καὶ τῆς παρούσης ζωῆς ἀποστερήσαντες, ἢ ἑκουσίως ἑαυτοὺς φαρμακεύσαντες, ἢ χρημνίσαντες, ἢ εἰς λίμνας καὶ φρέατα ἐμβαλόντες καὶ τὸν ἐχθρὸν ἀποθεραπεύσαντες, τὸν δὲ κοινὸν Πατέρα καὶ Θεὸν σφόδρα λυπήσαντες. Ἔνθεν τοι καὶ παντελεῖ ἀφανισμῷ καὶ ἀπωλείᾳ παρέπεμψεν αὐτοὺς ὁ Κύριος.

Εἶτα ἐπένευσεν ἐπὶ τοῖς εὐωνύμοις αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ χωρισθεῖσα ἔστη ἰδίως κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ, καὶ πάντες οἱ ἅγιοι καὶ δίκαιοι ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων προκύψαντες τῆς

ἁγίας πόλεως ἐώρων αὐτοὺς καὶ πάντα τὰ τελούμενα ἐπ' αὐτούς· οἵτινες δίκας ἀπετίννυον ἐπ' αὐτοῖς ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ καὶ ἀπαραλογίστου κριτοῦ. Τῆς δὲ ἄρτι χωρισθείσης συναγωγῆς, ὁ ὄχλος ἄπειρος ἦν ἀναρίθμητος ἐπ' αὐτῇ· οἵτινες ὥσπερ αἰθιόπων χεῖρας ἠσβολωμένας ἐκέκτηντο, καὶ ἡ ὄψις αὐτῶν ὡς κονία σποδοῦ κατακεκαυμένης, καὶ σύντρο(f. 253 r.)μοι οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ῥάκει πενιχρῷ διερρωγότι καὶ ῥερυπωμένῳ, οἱ πόδες αὐτῶν δορὰς ἐρίφων ὡσανεὶ περικείμενοι· ἐν οἷς μεγάλως ἠσχύνοντο ὁρῶντες ἑαυτῶν τὴν ἐλεεινὴν πενίαν καὶ βδελυκτὴν ἀσχημοσύνην καὶ τὸ σκότος τὸ ἐπ' αὐτοῖς· καὶ θλῖψις ἦν ἀφόρητος ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν ἀνομιῶν αὐτῶν. Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος ἐν τοιαύτῃ ἀηδίᾳ καὶ ἀσχημοσύνῃ ὄντας, μεγάλως ἐβδελύξατο αὐτοὺς καὶ παρέδωκε τούτους τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις, οἵτινες ὡς λέοντες ὠρυόμενοι ἐπέπεσον ἐπ' αὐτοῖς· οἳ καὶ τῷ ἀναστήματι φοβεροὶ τυγχάνοντες, ὥσπερ γίγαντες, χεῖράς τε αὐτῶν ἐδέσμουν καὶ πόδας ἐν ἱμᾶσι σιδηροπλέκτοις πεπυρακτωμένοις σφόδρα καὶ κατέρριπτον αὐτοὺς ἐπὶ τὸν πικρὸν ὄχθον κατέναντι δυσμῶν τῆς φοβερᾶς ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός· καὶ αὐτοὶ μεγάλως τὸ οὐαὶ διεμερίζοντο γευσάμενοι τῆς πικροτάτης ὀδύνης τοῦ πυρός, καὶ οὐχ ὑπῆρξεν ὁ ἐξαι-(f. 253 v.)ρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἐκείνης ἀνάγκης. Οὗτοι δὲ ἦσαν κλέπται, συλωταί, νυκτοπόροι, λαθροκάκουργοι καὶ λῃσταί, οἵτινες μετὰ τῆς τοιαύτης αὐτῶν ἐργασίας τὸν βίον κατέστρεψαν, μὴ φθάσαντες μετανοῆσαι καὶ ἀποστρέψαι ἕκαστος ἀπὸ τῆς ὁδοῦ αὐτοῦ τῆς πονηρᾶς καὶ ἐν μετανοίᾳ τὸν κριτὴν ἐξιλεώσασθαι.

Μετὰ δὲ τούτους διεχώρισεν ὁ δίκαιος κριτὴς ῥάβδῳ δυνάμεως αὐτοῦ ἀπὸ τῆς τῶν ἁμαρτωλῶν μερίδος καὶ ὁμηγύρεως ἑτέραν παρεμβολήν, ἥτις ἐληλυθυῖα ἔστη ἐξ ἐναντίας αὐτοῦ· καὶ αὕτη ἦν κατῃσχυμένη εἰς τέλος, καὶ ἀπὸ στόματος αὐτῶν ἐσμὸς σκωλήκων ἐξήρχετο καὶ δυσωδία ἄρατος, καὶ ὄφεις εἱλίσσοντο ἐφ' ἑνὸς ἑκάστου τράχηλον ἕως τῆς κορυφῆς, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν φορβιὰς ἤτοι κοράκους κατέχοντες· ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ὑπῆρχεν ὡς ἱστὸς ἀράχνης καπνῷ ζοφώδει ἀμαυρώμενος, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὁμίχλῃ ἐσπαργανωμένα. Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος σφόδρα ἐβδελύξατο καὶ ἐ(f. 254 r.)βαρύνθη λίαν θυμωθεὶς ἐπὶ τῇ ἀηδίᾳ καὶ ἀσχημοσύνῃ αὐτῶν· ἦσαν γὰρ οὗτοι

ψεῦσται καὶ ψευδομάρτυρες, βαρεῖς ἐπίορκοι καὶ ὀρκομόται, οἵτινες ἔβλαψαν οὐκ ὀλίγους καὶ ἐθανάτωσαν αὐτούς, μὴ ἔχοντες τὸν τῶν ἐκδικήσεων Κύριον λέγοντες, καὶ οὕτω τὸν βίον ἑαυτῶν διετέλεσαν μὴ μετανοήσαντες. Καὶ ὁ Κύριος ἦν φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ πρὸ προσώπου αὐτοῦ φιάλαι πεπληρωμέναι θυμοῦ δικαιοκρισίας, καὶ οἱ οἰκτιρμοὶ αὐτῶν ἀπεστραμμένοι ὄπισθεν αὐτοῦ ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ. Καὶ παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς ἑτασταῖς ἀγγέλοις, καὶ αὐτοὶ ἐδίδουν θρήνους καὶ οἰμωγὰς ἀπαύστως βοῶντες καὶ λέγοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆ Υἱὲ τοῦ Θεοῦ, οἰκτείρησον ἡμᾶς, αἰώνιε βασιλεῦ· ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτούς. Καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι, ὡς ἀπότομοί τινες καὶ ἄσπλαγχνοι, ὡς ἀνελεήμονες καὶ δεινοί, ἐπ' αὐτὸ τοῦτο παρὰ τοῦ πάντων κριτοῦ καὶ δημιουργοῦ τεταγμένοι, καὶ ἐπέβαλον (f. 254 v.) ἐπ' αὐτοὺς τὰς χεῖρας αὐτῶν καὶ ἔσυρον αὐτοὺς ἐκ τῶν τριχῶν ἀποτόμως καὶ ἀνηλεῶς, τύπτοντες αὐτοὺς ἰσχυρῶς ταῖς πυρίνοις λόγχαις καὶ ῥάβδοις αὐτῶν, καὶ ἐνέβαλλον αὐτοὺς εἰς τὴν φοβερὰν ἐκείνην τοῦ πυρὸς θάλασσαν· οἵτινες φωνὰς ἠφίουν γοερὰς ἀναγομένας τῇ βοῇ μέχρι καὶ αὐτῶν τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ. Καὶ νὺξ οὐκ ἦν καὶ παρῆν ἑσπέρα καὶ πρωὶ οὐκ ἐχρημάτιζεν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ἀλλὰ διὰ παντὸς φῶς ἦν ἀνεκλάλητον καὶ ἡμέρα τὸ πᾶν, ὕπνος τε οὐ παρῆν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐν τῷ καθεύδειν, οὔτε κόπος τῷ σώματι ἐν τῷ διοδεύειν, οὔτε πόνος τοῖς ποσὶν ἐν τῷ ἵστασθαι, πεῖνα ἢ δίψα οὐκ ἦν ἐκεῖσε, νόσος, λύπη καὶ στεναγμὸς οὐδόλως ἐγνωρίζετο τοῖς οὖσιν ἐκεῖ, ψύχος καὶ καύσων οὐκ ἐχρημάτιζεν, ὀδύνη πᾶσα καὶ δάκρυον ἀπέδρα πόρρω, καὶ ἄλλα ἔτι τῶν θλιβερῶν, ἀλλὰ διὰ παντὸς ὡρᾶτο ἥλιος ἀμετακινήτως φαίνων καὶ διαμένων ἐπὶ τῆς οἰκείας φανότητος καὶ λαμπρότητος ἀναλλοιώτως· τὸ οὐράνιον πρόσωπον (f. 255 r.) ἀεὶ ἀνέφελον ὡρᾶτο καὶ παμφαές, ὁ ἀὴρ ὡς ἀστραπὴ διαλάμπων ἀεὶ μείστην τέρψιν τοῖς πᾶσιν ἐδίδου· ἐκεῖ φῶς τοῖς δικαίοις διηνεκὲς καὶ ἀνεκλάλητον, ἐκεῖ χαρὰ ἀίδιος καὶ ἀγαλλίασις ἄρρητος, ἐκεῖ εὐφροσύνη ἀπέραντος καὶ ἀγαθῶν αἰωνίων ἀπόλαυσις, ἐκεῖ ᾠδαὶ καὶ ὕμνοι εὐχαριστήριοι εἰς Θεὸν ἀκατάπαυστοι ὑπὸ πάντων τῶν μὴ ἐμβληθέντων δηλονότι εἰς τὴν ἀκοίμητον ἐκείνην καὶ παφλάζουσαν κάμινον τοῦ πυρὸς ἀνεπέμποντο· ἐν γὰρ τοῖς ἐκεῖσε ἐμβληθεῖσιν οὐκ ἔστιν ὅλως εὑρεῖν

ἀνάπαυσιν, ἀλλὰ θρῆνος ἐν τούτοις καὶ κοπετὸς καὶ οὐαί ἐστιν ἀκατάπαυστον, ἐν τούτοις λύπη καὶ ὀδύνη αἰώνιος, ἐν τούτοις δάκρυα ἀπαράκλητα, στεναγμοὶ καὶ κωκυτοὶ συνεχεῖς· καὶ ἵνα συνελὼν εἴπω, ἐκείνους εὕροσαν θλίψεις καὶ ὀδύναι καὶ στεναγμοὶ κατὰ τὸ εἰκός.

Ἔτι τούτων οὕτως ἐχόντων, διεχώρησε Κύριος ἀπὸ τῆς τῶν ἁμαρτωλῶν μερίδος ἑτέραν συναγωγὴν ῥάβδῳ δυνάμεως αὐτοῦ· ὁρῶμεν γὰρ ῥάβδον πυρί(f. 255 v.)νην ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ ἥνπερ ἀπέστελλεν ἐν μέσῳ αὐτῶν, ἥτις ἐν ἰσχύι δυνάμεως πορευομένη διεχώριζε καὶ διεμέριζεν ἕκαστον αὐτῶν πρὸς τὸν ὁμοιότροπον αὐτοῦ καὶ διεξῆγεν αὐτοὺς καθ' ἑαυτούς· καὶ οὕτω συνίστα καὶ ἥνωνε τοὺς ὁμοιοτρόπους αὐτῶν καὶ τὰς συναγωγὰς αὐτῶν καὶ παρίστα αὐτοὺς τῷ Κυρίῳ. Καὶ ἰδοὺ αὕτη ἔστη πρὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ τοῦ δικαίου κριτοῦ σκότος ζοφῶδες ἐσπαργανωμένη, ὧν τὰ πρόσωπα ἀπηγριωμένα ἐτύγχανον, οἱονεί τινες μεμηνότες καὶ ζῶντες καὶ ὡσανεὶ δάκνειν τοὺς ὀδοντας ἀλλήλοις παρορμώμενοι, τὰς γλώσσας τοῦ στόματος ὡς κύνες προβαλλόμενοι καθάπερ μαχαίρας ὀξείας, καὶ ὡς πῦρ μαλθακὸν ἐξήπτοντο οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ὑποδεθέντες δὲ καὶ τοὺς πόδας ἀκανθοφυέσιν ὑποδήμασιν οἱονεὶ ἐκ δέρματος ἀκανθοχοίρων σκολόπων μεστοῖς· Ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ ὀργίλοι καὶ θυμομαχεῖς ἐν τῷδε τῷ βίῳ τυγχάνοντες, οἱ ἐχθρωδοί, οἱ διὰ παντὸς μνησικακίαν πρὸς (f. 256 r.) τὸν πλησίον κρατοῦντες καὶ μὴ καταλλαττόμενοι ἀλλήλοις, ἀλλὰ τεκταίνοντες κακὰ πρὸς ἀλλήλους, οἱ φθονεροὶ καὶ κατάλαλοι, οἱ φιλολοίδορι καὶ φλύαροι, οἱ συκοφάνται καὶ μανικοί, οἱ θηριώδεις τὸν τρόπον καὶ ἄσπλαγχνοι· καὶ ἦν ἡ συναγωγὴ αὐτῶν μεγάλη σφόδρα. Οὓς ἰδὼν ὁ Κύριος ἠγανάκτησε καὶ ἐθυμώθη τὸ πνεῦμα αὐτοῦ ἐπ' αὐτοὺς καὶ διετάξατο τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις ἀποστῆσαι αὐτοὺς εἰς ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἡτοίμασαν κάμινον τοῦ πυρός, ἐν ᾗ ἐστιν ὁ σκώληξ ὁ ἀκοίμητος, βρύχων ἀκαταπαύστως. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι πάντες ἀμαυροί, μεμελανωμένοι τὰ πρόσωπα ὥσπερ χύτρα πολυήμερος ἀπὸ τοῦ πυρὸς καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἑψημένων παχύτατα καὶ στεγανώτατα ἀμαυρωθεῖσα. Παραλαβόντες τοὺς ἐλεεινοὺς τούτους καὶ θρήνων ἀξίους οἱ ἐπὶ τὸ κολάζειν γιγαντιαῖοι καὶ εὐμεγέθεις ἐκεῖνοι πικροὶ ἄγγελοι ἔτυπτον αὐτοὺς πυρίνοις ῥάβδοις λίαν ἀφειδῶς

καὶ σφοδρῶς· καὶ σύροντες αὐτοὺς ἐκτάδην ἀπὸ τῶν ποδῶν,(f. 256 v.) ἐκεῖσε τούτους ἀπέρριψαν ἔνθα ὁ σκώληξ, ὡς προείρηται, ὁ ἀκοίμητος καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων καὶ τὰ αἰώνια βασανιστήρια, κράζοντας γοερῶς τὸ οὐαὶ καὶ ὀλοφυρομένους βύθιον καὶ αἵματα ἀντὶ δακρύων ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν ἀνοήτως κενοῦντας καὶ ἅπαν ἀνωφελῶς. εἰκῇ οὖν καὶ μάτην τούτων αὐτοῖς γινομένων, οὐκ ἦν αὐτοὺς ὁ ἐλεῶν οὐδ' ὁ ἐξαιρούμενος τούτων τῆς χαλεπωτάτης βασάνου.

Μετὰ τούτων οὖν ἔτι πλῆθος ἄπειρον ὑπελείφθη τοῦ μέρους τῶν εὐωνύμων, καὶ Κύριος ἦν φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ ἀνταποδόσεως καὶ διεχώρισεν ἀπ' αὐτῶν τῇ ῥάβδῳ τῆς ἰσχύος αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγὴν λαοῦ πολλοῦ, ἥτις παραγενομένη ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· καὶ αὕτη ὑπῆρχεν ἀσβολῃ περιηλειμμένη καὶ ἅπαν τὸ σῶμα αὐτῆς τριβόλοις ὀξέσι πεπαρμένη, ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ἱδρῶτα ῥυπάσματος γλίσχρου καὶ λυγδώδους φέρουσα, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν καπνῷ βαθεῖ ἐμφερῆ παρόμοια, ἐκ δὲ τῶν ὀφθαλμῶν καὶ τῶν μυκτήρων αὐτῶν δριμύτης (f. 257 r.) αἱμοχαρὴς ἐξεπορεύετο, οἱ πόδες αὐτῶν ἐξῳδηκότες καὶ μεμελανωμένοι σφοδρα, κλοιῷ σιδηρῷ λίαν βαρυτάτῳ περιεχόμενοι καὶ κατακαμπτόμενοι σφοδρῶς· καὶ ἀδημονία καὶ συντριβὴ ἦν ἐν μέσῳ αὐτῶν πολλὴ σφόδρα. Ἐκ γὰρ τῶν σημασιῶν τούτων τὴν ἐνοικοῦσαν ἐν αὐτοῖς πονηρίαν ἐδήλουν, τοῦ Κυρίου εἰς τοῦτο εὐδοκήσαντος ἵνα τοῖς πᾶσιν εἰς τὸ ἐμφανὲς διαδείκνυται καὶ στηλιτεύηται ἡ τούτων θεσστυγὴς ἐργασία. Οὗτοι δὲ ἦσαν, ὡς ὁ ἄγγελός μοι διεσάφησεν, οἱ ἐν κυνηγεσίοις καὶ τζουκανιστηρίοις καὶ ἱπποδρομίοις καὶ κώμαις καὶ μέθαις καὶ θεάτροις σατανικοῖς καὶ ἐν πᾶσι βεβήλοις ἔργοις ἐν τύφῳ καὶ κενοδοξίᾳ πάντα τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδαπανήσαντες καὶ μὴ μεταμεληθέντες τὸ σύνολον. Διὸ καὶ δικαίως ὁ δίκαιος κριτὴς ὠργίσθη ἐπ' αὐτοῖς, ὅτι οὐκ ἀπέπλυναν ἑαυτοὺς ἐκ τοῦ τοιούτου βδελυκτοῦ ῥύπου καὶ τῆς ἀσχημοσύνης τῆς ἐκ τῶν βεβήλων ἔργων αὐτοῖς προσγινομένης διὰ με(f. 257 v.)τανοίας καὶ ἐξομολογήσεως καὶ θερμῶν δακρύων πρὸ τοῦ μεταλλάξαι τὸν βίον, ἀλλ' ὡς ὁ πατὴρ αὐτῶν ὁ διάβολος, ὃν ἐθεράπευσαν ἐν τοῖς ἔργοις αὐτῶν, οὕτω καὶ αὐτοὶ ἔμειναν ἀδιάβλητοι ἐν ταῖς πονηρίαις καὶ πράξεσιν αὐτῶν ἀλλὰ καὶ ταῖς προαιρέσεσιν, ὅθεν καὶ δικαίως ὁ δίκαιος κριτὴς ἐν τῇ δικαιοκρισίᾳ αὐτοῦ παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς πικροῖς

βασανισταῖς καὶ ἀνελεήμοσιν ἀγγέλοις δικαίως ἐτάζεσθαι ὑπ' αὐτῶν· οἵτινες ὥσπερ θῆρες ὠρυόμενοι ἥρπασαν αὐτοὺς καὶ ἀφειδῶς τύπτοντες αὐτοὺς ἐν ἀκαρεῖ ἀπηκόντισαν εἰς τὸ πῦρ τῆς ἀγρίας ἐκείνης θαλάσσης, ἐν ᾗ ὑπῆρχεν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων καὶ ὁ σκώληξ ὁ ἀκοίμητος· καὶ αὐτοὶ ὀλολύζοντες γοερῶς ἔκραζον καὶ σφοδρῶς τὸ· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁμογενὴς Υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Λόγος. Ἐκεῖνος δὲ ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν τοῦ μὴ εἰσακοῦσαι καὶ σῶσαι αὐτοὺς, διότι ἐξεκαύθη ἐν ὀργῇ αὐτοῦ ὁ θυμὸς αὐτοῦ ἐπ' αὐτοὺς, καὶ εἴασεν αὐτοὺς εἰς τὸ ἀπέραντον κατακαίεσθαι πῦρ.

(f. 258 r.) Πρὸς ἐπὶ τούτοις ἠφόρισεν ὁ μέγας ἐκεῖνος καὶ φρικωδέστατος βασιλεὺς ἀπὸ τῆς μερίδος τῶν εὐωνύμων πλῆθος λαοῦ πολλοῦ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν πάντες μονότροποι ἐν ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν, οἳ καὶ διακριθέντες ἀπὸ τοῦ λοιποῦ πλήθους τῶν ἁμαρτωλῶν φρίττοντες καὶ τρέμοντες ἔστησαν κατὰ πρόσωπον τοῦ ἀπροσωπολήπτου καὶ δικαίου κριτοῦ. Καὶ ἦν ἡ συναγωγὴ αὐτῶν πολλὴ καὶ μεγάλη σφόδρα ὑπὲρ πάσας τὰς παρελθούσας συναγωγὰς, τῶν τε δικαίων καὶ τῶν ἁμαρτωλῶν. Θεωροῦντες οὖν ἡμεῖς τὴν τοιαύτην συναγωγὴν καὶ ἀποθαυμάζοντες τὸ πλῆθος αὐτῆς, ἰδοὺ ὡρᾶτο ἐν αὐτῇ πλῆθος ἱερέων τε καὶ ἐπισκόπων καὶ διακόνων καὶ ὑποδιακόνων καὶ ἀναγνωστῶν καὶ ψαλτῶν πολὺ σφόδρα, ὥστε καὶ αὐτοὺς τοὺς θεοειδεῖς ἀγγέλους ὁρῶντας αὐτοὺς φρίξαι καὶ ἰλιγγιάσαι ἐπὶ τῇ αὐτῶν ἀπωλείᾳ. Ἦσαν γὰρ πάντες ῥερυπωμένοι λίαν καὶ μεμολυσμένοι ἀπὸ κόπρου τῆς γῆς, καὶ αἱ στολαὶ αὐτῶν ἀπὸ ἀφοδευμάτων ἀνθρωπίνων, καὶ ἡ τοιαύτη κόπρος κατέρρει ἀπὸ τῆς κορυ-(f. 258 v.)φῆς αὐτῶν ἐπὶ τοὺς χιτῶνας αὐτῶν, ἐπ' ἐδάφους δὲ οὐδαμῶς ἀπεστάλαζεν· οὐ γὰρ ὑλώδης ἦν ἡ κόπρος, ἀλλὰ νοητή. Καὶ ἰδοὺ ὀσμὴ πικρίας κατεχομένη ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν· καὶ ἀπετίνασσον αὐτὴν ἀπωθούμενοι τοῦ πεσεῖν ἀπ' αὐτῶν, ἀλλ' οὐδαμῶς ἀπέπιπτεν, ὅτι ἄϋλος ἦν. Ἦσαν δὲ καὶ θάνατον περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας, ὃς τιτρώσκων αὐτοὺς ἀφειδῶς τοῦ ἀποκτεῖναι, οὐδαμῶς ἀπεκτείνοντο, διὰ τὸ ἀπαθανατισθῆναι καὶ ἀπαφθαρτισθῆναι αὐτοὺς καὶ μὴ δύνασθαι τοῦτον τὴν ἰδίαν αὐτοῦ ἐνδείκνυσθαι ἐνέργειαν, ἀλλὰ μόνον συνῆν αὐτοῖς ἐπὶ τὸ αἰωνίως καὶ ἀθανάτως τιμωρεῖν καὶ βασανίζειν αὐτοὺς

ὑπὸ Θεοῦ συγκεχώρηται. Οἱ δ' ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὑπῆρχον σηπώδεις, ἀφρώδεις καὶ λίαν αἱματώδεις, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν λυγδώδη καὶ πονηρά, καὶ ἡ ὅρασις αὐτῶν λίαν δυσειδὴς καὶ ἀνωφελής, καὶ σκώληκες πολύποδες καὶ κάνθαροι ἐδράσσοντο ἐπὶ ταῖς καρδίαις αὐτῶν· καὶ μυρμήκων πονηρῶν ἐπε(f. 259 r.)πλήρωντο τὸ στόμα καὶ τὰ χείλη αὐτῶν, καὶ βδέλλαι ἀναρίθμητοι καὶ χαλεπώτατοι ἐδράσσοντο τῶν ἰχνῶν αὐτῶν, καὶ λίαν ἐταπείνουν ἑαυτοὺς, καὶ ὥσπερ ἀπὸ καλάμου βορβόρου τοιαύτη δυσωδία ἐξήρχετο ἀπὸ τῶν μυκτήρων αὐτῶν. Καθορῶντο δὲ ἡμῖν οὗτοι πάντες ἐν τῇ τοιαύτῃ αὐτῶν ἀσχημοσύνῃ ἕκαστος ἐν τῷ ἰδίῳ τάγματι καὶ σχήματι αὐτοῦ. Ἔτι πρὸς τούτοις ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ μεταξὺ τούτων ἄνδρες λαϊκοὶ καὶ γυναῖκες καὶ μειράκια καθωρῶντο ἡμῖν. Καὶ τί ἂν εἴποιμι περὶ πάντων; διὰ γὰρ τὸ γενέσθαι τούτους ἡγουμένους τῶν ἐκκλησιῶν καὶ καθηγητὰς τοῦ ὀρθοῦ λόγου τῆς ἀληθείας εὐλαβεῖσθαι καὶ σεμνολογεῖν ἡμᾶς ἀναπείθειν τὰ ὁραθέντα, ὁ δὲ τοῦ ψεύδους κίνδυνος καὶ ἡ τῶν θεαθέντων ἀλήθεια τὴν αὐτὴν ἀλήθειαν ἐκδιηγεῖσθαι παρασκευάζει. Ἰδοὺ γὰρ ὡς ἐνορῶμεν εἰς αὐτοὺς, πάντες ἦσαν, ὡς προείρηται, μικροί τε καὶ μεγάλοι, ἴσοι τῇ ἀηδίᾳ καὶ ἀσχημοσύνῃ καὶ πάσῃ τῇ πονηρᾷ καὶ ἀκαθάρτῳ καὶ πλήρεις μίσους ἐπιφανείᾳ, οἵτινες οὐ μετενόησαν (f. 259 v.) καὶ ἀπεστράφη ἕκαστος ἀπὸ τῶν πονηρῶν αὐτοῦ ἔργων καὶ διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως καὶ θερμῶν δακρύων καὶ οἰκτιρμῶν πενήτων πρὸ τῆς τελευτῆς αὐτῶν καὶ πρὸ τῆς δικαίας κρίσεως τὸν κριτὴν ἐξιλέωσεν, ἀλλ' ἐτελεύτησαν ἐν ταῖς ἀκαθαρσίαις αὐτῶν καὶ τὸ μὲν ὄνομα χρηστὸν ἐκέκτηντο, τὰ δὲ πρακτέα χείρονα τῶν ἀχρήστων ἐπεσπάσαντο. Οὗτοι γὰρ ἦσαν μέθυσοι, πόρνοι, γαστρίμαργοι, ἀλαζόνες, μοιχοὶ, μοιχαλίδες ἕκαστος αὐτῶν ἀναμυρίων ψυχῶν ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ αὐτῶν, ὡς ὁ θαυμαστός μοι ἐκεῖνος καὶ θεῖος νεανίας διεσάφησεν, ἐν τῷ πορνεύειν μολύναντες, ἐκβιασάμενοι ταύτας δώροις δελεάσμασιν· οἳ καὶ τὸ ἴδιον σῶμα οὐ διέλιπον ἁμαρτάνοντες ἐν ὅλῃ τῇ ζωῇ καὶ ἰσχύι αὐτῶν, οἳ καὶ ὀνομάζονται ἄσωτοι, οὓς ἐδέσμησεν ὁ Σατανᾶς εἰς τὰ κάλλη τῶν ἐν πορνείαις γυναικῶν καὶ ἃς ἐδέσμησε παρομοίως ὁ Σατανᾶς εἰς τὴν ἐπιθυμίαν τῶν ἀνδρῶν, καὶ οἱ ἐν ὅλῃ τῇ ζωῇ ληστρικῶς ἐπὶ τὸ αὐτὸ περιπατοῦντες καὶ διοδεύοντες οἰκίαν ἐξ οἰκίας ἐν ταῖς (f. 260 r.) ἡδοναῖς τῆς

αὐτῶν ἀσωτίας, οἱ τρώγοντες καὶ πίνοντες, πορνεύοντες καὶ κοιμώμενοι καὶ μηδενὸς ἀγαθοῦ ἐπιμελούμενοι, οἱ ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἐπίσκοποι καὶ ἱερεῖς, διάκονοί τε καὶ ὑποδιάκονοι, ἀναγνῶσται καὶ ψάλται, προσμονάριοι καὶ πᾶς ὁ λαὸς καὶ λοιπὸς κατάλογος τῶν ἱερωμένων, οἵτινες οὐκ ἐφοβήθησαν τοῦ Θεοῦ ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ἐνθάδε ζωῆς αὐτῶν, οὐδὲ δεδοίκασι τὴν κρίσιν τὴν μέλλουσαν αὐτοῦ, ἀλλ' ἐν τῷ κρυπτῷ ἠνόμησαν ἐν ἀνομίᾳ τῆς πορνείας αὐτῶν καὶ τὴν ἱερὰν καὶ ἄχραντον ἱερωσύνην κατεμόλυναν ἐν τῇ ἀκαθαρσίᾳ τῆς μίξεως αὐτῶν, τραπέζαις χαίροντες, κρότοις καὶ ἄσμασι πορνικοῖς ἐπιτερπόμενοι καὶ γηθόμενοι, πλατύναντες τὰ φυλακτήρια αὐτῶν καὶ πλεονάζοντες τὰ βαλάντια, καὶ τὸ χρυσίον τοκίζοντες, καὶ πένητας ἀποστρεφόμενοι, καὶ ἀσπλαγχνίαν ἀσκοῦντες, ἐν ἔχθρᾳ καὶ μήνιδι εἰσερχόμενοι εἰς τὸ θυσιαστήριον τοῦ Θεοῦ, ἁρπάζοντες τὰ ἀλλότρια, πίνοντες τὸν πολυέραστον οἶνον εἰς πλησ(f. 260 v.)μονὴν, παχεῖς ἡμιόνους καὶ πίονας ἵππους ποθοῦντες ἐπικαθέζεσθαι, στολὰς καὶ λοετρὰ καὶ περιπάτους καὶ τὰ πόρρω τοῦ ἄστεος κτήματα προθύμως ἐξωνούμενοι, ἀμελήσαντες διὰ παντὸς τοῦ ἔργῳ καὶ λόγῳ διδάσκειν καὶ νουθετεῖν τὰ τέκνα τῆς καλλινίκου ἐκκλησίας περὶ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως, περὶ ἐλεημοσύνης καὶ οἰκτιρμοῦ πενήτων, περὶ σωφροσύνης καὶ παρθενίας, περὶ ὑπομονῆς καὶ μακροθυμίας, καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν, περὶ πάσης κατὰ Θεὸν ἀρετῆς· οἱ τὸν ἄρτον καὶ τὸν οἶνον καὶ τὸν ἔλαιον ἐλεήσαντες μὴ διδόναι τοῖς πένησι καὶ πτωχοῖς, οἱ γυμνῷ καὶ ῥιγοῦντι καὶ τετρυχωμένῳ κρύει μὴ διδόναι θελήσαντες πώποτε πενιχρὸν καὶ ῥερικνωμένον ἱμάτιον, οἱ ξενοδίτην καὶ ἄπορον ἔνδον τῆς οἰκίας εἰσαγαγεῖν μὴ προθυμηθέντες, ἀλλὰ πάντα χρυσῷ εἰσπραττόμενοι, οἳ πᾶσαν προκοπὴν ἱερωσύνης ἐν δώροις ἐπώλησαν, οἳ πᾶσαν ἐκκλησίαν ἐλεεινῶς ἐκαπήλευσαν, οἳ ταῖς χειροτο(f. 261 v.)νίαις τῆς ἐκκλησίας οὐκ ἀρετῇ, ἀλλὰ χρυσίῳ καὶ ἀργυρίῳ προτετιμήκασι καὶ τὴν χάριν τοῦ παναγίου Πνεύματος χρήμασιν ἐχρήσαντό καὶ προύδωκαν· οἳ τὴν ἱερωσύνην ἔργοις θεομισήτοις αἰσχρῶς κατεμίαναν καὶ ταύτην ἀναξίως χρυσίου ἕνεκα καὶ ἀργυρίου προδέδωκαν· οἳ αἵμασιν ἀθῴοις ἐν ταῖς συνάξεσι καὶ συνελεύσεσι τῶν συμβουλιῶν αὐτῶν ἀλόγως ἐχράνθησαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπισυναχθῆναι πᾶσαν τὴν ἐκχωρισθεῖσαν συναγωγὴν ταύτην ἀπὸ τῆς εὐωνύμου

μερίδος τῶν ἁμαρτωλῶν καὶ παραγενέσθαι κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν τοῦ δικαίου κριτοῦ τετραχηλισμένοι καὶ κατησχυμμένοι, ἐπεῖδεν ἐπ' αὐτοὺς Κύριος ὁ Θεός καὶ ἐβδελύξατο τὴν ἀσχημοσύνην καὶ δυσωδίαν αὐτῶν καὶ ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ λέγων· Ἡ συναγωγὴ αὕτη πονηρά ἐστι καὶ μοιχαλίς, πόρνη καὶ βέβηλος, ματαιόφρων καὶ κατεστρηνιασμένη ταῖς βδελυρίαις αὐτῆς, ἡ ὀπίσω τῶν ἐπιθυμιῶν αὐτῆς ἐκπορνεύσασα καὶ τὸ ὄ(f. 261 v.)νομά μου τὸ ἅγιον τὸ ἐπικληθὲν ἐπ' αὐτὴν ἔργοις πονηροῖς ἐξυβρίσασα, ἡ κόπρον ἀγαπήσασα καὶ κερατίοις πονηρῶς ἀποτροφήμασι τῶν ἀλόγων ζώων· καὶ οὐ πέφυκεν ἐν αὐτῇ ἀγαθόν· διὰ τοῦτο πορευέσθω καὶ αὕτη ἐν τῷ αἰωνίῳ πυρὶ ὃ ἐξέκαυσεν αὐτὴ ἐπ' αὐτῇ. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰρηκέναι ταῦτα τὸν δίκαιον κριτὴν κατ' αὐτῶν, ἦν ἀκοῦσαι καὶ ἰδεῖν θέαμα φρικτὸν καὶ φοβερὸν ἐπ' αὐτοὺς ἄξιον θρήνων καὶ δακρύων πολλῶν· δάκρυα γὰρ αἱματώδη ἐξέχεον ὀλολύζοντες ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν, στεναγμοὺς ἀνέπεμπον ἐκ βαθέων καρδίας, καὶ θρῆνος ἄπαυστος ἦν ἐν αὐτοῖς, ἱκετευόντων τὸν κριτὴν καὶ λεγόντων· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ Θεός, καὶ φεῖσαι τοῦ πλάσματός σου· εἰ γὰρ καὶ ἡμάρτομεν, ἀλλὰ πλὴν σοῦ Θεὸν ἕτερον οὐκ οἴδαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς θεὸν ἀλλότριον· φεῖσαι ἡμῶν, αἰώνιε βασιλεῦ, ὅτι ἡ πίστις ἡμῶν ὀρθὴ καὶ ἀμετάθετός ἐστιν ἐπὶ τῷ ὀνόματί σου τῷ ἁγίῳ, εἰ καὶ τὰ ἔργα ἡμῶν πονηρά. Καὶ εὐθέως εἷς τῶν στρατηγῶν ἀγγέλων, φόβῳ καὶ τρόμῳ ἔστη πλη(f. 262 r.)σίον τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου κριτοῦ ἔκθαμβος, ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ σάλπιγγα κερατίνην ἐπιφερόμενος· καὶ ἐπένευσεν αὐτῷ ὁ Κύριος, καὶ ἐσάλπισε δὶς καὶ τρίς· καὶ ἰδοὺ ἡ σάλπιγξ κεκραγόσα καὶ λέγουσα πρὸς αὐτοὺς ἐν τῷ πρώτῳ σαλπίσματι· Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ ὅτι οὐκ οἶδα ὑμᾶς· καὶ ἐν τῷ δευτέρῳ ἔλεξεν ἡ σάλπιγξ· Ταῦτα ὑμῶν τὰ δάκρυα καὶ τὸ πένθος ἐκεῖθεν χρεὼν πρὸ τῆς τελευτῆς ὑμῶν ποιήσασθαι διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως· ἐν δὲ τῷ τρίτῳ ἐξεφώνησε μέγα· Ἰδοὺ καὶ ὁ διάβολος ἐν ταῖς βασάνοις ἀπαρτὶ μεταμελόμενος καθ' ὑμᾶς παραδοθείς ἤδη μετάμελός ἐστι καὶ μέγα ὥσπερ ὑμεῖς τὸ οὐαὶ ἀνακράζει· καὶ γε οἰκτειρήσω αὐτόν; πορεύεσθε οὖν ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὸ κεκραγέναι ταῦτα τὴν θαυμασίαν ἐκείνην σάλπιγγα

αἴφνης οἱ πύρινοι καὶ γιγαντιαῖοι ἐκεῖνοι (f. 262 v.) ἄγγελοι ὡς ἀστραπὴ εἰσεπήδησαν καὶ ὡς χάλαζα πλείστη ἐπιπεσόντες αὐτοῖς ἥρπασαν πάντας καὶ τύπτοντες αὐτοὺς ἀνηλεῶς ῥάβδοις πυρίναις, ἐν αἷς ἡ βορβορώδης θάλασσα τοῦ πυρός, κατὰ κεφαλῆς κατεκρήμνισαν αὐτούς, ὥστε τοὺς πόδας αὐτῶν ἀνωφερεῖ[ς] τούτων πεφυκέναι ἐν τῇ χαλεπωτάτῃ ἐκείνῃ καὶ δυσωδεστάτῃ τοῦ πυρὸς τιμωρίᾳ, ἔνθα ὁ ἀκοίμητος σκώληξ βρύθει. Καὶ οὕτω συνετελέσθησαν καὶ οὗτοι ἐν ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν καὶ ὅτι Κύριος οὐκ ὤκτειρεν αὐτούς, καθὼς φησιν ὁ ἀπόστολος· ὅτι πόρνοι καὶ μοιχοὶ βασιλείαν Θεοῦ οὐ κληρονομήσουσι, καὶ πάλιν· ὅτι σὺ ἀποδώσεις ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ.

Ἔτι προσθεὶς ὁ Κύριος ἠφόρισεν ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων ἑτέραν συναγωγὴν ὁμοίως τῇ προτέρᾳ, μεγάλην σφόδρα ὡς ὑπερθαυμάσαι ἡμᾶς τὸ ἐν αὐτῇ πλῆθος τοῦ λαοῦ· ἥτις παραγενομένη ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ. Κατανοήσαντες οὖν ἀπὸ τῶν σχημάτων καὶ σημασιῶν αὐτῶν, ἔγνωμεν τὴν φρικτὴν καὶ φο(f. 263 r.)βερὰν ἐκείνην συναγωγὴν καὶ τὸ ἐν αὐτῇ ἅπαν πλῆθος τοῦ λαοῦ, ὅτι ἀπὸ τῆς τάξεως τῶν τὴν μοναχικὴν πολιτείαν ἀσπασαμένων ὑπάρχει· καὶ ταύτην ὁρῶντες ἄγαν ἐσκυθρωπάσαμεν, διαλογισάμενοι ἐν ἑαυτοῖς ὅτι καὶ οἱ μοναχοί, οἱ διὰ τὸν Χριστὸν τῷ κόσμῳ ἀποταξάμενοι καὶ πάντα καταλιπόντες καὶ τῷ Χριστῷ ἀκολουθήσαντες καὶ τῷ πλείονι μέρει τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐν νηστείαις καὶ δάκρυσι καὶ λοιπῇ πάσῃ σκληραγωγίᾳ διατελέσαντες καὶ συζήσαντες, ἐν τῇ τῶν εὐωνύμων εὑρέθησαν μοίρᾳ. Ὡς οὖν παρέστησαν ἀπέναντι τοῦ δικαίου κριτοῦ ἐκείνου πάντες οἱ ἐν ταύτῃ τῇ συναγωγῇ μοναχοί, ἀπεσκοποῦμεν εἰς αὐτοὺς καὶ βλέπομεν σκοτιζομένους ὄντας ἐν ἀνομίαις αὐτῶν καὶ λαμπάδας μὲν ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν κατέχοντας ζοφερὰς δὲ καὶ φῶς μὴ κεκτημένας τὸ σύνολον, ἐκ δὲ τοῦ σχήματος αὐτῶν σποδιά τις πλείστη ἀπετινάσσετο, καὶ αὐτοὶ ἠσχύνοντο σφόδρα, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν κεχρισμένα ὑπὸ σποδιᾶς φυραθείσης βαθυτάτῳ μέλανι· (f. 263 v.) καὶ ἡ ἀμέλεια καὶ ἡ ῥαθυμία αὐτῶν ἐπεκάθητο ἐπὶ τὰς κορυφὰς αὐτῶν ὥσπερ ὄρνεον, ὅπερ γύπαν προσαγορεύουσι πάντες· ἡ δὲ ὀκνηρία αὐτῶν, ὡς μύλοι ἀπὸ μολύβδου ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν· καὶ ἡ σκνιφότης αὐτῶν, καθάπερ ἀλύσεις σιδηραῖ ἀπὸ δισμυρίων λιτρῶν περισφίγγουσαι τὰς ὀσφύας αὐτῶν· ἡ δὲ νωθρότης ἐκρέματο ἐπὶ τῶν

μεταφρένων αὐτῶν, καθάπερ ὄφεις παχεῖς τυφλοὶ καὶ μυωπάζοντες· ἡ δὲ ἀνυποταξία αὐτῶν κατεκράτει τοῦ νώτου αὐτῶν, οἷα στῦλος σιδηροῦς ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω· καὶ οἱ πόδες αὐτῶν ἐμπαιγμὸν καὶ χλεύην ὑποδεδυμένοι ἀπὸ τοῦ ἀπατήσαντος αὐτοὺς Σατᾶν, ὑφ' οὗ χλευασθέντες καὶ ἀπατηθέντες κατεμόλυναν καὶ τὸ πρῶτον βάπτισμα, τὸ ὑπὸ τοῦ θείου Πνεύματος δοθὲν αὐτοῖς διὰ τοῦ λουτροῦ τῆς παλιγγενεσίας, καὶ τὸ δεύτερον τὸ διὰ τοῦ αἰσίου καὶ θείου ἀγγελικοῦ σχήματος ὅπερ ἐφόρεσαν, ψευδῶς συνταξάμενοι δουλεῦσαι τῷ Θεῷ· καὶ ἀθετήσαντες τὰς συνθήκας ἐδούλευσαν τῇ γαστριμαργίᾳ καὶ μέθῃ, τῇ πορνείᾳ τε καὶ μοι(f. 264 r.)χείᾳ, τῇ κενοδοξίᾳ καὶ τῇ μνησικακίᾳ, τῷ φθόνῳ καὶ τῇ καταλαλιᾷ καὶ τοῖς λοιποῖς ἄλλοις παραπτώμασιν. Οὓς ἰδὼν ὁ Κύριος καὶ μισήσας τὴν ἀηδίαν καὶ ἀκαθαρσίαν αὐτῶν, παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις· οἱ δὲ ἤρξαντο κράζειν ἀπὸ καρδίας καὶ λέγειν θρηνοῦντες γοερῶς καὶ πικρῶς ὀλολύζοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ Θεός, ὅτι σὲ μόνον Θεὸν ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ ἡμῶν ἐγνωρίσαμεν καὶ τῷ ὀνόματί σου τῷ ἁγίῳ νυκτὸς καὶ ἡμέρας ἐλατρεύσαμεν, καὶ ἐν τῇ χάριτι τοῦ παναγίου σου Πνεύματος καὶ τῇ σῇ ἐπικλήσει δυνάμεις ἐποιήσαμεν καὶ δαιμόνια ἐξεβάλομεν καὶ λεπροὺς ἐκαθαρίσαμεν, νοσοῦντας ἰασάμεθα καὶ τὰ μέλλοντα ὡς ἐνεστῶτα προείπομεν, καὶ πολλοὺς τῷ σῷ ἁγίῳ ὀνόματι προσηγάγομεν τῷ βαπτίσματι διὰ πίστεως σεσωσμένους. Ἐλέησον ἡμᾶς, ἐλεῆμον Κύριε, ὅτι διὰ σὲ τὴν παρθενίαν ἡμῶν σώαν διετηρήσαμεν· καὶ γὰρ ἦ(f. 264 v.)σαν πολλοὶ ἐξ αὐτῶν, οἵτινες τὴν παρθενίαν σώαν ἐφύλαξαν, ἀλλὰ τὴν σκνιφίαν καὶ φιλαργυρίαν ποθήσαντες εἰς τέλος ἀθλίως ἀπώλοντο· Ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενὴς Υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ὅτι εἰ καὶ ἐν ἀνομίαις καὶ ἀσωτίαις καὶ πᾶσι φθοροποιοῖς ἔργοις καὶ παραπτώμασι τὸν βίον ἡμῶν κατελύσαμεν, ἀλλὰ τῇ πίστει οὐκ ἀπέστημεν ἀπὸ σοῦ, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς θεὸν ἀλλότριον. Τούτων οὖν οὕτως ἐχόντων καὶ ἀποδυρομένων καὶ διὰ ἱκεσίας καὶ θερμῶν δακρύων ταῦτα λεγόντων τῷ Κυρίῳ, ἰδοὺ ἐπέστη αὐτοῖς ὁ ἀρχιστρατηγὸς τῶν ἄνω δυνάμεων μετὰ σάλπιγγος, ὡς εἴρηται, κερατίνης· καὶ ἐπένευσεν αὐτῷ ὁ δίκαιος κριτὴς σαλπίσαι· ὁ δὲ ἐσάλπισε μέγα καὶ διωλύγιον ἐν ἰσχύι πρὸς αὐτούς· ἡ δὲ σάλπιγξ ἦν λέγουσα· Πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον

τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ὡς γὰρ ὑμεῖς οὐκ ἠκούσατε τῆς ἐμῆς φωνῆς, οὐδὲ ἐγὼ εἰσακούσω ἀρτίως ὑμῶν τῆς ἐντεύξεως καὶ τῆς παρακλήσεως· καὶ γὰρ προε(f. 265 r.)φητεύσατε ἐπὶ τῷ ἐμῷ ὀνόματι, ὡς φατὲ, ἀλλ' οὐχ ἕνεκα ὑμῶν δέδωκα τὴν ἐν ὑμῖν προβᾶσαν προφητείαν, ἀλλ' ἕνεκα τῆς ἑτέρων σωτηρίας· ἐπαρθενώσατε, ἀλλὰ πένητα οὐκ ἐλεήσατε· ἡ μισάνθρωπος γὰρ καὶ ἀνελεήμων παρθενία οὐκ εὐάρεστος πρὸ προσώπου μου, οὐδὲ γὰρ ἔχει ὅλως παρρησίαν πρός με· δαιμόνια ἐφυγαδεύσατε, ἀλλ' οὐχ ὑμᾶς φοβηθέντα φυγεῖν ἐτράπησαν, ἀλλὰ τὸ ἐμοῦ ὄνομα φοβηθέντα ἀπέδρασαν· καὶ γὰρ ὑμεῖς αὐτὰ δι' ἔργων πονηρῶν κατεθεραπεύσατε· χεῖρας οὐ διεπετάσατε πρὸς θεὸν ἀλλότριον, ἀλλὰ τὰ πονηρὰ ὑμῶν ἔργα τῷ πονηρῷ Ἀντιχρίστῳ προεπέμψατε καὶ τοῦτον ἐθεραπεύσατε· ἐνηστεύσατε πολλάκις, ἀλλὰ τῶν σαρκικῶν ὑμῶν ἡδονῶν εἰς κόρον κατετρυφᾶτε ἀεί· ἠγρυπνήσατε, ἀλλὰ τῷ κάρῳ τῶν βιωτικῶν μεριμνῶν καὶ παθῶν τέλεον ἐνυστάσατε καὶ ἀπετυφλώθητε. Πορεύεσθε τοιγαροῦν ἀπ' ἐμοῦ, οὐκ οἶδα ὑμᾶς. Καὶ ὡς ταῦτα ἡ σάλ(f. 265 v.)πιγξ διήχησεν, ὀδυρμὸς ἐγένετο καὶ βοὴ ἐν μέσῳ αὐτῶν φρικωδεστάτη λίαν καὶ τὸ δάκρυον ἐξεχεῖτο ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν κρουνηδὸν ἐν τῷ αὐτοὺς ἀποδύρεσθαι τὴν ἑαυτῶν ἀπώλειαν, οὗ οὐκ ἦν ἀριθμὸς, καὶ ὁ ἐλεῶν αὐτοὺς οὐ παρῆν. Καὶ ἰδοὺ οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρὸς, ὡς δράκοντες αἰφνίδιον αὐτοῖς ἐπιπεσόντες, βίᾳ εἵλκον αὐτοὺς ἀνηλεῶς τύπτοντες συνεχῶς ἐπιστρεφομένους πρὸς Κύριον καὶ πυκνὰ καθορῶντας αὐτὸν, ἀλλ' ἐκεῖνος ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν καὶ οὐκ ἦν ὁ οἰκτείρων αὐτούς. Ἀπὸ δὲ τοῦ πλήθους τοῦ λαοῦ τῆς συναγωγῆς ἐκείνης τῆς φοβερᾶς ἐδόκει γεμισθῆναι τὴν παφλάζουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρός· καὶ ἔφη πρός με ὁ σὺν ἐμοὶ ἄγγελος ἑστὼς ἐκεῖσε· Ὁρᾷς, ἀδελφὲ, τὰ γινόμενα; Ἐγὼ δὲ ἔφην· Ναὶ, κύριέ μου, ὁρῶ καὶ συντρίβονταί μου τὰ ὀστᾶ καὶ ἡ ἰσχύς μου εἰς τέλος ἐξέλιπε· πῶς οἱ καὶ τὸν μονήρη βίον ἀσπασάμενοι καὶ τῷ κόσμῳ ἀποταξάμενοι καὶ τῷ Κυρίῳ δουλεύσαντες οὕτως ἐλεεινῶς καὶ ἀθλίως τῆς ἐκ δεξιῶν στάσεως καὶ τάξεως (f. 266 r.) ἐκπεπτώκασι καὶ ἐν τῇ τῶν εὐωνύμων εὑρέθησαν μοίρᾳ; Καὶ ἀντέφησεν αὖθις ἐκεῖνος πρός με οὕτως· Ἐπὶ συντελείᾳ, ἀδελφὲ, τῶν αἰώνων ἡ γενεὰ πᾶσα τῶν μοναχῶν εἰς ἀπώλειαν προεχώρησε, πλὴν ὀλίγων τινῶν τῶν ἀγα-

πησάντων δηλονότι κόπον καὶ πόνον καὶ μόχθον πνευματικὸν ἐγκρατείας ἀναδέξασθαι καὶ μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἀμετατρέπτῳ λογισμῷ καὶ νοὶ ἐν τούτοις εὐαρεστῆσαι Θεῷ· μόγις γὰρ καὶ οἱ ὀλίγοι ἐκεῖνοι ἐν κόπῳ καὶ μόχθῳ, ὡς ἔφην, νήφοντες καὶ γρηγοροῦντες ἰσχύσουσι διαδρᾶναι τὰς τέχνας καὶ μηχανὰς καὶ παγίδας τοῦ πονηροῦ· ἐν γὰρ τῇ συντελείᾳ τῶν αἰώνων οἷα τῆς ἐνσάρκου ἐκείνης παρουσίας καὶ βασιλείας τῷ τότε πέρας λαβούσης σφοδρότερον καὶ χαλεπώτερον διὰ τῶν αὐτοῦ ποικίλων μαγγανειῶν καὶ παγίδων προσβάλλων αὐτοῖς ἐλκύσῃ καὶ λάβῃ πάντας σχεδὸν ὑποχειρίους, καὶ μᾶλλον ὅσοις ἡ ταπείνωσις καὶ ἡ διὰ Χριστὸν πτωχεία καὶ κακοπάθεια τὸ καθόλου οὐχ εὕρηται;

Τούτων οὕτως περὶ (f. 266 v.) αὐτῶν εἰρηκότος μοι τοῦ ὁδηγοῦντός με ἀγγέλου ἐκείνου καὶ θεοειδοῦς νεανίσκου πρὸς τὰ ἄρρητα ἐκεῖνα θεάματα, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ τῇ τοῦ κριτοῦ ἐπινεύσει ἐκχωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν εὐωνύμων ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ, οὐχ ὁμοίως τῇ πρὸ αὐτῆ[ς] πολυάνθρωπος, ἀλλὰ μέση πως αὐτῆς φαινομένη. Καὶ ἐν αὐτῇ μοναχοὶ καὶ μοναχαὶ μιγάδες καὶ ἀπὸ παντὸς τάγματος καὶ γένους τῶν κατὰ κόσμον ἀνθρώπων ὁρῶντο, οἵτινες ἀντὶ περιβολαίου, ὁμίχλη πως μέση σκοτίᾳ καὶ φέγγει ἐσπαργανωμένη, ὡς εἴ τις ἔχει παρεικάσαι αὐτὴν πρωϊνὴν ὁμίχλην· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ὑπῆρχον οἷα τὰ τῶν μελαγχρόων ἀνθρώπων, καὶ ποτὲ μὲν ἠσχύνοντο καὶ κατηφείας ἐπληροῦντο, ποτὲ δὲ ἐλαμπρύνοντο, χεῖρας κεκτημένοι ἐξ ἡμισείας, λέγω δὴ σκοτεινὰς καὶ λαμπράς· ἤγουν αἱ δεξιαὶ λαμπραί, στάζουσαι διὰ τῶν δακτύλων χρυσέλαιον, αἱ δὲ ἀριστεραὶ σκοτειναί, ἀποστάζουσαι ὑγρόπισσον· οἱ δὲ πόδες αὐτῶν μέσως ἀγαθυνόμενοι καὶ μέσως πονηρευόμενοι, οἱ ὀφθαλμοὶ αὐ(f. 267 r.)τῶν ὁμοίως εὐμενιζόμενοί τε καὶ βλοσυρόν τι στρεβλούμενοι. Καὶ ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος καὶ εἶδεν αὐτοὺς ἡμιμοχθήρους ὑπάρχοντας καὶ μὴ τὸ τέλειον πεφθακότας μέτρον τῆς αὐτοῦ εὐαρεστήσεως· ἦσαν γὰρ καὶ αἱ ἀκοαὶ αὐτῶν σὺν ταῖς λοιπαῖς τούτων αἰσθήσεσιν ἐξ ἡμισείας, ποτὲ μὲν ὑπακούουσαι, ποτὲ δὲ βύουσαι. Τούτους οὖν οὕτως ἰδὼν ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν καὶ ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ οἱ τοῦ πυρὸς ἀπότομοι ἄγγελοι καὶ ὑπουργοὶ καὶ ἑταστὰι τῶν κολαστηρίων ἐξαίφνης ἐπιπε-

σόντες αὐτοῖς εἵλκον τούτους βιαίως καὶ ἰσχυρῶς σύροντες ἐπὶ τὴν ἀγρίαν ἐκείνην καὶ παφλάζουσαν θάλασσαν τοῦ πυρός, οἱ δὲ συχνὰ ἐπιστρεφόμενοι πρὸς τὸν Κύριον ἐδίδοσαν θρῆνον ἐλεεινὸν καὶ ἐσχάτην φωνὴν ἠφίουν καὶ ὀδυνηρὰν γοερῶς καὶ πικρῶς ἀλαλάζοντες· Φεῖσαι ἡμῖν, μακρόθυμε καὶ ἀνεξίκακε Κύριε, φεῖσαι ἡμῖν, βασιλεῦ εὔσπλαγχνε καὶ πολυέλεε, ἐλέησον ἡμᾶς, ἐλεῆμον καὶ εὐσυμπάθητε. Ὁ δὲ Κύριος ἐπιστραφεὶς (f. 267 v.) ἐώρα κατόπιν αὐτοῦ ὅπως εἵλκοντο βιαίως ὑπὸ τῶν φοβερῶν ἐκείνων ἀγγέλων, καὶ ἐθρήνουν καὶ ὠλοφύροντο, καὶ ἐδόκει ποτὲ μὲν σπλαγχνίζεσθαι, ποτὲ δὲ ὀργίζεσθαι ἐπ' αὐτούς· οἱ δὲ ἅγιοι ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἔκλαιον ἡσυχῇ πάντες ἐπ' αὐτοὺς καὶ δάκρυα ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν κατέχεον μέν, οὐκ ἐτόλμων δὲ μεσιτεῦσαι περὶ αὐτῶν. Τούτων οὖν, ὡς εἴρηται, βιαίως ἀγομένων εἰς τὴν τοῦ ἀσβέστου πυρὸς ἐκείνην θάλασσαν πρὸς τὸ σὺν τοῖς λοιποῖς τοῖς ἐκεῖσε ἐμβληθεῖσι κατακαυθῆναι (πλὴν οὐκ ἴσως ἐκείνοις, μὴ γένοιτο· ποῦ γὰρ τὸ δίκαιον τοῦ δικαίου κριτοῦ, εἰ οὕτως ἐπίσης ἐκείνοις ὑπολάβοιέν τινες; ἔμελλον καὶ οὗτοι τιμωρεῖσθαι καὶ βασανίζεσθαι, ἀλλὰ ἀναλόγως καὶ κατ' ἀξίαν τῶν ἔργων τούτους τὴν βάσανον τοῦ πυρὸς ὑπομένειν, οἷον τί λέγω; τῆς προσθήκης τῶν ἑτέρων τιμωριῶν ἐκτὸς διαμένοντες, σκώληκος φημὶ ἀκοιμήτου καὶ βρυγμοῦ τῶν ὀδόντων χαλεπῆς τιμωρίας· αἵτινες κολάσεις οὐχ ἅπασιν ἐπίσης τοῖς ἁμαρτωλοῖς εὐτρεπίζονται, (f. 268 r.), ἀλλὰ τοῖς μὲν αἱ πᾶσαι, τοῖς δὲ ὀλίγαι, καὶ τισὶ μὲν αἱ μέσαι, τισὶ δὲ αἱ πλείους κατὰ τὸ μέτρον δηλονότι τῆς ἑκάστου πράξεως, καθὰ καὶ αἱ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν μοναὶ καὶ κατασκηνώσεις κατὰ τὸ μέτρον τῆς ἀρετῆς ἑκάστου τῶν ἁγίων ἀναλόγως ἀπεκλήρωντο), ἰδοὺ ἄφνω ἐκ τῶν ἀνωτάτω κάτεισι κόρη τις πάνυ ὡραία, ἧς τὸ κάλλος ἀμήχανον καὶ τὸ πρόσωπον ὑπερδεδοξασμένον ἔχουσα, καὶ διάδημα βασιλείας φοροῦσα ἐπὶ τῆς κορυφῆς φοβερώτατον, χιτῶνάς τε χρυσοφαεῖς καὶ χρυσοϋφάντους καὶ χρυσοπάστους περιβεβλημένη, καὶ λίθοι διαυγείας ἀπαστράπτοντες ἀνεκφράστῳ καλλονῇ ἐπὶ τῶν χρυσοπάστων χιτώνων αὐτῆς· καὶ αἱ χεῖρες αὐτῆς λευκαὶ ὡς τὸ φῶς, οἱ δὲ πόδες ἐξήστραπτον ὡς ὁ ἥλιος. Καὶ ἰδοὺ ἔμπροσθεν αὐτῆς ἄγγελοι προηγοῦντο καὶ ὄπισθεν αὐτῆς ἄγγελοι ἐφέποντο δορυφοροῦντες ὡς βασιλίδι· ἥτις πανσέμνως κατιοῦσα τὸ τάχος παρεγένετο πρὸς τὴν θαυμαστὴν

ἐκείνην (f. 268 v.) πύλην τῆς πόλεως ἐν ᾗ καὶ ὁ φοβερώτατος καὶ αἰώνιος βασιλεὺς ἵστατο φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ ῥάβδον ἐν τῇ χειρὶ κατέχων ἀνταποδόσεως, καὶ κλίνασα τὴν κεφαλὴν πρὸς τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας μέχρι ἐδάφους τῆς γῆς, ᾤχετο τὸ τάχος ἐξαναστᾶσα ὡραίοις ποσὶ κατόπιν τῆς συρομένης ἐκείνης ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ φθάσασα ταύτην περὶ τὸ χεῖλος τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ κυματουμένης θαλάσσης τοῦ πυρός, ἐν ᾗ ἔμελλον χαλεπῶς κατακαίεσθαι, λέγει πρὸς τοὺς ἀπηνεῖς ἐκείνους ἀγγέλους τοὺς ταύτην βιαίως σύροντας καὶ ὠθοῦντας βάλλειν ἐν αὐτῇ πεπαρρησιασμένῃ τῇ φωνῇ· Ζῇ τὸ πρόσωπον τοῦ Πατρός μου τοῦ ἐν οὐρανοῖς καὶ τοῦ μονογενοῦς αὐτοῦ Υἱοῦ καὶ Θεοῦ, καὶ ἡ θεία δύναμις τοῦ παναγίου αὐτοῦ Πνεύματος, οὐ τιμωρηθήσεται ἡ συναγωγὴ αὕτη. Συνῆκαν οὖν οἱ πύρινοι ἄγγελοι, ὅτι ἡ πρώτη θυγάτηρ αὕτη ἐστὶ τοῦ Θεοῦ, καὶ λέγουσι πρὸς αὐτήν· Κυρία ἡμῶν εἶ σύ, καὶ ἡμεῖς ἐπιστάμεθα ὅτι σὺ εἶ ἡ πρώτη θυ(f. 269 r.)γάτηρ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἡ πάνυ φιλουμένη παρ' αὐτοῦ φρικτὴ καὶ θαυμασιωτάτη Ἐλεημοσύνη, καὶ οἴδαμεν ὅτι πλὴν σοῦ οὐδεὶς πρὸς αὐτὸν κέκτηται παρρησίαν μείζονα, ὃς ἡμῖν ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ σπεύδομεν ποιῆσαι ἐκπληρῶσαί τε τὸ τούτου θέλημα· μὴ οὖν καθ' ἡμῶν χολώ[σ]ῃς, ὦ κυρία ἡμῶν. Ἡ δὲ φησὶ πρὸς αὐτούς· Οὐχί, καὶ γὰρ καὶ αὐτὴ καθαρῶς ἐπίσταμαι καὶ ὑμᾶς πειθομένους καὶ ἐκπληροῦντας τὰ τούτου θεῖα προστάγματα, ἀλλὰ κἀγὼ προσπεσοῦσα τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ καὶ ὡραίοις ποσὶ παρεκάλεσα αὐτὸν περὶ τῆς ἀθλίας ταύτης καὶ ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ τὰ ἄχραντα καὶ φιλάνθρωπα σπλάγχνα αὐτοῦ ἔκαμψα πρὸς οἶκτον, καὶ ἐπένευσέ μοι ὁ ἀγαθὸς καὶ πανεύσπλαγχνός μου Πατὴρ καὶ Κύριος προκαταλαβεῖν ὑμᾶς· καὶ δεῦτε ὑποστρέψωμεν πρὸς αὐτόν. Καὶ δὴ ὑποστρέψασα ἡ τοιαύτη συναγωγὴ τῇ κελεύσει αὐτῆς μετὰ καὶ τῶν πυρίνων ἐκείνων ἀγγέλων, ἔστη σὺν αὐτῇ κατὰ (f. 269 v.) πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ· προσδραμοῦσα οὖν πάλιν ἡ βασιλὶς ἐκείνη καὶ ὄντως ὡραία, προσέπεσε τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσίν, αὕτη δὲ κατησπάσατο αὐτοὺς ἀσπασίως καὶ ἐξαναστᾶσα λέγει πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, Κύριε, οἶδα μὲν ὅτι διὰ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν καὶ πᾶσαν ἄλλην ἀθέμιτον ἐργασίαν τοῦ λαοῦ τῆς ταλαιπώρου συναγωγῆς ταύτης — τῷ δακτύλῳ ταύτην

ὑποδεικνύουσα, — ἔνοχός ἐστιν εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρός, ὅτι οὐκ ἔφθασεν ἐπιστρέψαι καὶ διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως ἐξιλεώσασθαι τὸ κράτος τῆς βασιλείας σου· διὰ δὲ τὴν ἐλεημοσύνην αὐτῶν καὶ τὴν ἄβυσσον τοῦ ἐλέους σου ἄφες αὐτοῖς δι' ἐμοῦ τὰ παραπτώματα αὐτῶν· ἀκήκοα γὰρ τοῦ ἀχράντου σου στόματος λέγοντος οὕτωσί· Μακάριοι οἱ ἐλεήμονες, ὅτι αὐτοὶ ἐλεηθήσονται. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνης ἱκετικῶς λεγούσης καὶ παρισταμένης τῷ Κυρίῳ περὶ αὐτῶν, κἀκείνων τρεμόντων, ὡσεὶ ὕδωρ θαλά(f. 270 r.)σσης, καὶ τινασσομένων ὥσπερ φύλλα τῶν δένδρων ὑπὸ βιαίας πνοῆς ἀπὸ τοῦ φόβου τοῦ δικαίου κριτοῦ καὶ τῆς ἀπειλῆς τῆς κυμαινομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός, συνέθετο Κύριος αὐτῇ τοῦ φείσασθαι αὐτῶν καὶ κατένευσε τῷ στρατηγῷ τῶν ἀγγέλων, καὶ ἐσάλπισε τῇ σάλπιγγι αὐτοῦ, ἥτις ἐξεβόησεν ἠχῇ μεγάλῃ λέγουσα πρὸς αὐτούς· Διὰ μὲν τὴν ἐλεημοσύνην ὑμῶν ἐφεισάμην καὶ ἀπηλλοτρίωσα ὑμᾶς τῆς ἀσβέστου τοῦ πυρὸς χαλεπῆς τιμωρίας, διὰ δὲ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν ὑμῶν, ἧς οὐκ ἀπέστητε μέχρι τῆς ἐσχάτης ὑμῶν ἀναπνοῆς, οὐκ εἰσάξω ὑμᾶς εἰς τὴν περικαλλῆ καὶ πανθαύμαστον καὶ ἀνεξιχνίαστον ταύτην πόλιν μου, τὴν ὄντως πεποθημένην κατοικεσίαν ἣν ἡτοιμασάμην πᾶσι τοῖς ἐκλεκτοῖς μου, οὐδὲ ὄψεσθε τὴν βασιλείαν μου. Καὶ εὐθέως ἐπένευσε τοῖς κατ' ἄρκτον ἑστῶσιν ἀγγέλοις ἑτοιμάσαι τόπον αὐτοῖς εὐπερίγραπτον καὶ κατασκηνῶσαι πάντας παρ' αὐτῷ τῷ τόπῳ πλὴν τῶν ἀναγκαίων ἐστερημένους (f. 270 v.), ὃ δὴ καὶ γέγονε. Παραλαβόντες γὰρ αὐτοὺς οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἐπορεύθησαν ἔνθα καὶ προσετάχθησαν κἀκεῖ αὐτοὺς κατεσκήνωσαν εἰς τόπον μὲν ἀναπαύσεως, πλὴν δὲ τῶν ἀναγκαίων, ὡς εἴρηται, τῆς αἰωνίου ζωῆς ἐστερημένους.

Καὶ τούτων οὕτω τελεσθέντων, διεστείλατο ἔτι ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἀφορισθεῖσα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ (ἡ δὲ δεδοξασμένη ἐκείνη βασίλισσα ὅθεν ἦκεν ἐν δοξῃ καὶ τιμῇ ἀνθυπέστρεψε πρὸς τὸν ταύτης Πατέρα· θυγατέρα γὰρ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς πρώτην τὴν Ἐλεημοσύνην ἐκάλεσεν, ἐπειδὴ πάσας τὰς γενικὰς ἀρετὰς ἐμφύτους ἔχει παρ' ἑαυτῇ), ἥτις συναγωγὴ ἦν τυφλώττουσα μὲν, ὁδηγουμένη δὲ νεύματι Θεοῦ, καὶ οὔτε ἀγαθὸν οὔτε πονηρὸν ὡρᾶτο ἐν αὐτῇ·

καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν οὔτε δοξαζόμενα οὔτε ἐπαισχυνόμενα ἕως ἴχνος ποδῶν αὐτῶν, καὶ ἡ ἀμφίασις αὐτῶν πενιχρὰ μέν, πλὴν οὐκ αἰσχυνομένη, καὶ αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες κατὰ τὸ αὐτὸ πεφυκότες, οὔτ' ἀσχημονοῦντες οὔτ' εὐπρε(f. 271 r.)πίζοντες. Καὶ εἶδε Κύριος ἐπ' αὐτοὺς καὶ ὠργίσθη διὰ τῆς αὐτῶν τυφλώσεως, οὐκ ἐπ' αὐτοῖς, ἀλλὰ πρὸς τοὺς αὐτοὺς τεκόντας ἐφ' οἷς καὶ τὸν δίκαιον αὐτοῦ θυμὸν κεκένωκεν, ἐπειδὴ οὐκ ἔφθασαν τῷ τιμίῳ αὐτοῦ βαπτίσματι τελειῶσαι καὶ φωτίσαι αὐτούς· καὶ ἐνετείλατο Κύριος δοθῆναι αὐτοῖς τόπον ἀναπαύσεως κατὰ μεσημβρίαν καί τινα βραχυτάτην ἀπόλαυσιν ζωῆς αἰωνίου διὰ ἔλεον ἄφατον καὶ φιλανθρωπίαν αὐτοῦ, πλὴν οὐκ ἐν τῇ πόλει τῇ ἁγίᾳ οὐδὲ ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν, ἀλλ' ἰδίως, ὡς εἴρηται, ἐν τόποις οὓς ἠφόρισεν αὐτοῖς· διότι ἐκέκραξαν πρὸς αὐτὸν ἐκ βάθους ψυχῆς μετὰ δακρύων λέγοντες· Μνήσθητι, δέσποτα Κύριε, ὡς οἰκτίρμων καὶ ἐλεήμων καὶ μόνος ἀγαθὸς καὶ εὐσυμπάθητος ἡμῶν τῶν ἁμαρτωλῶν, ὅτι εἰ καὶ ἀνάξιοι ἐσμὲν δοῦλοί σου μερίδος τυχεῖν τῶν σῳζομένων διὰ τὸ μὴ τελειωθῆναι ἡμᾶς τῷ τιμίῳ βαπτίσματι τῆς εἰς Πατέρα καὶ Υἱὸν καὶ ἅγιον Πνεῦμα ἀμωμήτου ἡμῶν πίστεως, ἀλλ' ὅτι χριστιανῶν τέκνα τυγχάνομεν, καὶ αἰτούμεθα (f. 271 v.) τῆς σῆς ἀνεξικακίας διὰ σπλάγχνα σῶν οἰκτιρμῶν τυχεῖν ἡμᾶς τινὸς ῥανίδος ἐλέους, καὶ μὴ ὡς ἀμυήτους σφραγῖδος τῆς σῆς βασιλείας ἐν τῇ γεέννῃ τοῦ ἀσβέστου πυρὸς παραπεμφθῆναι· εἰ γὰρ συνεχώρησεν ἡμῖν καὶ αἰφνίδιος ἐπέλευσις τοῦ θανάτου τὴν σφραγῖδα δέξασθαι τὴν ἄχραντον τῆς σῆς βασιλείας, καὶ εἰ ἐζήσαμεν ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ, εὐηρεστήσαμεν ἂν ἐνώπιόν σου καὶ τῆς σῆς βασιλείας ἠξιώθημεν· ἐπεὶ δὲ οἷς αὐτὸς οἶδας κρίμασιν ἐστέρησας ἡμᾶς τῆς ἐπικήρου καὶ ματαίας ἐκείνης ζωῆς καὶ βραχυτάτου φωτὸς πρὸ τοῦ ἀρτιωθῆναι τὰς αἰσθήσεις ἡμῶν καὶ πρὸ τοῦ σχεῖν ἡμᾶς τελείας τὰς φρένας γινώσκειν καλόν καὶ πονηρόν, μὴ καὶ τῆς ἀπεράντου ταύτης καὶ μακαρίας ζωῆς καὶ τοῦ ἀνεσπέρου καὶ γλυκυτάτου φωτὸς ἀφυστερήσῃς καὶ ἀπαλλοτριώσῃς ἡμᾶς διὰ ἔλεος ἄμετρον τῆς σῆς ἀγαθότητος, ἀλλ' ὡς μόνος εὐδιάλλακτος ἐπικάμφθητι καὶ ἐλέησον ἡμᾶς. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι πάντες οἱ τῆς μεγίστης ἐκείνης συναγωγῆς τὰ ἀρτιτόκα βρέφη καὶ ἔμβρυα τῶν χρι(f. 272 r.)στιανῶν, τὰ μὴ φθάσαντα τὴν σφραγῖδα τοῦ

θείου βαπτίσματος δέξασθαι· διὸ καὶ, ὡς εἴρηται, ἐπικαμφθεὶς ὁ δίκαιος κριτὴς τῆς δεήσεως αὐτῶν τὴν μὲν ὀργὴν αὐτοῦ καὶ τὸν δίκαιον θυμὸν ἀφίησιν ἐπὶ τοὺς τεκόντας αὐτούς, αὐτοῖς δὲ ἐνετείλατο δοθῆναι τόπον ἀναπαύσεως καὶ μερίδα μικρᾶς τινὸς ἀπολαύσεως, πλὴν πόρρω οὖσαν τοῦ κλήρου καὶ τῆς μερίδος τῶν ἐκλεκτῶν, ἀναστήσας αὐτοὺς ἐν τελείᾳ ἡλικίᾳ ἐπίσης τῇ λοιπῇ βροτείᾳ φύσει.

Ἔτι καὶ τούτων ἀποκαταστάντων ἐν τόποις ἀναψύξεως οἷς αὐτοῖς εὐχαρίσατο ὁ Κύριος δι' ἔλεον ἄμετρον, ἠφόρισεν ἐκ τῆς τῶν εὐωνύμων μερίδος ἑτέραν συναγωγήν, καὶ ἰδοὺ αὕτη παραγεγονυῖα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· καὶ αὕτη ἡ συναγωγὴ εἶχε μορφῆς χαρακτῆρα ἐπίσης τοῦ διαβόλου, καὶ ἡ καρδία αὐτῶν ἦν βεβαμμένη ἀπὸ τῆς δυσωδίας τοῦ Σατανᾶ· τὰ γὰρ πρόσωπα αὐτῶν ἦσαν διεστραμμένα καθάπερ σχῆμα δράκοντος, καὶ σκότος περὶ αὐτοὺς ὡς ἀπὸ καπνοῦ θε(f. 272 v.)άφης, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὕφαιμοι κάτωθεν δὲ μελανοί, καὶ ὕλη τις δυσώδης ἐξεπορεύετο ἀπ' αὐτῶν· καὶ ἐν ταῖς ἀκοαῖς αὐτῶν ὄφεις πετώμενοι δάκνουσι κρεμώμενοι, καὶ ἀπὸ τοῦ στόματος αὐτῶν σκώληκες ἀμαυροὶ μετὰ ἰχῶρος ἐξέπιπτον, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν σφόδρα σεσηπότες, καὶ μυῖαι ἄγαν πονηρῶς κατεσθίουσαι αὐτούς· καὶ οὗτοι πάντες κεκατηραμένοι. Ταῦτα δὲ πάντα οὐχ ὑλῶδες ἐτύγχανον, ἀλλὰ νοητὰ σήμαντρα τῆς αὐτῶν κακίας δηλοῦντα τοῦ τρόπου αὐτῶν τὴν ἐλεεινὴν καὶ ἀπευκταιοτάτην κατάστασιν. Καὶ εἶδε Κύριος καὶ παρωξύνθη λίαν ἐπὶ τὴν πονηρὰν ἐκείνην συναγωγήν, διότι ἦν ἐπικατάρατος σφόδρα, καὶ ἐζήτησε τὸν ταύτης ἀπατεῶνα· καὶ αὐτὸς εὐθὺς παρεγένετο· ὁ δὲ Κύριος ἔφη πρὸς αὐτόν· Οὐκ εἰμὶ ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ συναίδιος καὶ συνάναρχος Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός, ὁ κατὰ πάντα ὅμοιος αὐτῷ πλὴν τῆς γεννήσεως, εἰ καὶ τέλειος ἄνθρωπος γέγονα διὰ τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν; πῶς οὖν αὐτὸς τολμηρῶς ἀχαρί(f. 273 r.)στῳ γνώμῃ καὶ γλώσσῃ τὴν ἐμὴν θεότητα εἰς κτίσμα κατήγαγες καὶ τοῦ κατὰ φύσιν ὁμοουσίου μοι Πατρὸς ἐξέκοψας καὶ ἐχώρισας καὶ μετὰ τῶν ποιημάτων τὸν ποιητὴν συνηρίθμησας, καὶ οὐ μόνον στάσεως καὶ ταραχῆς ἐπὶ τοσοῦτον χρόνον τὴν ἐν τῷ ἐμῷ ὀνόματι ἐξαγορασθεῖσαν ἐκκλησίαν ἐπλήρωσας, ἀλλὰ δὴ καὶ τὴν τοῖς σοῖς πονηροτάτοις λόγοις ἐξαπατηθεῖσαν ματαίαν ταύτην συναγωγὴν σὺν σοὶ καὶ

τῷ σῷ πατρὶ Σατανᾶ αἰωνίῳ ὀλέθρῳ παρέδωκας; Ἀπόδος μοι οὖν, ἄθλιε καὶ ἐπάρατε, τὰς ψυχὰς αὐτῶν. Καὶ τούτων οὕτως ὑπὸ τοῦ Κυρίου πρὸς τὸν ἄφρονα καὶ παμβέβηλον καὶ μεμηνότα Ἄρειον ἐν θυμῷ δικαίῳ λεχθέντων, εὐθὺς ἐπένευσε τοῖς τοῦ πυρὸς ἀγγέλοις, καὶ ἥρπασαν αὐτὸν ἐν θυμῷ ἀκατασχέτῳ κεκινημένοι, καὶ δήσαντες αὐτοῦ χεῖρας καὶ πόδας ἐν βαρείαις ἀλύσεσι καὶ ἐπὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ ἐπιθέντες τροχὸν σιδηροῦν ὡσεὶ λιτρῶν δισμυρίων, τύπτοντες αὐτὸν ῥάβδοις πυρίνοις ἔρριψαν αὐ(f. 273 v.)τὸν εἰς τὸ κατώτατον χάος τῆς ἀβύσσου, ὅπου ἐλέγετο εἶναι αὐτὸς ὁ Σατανᾶς σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ μυρίαις ἁλύσεσι δεδεμένοις, ὅπως ἐκεῖ σὺν τῷ Ἰούδα κολάζεσθαι καὶ πᾶσι τοῖς ὁμοίοις αὐτοῦ σὺν αὐτῷ ἐκεῖσε, ἔνθα οἱ μυριόφρικτοι πρηστῆρες, ἔνθα τὸ μυριόλογον καὶ φρικωδέστατον πῦρ, ὅπου αἱ μυριάδες τῶν ποικίλων καὶ χαλεπῶν τιμωριῶν μυριοεπινοήτως ἄγχουσαι καὶ δεινῶς ἐκπιέζουσαι καὶ πικρῶς ἐκτηγανίζουσαι καὶ τιτρώσκουσαι πάντας τοὺς ἅπαξ κατακριθέντας ἐκεῖ σὺν τῷ Ἀντιχρίστῳ καὶ προδρόμῳ αὐτοῦ μιαρωτάτῳ καὶ βεβήλῳ Ἀρείῳ εἰς τὸ διηνεκὲς καὶ ἀπέραντον μετὰ καὶ τοῦ προδότου Ἰούδα καὶ τῆς μερίδος αὐτοῦ. Ὡσαύτως ἁρπάσαντες ὀξυτάτως καὶ τὴν αὐτῷ βεβήλως μαθητευθεῖσαν μιαρωτάτην συναγωγὴν ἐκείνην καὶ ῥάβδοις πυρίνοις τύπτοντες, πάντας σφοδρῶς ἐν ταῖς θαλάσσαις ἐκείναις τοῦ πυρὸς τοῦ ἀστέκτου διασκορπίσαντες ἀπηκόντισαν αἰωνί(f. 274 r.)ως σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτῶν καὶ τῷ διδασκάλῳ αὐτῶν τῷ παμμιάρῳ καὶ ἀσεβεστάτῳ Ἀρείῳ ἀπαύστως κολάζεσθαι· οὕτω γάρ μοι εἰρήκει καλεῖσθαι αὐτὸν ὁ σὺν ἐμοὶ ὢν ἐκεῖσε θαυμαστὸς καὶ θεοειδέστατος νεανίας.

Εἶτα διεχώρισεν ὁ Κύριος ἀπὸ τῶν εὐωνύμων αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγὴν, ἧς τὸ πλῆθος ὀλιγοστὸν λίαν, καὶ αὕτη παραγενομένη ἔστη τετραχηλισμένη ἐνώπιον τοῦ φοβερωτάτου κριτοῦ, καὶ βόρβορος δυσώδης λίαν ἐξεπορεύετο ἐκ τοῦ στόματος αὐτῶν· καὶ οὗτοι πάντες ἦσαν δρακοντόσχημοι, ὄφεις εἰλημμένους κατέχοντες περὶ τοὺς αὐχένας αὐτῶν, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἀπηγριωμένα, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἐκτεθηριωμένοι σφόδρα, καὶ σκότος ἦν εἰλημμένον ἐν τοῖς ποσὶν αὐτῶν, αἱ δὲ γλῶσσαι αὐτῶν ἐκρέμαντο ἔξω τοῦ στόματος αὐτῶν ὥσπερ ὄφεως ἰοῦ θανατηφόρου πλήρεις καὶ ὡς ἔχει ὑποστρεφόμεναι, ὑφ' ὧν ἐξεπορεύετο πῦρ ἄχρι καὶ τοῦ οὐρανοῦ ἀναγόμενον

καὶ μέχρι τῶν (f. 274 v.) ἐσχάτων τῆς γῆς ὑποστρεφόμενον, ὑφ' οὗ σφόδρα ἐταλαιπωρεῖτο ἅπαν τὸ ἔδαφος τῆς γῆς, εἶτα εἰς καπνὸν δριμύτατον ἀποκαθιστάμενον καὶ τῷ μὲν δοκεῖν κατ' ἀρχὰς, ὡς εἴρηται, ἕως τοῦ οὐρανοῦ ἀνερχόμενον, καταλῆγον δὲ ἄχρι καὶ τῶν κατωτάτω τῆς γῆς. Ἐπεῖδεν οὖν ὁ Κύριος καὶ ἐπὶ ταύτην τὴν ἐλεεινὴν καὶ ταλαίπωρον συναγωγὴν καὶ ἐζήτησε τὸν ἀπατήσαντα αὐτοὺς παμβέβηλον πλάνον τὸν τὴν θολερὰν ἐκείνην ἀνατροπὴν τῆς βλασφημίας ἐργασάμενον καὶ τὸν ἀναιδῆ λαὸν ἐκεῖνον ποτίσαντα· ὃς καὶ παρέστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ ὅλος βαρυκάρδιος ὢν καὶ σκοτοδίνης πεπληρωμένος. Καὶ εἶπε Κύριος πρὸς αὐτόν· Ἐγὼ μὲν σιγήσω, τὸ δέ γε ὑπὸ σοῦ βλασφημηθὲν πανάγιον καὶ ὁμοούσιον ἐμοὶ καὶ τῷ Πατρί μου Πνεῦμα τὸ κύριον καὶ θεῖον ἐλεύσεται καὶ ὀφθήσεταί σοι, καὶ καταισχυνθήσῃ ὑπ' αὐτοῦ, ὅτι ἔστιν ὄντως Θεός. Καὶ ἰδοὺ πᾶσαι αἱ θεῖαι δυνάμεις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἤρξαντο ᾄδειν αἶ(f. 275 r.)νον τερπνὸν καὶ ξένον καὶ μέλος οὐράνιον, γλώσσῃ ἀνθρωπίνῃ ἀνεκδιήγητον καὶ ἀνέκφραστον ἀνευφημοῦσαι ὡσανεὶ ἀνακαλούμεναι τὸ πανάγιον καὶ ζωαρχικὸν καὶ θεῖον Πνεῦμα. Εἶχε δὲ τὰ τῆς ὑμνωδίας οὕτως· Βασιλεῦ οὐράνιε, παράκλητε, τὸ Πνεῦμα τῆς ἀληθείας, ὁ πανταχοῦ παρὼν καὶ τὰ πάντα πληρῶν, ὁ θησαυρὸς τῶν ἀγαθῶν καὶ ζωῆς χορηγός, ἐλθὲ καὶ ἐμφάνηθι ἐν μέσῳ ἡμῶν ὥστε αἰσχυνθῆναι καὶ καταισχυνθῆναι εἰς σὲ διακενῆς ἀνομήσαντα καὶ παρανομήσαντα καὶ μεμηνῶς βλασφημήσαντα μιαρώτατον Μακεδόνιον, καὶ τῆς ὁμοουσιότητος τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ σὲ χωρίσαντα καὶ ἀποξενώσαντα. Μετὰ γοῦν τὴν φρικωδεστάτην καὶ θεοτερπῆ ὑμνῳδίαν ταύτην, ἰδοὺ φῶς ἔλαμψεν ἄνωθεν φρικωδέστατον καὶ διεχύθη μέχρι καὶ τῶν ἀχράντων ποδῶν τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ καὶ οὐκ ἐξέλιπεν, ἐφήπλωτο δὲ ἐπὶ πάσῃ ὁδῷ ᾗ διώδευσε· καὶ μετὰ τὴν τοῦ φωτὸς τοῦδε παρουσίαν, ἰδοὺ ἀκτῖνες προσβάλλου(f. 275 v.)σαι ἐπάνω αὐτοῦ, ὡς ἀπὸ πυρσοῦ μεγάλου ἀναφλεγομένου καὶ σπινθηροβολοῦντος· καὶ μετὰ τὰς σπινθηροβόλους καὶ φωτοειδεῖς ἀκτῖνας ἐκείνας, ἰδοὺ εἶδος ἀστραπῆς λευκῆς χιονοειδοῦς, καὶ μετ' αὐτὸ ἰδοὺ εὐπρέπεια ὡραιότητος, σύνεσίς τε καὶ καλλονὴ ἀσύγκριτος, ἰδοὺ ἀγάπη καὶ χαρὰ ἀνεκλάλητος, εἰρήνη τε καὶ μακροθυμία, καὶ αὐταὶ πᾶσαι συνεζευγμέναι ἀλλήλαις ξενοτρόπως. Ἡ δὲ ὡραιότης

καὶ καλλονὴ αὐτῶν τοιαύτη τις ἦν, οἵαν βρότειος νοῦς οὐ νοήσασθαι δεδύνηται, μὴ ὄγε ἐξειπεῖν γλώσσῃ καὶ ἀκοαῖς ταύτην χαρίσασθαι, ἀλλ᾽ οὐδὲ ἐκφράσαι ταύτην ὅλως ἰσχύσειε. Καὶ μετ᾽ αὐτὰς ἰδοὺ θρόνος σμαραγδοειδὴς ποικιλόμορφος σπινθηροβολῶν καὶ τὸν ἀέρα τοῦ οὐρανοῦ καταπυρσεύων, καὶ ἐπ᾽ αὐτῷ ὁ Παράκλητος ἐπὶ νεφέλης φωτεινῆς ἐπαναπαυόμενος· καὶ τὸ εἶδος αὐτοῦ ἐξαίσιον καὶ ἀνεκδιήγητον ὡσεὶ περιστερᾶς χιονοειδοῦς, καὶ αὐτὸς ἦκε μετ᾽ ἐκπλήξεως καὶ ἐπανεπαύσατο ἐν τῷ μονογενῆ Υἱῷ καὶ Λόγῳ τοῦ (f. 276 r.) Θεοῦ καὶ Πατρός. Καὶ ὕμνησαν ἐπὶ τῇ τούτου θεϊκῇ παρουσίᾳ καὶ ἐπελεύσει πᾶσαι αἱ τῶν οὐρανῶν δυνάμεις, Θεὸν ἀληθινὸν αὐτὸν δοξάζουσαι καὶ ὁμοούσιον τῷ Θεῷ καὶ Πατρὶ καὶ τῷ μονογενεῖ Υἱῷ αὐτοῦ, οὕτω βοῶσαι ἀναπαύστως καὶ ἀλαλάζουσαι τὸν συνήθη τρισάγιον αἶνον· Ἅγιε, ἅγιε, ἅγιε. Συνεὶς οὖν ὁ ἐπάρατος καὶ θεομισὴς Μακεδόνιος τὴν τῶν ἀγγέλων ὑμνῳδίαν καὶ τὰ ὁραθέντα αὐτῷ ξένα καὶ φρικτὰ καὶ ὡς ἀληθῶς θεϊκὰ θεάματα, εἰς τέλος κατῃσχύνθη καὶ ὡσεὶ νεκρὸς πρηνὴς πέπτωκεν ἄφωνος, καὶ ἡ ὑπ᾽ αὐτοῦ μαθητευθεῖσα καὶ πλανηθεῖσα ματαιοτάτη συναγωγὴ· ἔγνω γὰρ ὡς ἀληθῶς ὁ τρισάθλιος καὶ οἱ μετ᾽ αὐτοῦ, ὅτι Θεὸς ἀληθινός ἐστιν ὁ Παράκλητος. Καὶ ἰδοὺ ἐπινεύσαντος τοῦ δικαίου κριτοῦ, οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρὸς ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς παρεγένοντο καὶ παραλαβόντες αὐτὸν καὶ ῥάβδοις πυρίνοις ἀνηλεῶς τύπτοντες καὶ παραπλήσια τῷ βεβήλῳ Ἀρείῳ εἰς αὐτὸν πράξαντες, σὺν τοῖς ὑπ᾽ αὐτοῦ αὐτὸν ἀπηκόντισαν καὶ ἀπέρριψαν (f. 276 v.) εἰς τὴν ἄσβεστον φλόγα τοῦ πυρός, ἐν ᾧ τὸ μυριόφρικτον καὶ μυριόλογον πῦρ ἕκαστον ἰδίως φλέγον καὶ ἀϊδίως κολάζον τοὺς ἐν αὐτῷ κατακριθέντας· ἐκεῖ γάρ εἰσιν, ὡς προείρηται, μυριάδες χαλεπαὶ τῶν πικρῶν τιμωριῶν σφοδρῶς ἄγχουσαι καὶ δεινῶς πιέζουσαι τὸν σκολιὸν δράκοντα καὶ ἐπικατάρατον Σατανᾶν σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ· τὸ δὲ βέβηλον αὐτοῦ ἄθροισμα ἐν ταῖς θαλάσσαις τοῦ πυρὸς διαμερίσαντες ἀπέρριψαν αἰωνίως κολάζεσθαι.

Καὶ τούτων οὕτως τελεσθέντων τὸ μὲν θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς κύριον καὶ ζωαρχικὸν Πνεῦμα ἐπανῆκεν αὖθις ὅθεν ἐλήλυθεν, εἰ καὶ μὴ ἀπῆν θεϊκῶς τοῖς ἐκεῖ, ὁ δὲ Κύριος προσέθετο ἔτι ἀφορίσαι ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμου αὐτοῦ μερίδος ἑτέραν συναγωγὴν, ἥτις ἐχωρισθεῖσα τῇ θεϊκῇ νεύσει τοῦ δικαίου κριτοῦ ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· ἥτις

ὑπῆρχεν ὀλιγοστὴ λίαν παρὰ τὴν πρὸ αὐτῆς συναγωγήν, καὶ Κύριος ἐπεῖδεν ἐπ᾽ αὐτὴν, καὶ αὕτη ἦν πονηρὰ σφόδρα καὶ ἁμαρτωλός· καὶ τὸ μὲν (f. 277 r.) ἥμισυ τοῦ προσώπου αὐτῶν σκότῳ χαλεπῷ ἦν ἀμαυρούμενον, τὸ δὲ ἥμισυ κοπρῶδες καὶ βδελυρὸν, ἀκαθαρσίαν πολλὴν δυσειδεστάτην σταλάζον· ἐπὶ δὲ τὰ σώματα αὐτῶν ὡς ἱστὸς ἀράχνης ἐπέκειτο καὶ αὐτὸς κονιορτῷ πολλῷ κρεμώμενος, τὸ δὲ στόμα αὐτῶν ὑπῆρχεν ἐξερευγόμενον ἀσθένειαν καὶ καπνὸν θεάφης δυσώδη καὶ ἀφόρητον πληρούμενον· οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν πονηρὰ βλέποντες, αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες κόπων καὶ πόνων ματαίων ὑπῆρχον ἀνάπλεοι. Καὶ ἰδὼν αὐτὴν οὕτως ἔχουσαν ὁ Κύριος σφόδρα ἐβδελύξατο αὐτὴν, καθότι ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ ζωὴ αὐτῶν σκάνδαλον μέγα τοῖς ἁγίοις καὶ ταῖς σεβασμίαις ἐκκλησίαις ὑπῆρχέ τε καὶ γέγονε καὶ εἰσέτι καθέστηκε. Καὶ διεκελεύσατο ὁ Κύριος εἰς τὸ ἐμφανὲς τὸν ἀπατεῶνα αὐτῶν ἀχθῆναι, ὃς θᾶττον ὡς ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ παρέστη ἐνώπιον αὐτοῦ, καὶ ἦν ὅλος ἐβδελυγμένος καὶ μεμισημένος ἐναντίον Κυρίου· καὶ ἰδὼν αὐτὸν ὁ Κύριος φησὶ πρὸς αὐτὸν διὰ τῆς ἀρχαγγελικῆς τάξεως κατὰ τὸ εἰωθὸς (f. 277 v.) λέγων· Ποῦ εἰσι, παμβέβηλε, τὰ ἐν τῇ ἐμῇ ἐνσάρκῳ οἰκονομίᾳ δυσπρόσωπα, ἃ ἐκ τῆς σῆς κοιλίας ἐξήμεσας ἔχειν με; ποῦ δὲ καὶ οἱ δύο υἱοὶ οὓς ἐν τῷ ἐμῷ Πατρὶ ἀθέως ἐκήρυξας καὶ τὸν σοὶ πεποιθότα καὶ σὺν σοὶ παρεστῶτα νυνὶ ἄφρονα λαὸν εἰς ἐμὲ πιστεύειν ἐδίδαξας καὶ πεπλάνηκας καὶ ἀντὶ βασιλείας οὐρανῶν υἱοὺς γεέννης τούτους πεποίηκας; Οὐκ ἐγὼ μόνος εἷς ἅγιος καὶ εἷς Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς εἰς δοξαν τοῦ ὁμοουσίου μου Θεοῦ καὶ Πατρός; οὐκ ἐγὼ μόνος Θεὸς ὁμοῦ καὶ ἄνθρωπος ὁ αὐτὸς ἐν δυσὶ τελείαις φύσεσιν, ἐν δυσὶν οὐσίαις, ἐν δυσὶν ἐνεργείαις, ἐν δυσὶ θελήσεσιν, ἐν μιᾷ δὲ τῇ ὑποστάσει γνωριζομενος καὶ προσκυνούμενος καὶ δοξαζόμενος ὑπὸ πάσης κτίσεως ὁρατῆς τε καὶ ἀοράτου; Ποθεν γοῦν ἄρα σὺ, μιαρώτατε θὴρ ὀλετὴρ, ἐν ἐμοὶ τὰ δύο προσωπα καθιστόρησας καὶ ἀπεκάλυψας ταῦτα τοῖς σοῖς ὁμόφροσι, καὶ τὸν παρόντα δῆμον ἀθλίως ἠπάτησας οὕτω περὶ ἐμοῦ πιστεύειν, πανά(f. 278 r.)θλιε; Καὶ ταῦτα λέγων ὁ σωτὴρ καὶ δίκαιος κριτὴς ἐδείκνυεν ἑαυτὸν ἀνθρωποπρεπῶς τῷ δακτύλῳ τῷ λυμεῶνι ἐκείνῳ καὶ πᾶσι τοῖς συμμύσταις αὐτοῦ, ὡσανεὶ καλύπτων αὐτοῖς ἑαυτόν· οἳ καὶ κατανοήσαντες ὅπως πεπλάνηνται ἀσεβήσαντες

εἰς αὐτὸν καὶ εἰς τὴν πανάχραντον καὶ πανάμωμον αὐτοῦ Μητέρα Μαρίαν τὴν παρθένον, ἣν ὁ ἀλιτήριος Χριστοτόκον καὶ οὐ κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκον ὀνομάζειν ἐδίδασκε πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ταλαιπώρου ζωῆς αὐτοῦ, καὶ φανερῶς πληροφορηθέντες οὗτοι ὅτι ὄντως ἠπάτηνται ὑπὸ τοῦ Σατανᾶ, ἵσταντο ἔξαλλοι καὶ ἀπονενοημένοι πρὸς ἀλλήλους ἐξεστηκῶς ἐνορῶντες. Προσεκαλέσατο δὲ καὶ τὴν ἄχραντον αὐτοῦ Μητέρα τὴν ὄντως κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκον ἥκειν κατὰ πρόσωπον αὐτῶν, ἣ καὶ παρεγένετο, δόξῃ ἀπλέτῳ ἠγλαϊσμένη καὶ δορυφορίᾳ θεϊκῇ λελαμπρυσμένη καὶ περιαυγαζομένη, καὶ ἔστη πλη-(f. 278 v.)σίον τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτῆς καὶ Θεοῦ, ἀρρήτῳ καὶ ἀνεκδιηγήτῳ θείᾳ αἴγλῃ κεκοσμημένη καὶ πεποικιλμένη ἐν ἐσθήσεσιν ἀστραπτούσαις, ἐν δὲ τῷ ἐκπορεύεσθαι αὐτὴν τῆς πύλης τῆς ἐνδόξου καὶ περιφήμου θαυμασίας πόλεως ἐκείνης, καὶ πλῆθος οὐρανίων δυνάμεων πολὺ σφόδρα συνεπορεύετο αὐτῇ μετ' αἰδοῦς καὶ εὐλαβείας μεγίστης. Καὶ ἰδοὺ, ὡς εἴρηται, ἔστη πλησίον τοῦ βασιλέως, τὸ πρόσωπον αὐτῆς λάμπον ὑπὲρ τὸν ἥλιον, τὰ δὲ ἱμάτια αὐτῆς, ὡς εἶδος ἀστραπῆς, καὶ κατανόησις οὐκ ἦν τῆς εὐπρεπείας καὶ τῆς ὡραιότητος αὐτῆς· καὶ ἐν τῷ ἑστάναι αὐτὴν ἐν τοιαύτῃ δόξῃ καὶ τιμῇ ἤνεσαν αὐτὴν πάντες ἄγγελοι Θεοῦ μεγαλοφώνως ὁμοθυμαδὸν λέγοντες· Χαῖρε, Μαρία παρθένε, ἡ ἀξιωθεῖσα γενέσθαι Μήτηρ Θεοῦ καὶ χάριν εὑροῦσα ἐναντίον αὐτοῦ, ἣν εὗρεν οὐδεὶς τῶν πρὸ σοῦ ἢ καὶ τῶν μετὰ σὲ γεγονότων καὶ δημιουργηθέντων καὶ ἀπὸ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι ἀχθέντων ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων· χαῖρε, ὅτι διὰ σοῦ ὤφθη καὶ ἡμῖν ὁ πρὶν ἀόρατος καὶ ἀκατάληπτος (f. 279 r.) Κύριος· χαῖρε, Μαρία κυρία τοῦ σύμπαντος, ἡ αἰτία τῆς τοῦ κόσμου παντὸς σωτηρίας. Τούτων οὕτω λεχθέντων εὐφήμῳ γλώσσῃ ὑπὸ τῶν θειοτάτων ἀγγέλων, ἀκούσας Νεστόριος· τοῦτο γὰρ ἦν ὄνομα τῷ ἀπατεῶνι καὶ δυσσεβεῖ ἐκείνῳ καὶ ἀλιτηρίῳ, ὁρῶν τε τὴν ἄφατον καὶ πάντα νοῦν ὑπερέχουσαν δοξαν, τὴν ὡραιότητα τῆς ἀειθαλλοῦς παρθένου καὶ Θεομήτορος, φόβῳ καὶ τρόμῳ συνεσχέθη πολλῷ καὶ διηπορεῖτο αἰσχύνης πληρούμενος ἀνεκφράστου σὺν πάσῃ τῇ κουστωδίᾳ αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ ἐπένευσεν ὁ Κύριος ταῖς ἐπὶ τῶν τιμωριῶν τεταγμέναις δυνάμεσι, καὶ ὥσπερ τάχος ἀστραπῆς ἥξαντες ἦραν αὐτὸν τύπτοντες σφοδρῶς ῥάβδοις πυρίνοις, χεῖρας τε καὶ πόδας αὐτοῦ πε-

δήσαντες ἁλύσεσι σιδηραῖς πεπυρακτωμέναις καὶ σπινθηροβολούσαις, ἐκεῖ κατεκρήμνισαν, ἔνθα δὴ καὶ τοὺς πρὸ αὐτοῦ Ἄρειόν τε καὶ Μακεδόνιον διεμερίσαντό τε καὶ ἀπέρριψαν, καὶ τοὺς ὁμόφρονας τούτου ἐν ταῖς λοιπαῖς κολάσεσι τῆς κυμαινομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ ἀκοιμήτου πυρός, ἐλεει(f. 279 v.)νῶς ἀποδυρομένους καὶ κράζοντας· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁμογενὴς Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ ζῶντος Θεοῦ· ἀλλ' οὐχ ὑπῆρχεν ὁ ἐλεῶν αὐτοὺς καὶ ῥυόμενος τῶν χαλεπῶν ἐκείνων κολάσεων.

Μετὰ γοῦν τὸ συντελεσθῆναι τούτους ἐν ταῖς ἀνεικάστοις ἐκείναις καὶ χαλεπαῖς κολάσεσι τοῦ πυρός, καὶ ἕκαστον αὐτῶν τὰ κατ' ἀξίαν τῆς αὐτῆς δυσσεβοῦς καὶ κακῆς βλασφημίας κομίσασθαι, ἡ παναγία δέσποινα καὶ κυρία τοῦ κόσμου παντὸς ὁρωμένου τε καὶ οὐχ ὁρωμένου Μαρία ἡ Θεοτόκος εἰσέδυ πρὸς τὰ ἄδυτα τῆς ἁγίας καὶ παλινζώου πόλεως, ὅθεν ἐξελήλυθεν, αἰνεσάντων αὐτὴν ἐν τῷ εἰσόδῳ ταύτης πάντων τῶν ἀγγέλων, ὥσπερ καὶ τὸ πρότερον· ὁ δὲ Κύριος ἠφόρισεν ἔτι ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγὴν ὀλιγοστὴν πάνυ ὑπὲρ τὰς πρὸ αὐτῆς, ἥτις παραγενομένη ἕστη κατενώπιον αὐτοῦ· ὁ δὲ Κύριος δέδωκεν ἐμοὶ τῷ πανευτελεῖ καὶ ἀναξίῳ δούλῳ αὐτοῦ ὀφθαλμὸν καρδίας λελαμπρυσμένον ἐν τῷ φωτὶ τῆς αὐτοῦ θείας ἐπιγνώσεως τοῦ ἐπιγνῶναι καὶ καταμαθεῖν τὰ ἀπόρρητα ταῦτα πάντα (f. 280 r.) καὶ ὡς ἀληθῶς ξένα καὶ φρικτὰ μυστήρια, ἅπερ μοι ἀπεκάλυψεν οἷς οἶδε τρόποις αὐτὸς μόνος καὶ κρίμασι, πλὴν οὐχ ὅτι γεγόνασιν, ἀλλ' ὡς μέλλοντα ταῦτα γενέσθαι· κἀμοὶ ἀπεκάλυψεν, ὅπως κἀμοῦ τὸ ζοφῶδες σκότος καὶ ψυχοφθόρον τῶν ἐμπαθῶν λογισμῶν τῆς ἀσεβείας ἀποδείξῃ διὰ τῆς αὐτοῦ ἐπιγνώσεως καὶ ὑμᾶς πάντας στερεωτέρους ἐν τῇ ἀμωμήτῳ πίστει τῆς τριφεγγοῦς θεότητος ἀπεργάσηται. Ὅθεν κἀγὼ φόβῳ καὶ τρόμῳ τὰ θεῖα βαλλόμενος, ἀγαπητοὶ ἀδελφοί, μήπως ὡς ὁ ὀκνηρὸς δοῦλος ἐκεῖνος κατακριθῶ, ὃς λαβὼν παρὰ τοῦ δεσπότου τὸ τάλαντον εἰς τὴν γῆν κατώρυξε καὶ τὸ δοθὲν αὐτῷ εἰς ἐργασίαν ἔκρυψεν ἀπραγμάτευτον, ἐξήγησιν τοίνυν ἱερὰν ἕως ἐμοῦ καταντήσασαν τῶν παραδόξων καὶ φρικτῶν ἀποκαλύψεων οὐδαμῶς σιωπήσομαι· καί μοι μηδεὶς ἀπιστείτω ἅπερ τεθέαμαι γράφοντι, ἢ ἐμὲ τερατεύεσθαι, ἢ τῶν ἐξαισίων ἐκείνων θεαμάτων τῷ μεγέθει καταπλη(f. 280 v.)ττόμενος· ἐμοὶ

γὰρ μὴ γένοιτο τούτων ἱερῶν καταψεύδεσθαι καὶ καπηλεύειν λόγους ἐν οἷς Θεὸς μνημονεύεταί τε καὶ ἐπιγινώσκεται, ἀλλ' ἐπ' αὐτῆς τῆς ἀληθείας Θεὸν προβαλλόμενος μάρτυρα καὶ πολλὰ τῶν ὁραθέντων μοι παραδραμεῖν εἶχον καὶ τῇ λήθῃ παραπέμψαι, εἰ μὴ Κύριος δέδωκέ μοι γνῶσιν, γλῶσσάν τε καὶ λόγον ταῦτα πάντα μετὰ πάσης ἀκριβείας ὑμῖν φανερῶσαι καὶ ὑποδεῖξαι ὡς προϊὼν ὁ λόγος δηλώσει εἰς κοινὴν ἀμφοτέρων σωτηρίαν, ὡς ἂν μὴ ταῖς ἀτόποις ἐννοίαις τοῖς σφῶν δυσσεβεστάτοις λογισμοῖς συμπεριφέρεσθαι ἡμᾶς καὶ διὰ τῆς συγκαταθέσεως τούτων καὶ παραδοχῆς εἰς ᾅδου πέταυρον καταφέρεσθαι· ὅπερ ἐγὼ ὁ ταλαίπωρος, εἰ μὴ ὁ μέγας θεράπων Θεοῦ καὶ ἅγιός μου Πατὴρ καὶ προστάτης Βασίλειος χεῖρά μοι βοηθείας ἐκτείνας ἀνήγαγεν ἐκ χάους καὶ ζόφου ἀφεγγοῦς τοῦ κατωτάτου ᾅδου, διὰ γὰρ τῆς ἐκείνου θεοπειθοῦς πρεσβείας ταῦτα πάντα μοι ἀπεκαλύφθη θεάσασθαι εἰς κοινήν, ὡς ἔφην, πάντων ὑμῶν τῶν πιστῶν ὠφέλειαν (f. 281 r.)· διὰ τοῦτο παρακαλῶ ὑμᾶς καὶ πάλιν ἐρῶ, ἀγαπητοί μου ἀδελφοί, μηδεὶς ἀπιστείτω τοῖς λεγομένοις.

Ὡς οὖν ἡ συναγωγὴ αὕτη παρέστη ἐνώπιον Κυρίου, ταύτην ἐθεασάμεθα ἐγώ τε καὶ ὁ σὺν ἐμοὶ θαυμαστὸς ἐκεῖνος νεανίας, ὅστις καὶ τὰ τῇδε πάντα ἐμοὶ κατὰ μικρὸν ἐσαφήνιζέ τε καὶ ἀνεδίδασκε· καὶ ἦν ἡ ἰδέα τῶν προσώπων αὐτῶν ἐχλευασμένη λίαν ἀπὸ χλεύης καὶ ἐμπαίγματος δαιμονιώδους, ἐξ ἀπάτης τὴν ῥυτίδα ἔχουσα, καὶ πάντες περιβεβλημένοι χιτῶνας ὑφαντοὺς ἀπὸ ἀναθέματος, ἐν ταῖς χερσὶ καὶ ποσὶν αὐτῶν σὺν τοῖς ὄμμασι σφραγῖδα σημασίας ἔχουσα σκοτόμορφον τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας αὐτῶν. Καὶ ἀτενίσας εἰς αὐτοὺς ὁ Κύριος εἶδε πᾶσαν τὴν ἀειδίαν αὐτῶν καὶ λίαν ἠγανάκτησεν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἐζήτησε τὸν ὁδηγὸν καὶ διδάσκαλον τῆς αὐτῶν ἀπωλείας· ὃς εὐθὺς νεύσει θεϊκῇ ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ μετὰ καὶ τοῦ ὁμόφρονος καὶ ὁμογνώμονος αὐτοῦ, μεμελανωμένα καὶ ἀπηγριωμένα κεκτημένοι τὰ ἀναιδῆ καὶ δαι(f. 281 v.)μονιώδη αὐτῶν προσωπα· οἵτινες ἦσαν, ὡς ὁ ἄγγελός μοι διεσάφησε, Διοσκορος καὶ Εὐτυχὴς οἱ μονοθελῆται αἱρετικοί. Καὶ ἀτενίσας εἰς αὐτοὺς ὁ Κύριος ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ αὐτοῦ δικαίᾳ εἶπε πρὸς αὐτοὺς διὰ τῆς στρατηγικῆς ἐκείνης καὶ θείας σάλπιγγος· Ὦ ἐπάρατοι συνεργοὶ καὶ υἱοὶ τοῦ διαβολου, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν υἱοὶ τῆς ἀπωλείας, τίς ὑμᾶς ἐξηπάτησεν εἰς τοιοῦτον

βόθυνον ἀνοίας ἐλθεῖν; ἢ πόθεν τὸ δεινὸν τοῦτο καὶ θεοστυγὲς ὠδηγήσατε δόγμα ἐν ἐμοί, ὅτι ἡ ἐμὴ θεότης καὶ ἀνθρωπότης μίαν κέκτηται τὴν φύσιν, μίαν καὶ τὴν θέλησιν καὶ ἐνέργειαν, καὶ οὕτως ἀσεβῶς ἀπεπλανήσατε τὴν ὑμῖν πειθήσασαν ἐλεεινὴν ταύτην καὶ ταλαίπωρον συναγωγήν, ἥτις σὺν ὑμῖν κληρονομήσει τὸ αἰώνιον καὶ ἀκατάσβεστον πῦρ, τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ; Οὐκ ἐγὼ Κύριος καὶ Θεὸς εἷς ἐν δυσὶ τελείαις ταῖς φύσεσι καὶ θελήσεσι καὶ ἐνεργείαις, θεότητος λέγω καὶ ἀνθρωπότητος, ὧν τε καὶ γνωριζόμενος καὶ (f. 282 r.) ὑπὸ τῶν εὐσεβῶν δοξαζόμενος ἐν μιᾷ καὶ τῇ αὐτῇ ὑποστάσει, διττὰς ἔχων καὶ ἀσυγχύτους τὰς φύσεις καὶ καταλλήλους αὐταῖς τὰς ἐνεργείας καὶ τὰ θελήματα, καθὼς καὶ οἱ ὑπὸ τοῦ ὁμοφυοῦς καὶ ὁμοδόξου μοι Πνεύματος κινούμενοι πατέρες ὑμῶν καὶ ἐμοῦ θεράποντες ἐδογμάτισαν καὶ ἐν ὄρεις εὐσεβείας καὶ αὐτοὶ μεμενήκασι, καὶ τὸ ὑπήκοον ἅπαν ἐμμένειν ἐδίδαξαν, καὶ τὸν ἐμπιστευθέντα τούτοις λαὸν καὶ κλῆρον διετήρησαν πάσης αἱρέσεως ἀθιγῆ, καὶ πρὸς χλόην ζωῆς καθωδήγησαν; ὑμεῖς δὲ, πῶς ἄρα τετολμήκατε ὅλως καινοτομῆσαι καὶ παρασαλεῦσαι τοὺς παρ' αὐτοῖς τεθέντας θείους ὅρους καὶ νόμους νεύσει τοῦ ἐμοῦ Πατρὸς καὶ τὰς διατάξεις αὐτῶν ἀκύρους ποιῆσαι καὶ ἀποδεῖξαι; Καὶ ἐπιστραφεὶς ἔφη πρὸς τοὺς ἀγγέλους ἐκείνους τοὺς ὑπηρέτας τῶν κολαστηρίων· Ἄρατε αὐτοὺς καὶ πρὸς τὸν πατέρα αὐτῶν τὸν Σατανᾶν ἀπαγάγετε, ἵνα σὺν ἐκείνῳ μετὰ καὶ τῶν ὁμοίων αὐτοῖς (f. 282 v.) τοὺς καρποὺς τῶν πόνων αὐτῶν δρέψωνται. Καὶ εὐθέως ἁρπάσαντες αὐτοὺς, ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς, οἱ πύρινοι ἑταῖροι καὶ χεῖρας αὐτῶν καὶ πόδας πεδήσαντες ἐν βαρείαις ἁλύσεσι καὶ τροχοὺς σιδηροῦς ἐπὶ τῶν τραχήλων αὐτῶν ἐξαρτήσαντες καὶ σφοδρῶς αὐτοὺς μαστίζοντες ῥάβδοις πυρίνοις, ἐκεῖ αὐτοὺς κατεκρήμνισαν ἐν τῇ κατωτάτῳ ἀβύσσῳ τοῦ αἰωνίου πυρός, ἔνθα καὶ τὸν Ἄρειον καὶ τοὺς ὁμόφρονας αὐτοῦ ἀπηκόντισαν, Μακεδόνιον καὶ Νεστόριον, τοὺς δὲ μαθητευθέντας παρ' αὐτῶν εἰς τὴν παφλάζουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρὸς κατεπόντισαν.

Μετὰ δὲ τὸ συντελεσθῆναι τὴν ταλαίπωρον ταύτην συναγωγὴν ἐν ταῖς αἰωνίοις κολάσεσιν, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμων μερίδος νεύματι τοῦ δικαίου κριτοῦ παραγεγονυῖα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· ἦστινος προεξῆρχον καὶ προῆγον τρεῖς ἐξα-

πατηταί, δόλιοι σοφισταί, μεμυσταγωγημένοι καὶ μεμαθητευμένοι (f. 283 r.) ὑπὸ τοῦ ἀρχεκάκου καὶ βροτοκτόνου ὄφεως, ἔχοντες τὴν ἰδίαν πλάνην καὶ ἀπάτην περιβεβλημένην ἐν ταῖς αὐτῶν πλευραῖς· καὶ ἰδοὺ αὐτοὶ καὶ ἡ συναγωγὴ αὐτῶν σχοινίοις μελανοῖς καθόλου τοῦ σώματος αὐτῶν ὑπῆρχον συνεσφιγμένοι λίαν, καὶ σκότος βαθὺ κατεκάλυπτε τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν καὶ τὰ πρόσωπα πιέζον καὶ συνθλῖβον τὴν αὐτῶν αἴσθησιν, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἀμβλυωποῦντες ὠρῶντο ἀπὸ ματαιότητος αὐτῶν, αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες βεβαμμένοι ἰῷ πονηρῷ καὶ χαλεπῷ ἀπὸ τῆς τοῦ Σατανᾶ ὠχρότητος, πάντες χιτῶνας ἐνδεδυμένοι ζοφεροὺς λίαν, ἀφ' ὧν ἐξετινάσσετο καὶ ἐξέπιπτεν ὡς αἰθάλη σποδιᾶς· καὶ ἦν χαλεπὸν αὐτοῖς τοῦτο, καὶ ἑαυτοὺς οἱ ἄθλιοι ἐταλάνιζον, ἀποδυρόμενοι σφόδρα καὶ πρὸ τῆς δικαίας τοῦ κριτοῦ ἀποφάσεως. Καὶ ἀτενίσας ὁ Κύριος πρὸς αὐτοὺς εἶδε πᾶσαν τὴν ἀειδίαν καὶ ἀσχημοσύνην αὐτῶν καὶ ἐθυμώθη κατ' αὐτῶν σφόδρα, ἐπειδὴ παντελῶς ἠρήμοσαν τὰς (f. 283 v.) ἑαυτῶν ψυχὰς καὶ ἀκάθαρτα ὠρῶντο καὶ ζεζοφωμένα αὐτῶν τὰ σκηνώματα, καὶ βδελυκτοὶ καὶ μεμισημένοι ἐφάνισαν ἐνώπιον αὐτοῦ. Καὶ ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν ἀπόφασιν ἔνδικον παραπλησίως τοῖς πρὸ αὐτῶν, λέγων ἐν θυμῷ δικαίῳ πρὸς τὸν ἕνα τῶν τριῶν ἀπατεώνων, ὅστις ἦν τῶν ἄλλων ὁ πρωταίτιος τῆς αὐτῶν ἀπωλείας· Ὦ δυσφημότατε καὶ κατάρατε, πῶς καλῶς περιπατῶν ἐν ἀρχῇ τὴν ὁδόν μου τὴν ἀπάγουσαν πρὸς τὴν αἰώνιον ζωὴν ἀπὸ ταύτης διέστρεψας σεαυτὸν καὶ ὅλως ὀλωλας, βαδίσας ὁδὸν τὴν ἀπάγουσαν εἰς ἀπώλειαν; δι' ἣν αἰτίαν τοῦτο πεποίηκας, λέγε μοι; ἐπιστράφηθι καὶ θέασαι ὅσας ψυχὰς τῇ κακοσχόλῳ σου δογματίσει ἀπὸ Θεοῦ Σωτῆρος ἐξενεύρωσας καὶ ἐξέκοψας καὶ ἀπὸ τῆς τῶν δικαίων μερίδος ἀπηλλοτρίωσας καὶ τῷ αἰωνίῳ πυρὶ μετὰ σεαυτοῦ παρέμπεψας. Πορεύου οὖν ἀπ' ἐμοῦ, τρισάθλιε, σὺν τοῖς σοῖς ὁμόφροσι καὶ ὁμογνώμοσιν, ἀπόλαυε ἣν ἡτοίμασας καὶ ἠὐτρέπισας αὐτὸς ἑαυτῷ ἀτελεύτητον (f. 284 r.) καὶ ἀδιάδοχον γέενναν τοῦ πυρός, ἥτις ἡτοιμάσθη καὶ προευτρεπίσθη τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Καὶ ταῦτα λέγων ὁ Κύριος μετὰ δικαίας ὀργῆς πρὸς τὸν Ὠριγένην· τοῦτο γὰρ ἦν ὄνομα τῷ ἀπατεῶνι ἐκείνῳ, ὡς ὁ ἀγγελός μοι διεσάφησεν, οἱ δὲ τούτου ὁμόφρο-

νες Εὐάγριος καὶ Δίδυμος ἦσαν· εὐθὺς οὖν ἥξαντες οἱ πύρινοι ἐκεῖνοι ἐτασταὶ τῶν κολάσεων ἦραν αὐτοὺς τύπτοντες πυρίνοις ῥάβδοις, ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς, καὶ ἐνέβαλον αὐτοὺς ἐκεῖσε εἰς τὸν φοβερὸν τόπον τοῦ κατωτάτου χάους τῆς ἀβύσσου τοῦ ἀκοιμήτου πυρός, ὅστις τῷ διαβόλῳ ἀποκεκλήρωται σὺν τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα καὶ τὸν Ἄρειον καὶ τοὺς μετ' αὐτὸν παρέπεμψαν, τὴν δὲ κατ' αὐτοὺς ἀθλίαν συναγωγὴν τῷ ἀκοιμήτῳ σκώληκι παραδέδωκαν. Καὶ ἦν ὀδυρμὸς πολὺς σφόδρα ἐν μέσῳ αὐτῶν καὶ κλαυθμὸς ἀπαράκλητος, καὶ κατηρῶντο τὸν μάταιον Ὠριγένην συρόμενοι καὶ διαμεριζόμενοι εἰς τὸν ἰοβόλον σκώληκα (f. 284 v.) καὶ τάρταρον, ἐπιμεμφόμενοι ἑαυτοὺς ὅτι ὅλως ἠκροάσαντο καὶ ἐπείσθησαν τῇ ματαίᾳ αὐτοῦ διδαχῇ· καὶ οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτούς, καὶ συνετελέσθησαν καὶ οὗτοι ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν καὶ ἐκομίσαντο τὰ ἐπάξια τῶν ἔργων αὐτῶν ἄνευ οἰκτιρμῶν, διότι οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν ἐκεῖ καὶ οἱ οἰκτιρμοὶ τοῦ Κυρίου καταπεπαυμένοι καὶ ἀπεστραμμένοι ἀπ' αὐτῶν· ἡ γὰρ ἡμέρα ἐκείνη, ἡμέρα κρίσεως, ἡμέρα ἐκδικήσεως καὶ ἀνταποδόσεως ἦν.

Καὶ προσέθετο Κύριος ἔτι ἀποδοῦναι τοῖς ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ ἐναπολειφθεῖσι, καὶ διεχώρισεν ἀπ' αὐτῶν ἐπινεύσας ἑτέραν συναγωγὴν, ἥτις παραγεγονυῖα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· καὶ οἱ ἀπατεῶνες καὶ πλάνοι αὐτῆς ἦσαν πέντε τῷ ἀριθμῷ, οἵτινες αὐτὴν ἐκπεπορνευκέναι πεποιήκασι καὶ πρὸς τὴν μιαρωτάτην αἵρεσιν ἐπινενευκέναι καὶ ἀποπλανηθῆναι. Καὶ αὐτοὶ ἦσαν ἀπεβροντισμένοι μετὰ τῆς συναγωγῆς αὐτῶν, ῥυπαρὰ ἱμάτια ὡς ἀπ' ἀσβόλης ἠμφιεσμένοι, καὶ ἡ τοῦ προσώπου αὐ(f. 285 r.)τῶν αἰδὼς ἠφανισμένη ὡς ἀπὸ κόνεως ἀνθράκων, αἱ χεῖρες αὐτῶν λίαν ἀκάθαρτοι καὶ παμβέβηλοι, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν σφόδρα μεμολυσμένοι, καὶ ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν σκότος βαθύτατον ἐξεπορεύετο. Καὶ εἶπε Κύριος τοῖς ἐξάρχοις τῆς ἀνομίας αὐτῶν· Πόθεν ὑμῖν, ἀφρονέστατοι καὶ τρισκατάρατοι, ἐξεγένετο δογματίζειν ἐν ἐμοὶ ἐνανθρωπήσαντι ἃ μὴ θέμις, ὡς ὅτι ἓν θέλημα καὶ μίαν ἐνέργειαν καὶ μίαν φύσιν κέκτημαι, παραχαράξαντες τὰ θεῖά μου διατάγματα, καὶ ἀποπλανῆσαι τὸν περιεστῶτα ὄχλον ὀπίσω πορευθῆναι ἐκ φηλῆς καὶ νόθου ὑμῶν διδαχῆς; καὶ οὐκ ἐμάθητε δύο φύσεις καὶ δύο οὐσίας ὑπάρχειν ἐν ἐμοί; οὐκ ἔγνωτε ὡς ἑκάστη φύσις τὸ ἴδιον θέλημα κέκτηται,

καὶ ἑκάστη οὐσία ὁμοίως τὴν ἑαυτῆς ἐνέργειαν; οὐκ ἔγνωτε τὸ διάφορον θεότητος καὶ ἀνθρωπότητος, πῶς οὖν τετολμήκατε ἓν θέλημα καὶ μίαν ἐνέργειαν ἐπί τε τῆς θεότη[το]ς καὶ ἀνθρωπότητός μου δογματίσαι καὶ τούτους οὕτω πιστεύειν διδάξαι καὶ πεῖσαι (f. 285 v.); Ἐμβλέψας οὖν τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις φησίν· Ἄρατε αὐτοὺς ἐντεῦθεν κἀκεῖ αὐτοὺς ἀποκαταστήσατε, ἔνθα καὶ ὁ κύριος αὐτῶν τέτακται Σατανᾶς, καὶ τὴν ματαίαν αὐτῶν συναγωγὴν τῷ βρυγμῷ τῶν ὀδόντων ἐμβάλετε. Ἦσαν δὲ οὗτοι, ὡς ὁ συνών μοι διεσάφησεν ἄγγελος, Σέργιος, Ὀνόριος, Κῦρος, Πύρρος καὶ ὁ μιαρώτατος Μακάριος. Καὶ εὐθέως ἁρπάσαντες αὐτοὺς οἱ πύρινοι ἄγγελοι τύπτοντες αὐτοὺς πυρίνοις ῥάβδοις ἀπέρριψαν ἔνθα καὶ τοὺς πρὸ αὐτῶν αἱρεσιάρχας κατεκρήμνισαν, καὶ τὴν ματαίαν συναγωγὴν αὐτῶν διεσκόρπισαν ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Καὶ αὐτοὶ τὸ οὐαί, οὐαὶ ἐν πικρίᾳ ψυχῆς διεμερίζοντο, ἀποδυρόμενοι καὶ γοερῶς ἀνοιμώζοντες.

Καὶ ἐν τῷ τοὺς ματαιόφρονας καὶ παμβεβήλους τούτους αἱρετικοὺς κομίσασθαι τοὺς καρποὺς τῆς αὐτῶν μυσαρᾶς καὶ ἀθεμίτου αἱρέσεως, προσέθετο ἔτι ὁ Κύριος ἀφορίσαι ἀπὸ τῶν ἐπιλοίπων ἁμαρτωλῶν καὶ υἱῶν τῆς ἀπωλείας ἑτέραν συναγωγὴν τοῦ ἀποδοῦναι αὐτοῖς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν· καὶ (f. 286 r.) ἰδοὺ αὕτη παραγεγονυῖα ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ, ἥτις ἦν μεγάλη σφόδρα· καὶ εἴδομεν πάντας τοὺς ἐν αὐτῇ ματαίᾳ ταύτῃ συναγωγῇ, καὶ ἦν ἡ ὅρασις τῶν προσώπων αὐτῶν, οἷα εἰδώλων νεκρῶν τῶν ἐν ταῖς ἱπποδρομίαις ἱσταμένων χάριν τινὸς ἀναμνήσεως ἐστηλωμένων, οἱ δὲ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ὡς ὀφθαλμοὶ λύκων ἀπηγριωμένων, αἱ δὲ ἀκοαὶ αὐτῶν βεβυσμέναι ἐν πίσσῃ καὶ στυππείῳ, καὶ αἱ χεῖρες αὐτῶν εἰς τοὐπίσω ὑπὸ Κυρίου διεστραμμέναι καὶ πρὸς τὸν Σατανᾶν ἐκτεινόμεναι, καὶ ἡ κακία αὐτῶν, ὡς φλὲξ ἀνακράζουσα ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, οἱ πόδες αὐτῶν ὄφεις καὶ ἰοβόλα θηρία περιπεπλεγμένοι· οἵτινες ἐδόκουν μὲν φιλεῖν ἀλλήλους καὶ κατασπάζεσθαι, ἐπεμίγγριζον δὲ καὶ ἀλλήλους ὡς κύνες κατέδακνον. Καὶ πυνθανομένου μου πρὸς τὸν ὁδηγοῦντά με θεῖον ἐκεῖνον καὶ θαυμαστὸν νεανίαν, τίνες ἄρα οὗτοι εἰσίν, ἔφη πρός με· Οὗτοι πάντες, οὓς ὁρᾷς ἐν τῇ τοιαύτῃ βδελυριᾷ καὶ θεομισήτῳ ὁράσει, εἰκονομάχαι τυγχάνουσι καὶ (f. 286 v.) εἰκονοκαῦσται, οἱ λεγόμενοι

Ἰάκωβίται καὶ Σεβηριανοί, καὶ πάντες οἱ ὅμοιοι αὐτῶν αἱρετικοί, οἵτινες προσκυνεῖν ἐβδελύσσοντο τὰ τίμια λείψανα τῶν ἁγίων μαρτύρων καὶ τὰς ἀχράντους εἰκόνας αὐτῶν τε καὶ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, δι' ὧν ἀναδιδάσκεται καὶ καταμανθάνει πᾶς ὀρθόδοξος χριστιανός, τά τε σωτήρια πάθη Χριστοῦ καὶ τὴν ἐκ νεκρῶν τούτου τριήμερον ἐξανάστασιν, τὴν τοῦ θανάτου καὶ ἅδου κατάλυσιν, τὴν εἰς οὐρανοὺς ἄνοδον, τὴν ἐξ οὐρανῶν αὖθις δευτέραν τούτου ἐπὶ γῆς ἔλευσιν, τὴν ἣν ὁρᾷς κρίσιν δικαίαν καὶ ἀνταπόδοσιν τῶν μαρτύρων τοὺς ἄθλους καὶ τὴν τούτων εἰς βασιλείαν Θεοῦ ἀποκατάστασιν καὶ οἰκείωσιν. Καὶ ἀπέστρεφον τὰς ὄψεις αὐτῶν ἀπ' αὐτοῦ, μὴ φέροντες ἀτενίσαι πρὸς αὐτόν, καὶ ὡσανεὶ διελέγοντο πρὸς ἀλλήλους τοιαῦτα· Ὄντως ἐματαιώθημεν ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς ἡμῶν, μὴ προσκυνήσαντες τὴν ἄχραντον εἰκόνα αὐτοῦ καὶ πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ, ἀλλὰ μᾶλλον ἠτιμάσαμεν καὶ τὸ καθ' ἡ(f. 287 r.)μᾶς ἐμιάναμεν αὐτήν. Καὶ ἀνταπεκρίναντο αὐτοῖς ἕτεροι· Οὐχί, ἀλλὰ μᾶλλον κακῶς ἐποιήσαμεν· φαντασία(ν) γὰρ οὐκ ἀληθείᾳ ἄνθρωπος γέγονε, καὶ πῶς ἄν τις φάντασμα ἱστορῆσαι ὅλος ἐπευδοκήσειεν; Οὗτοι δὲ οἱ ταῦτα λέγοντες τῶν ἀφθαρτοδοκήτων ἦσαν· τοιουτοτρόπως γὰρ δοξάζει ἡ αἵρεσις αὐτῶν περὶ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ μηδόλως παραδεχόμενοι τὴν ἔνσαρκον αὐτοῦ οἰκονομίαν εἶναι ἀληθινήν. Καὶ ἄλλοι ἄλλως πρὸς ἑαυτοὺς συνομίλουν καὶ ἔλεγον ἕκαστος δηλαδὴ κατὰ τὴν αἵρεσιν τῆς θρησκείας αὐτῶν φάσκοντες· Οὕτως ἐστὶν ἀληθῶς καὶ οὕτως καλῶς ἐποιοῦμεν· ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι τὸν ἱστορούμενον χαρακτῆρα τίμιον αὐτοῦ ἐν τῇ ζωῇ ἡμῶν σφόδρα ἐβδελυσσόμεθα· καὶ οἱ μὲν, ἔλεγον· Ὄντως κακῶς τοῦτο πεποιήκαμεν, ὅτι οὐκ ἐτιμήσαμεν τὴν ἄχραντον εἰκόνα τῆς αὐτοῦ ἀνθρωπότητος· οἱ δὲ ἔλεγον· Ἡμεῖς αὐτὸν ἠγαπῶμεν καὶ εἰς τοῦτον ἐπιστεύομεν, καὶ ἐὰν τὴν εἰκόνα αὐτοῦ οὐκ ἐτιμῶμεν, τί αὐτῷ περὶ (f. 287 v.) τούτου; ἄλλοι δὲ πρὸς αὐτοὺς ἀντέλεγον· Εἰ ἠγαπῶμεν αὐτὸν, ἐτιμήσαμεν ἂν καὶ τὴν εἰκόνα αὐτοῦ· καὶ ἕτεροι πρὸς αὐτοὺς ἀνταπεκρίνοντο· Ἄψυχον εἰκόνα καὶ νεκρὰν μήτε ὁμιλοῦσαν μηδὲ αἰσθανομένην οὔτε τιμᾶν δέον ἦν, οὔτε προσκυνεῖν· καὶ οἱ μὲν ἔλεγον πάλιν πρὸς αὐτούς· Ὄντως μεγάλως ἐσφάλημεν, δέον γὰρ ἦν ἡμῖν πιστεύειν εἰς αὐτὸν, ὅτι ἐν τῷ οὐρανῷ ἐν δεξιᾷ τοῦ

Πατρὸς καθήμενος ἦν, καὶ εἰ οὕτως εἰς αὐτὸν ἐπιστεύομεν, δέον καὶ τὴν εἰκόνα αὐτοῦ τιμᾶν καὶ προσκυνεῖν σχετικῶς, οὐχ ὡς Θεὸν ζῶντα ταύτην, ἀλλ' ὥσπερ σκιὰν καὶ εἶδος τῆς ἀνθρωπότητος αὐτοῦ. Ἄλλοι ἔφασκον· Εἰ τοῦτο ἐποιοῦμεν, μακάριοι νῦν ἐτυγχάνομεν ἄν· πολλάκις γὰρ ἦν τις δίκαιος ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ὃς ἐκέκτητο φίλον ἁμαρτωλόν· ὅταν οὖν συνέβη ἀλλήλους συναντῆσαι κατά τινα ὁδόν, οὐχὶ προσεκύνει ὁ δίκαιος τῷ ἁμαρτωλῷ, οἷα κακεῖνος ἐκείνῳ, καὶ στόμα πρὸς στόμα κατησπάζετο αὐτόν; ποῖον οὖν ἆρα μῶμον ὁ δίκαιος ἐκ τούτου προσεδέχετο; ὄντως (f. 288 r.) οὐδέν. Οὕτως οὖν καὶ ἡμῖν δέον πολλῷ πλέον ἔτι μᾶλλον προσκυνεῖν καὶ σέβεσθαι τὴν εἰκόνα τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν καὶ Θεοῦ· καὶ οὐκ ἂν ἡμῖν ἐκ τούτου προσεγένετο ἡ τοσαύτη κατάγνωσις καὶ κατάκρισις· ἀλλ' ὄντως ἀπολώλαμεν, τελέσαντες ἑαυτοὺς καὶ ἀποδειξαντες ἐλεεινοὺς καὶ εὐκατακρίτους τῇ ἀτελευτήτῳ γεέννῃ τοῦ πυρός. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους θρηνοῦντες καὶ ἀποδυρόμενοι τὴν ἑαυτῶν ἀπώλειαν, ἐκέκραξαν ὁμοθυμαδὸν πρὸς Κύριον οἱ πλείους αὐτῶν λέγοντες· Κύριε, ἐλέησον ἡμᾶς, ὅτι εἰς σὲ πεπιστεύκαμεν, κἂν ἐν τούτῳ ἀπεσφάλημεν προσκυνεῖν βδελυξάμενοι τὸν τίμιον χαρακτῆρα τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας, ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆ υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, Κύριε Ἰησοῦ Χριστὲ ὁ Θεὸς ἡμῶν, κατὰ τὸ πολυέλεός σου, καὶ μὴ στήσῃς πρὸ προσώπου ἡμῶν εἴ τι εἰς σὲ καὶ εἰς τὴν ἄχραντον εἰκόνα σου διεπράξαμεν πονηρῶν. Ὁ δὲ Κύριος λελάληκε πρὸς αὐτούς. Καὶ τίς ποθῶν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν αὐτοῦ τὸν χιτῶνα αὐτοῦ ἀτίμως (f. 288 v.) καὶ ὑβριστικῶς διασχίζει, ἢ τίς φιλῶν, ἂν γράφῃ πρὸς αὐτὸν ἐπιστολήν, καταπατεῖ αὐτὴν τοῖς ποσὶν αὐτοῦ, ἢ τίς δοῦλος εὐγνώμων, εὑρὼν τὸ ὄνομα τοῦ Κυρίου αὐτοῦ γεγραμμένον ἔν τισι πίναξι καὶ σφόδρα ἀγαπῶν αὐτόν, ἐμπτύει εἰς αὐτὸ καὶ ἄρας χοῦν ἢ καὶ βόρβορον βάλλει ἐπ' αὐτῷ, καὶ λαβὼν ξύλον ἤ τι ὄστρακον ἢ ξυστῆρα ἀποξέει καὶ ἀπαλείφει αὐτό; Ὁ ἐμὲ ἀγαπῶν ἀγαπᾷ καὶ τὸν χαρακτῆρα τῆς μορφῆς μου, ὁ ἐμὲ μισῶν καὶ τὴν μορφήν μου μισεῖ, ὁ μὴ προσκυνῶν τὴν εἰκόνα τῆς ἐμῆς ἐνανθρωπήσεως καὶ τῶν ἁγίων μου πάντων τὰ ἐκτυπώματα, οὐδὲ ἐμὲ προσκυνεῖ, καὶ κἂν μυριάκις οὗτος Θεόν με ὀνομάζῃ καὶ κατασπάζηται, βδελυκτὸς ἐναντίον ἐμοῦ καὶ τοῦ Πατρός μου καὶ ἐπάρατος πέλει καὶ ἀποδείκνυται. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγεν ὁ

δίκαιος ἐκεῖνος κριτὴς πρὸς αὐτοὺς, ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν ὀργίλῳ καὶ αὐστηρᾷ τῇ φωνῇ διὰ τῆς φρικτῆς ἐκείνης καὶ στρατηγικῆς σάλπιγγος· Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐργάται τῆς ἀνομίας, ἀπό(f. 289 r.)στητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ συνεργοὶ τοῦ Βελίαρ καὶ μίσθιοι τοῦ διαβόλου, πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον, τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, οἱ προσδοκῶντες νεκρὰν εἶναι τὴν ἐμὴν εἰκόνα τῆς ἐνανθρωπήσεως, καὶ τῶν ἁγίων μου πάντων ὡς αὐτὰ τὰ εἴδωλα τῶν ἐθνῶν· ἆρα οὐχ ὅταν προσηύχοντο οἱ εἰς ἐμὲ πεποιθότες ὀρθόδοξοι χριστιανοὶ εἰς τὴν εἰκόνα τοῦ ἐμοῦ χαρακτῆρος καὶ τῆς ἁγίας μου μητρὸς καὶ (εἰς) πάντων τῶν ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ ἁγίων μου, παρήμην ἐγὼ ἀοράτως τῷ πνεύματι τῆς θεότητός μου ἐν ταῖς τιμίαις εἰκόσι καὶ προσεδεχόμην αὐτοὺς καὶ τὰς αὐτῶν ἱκεσίας, θεωρῶν τὴν τούτων ἐκ καρδίας θερμοτάτην πεποίθασιν ἑκάστῳ ἀπένεμον τὰ δέοντα καὶ συμφέροντα; πῶς οὖν ὑμεῖς εἴδωλα νεκρὰ τὰς τιμίας μου μορφώσεις ἐκρίνατε καὶ ἀπεφήνασθε καὶ τὸν παρόντα δῆμον ἀπεπλανήσατε καὶ πρὸς τὸν τῆς ἀπωλείας βόθυνον διὰ τῆς ὑμῶν μυσαρᾶς διδαχῆς παρεπέμψατε; ἀμὴν λέγω ὑμῖν, οὐκ ἔχετε μέρος μετ' ἐμοῦ, ὡς γὰρ ὑμεῖς ἤρ(f. 289 v.)νήσασθε καὶ μεμισήκατε καὶ ἐμὲ καὶ τὰς μορφώσεις μου καὶ τὰς δύο μου φύσεις καὶ τὰς διπλᾶς ἐνεργείας καὶ θελήσεις τούτων ἐβδελύξασθε, ἐν οἷς τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν κατεργασάμην, ἀθετήσαντες ταύτας καὶ ξένην τινὰ ἐπ' ἐμοὶ καὶ ἀλλόκοτον ὑπόληψιν καὶ δοξαν ἐσχήκατε, καὶ τὰ ποίμνιά μου διασπαράξατε καὶ τῷ λυμεῶνι Σατανᾷ εἰς βρῶσιν προτεθείκατε, καὶ τὰς ἐκκλησίας μου διεσχίσατε, μὴ φεισάμενοι τῶν ὑμετέρων ψυχῶν· οὐδὲ ἐγὼ φείσομαι ὑμῶν. Καὶ ὡς ταῦτα εἰρήκει πρὸς αὐτοὺς διεκελεύσατο ταῖς τιμωρητικαῖς δυνάμεσιν ἀπαγαγεῖν αὐτοὺς ἔνθα καὶ τοὺς πρὸ αὐτῶν πάντας ἀπήγαγον· καὶ ἦν ἰδεῖν ἐλεεινὸν θέαμα περὶ αὐτοὺς, ὅπερ συνέτριβον αὐτοὺς τύπτοντες ῥοπάλοις καὶ σιδηροῖς πεπυρακτωμένοις καὶ ἔρριπτον αὐτοὺς ἐν ταῖς θαλάσσαις τοῦ φρικωδεστάτου πυρὸς ἐκείνου, συνθλῶντες μὲν τὰ ὀστᾶ αὐτῶν ῥοπάλοις, ὡς εἴρηται, σιδηροῖς, οὐ συντρίβοντες δὲ αὐτὰ, καθότι ἐτύγχανον ἄφθαρτα, ἐπειδὴ ἄφθαρτον ὀστοῦν τυπτό(f. 290 r.)μενον οὐ συντρίβεται καὶ σὰρξ ὁμοίως ἄφθαρτος μαστιζομένη καὶ φθειρομένη οὐ καταφθαρήσεται. Ἐξετίνασσον οὖν αὐτοὺς καὶ κατεκρήμνιζον

εἰς τοὺς ἐπισήμους τόπους τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ποικίλως κολάζειν ταχθείσης θαλάσσης τοῦ πυρός, τοὺς εἰσερχομένους εἰς αὐτὴν κατὰ ἀναλογίαν καὶ ἀξίαν τῆς ἑκάστου πράξεως, ὡς ἀθανάτων τοίνυν καὶ ἀφθάρτων τῶν σωμάτων πάντων γεγενημένων· ἐφλέγοντο μὲν τῷ πυρὶ ἐκείνῳ τῷ ἀνυποίστῳ, οὐ κατεφλέγοντο δὲ, καὶ τὴν μὲν ὀδύνην σφοδρῶς ἐδέχοντο καὶ ὑπέμενον ὀλοφυρόμενοι, οὐ συναπέθνησκον δὲ οἱ τιμωρούμενοι ταῖς βασάνοις, οἷα καὶ οἱ τὰ φθαρτὰ σώματα ἔχοντες καὶ δεινῶς αἰκιζόμενοι πάσχουσι· τοιαῦτα γὰρ τότε ἀναστησόμενα σώματα τῶν ἀνθρώπων, δικαίων φημὶ καὶ ἁμαρτωλῶν. Τούτων οὕτως ἀποτόμως ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ τοῦ δικαίου κριτοῦ τιμωρουμένων καὶ ταῖς ποικίλαις καὶ πικραῖς κολάσεσι (f. 290 v.) παραπεμπομένων καὶ πικρῶς τὸ οἴμοι οἴμοι καὶ τὸ οὐαὶ οὐαὶ δεινῶς ἀποδυρομένων καὶ βοώντων, πάντες οἱ ἄγγελοι ἔφριττον καὶ σὺν τρόμῳ συνεστέλλοντο διὰ τὴν τοῦ δικαίου κριτοῦ ἀγανάκτησιν, ὅπως ἀπεδίδου ἑκάστῳ αὐτῶν ἄνευ οἰκτιρμῶν κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, διότι οὐ προσεκύνουν καὶ, ὡς εἰκός, ἐτίμων καὶ ἐσέβοντο τὰς ἁγίας εἰκόνας τῆς τιμίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ θείας μορφῆς, τῆς ἀχράντου τε αὐτοῦ Μητρὸς καὶ τῶν ἁγίων πάντων· ὁ γὰρ προσκυνῶν τὴν τοῦ Κυρίου σεβάσμιον εἰκόνα οὐ τὴν ὕλην τοῦ χρώματος, ἀλλὰ τὴν ἐκ τῶν χρωμάτων ἀνατυπωμένην μορφὴν αὐτοῦ τε καὶ πάντων τῶν ἁγίων σέβεται καὶ εὐσεβῶς προσκυνεῖ καὶ τὴν σεμνὴν ἐπιγραφὴν τῶν ὀνομάτων κατασπαζόμενος ἁγιάζεται· ἡ γὰρ προσκύνησις τῆς εἰκόνος ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει, καθά που φησὶν ὁ μέγας Βασίλειος· ἡ γὰρ πίστις αὐτοῦ ἄνω ἐν τοῖς οὐρανοῖς ὑπάρχει, καὶ ὁ Πατὴρ καὶ ὁ Υἱὸς καὶ τὸ ἅγιον Πνεῦμα ἡ μία θεότης, ἡ ὁμοούσιος δύναμις καὶ ἀ(f. 291 r.)χώριστος, ἡ ἁπλῆ, ἡ ἀνείδεος, ἡ ἀόρατος, ἡ ἀσχημάτιστος, ἡ ὁμοδύναμος, ἡ ἀναλλοίωτος, ἡ ἀπερίγραπτος, ἡ ἀπεριόριστος καὶ ὁμοφυὴς, ἥτις οὐ ζωγραφεῖται, οὐ περιγράφεται, οὐ σχηματίζεται, οὐχ ἱστορεῖται· ἐκεῖ ἀοράτως πάρεστιν ὡς ἀπερίγραπτος καὶ τὰς αἰτήσεις πληροῖ τῶν εὐσεβῶς αὐτὴν ἐπικαλουμένων. Πῶς γὰρ πρᾶγμά τις, ὅπερ οὐχ' ἑώρακε ποταπὸν εἴη τῷ εἴδει καὶ οἷον πέφυκεν, ἱστορῆσαι δύναται; οὐ μὴν οὐδαμῶς· οὐχ ὡς ζωγραφῶν θεότητα τὴν εἰκόνα προσκυνεῖ τῶν εὐφρονούντων, μὴ γένοιτο· ἀόρατος γάρ ἐστι καὶ ἀνείδεος· τῆς σαρκὸς δὲ τὸν τύπον ἀνιστορῶν προσκυνεῖ καὶ διὰ

ταύτης ἀναμιμνήσκεται ὅτι ἐπὶ τῆς γῆς ὤφθη ἀόρατος ὢν καὶ τοῖς ἀνθρώποις συνανεστράφη συνεστιάθη τε αὐτοῖς καὶ ἐπεζοπόρησε, καὶ τὸ διὰ σταυροῦ ἄτιμον πάθος ὑπέμεινεν ἐν αὐτῇ καὶ θάνατον κατεδέξατο, καὶ τριήμερος ἀναστὰς εἰς οὐρανοὺς ἀνελήλυθεν, ὅθεν κατῆλθε καὶ δεξιᾷ τοῦ Πατρός κεκάθικεν, ὡς ὁμοούσιος καὶ ὁμό-(f. 291 v.)θρονος, ὅθεν καὶ πάλιν ἥξειν μέλλει μετὰ τῆς αὐτοῦ ἀχράντου καὶ θείας σαρκός. Ταῦτα πάντα καὶ τὰ τοιαῦτα διὰ τῆς αὐτοῦ ἀχράντου καὶ σεβασμίας εἰκόνος ἀναδιδάσκεται καὶ μιμνήσκεται πᾶς ὀρθοδοξος καὶ ζεούσῃ καρδίᾳ ταύτην τιμῶν σχετικῶς προσκυνεῖ καὶ ἀσπάζεται, καὶ οὐ τὴν ὕλην, ὡς ἀφρόνως ἐκεῖνοι ἐδοξαζον, διὰ τῆς ὑλογραφικῆς δὲ ἱστορίας τὴν τοῦ νοὸς θεωρίαν καὶ ὀπτασίαν ἐπὶ τὰ πρωτότυπα, ὡς εἴρηται, ἀνάγων, ὡς αὐτὰ τὰ πρωτότυπα ἐνορῶν νοητῶς ἅμα καὶ αἰσθητῶς, ἐξαιτεῖται καὶ λέγει πρὸς ἕνα ἕκαστον τῶν ἁγίων· Ἅγιε τοῦ Θεοῦ, πρέσβευε ὑπὲρ ἐμοῦ· εἰ δὲ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐστιν ἡ εἰκών, ὡσαύτως τὸν νοῦν ἀνάγει διὰ τῆς ἐνσωμάτου θεανδρικῆς ἐμφερείας αὐτοῦ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον καὶ αἰσθητῶς καὶ νοερῶς προσπίπτει αὐτῷ καὶ λέγει· Υἱὲ Θεοῦ, ἐλέησόν με· καὶ ἐπειδὴ τοὺς ἁγίους ἐκείνου καὶ ἀχράντους πόδας καταφιλεῖν, ὡς ἡ πόρνη, καὶ ἀσπάζεσθαι καὶ τοῖς δάκρυσι καταβρέχειν καὶ ἐξαιτεῖσθαι τὴν τῶν ἐσφαλμένων ἡμῖν συγχώρησιν ὑπάρχει ἀδύνατον, ὡς ἅπαξ (f. 292 r.) ἀναληφθέντος εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ἐν δεξιᾷ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς κεκαθικότος, τοὺς τῆς ἁγίας αὐτοῦ εἰκόνος σεβασμίους καὶ θεανδρικοὺς πόδας ὡς πρωτοτύπους αὐτοὺς κρατεῖν καὶ ὁλοψύχως καταφιλεῖν καὶ τοῖς δάκρυσι βρέχειν καὶ τοῖς τῆς καρδίας ὀφθαλμοῖς πρὸς ἐκεῖνον ἐνατενίζειν καὶ διαλέγεσθαι καὶ τὴν τῶν ἐπταισμένων ἐξαιτεῖσθαι ὀφείλει συγχώρησιν· οὐ γὰρ τῇ ὕλῃ, ὡς εἴρηται, λατρεύειν δεδιδάγμεθα ἢ ὡς οἱ Ἕλληνες εἰδωλολατρεῖν μεμαθήκαμεν, ὡς δοκεῖ τοῦτο τοῖς εἰκονομάχοις· μὴ γένοιτο. Καὶ πάλιν ἐρῶ· ἐκεῖνοι μὲν γὰρ αὐτὰ τὰ ὁμοιώματα ἐθεσποισῦντο, μὴ ἔχοντες ἀληθινὰ πρωτοτυπα πρόσωπα ἐπάξια τῆς θείκῆς δοξης καὶ ἁγιοτητος, ἀλλὰ πλάνους τινὰς καὶ γόητας καὶ ἐπὶ αἰσχροπραγίᾳ βεβοημένους θνητοὺς ἄνδρας τε καὶ γυναῖκας, ἡμεῖς δὲ ἀληθινὸν Θεὸν καὶ Σωτῆρα τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν γνωρίσαντες ἐπὶ τοῦ ἡμετέρου βροτείου γένους ἐκ τῶν πατρικῶν κόλπων κατελθόντα

ἐπὶ τῆς (f. 292 v.) γῆς καὶ ἐκ τῆς ἀειπαρθένου Μαρίας σάρκα ἐνδυσάμενον καὶ ἐν εἴδει τῷ καθ' ἡμᾶς ὀφθέντα, καὶ τέλειον ἄνθρωπον χωρὶς ἁμαρτίας καὶ Θεὸν ἀληθινὸν αὐτὸν ὁμολογοῦντες καὶ κηρύττοντες καὶ τῷ αὐτῷ εἴδει μέλλοντα πάλιν ἥξειν ἐπὶ τῆς γῆς, ὡς εἴρηται, τοῦ κρῖναι ζῶντας καὶ νεκροὺς καὶ ἀποδοῦναι ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, τούτου καὶ τὴν ἁγίαν εἰκόνα καὶ σεβάσμιον ἱστοροῦντες προσκυνοῦμεν καὶ σχετικῶς ἀσπαζόμεθα καὶ τοὺς μὴ οὕτω φρονοῦντας ἀναθέματι ὑποβάλλομεν, οὐ τὴν θεότητα περιγράφοντες, ὡς τοῖς δυσσεβέσι καὶ τοῦτο δοκεῖ, ἄπαγε· αὕτη γὰρ ἀνείδεος, ἀσχημάτιστος καὶ ἀκατάληπτος πέφυκεν· ἀλλὰ τὴν θεανδρικὴν, ὡς ἔφημεν, ἐμφέρειαν τῆς ἀχράντου σαρκὸς τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἣν ἐξ ἡμῶν προσελάβετο διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν, ἐν ᾗ τὸ πᾶν πλήρωμα ᾤκησε τῆς θεότητος μεταδοτικῶς, οὐ μεταβατικῶς, καὶ τὴν ἡμετέραν κατειργάσατο σωτηρίαν, ἱστοροῦντες (f. 293 r.) προσκυνοῦμεν, οὐ μέχρις αὐτοῦ ἱστάμενοι καὶ περαιτέρω μὴ προϊόντες, ἀλλὰ διὰ τοῦ ὁρωμένου ἐκτυπώματος πρὸς τὸ πρωτότυπον τὸν νοῦν ἀναπέμποντες καὶ πλανᾶσθαι τοῦτον μὴ συγχωροῦντες, ὡς ἄνωθεν εἴρηται. Διὰ γὰρ ταύτης τῆς σεβασμίας εἰκόνος ὁρῶμεν αὐτὸν νοερῶς ἐπὶ θαλάσσης ὁδοιποροῦντα, κινδύνου τοὺς μαθητὰς διασώζοντα, τοὺς ἀνέμους ἐπιτιμῶντα καὶ τὴν θάλασσαν κυμαινομένην καὶ τῇ χέρσῳ τὴν ἔφοδον ἐπαπειλοῦσαν πραΰνοντα, ἐν ὀλίγοις τισὶ κριθίνοις ἄρτοις καὶ εὐτελέσιν ἰχθυδίοις χιλιάδας πλείστας διατρέφοντα καὶ τὰ περισσεύματα τῶν κλασμάτων κοφίνους δώδεκα πλήρεις γεμίσαντα, τυφλοὺς ὀμματοῦντα, δαιμονιῶντας ἰώμενον, χωλοὺς παρειμένους εὐδρόμους ποιοῦντα, συγκεκυφότας καὶ συγκύπτοντας ἀνορθοῦντα, παραλελυμένους πλείστοις ἔτεσιν ἰώμενον καὶ νεκροὺς ἀνιστῶντα, καὶ μάλιστα τεταρταῖον Λάζα(f. 293 v.)ρον λόγῳ καὶ μόνῳ, καὶ τυφλὸν ἐκ γεννητῆς ὀμματώσαντα, αἱμορροοῦσαν γυναῖκα καὶ ὑέλου δίκην ἐπέχουσαν ἀφῇ κρασπέδου ἰασάμενον, πυρετοὺς ἀπελαύνοντα καὶ ποικίλας καὶ πλείστας νόσους θεραπεύοντα, οὐ τέχνῃ τινι, οὐ χειρουργίᾳ, οὐ φαρμάκων ἐπιδόσεσιν, ἀλλὰ ταῦτα πάντα λόγῳ καὶ μόνῳ καὶ τῇ αὐτοῦ θείκῃ ἐπινεύσει.

Μετὰ γοῦν τὸ τοὺς εἰκονομάχους ἐκείνους συντελεσθῆναι (ὅθεν γὰρ παρεξέβημεν, ἐπανήξωμεν καὶ τὸν πρὸ μικροῦ καταλειφθέντα

δρόμον τοῦ λόγου βαδίζειν πάλιν ἀρξώμεθα) καὶ τὰ ἄξια κομίσασθαι τῆς αὐτῶν ἐργασίας καὶ ἀσεβείας, προσέθετο Κύριος ἀνταποδοῦναι τοῖς υἱοῖς τῆς ἀνομίας, καὶ καθ' ὃν τρόπον οὐ μετεμελήθησαν ἐν ταῖς κακοπραγίαις καὶ ἀλύσεσι τῶν ἀσεβειῶν αὐτῶν ἐπιστρέψαι καὶ μετανοῆσαι καὶ λαβεῖν τὴν τούτων ἄφεσιν, ἀλλ' ἐσυνετελεύτησαν αὐτοῖς· καὶ ἐκέλευσε παραγενέσθαι ἑτέραν συναγωγὴν ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ, ἥτις ἦν μεγάλη σφόδρα· τὰ γὰρ (f. 294 r.) πλήθη τῶν ἐν αὐτῇ ἦσαν ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς γῆς καὶ τὴν ψάμμον τὴν παρὰ τὸ χεῖλος τῆς θαλάσσης, καὶ ἦν ἐπ' αὐτῇ σκοτία βαθυτάτη, καὶ πικρία πωρώσεως τῶν καρδιῶν αὐτῶν μεγάλη λίαν ἐπὶ πάντας τοὺς ἐν τῇ συναγωγῇ ἐκείνῃ καὶ κόπρος κυνῶν μετὰ ἐμπιώδους αἵματος ἀναπεφυραμένος ἐπὶ τὰ ῥυπαρὰ καὶ ἐβδελυγμένα αὐτῶν πρόσωπα· καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν λίαν ἐτυφλώττοντο λήμμης παχείας ἐπικειμένης αὐτοῖς, αἱ δὲ ἀκοαὶ βεβυσμέναι καὶ ἀσφάλτῳ κεχρισμέναι, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν κέρκους ἀλόγων κατέχοντες καὶ ταῖς ἑαυτῶν ῥισὶν εἰς ὀσφρησιν ἀναψυχῆς προσάγοντες· τὰ δὲ χείλη αὐτῶν ὡσεὶ ἰχῶρος ἔμπυον ἦσαν σταλάζοντα ἀντὶ συέλου, αἱ δὲ γλῶσσαι αὐτῶν ἔξωθεν τοῦ στόματος αὐτῶν ἐκρέμαντο δίκην λυσσώντων κυνῶν· τῶν δὲ στομάτων αὐτῶν ἀνοιγομένων λίαν μελανῶν ὄντων ὡς θεάφης δυσοδμία καπνιζομένης ἄφατος (f. 294 v.) ἐξήρχετο, αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες μελανοὶ λίαν καὶ στρεβλοὶ ἠμφιεσμένοι ὄνων δέρματα ὡσανεὶ σκώληξι καταδεδαπανημένα ἀντὶ πεδίλων ἔχοντες· οἵτινες ἐν τοιαύτῃ αἰσχύνῃ καὶ ἀτιμίᾳ, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν βδελυρίᾳ (τοῦτο γὰρ ἦν οἰκειότερον) ἑαυτοὺς ἐνορῶντες λίαν ἐξεπλήττοντο, φρίττοντες, ξενιζόμενοι πόθεν ἡ τοσαύτη αὐτοῖς ἀσχημοσύνη προσεγένετο· ἐδόκουν γὰρ ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν καὶ ἤλπιζον ἐν δόξῃ μεγίστῃ εὐρεθῆναι αὐτοὺς, εὑρέθησαν δὲ, ὡς οὐκ ἤλπιζον, οἱ ταλαίπωροι οὕτως εἰς φρικτὴν πενίαν καὶ ἀνεκλάλητον ἀτιμίαν, καὶ κατανοοῦντες ἑαυτοὺς ἐλεεινῶς διεπρίοντο κατεσθίοντες τὰς σάρκας τῶν βραχιόνων αὐτῶν, καὶ μάλιστα καθορῶντες τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν ὡς Θεὸν καὶ κριτὴν προκαθήμενον, ἀποτόμως κρίνοντα καὶ ἀποδίδοντα ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ· ἐγνώρισαν γὰρ προφανῶς τὴν μορφὴν τοῦ προσώπου αὐτοῦ καθ' ὃν τρόπον ἔβλεπον τὴν ἄχραντον αὐτοῦ εἰ(f. 295 r.)κόνα ἱστορισμένην ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν ἐν ταῖς ἁγίαις αὐτοῦ ἐκκλησίαις, καὶ

ὡς τοῦτον ἔβλεπον, δέει καὶ φόβῳ καὶ ἀγωνίᾳ σφοδρῶς συνεχόμενοι διελέγοντο περὶ αὐτοῦ πρὸς ἀλλήλους φάσκοντες· Οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι οὗτος ἐστὶν ἀληθῶς ὁ ἐσταυρωμένος Ἰησοῦς, ὃν ἐσταύρωσαν Ἄννας καὶ Καϊάφας σὺν τῷ Ποντίῳ Πιλάτῳ ἡγεμόνι τῆς Ἰουδαίας, οἱ ἐπ' ὀλέθρῳ καὶ ἀπωλείᾳ παντὸς τοῦ ἔθνους ἡμῶν ἱερατεύσαντες καὶ σὺν αὐτῷ τῷ Πιλάτῳ ὡς πλάνον κρατήσαντες τοῦτον ἐπὶ ξύλου μετὰ τῶν κακούργων ἀνεσκολόπισαν καὶ θανάτῳ ἀδίκως παρέδωκαν· καὶ οὗτος, ἰδοὺ, κάθηται μετὰ δοξης δίκαιος κριτὴς ἐπὶ θρόνου φοβεροῦ καὶ ἐπηρμένου, κρίνων ἀποτόμως ζῶντας καὶ νεκροὺς καὶ ἀπονέμων ἑκάστῳ κατ' ἀξιαν κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, καθ' ὃν τρόπον καὶ προέλεγεν ἡμῖν, διδάσκων ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἡμῶν. Φεῦ τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας ἡμῶν, ὢ τῆς ἀνοίας καὶ ἀπιστίας ἡμῶν, διότι κακῶς ἠπατήθημεν καὶ οὐκ ἐπιστεύσαμεν εἰς αὐτόν· φεῦ τῆς πλάνης καὶ τῆς ἐλεει(f. 295 v.)νότητος ἡμῶν· ποῦ φύγωμεν καὶ πρός τίνα πορευσόμεθα, τί ποιήσομεν καὶ τί ἀπολογησόμεθα, ὅτι εἰς αὐτὰς τὰς χεῖρας τοῦ ἐσταυρωμένου ὑφ' ἡμῶν ἐνεπέσαμεν, καὶ οὐκ ἔσται λοιπὸν ὁ ἐλεῶν ἡμᾶς καὶ ἐξαιρούμενος; ποῦ οὖν ἐστιν ὁ Θεὸς τοῦ νόμου, ὃν Μωσῆς ἡμῖν καθυπέδειξεν, εἰς λατρεύειν δὲ αὐτῷ μόνῳ παραδέδωκε καὶ ἕτερον Θεὸν πλὴν αὐτοῦ μόνου μὴ εἰδέναι νενομοθέτηκεν οὔτε ἐν τῷ οὐρανῷ ἄνω, οὔτε ἐν τῇ γῇ κάτω; ποῦ ὁ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἐν στύλῳ πυρὸς καὶ γνόφῳ καὶ θυέλλῃ λαλήσας τοῖς πατράσιν ἡμῶν λέγων· Ἄκουε, Ἰσραὴλ, Κύριος ὁ Θεός σου εἷς ἐστὶ καὶ πάρεξ αὐτοῦ ἕτερος οὐκ ἔστιν Θεος; καὶ ἰδοὺ νῦν ἕτερος Θεός. Ποῦ δέ εἰσι καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν, ὁ Ἀβραὰμ, λέγω, καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακὼβ, ποῦ δὲ καὶ αὐτὸς νῦν ἐστιν ὁ νομοθέτης Μωσῆς καὶ δημαγωγὸς ἡμῶν; οὐκ ἄρα κἀκεῖνοι ὡς ἡμεῖς καὶ πᾶσα φύσις βροτῶν ἐκ νεκρῶν ἀθροον ἠγέρθησαν, κριθησόμενοι ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ καὶ φρικωδεστάτου τούτου βήματος τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ τῷ καινῷ καὶ ἀγνώστῳ τού(f. 296 r.)τῳ Θεῷ καὶ κριτῇ σὺν ἡμῖν παρειστήκεισαν, ἵνα τῶν βεβιωμένων αὐτοῖς ἐπίσης πάσῃ τῇ ἀνθρωποτητι λήψωνται [μισθον]; ἆρα μὴ καὶ αὐτοὶ ἠπατήθησαν, ὥσπερ ἡμεῖς, καὶ οὐκ ἐπέγνωσαν τὴν ἀλήθειαν; ἆρα μὴ μῦθος ἦν πᾶσα ἡ κατ' αὐτοὺς ἱστορία καὶ ἡ διαθήκη τῆς περιτομῆς καὶ ἡ ἐξ Αἰγύπτου μετὰ θαυμασίων τινῶν φρικτῶν καὶ φοβερῶν ἔξοδος αὐτῶν, καὶ ἡ τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης ῥῆξις, καὶ ἡ διὰ ξηρᾶς ἐν μέσῳ

αὐτῆς διάβασις, καὶ ἡ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ θεοπτία, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ φοβερὰ καὶ ἀνύποιστα Θεοῦ δείγματα, καὶ αἱ πλάκες καὶ ἅπας ὁ νόμος, καὶ ἡ τῆς σκηνῆς κατασκευὴ καὶ ἡ ἱερατεία, καὶ τὰ κατ' αὐτὸν πάντα εἰκῇ καὶ μάτην ἡμῖν παραδέδονται, καὶ οὐκ εἰσὶν ἀληθινοῦ καὶ μόνου Θεοῦ ταῦτα πάντα; Ὄντως τι εἰπεῖν οὐκ ἔχομεν ἢ πῶς ἐπικαταράσασθαι τῷ Μωϋσῇ ἀγνοοῦμεν· ἰδοὺ γὰρ εἰς τὰς χεῖρας παραπεπτώκαμεν τοῦ παρ' ἡμῶν σταυρωθέντος, καὶ οὐκ ἔστι λοιπὸν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων ἡμᾶς. Τινὲς δὲ πάλιν ἐξ αὐτῶν ἔλεγον· Ἐξ ὅτου οὗτος ἐ(f. 296 v.)σταυρώθη παρ' ἡμῶν, ἐν ἀληθείᾳ οὐκ εἶδεν ἀγαθὸν τὸ γένος ἡμῶν, ἀλλὰ καὶ τῆς Ἱερουσαλὴμ ἐξηλάθημεν καὶ μακρὰν ἐδιώχθημεν καὶ τῆς γῆς τῆς ἐπαγγελίας ἀπερρίφημεν, ἀλλὰ καὶ ὁ θαυμάσιος ναός, ὃν ὁ σοφώτατος Σολομὼν θαυμαστῶς εἰς δόξαν ἔκτισέ τε καὶ ᾠκοδόμησε, μέχρις ἐδάφους πέπτωκε καὶ εἰς τέλος ἠφάνισται, καὶ πᾶσαι αἱ φυλακαὶ ἡμῶν εἰς πάντα τὰ ἔθνη προφανῶς διεσπάρησαν καὶ ἕως τοῦ νῦν διασκορπισθεῖσαι ὑπῆρχον, χλευαζόμεναί τε καὶ ὀνειδιζόμεναι ὑπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν. Καὶ νῦν πρᾶγμα συνήντηκεν ἡμῖν, ὅπερ οὐκ ἠλπίζομεν· τίς ἄρα προστήσεται ἡμῶν ἐπὶ τοῦ ἐσταυρωμένου μὲν ὑφ' ἡμῶν κρῖναι δὲ κεκαθικότος ἐν δόξῃ ἀποτόμως ἡμᾶς; οὐκ ἔστιν οὖν τις ὁ βοηθήσων ἡμῖν καὶ ὁ ἐξαιρούμενος ἡμᾶς ἐκ τῆς δικαίας αὐτοῦ ἀπειλῆς· ἀλλὰ δεῦτε καὶ κράξωμεν ἐν τῷ τοῦ νόμου Θεῷ, καὶ ἴσως, ὅπου δᾶν ἐστι, παραγίνεται καὶ βοηθήσει ἡμῖν. Ἄλλοι δὲ πρὸς αὐτοὺς ἔλεγον ὀλολύζοντες· Ὦ τῆς ἀνοίας ἡμῶν, ὦ τῆς ταλαιπωρίας καὶ τῆς ἐλεεινότητος, ὅτι καὶ τοῦτον ὁρῶντες κρί(f. 297 r.)νοντα ἀποτόμως πᾶσαν πνοὴν ἀκμὴν εἰς τέλος πλανώμεθα, ἀλλ' ἐπεί, ὡς ὁρῶμεν, ὅτι δίκαιος κριτής ἐστι καὶ οὐκ αἰδεῖται πρόσωπα οὐδὲ δῶρα λαμβάνει, δεῦτε καὶ δεηθῶμεν αὐτοῦ, ὥστε κριθῆναι μετὰ τῶν παραδεδωκότων ἡμῖν τὴν διαθήκην καὶ διάταξιν τοῦ νόμου, καὶ μάλιστα παρὰ τοὺς ἄλλους ἅπαντας μετ' αὐτοῦ τοῦ Μωϋσέως, ᾧ καὶ ἴσα Θεῷ ἐπιστεύομεν καὶ τὰ παραδεδομένα ἡμῖν παρ' αὐτοῦ μαρτύρια νόμιμα ἀπαράβατα ἐφυλάττομεν· καὶ ἐὰν οὕτω γένηται, ἐν ἐκ τῶν δύο τοῦτο γενέσθαι πρόκειται, ἢ κἀκείνους σὺν ἡμῖν εἰς κόλασιν δικαίως ἐμβληθῆναι, ὡς αἰτίους τῆς τοιαύτης ἡμῶν ἀπωλείας, ἢ καὶ ἡμᾶς δι' ἐκείνους συγγνώμης τινὸς τυχεῖν· τῷ ὄντι γὰρ ἀφ' οὗπερ τὸ τοῦ ἐσταυρωμένου μυστήριον ἐνηργήθη

ἐν τῇ πατρίδι ἡμῶν Ἰουδαίᾳ, οὐκ εἶδεν ἔκτοτε, ὡς εἴρηται, τὸ γένος ἡμῶν καλὸν, ἀλλ' ἐξ ἐκείνου τοῦ χρόνου πάντα τὰ δεινὰ ἐπλεόνασαν εἰς ἡμᾶς. Καὶ ὄντως οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι καὶ ἐν τῇ προσκαίρῳ ἡμῶν ζωῇ (f. 297 v.) πάμπολλα καὶ χαλεπὰ κακὰ καὶ θλίψεις ἀπαρηγόρητοι συνεῖχον ἡμᾶς, καὶ νῦν πάλιν ἐν τῇ ἀθανάτῳ ταύτῃ ζωῇ καὶ ἀδιαδόχῳ βασιλείᾳ, ἐν ᾗ παραμυθίαν καὶ ἄνεσιν τῶν πολλῶν καὶ χαλεπῶν θλίψεων ἐκείνων καὶ κακουχιῶν τῶν μακρῶν ἠλπίζομεν εὑρηκέναι τινὰ, καὶ ὡς συνορῶμεν, ἰδοὺ μείζονα καὶ χείρονα κακὰ τῶν προτέρων πολλῷ πλείω κατέλαβον ἡμᾶς. Καὶ τί ποιήσωμεν; ἢ ποῦ κρυφθησόμεθα ἀπὸ προσώπου τοῦ ἐσταυρωμένου τούτου καὶ δικαίου κριτοῦ; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Μᾶλλον πρὸς τοῦτον προσπέσωμεν καὶ κράξωμεν, καὶ ἴσως σπλαγχνισθεὶς ἐλεήσει ἡμᾶς. Ἄλλοι δὲ ἀπεκρίναντο λέγοντες μετὰ καὶ στεναγμοῦ ἐκ βαθέων ψυχῆς· Καὶ πῶς οὖν ἡμῖν βοηθήσει οὗτος καὶ ἐλεήσει ἡμᾶς, ὃν ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς ἡμῶν βλασφημοῦντες παρωργίσαμεν, οὗτινος τὸ θεῖον εὐαγγέλιον διὰ παντὸς ἐχλευάζομεν, καὶ ὡσεὶ λῆρον τὰ ῥήματα αὐτοῦ καὶ θεῖα ἐντάλματα ἡγούμεθα, οὗτινος τὸ ὄνομα τὸ σε(f. 298 r.)βάσμιον οὐδὲ λεγόμενον ἀκοῦσαι ἠνεσχόμεθα; καὶ πῶς οὖν οὗτος ἀνέξεται τοῦ εἰσακοῦσαι ἡμῶν καὶ ἐλεῆσαι ἡμᾶς; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον τύπτοντες σφοδρῶς τὰς ὄψεις αὐτῶν· Ὁ Θεὸς εὗρε τὸν Μωϋσέα καὶ τοὺς πατέρας ἡμῶν καὶ κρινεῖ ἀνὰ μέσον ἡμῶν καὶ αὐτῶν, διότι ἐθέσπισαν ἡμῖν πάρεξ τῆς πίστεως ἡμῶν ἑτέραν πίστιν μὴ καταδέξασθαι. Ὄψεται Μωϋσῆς, ὃς δέδωκεν ἡμῖν τὸν νόμον ἐγγράφως, ὑφ' οὗ μεμαθήκαμεν μὴ προσκυνῆσαι θεῷ ἀλλοτρίῳ, μηδὲ γόνυ κλῖναι ἐν εἰκόνι πώποτε· ὄψεται Ἀαρὼν, ὃς ἐδίδαξεν ἡμᾶς μὴ ἀποστρέψαι τὰ πρόσωπα ἡμῶν ἀπὸ τῆς λατρείας τοῦ Θεοῦ Ἰσραήλ· ὄψονται πάντες οἱ προφῆται, οἵτινες ἐξέθεντο ἡμῖν ἐγγράφως καὶ ἀγράφως τελεῖν διὰ παντὸς τὰ ἰουδαϊκὰ καὶ μὴ ἐκνεύειν ἀπὸ τῆς πίστεως τῆς δοθείσης ἡμῖν παρὰ τοῦ Θεοῦ τοῦ νόμου ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἢ δεξιὰ ἢ ἀριστερά. Ἄλλοι δὲ πάλιν ἔλεγον, κινοῦντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ δάκρυσιν αἱματορρύτοις τὸ ἔδαφος τῆς γῆς κα(f. 298 v.)ταβρέχοντες· Ὄντως ἡμεῖς ὀψόμεθα καὶ ἡμεῖς ἀπολάβωμεν τὰ ἔργα ἡμῶν, ὅτι οὐ συνείδομεν τὰ μετ' ἐκείνους πραχθέντα εἰς ἡμᾶς. Καὶ ἔλεγον ἔτι πρὸς ἑαυτοὺς ὁμοθυμαδὸν πάντες· Δεῦτε ἀθροισθέντες, ἅμα ἀλαλάζωμεν κράζοντες πρὸς αὐτὸν καὶ ἐκτε-

νῶς προσπέσωμεν καὶ δυσωπήσωμεν αὐτὸν, μήπως ἴσως δι' οἰκείαν ἀνεξικακίαν σπλαγχνισθεὶς ἐφ' ἡμῖν, ὡς ἐχθροῖς αὐτοῦ, καθὼς ἐδίδαξεν, ἀφήσει ἡμῖν τὰ εἰς αὐτὸν παραπτώματα καὶ συγγνώμης τινὸς διὰ τὴν ἄγνοιαν ἡμῶν ἀξιώσει ἡμᾶς. Καὶ πάλιν τινὲς ἔλεγον ἐξ αὐτῶν· Καὶ πῶς ἄρα τοῦτο γενήσεται τοσαῦτα καὶ τηλικαῦτα κακὰ ἀσύγγνωστα καὶ ἀναπολόγητα εἰς αὐτὸν πλημμελήσαντας ἡμᾶς(sic), εἴπερ δίκαιος κριτής ἐστιν, ὡς φατέ; οὐκ ἔνι δίκαιον ἐλεῆσαι ἡμᾶς, καὶ μᾶλλον ὅτι ἐνταῦθα συγγνώμης ἢ συμπαθείας οὐδεὶς ἀξιοῦται, εἰ μὴ ὁ δι' ἔργων ἀγαθῶν ταύτας ὠνησάμενος· ἀλλ' εἰ καὶ πάντας ἁμαρτωλοὺς δι' οἰκείαν ἀγαθότητα δικαιῶσαι καὶ (f. 299 r.) σῶσαι αὐτὸν δεῖ, ἀλλ' οὐχὶ καὶ ἡμᾶς· ποῖον γὰρ εἶδος εὐεργεσιῶν παρέλειψεν, οὐκ ἐνεδείξατο αὐτὸς εἰς ἡμᾶς, οὐ μόνον δι' ἑαυτοῦ, ἀλλὰ καὶ διὰ τῶν ὅπερ οἰκείων αὐτοῦ μαθητῶν; καὶ ὥσπερ αὐτὸς εὐεργετῶν καὶ μυρία θαύματα εἰς τὸ ἔθνος ἡμῶν ἅπαν ἐργαζόμενος ὑπερέβαλε πᾶσαν ἀπὸ τοῦ αἰῶνος ἀγαθοσύνης ὑπερβολὴν, οὕτω πάλιν ἡμεῖς τὸ ἀνάπαλιν οὐδεμίαν κακίας ἀσύγκριτον ὑπερβολὴν παρελίπομεν, ἣν οὐκ ἐνεδειξάμεθα πρὸς αὐτὸν, καὶ οὐκ εἰς αὐτὸν μόνον, ἀλλὰ καὶ εἰς τοὺς ἐξ ἡμῶν πιστεύσαντας καὶ μαθητευθέντας αὐτῷ· εἰ καὶ οὐδὲν ὅλως βλάψαι ἢ παρεμποδίσαι τὴν διδαχὴν αὐτοῦ ἐξισχύσαμεν, ἀλλὰ μᾶλλον τοὐναντίον ἅπαν ἐγένετο· ὅσον γὰρ καὶ δι' ἑαυτῶν ἡμῶν καὶ διὰ τῶν ἐν ὑπεροχαῖς ἀρχόντων καὶ βασιλέων οὐ διελίπομεν μαχόμενοι καὶ ἐχθραίνοντες παντοιοτρόπως καὶ πολεμοῦντες αὐτοὺς, τοσοῦτον μᾶλλον ἐκραταιοῦντο (f. 299 v.), καὶ ηὔξανεν ἡ τῶν πολλῶν πίστις εἰς αὐτὸν καὶ κατεκράτει καὶ κατεκυρίευε πάσης τῆς γῆς ἀπὸ περάτων αὐτῆς· ὅπερ αὐτὸ καὶ μόνον ἔδει συνιδεῖν ἡμᾶς ὑπὲρ τῶν ἄλλων μυρίων καὶ ἐξαισίων εἰς ἡμᾶς γεγενημένων θαυμασίων παρ' αὐτοῦ καὶ κατανοῆσαι ὅλως, ὅτι ὑπὸ τῶν προφητῶν Μεσίας προκηρυχθεὶς καὶ σωτὴρ τοῦ κόσμου οὗτος ἐστὶ, καὶ προσελθεῖν καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτόν· ἀλλὰ καὶ διὰ τὴν ἀλαζονίαν καὶ ἔπαρσιν καὶ τὸν φθόνον, ὃν εἴχομεν ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν κατ' αὐτοῦ, μὴ συνιέναι θελήσαντες ταῦτα πάντα, δικαίως καὶ ἀπερρίφημεν ἐξ αὐτοῦ καὶ ἐστερήθημεν τῆς δι' αὐτοῦ καὶ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ κηρυχθείσης αἰωνίου ζωῆς καὶ βασιλείας· ἐπεὶ ἐὰν μόνον ἠθελήσαμεν καὶ αὐτοὶ ἀποβλέψαι πρὸς τὴν ἀλήθειαν καὶ τὸ φῶς τῶν θαυμασίων αὐτοῦ καὶ ἀπορρίψαι ἀφ'

ἡμῶν τὴν τοῦ φθόνου κακίαν καὶ προσελθεῖν τῇ διδαχῇ αὐτοῦ καὶ πιστεῦσαι καὶ βαπτισθῆναι εἰς αὐτόν, ὥσπερ δὴ καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἐξ ἡμῶν ἐποίησαν καὶ προσεδείχθησαν αὐτῷ, εἰ καὶ πρότε(f. 300 r.)ρον πολλάκις τινὲς ἐξ αὐτῶν σφόδρα παρεπίκραναν αὐτόν, καὶ μάλιστα Σαῦλος ὁ μετονομασθεὶς διὰ τοῦ βαπτίσματος Παῦλος, ὁ τοῦ Μαλελεὴλ τοῦ νομοδιδασκάλου δοκιμώτατος μαθητής, ὃς ἐδίωξε πρὸ τοῦ βαπτισθῆναι σφόδρα τούτου τὸ ὄνομα καὶ ἀπέκτεινε καί τινας τῶν μαθητῶν αὐτοῦ, προσεδέξατο ἂν ἀσμένως καὶ ἡμᾶς ἐν τῇ ἀθανάτῳ αὐτοῦ βασιλείᾳ καὶ κατεσκήνωσε πάντας μετ' αὐτῶν ἐκείνων τῶν προσελθόντων αὐτῷ ἐξ ἡμῶν καὶ ἐν τῇ μεγαλοπόλει ταύτῃ καὶ ὄντως νέᾳ Σιὼν τῇ ἄνω καλουμένῃ Ἱερουσαλὴμ εἰσήγαγε μετὰ πάντων ἠγαπηκότων τὴν ἐπιφάνειαν αὐτοῦ· νυνὶ δὲ διὰ τὴν μοχθηρίαν καὶ θηριώδη κακίαν ἡμῶν δικαίᾳ ψήφῳ αὐτοῦ ταῦτα πάντα τὰ δεινὰ ἐπῆλθεν ἐφ' ἡμᾶς, καὶ οὐκ ἔστιν ἀνάνευσις ἐν τῇ μάστιγι αὐτῶν, οὐδὲ ἐν τῷ αἰωνίῳ τούτῳ καὶ πικροτάτῳ πυθμένι τοῦ ἅδου τοῦ δικαίως ἡμᾶς παραλήψεσθαι ὀφείλοντος.

Τούτων οὕτως ὑπ' αὐτῶν λεγομένων, ἐπένευσεν ὁ Κύριος τῷ εἰς τοῦτο τεταγμένῳ στρατηγῷ τῶν ἀγγέλων ἐν φωνῇ σάλπι(f. 300 v.)γγος διαλεχθῆναι πρὸς αὐτούς· καὶ ἐφθέγξατο ἀποτόμως πρὸς τῇ φοβερᾷ ἐκείνῃ καὶ μεγάλῃ ταλαιπώρῳ συναγωγῇ τοιαῦτα· Ὦ μωροὶ καὶ τυφλοί, ἀνόητοι καὶ ἀσύνετοι υἱοὶ Ἰσραήλ, οὐκ εἰμὶ ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Θεός, ὁ αἰώνιος βασιλεὺς καὶ μόνος δίκαιος κριτής, ὁ κλίνας οὐρανοὺς καὶ καταβὰς ἐπὶ γῆς καὶ ἀναλλοιώτως οἰκήσας ἐν τῇ κοιλίᾳ τῆς ἀπειράνδρως γεννησάσης με Μαρίας τῆς παρθένου, καὶ σάρκα ἐξ αὐτῆς δανεισάμενος διὰ τὸ σῶσαι ὑμᾶς, ἐπειδὴ γυμνῇ τῇ θεότητί μου ὑμῖν ὀφθῆναι παντελῶς ἀδύνατον καὶ ἀνύποιστον; Καὶ ἐνανθρωπήσας ὡμίλησα ὑμῖν καὶ ἐν ταῖς συναγωγαῖς ὑμῶν παρρησίᾳ ἐδίδαξα καὶ ἐκήρυξα τὴν ἀλήθειαν, λέγων πρὸς ὑμᾶς· Ἐγώ εἰμι τὸ φῶς τοῦ κόσμου, καὶ πάλιν· Ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἕν ἐσμεν, καὶ ὁ μὴ τιμῶν τὸν Υἱόν, οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα, καὶ ὅτι ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν δέδωκε τῷ Υἱῷ. Οὐ μόνον διὰ τοῦ οἰκείου λόγου ἐκήρυσσον ἐν μέσῳ ὑμῶν τὴν ἀλήθειαν, ἀλλὰ πολλῷ πλέον διὰ τῶν ἔργων αὐτῶν, λέγων πρὸς ὑμᾶς, ὅτι ἐὰν ἐμοὶ μὴ πιστεύ(f. 301 r.)-

σητε, κἂν τοῖς ἔργοις μου πιστεύσητε, καὶ ἐδείκνυον ὑμῖν τὴν προσοῦσαν θεϊκὴν δύναμιν ἐπὶ τῶν ἔργων αὐτῶν, νεκροὺς λόγῳ ψιλῷ καὶ μόνῳ κελεύσματι ὡς ἐξ ὕπνου ἀνιστῶν, τυφλοὺς ὀμμάτων, χωλοὺς καὶ συγκ(ρ)ύπτοντας ἀνορθῶν, λεπροὺς καθαίρων, κυλλοὺς ἄλλεσθαι καὶ παραλύτους συσφίγγων καὶ ἀκόπως περιπατεῖν ἐργαζόμενος, καὶ ἁπλῶς πάντα ποιῶν ὅσα τεθέασθε· ἀλλ' ὑμεῖς οὐ μόνον οὐκ ἠθελήσατέ μου ἀκοῦσαι τῆς διδαχῆς, ἀλλὰ καὶ ὕβρεσιν οὐ ταῖς τυχούσαις καὶ βλασφημίαις καθυποβάλλετε καὶ μυρία κακὰ ἐνεδείξασθε εἰς ἐμὲ ἀντὶ πάντων τῶν ἀγαθῶν, ὧν ἐνεδειξάμην ἐγὼ εἰς ὑμᾶς. Ἆρα οὐκ εἰμὶ ἐγὼ ἐκεῖνος, ὃν ἐλέγετε ὑμεῖς· οὐχ' οὑτός ἐστιν ὁ υἱὸς Ἰωσὴφ τοῦ τέκτονος, καὶ ἰδοὺ Μαριὰμ ἡ μήτηρ αὐτοῦ; οὐκ ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς, ὁ ἐν Κανᾶ τὸ ὕδωρ ἐνώπιον ὑμῶν εἰς οἶνον μεταβαλών; οὐκ ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς, ὃν ἐλέγετε· Ἐν Βεελζεβοὺλ τῷ ἄρχοντι τῶν δαιμονίων ἐκβάλλει τὰ δαιμόνια; οὐκ ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς, περὶ οὗ ἐδώκατε τριάκον(f. 301 v.)τα ἀργύρια Ἰούδᾳ τῷ προδότῃ, ἵνα με παραδώσει εἰς τὰς ἀθεμίστους χεῖρας ὑμῶν πρὸς τὸ ἀποκτανθῆναι; οὐκ ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς, πρὸς ὃν ἐληλύθατε μετὰ μαχαιρῶν καὶ ξύλων εἰς τὸ συλλαβεῖν με καὶ παραδοῦναι εἰς θάνατον τοῖς ἔθνεσιν; οὐκ ἐγώ εἰμι, ὃν παρεστήσατε δεδεμένον τοῖς ἀρχιερεῦσιν ὑμῶν, Ἄννα καὶ Καϊάφα, καὶ Ποντίῳ Πιλάτῳ τῷ ἡγεμόνι; οὐκ ἐγώ εἰμι ὃν συνεκλείσατε ἐν τῷ πραιτωρίῳ ὑμῶν; οὐκ ἐγώ εἰμι ὃν ἐῤῥαπίσατε, ὃν ἐμαστιγώσατε, ὃν ἐνεπτύσατε; οὐκ ἐγὼ ὃν ἐν ἐμπαιγμῷ καὶ χλεύῃ πορφύραν ἐνεδύσατε καὶ στέφανον ἐξ ἀκανθῶν ἐπὶ κορυφῆς ἐθήκατε, καὶ κάλαμον ἐν ταῖς χερσὶν ἐπεδώκατε, καὶ γονυπετήσαντες δολίως ἐνεπαίξατε, καὶ λαβόντες κάλαμον, ὃν ἐνεχειρίσασθέ μοι, κατὰ κεφαλῆς ἐτύψατε, εἶτα φραγελλώσαντες παρεδώκατε εἰς τὸ σταυρωθῆναί με; οὐκ εἰμὶ ἐγὼ ὁ Ἰησοῦς, ὃν ἐλέγετε πάντες ὁμοθυμαδὸν ὡς ἐν μιᾷ τῇ φωνῇ πρὸς Ποντίῳ τῷ Πιλάτῳ τῷ ἡγε(f. 302 r.)μόνι· Ἆρον, ἆρον, σταύρωσον αὐτόν, καὶ ἔστω τὸ αἷμα αὐτοῦ ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ τέκνα ἡμῶν; Ἆρα οὐχ' ὑμεῖς ἐστὲ οἱ σταυρώσαντές με καὶ χλαῖναν στολῆς ψευδῆ περιβαλόντες, καὶ στέφανον ἀκάνθινον περιθέντες τῇ κορυφῇ μου; οὐχ' ὑμεῖς ἐστὲ οἱ τὴν χολήν με καὶ τὸ ὄξος ποτίσαντες, οἵτινες καὶ κωμῳδοῦντες καὶ γελοιάζοντες ἐλέγετε· Ἄλλους ἔσωσεν, ἑαυτὸν οὐ δύναται σῶσαι; οὐχ' ὑμεῖς με ἐπὶ σταυροῦ ἐκρεμάσατε τοῦ νῦν

ἱσταμένου ἐνδόξως πρὸ προσώπου ὑμῶν εἰς ἔλεγχον ὑμῶν, καὶ ἥλους ταῖς χερσὶ καὶ τοῖς ποσί μου ἐπήξατε, νύξαντές μου τῇ λόγχῃ τὴν ἀκήρατον πλευράν; οὐχ' ὑμεῖς ἑωράκατε τὰ τότε γινόμενα, λέγω δὴ τὸν σεισμὸν καὶ τὴν ζόφωσιν τοῦ ἡλίου, καὶ τὸν σκοτασμὸν τῆς ἡμέρας, καὶ τὸν τοῦ ναοῦ διαρρηγμόν, τὴν τῶν πετρῶν σχίσιν, τὴν ἄνοιξιν τῶν μνημείων καὶ τὴν τῶν νεκρῶν ἔγερσιν; οὐχ' ὑμεῖς λίθον βαρύτατον κυλίσαντες μετὰ τῆς κουστωδίας ὑμῶν, μετὰ τὸ ἀποκαθηλωθῆναί με ἀπὸ (f. 302 v.) τοῦ σταυροῦ ὑπὸ τῶν ἐμῶν μαθητῶν Ἰωσὴφ καὶ Νικοδήμου καὶ τάφῳ τεθῆναι ὑπ' αὐτῶν, τῇ θύρᾳ τοῦ τάφου τεθείκατε; οὐκ ἐστήσατε φύλακας φυλάσσοντας τὸν τάφον κλοπῆς ἕνεκα ὑπόνοιαν τοῦ ἐμοῦ ἀχράντου καὶ ζωοπαρόχου σώματος, καὶ σφραγῖδας καὶ φρουροὺς καὶ κλεῖθρα ἐπὶ τῷ λίθῳ καὶ τῷ τάφῳ τεθείκατε; ἆρα οὐχ' ἑωράκατε τὴν τοῦ λίθου προσκύλησιν καὶ τὰ ἐντάφια κείμενα μόνα, καὶ τὸ σουδάριον χωρὶς τούτων κείμενον ἐντετυλιγμένον εἰς ἕνα τόπον, ἐμοῦ τριημέρου ἀναστάντος αὐτεξουσίως καὶ τὰς σφραγῖδας τοῦ τάφου μὴ λύσαντος; ὑμεῖς δὲ ὡς σκορπίων καὶ ὄφεων καὶ ἐχιδνῶν γεννήματα, καθὼς εἴρηκεν Ἡσαΐας ὁ προφήτης τῆς ἐμῆς ἐνσάρκου παρουσίας, οὐκ ἐπιστεύσατε τῇ ἐμῇ ἐκ νεκρῶν ἀναστάσει, ἀλλ' ἔτι προσεθήκατε κακὸν τῷ κακῷ, δεδωκότες ἀργύρια τοῖς φυλάσσουσι στρατιώταις κλοπῇ ψεύσασθαι τὴν ἐμὴν τριήμερον ἔγερσιν· καὶ ἰδού, οἱ πό(f. 303 r.)δες καὶ αἱ χεῖρές μου ἔχουσαι ἔτι τῶν ἥλων τὰς ὠτειλὰς καὶ τρήσεις, καὶ ἡ πλευρά μου τῆς λόγχης τὴν νύξιν, αἵτινες μαρτυροῦσι τὴν εἰς ἐμὲ θηριωδίαν ὑμῶν, καὶ πάντα τὰ δεινά, ἃ εἰς ἐμὲ ἐνεδείξασθε. Ἆρα οὐχ' οὕτως ἔχει ταῦτα; ἆρα οὐχ' ὑμεῖς ἐστέ, ὦ ἐπάρατοι, οἱ ταῦτά μοι δεινὰ ἐπὶ τὸ αὐτὸ συντελέσαντες; Καὶ ταῦτα πάντα παθὼν ὑφ' ὑμῶν, οὐδ' οὕτως ἀνταπέδωκα ὑμῖν, ἀλλὰ μετὰ τὸ ἀναληφθῆναί με εἰς οὐρανοὺς ἀπέστειλα ὑμῖν τοὺς ἐξ ὑμῶν μαθητευθέντας μοι καλέσαι ὑμᾶς εἰς μετάνοιαν καὶ ἐπίγνωσιν τῆς ἀληθείας διὰ λόγων καὶ ἔργων τῶν ὁμοίως ἐμοὶ ἐνεργουμένων ὑπ' αὐτῶν σημείων καὶ τεράτων ὑπερφυῶν· ὑμεῖς δὲ οὐδ' οὕτως ἐπιστεύσατε αὐτοῖς, ἀλλὰ τοὐναντίον καὶ μυρίοις θανάτοις αὐτοὺς καθυπεβάλλετε. Ἆρα οὐ συνεκλείσατε Πέτρον ἐν τῇ φυλακῇ; οὐκ ἀνείλετε Ἰάκωβον ἐν μαχαίρᾳ; οὐ Νικάνορα ἀπεκτείνατε μετὰ τῶν δισχιλίων; οὐκ ἐλιθοβολήσα(f. 303 v.)τε Στέφανον; οὐ μυριάκις

τὸν Παῦλον ἐμαστιγώσατε; περὶ δὲ τῶν ἐπιλοίπων τί ὑμῖν εἴπω; αὐτοὶ σαφῶς γινώσκετε καὶ οἴδατε· ἠθελήσατε γὰρ συναποθανεῖν ταῖς ἁμαρτίαις ὑμῶν, πειθόμενοι τῷ πατρὶ ὑμῶν τῷ Σατανᾷ ἢ τῷ σωτηρίῳ μου λόγῳ, καὶ νῦν ἰδοὺ θεάσασθε, ἀσεβεῖς καὶ παράφρονες, καὶ πιστεύσατε ἄκοντες, ὅτι αὐτὸς ἐγώ εἰμι καὶ οὐκ ἠλλοίωμαι, ὁ ὑφ' ὑμῶν ὡς πλάνος ἐξουδενωθεὶς καὶ πάντα ἑκουσίως παθὼν καὶ θανάτου γευσάμενος, ὑπὸ δὲ πάντων πιστῶν δεχθεὶς καὶ προσκυνηθεὶς ὡς Θεὸς ἅμα τῷ Πατρὶ καὶ ἁγίῳ μου Πνεύματι, καὶ νῦν τὴν αἰωνίζουσαν ζωὴν καὶ βασιλείαν, καθὼς ἐπηγγειλάμην, δωρούμενος αὐτοῖς. Ἐγὼ γάρ εἰμι μόνος αἰώνιος βασιλεὺς τῶν βασιλευόντων καὶ μόνος Κύριος τῶν κυριευόντων καὶ ἐξουσιαστὴς πάσης κτίσεως, ὁρωμένης τε καὶ ἀοράτου, Ἰησοῦς Χριστός, ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὁ δι' ὑμᾶς τοὺς ἀνθρώπους ἄνθρωπος γενόμενος, μὴ δὲ τραπεὶς τῇ θεότητι.

Καὶ ἐγένετο ὡς ταῦτα τούτοις τοῖς ἐπαράτοις (f. 304 r.) διεσάφησε διὰ τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ὁ ἄγγελος, ἔγνωσαν πάντες, ὅτι αὐτός ἐστιν Ἰησοῦς ἀληθῶς ὁ Ναζωραῖος, ὃν αὐτοὶ μώμοις καὶ ὕβρεσιν οὐ ταῖς τυχούσαις βαλόντες, ἀδίκῳ θανάτῳ παρέδωκαν· καὶ ἦν ἰδεῖν ἐπ' αὐτοὺς, μετὰ τὸ παύσασθαι τὴν θείαν σάλπιγγα, κοπετὸν καὶ κλαυθμὸν καὶ ὀδυρμὸν μέγαν σφόδρα, καὶ ὁ κωκυτὸς τοῦ κλαυθμοῦ αὐτῶν ὑπερήχει πάντα τόπον σχεδὸν τῆς κρίσεως, καὶ ἐδίδοσαν θρῆνον πικρὸν οἱ ἐλεεινοὶ καὶ ταλαίπωροι, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς, στένοντες, τρέμοντες καὶ δεινῶς ὀλολύζοντες, ὅτι ταῦτα συνέβη αὐτοῖς, καὶ ἔλεγον μετ' οἰμωγῆς ἐλεεινῇ τῇ φωνῇ· Ὦ Μωϋσῆ, τί πεποίηκας ἡμῖν οὕτω πιστεύειν ἡμᾶς ἐντειλάμενος; ποῦ ἦς ἄρτι; ἐλθὲ καὶ πάρεσο μέσον ἡμῶν, εἰ εὕρες χάριν καὶ παρρησίαν, καὶ ῥῦσαι ἡμᾶς τῆς παρούσης φοβερᾶς καταδίκης καὶ κατακρίσεως καὶ δικαίας ἀπειλῆς τοῦ κριτοῦ. Καὶ ὡς ταῦτα θρηνοῦντες ἔλεγον καὶ γοερῶς οἰμώζοντες, ἐδόκουν συναλγεῖν (f. 304 v.) αὐτοῖς καὶ αὐταὶ αἱ τῶν ἁγίων ἀγγέλων πᾶσαι στρατιαὶ καὶ δυνάμεις, τοῖς θρήνοις καὶ ταῖς οἰμωγαῖς κατακλονεύμεναι αὐτῶν· τινὲς δὲ ἐξ αὐτῶν τετολμήκασιν εἰρηκέναι πρὸς τὸν δίκαιον κριτὴν μετὰ πολλῶν δακρύων καὶ στεναγμῶν τοιαῦτα φάσκοντες· Κύριε, μνήσθητι ὅτι τὸν νόμον καὶ τὰς ἐντολὰς ὁ Πατήρ σου Σαβαὼθ καὶ Κύριος παντοκράτωρ δέδωκε τοῖς πατράσιν ἡμῶν διὰ τοῦ προφήτου Μωϋσέως καὶ θεράποντός σου ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ,

καὶ πάντες προφῆται καὶ δίκαιοι, ὅσοι ἀσφαλῶς ἐτήρησαν αὐτὸν καὶ τὰ νόμιμα πάντα ἐφυλάξαντο ἄτρωτα καὶ ἀπαράβατα, εὐπρόσδεκτοι γεγόνασι τῆς δοξης τῆς σῆς θεότητος τῷ ὀνόματι· διὰ τοῦτο καὶ ἡμεῖς κατ' ἴχνος τούτων βαδίσαντες οὐκ ἐξενεύσαμεν ἀπὸ τῆς τοῦ νόμου ἀκραιφνοῦς πίστεως καὶ διδασκαλίας, καθαρῶς μὴ συνιέντες μηδὲ ἐλπίζοντες πεπαῦσθαι αὐτὸν πώποτε· κατηράσατο γὰρ πάντα ἄνθρωπον ὁ Μωϋσῆς, οἱ λοιποὶ πάντες προφῆται καὶ οἱ νομοδιδάσκαλοι τὸν μέχρι τῆς συντελείας τῶν αἰώνων ἀφιστάμενον τῆς τοῦ νόμου λατρείας (f. 305 r.) καὶ εἰς ἑτέραν πίστιν μεταπίπτοντα· τί οὖν ἡμεῖς εἴχομεν ποιῆσαι ἐν τῷ ἐκείνους ἀκριβῶς θεῖναι τοῦτον τὸν ὅρον, νομοθετοῦντας τοῦ μὴ μεταπεσεῖν ἡμᾶς ἀπὸ τῆς τοῦ νόμου λατρείας; Διὰ τοῦτο, δέσποτα, οὐκ ἠβουλήθημεν ἐνωτίσασθαι καὶ συνιέναι τὰ ῥήματά σου καὶ προσελθεῖν τῇ διδασκαλίᾳ τοῦ Εὐαγγελίου σου, καὶ προσπεσεῖν τοῖς οἰκτιρμοῖς σου καὶ τῷ ἁγίῳ σου βαπτίσματι προσδραμεῖν.

Ταῦτα οὖν ἐκείνων εἰρηκότων, προσέταξε Κύριος τῷ ἐπὶ τῆς σάλπιγγος ἀρχαγγέλῳ σαλπίσαι, καὶ ἰδοὺ ἡ σάλπιγξ ἐκέκραξε λέγουσα· Οὐ κρινῶ ὑμᾶς ἕνεκεν τῆς εἰς ἐμὲ ἀπιστίας· τὰ γὰρ ἐν τῷ βίῳ ὑμῶν πεπλημμεληκότα ἀθέμιτα καὶ ἀναρίθμητα πταίσματα ἐκεῖνα ὑμᾶς ἐλέγχουσιν, ἅπερ ἐξετάσας οὐχ' εὑρίσκω ἐν ὑμῖν σωτηρίας ἐλπίδα. Τίνα γὰρ τῶν θεραπόντων μου προφητῶν οὐ θανάτῳ παραδεδώκατε; ἢ ποίαν ἄθεσμον ἐργασίαν οὐκ ἐποιήσατε, ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ ὑμῶν μυκτηρίζοντες, χλευάζοντες καὶ βλασφημοῦντες κἀμὲ καὶ τοὺς εἰς ἐμὲ πιστεύοντας; περὶ δὲ (f. 305 v.) τῆς πρός με ἀπιστίας ὑμῶν, ἰδοὺ Μωϋσῆς ὁ θεράπων μου ἐλεύσεται πρὸς ὑμᾶς καὶ αὐτὸς ὑμᾶς ἐλέγξει καὶ κρινεῖ περὶ τῆς εἰς ἐμὲ ἀπιστίας ὑμῶν καὶ σκληροκαρδίας, καὶ τὰ ἀπύλωτα ὑμῶν στόματα ἐμφραγώσει τοῦ μὴ δυνηθῆναι ὑμᾶς δοῦναι αὐτῷ ἀπολογίαν ἕνεκεν τῆς τοιαύτης ὑμῶν προφάσεως· κἀγὼ σιγήσω. Καὶ εὐθέως ἐπένευσε Μωϋσέα παραγενέσθαι, ὃς ἔστη εὐθὺς ἐνώπιον αὐτοῦ καὶ αὐτῶν, πραέσι βήμασι περιπατῶν ἐφ' ὑψηλοῦ ἐπὶ πτερύγων αἰθέρος· καὶ ἡ σάλπιγξ ἐβόησε πρὸς αὐτοὺς λέγουσα· Ἰδοὺ, Μωϋσῆς, ὃν ἐλέγετε αἴτιον εἶναι τῆς ὑμετέρας ἀπωλείας· ἰδοὺ γὰρ, ὡς ὁρᾶτε, πεπλήρωκα τὴν αἴτησιν ὑμῶν τῆς ἐφέσεως. Καὶ ἅμα τῷ λόγῳ ὡρᾶτο ὁ θειότατος Μωϋσῆς ἐν δοξῃ ἀνεκλαλήτῳ ἐξερχόμενος τῆς

ἐξαισίας πύλης τῆς περιφήμου ἐκείνης πόλεως καὶ πρὸς αὐτοὺς αἰθεροβατῶν ἀφικόμενος· ὃς ἐλθὼν ἔστη κατὰ πρόσωπον πάντων ὑπεράνω τῆς συναγωγῆς ἐκείνης λελαμπρυσμένος καὶ τῇ ἀνεκφράστῳ δόξῃ ἀπαστράπτων τὸ πρόσωπον, ἐνδεδυμένος στολὴν ἀστραπόμορφον. Καὶ ἰδοῦ(f. 306 r.)σα αὐτὸν πᾶσα ἡ συναγωγὴ ἐκείνη τῶν Ἰουδαίων ὑπεράνω αὐτῶν ἐν τοιαύτῃ δόξῃ ἑστηκότα, ἔκλαυσαν πάντες ἐνώπιον αὐτοῦ πικρῶς λέγοντες· Ὦ κύριε Μωϋσῆ, οὐκ αὐτὸς ἡμῖν δέδωκας τὸν νόμον, ᾧ γέγραπται· Ἄκουε, Ἰσραὴλ, κύριος Θεός σου εἷς ἔστι Κύριος, καὶ ἕτερος Θεὸς πλὴν αὐτοῦ οὐκ ἔστι· καὶ ἰδοὺ Θεὸς ἕτερος μέγας καὶ ἰσχυρὸς κατενώπιον ἡμῶν, πάντων κριτὴς καθεζόμενος καὶ ἑκάστῳ ἀποδιδοὺς κατ' ἀξίαν τῶν ἔργων αὐτοῦ, ὃν εἰς ἡμᾶς ἐλθόντα ἐν σημείοις μεγίστοις καὶ τέρασι καὶ περὶ τούτων πάντων τῶν νῦν συμβεβηκότων ἡμῖν ἐν πάσῃ τῇ Ἰουδαίᾳ διαμαρτυράμενον καὶ κηρύττοντα τὴν αὐτοῦ θεότητά τε καὶ βασιλείαν ἡμεῖς τὸν ὑπὸ σοῦ δοθέντα ἡμῖν νόμον ἀπαράθραυστον κρατοῦντες καὶ διατηροῦντες οὐ μόνον οὐκ ἐδεξάμεθα, ἀλλὰ καὶ ὡς ἀντίθεον ἐπὶ ξύλου προσηλώσαντες κακίστῳ θανάτῳ παραδεδώκαμεν. Λέγε οὖν ἡμῖν σαφῶς, τίς ἐστιν ἄρα ὁ ἰσχυρὸς Θεὸς οὗτος καὶ κραταιός, ὁ ἐξουσιάζων καὶ κρίνων ἀποτόμως, ὁ ἐρευνῶν καὶ ἐτάζων καὶ ἀποδι-(f. 306 v.)δοὺς ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ; Ἀπόδος ἡμῖν ῥῆμα, λέγε ἡμῖν περὶ τούτου· ἰδοὺ γὰρ παραδιδόμεθα, ὡς ὁρᾷς, παρ' αὐτοῦ πυρὶ ἀτελευτήτῳ καὶ αἰωνίῳ, καὶ οὐ πέφυκεν ὁ ἐξαιρούμενος ἡμᾶς τῆς τοιαύτης πανδεινου κολάσεως. Παρακαλοῦμέν, καὶ οὐ πρόσεστιν ὁ ἐλεῶν, προσπίπτομεν, καὶ οὐκ ἦν ὁ εἰσακούων καὶ οἰκτείρων ἡμᾶς.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα αὐτῶν εἰρηκότων μετὰ δακρύων πικρῶν πρὸς τὸν θαυμασιώτατον ἐκεῖνον ἄνδρα, καὶ αὐτὸς λελάληκε πρὸς αὐτούς· Ὦ ἀνόητοι καὶ βραδεῖς τῇ καρδίᾳ τοῦ πιστεύειν ἐπὶ πᾶσιν, οἷς ἐλάλησαν ὑμῖν οἱ προφῆται καὶ αὐτὸς ὁ νόμος, ὃν δέδωκα ὑμῖν περὶ τῆς ἐνδόξου καὶ ἐνσάρκου παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὑμεῖς, οὐχὶ υἱοὶ τοῦ Ἀβραὰμ, ἀλλὰ τοῦ Σατανᾶ, οὗ καὶ τὸ εἶδος τῆς ὁμοιώσεως ἐν τοῖς μέλεσιν ὑμῶν νῦν καθορᾶται, οἱ ἀπὸ τῆς παρουσίας Χριστοῦ καὶ μέχρι τῆς συντελείας ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ γεγεννημένοι κατὰ γενεὰς ὑμῶν, διὰ τί οὐκ ἐπιστεύσατε τῷ Κυρίῳ ἐλθόντι ἐν μέσῳ ὑμῶν τέρασι καὶ μεγίστοις σημείοις φοβεροῖς, πληροφοροῦσι καὶ

αὐτοὺς τοὺς ἀναισθήτους λίθους εἰς (f. 307 r.) τὸ πιστεῦσαι αὐτῷ, ὡς δεσπότῃ πάντων; Οἱ δὲ λέγουσι πρὸς αὐτόν· Διότι σὺ δέδωκας ἡμῖν τὸν νόμον καὶ τὴν φρικωδεστάτην ἀσφάλειαν περὶ αὐτοῦ, κατηρᾶμενος ἐν πικρίᾳ ψυχῆς πάντα τὸν μεταπίπτοντα ἀπ' αὐτοῦ εἰς πίστιν ἑτέραν, ἐπεὶ ἀπὸ Ἀβραὰμ καὶ μέχρι τῆς διασπορᾶς ἡμῶν πάντας τοὺς ὀπωσοῦν τετολμηκότας τὸν νόμον παραβεβηκέναι φοβερᾷ ἐκδικήσει Θεὸς ἀνταπέδωκε, πῶς οὖν ἐτολμῶμεν ἡμεῖς παραβῆναι τὸν νόμον; Λέγει Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Ὦ τυφλοὶ καὶ ἀνόητοι, πρὸ τῆς παρουσίας τοῦ κυρίου Ἰησοῦ, ὅτε ἔδει φυλάσσειν τὸν νόμον, οὐκ ἐφυλάττετε αὐτόν, ὡς ἐχρῆν· τότε γὰρ ἦν χρεία τοῦ φυλάττειν αὐτὸν καὶ πάντα τὰ νόμιμα, ὡς τύπον φέροντα τοῦ μέλλοντος παραγίνεσθαι πρὸς ἡμᾶς Ἰησοῦ Χριστοῦ· ἐλθόντος δὲ ἐκείνου, οὐ χρεία τοῦ νόμου· σκιὰ γὰρ ἦν πάντα τὰ τοῦ νόμου τῆς μελλούσης χάριτος, καὶ μετὰ τὸ παραγεγονέναι αὐτὸν διὰ τῆς ἐνανθρωπήσεως πρὸς ὑμᾶς καὶ σιγῆσθαι τὸν νόμον καὶ πάντα τὰ νόμιμα, ἤγουν τὴν ἱερατείαν, τὴν περιτο(f. 307 v.)μὴν, τὴν ἀκροβυστίαν καὶ πάντα τὰ διὰ τὴν σκληροκαρδίαν ὑμῶν νενομοθετημένα ἐν τῷ νόμῳ· τότε ἐκραταιώθητε παραφυλάττειν αὐτόν. Λέγουσι πρὸς αὐτὸν ἐκεῖνοι· Σὺ τούτων πάντων αἴτιος· ποταπὸς γὰρ ἦς προφήτης, ὅτι γινώσκων Θεὸν κατελθεῖν ἀπ' οὐρανοῦ καὶ ἄνθρωπον γενέσθαι καὶ μεταλλάξαι τὴν πίστιν ἡμῶν καὶ πάντα τὰ τοῦ νόμου, καὶ ἕτερον νόμον καὶ λατρείαν ἡμῖν παραδοῦναι, οὐ καθαρῶς δεδήλωκας ἡμῖν περὶ τούτου; Ἔφη πρὸς αὐτοὺς Μωϋσῆς· Ὦ πλήρεις ἀνοίας υἱοὶ τῆς ἀνομίας, οὐκ ἐγὼ περὶ τούτου τηλαυγῶς παραδέδωκα ὑμῖν ἐν τῷ νόμῳ καὶ φρικτῶς ἐδήλωσα καὶ ἐδίδαξα φανερῶς, λέγων οὕτως ῥητῶς· Προφήτην (τὴν) ὑμῖν ἀναστήσει κύριος ὁ Θεὸς ἐκ τῶν ἀδελφῶν ὑμῶν, ὡς ἐμὲ, αὐτοῦ ἀκούσεσθαι κατὰ πάντα, ὅσα ἂν λαλήσει ὑμῖν· καὶ ἔσται πᾶσα ψυχὴ, ἥτις οὐκ εἰσακούσεται τοῦ προφήτου ἐκείνου, ἐξολοθρευθήσεται ἐκ τοῦ λαοῦ αὐτῆς. Τί οὖν ἄλλο τούτου καθαρώτερον καὶ εὐδηλότερον εἶχον ὑμῖν (f 308r.) παραδοῦναι; ἀλλὰ καὶ Ἰακὼβ ἐν ταῖς εὐλογίαις τοὺς υἱοὺς αὐτοῦ εὐλογῶν, ἐν τῷ τετάρτῳ αὐτοῦ υἱῷ, τῷ καλουμένῳ Ἰούδα, ῥητῶς ἔφησε περὶ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ καὶ βασιλέως ἡμῶν οὑτωσὶ λέγων· Οὐκ ἐκλείψει ἄρχων ἐξ Ἰούδα οὐδὲ ἡγούμενος ἐκ τῶν μηρῶν αὐτοῦ, ἕως οὗ ἔλθῃ ᾧ ἀπόκειται, καὶ αὐτὸς προσδοκία ἐθνῶν. Ἆρα οὐ περὶ

τούτου ταῦτα ἐρρέθησαν; ἆρ' οὐκ αὐτὸς ἐν τῷ ἀπειθῆσαι ὑμᾶς προσδοκία καὶ σωτηρία γένονεν; ἀλλὰ καὶ ἄλλαι πᾶσαι περὶ αὐτοῦ προφητεῖαι, αἱ κατὰ πᾶν σάββατον ἀναγινωσκόμεναι ὑμῖν, ἐν τίνι ἄλλῳ τὴν ἔκβασιν εἶχον, οὐχὶ ἐν αὐτῷ τῷ Σωτῆρι Χριστῷ; Ὄντως ἐματαιώθητε, δυσμενέστατοι, ἐν ταῖς ὁδοῖς ὑμῶν πάσαις καὶ ἐν πάσαις ταῖς τρίβοις καὶ διαβουλίοις ὑμῶν, διὰ τοῦτο ἀπεκρύβη δικαίως ἀπὸ τοῦ προσώπου ὑμῶν ἡ ἐφ' ὑμᾶς ἐλθοῦσα ἐπισκοπή, καὶ ὑμεῖς ἀξίως ἀπεστερήθητε αὐτῆς, ὅτι οὐκ ἐδέξασθε αὐτήν, οἱ δὲ ἐξ ἐθνῶν κλητοὶ αὐτὴν κατεκληρονόμησαν. Καὶ (f. 308 v.) ἀπεκρίθη πᾶς ὁ λαὸς κατὰ τὸ πλῆθος τῆς ταλαιπώρου συναγωγῆς ἐκείνης πρὸς αὐτὸν λέγων· Καὶ πῶς εἴχομεν πιστεῦσαι αὐτῷ λέγοντι υἱὸν αὐτὸν εἶναι τοῦ Θεοῦ καὶ ἴσον ἑαυτὸν ποιῶν κατὰ πάντα τῷ Θεῷ τῷ τοῦ νόμου, σοῦ μὴ καθαρῶς περὶ Θεοῦ ἡμῖν δηλώσαντος, ἀλλὰ περὶ προφήτου εἰρηκότος, ὅτι ἀναστήσει κύριος ὁ Θεὸς προφήτην ἐκ τῶν ἀδελφῶν ὑμῶν, ὡς ἐμέ; Καὶ εἰ ὁ Θεὸς ἔμελλεν ἀναστῆσαι προφήτην, πῶς εἴχομεν δέξασθαι αὐτὸν ὡς Θεόν; ἡ γὰρ περιοχὴ τοῦ νόμου περὶ προφήτου, φησί, μαρτυρεῖ. Ἔφη Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Προφήτην εἶπον αὐτὸν ὑμῖν, ὡς ἐμέ, διὰ τὴν αὐτοῦ ἐνανθρώπησιν, ἐπειδὴ Θεὸς καὶ ἄνθρωπος εἷς ὁ αὐτὸς ἦν καὶ προφήτης καὶ βασιλεύς· τέλειος γὰρ ὢν Θεός, γέγονε καὶ τέλειος ἄνθρωπος ἐν δυσὶ τελείαις ταῖς φύσεσιν, ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως καὶ ἀναλλοιώτως· διὰ τοῦτο προφήτην αὐτὸν καὶ ἀδελφὸν ὑμῶν ἐν τῷ νόμῳ δεδήλωκα. Περὶ δὲ τῆς θεότητος αὐτοῦ αὐτὰ τὰ παρ' αὐτοῦ τελούμενα ἐξαίσια καὶ φρικτὰ καὶ πάντα (f. 309 r.) ὑπερβαίνοντα ἔργα, ἃ οὐδεὶς ἄλλος πεποίηκε, μαρτυρεῖ· εἴπερ τὴν ἀλήθειαν συνιδεῖν ἠθελήσατε, εἴχετε ἂν αὐτὴν ἡλίου δίκην ἐν τῷ κόσμῳ λάμπουσαν καὶ αὐτοῖς τοῖς ἀψύχοις λίθοις, μή τί γε λογικοῖς ἀνθρώποις δεικνύοντα αὐτὸν καὶ μαρτυροῦντα, ὅτι Θεός ἐστιν, ἀλλ' ὁ φθόνος καὶ ἡ ἐνοικοῦσα ἐν ἡμῖν κακία καὶ πονηρία καὶ ἡ ἄπειρος ἀλαζονία οὐκ εἴασεν ὑμᾶς τὸ δέον συνιδεῖν καὶ τὸ ἴδιον ἁρπάσαι ἀγαθὸν καὶ καταδέξασθαι τὸν ἐλθόντα Σωτῆρα Θεὸν φιλανθρώπως ἐφ' ὑμᾶς· διὰ τοῦτο δέξεται ὑμᾶς ἡ τοῦ αἰωνίου πυρὸς ἀτελεύτητος γέεννα, ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς διὰ τῶν οἰκείων ἔργων ἐξεκαύσατε. Οὐαὶ ὑμῖν, ἐλεεινοὶ καὶ ταπεινοί, ὅτι οὐκ ἐγένετο ὑμῖν διὰ φροντίδος πιστεῦσαι τῷ ὀνόματι αὐτοῦ τῷ ἁγίῳ καὶ σωθῆναι, ἀλλ' ἐματαιώθητε τῇ ἀγνωμοσύνῃ

ὑμῶν καὶ ἐπωρώθητε τὴν καρδίαν μὴ προσδεξάμενοι αὐτόν. Λέγουσι πρὸς αὐτὸν ἐκεῖνοι· Μεμνημένοι, ὦ δέσποτα, τῶν σημείων καὶ τῶν τεραστίων τῶν ἐξαισίων ἐκείνων, ὧνπερ αὐτὸς ἐν Αἰ(f. 309 v.)γύπτῳ καὶ ἐν Ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ καὶ ἐν ἐρήμῳ καὶ ἐν παντὶ τόπῳ νεύματι Κυρίου τετέλεκας, ἐκραταιούμεθα μὴ εἶναι ἑτέραν πίστιν πάρεξ τῆς δοθείσης ἡμῖν ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ διὰ σοῦ· νῦν οὖν παρακαλοῦμέν σε, ὡς μιμητὴν αὐτοῦ, ἐπικαμφθῆναι ἡμῖν καὶ προσάξαι ὑπὲρ ἡμῶν δέησιν πρὸς αὐτόν, ὅπως ἵλεως ἡμῖν καὶ εὐδιάλλακτος γένηται διὰ σοῦ, καὶ ἀποστρέψῃ ἀφ' ἡμῶν τὸν θυμὸν αὐτοῦ καὶ τὴν δικαίαν ἀπειλήν, ὅτι πολλὰ εἰς αὐτὸν κακῶς ἐβλασφημήσαμεν. Ἔφη Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Ἐγὼ ἤμην ἐν μέσῳ τῶν πατέρων ὑμῶν ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ καὶ ἑώρακα τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα, ὡς ἦν δυνατὸν ἀνθρώπῳ θεάσασθαι αὐτόν, τὸν νῦν κρίνοντα καὶ κολάζοντα πάντας τοὺς μηδέποτε μετανοήσαντας, καὶ πλεῖστα θαυμάσια καὶ τεράστια μέγιστα καὶ φρικτὰ ἐνεδειξάμην ὑμῖν, ἅτινα ὁρῶντες τελούμενα οὐκ ἐπιστεύσατε, ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ Θεὸς καὶ ποιητὴς τοῦ νόμου. Εἰ οὖν ἐκείνῳ τοσαῦτα ὑμῖν καὶ τηλικαῦτα τερατουργήσαντι οὐκ ἐπιστεύσατε (f. 310 r.) ἀοράτῳ δυνάμει καὶ ἰσχύϊ θείκῃ ταῦτα πάντα τελοῦντι, πῶς τῷ μονογενεῖ αὐτοῦ Υἱῷ μετὰ σαρκὸς ἐληλυθότι ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ὁμοιωθέντι κατὰ πάντα ἡμῖν, πλὴν μόνης τῆς ἁμαρτίας, εἴχετε πιστεῦσαι καὶ ὡς Θεὸν αὐτὸν δέξασθαι; ἔτι οὖν ἐν τῇ ἀπιστίᾳ ὑμῶν μενόντων καὶ μὴ θελόντων τοῦ σκότους τῆς ἀσεβείας ἀνακύψαι καὶ πρὸς τὸ φῶς τῆς ἀληθείας ἐλθεῖν, πῶς αὐτὸς δεηθήσομαι περὶ ὑμῶν τῶν οὕτως ἀχαρίστων περὶ τὸν εὐεργέτην, τῶν οὕτως ἀγνωμόνων περὶ τὸν ἐλευθερωτήν, τῶν οὕτως ἑκουσίων πρὸς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον αὐτομολησάντων; καὶ γὰρ καὶ ἐκτὸς τῆς εἰς αὐτὸν ἀπιστίας ὑμῶν, αὐτὰ τὰ ἔργα ὑμῶν πονηρὰ πεφύκασι, πλήρη ἐκδικήσεως καὶ ἀνταποδόσεως.

Ταῦτα αὐτοῦ πρὸς αὐτοὺς λαλήσαντος, προτροπῇ κυρίου τοῦ Θεοῦ ἀπέστη ἀπ' αὐτῶν καὶ ᾤχετο ὅθεν ἐλήλυθεν ἐν μεγάλῃ δοξῃ καὶ τιμῇ· αὐτοὶ δὲ ἐν κραυγῇ μεγάλῃ τὸν Θεὸν τοῦ νόμου ἔτι ἐπικαλοῦντο καὶ μετὰ δακρύων ἔλεγον ἐκ καρδίας στενάζοντες καὶ γοερῶς ὁμοθυμαδὸν ὀλολύζοντες (f. 310 v.)· Ὁ Θεὸς τῶν Πατρῶν ἡμῶν Ἀβραάμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ, ὁ Θεὸς τοῦ νόμου, ἐλέησον καὶ σῶσον

ἡμᾶς ἀπὸ τῆς χαλεπῆς ὥρας ταύτης, καὶ ἀπόστρεψον τὸν θυμόν σου ἀφ' ἡμῶν διὰ σπλάγχνα ἐλέους σου· πλὴν γὰρ σοῦ ἕτερον Θεὸν οὐκ οἴδαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς Θεὸν ἀλλότριον.

Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ αὐτοὺς ἰσχυρῶς μετ' οἰμωγῆς κράζειν τοὺς λόγους τούτους, ἰδοὺ ἄφνω ἀστραπὴ φοβερὰ ἤστραψε καὶ ἐφηπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης, καὶ αὐτὴ οὐχ' ὑπενόστει καὶ ἠφανίζετο, ἀλλὰ διέμενε ξενοτρόπως καὶ καθωρᾶτο τηλαυγῶς ὑπὸ πάντων ἐφηπλωμένη ἐφ' ὅλην τὴν γῆν· καὶ ἰδοὺ μετ' αὐτὴν ἑτέρα πάλιν ἔνδον αὐτῆς ἀστραπὴ λευκὴ ὑπὲρ χιόνα ἐφήπλωτο καὶ μέσον αὐτῆς αὖρα λεπτὴ ἀσύγκριτον ἔχουσα καὶ τὴν ἰδέαν καὶ τὴν πνοήν· καὶ ἄμφω αὗται παραγενόμεναι ἐπεσκίασαν τὸν Θεὸν Λόγον καὶ κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν δίκαιον κριτὴν καὶ ἐξεταστὴν καὶ ἐκδικητὴν πάντων ἡμῶν, πρὸς αὐτὸν ἐπισῦσαι γαληνομόρφως, καὶ τούτῳ ἀῤῥάστως ἐπα(f. 311 r.)ναπαυσάμεναι ἐπεκάλυψαν αὐτὸν τέλεον, ὥστε τὸ σύνολον παρ' ἡμῶν μὴ ὁρᾶσθαι, καὶ ἤνεσαν αὐτὸν, ὡς Θεὸν καὶ κριτὴν τοῦ παντὸς, σὺν τῷ ἀνάρχῳ Πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ αὐτοῦ Πνεύματι αἱ παριστάμεναι αὐτῷ πᾶσαι θεῖαι δυνάμεις τῶν οὐρανῶν, καὶ ὑπῆρχον ὑπότρομοι ἐν ἀγωνίᾳ καὶ φόβῳ πολλῷ συνεχόμεναι. Καὶ γενομένης διαστολῆς ἐν τῇ συσχούσῃ φωτεινοτάτῃ νεφέλῃ τὸν κύριον κατέναντι τῆς ὄψεως τοῦ θείου προσώπου αὐτοῦ, ἰδοὺ θρόνος ἕτερος παραπλησίως τῷ τῆς κρίσεως θρόνῳ καθωρᾶτο ἡμῖν, καὶ ἐπ' αὐτῷ, ὡς παλαιὸς ἡμερῶν, ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ ὡρᾶτο ἐπαναπαυόμενος, συνεδρεύων τῷ μονογενεῖ Υἱῷ αὐτοῦ καὶ Λόγῳ· καὶ ὡς ταῦτα ἐθεάσατο τὰ φρικωδέστατα καὶ ἐξαίσια θεάματα ἡ ἀναρίθμητος ἐκείνη συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων, σφόδρα ἐξεπλήσσετο καὶ ὡσεὶ φύλλον δένδρου ἐκλονεῖτο καὶ ἔτρεμε. Καὶ ἰδοὺ φωνὴ ὡς ἠχούσης σάλπιγγος ἀπὸ τῆς ἐπαναπαυομένης θείας αὔρας αὐτῷ λυγηρῶς (f. 311 v.) ἐξηχεῖτο, λέγουσα πρὸς τὴν ἐλεεινὴν καὶ ταλαίπωρον ἐκείνην συναγωγὴν οὕτως· Τίνα ἡμεῖς ἕτερον ἐπικαλεῖσθε Θεὸν τῶν πατέρων ὑμῶν καὶ Θεὸν τοῦ νόμου; οὐχ' οὗτός ἐστιν ὁ μονογενής μου Υἱὸς καὶ Λόγος, ὃν ἀπέστειλα ὑμῖν εἰς τὸ σῶσαι ὑμᾶς; ὑμεῖς δὲ οὐ μόνον αὐτὸν οὐκ ἐδέξασθε, ἀλλὰ καὶ θανάτῳ ἀτίμῳ ἀδίκως αὐτὸν παρεδώκατε, ὃν νῦν ὁρᾶτε ἐν δεξιᾷ τῆς ἐμῆς μεγαλοσύνης κριτὴν καθεζόμενον· ἵνα τί καὶ ἔτι νῦν με χωρίζειν βούλεσθε τοῦ

ἀχωρίστως μοι ἀεὶ συνόντος καὶ συνυπάρχοντος Υἱοῦ μονογενοῦς; εἰ οὖν οὕτω τοῦτο ἐμάθετε καὶ ἐδιδάχθητε, κἂν ἀρτίως γνῶτε τε καὶ αἰσχύνθητε, ὅτι ἐγὼ καὶ ὁ ἀγαπητός μου Υἱὸς ἕν ἐσμεν, καὶ ὁ τοῦτον μισήσας ἐμὲ πρῶτον μεμίσηκε τὸν γεννήσαντα αὐτόν, καὶ ὁ ἀπιστῶν αὐτῷ ἐμοὶ ἀπιστεῖ. Ἐγὼ γὰρ προδεδήλωκα ὑμῖν διὰ τῶν ἀπ' αἰῶνος προφητῶν μου περὶ τῆς εἰς ὑμᾶς διὰ τὴν ὑμῶν σωτηρίαν ἐνσάρκου ἐλεύσεως αὐτοῦ, ποτὲ μὲν αὐτὸν ὑετὸν ὀνομάζων, λέγων· Καταβήσεται, ὡς ὑετὸς ἐπὶ πόκον (f. 312 r.), ποτὲ δὲ ἄστρον ἀποκαλῶν, λέγων· Ἀνατελεῖ ἄστρον ἐξ Ἰούδα, ποτὲ δὲ καὶ ἄνθρωπον αὐτὸν ὑπεμφαίνων, ἔφην· Ἰδοὺ, ἡ παρθένος ἐν γαστρὶ ἕξει καὶ τέξεται υἱόν, καὶ Θεὸν δὲ τέλειον αὐτὸν ὅμοιον ἐμοὶ κατὰ πάντα τῷ γεγεννηκότι αὐτὸν ἀρρεύστως πρὸ τῶν αἰώνων, πλὴν τῆς ἀγεννησίας, ὑποδεικνύων ἐνετειλάμην· Καὶ καλέσουσι τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἐμμανουὴλ, ὅτι δὲ εἰς αὐτὸν ἔμελλον πιστεῦσαι πάντα τὰ ἀλλόφυλα ἔθνη εἴπερ ὑμεῖς, προσεθέμην λέγων· Καὶ αὐτὸς ἔσται προσδοκία ἐθνῶν· καὶ ἀλλαχοῦ πάλιν ὑμῖν ὑπεσήμανα λέγων· Προφήτην ὑμῖν ἀναστήσει κύριος ὁ Θεός. Οὐκ ἐπειδὴ μετὰ τοσαύτης μαρτυρίας οὐκ ἐδέξασθε αὐτὸν παραγενόμενον ἐπὶ σωτηρίαν ὑμῶν, οὐκ ἔστιν ὑμῖν μερὶς ἢ κλῆρος ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν.

Μετὰ δὲ τὸ συντελέσαι τοὺς λόγους τούτους τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα πρὸς αὐτοὺς διὰ τῆς φρικωδεστάτης σάλπιγγος ἐκείνης, ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν καὶ προσέταξε τοῖς ἐπὶ τῶν κολάσεων οὖσι φρι(f. 312 v.)κτοῖς ἀγγέλοις ἀπαγαγεῖν αὐτοὺς εἰς ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἡτοίμασαν γέενναν τοῦ πυρός· οἵτινες ὥσπερ ἀετοὶ ἀγεληδὸν καταπτάντες διήρπασαν καὶ διέσπειραν αὐτοὺς ἐπὶ πάσης τῆς φοβερᾶς ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός· καὶ ἦν ἰδεῖν φοβερώτατον θέαμα, πλῆρες θάμβους καὶ ἐκπλήξεως, πῶς κατεκρήμνιζον αὐτοὺς βιαίως τύπτοντες ῥάβδοις πυρίνοις ἀνηλεῶς ἐν τῇ γεέννῃ τῆς ἀτελευτήτου φλογὸς, μέχρις ἂν εἰς τέλος ἐξέλιπον. Καὶ οὗτοι πάντες ἐδίδουν θρῆνον καὶ ὀδυρμὸν μέγαν σφόδρα, ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτείρων αὐτούς. Καὶ ἐγένετο μετὰ τὸ συντελεσθῆναι καὶ χωνευθῆναι πᾶσαν τὴν συναγωγὴν ἐκείνην τῆς παφλαζούσης φρικτῆς ἐκείνης πυρκαϊᾶς, καὶ ὡς οὐκ ὄντες οἱ ταλαίπωροι παραχρῆμα καθωράθησαν, ὁ μὲν οὖν θρόνος καὶ ἡ ἑτοιμασία τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς ἤρθη καὶ

ἔνδον τοῦ θυσιαστηρίου μέσον ὑπερανεστηκότος τῆς ἐξαισίας ἐκείνης μεγαλοπόλεως εἰσέδυ καὶ ἐν αὐ(f. 313 r.)τῷ κατέπαυσεν, ὁ δέ γε τούτου μονογενὴς Υἱὸς καὶ κριτὴς ζώντων καὶ νεκρῶν, ἔτι περὶ τὴν θαυμαστὴν πύλην τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης ἱστάμενος, προσέθετο τοῦ ἀνταποδοῦναι τοῖς ὑπολοίποις τῶν ἁμαρτωλῶν.

Καὶ ἰδοὺ προσήχθη αὐτῷ ἑτέρα συναγωγὴ πονηρὰ καὶ παμβέβηλος ὑπὲρ πάσας τὰς προλαβούσας ἀκαθάρτους συναγωγάς, καὶ ἔστη κατέναντι τοῦ προσώπου αὐτοῦ, κατάρᾳ φρικωδεστάτῃ πιεζομένη καὶ μῖσος χαλεπὸν ἐπὶ τοῦ προσώπου αὐτῆς φέρουσα, ὧν οἱ ὀφθαλμοὶ πλήρεις γνόφου καὶ σκότους, τὰ δὲ ὦτα ἀκοὴν ἔχοντα πονηράν, καὶ ἡ ὄσφρησις τῆς ὀσμῆς τοῦ θανάτου ἀνάπλεως, ἐν δὲ τῷ μετώπῳ αὐτῶν ἐγγέγραπτο Σατᾶν, καὶ ἐν τῇ δεξιᾷ χειρὶ δηλοῦσα ἦν ἐπιγραφὴ· ἄρνησις, καὶ ἐπὶ τοῖς ποσὶν αὐτῶν χολέρα ἀψινθίου, καὶ ἐν τοῖς στόμασιν αὐτῶν ἦν παραπικρασμός, ἡ δὲ περιβολὴ αὐτῶν ὑπῆρχε λίαν δυσειδής, (f. 313 v.) οἱονεὶ δέρματα μυῶν ὡς ἂν εἴποι τις ἐν ταὐτῷ συναφθέντα καὶ συρρανθέντα. Καὶ ὡς ἔστη ἡ συναγωγὴ αὕτη κατὰ πρόσωπον τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπιβλέψαι αὐτὸν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἰδόντα τὴν τοσαύτην ἀκαθαρσίαν καὶ ἀηδίαν αὐτῶν, θυμὸς αὐτῷ ἄσχετος ἐξεκαύθη ἐπ' αὐτοὺς καὶ παρεκελεύσατο τῷ ἀρχιστρατήγῳ διὰ τῆς σάλπιγγος λέξαι πρὸς αὐτούς· καὶ φησὶν ἡ σάλπιγξ· Ὦ κατάρατοι καὶ πα[μ]βέβηλοι, οἱ κακῶς ἀπολλύμενοι, δι' ἣν αἰτίαν ἐμὲ τὴν πηγὴν τῶν ἀγαθῶν, τὴν κρήνην τῆς ἀθανασίας, τὴν ἀεννάως τοῖς εἰς ἐμὲ πιστεύουσι βλύζουσαν σωτηρίαν καὶ τὴν ἀγήρω ζωὴν πηγάζουσαν, τὸν σωτῆρα καὶ κύριον, τὸν παροχέα τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας καταλιπόντες, τῷ Σατανᾷ προσεκολλήθητε καὶ χριστιανοὶ ὄντες, ἐμὲ τὸν Χριστὸν ἀρνησάμενοι, τῷ ἀντιχρίστῳ προσῳκειώθητε; ποίῳ δὲ τρόπῳ τὸ θεῖον καὶ σωτηριῶδες βάπτισμα ἀπεκδυσάμενοι τῷ τῆς ἀπωλείας δαίμονι προσήλθετε καὶ συνετάξασθε; ἆρά τι ἀ(f. 314 r.)γαθὸν προσεδοκᾶτε παρ' αὐτοῦ καὶ ἠλπίζετε εὑρεῖν καὶ ἀπολαβεῖν, ἢ πάντως γέενναν πυρὸς ἀσβέστου καὶ τάρταρον καὶ σκότος ἐξώτερον, σκώληκά τε ἀκοίμητον καὶ κλαυθμὸν ἀπαράκλητον καὶ πᾶσαν ἄλλην ἔνδικον κρίσιν κολάσεως, ὑποκειμένην αὐτῷ σὺν πᾶσι τοῖς πειθαρχήσασιν αὐτῷ ἐν τῇ προσκαίρῳ καὶ ματαίᾳ τοῦ γηίνου βίου ζωῇ, ἐμοῦ

τοῦ δικαίου κριτοῦ ἀνηλεῶς ὑμῖν ἀνταποδιδόντος; οὐ γὰρ οἰκτειρήσω τοὺς ἐργαζομένους τὴν ἀνομίαν καὶ διὰ μετανοίας μὴ μετανοήσαντας, ἀλλὰ πάντας ἅμα ἐκείνῳ τῇ αἰωνίῳ κολάσει παραδώσω. Ταῦτα αὐτοῦ εἰρηκότος διὰ τῆς ἀρχαγγελικῆς σάλπιγγος πρὸς αὐτοὺς, εὐθέως ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν εἰπὼν οὕτως· Τοὺς ἐμὲ ἀρνησαμένους καὶ τῷ ἀντιχρίστῳ προσελθόντας καὶ πεπιστευκότας ἄρατε ἀποτόμως ἐντεῦθεν κἀκεῖ τούτους κατακληρώσατε, ὅπου καὶ ὁ κύριος καὶ θεὸς αὐτῶν σὺν τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ καταδεδίκασται, ὡς ἂν ἔδον(f. 314 v.)-ται ἀξίως τοὺς καρποὺς τῶν πόνων αὐτῶν. Εὐθὺς οὖν ὃν τρόπον ἱέρακες ὀξυπετεῖς πεινῶντες ἐπ' ἄγραν θᾶττον καταφέρονται, οὕτω καὶ οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρὸς ὀξέως ἐπιφοιτήσαντες ῥοιζηδὸν ἐπ' αὐτοὺς ἐρχόμενοι τοὺς μὲν τῶν τριχῶν ἅραντες καὶ βίᾳ ἕλκοντες, τοὺς δὲ μετὰ πυρίνων σιδηρῶν ῥοπάλων τύπτοντες ἀνηλεῶς καὶ οἱονεὶ λίθοις πεπυρακτωμένοις συνθλῶντες εἰς τὸν φοβερὸν κρημνὸν ἐκεῖνον τῆς ἀβύσσου τοῦ πυρὸς, ὅπου ὁ διάβολος καὶ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ φοβερῶς τιμωροῦνται καὶ βασανίζονται, ἐκεῖ αὐτοὺς κατεκρήμνισαν ἄνωθεν. Καὶ κατεφέροντο τῇ κολαστικῇ ἀβύσσῳ οἱ δυστυχέστατοι κατακρημνιζόμενοι ἀποτόμως κατὰ κεφαλῆς, καὶ αἱ βοαὶ αὐτῶν ἰσχυρῶς ἐξηκούοντο καὶ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἐν πικρίᾳ ψυχῆς εἰς βοήθειαν ἐπικαλοῦντο· καὶ οὐκ ἦν ὁ βοηθῶν ἢ ὁ λυτρούμενος αὐτοὺς ἀπὸ τῆς φρίκης ἐκείνης τῆς μεγάλης ἀνάγκης.

(f. 315 r.) Καὶ προσέσχον ἐγὼ ἐν τῇ τοιαύτῃ ὀπῇ τοῦ ἀβυσσιαίου κρημνοῦ ἐκείνου, καὶ ἠκροώμην τῶν στεναγμῶν καὶ τῶν ὀδυρμῶν τῶν μετὰ τοῦ Σατανᾶ τιμωρουμένων, καὶ ἀνήρχετο εἰς τὰ ὦτά μου ἑνός τινος ὀδυρομένου κραυγὴ ὑπερηχοῦσα τὰς τῶν ἄλλων ἁπάντων βοὰς καὶ διηρθρωμένως τοῖς ὠσί μου προσβάλλουσα, ὅθεν καὶ σχολαιότερον ἠκροώμην αὐτῆς ἐχούσης ἐπὶ λέξεων οὑτωσὶ, ποτὲ μὲν, ὡς ἐφ' ἑαυτοῦ τινός μαινομένου καὶ πειρωμένου κατεσθίειν τὰς ἰδίας σάρκας καὶ πρὸς ἑαυτὸν πικραινομένου, ποτὲ δὲ ὡς ἐξατονοῦντος καὶ ἠρέμα πρὸς ἑαυτὸν ὡς μετά τινος διαλεγομένου καὶ φάσκοντος· Οὐαί, οὐαί, ἐσταυρωμένε κρυπτὲ Θεὲ καὶ ἄνθρωπε τὸ συναμφότερον, ὅτι πλεῖστοι εἰς σὲ ἠπατήθησαν καὶ ἐβλασφήμησαν καὶ διὰ τὰ παθήματά σου ἠγνόησαν τίς εἶ, καὶ οὐ προσεδέξαντό σε ὥσπερ κἀγὼ, ὁ τρισάθλιος καὶ ταλαίπωρος, ἐξ οἰκείας ἀφροσύνης μὴ θελήσας συνιδεῖν κἂν εἰς τὰ

τῶν ὑπ' ἐμοῦ τιμωρουμένων (f. 315 v.) ἁγίων σου θαύματα· καὶ δικαίως τῷ πυρί κατακαίομαι, ἐν γὰρ τῷ ματαίῳ βίῳ καὶ τῇ προσκαίρῳ καὶ ἐπαράτῳ μου ζωῇ οὐδὲ ἀκοῦσαι ἠνεσχόμην περὶ τοῦ παναχράντου καὶ ἁγίου ὀνόματός σου. Καὶ πάλιν ὡς δῆθεν μεταμελόμενος, ἔλεγε· Ναί, δέσποτα ὕψιστε, σὺ μόνος ἅγιος, σὺ μόνος ὕψιστος, σὺ μόνος κύριος τῶν κυριευόντων Ἰησοῦς Χριστός, εἰς δόξαν Θεοῦ Πατρός, ἀμήν· ἀκουσίως οὖν καὶ μὴ βουλόμενος, κἂν ἄρτι ὁ ἐχθρός σου καὶ πικρὸς διώκτης ἐγώ, κύριον καὶ Θεόν καθομολογῶ σε ἐν πυρὶ ἀσβέστῳ αἰωνίως τιμωρούμενος. Οὐαί, εἴ τις, δέσποτα, οὐκ ἠγάπησεν, οὐαί, εἴ τις τῇ φοβερᾷ καὶ φρικτῇ σου συγκαταβάσει ἠγνομόνησεν, οὐαί, εἴ τις Θεόν σε ἀληθινὸν οὐκ ἐγνώρισε καὶ ὁλοτρόπως ἠγάπησε καὶ προσεκύνησεν ὡς κριτὴν ζώντων καὶ νεκρῶν· οὐαί, εἴ τις τὴν ἔνσαρκόν σου οἰκονομίαν οὐκ ἐδέξατο· οὐαί, εἴ τις εἰς τὸ ὄνομά σου τὸ ἅγιον οὐκ ἐπίστευσεν, οὐαί, εἴ τις εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ (f. 316 r.) Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος οὐκ ἐβαπτίσθη, οὐαί, ὄντινα τὰ σὰ φρικτὰ μυστήρια παρέλαθον καὶ παρέδραμον, οὐαί, εἴ τις τὴν σὴν καὶ μόνην βασιλείαν οὐκ ἠγάπησεν ὁλοψύχως καὶ πάντα ὡς σκύβαλα καὶ καπνὸν καὶ ὡς ἱστὸν ἀράχνης ἐλογίσατο· οὐαὶ καὶ πάλιν ἐρῶ τὸ οὐαί, καὶ πάλιν εἴποιμι ἄν οὐαί καὶ μάλιστα οὐαί, πρῶτον ἐμοὶ τῷ θεομάχῳ καὶ τοῖς ὁμοίοις ἐμοὶ κατὰ σοῦ τοῦ Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἐκμανεῖσι καὶ τῶν σῶν γνησίων δούλων καὶ θεραπόντων, εἶτα καὶ πᾶσιν ἁπαξαπλῶς οὐαὶ τοῖς ἐπεγνωκόσι μὲν καὶ πιστεύσασι εἰς αὐτόν, μὴ φυλάξασι δὲ τὰς ἁγίας αὐτοῦ ἐντολὰς καὶ διὰ μετανοίας κἂν ἐν τῷ τέλει τῆς ἐπωδύνου καὶ πονηρᾶς ζωῆς αὐτῶν, ὡς ἐγώ, μὴ θελήσασιν ἐπιστρέψαι καὶ ἐξομολογήσασθαι καὶ ἱλεώσασθαι αὐτὸν προθανεῖς. Καὶ πάλιν ἀπὸ βάθους καρδίας στενάζων καὶ μυκώμενος, ὡσεὶ δέκα βοῶν ὁμόφωνον βοήν, ἔλεγεν· Οὐαί μοι, ὅτι κατεκάην, ἀλλ' οὐχ ὑποφέρω· (f. 316 v.) οὐαί μοι, ὅτι ἐμπεπύρισμαι καὶ πλήρωμα οὐκ ἔστιν ἐν ἐμοὶ τῆς κολάσεως· οὐαί μοι, ὅτι μυριάδες πρηστηρίων καὶ σκηπτῶν κατεσθίουσι καὶ κατατήκουσί μου πάντα τὰ μέλη. Ὦ εὐεργέτα θάνατε, ποῦ ἦσθα νῦν, ἵνα ἐλθὼν τῶν τηλικούτων καὶ τοσούτων ἀπήλλαξάς με δεινῶν ὀδυνῶν; ὄντως οἴχῃ νῦν ἐξ ἀνθρώπων καὶ ὅλως, καὶ τῶν χαλεπῶν λύσις τοῦ λοιποῦ οὐκ ἔσται ἡμῖν τοῖς ἐλεεινοῖς καὶ

ταλαιπώρους· εἴθε μὴ ἐγεννήθημεν. Καὶ πάλιν τετρυγὼς τοὺς ὀδόντας καὶ ἀπὸ βάθους τῆς καρδίας ἀναβρασσομενος ἔλεγεν· Οὐαί μοι τῷ ἀθλίῳ, ὅτι οὕτως ἔμελλον ἐμπυρίζεσθαι ἐν τῇ ἀσβέστῳ φλογὶ ταύτῃ· ὢ οἵων ἔτυχον ἀμοιβῶν τῶν βεβήλων μου πράξεων· τίς ἄρα ἠπίστατο ὅτι οὕτως ἔσται ἡμῖν τοῖς ἁμαρτωλοῖς καὶ οὕτως ἡμῖν ἀπαντήσει μετὰ τὴν ἐκεῖθεν ἀποβίωσιν; οὐαί μοι, οὐαί μοι, ὅτι διδασκόμενος καθ' ἑκάστην ὑπὸ τῶν ὑπ' ἐμοῦ δεινῶς καὶ ἀνηλεῶς τυραννομένων μαρτύρων Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ καὶ ἀθανάτου βασιλέως, οὐκ ἤθελον (f. 317 r.) συνιέναι καὶ παραδέξασθαι τὴν αὐτῶν διδαχὴν καὶ πιστεῦσαι εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἢ κἂν τῶν ἀνεικάστων ἐκείνων κολαστηρίων, ὡς ὁμοφύλους, ῥύσασθαι αὐτούς· καὶ κἂν ἀρτίως ἀνεκτοτέρα μοι ἔστιν ἡ κόλασις. Καὶ πάλιν στένων πικρῶς ἑαυτὸν κατηρᾶτο λέγων· Οὐαί σοι, ἐπάρατε Διοκλητιανὲ καὶ τρισκατάρατε, ὅτι βασιλεὺς ὠνομάσθης καὶ ἐπεφημίσθης πρὸ μικροῦ ἐπὶ γῆς καὶ ὑπὸ πάντων προσκυνήθης, καὶ οὐκ ἔγνως ὅτι ἡ πρόσκαιρός σου βασιλεία διὰ τῶν θεοστυγῶν σου ἔργων τῆς συνεχούσης κολάσεως τοῦ πυρὸς πρόξενος πέφυκεν· ὢ τῆς σῆς μανίας καὶ ἀφροσύνης, ὅτι θάνατον οὐκ ἤλπιζες οὐδὲ μέλλουσαν κρίσιν. Οὐαί σοι καὶ ἀνάθεμα ἔστω σοι, ὅτι οὐκ ἠσθάνου εἰς χεῖρας ἐμπεσεῖν βασιλέως φρικωδεστάτου, ἀλλ' ἤλπιζες αἰωνίως καθέξειν τὴν βασιλείαν καὶ ἀδιαδόχως· ἰδοὺ βασιλεία αἰώνιος, ἰδοὺ βασιλεὺς ἀδιάδοχος, ἰδοὺ κριτὴς ἀθάνατος, ἰδοὺ ἐξουσία φρικωδεστάτη, ἥτις οὐ δια(f. 317 v.)φθαρήσεται καὶ λαῷ ἑτέρῳ οὐχ ὑπολειφθήσεται. Φεῦ ὧδε ἀνάγκαι ὑπὲρ πάσας ἀνάγκας, ὧδε ὀδύναι δριμεῖαι καὶ βαρεῖαι ὑπὲρ πάσας ὀδύνας, ὧδε φόβος καὶ τρόμος εἰς ἡμᾶς τοὺς μὴ ἐπεγνωκότας αὐτὸν μόνον εἶναι τὸν ὑπὸ πάντων κηρυττόμενον Χριστὸν, βασιλέα καὶ κριτὴν καὶ ἐξεταστὴν ἔργων τε καὶ λόγων καὶ ἐννοιῶν, εἰς δὲ τοὺς εἰς αὐτὸν πιστεύσαντας καὶ τὰς αὐτοῦ θείας ἐντολὰς ἀπαρατρώτους φυλάξαντας χαρὰ ἀδιάδοχος ὑπὲρ πάσας χαράς, εὐφροσύνη ἀπέραντος ὑπὲρ πᾶσαν εὐφροσύνην, αἰώνιος ἀγαλλίασις, ζωὴ ἀθάνατος, τέρψις καὶ θυμηδία ἀκόρεστος καὶ τρυφὴ ἀτελεύτητος.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνου βοῶντος ἐν στεναγμῷ καρδίας καὶ διαλεγομένου, ἔφην ἐγὼ πρὸς τὸν ὁδηγοῦντά με θαυμαστὸν νεανίαν· Κύριε, τίς ἐστιν οὗτος ὁ ἐλεεινὸς καὶ ταλαίπωρος ὑπὲρ

τοὺς ἄλλους πάντας οὕτω πικρῶς θρηνωδῶν; Λέγει ἐκεῖνος πρός με· Αὐτός ἐστιν ἐκεῖνος, ὃν πολλάκις ἀκήκοας διώκτην Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν καὶ τύραννον τῶν αὐτοῦ θεραπόντων ἁγίων μαρ(f. 318 r.)τύρων ὀφθέντα καὶ ἀναδειχθέντα ὑπὲρ τοὺς ἄλλους πάντας ἀσεβεῖς καὶ βεβήλους διώκτας καὶ τυράννους τῶν χριστιανῶν, Διοκλητιανός.

Ἐπεὶ δὲ τῶν τοιούτων ὀδυρμῶν καὶ κωκυτῶν ἀρκούντως ἐπλήσθησαν αἱ τῆς ψυχῆς ἡμῶν αἰσθήσεις καὶ ἀκοαί, τούτων μὲν τῆς ἠχῆς ἀπέστημεν πρὸς δὲ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν δίκαιον κριτήν, ἔτι πρὸς τῇ πύλῃ τῆς ῥηθείσης ἐκείνης ὡραίας τῷ ὄντι καὶ ἐξαισίας πόλεως φοβερῶς ἱστάμενον καὶ κατ' ἀξίαν ἑκάστῳ ἀποδιδόντα τῶν ἁμαρτωλῶν ἐν τῷ οἰκείῳ τάγματι, τὴν αἰσθητικὴν τοῦ νοὸς ἡμῶν ὅρασιν ἀπηωρήσαμεν καὶ κατανοοῦντες ὁρῶμεν ὡς συνετελέσθη καὶ ἐξέλιπε πᾶσα ἡ τῶν ἁμαρτωλῶν ὁμήγυρις καὶ τόπος οὐχ' εὑρίσκετο αὐτῶν, ἀλλὰ πάντων ἐμβληθέντων εἰς τὰς ἀποκειμένας αὐτοῖς τιμωρίας καὶ δεινὰς κολάσεις, καθὰ δὴ καὶ προεπηγγείλατο αὐτοῖς Κύριος ὁ Θεὸς ἔτι οὖσιν ἐν τῷ τῆς μετανοίας καιρῷ, προσσχόντες ἠκούσαμεν ὑμνωδίαν ξένην καὶ θεοπρεπεστάτην (f. 318 v.) ᾀδομένην ὑπὸ τῶν παρισταμένων τῷ ἀστέκτῳ καὶ θείῳ θρόνῳ τῆς κρίσεως θείων δυνάμεων· πλὴν οὐκ ἦδον οἱ ἅγιοι ἄγγελοι ἅμα, ἀλλὰ τάγματα τάγματα κατ' ἀξίαν ἕκαστον ἦδον τὴν τρισάγιον αἴνεσιν, ἀκαταπαύστῳ φωνῇ δοξάζοντες καὶ αἰνοῦντες τὸν δίκαιον κριτὴν τὸν ἑκάστῳ ἀποδιδόντα κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ. Τούτων τοιγαροῦν οὕτω θεοπρεπῶς ᾀδόντων τῶν θεοειδῶν ἀγγέλων, ἐνηχεῖτο ταῖς ἀκοαῖς ἡμῶν ἡδονή τις χαρᾷ καὶ φόβῳ σύμμικτος ἀπὸ τοῦ γλαφυροῦ καὶ ἐξαισίου μέλους ἐκείνου ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν ἐγγινομένη, καὶ ἐδονεῖτο τὰ πέρατα τῆς καινῆς ἐκείνης καὶ θεσπεσίας κτίσεως. Ταύτης δὲ τῆς ὑμνωδίας ληξάσης, ἕτερον μέλος ἡμῖν ἐξηκούετο ἔνδον τῆς ἁγίας πόλεως, ᾀδόντων κἀκεῖσε καὶ αἶνον εὐχαριστείας ἀναπεμπόντων τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ πάντων τῶν καταπαυσάντων ἐκεῖσε ἁγίων. Μετὰ δὲ τὸ παύσασθαι αὐτοὺς τὴν ἐμμελεστάτην καὶ καλὴν ἐκείνην ὑμνωδίαν, κλείσας ὁ Κύριος τὴν θαυμαστὴν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως, εἰσῆλθεν καὶ (f. 319 r.) κατέπαυσε καὶ αὐτὸς ἔνδον τοῦ θυσιαστηρίου τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου ναοῦ τοῦ ὄντος ἐν μέσῳ αὐτῆς, καὶ καθεσθεὶς ἐν τῷ θείῳ θρόνῳ τῆς δόξης αὐτοῦ προσέταξεν ἐνεχθῆναι ἔμπροσθεν αὐτοῦ πάσας

τὰς πνευματικὰς αὐτοῦ καὶ νοητὰς οὐρανίους στολὰς ἐξ ἀσυγκρίτων καὶ ἀνεκδιηγήτων νοητῶν διαυγειῶν ἰσχύϊ τῆς δυνάμεως αὐτοῦ φρικτῶς δεδημιουργημένας καὶ ἐξυφασμένας· καὶ προήνεγκαν αὐτῷ πάσας ἀρχάγγελοι θεῖοι ἐν τιμῇ καὶ δοξῃ ἀσυγκρίτῳ ἐπικομιζόμενοι αὐτὰς, ἀσυγκρίτους τῷ κάλλει καὶ τῇ ὡραιότητι μὴ ὑποκειμένας, ὑλικῷ τε νῷ ἀκαταλήπτους καὶ γλώσσῃ βροτείᾳ ἀνεκδιηγήτους, αἵτινες θεῖαι στολαὶ ἐτέθησαν πᾶσαι ἔμπροσθεν τῆς θείας δόξης αὐτοῦ, καὶ νεύματι αὐτοῦ θείῳ καλούμενοι πάντες οἱ ἅγιοι εἰσήρχοντο πρὸς αὐτὸν κατὰ τάξιν ἕκαστος αὐτῶν καὶ ἐλάμβανεν ἐκ χειρὸς Κυρίου τὴν ἀξίαν τῆς αὐτοῦ ἐργασίας παρὰ τοῦ παντεπόπτου ἐξυφανθεῖσαν ἀοράτως αὐτῷ θείαν στολήν. Ἐν πρώτοις γοῦν εἰσῆει πρὸς αὐτὸν (f. 319 v.) ἡ τῆς ἁγίας αὐτοῦ ἐνανθρωπήσεως μήτηρ καὶ τροφὸς χρηματίσασα, ἄχραντος καὶ ὑπέραγνος παρθένος Μαρία καὶ τῆς φρικτῆς αὐτοῦ οἰκονομίας ἀμόλυντος σκηνή· καὶ εὐθὺς ἐξενεγκὼν ὃν ἐπὶ τῆς ἁγίας καὶ ἀχράντου κορυφῆς αὐτοῦ ἐφόρει στέφανον φρικτὸν ἐκ πολυχρώων ἀνθέων καὶ λίθων τιμίων, μαργάρων νοητῶν ποικίλως καὶ θεϊκῶς τεχνουργημένον, τέθεικεν ἐπὶ τὴν ἁγίαν αὐτῆς κεφαλὴν ἐπειπὼν αὐτῇ· Δέξαι, ὦ μῆτερ μου, ταύτην τὴν ταινίαν καὶ δοξαν, ἣν ὁ Πατήρ μου ἐχαρίσατό μοι τρόπαιον τῆς κατὰ τοῦ διαβόλου καὶ τοῦ θανάτου νίκης, ἣν εἰργασάμην διὰ τῆς ἐκ σοῦ μοι δανεισθείσης θείας σαρκός. Ἔτι δέδωκεν αὐτῇ καὶ τὴν πρώτην στολὴν, ἥτις ἦν φρικτῶς ἐξυφανθεῖσα καὶ νοητῶς κατασκευασθεῖσα ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας βασιλικῆς ἐπουρανίου, ἣν αὐτὸς ἐνανθρωπήσας ἐνεδιδύσκετο· ἔτι δέδωκεν αὐτῇ ἑτέραν στολὴν, φοβεράν τινὰ καὶ ἀπόρρητον ἐνεργείᾳ τοῦ ἁγίου Πνεύματος κατασκευασθεῖσαν, περὶ ἧς λελάληται ἐν βίβλῳ Ψαλμῶν· Ἐν ἱματισμῷ (f. 320 r.) διαχρύσῳ περιβεβλημένη πεποικιλμένη· ἔτι ἐδόθησαν αὐτῇ καὶ ἑτέραι στολαὶ μυριοπλάσιαι φρικταὶ καὶ νοηταὶ, ῥοδοειδεῖς, χιονοφεγγεῖς, ἐρυθραὶ, κυαναῖ, ἐκ χροιῶν ἁπασῶν παντοκρατορικῇ χειρὶ κατασκευασθεῖσαι, καὶ εἰκασία ὑλικῆς ποιότητος ἐντίμου ἀνεικάστου καὶ ἀνεκδιηγήτου ἦν ἐν αὐταῖς, ἅσπερ ὑπεδέξατο ἀσμένως ἐν ταῖς ἀκηράτοις καὶ θείαις ὠλέναις αὐτῆς· καὶ τιμήσας αὐτὴν ὡς μητέρα, ὑπανέστη καὶ ἀνέπαυσεν αὐτὴν ἐν τῷ πλησίον αὐτοῦ ἑστῶτι θείῳ καὶ πυριμόρφῳ φρικωδεστάτῳ θρόνῳ τῆς δοξης αὐτοῦ, μεγαλύνας καὶ ἐπαινέσας αὐτὴν ἐνώπιον πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἁγίων, τῆς

τε ψυχικῆς καθαρότητος καὶ τῆς ἐν τοῖς δεινοῖς μεγαλοψύχου καὶ μεγίστης θείας ὑπομονῆς, καὶ πλέον πάντων τῶν θερμῶν αὐτῆς καὶ ἀεννάως χεομένων δακρύων τῆς χύσεως ὑπὲρ ἧς εἶχε πρὸς αὐτὸν ἐν τῷ κόσμῳ τελείας ἀγαπήσεως, ναὶ μὴν καὶ τῶν ἐκτενῶν προσευχῶν αὐτῆς ὧν ηὔχετο ὑπέρ τε τῶν Ἰουδαίων καὶ πάντων τῶν πιστῶν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ αὐτὸν ταύτῃ δοῦ(f. 320 v.)ναι τὰς ποικιλομόρφους ἐκείνας καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκατανοήτους στολὰς, εἶδομεν αὐτὸν ἀνεώξαντα κατενώπιον αὐτῆς τοὺς ἀθανάτους καὶ ἀειζώους θησαυροὺς πάντων τῶν ἀϊδίων καὶ ἀκηράτων καὶ νοητῶν ἐπιγείων τε καὶ ἐπουρανίων ἀγαθῶν, κατέστησεν αὐτὴν κυρίαν καὶ δέσποιναν πάντων τῶν οὐρανίων νοερῶν δυνάμεων καὶ πάντων τῶν ἁγίων καὶ δικαίων, οἳ καὶ ὕμνησαν αὐτὴν μεγαλύνοντες ἀκαταπαύστῳ φωνῇ ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς.

Εἶτα μετ' αὐτὴν εἰσῄει ὁ μείζων ἐν γεννητοῖς [ἐκ] γυναικῶν Ἰωάννης ὁ πρόδρομος καὶ βαπτιστὴς καὶ τιμηθεὶς παρ' αὐτοῦ ἐπαξίως καὶ μεγαλυνθεὶς ἐπὶ πάντων δευτέρας ἠξιώθη καὶ αὐτὸς καθέδρας καὶ τιμῆς τῇ δεσποίνῃ πάντων καὶ κυρίᾳ, καὶ δοθέντων αὐτῷ τῶν ἐπαξίων γερῶν καὶ ἀθανάτων στεφάνων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν καὶ θησαυρῶν, προσέθετο ἔτι ὁ Κύριος ἀπονεῖμαι γέρας τοῖς γνησίοις αὐτοῦ φίλοις καὶ θεράπουσι. Καὶ ἰδοὺ παραγένοντο πρὸς αὐτὸν δώδεκα ἄνδρες δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένοι, ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ὑπὲρ τὰς τοῦ (f. 321 r.) ἡλίου λαμπηδόνας, οἵτινες ἦσαν, ὡς ἄγγελός μοι διεσάφησεν, οἱ δώδεκα αὐτοῦ μαθηταὶ καὶ ἀπόστολοι· ἀποδεξάμενος οὖν αὐτοὺς ὁ βασιλεὺς εὐμενῶς ἐπέδωκεν αὐτοῖς στολὰς βασιλικὰς θεοπρεπεῖς μυριομόρφους νοητῶς κατασκευασθείσας, ὧν τὴν καλλονὴν καὶ ὡραιότητα νοῦς βρότειος καταλαβεῖν καὶ γλώττῃ διηγήσασθαι πᾶς ἀδυνατεῖ, πρὸς δὲ καὶ θρόνοι δώδεκα θαυμαστοὶ ὑπερλίαν καὶ ἐν τοῖς βασιλείοις τῆς γῆς ἀνείκαστοι καὶ ἀπαράμιλλοι, ἀπό τε γὰρ λίθων τοπαζίων, σμαράγδων τε καὶ λυχνιτῶν καὶ μαργάρων παμμεγίστων ὑπερτίμων καὶ ἐκ καθαροῦ χρυσίου δοκιμωτάτου ὁρῶντο κατεσκευασμένοι ἐκ τεχνουργίας καὶ φιλοκαλίας θείκης σοφίας. Ἔτι ἐξενεγκὼν ὁ βασιλεὺς ἀφ' ἑνὸς τῶν θείων καὶ νοητῶν θησαυροφυλακίων στεφάνους φρικωδεστάτους, οἵτινες ἦσαν ἀπὸ θεϊκῶν διαυγειῶν καὶ ξενῶν ἀπαυγασμάτων θείῳ Πνεύματι κατηρτισμένοι καὶ συντεθειμέ-

νοι, ὧν ἡ φρικτὴ καὶ παράδοξος θέα οὐ μόνον ἡμᾶς (f. 321 v.) ἐξέπληξε καὶ παντελῶς ἐξεστηκότας ἐποίησεν, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς ἁγίους, ἐπειδὴ ἦσαν τῇ ἀστραπῇ τῶν ἰδίων χαρίτων ὑπερνικῶντες καὶ ὑπερλάμποντες, καὶ αὐτῆς τῆς ἀφράστου ἐκείνου ἡλίου λαμπρᾶς καὶ φωτοειδοῦς ἐλλάμψεώς τε καὶ φαιδρότητος καὶ τῆς καλλονῆς καὶ ὡραιότητος αὐτῶν οὐκ ἦν κόρος πᾶσι τοῖς ὁρῶσιν, οὐδὲ νοῦς εἰς τὸ καταλαβέσθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι ἢ διηγήσασθαι βρότειος· οὓς ἐξενεγκὼν δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ παντοκρατορικῇ ἐπέθηκεν ἐφ' ἑνὸς ἑκάστου κορυφῇ καὶ κατέστεψεν αὐτοὺς ὡς βασιλεῖς καὶ ἐκάθισεν αὐτοὺς ἐπὶ τῶν φρικτῶν ἐκείνων καὶ ἐξαισίων δώδεκα θρόνων δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένους, ὡς εἴρηται, ἀποφήνας αὐτοὺς κριτὰς τῶν δώδεκα φυλῶν τοῦ Ἰσραὴλ, ἤτοι προκριτωτέρους εἶα βασιλεῖς καὶ δεσπότας ἀποδείξας αὐτοὺς πάντων τῶν σεσωσμένων ἀπὸ τῶν δώδεκα τούτων φυλῶν Ἰσραηλιτῶν, ὥστε τιμᾶσθαι αὐτοὺς ἐξόχως παρὰ πάντων· τοῦτο γάρ ἐστι τὸ κρίνειν αὐτοὺς ἐπὶ δώδεκα θρόνων καὶ κα(f. 322 r.)θεσθῆναι, ὡς Κύριος ἐν εὐαγγελίοις αὐτοῖς ἐπηγγείλατο, ἤγουν τὸ ἐν ὑπεροχῇ καὶ δόξῃ ἐξηρημένῃ καὶ ἀπολαύσει τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν αὐτοὺς εὑρεθῆναι παρὰ πάντας τοὺς ἀπὸ τοῦ γένους αὐτῶν, ἤτοι τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ εὐαρεστήσαντας.

Πρὸς τούτοις ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε, καὶ ἰδοὺ παρέστησαν αὐτῷ ἄνδρες ἑβδομήκοντα λίαν εὐπρεπεῖς καὶ ὑπέρλαμπροι παραπλησίως τοῖς δώδεκα, δόξῃ ἁπλέτῳ ἠγλαϊσμένοι, οἵτινες ἦσαν οἱ διὰ τῶν δώδεκα ἀποστόλων αὐτῷ μαθητευθέντες ἑβδομήκοντα ἀπόστολοι, ὡς ὁ ἄγγελός μοι ἐγνώρισε. Διένειμεν οὖν καὶ αὐτοὺς ἐκ τῶν ἀκηράτων αὐτοῦ θησαυρῶν ὁ Κύριος τὰς πλουσιοδώρους καὶ ἀφράστους αὐτοῦ δωρεάς, χαρισάμενος αὐτοῖς στεφάνους φρικτοὺς διαυγεῖς καὶ ἀμαραντίνους, χλαίνας θεοϋφάντους νοητὰς καὶ πνευματικάς, ὧν ἡ διήγησις ἀνεκλάλητος. Προσθεὶς οὖν ὁ Κύριος ἠνέῳξεν αὖθις κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ πάντας τοὺς πνευματικοὺς αὐτοῦ θησαυροὺς τοὺς κεκτη(f. 322 v.)μένους τὰ ἀπόρρητα καὶ ἀνεκλάλητα ἐκεῖνα ἀγαθά, ἃ οὔτε ὀφθαλμὸς φθαρτοῦ ἀνθρώπου εἶδεν, οὔτε οὖς ἀκήκοεν, οὔτε ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου ἀνέβη πώποτε, ἃ προητοίμασεν ὁ Θεὸς τοῖς ἀγαπῶσι τὴν αὐτοῦ ἐπιφάνειαν καὶ τηρήσασι τὰς θείας ἐντολὰς καὶ τὰ ἐν νόμῳ ἁγίῳ δικαιώματα αὐτοῦ,

καὶ ἐκένωσε πάντας αὐτοὺς εἰς δόξαν καὶ τιμὴν, εἰς εὐφροσύνην καὶ πνευματικὴν ἀγαλλίασιν πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἁγίων αὐτοῦ· τὸ δέ γε μυστικώτερον πάντων τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν καὶ κεφαλαιωδέστερον αὕτη ἡ κατάληψις καὶ θεία θεωρία ἀναλόγως τοῖς ἀξίοις γενομένη τῆς ἁγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος ὑπῆρχε τοῖς ἐκεῖ ἀϊδίως συνοῦσα καὶ θέουσα καὶ τῆς ἐφέσεως καὶ γλυκύτητος αὐτῆς μεταδιδοῦσα.

Τούτων οὕτως ἐνηδόνως καὶ ἀκορέστως καὶ ὡς ἐνὸν ἡμῖν ὁρωμένων κατὰ τὴν ἐλέει καὶ οἰκτιρμοῖς Θεοῦ δοθεῖσαν ἡμῖν θεωρίαν καὶ ἀκριβῆ τούτων πάντων κατάληψίν τε καὶ κατανόησιν, ἔτι προσέχομεν, καὶ ὡρᾶτο ἡμῖν πρὸ προσώπου τοῦ φρικωδεστάτου καὶ παν(f. 323 r.)σέπτου ἐκείνου καὶ ὑπερουρανίου θείου ναοῦ μέγα τι καὶ θεοπρεπέστατον προαύλιον περιφανὲς καὶ λίαν δεδοξασμένον· ὁ γὰρ αὐτοῦ πάτος ἀντὶ δαπέδου μαρμαρωτοῦ χρυσέοις πλαξὶ μεγίστοις καὶ πυρευρίζοις ἐκεκόσμητο καὶ πεπάτωτο, καὶ αἴγλη τις πυρσοῦ γαληνομόρφου ἐκεῖθεν ἐξεπορεύετο. Καὶ ἰδοὺ ὡρῶμεν ἐπ' αὐτῷ περιτρέχοντάς τινας καὶ διακόνων χρείαν ἀποπληροῦντας νεανίσκους ὡραιοποικιλομόρφους τὸν θεῖον ναὸν ἑτοιμάζοντας, ἡ δὲ ἑτοιμασία αὐτῶν ξένη τις ἦν καὶ γλώσσῃ βροτείᾳ ἀνεκδιήγητος. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὸ εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἔνδον τοῦ ναοῦ, ἕτεροί τινες νεανίσκοι χρυσοξανθήκομοι εὐμεγέθεις φρικτοπρόσωποι, παραπλήσιοι τῷ μήκει ταῖς ὑψικόμοις κυπαρίσσοις καὶ αὐτοί τε πῦρ ἐνδεδυμένοι τοῖς ὡραίοις ποσὶ αὐτῶν (τὸ δὲ τοιοῦτον πῦρ οὐχ' ὡς τὸ παρ' ἡμῖν τοῦτο τὸ φθαρτὸν καὶ ὑλοτρόφον, ἀλλ' οἷον ἐξάνθισμα πυραμικῆς αἴγλης) συντρέχοντες ἐφαίνοντο καὶ τὸ ἐντὸς τοῦ ναοῦ θυσιαστήριον εὐτρεπί(f. 323 v.)ζοντες. Τοσοῦτον δέ μοι ὁ θεῖος ναὸς ἐκεῖνος εὖρος καὶ μῆκος ἔχειν ἐδόκει, ὡς διάστημα τρισχιλίων σταδίων καὶ πρός, περὶ δὲ τοῦ κάλλους καὶ τῆς κατασκευῆς αὐτοῦ καὶ ὡραιότητος πειράσομαι μὲν εἰπεῖν καὶ κατὰ δυνατὸν ἀνθρώπῳ διηγήσασθαι, δυνήσομαι δὲ οὐδαμῶς κἂν μυριάκις πειράσω ἐμαυτὸν ἔκφρασίν τινα ποιήσασθαι τῶν αὐτοῦ ἀπορρήτων. Καὶ οὐ μόνον ἐγὼ ὁ ἰδιώτης καὶ πάνυ ἄμουσος πρὸς ταῦτα διαπορήσαιμι καὶ ἀφραδίᾳ παντελεῖ πεδηθῶ, ἀλλὰ κἂν πάντες οἱ σοφοὶ τῆς γῆς οἱ πᾶσαν τὴν θύραθεν καὶ τὴν ἡμετέραν σοφίαν μεμαθηκότες, εἴπερ ἐν ταὐτῷ ἐπισυναχθέντες ἐπιχειρήσουσι καὶ σπουδάσουσι τῇ τοιαύτῃ ἐξηγήσει προσβαλεῖν, οἶμαι οὐδ' αὐτοὶ ἐξισχύσουσιν, ἀλλ' ἐπίσης ἐμοὶ

τῷ ἀφραδεῖ καὶ ἀμαθεῖ διαπορήσωσιν ἄν, ἐπειδὴ τοῖς ὑλικοῖς ἡμῖν τοῦτο πάμπαν ἀδύνατον. Ἵνα δὲ μὴ παντελῶς πάντα λήθης χωρίοις παραπέμψω καὶ ὡς ὁ ὀκνηρὸς δοῦλος ἐκεῖνος κατακριθῶ, ὃς λαβὼν παρὰ τοῦ δεσπότου τὸ τάλαντον εἰς γῆν κατέκρυψεν (f. 324 r.) ἀπραγμάτευτον, ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα συνεὶς ὑμῖν ὡς ἐφικτὸν διηγήσομαι, τὴν τοῦ θείου Πνεύματος ἄνωθεν συνεργίαν προσκαλεσάμενος.

Ἦν δὲ ὁ θεῖος καὶ τοιοῦτος ναὸς σταυροειδὲς μὲν ἔχων τὸ σχῆμα τετράτρουλος δὲ καὶ εὐμήκης ἀνείκαστος καὶ ἀκατάληπτος τῇ θέσει καὶ τῇ οἰκοδομῇ φωτεινότερος τοῦ παρ' ἡμῖν ἡλίου τούτου τοῦ ποτὲ μὲν ἀνισχύοντος, ποτὲ δὲ δύνοντος, καὶ ποτὲ μὲν φαίνοντος, ποτὲ δὲ καὶ ἀμαυρουμένου, ἀλλὰ ἐπταπλασίως τούτου ὑπερλάμποντος ἐκείνου ἀφθάρτου καὶ ἀδύτου ἡλίου· τρινάρθηξ, ἑξάλλους ἔχων τοὺς νάρθηκας καὶ παρὰ τούτοις ἕτερα προπύλαια, τρία βήματα παράλληλα, καὶ προθέσεις ὡσαύτως ἰσαρίθμους, ἐμβόλους τέσσαρας ἐν τοῖς πλαγίοις, καὶ προνάους δύο· ἡ δὲ τούτου οἰκοδομὴ δακτύλῳ Θεοῦ δεδημιουργημένη, τῷ δὲ κάλλει καὶ τῇ μαρμαρυγῇ καὶ ταῖς πολυφαίδροις συμπλοκαῖς τῶν ποικιλομόρφων λίθων καὶ ξέναις τεχνουργίαις καὶ ἀνεξιχνιάστοις μηχανι(f. 324 v.)κοῖς καλλωπίσμασι καὶ ταῖς λοιπαῖς ὡραιότησι καὶ φαιδρότησιν ὅλος ἄρρητός τε καὶ ἀνέκφραστος πέφυκε. Τέως δὲ κατασκευαστικὴν ἔχειν ἐδόκει ἀντὶ μὲν πηλοῦ τιτανιαίου χρυσίον καθαρὸν πυρεύριζον, ἐνοῖς δὲ καὶ ἄργυρος δόκιμος καὶ μαργάρων οἱ τιμιώτεροι, ἀντὶ λίθων οἰκοδομικῶν ἐκ τῶν δώδεκα τιμίων λίθων οἱ τιμιώτεροι πάσης εὐχροίας ἐξηλλαγμένοι καὶ ὑπερανθοῦντες στοιχηδὸν συντεθειμένοι καὶ συναρμολογημένοι τῇ ἀρχιτεκτονίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος δομον ἐπὶ δομον ἑτερόχρωσον παρὰ τῶν συμπαρακειμένων ἀπετέλουν καὶ μαρμαρυγὴν αἴγλης ἐκ τῶν διαφόρων χροιῶν σύμμικτον καὶ ὑπεράρρητον ἐπέπεμπον· ἡ δὲ θεία καὶ ἄρρητος χάρις τοῦ ἱεροῦ τόπου καὶ θείου νεοῦ καὶ ἡ τοιαύτη ὑλαία οἰκοδομὴ δίκην ὑέλου ἢ μάλλον εἰπεῖν καὶ τούτου φανώτερον τοῖς ἔξωθεν ἑστῶσι τὰ ἔνδοθεν τοῦ νεοῦ παρεῖχε τηλαυγῶς καθορᾶν, καὶ τοῖς ἔνδον οὖσιν ἰσοτρόπως τὰ ἔξωθεν ἀκωλύ(f. 325 r.)τως κατανοεῖν, καὶ φρικτὴ καὶ θάμβους πλήρης ἦν ἡ τούτου κατασκευὴ ἐν τῷ ὁρᾶσθαι. Οὕτω μὲν καὶ τοιουτοτρόπως εἶχον τὰ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ἱεροῦ καὶ θείου τοῦδε νεοῦ· ὁ δέ γε πάτος αὐτοῦ καὶ τὸ ἐνδοτερον

θυσιαστήριον καὶ οἱ ἀναβαθμοὶ καὶ ὁ μέσον αὐτῶν θεϊκὸς θρόνος τό τε κιβώριον καὶ ἡ τράπεζα καὶ τὰ λοιπὰ ἀκολούθως τῶν παρ' ἡμῖν θείων ναῶν κἀκεῖσε ὄντα εἰκασίαν τινὰ ἀπό τῶν ἐπιγείων καὶ ὧν τὴν γνῶσιν ἔχομεν ἡμεῖς κατάλληλον κέκτηνται, ἵνα διὰ τῆς ὁμοίου παραθέσεως ἀμυδρῶς πως τὰ ἐν αὐτῇ δηλωθῇ. Ἦσαν δὲ ταῦτα πάντα, ὡς ἐγὼ ὁ ἀνάξιος διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ μεγίστου καὶ θεράποντος Χριστοῦ καὶ ἁγίου μου πατρὸς Βασιλείου εἶδον καὶ πεπληροφόρημαι, Πνεύματος ἁγίου πεπληρωμένα, καὶ αὖρά τις ὑπέπνει καὶ ἐπεπόλαζεν ἑκάστῳ μέρει τοῦ ναοῦ κατάλληλος· ὁ δὲ πάτος περὶ λευκῷ καὶ ἐξαλλάσσοντι ἐσπαργάνωτο καὶ ἐδόκει ὡς ἡ θάλασσα κυματίζειν· ἀντὶ δὲ κίονος νεφέλαι χιονοειδεῖς τὸν ναὸν ὑπήρειδον, τὸ δὲ ἅ(f. 325 v.)γιον θυσιαστήριον καὶ τὰ ἐν αὐτῷ πάντα ἀστραπημόρφοις καὶ φρικταῖς ῥωτοχυσίαις τοῦ θείου Πνεύματος μυριοπλασίως ἐπεκαλύπτετο, καὶ τὰ ἐν αὐτῷ οὐκέτι ὑλικὰ ἡμῖν ἐδόκει εἶναι ὡς τὰ λοιπά, ἀλλὰ πνευματικὰ καὶ θεῖα ἐχρημάτιζον κατανοεῖσθαι.

Ἐπεὶ δὲ οἱ προῤῥηθέντες θεῖοι νεανίσκοι διακόνων τάξιν ἀποπληροῦντες τὰ πάντα ἠὐτρέπισαν καὶ τὸ Εὐλογησον Δέσποτα ἀπεπληρώκασι κεκραγότες, ἰδοὺ αὐτὸς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ὡρᾶτο ἐφεζόμενος ἐπὶ τοῦ μεγίστου φρικτοῦ καὶ πυρφόρου καὶ πυριμόρφου θρονου τῶν ἀναβάθμων, καὶ οἱ πρόκριτοι αὐτοῦ δώδεκα μαθηταὶ συγκαθεζομενοι αὐτῷ ἐπὶ θρόνων θεϊκῶν δώδεκα, ἓξ μὲν ἱσταμένων ἐκ δεξιῶν τοῦ δεσποτικοῦ καὶ θείου θρόνου, τῶν δὲ ἑτέρων ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ. Καὶ φησὶν ὁ Κύριος τοῖς διακόνοις ἐκείνοις· Καλέσατε πάντας τοὺς ἐκλεκτούς μου ἐνταῦθα· καὶ ἅμα τῷ λόγῳ αὐτοῦ ἐθεασάμεθα νεανίαν τινὰ ὡραιομορφον, ἀστραπὴν περιεζωσμένον, σταθέντα (f. 326 r.) ἐπὶ τὸ μέσον τῆς ἁγίας πολεως ἔν τινι ὑπερανεστηκότι σκοπῷ, σάλπιγγα χρυσήλατον ἐπὶ χεῖρας κατέχοντα καὶ ἐνάρθρως οὕτωσὶ σαλπίζοντα· Δεῦτε, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρός μου, ἐν τῷδε θείῳ ναῷ τῆς ἁγίας δόξης μου θυσίαν καινὴν ἐν εὐφροσύνῃ ἐπιτελέσωμεν. Καὶ ἐκ τρίτου τὸν αὐτὸν λόγον κεκραγὼς ὁ θαυμαστὸς νεανίας ἐκεῖνος διὰ τῆς σάλπιγγος, κατῆλθε τοῦ σκοποῦ· ἀπὸ δὲ τῆς κραυγῆς τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ἐξῆλθον πάντες οἱ ἀπ' αἰῶνος ἅγιοι καὶ δίκαιοι καὶ ἤρχοντο πρὸς τὸν περιβόητον ἐκεῖνον καὶ ἐξαίσιον θεῖον ναὸν, ὥσπερ

ἀετοί τινες ὀξύπτεροι καὶ περιστεραὶ φωτοειδεῖς καὶ λαμπραί· ἐν δὲ τῷ πορεύεσθαι αὐτοὺς ἐκεῖσε, ἀνέβαινον ἀπὸ τῆς θαλάσσης τοῦ πυρὸς αἱ βοαὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἐγκυβιστευόντων ἁμαρτωλῶν εἰς τὰ ὦτα αὐτῶν, καὶ ἐδόκουν ὑπὸ συμπαθείας τὰ σπλάγχνα ὀδυνᾶσθαι καὶ ὥσπερ ἀλγεῖν· καὶ φησὶν ὁ Κύριος· Οὐ χρὴ αἰώνιον πά(f. 326 v.)θος ἐν ἀτελευτήτῳ εὐφροσύνῃ καὶ ἀπεράντῳ θυμηδίᾳ ἐξακούεσθαι. Καὶ ἐκτείνας τὴν ἄχραντον αὐτοῦ δεξιὰν ἐσφράγισε πᾶσαν τὴν φοβερὰν τοῦ ἀτελευτήτου πυρὸς ἐκείνου θάλασσαν· καὶ εὐθέως προήγγισε καὶ συνηρμόσθη καὶ συνουλώθη χεῖλος αὐτῆς πρὸς χεῖλος ἕτερον, καὶ ἐπεκαλύφθη καὶ ἀπεκρύβη διὰ τῆς ξηρᾶς γῆς τῆς καινῆς ἐκείνης ἅπασα ἡ θάλασσα τοῦ πυρός, καὶ οὐκέτι οὐδαμῶς ἴχνος αὐτῆς κατεφαίνετο, ἀλλὰ μονότροπος ἦν πᾶσα ἡ τῆς ἐπαγγελίας γῆ ἐκείνη, καὶ οὐκέτι οὐδὲν ὡρᾶτο ἐν αὐτῇ λυπηρόν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ πάντας αὐτοὺς ἐπὶ τὸν θεῖον καὶ φρικωδέστατον ἐκεῖνον ναὸν συνεισελθεῖν καὶ τοῦ Κυρίου καθεζομένου ἐπὶ θρόνου ἁγίου αὐτοῦ καὶ πάντων τῶν ἁγίων ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν φόβῳ καὶ τρόμῳ παρισταμένων καὶ δορυφορούντων αὐτῷ, ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἡ μεγάλη βασίλισσα καὶ Μήτηρ αὐτοῦ ἐξιοῦσα τοῦ ὑπερουσίου θαλάμου τῆς θείας δοξης αὐτῆς παρέστη ἐκ δεξιῶν (f. 327 r.) τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ Υἱοῦ αὐτῆς, περιβεβλημένη στολὴν δόξης θεϊκῆς καὶ τὴν κεφαλὴν αὐτῆς ἐστεμμένη τῷ τοῦ Υἱοῦ αὐτῆς στεφάνῳ τῷ δοθέντι αὐτῇ, ὡς προείρηται, ὅλη καλὴ καὶ ὡραία, ὅλη κεκαλλωπισμένη καὶ πεποικιλμένη δοξῃ θεϊκῆς ὡραιότητος, ὅλη φαεινὴ καὶ ἐξαστράπτουσα ὑπὲρ τὰς τοῦ ἡλίου μαρμαρυγάς· μεθ' ἧς συνεισῄει καὶ ὁ ἐξοχώτατος καὶ πάντων πρόκριτος πρόδρομος καὶ βαπτιστὴς Ἰωάννης, δοξῃ ἀρρήτῳ λελαμπρυσμένος, εἶτα οἱ ἑβδομήκοντα ἀπόστολοι φῶς ἄρρητον ἐνδεδυμένοι καὶ διαλάμποντες, μεθ' ὧν καὶ οἱ πανένδοξοι καὶ θεοειδεῖς μάρτυρες καὶ σὺν αὐτοῖς πάντες ὅσοι καὶ δίκαιοι, κατ' ἀξίαν ἕκαστον τάγμα αὐτῶν εἰσῄει, ὅλοι λελαμπρυσμένοι, ὅλοι δεδοξασμένοι δοξῃ ἀκαταλήπτῳ καὶ ἀνεκδιηγήτῳ, αἴγλην ἄρρητον καὶ ἀνεξιχνίαστον ἄλλην ἄλλος ἀναλόγως τῇ ἰδίᾳ αὐτῶν δικαιοσύνῃ καὶ καθαρότητι ἀποστιλβόντες· ἕκαστος οὖν αὐτῶν (f. 327 v.) ἐπικομιζόμενος δῶρα ταῖς χερσὶν εἰσῄει καὶ προσέφερε ταῦτα καὶ τῷ Κυρίῳ προσεκόμιζεν, ἕτερος τοῦ ἑτέρου τὴν ὡραιότητα κατανοῶν καὶ ὑπερεκπληττόμενος· καὶ

μετὰ τὴν τῶν δώρων αὐτῶν εἰσκομιδὴν ἀπήει ἕκαστος αὐτῶν καὶ ἵστατο εἰς τὸν ἀφωρισμένον τόπον αὐτοῦ. Καὶ εὐθὺς φῶς ἄρρητον ἀνῆπτε καὶ εὐφροσύνη ἀνείκαστος ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, ἀπὸ δὲ τῆς βλυζούσης ἐν αὐτῇ ἀγαλλιάσεως οὐκ ἠδύναντο ὅλως ἐγκρατεύεσθαι, κατανοοῦντες τὴν ἐν τῷ θείῳ ναῷ πεφυκυῖαν πνευματικὴν ὡραιότητα καὶ θείαν ἀγαλλίασιν. Καὶ γὰρ ἦν ἐκεῖ πεφυτευμένη εὐφροσύνη καὶ χαρὰ ἀΐδιος, ἐκεῖ πλουσίως ἀνέβλυζεν ἡ εἰρήνη τοῦ τρισυποστάτου Θεοῦ ὥσπερ μέλι γλυκάζον, ἐκεῖ ἦν ἀγάπη πλουσιοπαρόχως ἔχουσα καὶ τὰς τῶν ἁγίων καρδίας εἰσβάλλουσα, ἐκεῖ ἦν ἔφεσις ἀσύγκριτος τοῦ ἀεὶ ὄντος καὶ ζῶντος καὶ διαμένοντος εἰς τοὺς αἰῶνας· καὶ ἐνίοτε μὴ δυνάμενοι ἐγκρατεύεσθαι ἀπὸ τῆς ἀφάτου χαρμονῆς καὶ θυμηδίας, μεθ' ἡδονῆς σκιρτῶντες ἐκέκραγον (f. 328 r.) εὐχαριστηρίους ἄδοντες ᾠδάς.

Καὶ πλησθέντος τοῦ θείου τοῦδε καὶ ὑπερουρανίου ναοῦ ἀπὸ τῶν εἰσιόντων ἐν αὐτῷ υἱῶν τοῦ Θεοῦ καὶ δῶρα νοητὰ πνευματικὰ προσφερόντων, ὥσπερ εἴρηται, κατήει τοῦ ἐνδόξου θρόνου αὐτοῦ ὁ Κύριος τὴν μυστικὴν ἐκτελέσων ἱερουργίαν· καὶ ἰδοὺ Χερουβὶμ καὶ Σεραφὶμ φόβῳ καὶ τρόμῳ κύκλῳ αὐτοῦ παριστάμενα διηκόνουν αὐτῷ καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον σὺν ἡδονῇ καὶ θάμβει ἀνέπεμπον. Καὶ ἰδοὺ τὰ λοιπὰ ἀγγελικὰ τάγματα πάντα κύκλῳ τοῦ θυσιαστηρίου παρειστήκεισαν, οἱ δώδεκα ἀπόστολοι συλλειτουργοῦντες ἦσαν τῷ Κυρίῳ· τὰ γοῦν ῥήματα τῶν ἐκφωνήσεων καὶ τῆς λοιπῆς ἀκολουθίας τῆς θείας λειτουργίας ἃ τηνικαῦτα προσεφέροντο ἐμοὶ μὲν, ὡς ἔτι δεσμίῳ ὄντι τῇ φθορᾷ καὶ τοῖς σαρκικοῖς πάθεσι περιφερομένῳ, ἀνέκφραστα πάντη καὶ ἀκατάληπτα ἐτύγχανον, ὡς μὴ σημειώσασθαι καὶ καταλαβεῖν τι τῶν ἐκεῖ λεγομένων καὶ ᾀδομένων· τοῖς δὲ ἐκεῖσε οὖσι πᾶσιν ἐκλεκτοῖς (f. 328 v.) καὶ συγκληρονόμοις τῆς δοξης τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ πάντα σαφῆ καὶ εὔληπτα καὶ ἡδονῆς ἀφάτου παραίτια· ἀντεφώνουν γὰρ καὶ τὰ τῶν ἁγίων τάγματα πάντα τῶν ἀγγέλων ἐν τῷ ψάλλειν, καὶ πάλιν ὑπέψαλλον ἀρχόμενα τὸν ὕμνον τὰ ἀγγελικὰ στρατεύματα καὶ ἀντεπῆδον αὐτοῖς πάντες οἱ ἅγιοι. Ἔφριξε τοιγαροῦν ἐπὶ τῇ φθογγῇ τούτων καὶ τοῖς τελουμένοις θαυμασίοις ἐξαισίως καὶ φρικτῶς ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, καὶ διεχύθη ταῖς τῶν ἁγίων καρδίαις δρό-

σος νοητὴ ἀθάνατος ἐκ τῶν πηγῶν τοῦ παναγίου Πνεύματος, καὶ ἐγεγήθεισαν ἅπαντες καὶ ὡσανεὶ ἐγέλων γέλωτα θεῖον τῷ ὄντι καὶ πνευματικόν. Ἐπεὶ δὲ ὁ καιρὸς τῆς μεταλήψεως ἤγγικε, μετεδίδου αὐτοῖς ὁ Κύριος ἐκ τοῦ πνευματικοῦ καὶ θείου μάννα τῆς ἑαυτοῦ θείας ζωῆς καὶ ἐπότιζεν αὐτοὺς ἀπὸ τοῦ νοητοῦ καὶ πνευματικοῦ μύρου τῆς θεότητος αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ πάντες ἐνεπλήσθησαν καὶ ἐμεθύσθησαν δόξῃ ἀρρήτῳ καὶ θεϊκῇ εὐφροσύνῃ καὶ ἐπληρώθησαν γαυριάματος (f. 329 r.) θείου φίλτρου καὶ γεγόνασιν ἀνάπλεοι ἔρωτος θεουργικοῦ· ὁ δὲ Κύριος προσέθετο ἐκδικήσασθαι τοῖς ἀγαπητοῖς καὶ ἐκλεκτοῖς αὐτοῦ ἀπὸ τῶν κρυφίων μνήσεων τῆς ἀϊδιότητος καὶ τῆς μεγαλοσύνης αὐτοῦ, καὶ εὐθέως ἐσοφίσθησαν καὶ ἐπληρώθησαν πάντες ἀπὸ τῆς ἀποκρύφου σοφίας καὶ τῆς τῶν ἀκαταλήπτων κριμάτων αὐτοῦ μνήσεως, καὶ ἐθεώθησαν καὶ ἐδοξάσθησαν καὶ χρηστοὶ Κυρίου καὶ συγκληρονόμοι καὶ ἀδελφοὶ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς τῇ αὐτοῦ εὐδοκίᾳ καὶ χάριτι καὶ τῇ τοῦ παναγίου Πνεύματος συνεργίᾳ γεγόνασι.

Καὶ τέλος μὲν τοιόνδε ἡ τοιαύτη καινὴ θυσία ἔσχε· μετὰ δὲ τὸ τελεσθῆναι αὐτὴν, ἐξῆσαν ἐκεῖθεν πάντες οἱ ἅγιοι καὶ πᾶσαι αἱ θυγατέρες τῆς νέας Ἱερουσαλὴμ προπορευομένου πάντων καὶ προηγουμένου αὐτοῦ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ἀπῆρχοντο πρὸς τὰ ἐρασμιώτατα καὶ ὡραιόμορφα φρικωδέστατα παλάτια, ἃ ὑπῆρχον κατὰ ἀνατολὰς τῆς ἁγίας αὐτῆς Σιὼν (f. 329 v.) ᾠκοδομημένα πλησίως τῷ προρρηθέντι θείῳ καὶ πανσέπτῳ ναῷ τοῦ ἁγίου τῶν ἁγίων, ἃ ἔσχον εἰς τὸν μέσον θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς ἀσύγκριτον θάλαμον, περὶ οὗ διηγήσασθαί τι οὐ δεδύνημαι, πλὴν ὅτι εἴδομεν Χερουβὶμ καὶ Σεραφὶμ παριστάμενα ἐπὶ τῆς ἀνεκλαλήτου πύλης αὐτῶν ὡς ἀεὶ ἐκεῖσε παρεδρεύοντα καὶ φυλάττοντα φυλακὰς αὐτῶν. Ὡσαύτως ὡρᾶτο ἡμῖν ἐν τοῖς τοιούτοις φρικτοῖς παλατίοις νυμφὼν φρικωδέστατος καὶ παστὰς ἀσύγκριτος χερουβικοῖς πτέρυξι καὶ θρόνοις καὶ ἀρχαῖς καὶ ἐξουσίαις καὶ κυριότησι καὶ ἀγγελικαῖς ὑμνῳδίαις καὶ φρικταῖς λειτουργίαις κατακαλλυνομένη καὶ δεδοξασμένη καὶ ἐν ἀσυγκρίτῳ φαιδρότητι καθωραϊσμένη· κατενώπιον δὲ τῆς θεϊκῆς ταύτης καὶ ἀνεκλαλήτου παστάδος τράπεζά τις φρικτὴ καὶ ὑπὲρ ἔννοιαν ἀσύγκριτος τῇ ὡραιότητι ἵστατο

ἔχουσα ἐπικείμενα ἄϋλα νοητὰ ἀγαθά, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός, ἀλλ' οὐδὲ εἰκασμὸς ἀπὸ τῶν παρ' ἡμῖν ἐπι (f. 330 r.) γείων ἀγαθῶν προσαρμόζων αὐτοῖς παρῆν· τοῦτο δὲ μόνον ἐκ τῆς θέας αὐτῶν ἔγνωκα προσγίνεσθαι τοῖς εἰς αὐτὰ ἀτενίζουσι, τὸ μὴ λαμβάνειν κόρον τῆς θέας καὶ θυμηδίας αὐτῶν, μηδὲ θέλειν εἰς τὸ παντελὲς τὸ τῆς διανοίας ὄμμα ἀπ' αὐτῶν ἀφιστᾶν καὶ ἀλλαχόσε ἀπασχολεῖν. Καὶ ἰδοὺ πάλιν ἑτέρα τράπεζα καθωρᾶτο ἡμῖν παραπλησίως ταύτῃ, φρικωδεστάτη, πλήρης οὖσα καὶ αὐτὴ ἀνεκλαλήτων καὶ θείων νοητῶν ἀγαθῶν· ἦν δὲ αὕτη ἡτοιμασμένη, ὡς ὁ ὁδηγῶν με θεῖος ἄγγελος εἴρηκε, τοῖς δώδεκα προκρίτοις μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις τοῦ Κυρίου. Καὶ ἰδοὺ ἑτέρα ὡσαύτως τοῖς ἑβδομήκοντα καὶ ἄλλη παραπλησίως τῶν ἱεραρχῶν, ἑτέρα τῶν ἐνδόξων μαρτύρων καὶ ἀθλοφόρων Χριστοῦ, ἄλλη τῶν ὁσίων, ἑκάστου γὰρ τάγματος τῶν ἁγίων ἀναλόγως τράπεζα ἐκεῖσε βρίθουσα τῶν ἀφθάρτων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν ἡμῖν καθωρᾶτο, καὶ περὶ αὐτὰς ἦσαν ὑπηρέται καὶ διάκονοι χρυσότριχοι, ῥωτόμορφοι καὶ καλ(f. 330 v.)λιπρεπεῖς νεανίαι, ἀσύγκριτον τὴν ὡραιότητα καὶ τὴν τάξιν τῆς ἑτοιμασίας κεκτημένοι. Καὶ ἰδοὺ ὁ Κύριος ἐξῆει ἀπὸ τῶν θείων ἀδύτων αὐτοῦ καὶ ἦκεν ἀνακλιθῆναι εἰς τὴν πνευματικὴν ἑστίασιν μετὰ τῶν φίλων αὐτοῦ, καὶ συνείποντο αὐτῷ ἥ τε δέσποινα πάντων καὶ Μήτηρ αὐτοῦ, ὁ θεῖος Πρόδρομος, οἱ δώδεκα αὐτοῦ μαθηταὶ καὶ πάντες οἱ πρὸ νόμου καὶ ἐν νόμῳ λάμψαντες κατὰ γενεὰς καὶ γενεὰς αὐτῶν ἅγιοι καὶ ἡ ἐξ ἐθνῶν νυμφευθεῖσα αὐτῷ ἐκκλησία, ἤτοι οἱ εὐσεβῶς πιστεύσαντες εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν καὶ βαπτισθέντες εἰς τὸ ὄνομα τῆς ὁμοουσίου Τριάδος καὶ καθαρὰν τὴν πίστιν φυλάξαντες μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν. Καὶ τούτων οἱ μὲν εἰσήεσαν εἰς τὴν παστάδα τοῦ νοητοῦ καὶ ἀκηράτου νυμφῶνος ἐπὶ τὸ ἀνακλιθῆναι εἰς τὸν πνευματικὸν γάμον τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, ὁ δέ γε Κύριος προσκαλεσάμενος πάντας οὓς εὐδόκησεν ἐπὶ τὴν ἄφραστον ἐκείνην καὶ τερπνὴν ἀγαλλίασιν ἐστολισμένους ὄντας ταῖς δοθείσαις αὐτοῖς παρ' αὐτοῦ πνευματικαῖς θεί (f. 331 r.) αις στολαῖς καὶ τοῖς διαδήμασι τοῦ κάλλους κατεστεμμένους, ἀνεκλίθη συνάμα αὐτοῖς ἐπὶ τὰς ἀφορισμένας ἑτοιμασίας, καὶ ἐνευφραίνοντο πάντες ἀρρήτου δόξης καὶ θυμηδίας ἐμπιπλάμενοι· αἱ δὲ πᾶσαι στρατιαὶ τῶν ἁγίων ἀγγέλων παρειστήκεισαν φόβῳ καὶ τρόμῳ Κυρίῳ τῷ Θεῷ

καὶ ἔψαλλον καινήν τινα καὶ ἄρρητον ᾠδὴν αὐτῷ, καὶ ἀντεφώνουν αὐτοῖς τὰ Χερουβὶμ καὶ τὰ Σεραφὶμ καὶ πᾶσαι αἱ λοιπαὶ νοεραὶ δυνάμεις περικύκλῳ ἱστάμεναι, καὶ ἐξηχεῖτο ἐκεῖθεν μέλος ἡδὺ καὶ θαυμαστὸν λίαν, καὶ φωναὶ ἑορταζόντων ἐξηκούοντο, καὶ οὐκ ἦν κόρος τοῖς οὖσιν ἐκεῖ ἀπὸ τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης ἡδύτητος. Διηκονοῦντο δὲ ἐν ταῖς χρείαις αὐτῶν πάντες οἱ ἀνακλιθέντες ἐν ταῖς ἀειζώοις ἐκείναις τραπέζαις ὑπὸ τῶν νοερῶν καὶ ἁγίων ἀγγέλων τῶν ἐπ' αὐτὸ τοῦτο τεταγμένων ὑπὸ Κυρίου, καὶ ἤσθιον βρῶσιν νοητὸν καὶ αἰώνιον, ἀφ' ἧς διεδίδετο αὐτοῖς εὐφροσύνη καὶ χαρὰ ἀνέκφραστος καὶ ἀκατάληπτος (f. 331 v.)· ἐν δὲ τῷ ἐσθίειν αὐτοὺς καὶ πίνειν τὸ ἀθάνατον νέκταρ, εἰς κόρον ἐμέθυσκον μέθην τινὰ θείαν καὶ ἀλλοίωσιν πνευματικὴν, πληρούμενοι σοφίας καὶ χάριτος θεϊκῆς, γνώσεως φημὶ τελειοτέρας τῶν ἀποκρύφων μυστηρίων καὶ μυήσεων τῆς ἁγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος· τοιούτους δὲ ψαλμοὺς ᾖδον οἱ τότε παριστάμενοι θεῖοι νόες, οὓς ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ διὰ τοῦ παναγίου αὐτοῦ Πνεύματος συναρμόσας παρέσχεν ἑκάστῳ τάγματι αὐτῶν ἐπᾴδειν αὐτοὺς ὡς ἄσμα θείου ὑμεναίου ἐν τοῖς ἀκαταλήπτοις καὶ φρικτοῖς γάμοις τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ. Καὶ ὁρῶμεν αὐτοὺς ὅπως ἐν τῷ ᾄδειν τὰ τοιαῦτα ἄσματα ὑπὸ τῆς ἡδονῆς καὶ φρικτῆς αὐτῶν συνθέσεως καὶ συντάξεως ὑπερνικώμενοι καὶ ὑπερεκπληττόμενοι, τῆς συνήθους αὐτῶν εὐτάκτου στάσεως καὶ εὐλαβείας ὡσανεὶ ἐπελανθάνοντο καὶ σκιρτῶντες ὠρῶντο καὶ ἐναγαλλόμενοι ἐγεγείθησαν, δοξάζοντες τὸν ἐξαίσια καὶ θαυμαστὰ ἐκτελοῦντα καὶ παράδοξα πράγματα Κύριον τῆς δόξης. Τῆς γοῦν (f. 332 r.) καινῆς ἐκείνης καὶ νοητῆς θοίνης καὶ πνευματικῆς εὐωχίας οἱ ἅγιοι εἰς κόρον ἐμφορούμενοι, τὰ ἐσθιόμενα οὐκ ἠλαττοῦντο παρ' αὐτῶν ἀγαθὰ, ὡς εἴωθε γίνεσθαι ἐπὶ τῇ παρ' ἡμῶν μεταλήψει τῶν ἐπικήρων καὶ φθαρτῶν ἐδεσμάτων, ἀλλ' οὕτως ἔμενον ἀμείωτα, ὥσπερ πρὸ τοῦ μηδὲν αὐτῶν ἅψασθαι, ὁμοίως καὶ παραπλησίως τῷ παρ' ἡμῖν πυρὶ καιομένῳ, ἀφ' οὗ πάντες μὲν οἱ χρήζοντες ἀρκούντως αὐτοῖς μεταλαμβάνουσιν αὐτοῦ, μείωσιν δὲ ἤτοι ἐλάττωσιν τὴν οἱανοῦν τῆς ἐν αὐτῷ φλογὸς οἱ ἀνάπτοντες αὐτὸ οὐδαμῶς λαμβάνουσιν, ἢ κἀκεῖνο ποσῶς ἐλαττοῦται τῆς ἑαυτοῦ δραστικῆς καὶ καυστικῆς δυνάμεως.

Ἐπεὶ δὲ τῆς φρικώδους ἑστιάσεως ἐκείνης καὶ πνευματικῆς εὐφρο-

σύνης ἐμφορηθέντες ἀνέστησαν ἅπαντες· παραλαβὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος εἰσῆλθεν εἰς τὸν κατὰ ἀνατολὰς τῆς αὐτῆς ἁγίας πόλεως συμπαρακείμενον θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς ἀείζωον παράδεισον, προπορευομένας καὶ ἑφεπομένας ἔχων αὐ(f. 332 v.)τῷ πάσας τὰς οὐρανίους δυνάμεις καὶ ἀγγελικάς. Οὗτος δὲ ἦν ὁ ἐν Ἐδὲμ κῆπος τοῦ Θεοῦ, ἀφ' οὗ ὁ Ἀδὰμ τὴν δεσποτικὴν ἐντολὴν παραβὰς ἐξεληλύθει· καὶ τούτων ἐν τούτῳ χωροβατούντων καὶ ταῖς ἐκεῖσε κάλλεσι καὶ θεάμασι καὶ τῶν ποικίλων ἀνθέων καὶ τῶν ἀθανάτων φυτῶν ἐκ πολυχρώων εἰδέων ἐνωραϊζομένων, οἱ ὑμνῳδοὶ ἄγγελοι οὐκ ἔληγον οὐδαμῶς τῶν θείων ἐκείνων καὶ ἐξαισίων ἀσμάτων, ἀλλ' ἔμελπον προσφόρως εὐχαριστηρίους ὕμνους καὶ ᾠδὰς τῷ Κυρίῳ, καὶ ἦν ἐπὶ τούτοις ὁρᾶν χαρμονὴν καὶ δόξαν εὐφροσύνην τε καὶ ἀγαλλίασιν ἄρρητον καὶ ἀίδιον, διότι κόρος οὐκ ἦν τῆς ἐφέσεως τῶν ἐκεῖσε ὁρωμένων ἀνεξιχνιάστων καὶ ἀνεκλαλήτων ἀειζώων φυτῶν καὶ τῆς τούτων τερπνότητος καὶ ἡδύτητος, ὅθεν καὶ κορεννύμενοι πάντες τῆς ἡδυτάτης εὐοσμίας καὶ τοῦ κάλλους τοῦ τοιούτου θείου καὶ ἀθανάτου παραδείσου εὐχαριστηρίους φωνὰς σὺν τοῖς ἁγίοις ἀγγέλοις ἀνέμελπον Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ καὶ δοτῆρι τῶν τοιούτων ἀγαθῶν. Μετὰ δὲ τὸ διοδεῦσαι (f. 333 r.) καὶ ἰδεῖν καὶ ἀνιστορῆσαι τὴν τοῦδε τοῦ θείου παραδείσου τερπνότητα, ὑποστρέφειν ἐδόκουν αὖθις πάντες σὺν τῷ Κυρίῳ εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ἀφ' ἧς ἐξῆεσαν, οἳ καὶ ἔφησαν πρὸς αὐτόν· Κύριε, δὸς ἡμῖν καὶ ταύτην τὴν χάριν καθὼς καὶ ταῦτα πάντα διὰ τῆς σῆς ἀπείρου καὶ ἀνεξιχνιάστου ἀγαθότητος ἐδωρήσω ἡμῖν, ἵνα ὥσπερ ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ ὄντες ναοὺς ἐπὶ τῷ ὀνόματί σου ἀνηγείραμεν καὶ ᾠκοδομήσαμεν καὶ ἐν τούτοις ἀθροιζόμενοι ὑμνοῦμεν καὶ ἐμεγαλύναμεν τὴν δυναστείαν σου, οὕτω δὴ καὶ ἐνταῦθα γένωνται ἡμῖν διάφοροι ναοὶ ἐπὶ τῷ ἁγίῳ σου ὀνόματι καὶ σκηναὶ καὶ καταπαύσεις κατάλληλαι καὶ ἀπαράμιλλοι ἐν τῇδε τῇ μακαρίᾳ καὶ ἀφθάρτῳ καινῇ γῇ, ἐν ᾗ φῶς ἄληκτον καὶ ζωὴ ἀίδιος πέφυκεν, ὡς ἂν ἐν τούτοις παραβάλλοντες ὑμνῶμεν καὶ δοξάζωμεν καὶ ᾠδαῖς καταγεραίρωμεν τὸ πολυύμνητον καὶ πολυθαύμαστον καὶ ὑπερένδοξον ὄνομά σου σὺν τῷ ἀνάρχῳ σου Πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ σου Πνεύματι ἀδιαλείπτως εἰς τοὺς αἰῶνας (f. 333 v.). Καὶ προσσχὼν αὐτοῖς ὁ Κύριος ἐπένευσε καὶ ἐπευδόκησε (κατὰ) τῇ θελήσει καὶ ὑποδοχῇ αὐτῶν, καὶ ἐκτείνας τὴν ἄχραντον καὶ παντουρ-

γὸν αὐτοῦ δεξιὰν ἐσήμανε κατὰ ἀνατολὰς καὶ ἐσφράγισε κατὰ δυσμὰς, κατὰ ἄρκτον καὶ κατὰ μεσημβρίαν, καὶ ἐβόησεν εἰς ἐπήκοον πάντων οὕτως εἰπών· Δεῦτε καὶ ἐμφανίσθητε πάντες οἱ μετεωρισμοὶ τῶν ἁγίων ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ τὰ ἀγαθὰ καὶ ἐκλεκτὰ καὶ ἀγαπητὰ σκηνώματα τὰ ἀπ' αἰῶνος ἡτοιμασμένα αὐτοῖς. Καὶ εὐθέως ἰδοὺ πᾶσα ἡ γῆ καὶ πᾶς ὁ περὶ αὐτὴν αἰθὴρ ἀπὸ περάτων ἕως περάτων αὐτῆς ἀνῆψεν ἐν παραπετάσματι χιονώδους αὔρας λευκῆς καὶ ἐπεκράτησεν ἐφ' ἱκανὸν, εἶτα αὖθις ἀνελήφθη εἰς τὸν οὐρανὸν, ὥστε μηδὲ ἴχνος αὐτῆς φαίνεσθαι· τὸ δὲ πάγκαλον τῆς διαυγείας τῆς γῆς ἐκείνης πρόσωπον ὅλον καθωρᾶτο δεδοξασμένον καὶ δίκην ἡλίου τηλαυγεστάτου ἀκτῖνας παμφαεῖς ἐκπέμπον καὶ ἀποστίλβον ἄφατον ἡδονὴν καὶ θυμηδίαν παρέχον τοῖς ὁρῶσιν αὐ(f. 334 r.)τό. Καὶ ἰδοὺ ἐν ὅλῳ τῷ ἀθανάτῳ καὶ θείῳ κόσμῳ ἐκείνῳ οἶκοι, παλάτια, θάλαμοι, κοιτῶνες, ἱλαστήρια, εὐκτήρια, ναοὶ καὶ ἄλλοι τινὲς ναοὶ ξένοι καὶ φρικωδέστατοι, οἰκοδομαὶ καὶ κτήσεις ἐμπερίγραπτοι καθωρῶντο κατασκευασμέναι μὲν ἐξ ἀστραπημόρφου θείας νεφέλης, περιπεφραγμέναι δὲ καὶ ἀπ' ἀλλήλων διῃρημέναι ὑπὸ περιφραγῆς διαχρύσων σταυρῶν ἐξαισίως καὶ θεσπρεπῶς τετορευμένων. Καὶ ἰδοὺ ἐν αὐταῖς ταῖς αἰωνίαις μοναῖς καὶ κατοικίαις τῶν ἁγίων κλῖναι καὶ στρωμναὶ διάφοροι καὶ θρόνοι καὶ τὰ λοιπὰ χρειωδέστατα εἴδη πλούσια καὶ φρικτοκατασκεύαστα ὑπάρχοντα ἡμῖν κατεφαίνοντο. Καὶ ἰδοὺ ἐν αὐτοῖς πᾶσι τοῖς οἴκοις καὶ τόποις κῆποι νοητοὶ, ἀμπελῶνες πνευματικοὶ, περίαυλαι καὶ στολαὶ φρικταὶ, δένδρα καὶ φυτὰ ἀθάνατα καὶ ἀείζωα, ἀφθαρτόκαρπα ἄνθη καὶ καρποὶ ἐπ' αὐτοῖς ξένης φύσεως, νοῦν καὶ διάνοιαν ἐξιστῶντες καὶ τῇ τῆς μεταλήψεως τούτων τάξει τὴν καρδίαν (f. 334 v.) πληροῦντες νοητῆς εὐφροσύνης, ὥστε τὰ περὶ τούτων πάντων εἰ χερουβικόν τις στόμα πλουτήσει καὶ γλῶσσαν τῶν Σεραφὶμ, οὐδ' οὕτως ἂν ἱκανὸς ἔσται κἂν τὸ πολλοστὸν αὐτῶν ἐκδιηγήσασθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι. Διένειμεν οὖν ταῦτα πάντα κατὰ ἀναλογίαν τοῖς ἁγίοις ὁ Κύριος, καὶ ἔσχον οὗτοι τὰς τοιαύτας καταπαύσεις ἐν τῇ τῶν πραέων γῇ καὶ ἐν τοῖς ἡδυπνόοις κόλποις αὐτοῖς τοῖς ἀποκληρωθεῖσι τῷ πατριάρχῃ Ἀβραὰμ, ὡσπερεί τινὰ προάστια καὶ μεταβατήρια, ἐν οἷς ἐξερχόμενοι τῆς περιφήμου ἐκείνης καὶ ἐξαισίας πόλεως καὶ ἀλλήλους προσκαλούμενοι, ἐώρταζον πνευμα-

τικὰς ἑορτὰς καὶ ἠγαλλιῶντο τῷ πνεύματι καὶ τῇ καρδίᾳ ηὐφραίνοντο πνευματικὴν καὶ ἄληκτον εὐφροσύνην. Ἐν ταύτῃ δὲ τῇ νέᾳ καὶ ἀφθάρτῳ κτίσει οὐκ αἰὼν, οὐ χρόνος, οὐχ ἡμέρα, οὐ νὺξ ὅλως γνωρίζεται, οὐ τροπαὶ καὶ ἀλλαγαὶ καιρῶν, οὐ χρεία ὑετοῦ ἢ θέρμης ἡλιακῆς ἢ κόπου ἢ πείνης (f. 335 r.) ἢ δίψης ἤ τινος ἄλλου τῶν παρ' ἡμῖν, ἀλλ' ἀεὶ εἰρηναία καὶ ἀστασίαστος καὶ ἄλυπος ὑπάρχει ἐκεῖ διαγωγὴ καὶ ζωὴ αἰώνιος καὶ ἀθάνατος. Ἐκεῖ ἀπέδρα πᾶσα ὀδύνη καὶ λύπη καὶ στεναγμὸς, καὶ χαρὰ πολιτεύεται καὶ εἰρήνη καὶ εὐφροσύνη καὶ ἡ διηνεκὴς πνευματικὴ ἀγαλλίασις· τῶν γὰρ ἐκ νεκρῶν ἀναστάντων σωμάτων ἢ διαφθαρτισθέντων καὶ τῆς νῦν παρ' ἡμῖν οὔσης σαρκικῆς τροφῆς ἀνενδεῶν ἁπάντων γενομένων καὶ ἐκποδὼν πάσης κακίας σὺν τῷ Σατανᾷ καὶ τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ γεγεννημένης, καὶ τῆς καινῆς κτίσεως ἀφθαρσίᾳ τιμηθείσης καὶ πρὸς κατάλληλον κρᾶσιν τοῖς τοιούτοις σώμασι μεταμειφθείσης, οὐκέτι λοιπὸν χρεία ὕπνου ἐστὶν, ἢ κόπου, ἢ ἐργασίας τινὸς σωματικῆς, ἢ ψύχους, ἢ θέρμης, ἤ τινος ἄλλου τῶν παρ' ἡμῖν χρειωδῶν ἐκεῖσέ ἐστιν, ἀλλὰ φῶς ἀειλαμπὲς καὶ ἀπόλαυσις πάντων τῶν νοητῶν ἀγαθῶν, καὶ ἑορτὴ καὶ πανήγυρις ἀκατάλυτος καὶ ἀπέραντος (f. 335 v.). Καὶ οἱ ἐν ταύτῃ τῇ μακαρίᾳ γῇ καταξιωθέντες οἰκεῖν οὐ γηράσκουσιν, οὐ νοσοῦσιν, οὐκ ἔκπτωσιν ἢ παρατροπὴν τῆς οἰκείας διαγωγῆς καὶ καταστάσεως, ἧς ἔλαχον ἕκαστος αὐτῶν, ὑποδέχεται πώποτε ἢ ὑποπτεύει περιπεσεῖν, ἢ θανάτου φόβος παρῆν αὐτοῖς, οὔτε μὲν ἐχθροῦ νοητοῦ ἢ αἰσθητοῦ ἐπιβουλὴ καὶ ἐπίθεσις, ἤ τις ἄλλη λυπηρὰ ἐπίνοια ἢ σωματικῆς εὐεξίας ἢ ψυχικῆς ἀσθενείας περιφορὰ, ἀλλὰ πάντες ὡς οἱ ἐν τῷ οὐρανῷ ἄγγελοι, οὕτω καὶ οἱ ἐπὶ γῆς ἄνθρωποί εἰσι καὶ διάγουσι. Καὶ τὸ αὐτὸ ἔργον ἦν ἀμφοτέροις, λέγω δὴ ἀγγέλοις καὶ ἀνθρώποις, τόδε ἐστι, τὸ τῶν θείων ὕμνων καὶ τὴν εἰς Θεὸν ἀσίγητον δοξολογίαν ἀδιαλείπτως ἐργάζεσθαι καὶ οὐδέν τι ἄλλο οὐδαμῶς, καθὼς ὁ ὁδηγῶν με εἰς πάντα τὰ ὁραθέντα μοι ξένα καὶ ὡς ἀληθῶς φρικτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια ἄγγελός μοι διεσάφησε. Πρὸς τοῖς ἄλλοις τοίνυν θαυμασίοις ἐκεῖσε θεαθεῖσιν ἡμῖν καὶ τοῦτο ἑώρων ἐν τοῖς ἁγίοις, ὅτι ὡς ἐξήρχοντο ἀπὸ τῆς ἁγίας πόλεως ἐπὶ τὰς (f. 336 r.) ἤδη ἀπονεμηθείσας αὐτοῖς σκηνὰς, ὡς δεδήλωται, προερχόμενοι παραλαβεῖν αὐτὰς, τινὲς μὲν ἐξ αὐτῶν αἰθεροπόροι τὴν ὁδὸν διήνυον, τινὲς δὲ τούτων

ποσὶ βαδίζοντες ἐπὶ τῆς καινῆς ἐκείνης γῆς ἀπήεσαν καὶ αὐτοὶ τὴν ὁδόν.

Τούτων τοιγαροῦν οὐτωσὶ δεδειγμένων μοι ἐλέει Θεοῦ, ἰδοὺ ἐσάλπισεν ἡ μεγάλη καὶ βασιλικὴ σάλπιγξ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ διὰ τοῦ ἀρχαγγέλου τοῦ εἰς αὐτὸ τοῦτο τεταγμένου, καὶ ἐδονήθη ὑπὸ τοῦ ϑάμβους καὶ τῆς ἠχῆς αὐτῆς ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ. Καὶ ἰδοὺ ἠνεῴχϑη κατὰ ἀνατολὰς μεγάλη πύλη τοῦ οὐρανοῦ ἐκείνου, ἥτις ὑπὸ τῶν κυριοτήτων φυλάσσεται, καὶ εἴδομεν ὅτι ἐξήει ὁ Κύριος ἀπὸ τοῦ ϑαλάμου καὶ τοῦ νυμφῶνος τῆς δόξης τῆς ἁγιοσύνης αὐτοῦ, ὅλος τῇ αἴγλῃ δεδοξασμένος τῆς ϑεότητος αὐτοῦ, καὶ ἀνήει ἐν ἰσχύι ἐπὶ τὴν ἀνοιγεῖσαν πύλην τοῦ οὐρανοῦ τῶν νοερῶν πασῶν ἀσωμάτων δυνάμεων μεϑ' ὕμνων ϑεοπρεπῶν πορευομένων (f. 336 v.) καὶ ἐφεπομένων αὐτῷ. Συνανήρχοντο δὲ αὐτῷ καὶ ὅσοι τῶν ἁγίων πτέρυγας δυνατὰς εἰς τοσοῦτον ὕψος ἀρϑῆναι καὶ πετασϑῆναι ἐκέκτηντο, πρὸ πάντων δὲ αὐτῶν ἡ ἀπὸ πασῶν καὶ γενεῶν πρὸ πάντων τῶν αἰώνων ἐκλεχϑεῖσα καὶ ἀφορισϑεῖσα παρὰ τοῦ τῶν φώτων Πατρὸς μήτηρ γενέσϑαι καὶ τροφὸς τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ, ἁγία καὶ κοσμοσέβαστος Θεοτόκος, ἥτις ὡς ἀστραπὴ ὡραϊσμένη καὶ τῷ Υἱῷ αὐτῆς ἡνωμένη ἀπήρχετο ἅμα τῷ ἐν γεννητοῖς γυναικῶν μείζονι καὶ προκρίτῳ ἀγγέλων καὶ γηγενῶν, πλὴν τοῦ ἐξ αὐτῆς ἀναλάμψαντος Χριστοῦ τοῦ ἀληϑινοῦ Θεοῦ καὶ ταύτης τιμιωτέρας καὶ ἀσυγκρίτως ἐνδοξοτέρας πασῶν τῶν οὐρανίων ταγμάτων καὶ πάσης ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτίσεως κυρίας καὶ δέσποινης, καὶ φϑάσαντες τὴν τοῦ οὐρανοῦ ἠνεῳγμένην πύλην εἰσέδυσαν πάντες εἰς τὰ ἐνδότερα. Καὶ ἐμοὶ μὲν ἐν τῷ τέως οὐκ ἐδόϑη γνῶσις συνιέναι ἔνϑα δὴ καὶ ὅπου ἐπορεύϑησαν καὶ κατέληξαν, ἐν ὑστέροις δὲ (f. 337 r.) εἴρηκε καὶ διεσάφησέ μοι ὁ κατ' ἀρχὰς συνὼν μετ' ἐμοῦ καὶ καϑοδηγῶν με εἰς πάντα τὰ ὀραϑέντα μοι λέγων, ὅτι εἰς τὴν ἄνω βασιλείαν τῶν οὐρανῶν οὗτοι πάντες εἰσέδυσαν. Ἐγὼ δὲ ἔφην πρὸς αὐτόν· Κύριε, καὶ πῶς τινες μὲν τῶν ἁγίων τῷ Κυρίῳ συνανῆλϑον εἰς τὴν τῶν οὐρανῶν βασιλείαν, τινὲς δὲ ἐναπέμειναν ἐν τῇ ἐπιγείῳ ζωῇ καὶ βασιλείᾳ ταύτῃ; Ἔφη δὲ κἀκεῖνος πρός με, ὅτι ἐκεῖνοι μόνοι τῆς τοιαύτης πορείας καὶ διαγωγῆς καὶ δόξης ἠξιώϑησαν, ὅσοι δηλαδὴ ἢ διὰ μαρτυρίου τὰ σώματα αὐτῶν καὶ τὰς ψυχὰς κατέϑυσαν διὰ ταύτην τὴν οὐρανῶν

βασιλείαν καὶ μακαρίαν ζωὴν, ἢ δι' ἐγκρατείας γεννικῆς ἤτοι περιεκτικῆς ἐν γνώσει ἑαυτοὺς λεπτῦναι καὶ καθᾶραι καὶ εἰς τὸ τῆς τελειότητος μέτρον ἀγαγεῖν ἠγωνίσαντο καὶ εἰς τελεῖαν ἀπάθειαν περφθάκασι τῆς σχέσεως καὶ προσπαθείας τῶν γηϊνῶν τελείως ἑαυτοὺς ἐκσπάσαντες, καὶ ἔξω κόσμου τῷ νοὶ γεγόνασι καὶ πρὸ τοῦ φυσικοῦ θανάτου τούτῳ ἑκουσίως (f. 337 v.) προτεθνήκασιν· οὗτοι καὶ συνανῆλθον τῷ Κυρίῳ, ὡς ἑώρακας, καὶ τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας καὶ τῶν ἐν αὐτῇ αἰωνίων ἀγαθῶν κληρονόμοι ἔσονται, τῆς μακαρίας ζωαρχικῆς Τριάδος ταῖς ἀπροσίτοις ἐλλάμψεσι καὶ θεωρίαις ἀεὶ συνόντες καὶ εὐφραινόμενοι καὶ ὡς κατὰ χάριν θεοὶ γεγονότες καὶ συμμέτοχοι καὶ ἀδελφοὶ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, τῶν ἐπουρανίων καὶ τῶν ἐπιγείων ἀγαθῶν τὴν κυρίαν καὶ μετουσίαν ἔχοντες Ὅσοι δὲ ἐν ἀπολαύσει μόνον τῆς καινῆς κτίσεως ταύτης ἐναπέμειναν, εἰσὶν οἱ ἐν λαϊκῷ σχήματι καὶ νομίμῳ συζυγίᾳ εὐαρεστήσαντες Κυρίῳ τῷ Θεῷ, τήν τε κοίτην ἀμίαντον διαφυλάξαντες καὶ ἐν εὐποιίᾳ πενήτων καὶ ἐλεημοσύνῃ καὶ προσευχαῖς τὸν ἑαυτῶν βίον εὐσεβῶς καὶ δικαίως διαβιώσαντες, καὶ ὅσοι διὰ δακρύων καὶ μετανοίας εἰλικρινοῦς καὶ καθαρᾶς ἐξομολογήσεως ἑαυτοὺς ἐκάθηραν καὶ ἐν μεθέξει τῶν ἀρετῶν γενόμενοι τῶν σωμάτων ἐχωρίσθησαν, ἐλπίσαντες εἰς τὸν (f. 338 r.) Θεὸν ἀδιστάκτως καὶ εἰς τὸ μέγα πέλαγος τῶν αὐτοῦ οἰκτιρμῶν. Οἱ δὲ ἐν τῇ μεγαλοπόλει καὶ νέᾳ Σιὼν κατοικεῖν κληρωθέντες καὶ ἐν τῷ παραδείσῳ τῆς Ἐδὲμ ἀξιωθέντες εἰσὶν οἱ ἁγίως μὲν καὶ εὐσεβῶς τὸν ἑαυτῶν βίον τελέσαντες καὶ ἐν πάσαις ταῖς τοῦ Κυρίου ἐντολαῖς ἀπροσκόπως ὁδεύσαντες καὶ Θεῷ φίλοι, μὴ σπεύσαντες φθάσαι πρὸς αὐτὸν τὸ τῆς τελειότητος μέτρον, ἧς δὴ τὸ ἀκρότατον καταλαβεῖν ἠδυνήθησαν οἱ τὴν οὐρανίαν πορείαν εἰσελάσαντες· διὸ καὶ ἀπέλαβον πάντες ἀναλόγως καὶ ἐπαξίως τοὺς καρποὺς τῶν πόνων αὐτῶν ἐν ἑκατὸν, ἐν ἑξήκοντα καὶ ἐν τριάκοντα κατὰ τὸν ἐν εὐαγγελίοις λόγον τοῦ Κυρίου.

Τούτων οὕτω σαφῶς ὑπὸ τοῦ τὰ πάντα διευκρινοῦντός μοι δεδιδαγμένων καὶ διαφωτισθέντων μοι, εἶδομεν, καὶ ἰδοὺ αὖθις ὁ Κύριος μετὰ πασῶν τῶν οὐρανίων θείων δυνάμεων καὶ πάντων τῶν συναναβάντων αὐτῷ ἁγίων κατῆλθε, καὶ κατέπαυσαν, αὐτός τε καὶ οἱ σὺν αὐτῷ πάντες, εἰς τὰς ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει ἀποκληρώσεις

(f. 338 v.) καὶ θείας δόσεις αὐτοῖς καὶ μονὰς καὶ καταπαύσεις. Ἦσαν δὲ πάντες οἱ συγκατελθόντες τῷ Κυρίῳ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἅγιοι οὐχ ὡς οἱ ἐναπομείναντες κάτω, ἀλλὰ λίαν ὑπὲρ αὐτοὺς δεδοξασμένοι καὶ ἐκλελαμπρυσμένοι, ἀφωμοιωμένοι τῷ Υἱῷ τοῦ Θεοῦ ὡς ἀπὸ τῆς τελεσθείσης ἐν τῷ οὐρανῷ φρικτῆς καὶ θείας μυσταγωγίας, καθ' ὃν τρόπον καὶ κάτω ἐν τῇ νέᾳ Ἱερουσαλὴμ ὑπερδοξασθέντες ἀρρήτως καὶ θεωθέντες. Καὶ ἦν ἐν μέσῳ αὐτῶν πᾶσα ἡδονή, πᾶσα χαρά, πᾶσα εὐφροσύνη καὶ ἀγαλλίασις πνευματική, ἀϊδίως ἑορταζόντων καὶ εὐφραινομένων καὶ ἀπὸ δόξης εἰς δόξαν μεταβαινόντων, τῆς ἐπιγείου δηλαδὴ πρὸς τὴν ἐπουράνιον, καὶ τὸ δὴ μεῖζον πάντων, συνόντων ἀεὶ τῷ Κυρίῳ καὶ τῇ μυήσει καὶ ἑνὸν ἑκάστῳ καταλήψει τῆς ἁγίας καὶ ζωαρχικῆς καὶ παντουργοῦ Τριάδος θεουμένων, καὶ υἱῶν ὑψίστου καὶ θεῶν καὶ βασιλέων πάντων ἀποδεικνυμένων καὶ τελειουμένων.

Μετὰ δὲ τὸ ταῦτα πάντα τὰ φρικτὰ καὶ ἐξαίσια μυστήρια τὰ καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκοῇ ἀνθρώπων ἀνή(f. 339 r.)κουστα καὶ ὀφθαλμῷ αἰσθητῷ καὶ φθαρτῷ ἀθέατα καὶ νῷ ἀκατάληπτα εὐδοκίᾳ καὶ χάριτι Θεοῦ τοῦ τὰ πάντα ῥᾳδίως περαίνοντος διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ ὁσίου καὶ γνησίου αὐτοῦ θεράποντος καὶ ἁγίου μου πατρὸς Βασιλείου ἐθεασάμην, παρειληφώς με ὁ ὁδηγῶν με εἰς ταῦτα πάντα θεῖος καὶ ὡς ἀληθῶς ἐκεῖνος θεοειδὴς νεανίας, τῷ φοβερῷ καὶ ἀστέκτῳ θρόνῳ τοῦ Κυρίου παρέστησε, καὶ προσσχὼν τῇ διανοίᾳ εἶδον· καὶ ἰδοὺ χίλιαι χιλιάδες καὶ μύριαι μυριάδες ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων κύκλῳ αὐτοῦ παρειστήκεισαν καὶ Χερουβὶμ καὶ Σεραφὶμ ἑξαπτέρυγά τε καὶ πολυόμματα κατεκάλυπτον τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ τρισαγίῳ μελῳδήματι τὴν τρισυπόστατον ὕμνουν θεότητα. Ἔτι προσσχὼν τεθέαμαι, καὶ ἰδοὺ πλησίον τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου θρόνου τοῦ βασιλέως βασίλισσά τις παρίστατο, φρικτὴν καὶ ἐξαισίαν καὶ πάντα νοῦν ὑπερέχουσαν τὴν εὐπρέπειαν ἔχουσα, διαδήματι βασιλι(f. 339 v.)κῷ θεουργικῶς κατασκευασθέντι κεκοσμημένη καὶ στεφάνῳ ἀσυγκρίτῳ κάλλει διαλάμποντι ἐστεμμένη τὴν κορυφήν, καὶ σὺν αὐτῇ παρίστανται καὶ ἄλλαι πλεῖσται βασίλισσαι παραπλησίως κεκοσμημέναι ταύτης, καὶ νεφέλη φωτεινὴ τὸν φρικτὸν ἐκεῖνον ἐπεσκίαζεν θρόνον. Καὶ ἰδοὺ ἐδόκει πρὸς ἡμᾶς ἀτενίζων ὁ

Κύριος τῷ πανημέρῳ καὶ προσηνεῖ αὐτοῦ προσβλέμματι πρὸς ἑαυτὸν ἐκκαλεῖσθαι κατελθόντας ἀφ' οὗπερ ἥμεν ἱστάμενοι ὑψηλοτάτου καὶ οὐρανομήκους ἐκείνου σκοποῦ καὶ τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα κατασκοπεύοντας θεάματα. Καὶ ἰδοὺ εὐθέως ὡράθημεν φρικτῶς ἁρπαγέντες ἀφ' οὗπερ ἱστάμεθα τόπου, κατελθόντες, ὡς εἴρηται, τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου σκοποῦ πλησίον τῶν ἀχράντων αὐτοῦ ποδῶν κείμενοι, καὶ αὐτὸς κειμένοις ἡμῖν κατὰ πρόσωπον τῆς αὐτοῦ μεγαλωσύνης ἐν φόβῳ πολλῷ καὶ τρόμῳ τοιάδε φησὶν ἐν πραείᾳ καὶ μελιρρύτῳ θείᾳ φωνῇ· Ἰδοὺ, Γρηγόριε, πεπλή(f. 340 r.)ρωκά σου τὴν ἐπιθυμίαν, ἰδοὺ πάντα ἐσκιογράφησά σοι τὰ μέλλοντα καὶ ὑπέδειξά σοι κατὰ μιᾶς πίστεως καὶ θρησκείας καὶ αἱρέσεως τὰς ἀμοιβὰς καὶ τὰ ἔπαθλα καὶ τὰς ἀντιδόσεις, λέγω δὴ τὰς τῶν εἰς ἐμὲ καθαρῶς πιστευόντων καὶ τὰς ἐντολάς μου ἀπαρατρώτους φυλασσόντων καταπαύσεις καὶ κατασκηνώσεις, καὶ τῶν ἐμὲ μισούντων καὶ ἀρνουμένων αἰωνίους κολάσεις καὶ ἀτελευτήτους τιμωρίας, ταῖς τοῦ ἐμοῦ θεράποντος Βασιλείου εὐπροσδέκτοις ὑπὲρ σοῦ δυσωπηθεῖσι προσευχαῖς· καὶ δέδειχά σοι πονηροῖς λογισμοῖς βαλλομένῳ περὶ τῶν ἐπαράτων Ἰουδαίων πληφορηθῆναι, ὅτι κενὴ καὶ μάτην αὐτῶν ἐστιν ἡ εἰς τὸν νόμον λατρεία, ὁ γὰρ μὴ τιμῶν τὸν Υἱὸν οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα, κἂν τὸ αἷμα αὐτοῦ χύσῃ ὑπὲρ τοῦ Πατρός, ὁ δὲ ἀγαπῶν τὸν Υἱὸν δηλονότι ἀγαπᾷ καὶ τὸν Πατέρα, καὶ υἱὸς τοῦ Πατρὸς καὶ αὐτὸς κατὰ μέθεξιν γίνεται. Εἶδες γὰρ αὐτὸς οἰκείοις ὀφθαλμοῖς καὶ ἐθεάσω ἃς αὐ(f. 340 v.)τοὶ ἑαυτοῖς ἡτοίμασαν σκηνώσεις καὶ καταπαύσεις, εἰς ἃς μέλλουσι δικαίως κληρονομεῖσθαι ἐμὲ μὴ δεξάμενοι· καὶ περὶ τούτων μὲν ἀρκούντως οἶδα πληροφορηθῆναί σε οἷς ἤκουσας καὶ ἐμυήθης καὶ οἷς πρὸς αὐτοὺς Μωϋσῆς ὁ ἐκλεκτός μου λελάληκεν. Εἰ δὲ καὶ ἔτι θέλεις ἀκοῦσαι παρ' ἐμοῦ τι περὶ τούτων, ἐρῶ σοι· ὡς εἴ τις εἰς ἐμὲ οὐ πιστεύσει καὶ τῷ ἁγίῳ μου εὐαγγελίῳ οὐκ ἐπακολουθήσει καὶ τὰς ἐντολάς μου οὐ φυλάξει, οὐ ζήσεται εἰς τὸν αἰῶνα καὶ βδελυκτὸς ἔσται παρὰ τῷ Πατρί μου, καὶ μάλιστα ᾧ δοκεῖ ὑπείκειν καὶ λατρεύειν καὶ παρ' ἐμοί, καὶ υἱὸς γεέννης εὑρεθήσεται κἂν πᾶσαν ἄλλην ὑπὲρ ἄνθρωπον πολιτείαν ἐνδείξηται καὶ ὑπερφυεῖς κόπους ἐκτελέσῃ· πάντες γὰρ οἱ μὴ διὰ τῆς θύρας τοῦ εὐαγγελίου μου τοῦ θείου καὶ σεπτοῦ εἰσερχόμενοι κλέπται εἰσὶ καὶ λησταὶ, καθὼς αὐτοὺς εὐαγγελισάμην, ἐγὼ

γὰρ καὶ ὁ Πατὴρ ἓν ἐσμεν, καὶ ὁ ἐμὲ μισῶν κἀκεῖνον μισεῖ. Πρὸ γὰρ τῆς ἐνσάρκου ἐπὶ γῆς παρουσίας μου καλὴ καὶ δε(f. 341 r.)κτὴ ἦν ἡ νομικὴ αὐτῶν λατρεία κἀμοὶ καὶ τῷ Πατρί μου, ὅτε δὲ εὐδόκησεν ὁ Πατὴρ συνεργίᾳ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐν τῷ κόσμῳ με παραγενέσθαι καὶ σάρκα λαβεῖν καὶ τέλειον ἄνθρωπον ἀναφανῆναι, πλὴν τῆς ἁμαρτίας, μὴ ἐκστάντα ὅλως τῆς πατρῴας δόξης μου, ἀλλὰ τέλειον μείναντα Θεὸν καὶ τέλειον ὑπάρχοντα ἄνθρωπον ἐν δυσὶ τελείαις φύσεσι, θελήσεσί τε καὶ ἐνεργείαις γνωριζόμενον, τότε ἐνσκηνώσας ἀρρήτως ἐν τῇ τῆς παναμώμου καὶ ἀειπαρθένου μητρός μου γαστρὶ καὶ σάρκα ἐξ αὐτῆς δανεισάμενος καὶ ἀνθρωποπρεπῶς ἐξ αὐτῆς γεννηθεὶς καὶ θαύματα μυρία καὶ ἔργα ἐν αὐτοῖς ποιήσας, ἃ οὐδεὶς ἄλλος πεποίηκε, καὶ ὑποδείξας αὐτοῖς τὴν εἰς τὴν οὐρανίαν βασιλείαν ἀπάγουσαν ὁδὸν καὶ πάντα τὰ τοῦ νόμου, ὡς νόμου ποιητὴς καὶ δεσπότης, ποιήσας καὶ τελέσας καὶ καινὴν θυσίαν καὶ λατρείαν τοῖς εἰς ἐμὲ πιστεύουσι παραδοὺς, κατέπαυσα πάντα τὰ νόμιμα, διὸ καὶ πᾶσα ἡ νομικὴ αὐ(f. 341 v.)τῶν λατρεία καὶ θυσία βδελυκτή ἐστι κἀμοὶ καὶ τῷ Πατρί μου· ὑφ' ᾧ καὶ σταυρωθεὶς καὶ εἰς ᾅδου κατελθὼν ταμεῖα διὰ τὸ τὸν ἐκεῖσε κατεχόμενον τῇ παραβάσει πρωτόπλαστον ἄνθρωπον καὶ τοὺς ἐξ αὐτοῦ πάντας κεκρατημένους τῇ φθορᾷ ἐξάξαι καὶ ἐλευθερῶσαι ἐκ τῶν τοῦ ᾅδου καὶ θανάτου δεσμῶν, μεθ' ὧν τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐξαναστὰς καὶ τοὺς ἐμοῦ μαθητὰς καὶ ἀποστολους ἐξαποστείλας εἰς πάντα τὰ ἔθνη κηρύξαι τὴν ἐπὶ γῆς ἔνσαρκον παρουσίαν μου καὶ τοὺς εἰς ἐμὲ πιστεύοντας βαπτίζειν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος. Ἔκτοτε καὶ μέχρι τοῦ νῦν οὐ διέλιπον οἱ θεοστυγεῖς οὗτοι καὶ μεμισημένοι υἱοὶ τῆς ἀπωλείας, ὕβρεσι καὶ μώμοις καὶ βλασφημίαις βάλλοντες καὶ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου, κἂν δοκῶσι τὰ νόμιμα φυλάττειν καὶ τὸν Πατέρα τιμᾶν· ἐπεὶ ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἓν ἐσμεν καὶ ὁ ἑωρακὼς ἐμὲ ἑώρακε τὸν Πατέρα· καὶ ὅτι τὰ ἀλλόφυλα ἔθνη, τὰ μηδέποτε μηδαμῶς περὶ ἐμοῦ λόγον ἀκούσαν(f. 342 r.)τα, πεπιστεύκασιν εἰς ἐμὲ καὶ υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς βασιλείας γεγόνασιν, οὗτοι δὲ τὸν νόμον καὶ τοὺς προφήτας ἔχοντες καὶ ὑπ' αὐτῶν ἀεὶ διδασκόμενοι τὰ περὶ ἐμοῦ οὐ συνῆκαν οὐδὲ πεπίστευκαν, διὰ τοῦτο ἐν αἷς ἑώρακας κολάσεσιν ἐμβληθήσονται, ἵνα σὺν τῷ πατρὶ αὐτῶν τῷ Σατανᾷ αἰωνίαν ἔξουσι

τὴν τιμωρίαν. Σὺ δὲ σύνες περὶ πάντων, ὧν ἑώρακας, καὶ ἀνάγγειλον ταῦτα πάντα ταῖς ἐκκλησίαις μου ἃ τοῖς ὀφθαλμοῖς σου ἑώρακας καὶ ἤκουσας παρ' ἐμοῦ, καὶ εὖ σοι γενήσεται· εὐφρανεῖς γὰρ καὶ οἰκοδομήσεις πάντας τοὺς πιστῶς ταῦτα ἀκούοντας καὶ πρὸς σωτηρίαν καθοδηγήσεις· διὰ γὰρ τοῦτο εὐδόκησα ὑποδεχθῆναί σοι ταῦτα πάντα, ἵνα καὶ σὺ ἐκ τούτων μεγάλως ὠφεληθεὶς καὶ ἄλλους ὠφελήσεις, καὶ ἐμπορεύσει δι' αὐτῶν πολυπλασιάσεις τὸ ἐμπιστευθέν σοι τοῦτο τάλαντον· πολλοὶ γάρ, ὡς εἴρηται, ταῦτα ἀκούσαντες, γνώμης εὐθύτητι καὶ καρδίας ἁπλότητι λίαν ὠφεληθήσονται.

Ἐγὼ δὲ κείμενος πρὸ τῶν ἀχράν(f. 342 v.)των ποδῶν αὐτοῦ ἔφην πρὸς αὐτὸν φόβῳ καὶ τρόμῳ βαλλόμενος αἴφνης ὡς ὑπό τινος θειοτέρας δυνάμεως τοῦ ῥυπαροῦ καὶ βεβήλου μου στόματος ἀνοιγέντος· Καὶ πῶς ἄρα ἔσται μοι δυνατόν, ὦ δέσποτα παντοκράτορ, ταῦτα πάντα τὰ φρικτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια τῆς σῆς βασιλείας τὰ καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ἀκατάληπτα καὶ ἀνέκφραστα νοὶ μὴ καθαρῷ καταλήψεσθαι καὶ χείλεσι μυσαροῖς καὶ βεβήλοις ἀναγγελεῖν καὶ ἐκδιηγήσεσθαι, κἂν στόμα χερουβικὸν καὶ νοῦν τῶν Σεραφὶμ δώῃς μοι; Ἔλεγον δὲ ταῦτα φρίκῃ πολλῇ καὶ ἀγωνίᾳ, ὡς εἴρηται, συνεχόμενος, καὶ μικροῦ δεῖν τεθνήξεσθαι ἔμελλον, εἰ μὴ προδήλως ἡ ἐκείνου με θεία δύναμις ἐνίσχυσέ τε καὶ ἀνεζώωσε καὶ τῷ ῥυπώδει νοΐ μου λόγον ἐπεχάρισατο εἰς τὸ λέξαι πρὸς αὐτὸν τοιαῦτα· εἰ γὰρ μὴ οὕτως, πῶς ἂν ἐτόλμησα τοιοῦτον τι προπετῶς φθέγξασθαι; Ὁ δὲ Κύριος αὖθις εἴρηκε πρός με· Οἶδα κἀγὼ τοῦτο, ἀλλὰ τὸ παρὰ σοὶ ἀδύνατον, παρ' ἐμοὶ βου(f. 343 r.)λομένῳ λίαν ἐστὶ ῥᾷον καὶ δυνατόν, ὅθεν καὶ σκηνώσει σοι ἡ χάρις μου καὶ δώσει σοι δύναμιν καὶ γνῶσιν εἰς τὸ καταλαβεῖν ταῦτα πάντα, ἅπερ τεθέασαι καὶ ἅπερ παρ' ἐμοῦ ἀκήκοας, καὶ ἐκδιηγήσασθαι αὐτὰ ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ παντὶ τῷ λαῷ μου· καὶ μακάριός ἐστιν ὃς πιστῶς καὶ ἀπεριέργως ὑποδέξεται ταῦτα καὶ σπουδάσει ἔτι ὢν ἐν τῷ βραχεῖ καὶ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ ἐκφυγεῖν μὲν τὰ τοῖς ἁμαρτωλοῖς ἀποκείμενα ὧδε χαλεπὰ καὶ αἰώνια κολαστήρια, κληρονομῆσαι δὲ τὰ τοῖς δικαίοις ἀθάνατα καὶ ἀείζωα ἀγαθά. Οὐαὶ δὲ τῷ πονηρευομένῳ ἐν αὐτοῖς καὶ ἀπιστοῦντι ταῦτα, ὅτι κλῆρος ἢ μερὶς ἐν τοῖς σωζομένοις οὐκ ἔστιν αὐτῷ· ὅσοι γὰρ υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν πεφύκασιν, ὧν καὶ τὰ ὀνόματα ἐν βίβλῳ

ζωῆς ἐνεγράφησαν, ἐκεῖνοι καὶ δέξονται ταῦτα μεθ' ἡδονῆς καὶ κατανύξεως καὶ οὐδαμῶς διστάσουσι, ἀλλ' εἰσακούσονταί (f. 343 v.) σου καὶ εὐμενῶς καὶ προσηνῶς εὐφραινόμενοι περὶ τούτων ἐξηγουμένου αὐτοῖς, καὶ ἀσπασίως καὶ φιλοπόνως ταῦτα γεγραφότες καὶ τοῖς ἄλλοις μεταδώσουσι καὶ συνήσουσι πάντες καὶ ὠφεληθήσονται ἐξ αὐτῶν καὶ σπουδάσουσι τῇ ἐλλάμψει αὐτῶν πορευθῆναι καὶ καταντῆσαι εἰς ἃ κατεῖδες αἰώνια ἀγαθά· διότι ἐγὼ ἐν αὐτοῖς εἰμὶ καὶ αὐτοὶ ἐν ἐμοί· οἱ δὲ ἀπηλλοτριωμένοι τῆς ζωῆς ἀπὸ μήτρας καὶ πεπλανημένοι τῆς εὐθείας τῶν προσταγμάτων μου ὁδοῦ, τυφλοί, κωφοὶ καὶ σκληροκάρδιοι, υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς ἀπωλείας, ὧν ἐν ταῖς καρδίαις κατοικεῖ σπέρμα φθορᾶς τοῦ ἀνθρωποκτόνου Σατᾶν, συνδεδεμένοι καὶ συμπεριφερόμενοι ταῖς ἁμαρτίαις καὶ σαρκικαῖς ἡδοναῖς καὶ ματαίαις ἀπάταις τοῦ κόσμου ὁλοσχερῶς κεκρατημένοι, οὗτοι μόνοι ταῦτα ἀκούσαντες ὡς λῆρον ἡγήσονται καὶ ἐγγελάσονται καὶ καταμωκήσονται πονηρευόμενοι, καὶ ἐροῦσι· Τίς ἐστιν οὗτος ὁ εἰκαιομύθης καὶ (f. 344 r.) σπερμολόγος, ὁ τῶν τοιούτων καὶ τηλικούτων πραγμάτων ἀποκρύφων τε καὶ ἀῤῥήτων μνήσεων τὴν ξένην τε καὶ ἀπόῤῥητον καὶ πάντα νοῦν ὑπερέχουσαν δήλωσιν καὶ ἀποκάλυψιν δεξάμενος, περὶ ὧν οὐδεὶς ἡμῖν τῶν ἀπ' αἰῶνος ἁγίων καὶ θεολήπτων προφητῶν οὐτωσί, ὡς οὗτος, πώποτε διετράνωσε καὶ δεδήλωκε; μὴ κρείττων οὗτος ἐστὶ Μωϋσέως τοῦ θεόπτου, ἢ Ἠλίου τε καὶ Δανιὴλ καὶ Ἡσαίου τῶν ἐξοχωτάτων προφήτων, ἢ τῶν ἐν τῇ Νέᾳ διαθήκῃ διαλαμψάντων προκρίτων μαθητῶν τοῦ Κυρίου, Πέτρου καὶ Παύλου καὶ τῶν λοιπῶν, λέγω τῶν θεοφόρων πατρῶν καὶ οἰκουμενικῶν διδασκάλων; Εἰ οὖν οὐδεὶς ἐκείνων τοιοῦτόν τι ἡμᾶς ἐδίδαξε καὶ ἐκδήλωσε ἢ ἀπεκάλυψεν ἡμῖν, τίς ἄρα οὗτός ἐστιν ὁ ὑπὲρ ἐκείνων τὴν τῶν τοιούτων ἀποκρύφων μυστηρίων δήλωσιν μυηθεὶς καὶ τοιαῦτα ἡμᾶς ἐκδιδάσκων, ἃ μέχρι τοῦ νῦν εἰς ἀκοὴν ὠτίου οὐδεὶς τῶν βροτῶν ἀκήκοεν; Ὅθεν καὶ πολυπραγμονήσουσι τὰ ῥήματα τῶν λέξεών σου καὶ διασύρουσι καὶ ὡς ὕθλους καὶ μύ(f. 344 v.)θους γραῶν ἡγήσονται· ἀλλὰ σὺ διὰ ταῦτα πρὸς τὴν ἐξήγησιν μὴ ὀκλάσῃς τῶν δηλωθέντων σοι καὶ λεχθέντων παρ' ἐμοῦ, ἀλλ' ἀκριβῶς ἃ τεθέακας καὶ ἀκήκοας διήγησαι ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ εἰπὲ πᾶσι τοῖς προεστῶσι τούτων, λέγω δὴ τοῖς πρώτου βαθμοῦ οὖσι καὶ τοῦ μέσου καὶ τοῦ τελευταίου καὶ ἄχρι τῶν ἐσχάτων

τοῦ κλήρου ὅτι τάδε λέγει Κύριος· Ἰδοὺ ἐγὼ παραγίνομαι καὶ ὁ μισθός μου ἅμα ἐμοί, καὶ αἱ ἡμέραι ἐγγὺς τῆς ἐμῆς πρὸς ἡμᾶς δευτέρας ἐλεύσεως, καὶ μακάριοί ἐστε ἐὰν ἑτοίμους καὶ γρηγοροῦντας εὑρήσω ὑμᾶς. Ἰδοὺ ἐγὼ ἐντέλλομαι ὑμῖν· προσέχετε ἑαυτοῖς καὶ τῇ ποίμνῃ ὑμῶν, ὅπως ταύτην καλῶς ποιμαίνοντες καὶ διιθύνοντες ἐπὶ νομῆς τῶν προσταγμάτων μου εἰς τὴν μάνδραν τῆς νέας Σιὼν ταύτην ἀποθησαυρίσετε καὶ ἕξετε μισθὸν ἐν οὐρανοῖς τῶν πόνων ὑμῶν· μακάριοι γάρ ἐστε καὶ τρισμακάριοι, εἰ ψυχὰς ὁδηγεῖτε πρὸς σωτηρίαν, οὐαὶ δὲ ὑμῖν, ἐὰν μὴ καλῶς ποιμανεῖτε τὰς ἐκκλησίας καὶ τὰ ποίμνιά μου ἃς ὑμῖν ἐμπεπίστευκα καὶ δι' ἃ τὸ αἱμά μου τὸ ἅγιον ἐξέχεα (f. 345 r.). Ἰδοὺ ἔτι ἅπαξ μαρτύρομαι καὶ προλέγω ὑμῖν κηδόμενος ὑμῶν ἵνα μὴ ἀμελήσητε καὶ οὐ σπεύσητε εἰς οἰκοδομὴν καὶ σωτηρίαν τοῦ ποιμνίου καὶ τοῦ λαοῦ μου εἰς αὔξησιν καὶ προκοπὴν τῶν ἐκκλησιῶν μου, ἀλλ' εἰς ἑτέρας αἰσχροκερδεῖς καὶ ματαίας ἀσχολήσεις ἑαυτοὺς ἐκδόσετε, πλατύνοντες τὰ φυλακτήρια καὶ μεγαλύνοντες τὰ κράσπεδα τῶν ἱματίων ὑμῶν καὶ τὸ χρυσίον καὶ τὸ ἀργύριον θησαυρίζοντες· τὸ αἷμα τοῦ λαοῦ μου τοῦ ἐξ ἀμελείας ὑμετέρας ἀπολλυμένου ἐκ τῶν χειρῶν ὑμῶν ἐκζητήσω καὶ ἀπὸ τῶν ψυχῶν ὑμῶν τὰς ψυχὰς αὐτῶν ἀπαιτήσω ὅτε ἐλεύσομαι κρῖναι πᾶσαν τὴν γῆν· οὐ γὰρ ἕνεκεν αἰσχροκερδείας ὑμῖν τὰς ἐκκλησίας μου ἐμπεπίστευκα καὶ πάντα τὸν λαόν μου, ἵνα συνάξητε ἄχυρα καὶ κονιορτὸν εἰς ἀποθήκας, ἀλλ' ἵνα σπεύδητε καὶ ἰατρεύητε καὶ περιποιῆσθε τὰ ψυχικῶς νοσοῦντά μου πρόβατα.

Εἰπὲ δὲ ταῦτα καὶ τοῖς τῶν ἀσκητηρίων μου προεστῶσι καὶ μοναστηρίων καὶ διαμάρτυ(f. 345 v.)ραι αὐτοῖς· Ἰδοὺ ἐγὼ, λέγει Κύριος, καὶ οὐ θέλω τὸν θάνατον τῶν ἁμαρτωλῶν, διὰ τοῦτο προλέγω πᾶσιν ὑμῖν, ὡς ἂν ἀνέγκλητοι εὑρεθῆτε ἐν τῇ ἤδη ἐγγιζούσῃ παρουσίᾳ μου, καὶ εἰσάξω πάντας ὑμᾶς εἰς τὴν βασιλείαν μου εἰ καλῶς ποιμανεῖτε ἕκαστος ἃς παρ' ἐμοῦ ἐνεπιστεύθητε ψυχάς. Ἰδοὺ γὰρ ἡ βασιλεία μου ἑτοίμη, ἰδοὺ τὰ ἀγαθά μου ἀπηρτισμένα, ἰδοὺ ἀνεῳγμένος ὁ νυμφών μου καὶ ἕτοιμος ὁ γάμος, αἱ παστάδες εὐπρεπεῖς, τὰ σιτιστά μου πάντα καὶ τὰ ἄριστα πεπλήθυνται σφόδρα δεόμενα πολλῶν τῶν μελλόντων αὐτῶν ἀπολαύειν· ὁ τοῦ νυμφῶνός μου χῶρος πλατὺς καὶ ὑπερμεγέθης δεόμενος δαιτυμόνων πολλῶν· ἡ πόλις

μου μεγάλη καὶ εὐρύχωρος ἱκανὴ χωρῆσαι πάντας ὑμᾶς· τὰ ἀγαθά μου μέτρον οὐκ ἔχει, αἱ στρατιαὶ τῶν ἀγγέλων καὶ πασῶν τῶν οὐρανίων δυνάμεων ἵστανται ᾄδουσαι καὶ τὴν πάντων ἀνάπαυσιν καὶ κλῆσιν ἀναμένουσαι· ὁ παράδεισος ἀνεῳγμένος ἕστηκεν ὑμᾶς ἐκδεχόμενος. Δεῦτε πάντες οἱ κοπι(f. 346 r.)ῶντες, κἀγὼ ἀπαπαύσω ὑμᾶς· μηδεὶς ἀπολειφθῇ, μηδεὶς βραδύνῃ, ὀξυποδήσατε, δράμετε, σπεύσατε, μήπως κλεισθῇ ὑμῖν ἡ θύρα τοῦ νυμφῶνος διὰ τὴν ἀμέλειαν καὶ νωθρότητα ὑμῶν, μικρὸν γὰρ ὅσον ὅπου ἐπιλήψεσθε τῶν πόνων καὶ ἱδρώτων καὶ ἀρετῶν ὑμῶν τοὺς καρπούς· μηδεὶς οὖν ῥαθυμήσας καὶ ἀπονυστάσας ἔξω μείνῃ· ὁρᾶτε καὶ συνίετε· ἰδοὺ προσκαλοῦμαι πάντας, μὴ ἀποκλείσω ὑμᾶς ἔξω τῆς θύρας τῆς βασιλείας μου διὰ τὴν σκνιφίαν καὶ ἀσπλαγχνίαν καὶ φιληδονίαν ὑμῶν· προσέχετε τοιγαροῦν ἑαυτοὺς, προσέχετε καὶ τὰς ἐμπιστευθείσας ὑμῖν ψυχάς, ἵνα μὴ ἀποθησαυρίσητε ἑαυτοὺς ὕλην τῷ αἰωνίῳ πυρί. Ἰδοὺ γὰρ ἐγὼ κρινῶ τοὺς ἱερεῖς τοὺς μικροὺς μετὰ τῶν μεγάλων καὶ ἐκδικήσω καὶ ἀνταποδώσω αὐτοῖς, ἀνθ' ὧν οὐ διδάσκει ἕκαστος τὰς ἐμπιστευθείσας αὐτῷ ψυχὰς δι' ἔργων εὐαρέστων καὶ λόγων ψυχωφελῶν καὶ δογμάτων ὀρθῶν. Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ὁ ἐπὶ (f. 346 v.) Ποντίου Πιλάτου σταυρωθεὶς καὶ τῷ ἰδίῳ αἵματι ἐξαγοράσας πάντας ὑμᾶς, αὐτὸς λέγω ὑμῖν ταῦτα, ὥστε διδάσκειν ὑμᾶς διά τε τοῦ ἀμέμπτου βίου ὑμῶν καὶ τοῦ ὀρθοῦ λόγου πάντα τὸν ἐφ' ὑμᾶς λαόν μου τὴν ὁδὸν τῆς σωτηρίας, καὶ ῥύεσθαι αὐτοὺς ἀπὸ τοῦ φάρυγγος τοῦ νοητοῦ λύκου· καὶ ἐὰν οὕτω ποιῆτε, μακάριοί ἐστε, εἰ δὲ μὴ, πάλιν λέγω ὑμῖν, ὅτι τὰς ἐξ ὑμετέρας αἰτίας ὀλλυμένας ψυχὰς ἀπὸ τῶν ψυχῶν ὑμῶν ἐκζητήσω.

Καὶ ταῦτα μὲν ἐρεῖς πάντα τοῖς τῶν ἐκκλησιῶν μου προεστῶσι, καθὼς προείρηκά σοι, τοῦ τε ἱερατικοῦ τάγματος καὶ τοῦ μοναδικοῦ καὶ πᾶσι τοῖς ἡγεμόσι καὶ ἄρχουσι καὶ πάσῃ τῇ ἐκλογάδι τοῦ κληροῦ καὶ τοῦ λαοῦ μου, τοῖς δὲ ἁμαρτίαις παντοίαις συνεχομένοις καὶ πτῶμα κειμένοις χαλεπὸν τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ καὶ πᾶσι τοῖς ἀπεγνωσμένοις ἀπὸ ἀθεμιτοπραξίας τοῦ πολλοῦ βάρους καὶ βορβόρου τῶν ἡδονῶν αὐτῶν καὶ μὴ δυναμένοις (f. 347 r.) ἀνανεῦσαι καὶ αἰτήσασθαι περὶ ἀφέσεως ἁμαρτιῶν τοῦ λαβεῖν πρὸ τελευτῆς αὐτῶν ἄφεσιν τούτων, σὺν αὐτοῖς δὲ καὶ παντὶ τῷ λαῷ ταῦτα ἐρεῖς·

Τάδε λέγει Κύριος· Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος ὁ Θεὸς οὐ βούλομαι τὸν θάνατον τοῦ ἁμαρτωλοῦ ὡς τὸ ἐπιστρέψαι καὶ ζῆν αὐτόν· ἐξεγέρθητε οὖν, ἐξεγέρθητε, ἁμαρτωλοὶ καὶ ταπεινοί, καὶ ἐνωτίσασθε τὰ ῥήματά μου, μὴ ἀπογινώσκητε τῆς σφῶν σωτηρίας φοβούμενοι εἰς τὰ πλήθη τῶν ἁμαρτιῶν ὑμῶν ἀποβλέποντες, ὅτι ἐγὼ ἀγαθός εἰμι· δεῦτε ἐξανάστητε διὰ τῆς καλῆς ὑμῶν μετανοίας καὶ ἐξομολογήσασθε, κλαύσατε μετανοοῦντες ἐφ' οἷς ἐσφάλητε, μεταδότε τοῖς δεομένοις ἀπὸ τῶν παρ' ἐμοῦ δοθέντων ὑμῖν, ἄφετε τοῖς εἰς ὑμᾶς πλημμελήσασι, παύσατε τοῦ λοιποῦ ἀπὸ τῶν πονηριῶν ὑμῶν, σχολάσατε τῇ προσευχῇ καὶ τῇ δεήσει, καὶ ἐὰν οὕτω ποιοῦντες τὸν βίον ὑμῶν ὑπεξέλθητε, κἀγὼ Κύριος ὁ Θεὸς ἀσμένως καὶ περιχαρῶς πάντας εἰσδέξομαι καὶ ἐλεή(f. 347 v.)σω ὑμᾶς, καὶ οὐ μόνον ἀφήσω ὑμῖν πάντα τὰ παραπτώματα ὑμῶν καὶ τὰ ἀνομήματα, ἀλλὰ καὶ στολὴν ἀφθαρσίας καὶ δικαιοσύνης ἐνδύσω ὑμᾶς καὶ εἰσάξω πάντας εἰς τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου, ἐν τῇ τάξει τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ τῶν ἀπορρήτων ἀγαθῶν μου ἐμπλήσω ὑμᾶς, μόνον ἀνάστητε τῶν παθῶν ὑμῶν καὶ εἰσέλθετε εἰς μετάνοιαν· ἐξομολογήσασθε ἀλλήλοις τὰ ἐκ νεότητος ὑμῶν ἁμαρτήματα, μὴ διὰ πρόσκαιρον ἡδονῆς χαλεπῆς ἁμαρτίαν ἐκπεσεῖτε τῶν αἰωνίων μου ἀγαθῶν, μὴ ἁρπάσῃ ὑμᾶς ἀμετανόητους ὁ θάνατος καὶ συναποθάνητε καὶ συντελεσθῆτε ταῖς ἁμαρτίαις ὑμῶν· ἡ γὰρ εἰς ἐμὲ πίστις ὑμῶν χωρὶς τῶν ἔργων αὐτῆς οὐδὲν ὠφελήσει ὑμᾶς ἐν τῇ κρίσει μου, ἐπεὶ δίκαιός εἰμι καὶ δικαιοσύνας ἀγαπῶ, καὶ ἡ φιλανθρωπία μου καὶ τὸ ἔλεός μου ἐπὶ τοὺς ἁμαρτωλοὺς ἐκκέχυται, καὶ τὰ σπλάγχνα μου ἀνεῳγμένα εἰσὶν ἐπ' αὐτοὺς καὶ μάλιστα πολλῷ πλέον ἐπὶ τοῖς ὀρθοδόξως πιστεύουσιν εἰς ἐμὲ, δι' οὓς καὶ ἐνηνθρώπησα (f. 348 r.), δι' οὓς καὶ ἐσταυρώθην, δι' οὓς καὶ ἀνήκεστα πάθη ὑπὸ τῶν ἀπειθῶν Ἰουδαίων μακροθύμως ὑπέμεινα. Πλὴν ἐν τῷ παρόντι βίῳ ταῦτα ἐνδείκνυμι, ἕως οὗ ἡ ψυχὴ δηλονότι ἐν τῷ ἰδίῳ συνέζευκται σώματι, μεθ' οὗ καὶ συνέπραξε τὰ ἐν τῷ βίῳ βεβιωμένα ἐν αὐτῇ, μεθ' οὗ καὶ μέλλει παραστήσεσθαι ἐν τῇ κρίσει μου· πρὶν οὖν ὁ δεσμὸς τοῦ σώματος λυθῇ, ἵλεως ἔσομαι πᾶσι τοῖς μετανοοῦσι καὶ ἐξομολογησαμένοις καὶ ἀφήσασι τὰ πλημμελήματα τοῖς εἰς αὐτοὺς ἡμαρτηκόσιν, ἐπεὶ μετὰ τὸ λυθῆναι τὸν δεσμὸν τοῦ σώματος οὐκ ἔτι μετάνοια ἐνεργεῖ τὸν ἁμαρ-

τωλὸν, οὐ δάκρυον, οὐ κατάνυξις, οὐ παράκλησις, οὐ πένθος, οὐ θρῆνος, οὐκ οἰμωγαὶ ὅλως δύνανται ὠφελῆσαι αὐτούς. Διὰ τοῦτο τοιγαροῦν, ὡς ἔφην, ἐπικάμπτομαι ἐπ᾽ αὐτοὺς καὶ μακροθυμῶ ἐκδεχόμενος καὶ περιμένω ὧδε, πρὸ τοῦ παρεῖναι αὐτοὺς τὴν τοῦ βίου διάστασιν, τὴν αὐτῶν ἐπιστροφὴν καὶ μετάνοιαν, διότι ἐν τῇ κρίσει ἀπότομος καὶ ἀπαράκλη(f. 348 v.)τος αὐτῶν κριτὴς εὑρεθήσομαι καὶ τῶν τηνικαῦτα δακρύων καὶ ὀλολυγμῶν αὐτῶν οὐδαμῶς ἐπιστραφήσομαι. Διὰ τοῦτο καὶ πάλιν ἐρῶ παρακαλῶν ὑμᾶς· Δεῦτε πρός με διὰ τῆς καλῆς μετανοίας, καὶ μὴ φοβεῖσθε, οὐδένα γὰρ ἀποστραφήσομαι· ἀπολαύσατε τῶν αἰωνίων μου ἀγαθῶν, κατασκηνώσατε ἐν τῇ τῶν πραέων γῇ καὶ πάντων τῶν ἐν αὐτῇ ἀπορρήτων ἀγαθῶν κατατρυφήσατε. Ἰδοὺ, ταῦτα προείρηκα ὑμῖν, ἐπιστρέψαι θέλων ὑμᾶς ἀπὸ τῶν πονηρῶν ὑμῶν ἔργων καὶ σωτηρίους τρόπους μεταλαβεῖν· τοῦ λοιποῦ γὰρ οὐκ ἐγὼ, ἀλλ᾽ ὑμεῖς αὐτοὶ ἑαυτῶν ἔσεσθε κριταὶ, ἐπεὶ οὐδὲν τῶν ἁρμοζόντων καὶ συντηρούντων εἰς ψυχικὴν ὠφέλειαν καὶ σωτηρίαν ἀπέκρυψα ἀφ᾽ ὑμῶν· ὅπου θέλετε καὶ βούλεσθε, πορεύεσθε, εἴτε εἰς ἀθάνατον ζωὴν καὶ βασιλείαν ἀδιάδοχον τὰς ἐντολάς μου φυλάξαντες, εἴτε κατὰ τὰ θελήματα πορευθέντες τῆς σαρκὸς ὑμῶν τὰ προστάγματά μου ἀθετήσαντες εἰς αἰώνιον κόλασιν καὶ εἰς γέενναν πυ(f. 349 r.)ρὸς ἀσβέστου ἀτελεύτητον καὶ ἀπέραντον.

Ἐρεῖς δὲ καὶ ταῦτα ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ παντὶ τῷ λαῷ· Τάδε λέγει Κύριος· Καλὴ ἡ πίστις ὑμῶν σφόδρα, ἣν ἐκτήσασθε πρός με καὶ πρὸς τὴν ἄχραντόν μου Μητέρα καὶ πάντας τοὺς ἁγίους μου, καλαὶ αἱ θυσίαι καὶ προσφοραὶ, πλὴν πονηρὰ τὰ ἔργα ὑμῶν, διὰ τοῦτο κἀκεῖνα βδελυκτὰ καὶ ἄδεκτα ἐνώπιον ἐμοῦ καὶ τοῦ Πατρός μου εἰσί. Γενεὰ πονηρὰ καὶ μοιχαλὶς καὶ πόρνη, πᾶσαν τὴν σπουδὴν εἰς τὰ πονηρὰ ἀναλίσκουσα καὶ πᾶσαν τὴν ἑβδομάδα τοῦ βίου φροντίζουσα καὶ πρὸς τὰς ἡδονὰς τῆς σαρκὸς καὶ ταῖς ματαίαις φροντίσιν ἀπασχολούμενη· καὶ οὐδὲ κἂν τὴν ἀφωρισμένην ὑμῖν μίαν ἡμέραν τῆς ἀναστάσεώς μου, ἐν ᾗ τὸν θάνατον καὶ ᾅδην καθελὼν ἐξανέστην τριήμερος, συναναστήσας τὴν φθορᾷ κειμένην καὶ πεπτωκυῖαν φύσιν ὑμῶν, ἐν ᾗ μέλλω κατελθεῖν ἐκ τῶν ὑψωμάτων τῆς δόξης μου κρῖναι πάντας ὑμᾶς καὶ ἀποδοῦναι ἑκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ (f. 349 v.), ταῖς ἐκκλησίαις προσέχετε, ἀλλ᾽ εἴποτε πρὸς αὐτὰς

παραγένησθε, τοῖς μὲν ποσὶν ἅπιτε πρὸς αὐτὰς, τῇ δὲ ψυχῇ ὀπισθοποδεῖτε, μὴ προθυμούμενοι ὅλως πρὸς αὐτὰς παραγενέσθαι, ἀλλ' ἄλλος ἀλλαχοῦ μεριζόμενοι βιωτικαῖς φροντίσεσίν ἐστε τῇ διανοίᾳ· εἰ δ' ἴσως καὶ φθάσητε ἐν αὐταῖς, ταῖς ἐννοίαις τοῦ βίου ἀπασχολούμενοι πρὸς ἀλλήλους ταῖς ὁμιλίαις συμβάλλοντες, οὐδόλως ταῖς γραφαῖς μου προσέχετε, ἀλλὰ τῷ μὲν σώματι ἐν ταῖς ἐκκλησίαις τυγχάνετε ὄντες, τῷ δὲ νοὶ πρὸς τὰ βιωτικὰ καὶ μάταια ἀπασχολούμενοι ἐκδημεῖτε, καὶ τότε μόλις ποτὲ ἄχρι τῆς ἀναγνώσεως τοῦ εὐαγγελίου μου παρόντες εὐθέως, ὥσπερ τινὸς δυνάμεως ἐξωθούσης ὑμᾶς, σπουδαίως ἐξέρχεσθε καὶ ἀναχωρεῖτε τῆς ἐκκλησίας, ἕτερος τὸν ἕτερον ἀλλήλους συνωθοῦντες καὶ καταπατοῦντες ὥσπερ διωκόμενοι ἐξελθεῖν ἐκεῖθεν. Μαρτύρομαι οὖν ὑμῖν ἐνώπιον τοῦ Πατρός μου καὶ τοῦ παναγίου μου Πνεύματος, ὅτι οὐδεὶς (f. 350 r.) μισθὸς τοῖς τοιούτοις ἀπόκειται· εἰ μὴ μέχρι τέλους τῆς ἀκολουθείας καὶ λοιπῆς λειτουργίας τῶν ἐκεῖ τελουμένων προσμείνῃ τις, μισθὸν ἀπηρτισμένον οὐ λήψεται. Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος ὢν εἰς τοὺς αἰῶνας σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι ταῦτα εἴρηκα καὶ ποιήσω. Ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ παρελεύσεται, οἱ δὲ λόγοι μου οὐ μὴ παρέλθωσιν. Ἀμὴν λέγω ὑμῖν.

Παυσαμένου δὲ τοῦ Κυρίου ταῦτα πρός με διαλεγομένου, ἐξιστάμην ὅλως τῷ πνεύματι· ἐδόκουν γὰρ ὡς ἀληθῶς μὴ ὀπτασίαν εἶναι τὸ θεωρούμενον, ἀλλ' ἐπ' ἀληθείας τὴν συντέλειαν τοῦ κόσμου γενέσθαι καὶ τὴν δευτέραν παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ παραγεγονέναι. Ἤνεσαν οὖν αὐτὴν πᾶσαι αἱ ἁγίαι τῶν οὐρανίων ταγμάτων τάξεις καὶ ὁ τῶν ἁγίων χορὸς, καὶ ἡμεῖς ἀναστάντες τοῦ ἐδάφους, οὗ ἦμεν κείμενοι ἔμπροσθεν τῆς ἁγίας καὶ ἀχράντου δόξης αὐτοῦ, αὐτὸν μὲν εἰσελήλυθότα εἴδομεν ἔνδον (f. 350 v.) τῆς φρικωδεστάτης ἐκείνης καὶ ἁγίας τῷ ὄντι μεγαλοπόλεως σὺν πάσῃ τῇ ὑπ' αὐτὸν δορυφορίᾳ καὶ δόξῃ, τὰς δέ γε πύλας πάσης τῆς πόλεως ἀνεῳγμένας κατεῖδομεν καὶ ἀναπετασμένας, ὅθεν καὶ τῆς προφητικῆς φωνῆς ἐμνήσθην Ἡσαίου οὕτω λεγούσης· Οὐ κλεισθήσονται αἱ πύλαι σου, Ἱερουσαλὴμ, ἡμέρας καὶ νυκτὸς, καὶ ἀλλογενεῖς οὐκέτι διελεύσονται διὰ σοῦ. Ἐπεθύμουν δὲ καὶ αὐτὸς εἰσελθεῖν ἐντὸς αὐτῆς πρὸς τὸ ἀνιστορῆσαι καὶ κατατρυφῆσαι τοῦ κάλλους αὐτῆς, καὶ ἱκέτευον περὶ τούτου τὸν ὁδηγοῦντά με θεῖον νεανίαν, ἀλλ' οὐ συνεχώρει μοι

τοῦτο, ὡς ἀδύνατον ὂν τοῖς ἔτι φθορᾷ καὶ σαρκικοῖς πάθεσι κεκρατημένοις ἐντὸς τῶν ἱερῶν ἐκείνων ἀδύτων παραγίνεσθαι. Ἐγὼ δε τοίνυν καὶ ταῦτα κατ' ἐμαυτὸν διελογιζόμην, ὡς ἔφην, ὁπηνίκα ὁ Κύριος πρός με τοὺς ἑαυτοῦ λόγους ἐποιεῖτο, ὅτι νῦν, ὡς ὁρῶ τοῦ ματαίου κόσμου ἐκείνου ἐναλλαγῆς γινομένης καὶ ἐκ φθορᾶς εἰς ἀφθαρσίαν πάντων μετενηνεγμένων, ποίαις ἐκκλησίαις καὶ τίσι προεστῶσιν αὐτῶν ἐν(f. 351 r.)τέλλεταί μοι ὁ Κύριος ταῦτα διαμαρτύρασθαι καὶ εἰπεῖν; καὶ γὰρ ὡς ὕπαρ καὶ οὐκ ὄναρ ταῦτα ᾤμην κατιδέσθαι καὶ οὐκ ὀπτασίαν, ἀλλὰ τῷ ὄντι καθαρὰν ἀλήθειαν εἶναι ὑπελάμβανον.